

I Всероссийская конференция с международным участием,
посвященная памяти профессора
Михаила Дмитриевича Шарыгина

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

Пермь,
7-11 ноября
2023 год

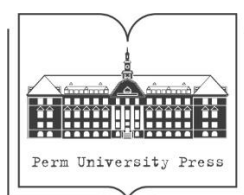
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА**

**THE SPATIAL ORGANIZATION OF SOCIETY:
THEORY, METHODOLOGY, PRACTICE**

*Сборник материалов
I Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием,
посвященной памяти профессора Михаила Дмитриевича Шарыгина
(7–11 ноября 2023 г.)*

Пермь 2023

УДК 911.3
ББК 28.6
П828

Пространственная организация общества: теория, методология, практика [Электронный ресурс] : сборник материалов I Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (7–11 нояб. 2023 г., ПГНИУ) / под ред. Е. В. Коньшева ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2023. – 10,1 Мб ; 437 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/aprostranstvennaya-organizaciya-obshchestva-teoriya-metodologiya-praktika.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4074-4

Сборник содержит материалы I Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти д.г.н., профессора Михаила Дмитриевича Шарыгина. В рамках работы конференции были затронуты различные теоретические и прикладные аспекты общественной географии, наиболее ярко представленные в трудах профессора М.Д. Шарыгина. Прежде всего, это касается концепций территориальных общественных систем, территориальной организации общества, территориальных структур хозяйства и населения, формирования фундаментальных основ общественной географии. Издание предназначено для научных работников, молодых учёных, работников и преподавателей вузов, широкого круга научных и практических работников.

УДК 911.3
ББК 28.6

*Издаётся по решению кафедры социально-экономической географии
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Редакционная коллегия:

канд. геогр. наук, доц. **Т.А. Балина**, канд. геогр. наук, доц. **М.Б. Иванова**,
канд. геогр. наук, зав.каф. **Е.В. Коньшев**, старший преподаватель **А.С. Лучников**,
старший преподаватель **К.С. Осоргин**, канд. геогр. наук, доц. **С.А. Меркушев**,
канд. геогр. наук, доц. **В.А. Столбов**, канд. геогр. наук, доц. **Т.В. Субботина**,
канд. геогр. наук, доц. **Л.Ю. Чекменёва**, канд. геогр. наук, доц. **Л. Б. Чупина**,
инженер кафедры **С.Ю. Турханова**

Рецензенты: зав. кафедрой географии и туризма Воронежского государственного педагогического университета, канд. геогр. наук, доцент **О. А. Крутских**;
доцент высшей экологической школы Югорского государственного университета, канд. геогр. наук, доцент **А. А. Сафарян**

ISBN 978-5-7944-4074-4

© ПГНИУ, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Секция 1. Теоретико-методологические вопросы познания пространственной организации общества	8
<i>Дружинин А.Г.</i> УЗЛОВЫЕ «СТРУКТУРЫ КОНТИНУАЛЬНОСТИ» В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ПОДХОДЫ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ	8
<i>Коньшев Е.В.</i> АНАЛИЗ ТЕКСТОВЫХ ДАННЫХ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ (ОБЗОР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ)	13
<i>Ткаченко А.А., Смирнова А.А., Смирнов И.П.</i> ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ?	18
<i>Остапенко Г.И.</i> ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: В ПОИСКЕ ЭМЕРДЖЕНТНЫХ СВОЙСТВ ПРОСТРАНСТВА	24
<i>Широкова Е.М., Рогозина Р.Е.</i> ТРАНСПОРТНАЯ ДОСТУПНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ АГЛОМЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ОРЛОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)	28
<i>Поспишенко М.А., Балина Т.А.</i> ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ	33
<i>Рыбкина И.Д., Орлова Е.С.</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРИРОДНЫЕ И АНТРОПОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ	38
<i>Сидоров В.П.</i> ЕЩЁ РАЗ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ ТРАНСПОРТА	42
<i>Соколов Н.Д.</i> СВОЙСТВА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТУРИСТСКОГО ЦЕНТРА ..	46
<i>Столбов В.А.</i> ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТНОЙ И КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	50
<i>Субботина Т.В.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	55
<i>Рябов В.А.</i> К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» НАСЕЛЕНИЯ	60
Секция 2. Социально-экономический район в системе территориальной организации общества.....	64
<i>Агакишиева Г.Р.</i> ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	64
<i>Багаманов Т.Р.</i> ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	68
<i>Волков С.А., Иванова М.Б.</i> ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ МИКРОРАЙОН	73
<i>Гусейнова Б.А.</i> СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ С РАССЕЛЕНИЕМ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ШАКИНСКО-ЗАКАТАЛИНСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНЕ	77
<i>Корниенко О.С.</i> ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ЭКСПОРТА ПРИМОРСКИХ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	83

<i>Митрошин И.В.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ СРЕДНЕЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И УРОВНЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ С ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	87
<i>Мошков А.В., Радийчук А.А.</i> ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНЫХ ПРИНЦИПОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В ПРИБРЕЖНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ.....	92
<i>Соколов С.Н., Кузнецова Э.А.</i> ГЕОГРАФИЯ ЗЕЛЁНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ АЗИАТСКОЙ РОССИИ	97
<i>Стяжкина В.А.</i> ОПОРНЫЙ КАРКАС ЧЕЛЯБИНСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ – ФОРМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ	101
Секция 3. Региональное и муниципальное управление и территориальное планирование	107
<i>Артунов Н.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ШАКИНСКОГО РАЙОНА, АЗЕРБАЙДЖАН)	107
<i>Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЛАГОПОЛУЧИИ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ 1870–1917 гг.	112
<i>Сбродова Н.В., Белоусова Е.В.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ	116
<i>Харыбина А.С., Юмашева А.К., Воротынцев К.Д.</i> УПРАВЛЕНИЕ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИМИ РИСКАМИ ТЕРРИТОРИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА НА ОСТРОВЕ САХАЛИН.....	121
<i>Андреева Т.А., Дворников Ю.В., Полякова С.Д.</i> О ПРИМЕНЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРИ АНАЛИЗЕ КОМФОРТА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	126
<i>Ижгузина Н.Р.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕФИНИЦИИ «УМНЫЙ ГОРОД»: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ПОДХОД	131
<i>Кашин А.А.</i> ОЦЕНКА РОЛИ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ	136
<i>Латышева А.И., Косенко О.К., Разумов А.И.</i> РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СОЗДАНИИ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОДУКТА	141
<i>Кулаковский Е.С.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ	150
<i>Трофимова Н.В., Мамлеева Э.Р.</i> РОЛЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА	155
<i>Оборин Г.Р.</i> КРУПНЫЙ БИЗНЕС В ЖИЗНИ МУНИЦИПАЛИТЕТА: КЕЙС ГУБАХИНСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА	160
<i>Пономарёва З.В.</i> СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МИКРОРАЙОНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	165
<i>Преображенский Ю.В.</i> ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В УРОВНЕ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА	170

<i>Ушаков Е.А.</i> ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ – КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИМОРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ	176
Секция 4. Трансформация функциональной структуры регионов	180
<i>Залыза Н.Ю., Лучников А.С.</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЁРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ РОССИИ: К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ГРАНИЦ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ БАЗ.....	180
<i>Затолокин А.С., Петров Ю.В.</i> ЭКОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (БЕЗ АВТОНОМНЫХ ОКРУГОВ)	188
<i>Иванова Н.В.</i> АСИММЕТРИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ	192
<i>Карабатов В.А., Меркушев С.А.</i> ДЕЛИМИТАЦИЯ БОЛЬШИХ ЦЕНТРОВ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ-МИЛЛИОНЕРОВ: ЗНАЧЕНИЕ, ПОДХОДЫ, ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НА ПРИМЕРЕ ПЕРМИ	199
<i>Левченко А.В.</i> К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ РАЙОНОВ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ	205
<i>Козин С.В., Жидяева Т.П.</i> АНАЛИЗ ПРОИСХОДЯЩИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ) .	211
<i>Мельников М.А.</i> ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ, РОЛЬ В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ.....	216
<i>Пермяков М.А.</i> ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С 1970 ПО 2020 Г.....	225
<i>Ситников П.Ю.</i> РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА КАК ФАКТОР КОМФОРТНОСТИ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ИЖЕВСКА	230
<i>Шевцов А.А.</i> АНАЛИЗ РАСПОЛОЖЕНИЯ БАНКОВ С ПРИВИЛЕГИРОВАННЫМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ-МИЛЛИОНЕРОВ РОССИИ)	235
<i>Позднякова Т.М.</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	242
<i>Хуснутдинова С.Р., Касимов Д.И.</i> ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 2010 и 2020 гг.	247
<i>Иванова Ю.П.</i> СОТРУДНИЧЕСТВО В ГАЗОВОЙ СФЕРЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И КИТАЯ	252
Секция 5. Региональная организация жизнедеятельности людей	257
<i>Агафошин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В.</i> ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ КАК РЕГИОН ТРАНЗИТНОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ	257
<i>Балина Т.А., Осоргин К.С., Смирнова А.С., Чекменева Л.Ю.</i> МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)	261
<i>Баранова И.С., Липухин Д.Н.</i> СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	266

<i>Богданова Л.П., Шуккина А.С.</i> ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ	271
<i>Бурнасов А.С., Джунусова С.С., Степанов А.А., Степанов А.В.</i> ПОЛОЖЕНИЕ ГОРНЫХ РАБОЧИХ В КАЗАХСТАНЕ	277
<i>Гонтарь Н.В.</i> КРУПНЕЙШИЕ ГОРОДА ЮГА РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОЗИЦИИ И МОДЕЛИ ДИНАМИКИ	283
<i>Гусаков Т.Ю.</i> РЕАБИЛИТАЦИЯ ТОПОНИМОВ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КРЫМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	287
<i>Захаров И.А.</i> ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА В АФРИКЕ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ	293
<i>Зырянова И.С.</i> ФАКТОРЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА	298
<i>Кабаева Т.В.</i> СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ	301
<i>Казаков Б.А., Лучников А.С.</i> К ВОПРОСУ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ СТРОИТЕЛЬСТВА ВСЕСЕЗОННОГО МОРСКОГО ПОРТА НА ПОБЕРЕЖЬЕ БАРЕНЦЕВА МОРЯ ДЛЯ НУЖД ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТОГО УРАЛА	305
<i>Кайбичев И.А.</i> У КРИТЕРИЙ МАННА-УИТНИ ПРИ КЛАСТЕРИЗАЦИИ РЕГИОНОВ ПО КОЛИЧЕСТВУ ПОЖАРОВ	311
<i>Кучкильдина П.Э.</i> ШАДРИНСК В СИСТЕМЕ ГОРОДОВ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	316
<i>Кудрявцев А.Ф.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ОБЪЕКТОВ ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ОКРУГЕ ИЖЕВСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА (СЕРЕДИНА XIX ВЕКА)	320
<i>Лекомцев А.Л.</i> ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ УДМУРТИИ.....	325
<i>Ли Т., Панков С.В.</i> ДИНАМИКА И СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ПРОВИНЦИИ СЫЧУАНЬ КНР	329
<i>Литвиненко Т.В., Кумо К.</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ДИНАМИКЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА И ИХ СВЯЗЬ С ЭТНИЧЕСКИМ ФАКТОРОМ	335
<i>Лядова А.А.</i> УРАЛЬСКАЯ ГОРНОЗАВОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ПЕРМСКОГО АВТОМОБИЛЬНОГО МУЗЕЯ «РЕТРО-ГАРАЖ».....	339
<i>Мельников Е.Р., Балина Т.А.</i> РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИУМА	344
<i>Николаева А.А., Казаков Н.А., Доронина К.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕКАНИЯ ПРОЦЕССА СМЕРТНОСТИ В ГОРОДСКИХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОКРУГАХ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	348
<i>Паутова А.А.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СТРУКТУРЫ ТОКИО	353

<i>Скрицкая М.К., Петров Ю.В.</i> СИСТЕМА ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ	357
<i>Супрунчук И.П.</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	361
<i>Фаронова Ю.В.</i> РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКИХ, БАШКИР, ТАТАР В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН НА УРОВНЕ ГОРОДСКОЙ МЕСТНОСТИ (ПО ИТОГАМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 2010 И 2020 ГГ.)	370
<i>Фёдоров Г.М.</i> КАК БАЛТИЙСКИМ РЕГИОНАМ РФ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ИЗБЕЖАТЬ СУДЬБЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СОСЕДЕЙ ПО БАЛТИЙСКОМУ РЕГИОНУ?	374
<i>Федотов М.А.</i> ОПОРНЫЙ КАРКАС ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА РОССИИ	379
<i>Чекменёва Л.Ю., Музалёва Т.Д.</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ	384
<i>Чучкалов А.С.</i> ПРИГОРОДНАЯ СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ: БЛИЖЕ К ГОРОДУ ИЛИ К СЕЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ? (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)	389
<i>Чернышев К.А.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗОН ВЛИЯНИЯ УРАЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (ПО ДАННЫМ ПРОФИЛЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ «ВКОНТАКТЕ») .	395
<i>Гудковских М.В., Кривошееков Н.С.</i> ПРОСТРАНСТВЕННО-ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	401
Секция 6. Методические вопросы и инновационные технологии в географических исследованиях и образовании.....	406
<i>Амельченко В.И.</i> ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ	406
<i>Ефремова В.А.</i> ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЖИМАЮЩИХСЯ ГОРОДОВ: НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	409
<i>Мальцев И.М., Копытов С.В.</i> КОМПЛЕКСНОЕ ТЕМАТИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ВЕРЕЩАГИНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА ПЕРМСКОГО КРАЯ: ПОДХОДЫ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ	414
<i>Нижникова А.К.</i> КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ АТТРАКТИВНОСТИ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ.....	420
<i>Обухов П.А.</i> О ЦИФРОВОМ РАБОЧЕМ МЕСТЕ СТУДЕНТА-ГЕОГРАФА	426
<i>Ташикина Н.И.</i> КОГНИТИВНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: ВЗГЛЯД ЖИТЕЛЕЙ	430
<i>Турханова С.Ю.</i> ПОТЕНЦИАЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕШЕНИИ ПРИКЛАДНЫХ ЗАДАЧ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ.....	433

Секция 1. Теоретико-методологические вопросы познания пространственной организации общества

УДК 910.01

УЗЛОВЫЕ «СТРУКТУРЫ КОНТИНУАЛЬНОСТИ» В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ПОДХОДЫ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

А.Г. Дружинин

*Южный федеральный университет, Институт географии РАН
Ростов-на-Дону, Москва, Россия
e-mail: alexdru9@mail.ru*

Дихотомия «континуальность – дискретность» выступает одним из основополагающих свойств пространственной организации общества. Её эвристическая и прикладная значимость особым образом возрастает на трансформационных этапах, в условиях кардинальной смены глобального политико-экономического миропорядка и изменений на страновом и региональном уровнях. В статье предложен сфокусированный анализ специфических структур пространства, напрямую обеспечивающих его целостность, сопряжённость его обособленных компонент: узловых «структур континуальности». В ряду последних (территориальные иерархии, сетевые структуры различных типов, порубежные территории с характеристиками полизависимости) особым образом идентифицированы и концептуализированы «большие многомерные (взаимонаслаивающиеся) пространства» (в современных российских условиях объединяющие «расширительные» представления о Юге России, Сибири, Урале; в общеевразийском контексте – о «Большой Евразии», «Тюркском мире» и др.).

Ключевые слова: пространственная организация; общественная география; узловые структуры; методология науки, Россия

Постановка проблемы. Детерминанты и особенности пространственной организации общества (в рамках культивируемой, перманентно видоизменяющейся географической картины мира) принято идентифицировать множественностью соответствующих разноплановых дихотомий: «центр – периферия», «урбанизированные территории – сельская местность», «море – суша», «горы – равнины» и др. В их пролонгированном ряду приоритетное, ключевое место занимают представления о таких имманентных географическому пространству фундаментальных, системообразующих, ранее уже осмысленных [2;3] и, во-многом, предопределяющих его архитектуру характеристиках как «континуальность – дискретность» (дополняемых «дифференцированностью – интегрированностью», а также «целостностью – фрагментированностью»).

Методы и источники данных. Характерная для современного периода, всё в возрастающей мере проявляющаяся в глобальных процессах с начала 2010-х гг. очередная эпоха турбулентности вновь (как и в период разрушения СССР [15]) актуализирует общественно-географическую проблематику, инициируя повы-

шенное внимание к факторам, проявлениям и следствиям фрагментации и регионализации социально-экономического пространства. Одновременно в исследованиях существенно возрастает ценность самостоятельного фокуса на структурах и процессах, знаменующих собой интеграционные векторы в пространственной динамике на глобальном, метарегиональном и страновом уровнях, т. е. на системных обстоятельствах, предопределяющих фактическую континуальность (интегрированность, целостность) географии человеческого бытия.

Результаты. *Континуальность пространственной организации общества предстаёт итогом проецирования на неё не только фундаментальных физико-географических (геоэкологических) факторов, но и непосредственной результирующей собственного (эндогенного) полиаспектного структурирования.* Континуальность, в частности, предопределяется:

— полимасштабностью пространственных таксонов и их иерархией (ещё в 1941 году Н. Н. Баранский подчёркивал, что с какой бы территорией мы не имели дело, «её можно и должно рассматривать двояко: 1) как часть некоторого более обширного целого и 2) как целое, состоящее из частей» [4, с. 19]);

— феноменами соседства, близости и, в особой мере, – общественно-географических границ (рубежей), причём не только их контактными, интеграционными, регионоформирующим потенциалом, но и практической «многомерностью» (это свойство ранее подмечал Ю. Г. Саушкин [13]), «размытостью», способностью обретать контур специфической полосы, ареала [11], в том числе выступающего в качестве лимитрофа с выраженными свойствами многовекторного, полизависимого [8] развития (в этой связи симптоматичен и справедлив также предложенный В. А. Дергачёвым акцент на «маргинальных зонах комплиментарности» [5]);

— любого рода форматами общественно-географического центрo-периферийного структурирования с плавным изменением градиента базового (при идентификации того или иного территориального таксона) признака (характерный пример – вычленение в рамках конкретной геоэтнокультурной системы [6] не только её «ядерных», но и вынесенных на периферию компонент);

— практической концентрированно-рассредоточенной локализацией власти, её институтов, инфраструктуры, ресурсов (в рамках процесса метрополизации [7]), продуцирующей взаимопересекающиеся «силовые поля» и сферы доминирования;

— сетевыми пространственными структурами различных конфигураций и типов.

Узловым форматом и значимым фактором генерирования свойств общественно-географической континуальности выступают и формирующиеся в

процессе интеграционно-дезинтеграционной динамики мега- и макроструктуры, которые (с учётом их свойств) уместно обозначить как «большие пространства». Последние являют собой результирующую реконфигурации (и реконцептуализации) интегральных компонент пространственной организации общества под влиянием геополитических, геоэкономических и технико-технологических изменений. Эти подчас неявные, не всегда чётко идентифицируемые образования, чьё выявление началось с введённого в оборот немецким философом и геополитиком К. Шмиттом понятия «Grossraum» [16] (его аналогом отчасти можно считать присутствующее в научном лексиконе отечественного экономико-географа Э. Б. Алаева словосочетание «большая система» [1]), как правило, структурно усложнены (в том числе внутренне фрагментированы и, подчас, полицентричны). В отличие от фактического политико-географического членения территории, равно как и традиционных схем экономического районирования, их делимитация (реализуемая главным образом в рамках геополитических и культурно-географических подходов) высвечивает явление *взаимного пространственного напластования* (когда одно «большое пространство» частично перекрывает контур другого и наоборот). В современной географии, кстати, есть опыт осмысления схожих эффектов (применительно к слоям географической оболочки [3]), но пока не сложилось понимание, что феномен «взаимного наложения» может иметь место и, собственно, исключительно в социосфере, в её пространственной структуре, в сопряжённости равномасштабных территориальных социально-экономических систем.

Знаменуя собой фактическую сложность пространственной организации общества (и географического миропонимания), «большие пространства» проявляют себя как итог: опережающего роста ведущих урбанистических центров; наращивания возможностей межрегиональных и межстрановых коммуникаций; перекройки сфер геополитического и геокультурного влияния; формирования крупных интеграционных образований; дезинтеграции «больших стран» (в понимании таковых по А. И. Трейвишу [14]); обретения новых резонов и смыслов в обособлении тех или иных историко-культурных, природно-хозяйственных и этнолингвистических макрорегионов и др. В общеевразийском масштабе примером подобного рода пространств выступают, в частности, «Большая Европа», «Большая Евразия», «Большой Ближний Восток», «Турецкий мир», «Большой Кавказ». Все они существенны для России («присутствуя» внутри её географического контура), в свою очередь структурируемой и интегрируемой собственными (эндогенными) «большими пространствами».

Современная Россия представляет собой единство многомерных, неравновесных, в последние годы расширяющих свои пространственные границы и, в

этой связи, всё более взаимопересекающихся «больших пространств». Декларируемый с начала 2010-х гг. «поворот на восток» вновь выводит на авансцену доминировавшее столетие назад [12], предельно расширительное понимание «Сибири», ассоциирующийся, в итоге, со всей Азиатской частью страны [9]. Геополитически обусловленная «миграция» части политико-географических рубежей на юго-западе страны, а также сформировавшаяся в последние 10-15 лет экспортоориентированная растениеводческая специализация чернозёмной зоны Европейской части страны (дополняемая расширяющимся транзитным потенциалом трассы М4 «Дон») инициирует концептуализацию «Большого Юга России» (ЮФО + СКФО + степные территории ЦЧР + новые российские территории) [10]. Под влиянием резко возросшей в постсоветский период «москвоцентричности» признаки «большого пространства» обретает вся обширнейшая (и многослойная) сфера непосредственного влияния столичного региона. Реиндустриализация и наращивание товаропотоков по оси «запад-восток» способно, полагаем, придать дополнительный импульс концептуализации «Большого Урала». Реализация «арктического вектора» развития России (центрированная на инфраструктуре СМП) обуславливает необходимость понимания в качестве самостоятельного «большого пространства» (крупнейшей аква-территориальной системы) и всего Российского Севера (от Санкт-Петербурга до Петропавловска-Камчатского).

Выводы. Континуальность, выступая одним из фундаментальных свойств пространства, в своём общественно-географическом аспекте обеспечивается не только факторами таксономической иерархии, соседства, трансграничными потоками товаров, людей и информации, локализацией сетевых структур, но и фактически имеющим место «взаимонаслоением» тех или иных конкретных территориальных социально-экономических систем, обретающих в этой связи качественные свойства «больших». Подобную особенность пространственной организации общества важно не только видеть, исследовать и концептуализировать (в том числе в формате «больших» российских макрорегионов), но и учитывать в схемах районирования, при разработке подходов в области федерального регулирования пространственного развития, а также общественно-географического обоснования реализуемой Российской Федерацией международной политики.

Библиографический список

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль 1983. 350 с.
2. Арманд Д. Л., Преображенский В. С., Арманд А. Д. Природные комплексы и современные методы их изучения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1969. № 5. С. 5–16.
3. Бакланов П. Я. Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Известия РАН. Серия географическая. 2013, № 5. С. 7–18.
4. Баранский Н. Н. О методике лекций по районному курсу экономической географии СССР // Известия Всесоюзного географического общества. 1941. № 1. С. 16–22.

5. Дергачёв В. А. Маргинальные зоны комплиментарности // Известия Русского географического общества. 1995. № 3. С. 28–35.
6. Дружинин А. Г. Теоретико-методологические основы географических исследований культуры. Автореферат дис. ... доктора географических наук / Санкт-Петербург, 1995. 51 с.
7. Дружинин А. Г. Метрополизация как доминантная тенденция территориальной организации общества в постсоветский период: универсальные проявления и южно-российская специфика // Географический вестник. 2009. № 3 (11). С. 54–61.
8. Дружинин А. Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.
9. Дружинин А. Г. Евразийские детерминанты «поворота» России к Мировому океану: вызовы и возможности для Сибири // Преодоление "континентального проклятья": будущее Сибири / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. Вопросы географии. Сб. 154. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2022. С. 200–221
10. Дружинин А. Г. Актуальные проблемы систематизации и унификации географической терминологии в исследованиях южно-российского регионогенеза // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1. С.5–15.
11. Колосов В. А. География государственных границ: идеи, достижения, практика // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С.8–20.
12. Колосовский Н. Н. Хозяйственные проблемы Сибири // Плановое хозяйство. 1925. № 5. С. 236–246.
13. Саушкин Ю. Г. Объективные законы диалектического взаимодействия различных форм движения материи, времени, земного пространства // Известия Всесоюзного географического общества. 1980. № 6. С. 530–536.
14. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
15. Шарыгин М. Д., Столбов В. А. Географическое мышление: новые грани проявления // Известия Всесоюзного географического общества. 1991. № 3. С. 239–246.
16. Шмитт К. Номос Земли. М.: Владимир Даль, 2008. 672 с.

NODAL "STRUCTURES OF CONTINUITY" IN THE SPATIAL ORGANIZATION OF SOCIETY: APPROACHES TO IDENTIFICATION AND CONCEPTUALIZATION

A.G. Druzhinin

*Southern Federal University, Institute of Geography of the RAS
Rostov-on-Don, Moscow, Russia
e-mail: alexdru9@mail.ru*

The "integrity – fragmentation" dichotomy is one of the fundamental properties of the spatial organization of society. Its heuristic and applied significance increases in a special way at transformational stages, in the conditions of a cardinal change in the global political and economic world order and corresponding changes at the country and regional levels. The article offers a focused analysis of the structures of space that directly ensure its continuity, integrity, conjugacy of separate components: nodal "integrity structures". Among the latter (territorial hierarchies, network structures of various types, borderlands with characteristics of poly-dependence), Large multidimensional (mutually overlapping) spaces" are identified and conceptualized in a special way (in modern Russian conditions, uniting "expansive" ideas about the South of Russia, Siberia, the Urals, Central Russia; in the pan-Eurasian context – about "Greater Eurasia", "The Turkic world", etc.).

Keywords: spatial organization; Human geography; nodal structures; methodology of science; Russia

АНАЛИЗ ТЕКСТОВЫХ ДАННЫХ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ (ОБЗОР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ)

Е. В. Коньшев

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия, e-mail: konj@bk.ru*

В статье анализируются современные подходы и методы изучения текстовых данных. Раскрываются особенности применения метода анализа текстовых данных в гуманитарных, социальных, экономических науках. Раскрываются перспективы его применения в общественной географии. Значительный потенциал текстовой аналитики проявляется в изучении миграционных процессов и туристско-рекреационного пространства.

Ключевые слова: общественная география, цифровые следы, информационное пространство

Постановка проблемы. Современное общество генерирует значительные объемы информации, которые сохраняются в виде цифровых следов на различных носителях. Количество времени, которое люди стали проводить в сети Интернет увеличивается, а виртуальная жизнь неуклонно замещает реальную. Люди широко используют возможности интернет-пространства для общения в социальных сетях, где они могут выражать свое мнение, обмениваться информацией, давать и получать рекомендации.

Основными носителями текстовых данных выступают социальные сети, Интернет вещей (IoT), медицинские данные, собственные данные компаний, поисковые запросы, файлы cookies, агрегаторы отзывов. Обработать значительные объемы текстовых данных до недавнего времени было крайне сложной задачей. В настоящее время применение методов текстового анализа и машинного обучения в гуманитарных и социологических науках является общемировым трендом. Для анализа текстовых данных используются методы Data Mining, краудсорсинг, машинное обучение и нейронные сети, обработка естественного языка, анализ социальных сетей (Social Network Analysis), распознавание образов, статистический анализ, моделирование и предиктивная аналитика, визуализация аналитических данных [1].

Среди научных направлений, в которых востребованы инструменты анализа больших данных, особое место занимает общественная география как наука, изучающая территориальную организацию общества, её законы и закономерности [18]. В этой связи актуальной задачей является адаптация сложившихся за рубежом подходов и разработка собственных оригинальных методик, опирающихся на теории и парадигмы отечественной географической школы.

Результаты. В смежных с общественной географией отраслях науки анализ текстовых данных широко применяется для изучения медиа, обработки клиентских отзывов, мониторинга новостных статей, исследований рынка труда, прогнозирования поведения абитуриентов, проектирования образовательных программ, индивидуализации рекомендаций товаров и услуг, моделирования когнитивных и поведенческих особенностей пользователей.

В экономических науках с помощью анализа текстовых данных можно предсказывать котировки акций на основании мониторинга новостного потока [17], оценивать ценности отдельных благ (гостиничные услуги, виртуальные товары) [3], отслеживать недавно появившиеся технологии и тренды применения уже существующих, получать сведения о ключевых свойствах и компонентах технологий, визуализировать ландшафт исследований и разработок [7], изучать рынки сбыта и совершенствовать стратегии продвижения своей продукции на внутреннем региональном и межрегиональном рынках [2].

В социальных науках методы анализа текстовых данных позволяют оценить реакцию общества на процессы, происходящие в стране и мире [11; 16]. Кроме того, предпринимаются попытки изучения поведения населения в цифровом пространстве, анализе социальной и политической активности жителей [13]. Научные интересы социологов охватывают и сферу образования. Особое внимание уделяется изучению поведения студентов в социальных сетях [9], а также деятельности преподавателей (например, оптимизация деятельности научных коллективов, посредством построения терминологических профилей специалистов и выявления группы сотрудников, проводящих исследования в одной предметной области) [5]. Оригинальным является исследование по изучению культурного кода жителей России и оценке его изменения в условиях глобализации [8].

В настоящее время в социальной сети Вконтакте более 600 млн. пользователей, что превышает фактическую численность населения России примерно в 4 раза. Феномен цифрового населения остро нуждается в изучении, определении структур, взаимосвязей, тенденций. Используя возможности методов текстовой аналитики для изучения цифровых следов пользователей, выявляются проблемы, с которыми сталкиваются жители сельских территорий и которые являются неблагоприятными факторами качества жизни [19]. Рассматривается возможность использования цифровых следов пользователей в социальных сетях по отношению к экологическим проблемам [14].

Ряд направлений, изучение которых целесообразно с помощью текстовой аналитики, имеет междисциплинарный характер. Хорошие результаты приносит сотрудничество социологов и географов-обществоведов в оценке миграционных процессов. Каждый профиль выпускника вуза, выкачанный из сети ВКонтакте,

содержит сведения об образовательной и карьерной траектории, географическую, персональную, социо-демографическую и иную информацию. При заполнении своего профиля пользователя, как правило, указывают сведения по более чем 90 параметрам, что дает широкие возможности для аналитики. Важное преимущество «больших данных», которые рассматриваются как дополнительный информационный ресурс о миграционных перемещениях, заключается в независимости от государства как «заказчика» информации. Социальные сети позволяют получать данные не об общем числе прибывших или выбывших на определённой территории, а рассматривать одновременно «виртуальные» миграционные контингенты и потоки [4]. Значительно обогащает анализ социальных медиа применение географических подходов и методов. В этом случае можно определить не только интенсивность и тональность информационного потока, но и рассчитать показатели концентрации, дифференциации и связности [12].

Еще одним направлением общественно-географических исследований, где текстовые данные играют значительную роль, является туризм. Цифровые следы туристов – тексты отзывов, фотографии, отметки геолокаций и прочее, формируют огромное по размерам информационное поле, анализировать которое становится возможным лишь при использовании специальных программ и методов обработки больших данных [10; 20]. Особенно ценна текстовая информация, содержащая эмоциональную оценку восприятия компонентов туристско-рекреационного пространства [6]. Географический и покомпонентный анализ позволяет определить ключевые региональные проблемы, выявить негативную тенденцию индекса тональности, оценить состояние отдельных компонентов туристско-рекреационного комплекса. В дальнейшем методика текстового анализа отзывов туристов и рекреантов может быть адаптирована под решение практических задач отдельных предприятий туризма и рекреации.

Выводы. Междисциплинарные исследования на стыке нескольких наук с применением методики анализа текстовых данных носят фронтальный характер и являются актуальными в современном информационном обществе. Наличие у массивов информации географической локализации, позволяет применять методы пространственного анализа данных и использовать методологию общественной географии. Применяя методы анализа текстовых данных, можно получить представления о влиянии виртуального пространства на общественно-географическое, расширить понимание миграционных процессов и организации туристско-рекреационной деятельности. И, в конечном итоге, направить общественную географию на поиск новых законов и закономерностей развития информационного общества.

Библиографический список

1. Бова В. В. Методы и алгоритмы кластеризации текстовых данных (обзор) / В. В. Бова, Ю. А. Кравченко, С. И. Родзин // Известия ЮФУ. Технические науки. 2022. № 4(228). С. 122-143. DOI 10.18522/2311-3103-2022-4-122-143.
2. Богданова, Е. Н. Анализ рынка продукции северного оленеводства России на основе анализа массивов больших данных / Е. Н. Богданова, М. В. Иванова, Т. В. Симашко // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – Т. 26, № 2(80). С. 55-73. DOI 10.37614/2220-802X.2.2023.80.004.
3. Булыгин, Д. И. "Цифровые следы" и измерения ценности особенных благ / Д. И. Булыгин, И. Л. Мусабиров // Информационное общество. 2019. № 6. С. 59-65.
4. Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. 2012. № 2 (36). С. 15-28.
5. Козлов, П. А. Построение терминологических профилей научных сотрудников на основе публикаций в цифровой библиотеке eLIBRARY.RU / П. А. Козлов, А. С. Мохов, В. О. Толчеев // Вестник Московского энергетического института. Вестник МЭИ. 2022. № 1. С. 111-119. DOI 10.24160/1993-6982-2022-1-111-119.
6. Конышев, Е. В. Методика изучения ментального туристско-рекреационного пространства по отзывам туристов (на примере Кировской области) / Е. В. Конышев // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2022. № 5. С. 16-28.
7. Михеев, А. В. Возможности анализа текстовой информации научно-технологической направленности для обоснования инновационного развития энергетики / А. В. Михеев // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2017. № 4(8). С. 166-176.
8. Мосунова, Л. А. Автоматическое извлечение ценностно-смысловых компонентов культурного кода из корпуса читательских отзывов / Л. А. Мосунова, Е. В. Митягина, П. В. Ананин // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2022. № 5. С. 17-24. DOI 10.36535/0548-0027-2022-05-3.
9. Романова, Е. В. Анализ реакции студентов на изменение финансового положения в период пандемии по цифровым следам в социальной сети ВКонтакте / Е. В. Романова, Т. Ю. Калаврий // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2021. № 4(24). С. 54-64. DOI 10.25587/SVFU.2021.24.4.006.
10. Социальные медиа как инструмент анализа посещаемости туристических объектов (на примере Ставропольского края) / В. С. Тикунов, В. С. Белозеров, С. О. Антипов, И. П. Супрунчук // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2018. № 3. С. 89-95.
11. Стародубцева, Е. А. Система Polyanalyst как инструмент лингвистического анализа (на материале сообщений о специальной военной операции) / Е. А. Стародубцева, И. Ю. Пикалов, И. П. Кривко // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 1(48). С. 353-371.
12. Ткачева, Т. А. Социально-медийное пространство Северного Кавказа: структура и внутрирегиональные особенности / Т. А. Ткачева, И. П. Супрунчук // Региональные исследования. 2023. № 1(79). С. 56-73. DOI 10.5922/1994-5280-2023-1-5.
13. Цифровые перспективы социальной и политической мобилизации региональных сетевых сообществ Кузбасса и Тюмени с использованием data-mining / Е. В. Головацкий, Е. А. Кранзеева, И. В. Донов [и др.] // Власть. – 2023. – Т. 31, № 4. С. 30-40. DOI 10.31171/vlast.v31i4.9687.
14. Цифровые следы в экологии: опыт эмпирического исследования / Е. В. Щекотин, Д. О. Дунаева, П. А. Басина, П. С. Вахрамеев // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 4(8). С. 255-263. DOI 10.21603/2782-4799-2023-2-4-255-263.
15. Цифровые следы выпускников вузов при исследовании миграции из регионов-доноров / Е. В. Митягина, Е. В. Конышев, К. А. Чернышев, Э. Р. Сайфулин // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 144-155. DOI 10.17223/15617793/467/18.
16. Черничкин, Д. А. Анализ онлайн-активности пользователей социальных сетей как реакция на общественно-политические процессы в республике Казахстан / Д. А. Черничкин // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2022. Т. 2, № 1. С. 75-96. DOI 10.54398/2713024X_2022_2_1_75.
17. Шабанова Е. Ю. Прогнозирование роста и падения котировок российских акций на основе новостного потока / Е. Ю. Шабанова // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. № 2-2. С. 158-162.
18. Шарыгин М. Д. Столбов В. А. Теоретико-методологические аспекты поиска законов и закономерностей в общественной географии // Географический вестник. 2020. № 1(52). С. 22–32. DOI: 10.17072/2079-7877-2020-1-22-32.
19. Щекотин Е. В. Анализ качества жизни сельских территории России на основе цифровых следов пользователей / Е. В. Щекотин, Д. О. Дунаева, Ю. К. Александрова // АПК: экономика, управление. 2022. № 11. С. 89-96. DOI 10.33305/2211-89.
20. Yang, X., Pan, B., Evans, J. A., & Lv, B. (2015). Forecasting chinese tourist volume with search engine data. *Tourism Management*, 46, 386-397. doi: 10.1016/j.tourman.2014.07.019

ANALYSIS OF TEXT DATA IN SOCIAL GEOGRAPHY (REVIEW OF METHODOLOGICAL APPROACHES)

E. V. Konyshv

*Perm State University,
Perm, Russia, e-mail: konj@bk.ru*

The article analyzes modern approaches and methods for studying text data. The features of the application of the method of analyzing text data in the humanities, social and economic sciences are revealed. The prospects for its application in social geography are revealed. The significant potential of text analytics is manifested in the study of migration processes and tourist and recreational space.

Keywords: human geography, digital traces, information space

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ?

А.А. Ткаченко, А.А. Смирнова, И.П. Смирнов

Тверской государственной университет

Тверь, Россия, e-mail: at_tver@mail.ru

«Социальная география» – многозначный термин, используемый для обозначения разделов и направлений географической науки, связанных с изучением человека и различных сторон его жизни. В самом общем виде может трактоваться как изучение «социального» с пространственной (географической) точки зрения. Рассматривается использование этого термина в зарубежной и отечественной географии. Названы ключевые фигуры и важнейшие работы в истории социальной географии, а также важнейшие процессы и события, влиявшие на ее развитие; отмечены новейшие тенденции.

Ключевые слова: социальная география; география человека; социально-экономическая география; география населения; социологизация географии

Вынесенный в название статьи вопрос может показаться странным. Социальная география (далее – СГ) существует в течение весьма продолжительного времени. По различным её вопросам написаны, наверное, сотни книг и тысячи статей. Проблема заключается в том, что в отличие от названий других разделов и направлений социально-экономической географии термин «социальная география» имеет множество сильно различающихся трактовок. В разное время в различных национальных школах сущность социальной географии понималась далеко не одинаково. В целом вопрос о сущности и месте СГ крайне запутан и вряд ли имеет шансы получить более или менее общепринятое решение. Не вызывает сомнений, что СГ – это многозначный термин, используемый для обозначения разделов и направлений географической науки, связанных с изучением человека (населения) и различных сторон его жизни. В самом общем виде СГ может трактоваться как изучение «социального» с пространственной (географической) точки зрения.

Социальная география в зарубежных странах.

Термин «социальная география» появился во второй половине XIX в. Его введение обычно приписывается французским географам Ж. Брюну (1896 г.) и К. Валло (1908 г.). Но есть случаи и более раннего его использования. Первоначально им обозначалось близкое к географии направление социологии. Первый известный случай относится к 1873 г., когда французский исследователь Г. Гужон в диссертации, посвящённой школьной реформе во Франции, определил предмет и задачи социальной географии [3; 19]. Этим термином пользовались французские географы Э. Реклю, П. Видаль де ла Блаш, Ж. Брюн, К. Валло. У последнего СГ – синоним географии человека. Вслед за французскими его стали использовать американские географы: Э. Хантингтон, К. Зауэр и др. В работе

Ж. Брюна [по 4, с. 518] СГ названа одной из составных частей географии человека, наравне с географией населения, экономической, политической и региональной географией. До 1950-х гг. термин широкого распространения не имел. Он отсутствует в таких авторитетных и полных источниках, как монография А. Геттнера [5] и большой коллективный труд «Американская география» [2].

Обычно СГ (Social Geography) рассматривается как субдисциплина в составе географии человека (Human Geography), но иногда и как ее синоним [21]. В некоторых работах указывается на общее поле интересов социальной и культурной географии. Вслед за расширением проблематики социальных наук, расширяется и тематика исследований СГ. В последние десятилетия к объяснению пространственного неравенства с точки зрения классовых, расовых или этнических различий добавились новые признаки – гендер, возраст, особенности здоровья и другие [20]. Во многих случаях новые разделы и направления СГ претендуют на существование вне ее. Наиболее характерные примеры – радикальная география и поведенческая география, которые обычно рассматриваются как вполне самостоятельные части географии человека.

На становление СГ большое влияние оказали работы создателей чикагской социологической школы (Э. Бёрджесс, Р. Парк). Программной работой, вызвавшей дискуссию о СГ и во многом определившей её развитие во второй половине XX в. была глава книги «География в XX веке» [16], написанная Дж. Уотсоном. В книге «Введение в социальную географию» [17] СГ определена как наука о пространстве и значениях, которые ему придают люди. Пик смысловых поисков в англо-американской СГ и время её оформления в качестве самостоятельного направления исследований приходится на 1970-е гг.

Известный французский географ П. Жорж считал СГ «сердцевиной» географии человека, имеющей самую обширную и сложную область изучения. В подзаголовке его книги [8] присутствует необычное для своего времени словосочетание – «экономическая и социальная география». Но его идеи в последующие годы не получили развития, и только в 1970-е годы благодаря книге П. Клаваля [15] во Франции вновь обратились к СГ.

Существенное влияние на современную СГ, как и на другие социальные науки западных стран, оказали представления Д. Харви [18] о социальной справедливости, вызвавшие усиление внимания к вопросам социального неравенства (радикальная география, критическая география). Высказывается мнение, что повышенный интерес к СГ на Западе в 1970-х годах был связан с подъёмом социальных движений в предыдущее десятилетие и с кризисом городов.

На рубеже XX в. – XXI вв. в социально-гуманитарных исследованиях произошёл так называемый «пространственный поворот», ознаменовавший собой

включение в различные области знания вопросов «пространства, места, картографических изображений и географических представлений» [22]. Другим значимым событием в развитии социальных наук, в том числе и СГ, считается «культурный поворот», повлекший за собой появление новых тем, в первую очередь – изучение идентичности и поведенческих установок [20]. В настоящее время наблюдается размытие границ между СГ и другими социальными науками и распространение междисциплинарных исследований, за которыми трудно распознать научную специализацию авторов. Одной из причин этого является широкое применение качественных методов [21].

Социальная география в СССР и Российской Федерации.

Широкое распространение в отечественной географии термин «социальная география» получил в 1970-х гг. в связи с появлением географии сферы обслуживания и рекреационной географии. Значительное влияние на расширение тематики общественно-географических исследований оказало возрождение демографии, социологии и социальной психологии, развитие которых было прервано в начале 1930-х. Большое значение имела Всесоюзная перепись населения 1959 г., материалы которой впервые дали возможность анализировать в региональном разрезе состав населения и структуру его занятости. В 1970-х становлению СГ способствовало осознание роли «человеческого фактора» развития экономики и, как следствие, усиление позиций социальной составляющей в государственном планировании. Наиболее весомый вклад в становление отечественной СГ внесли Р.М. Кабо, С.А. Ковалёв, В.В. Покшишевский, А.А. Долинин, С.Я. Ныммик.

В современной российской, как и ранее в советской, географии термин «социальная география» употребляется во многих значениях. В соответствии с этим различается и понимание места СГ в системе географических наук. Основная причина множественности трактовок связана с разными вариантами понимания «социального»: от самого широкого как синонима «общественного» до наиболее узкого, связанного с социальным составом (социальной стратификацией) населения. Основными можно считать следующие варианты:

- СГ – одно из обозначений общественного крыла географии.
- СГ – «блок» отраслевых дисциплин, связанных с населением (география населения и населённых пунктов, география сферы услуг, рекреационная география, иногда – география науки и география образования).
- СГ – особая географическая дисциплина в составе социально-экономической географии, изучающая жизнь (жизнедеятельность) населения, функционирование и воспроизводство территориальных общностей, причем часть авторов ставят ее в один ряд с географией населения, другие включают в состав географии населения.

– СГ – часть географии населения, рассматривающая социальный состав населения.

Особняком от перечисленных стоит трактовка, предложенная Ю.Г. Саушкиным [13], считавшим СГ «пятым измерением» всех отраслей и направлений экономической (социально-экономической – *авторы*) географии. Видимо, продолжая эту мысль, В.М. Гохман [6] писал о трех генеральных направлениях общественной географии: социальной, экономической и культурной географии. Все рассмотренные варианты достаточно логичны и имеют право на существование. Встречаются и другие трактовки, например, не получившее поддержки предложение понимать социальную географию как науку о социальной функции географической среды.

Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой СГ существует «рядом» с географией населения. Одной из первых такой взгляд высказала С.Я. Ныммик [11]. Сторонники этой точки зрения полагают, что география населения изучает размещение и расселение, динамику и состав населения, а СГ – его жизнедеятельность. Существенный недостаток этой трактовки связан с невозможностью корректного разделения дисциплин. Например, как отделить исследования образа жизни от изучения состава населения? Куда относить изучение миграции?

Становление СГ в СССР и РФ справедливо связывают с процессом социологизации экономической географии, под которым понимается рост доли и значимости исследований и публикаций, посвящённых населению и различным сторонам его жизни. Впервые о социологизации было сказано в 1970 г. на V съезде Географического общества. Но начался этот процесс значительно раньше. В 1947 г. появилась статья Р.М. Кабо «Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии» [9]. Автор считал, что эта наука должна иметь более широкое содержание, чем сложившаяся позднее география населения. Предполагалось, что она включит в себя многие вопросы из области этнографии и социологии. Со временем эта работа стала рассматриваться как отправная точка процесса социологизации. Большую роль в разворачивании этого процесса сыграла статья С.А. Ковалёва «География потребления и география обслуживания населения» (1966), в которой впервые в отечественной географии были проанализированы понятия условий, уровня и образа жизни, показана необходимость изучения их региональных различий. География обслуживания в течение примерно 30 лет оставалась наиболее социальной по своему содержанию и одной из самых востребованных отраслей географии. В 1960-х начались и географические исследования отдыха населения, со временем вылившиеся в рекреационную географию. В 1970-х гг. стали появляться первые работы, посвящённые взаимодействию географии с возрождавшейся социологией и использовавшие термин

«социальная география» [7; 12]. Благодаря интенсивному развитию географии населения, географии обслуживания и рекреационной географии, в 1977 г. было внесено изменение в номенклатуру научных специальностей: вместо *экономической географии* появилась *экономическая и социальная география*.

Тематика современной СГ исключительно разнообразна и постоянно расширяется. М.С. Савоскул [14] выделила три линии развития СГ в постсоветский период: продолжение советских традиций с сохранением привычного набора сюжетов и методов, попытки переноса в российское исследовательское поле современных зарубежных разработок, создание собственных концепций, моделей и методов. Основные тенденции развития социально-географических исследований состоят в дематериализации и психологизации СГ, усилении внимания к когнитивным аспектам жизни людей и регионального развития.

Активное обсуждение вопроса о сущности и месте СГ в конце 1970-х – начале 80-х гг. не дало каких-то определенных результатов, дискуссия постепенно сошла на нет. В последние 20–30 лет в отечественной науке СГ чаще всего понимается как направление, неразрывно связанное с географией населения. Ощущается даже потребность в появлении какого-то общего названия, в связи с чем возникает вопрос: не настало ли время вернуться к предлагавшейся Р.М. Кабо социально-культурной географии?

Библиографический список

1. Алексеев А. И. Жизнь населения как предмет социальной географии // Вопросы географии. Сборник 122 (122/123). Теоретические аспекты географии. М., 1984. С. 77–85.
2. Американская география: современное состояние и перспективы / Перев. с англ. М., 1957. 549 с.
3. Анохин А.А. Современная социальная география Запада: теория, методология, предметное содержание // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия 7. Геология и география. 1987. Вып. 2 (№14). С. 84–93.
4. Витвер И.А. Избранные труды. М., 1998. 591 с.
5. Геттнер А. География, ее история, сущность и методы / Перев. с немецкого. Л.; М., 1930. 416 с.
6. Гохман В.М. Общественная география, ее сущность, структура // Вопросы географии. Сборник 122 (122/123). Теоретические аспекты географии. М., 1984. С. 57–64.
7. Долинин А.А. Социальная география – особая ветвь географии населения // Теоретические аспекты экономической географии. Л., 1975. С. 53–61.
8. Жорж П. Франция: экономическая и социальная география / Перев. с франц. М., 1951. 334 с.
9. Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Сборник 5. География населения. М., 1947. С. 5–32.
10. Ковалев С.А. География потребления и география обслуживания населения // Вестник Московского университета. Серия V «География». 1966, №2. С. 3–10.
11. Ныммик С.Я. О методологии социально-экономической географии // Вопросы географии. Сб. 115. Экономическая и социальная география. М., 1980. С. 24–31.
12. Райтвийр Т.В. О взаимосвязи географии населения и социологии // Проблемы регулирования системы расселения / Пермский государственный университет. Ученые записки, № 307. Пермь, 1973. С. 82–83.
13. Саушкин Ю.Г. Аспекты советской социальной географии // Вопросы географии. Сб. 115. Экономическая и социальная география. М., 1980. С. 17–24.
14. Савоскул М. С. Социальная география // Социально-экономическая география: понятия и термины / Отв. редактор А.П. Горкин. Смоленск, 2013. С.238–240.
15. Claval P. Principes de geographie sociale. Ed. M. Th. Genin. Librairies techniques, Paris. 1973. Geography in the Twentieth Century. A Study of Growth, Fields, Techniques, Aims and Trends. London: Routledge. 1951. 644 p.
16. Jones E., Eyles J. An Introduction to Social Geography. Oxford University Press, 1977. 272 p.

17. Harvey D. Social justice and the city. London: Edward Arnold. 1973. 336 p. (на русском: Харви Д. Социальная справедливость и город: 2-е изд. Пер. с англ. Е. Герасимовой. М., 2019. 440 с.).
18. Howard A. Early uses of the term «Social geographie» // Scottish Geographical Magazine. 1985. Vol. 101. Iss. 3.
19. Rogers A., Castree N., Kitchin R. A dictionary of Human Geography. Oxford University Press. 2013.
20. The dictionary of human geography / edited by Derek Gregory . . . [et al.]. 5th ed. 2005.
21. The Spatial Turn. Interdisciplinary Perspectives / Edited By Barney Warf, Santa Arias. New York. 2008. 256 p.

WHAT IS SOCIAL GEOGRAPHY?

A.A. Tkachenko, A.A. Smirnova, I.P. Smirnov

Tver State University

Tver, Russia, e-mail: at_tver@mail.ru

«Social geography» is a polysemantic term used to designate sections and areas of geographical science related to the study of people and various aspects of their life. In its most general form, it can be interpreted as the study of the «social» from a spatial (geographic) point of view. The use of this term in different national schools of geography is considered. The key figures and most important works in the history of social geography are named, as well as the most important processes and events that influenced its development. The latest trends in social geography are noted.

Keywords: social geography; human geography; social and economic geography; population geography; sociologization of geography

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: В ПОИСКЕ ЭМЕРДЖЕНТНЫХ СВОЙСТВ ПРОСТРАНСТВА³

Г.И. Остапенко

МГИМО МИД России,

Москва, Россия, email: g.ostapenko@inno.mgimo.ru

В статье рассматривается связанность порождающих механизмов идентичности (пространственной, территориальной, региональной) с эмерджентными свойствами пространства в ракурсе специфического принципа несводимости. ЕСА как подвид качественного контент-анализа, эффективно применимый на малых объемах выборки, позволяет сделать вывод о взаимопринадлежности и взаимоопределении пространственной идентичности как одновременного проявления пространства и социума.

Ключевые слова: пространственная идентичность; эмерджентные свойства; пространство; политическая география; ЕСА.

Постановка проблемы. Политический географ Джон Эгню отмечал принципиальное различие между «территориальностью» и «пространственностью» [7]. Но, тем не менее, остаётся в тени порождающий механизм возникновения идентичности, основанный на восприятии пространства. В литературе существует несколько (близких по смыслу) типов идентичности (пространственная, территориальная, региональная), которые отсылают к некому ограниченному (замкнутому) ареалу. При этом уровни иерархии, в которых они состоят или могут состоять, вынуждают нас помыслить, что один тип является производным от другого.

Мы склонны считать, что конкретно для каждого проявления (здесь и далее: в качестве базового типа взята пространственная идентичность) крайне удобна терминология эмерджентных свойств пространства. Под эмерджентными свойствами мы будем понимать специфический принцип несводимости, как системного свойства более высокого уровня [11]. Наш посыл заключается в том, чтобы проверить, как в свете введения нового концептуального аппарата на базе выборки отдельных работ российских географов-обществоведов прослеживается идея о несводимости пространственной идентичности к другим видам идентичности.

Гипотеза. В концептуализации понятий пространственной, территориальной и региональной идентичности современными географами-обществоведами присутствует «эмерджентная» составляющая.

Метод и источники информации. Чтобы достичь поставленной цели, авторы применяют подвид качественного контент-анализа (ЕСА, Ethnographic Content Analysis), разрабатываемого Дэвидом Элтейдом на протяжении более

³ Исследование выполнено при поддержке РФФ (грант № 22-18-00383, 2022-2024).

© Г.И. Остапенко, 2023

трёх десятилетий [8]. Суть метода заключается в качественном анализе документов медиа, и впервые метод применялся для анализа статей СМИ [9]. Методолог Алан Брайман в обзоре данного метода отмечает его информативность на предельно малых объёмах выборки: от 6 до 10 исследуемых документов [10].

Результаты. Отобранные работы характеризуются широким спектром аспектов приложения понятия «территориальная» / «пространственная» / «региональная» идентичность (начиная с социологической или этнополитической до экономико-географической составляющей) (табл.).

Ни в данной работе, ни в отобранных, понятие пространственной идентичности не фиксируется нами как неизменяемое. Мы принимаем конструктивистскую позицию, что она имеет свойство актуализироваться и «затухать», возникать и исчезать.

Таблица

Результаты ЕСА-анализа

Статья	Акценты	Характеристика употребления	Поле / Ракурс
[4] 2018	Сопространственность Пространственный опыт Политика места Пространственная инверсия	Пространственная идентичность – отдельный тип идентичности, противопоставленный территориальной. Последняя включает в себя региональную идентичность.	Методология Политология Общественная география Философия
[6] 2021	Вернакулярные районы Иерархия Самоидентификация	Дефиниция понятия идентичности в социогуманитарном дискурсе применяется как смысловая характеристика пространственной идентичности разной степени локализации.	География человека Социология пространства Междисциплинарный объект социогуманитарных и естественных наук
[3] 2003	Слои пространственной идентичности Специфическая территория Территориальная идентичность как результат отождествления	Этническая самоидентификация как часть социальной конструкции поддерживает уникальную самопрезентацию территориальной идентичности.	Самокатегоризация Географическая среда Социология пространства Государственная отнесенность Семантика сознания
[2] 2003	Динамика территориальных идентичностей Ослабление самоорганизации пространства Аспациальность Культурное ядро территориальной идентичности	Территориальная идентичность зависима от исторической зрелости и наличия равнодушия к месту и границам, культурным рубежам.	Социология Этнополитология Межнациональные отношения, Этнокультурные рубежи
[1] 2014	Пограничная идентичность Новые типы идентичности Полимасштабность Специфика территории Ареальная идентичность	Пространственная идентичность представляет собой особый род отношений между ареалом и определенной группой или личностью.	Теоретическая география Социология Культурология
[5] 2007	Практическая ценность региональной идентичности	Региональная идентичность как социальное чувство индивида ассоциирует его с определённой группой и определяет его поведение в социуме.	Экономическая география Общественная география

Составлено автором по результатам анализа.

В статье И. Ю. Окунева явление сопостранственности в форме сегментирования пространства на ментально-функциональные пласты порождает феномен существования людей в не просто разных, но и непересекающихся пространствах. Данная уникальная особенность пространства позволяет выделить три степени актуализированности пространственной идентичности, а также специфику формирования устойчивых ментальных механизмов воспроизводства идентичности [4].

В работе В. Н. Стрелецкого из множественности и полиаспектности пространства, через «образность места» выводятся уровни – иерархия идентичности, базирующаяся на совокупности смыслов и ценностных значений при самоидентификации людей на ограниченной территории [6].

Н. М. Межевич увязывает парадоксальность современных этнических процессов с особенностями потребности в самопрезентации территориальной идентичности через поведенческий компонент как продукт сознательного процесса, а не культурной отличительности пространственно-временной структуры жизни человека, в том числе через понятия «язык» и «дом» [3].

Исследование Т. Н. Кувенева и А. Г. Манакова увязывает ослабления способности к самоорганизации пространства с альтернативными представлениями о «культурном ядре» и исторической зрелости и выводит свойство пространственно-временной динамики пространственной идентичности [2].

Работа В. Л. Каганского об ареальной парадигме пространственной идентичности допускает существование пространственной идентичности только в сложно структурируемом пространстве. В таких диспозициях в качестве «катализатора» возникновения идентичности могут выступать созвучные с территорией специфические когнитивные связи личности и территории [1].

Прагматичный подход Л. В. Смирнягина к исследованиям в области региональной идентичности в качестве стимула усложнения общественного бытия предполагает импульс самоорганизации, без которого общество не может состояться как деятельно организующаяся эффективная система [5].

Выводы. В совокупности все авторы исследуемых работ (единиц анализа) демонстрируют определенный разброс позиций в отношении идентичности как отождествления формы взаимодействия пространства и социума в пространственно-временных координатах и их символической или географической взаимопринадлежности и последующего определения.

В ходе проведения исследования были обнаружены проявления эмерджентных свойств пространства во всех единицах анализа. Их форма менялась от материала к материалу, определённая в виде уникальных для автора нередуцируемых отношений, или носила событийный характер.

Библиографический список

1. Каганский В. Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2014. № 5. С. 10-19.
2. Кувенева Т. Н., Манаков А. Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77-89.
3. Межевич Н. М. Идентичность: теоретические аспекты и пространственное содержание в условиях пограничных межэтнических разломов: на примере региона «Ивангород-Нарва» // Идентичность и география в постсоветской России / К. Э. Аксенов, М. Бассин (науч. ред.). СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 78-113.
4. Окунев И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 18-25.
5. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. / А.С. Фетисов, И.С. Иванова, И.М. Кузина (ред.). М.-Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21-49.
6. Стрелецкий В. Н. Территориальная идентичность как тема исследований в зарубежной географии в конце XX и первые десятилетия XXI веков // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 62-75.
7. Agnew J. *Globalization and Sovereignty*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield Publishers, 2009. 231 p.
8. Altheide D. L. *Ethnographic Content Analysis // Qualitative Sociology*. 1987. Vol. 10, No. 1. P. 65-77.
9. Altheide D. et al. *Emergent Qualitative Document Analysis // Handbook of Emergent Methods / S.H. Hesse-Biber, P. Leavy (eds.)*. New York, NY: The Guilford Press, 2008. P. 127-151.
10. Bryman A. *Social Research Methods*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 766 p.
11. Martin R., Sunley R. *Forms of Emergence and the Evolution of Economic Landscapes // Re-framing Regional Development: Evolution, Innovation and Transition / P. Cooke (ed.)*. Abingdon: Routledge, 2013. P. 73-94.

SPATIAL IDENTITY IN POLITICAL GEOGRAPHY: IN QUEST OF EMERGENT PROPERTIES OF SPACE⁵

G. I. Ostapenko

MGIMO University,

Moscow, Russia, email: g.ostapenko@inno.mgimo.ru

The article examines the connectedness between the generative mechanisms of identity (spatial, territorial, regional) with the emergent properties of space from the perspective of the specific principle of irreducibility. ECA as a subtype of qualitative content analysis, effectively applicable on small sample sizes, allows us to draw a conclusion about the mutual belonging and mutual determination of spatial identity as the simultaneous manifestation of space and society.

Keywords: spatial identity; emergent properties; space; political geography; ECA.

⁵ The research is supported by the Russian Science Foundation (project № 22-18-00383, 2022-2024).

ТРАНСПОРТНАЯ ДОСТУПНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ АГЛОМЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ОРЛОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)

Е.М. Широкова, Р.Е. Рогозина

*Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия, e-mail: zhe6760@yandex.ru*

В статье приведена попытка определения границы, формирующейся Орловской городской агломерации на основании транспортной доступности города-ядра. Указывается на важность доступности территории как первоначального критерия установления границы формирующейся агломерации. Представлена разработанная с применением ГИС картосхема 30-, 60-, 90-минутной транспортной доступности Орловской агломерации и входящие в эти зоны города, и посёлки городского типа. Предполагается дальнейшее изучение вопроса установления и обоснования границ Орловской городской агломерации и входящих в неё территорий.

Ключевые слова: граница городской агломерации; транспортная доступность; Орловская городская агломерация; ГИС.

Постановка проблемы. Вопрос определения границ городских агломераций достаточно актуален. Несмотря на множество существующих подходов к делимитации границ, универсальная методика и принципы сегодня не установлены. Многие учёные сходятся во мнении, что одним из основных факторов определения границ агломераций, особенно потенциальных и формирующихся, выступает критерий транспортной доступности центра города-ядра.

В нашем исследовании сделана попытка определения границ Орловской агломерации методом построения зон транспортной доступности, потенциал формирования которой не вызывал сомнения у Г. М. Лаппо, П. М. Поляна и Т. И. Селивановой [4].

В Материалах по обоснованию схемы Территориального планирования Орловской области специалисты также констатируют, что есть предпосылки для формирования городской агломерации с интенсивными и разнообразными связями. Одна из причин этого утверждения – радиальная структура планировки территории с центром-ядром городом Орлом, вокруг которого равномерно располагаются городские поселения [7].

В Государственной программе «Развитие транспортной системы в Орловской области» от 15 января 2019 г. упоминается «Орловская городская агломерация». Подобные программы реализуются и в других регионах и городских агломерациях, включающих города с населением свыше 300 тыс. чел. Помимо этого документа наименование «Орловская городская агломерация» не встречается [10].

Фактически Орловская городская агломерация имеет место быть, но формально о её существовании мало что известно. На наш взгляд, не вызывает сомнения актуальность установления границ формирующейся Орловской агломерации для дальнейшего её исследования.

Изучением определения границ городских агломераций занимались: Г. М. Лаппо, П. М. Полян, Ф. М. Листенгурт, В. Г. Давидович, А. Г. Махрова, А. Г. Вишневецкий, Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова, В. Я. Любовный и др. Для установления границ городских агломераций каждый из авторов предлагал свои методы и критерии, обобщённо их можно сформулировать так: критерий минимальной людности центра-ядра, удалённость периферии от центра, количество городских поселений во внешней зоне агломерации. Важная особенность, которую необходимо учитывать при выделении границ агломерации (и понимании сущности границ как таковых), заключается в выявлении интенсивных связей между городом-ядром и пригородом, периферией. Установление зон транспортной доступности позволяет определить территории, тяготеющие к ядру агломерации, а уже в дальнейшем в обозначенных рамках выявлять дальнейшие имеющиеся (или нет) внутриагломерационные связи [1; 5–6; 9; 13].

Необходимо понимать, что каждая агломерация – это отдельный «организм», функционирующий по суточным, недельным, месячным циклам. Поэтому нужно учитывать подвижность устанавливаемых границ агломерации. Так, в часы-пик границы неизбежно тяготеют к городу-ядру, а в период минимального трафика эти границы расширяются.

Особенность границ каждой отдельной агломерации подчеркивал П. И. Дубровин ещё в 1959 г. (на наш взгляд, он оказался близок к истине): «Границы города были заданы стеной. Теперь же они должны быть найдены в каждом отдельном случае» [5, с. 27].

Методы и источники данных. Большинство учёных и практиков сходятся во мнении, что основу выявления границ городской агломерации составляет транспортная доступность – время, затрачиваемое на передвижение с определённой целью (маятниковые миграции, поездки в культурно-рекреационных целях и пр.) [3; 8]. По этому критерию мы сделали попытку определения границ формирующейся Орловской городской агломерации.

Построение зон транспортной доступности осуществлялось с применением ГИС-программ: QGIS и GRASS GIS. Мы учитывали передвижение личным автомобильным транспортом. Для построения необходимы данные об автомобильной дорожной сети Орловской области (получены с сайта NextGIS [11]) и скорости движения по ним (согласно ПДД РФ [12]). Далее были отобраны интересующие нас категории автомобильных дорог: федеральные и региональные авто-

трассы, автомобильные дороги между сельскими поселениями, включая грунтовые [2]. Каждому типу дорог была присвоена средняя скорость движения автомобиля. За точку отсчета принят Главпочтамт г. Орла.

Основываясь на подготовленных данных, были построены зоны 30-, 60-, 90-минутной транспортной доступности [2]. Зона 2-часовой транспортной доступности нами не моделировалась, так как оптимальное время доступности центра для крупного города – 1,5 ч (г. Орёл является крупным городом с населением 296633 чел. на 2023 г.) [9; 14].

Результаты. Получена картосхема транспортной доступности Орловской агломерации, с четко прослеживающимися радиальными зонами, соответствующими времени 30, 60, 90 минут от центра города Орла (рис.).

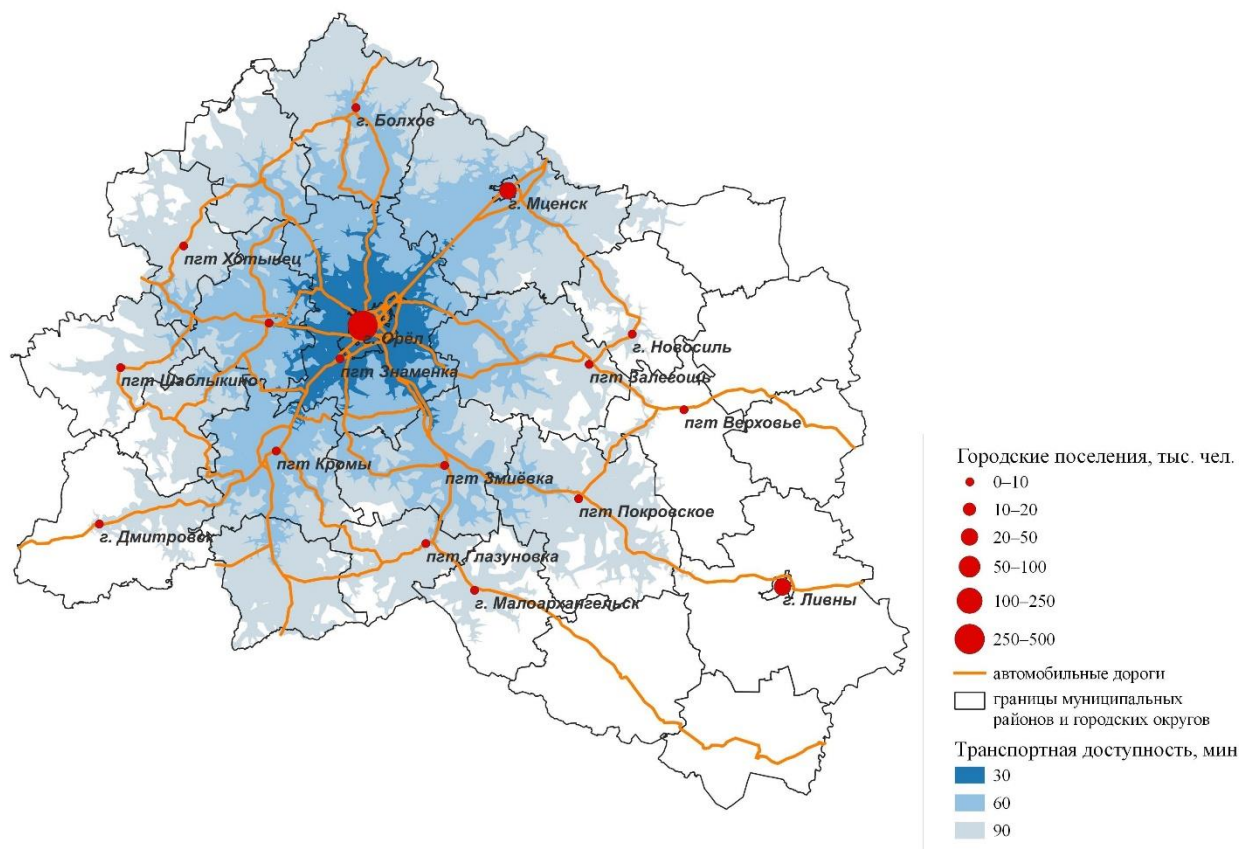

Рис. Транспортная доступность формирующейся Орловской агломерации (сост. автором)

Темно-синим цветом выделена зона 30-минутной транспортной доступности, в которую вошли 2 посёлка городского типа (далее – пгт) – Знаменка и Нарышкино. Это наиболее активная зона взаимодействия с центром г. Орла. Вторым поясом голубого цвета выделена зона 60-минутной доступности – внутренняя периферия агломерации. В неё вошли 2 города (Болхов, Мценск) и 3 пгт (Змиёвка, Глазуновка, Кромы). Серо-голубым цветом выделена самая удалённая от центра внешняя периферия полутора часовой доступности, в составе которой

3 города (Дмитровск, Новосиль, Малоархангельск) и 4 пгт (Шаблыкино, Хотынец, Залегощь, Покровское). Закономерно, чем дальше от центра г. Орла, тем слабее становятся связи взаимодействия.

Основываясь на полученных результатах транспортной доступности, границу потенциальной Орловской агломерации можно провести по крайней зоне (90 минут). Предполагается, что в этих границах происходят наиболее активные внутриагломерационные связи и процессы (маятниковые миграции населения, культурно-рекреационные поездки населения, поездки с целью обучения, экономические и прочие виды связей).

Таким образом, в состав установленных нами границ Орловской агломерации входят территории 20 муниципальных районов, включая 6 малых городов и 9 пгт. Общая численность населения предполагаемой агломерации составляет более 500 тыс. чел [14].

Выводы. Определение зон транспортной доступности центра г. Орла позволило выделить территорию Орловской городской агломерации, в границах которой возможны потенциальные внутриагломерационные процессы. Этот опыт – наш первый шаг в изучении проблемы установления и обоснования границ Орловской агломерации. Кроме того, необходимо рассмотреть доступность территории, если будет использован общественный транспорт (в этом случае территория Орловской агломерации будет значительно меньше).

Выявление границ Орловской городской агломерации по временному критерию является первоначальной основой, но не должно ограничиваться только им. Для обоснования полученных границ требуется использовать системный подход: установить экономические, инфраструктурные, трудовые, рекреационные и прочие взаимосвязи внутри агломерации. Необходимо доказать, что в рамках выделенных границ наблюдается единство территории, скрепляемое различными видами связей [8].

В перспективе будут продолжены исследования по установлению объективной границы Орловской городской агломерации, основываясь на вышеупомянутых замечаниях и апробации комплексных методов, обосновывающих эту границу. Вопрос: «Существует ли Орловская городская агломерация?» на сегодняшний день остаётся открытым.

Библиографический список

1. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Проблемы и перспективы развития городских агломераций // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 3. С.60–66.
2. Базовая оценка транспортной доступности средствами GRASS GIS и QGIS [Электронный ресурс]. URL: <https://gis-lab.info/qa/isochrone-map-grass-qgis.html> (дата обращения: 05.07.2023).
3. Виды транспортной доступности / В. В. Гребенников, Д. А. Муни, А. Г. Левашев, А. Ю. Михайлов // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2012. № 1 (2). С. 56–61.

4. Городские агломерации России. Новые и «бывшие» городские агломерации [Электронный ресурс] / Г. М. Лаппо, П. М. Полян, Т. И. Селиванова // Демоскоп Weekly, 2010. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php> (дата обращения: 10.09.2023).
5. Дубровин П. И. Агломерации городов (генезис, экономика, морфология) // Вопросы географии. 1959. Сб. 45. С. 23–37.
6. Любовный В. Я. Городские агломерации России: от стихийного к целенаправленному развитию // Муниципалитет: экономика и управление. 2015. № 1 (10). С 5–16.
7. Материалы по обоснованию схемы территориального планирования Орловской области // Правительство Орловской области. URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=2&part=92> (дата обращения: 15.09.2023).
8. Методики делимитации городских агломераций. Аналитический отчет 2021 г. [Электронный ресурс] // Институт экономики города. URL: <https://urbanecomics.ru/> (дата обращения: 17.09.2023).
9. Монастырская М. Е., Песляк О. А. Методика определения границ городских агломераций // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2019. № 2. С. 111–121.
10. Об утверждении государственной программы Орловской области «Развитие транспортной системы в Орловской области» (с изменениями на 22 марта 2023 года) [Электронный ресурс] : постановление Правительства Орловской области от 15 января 2019 года № 8 // Электронный фонд правовой и нормативной-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550321177> (дата обращения: 15.09.2023).
11. Официальный сайт (ГИС). Геоинформационные системы [Электронный ресурс]. URL: <https://nextgis.ru/> (дата обращения: 05.07.2023).
12. ПДД РФ, Правила дорожного движения Российской Федерации [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/824c911000b3626674abf3ad6e38a6f04b8a7428/ (дата обращения: 05.07.2023).
13. Полян П. М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения / Предисловия: Г. М. Лаппо и А. И. Трейвиша. М.: Новый хронограф, 2014. 785 с.
14. Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. (с учётом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 10.09.2023).

TRANSPORT ACCESSIBILITY AS ONE OF THE CRITERIA FOR DETERMINING THE BOUNDARIES OF THE AGGLOMERATION (ON THE EXAMPLE OF THE EMERGING OREL AGGLOMERATION)

E.M. Shirokova, R.E. Rogozina

Voronezh State University

Voronezh, Russia, e-mail: zhe6760@yandex.ru

The article presents an attempt to determine the boundary of the emerging Oryol urban agglomeration based on the transport accessibility of the core city. The importance of accessibility of the territory as the initial criterion for establishing the boundary of the emerging agglomeration is indicated. The cartography of the 30-, 60-, 90-minute transport accessibility of the Orel agglomeration and the cities and urban-type settlements included in these zones, compiled using GIS, is presented. It is planned to further study the issue of establishing and justifying the boundaries of the Orel urban agglomeration and its constituent territories.

Keywords: the boundary of the urban agglomeration; the transport accessibility; Oryol urban agglomeration; GIS.

ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

М.А. Поспищенко, Т.А. Балина

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, e-mail: m-kotova@yandex.ru*

Современная социально-экономическая география среди многочисленных вопросов общественного развития продолжает исследовать особенности территориальной организации производительных сил, что является ее традиционным предметом. Размещение отраслей промышленности и их пространственная организация определяется факторами и подчиняется закономерностям, выявленными советскими экономико-географами еще в прошлом столетии. Отечественная легкая промышленность в своем размещении ориентировалась на ряд факторов, определяемых требованиями социалистической плановой экономики. В настоящее время эти факторы не утратили важности, но приобрели новое звучание. Трансформация легкой промышленности из депрессивной и отстающей в инновационный вид деятельности обусловил перенос акцентов на новые факторы размещения.

Ключевые слова. Территориальная организация хозяйства; производительные силы; факторы размещения; легкая промышленность.

Постановка проблемы. Территориальная организация и размещение производительных сил была и остается центральной темой социально-экономической географии, которая изучает пространственно-временные особенности развития различных отраслей экономики, принимает активное участие в их прогнозировании, управлении и совершенствовании. Изучая какие-либо отрасли экономики во всем их многообразии, экономико-географы не только отвечают на вопросы «Что?» и «Где?» размещается, но и «Почему?» и «Как?» это усовершенствовать. Современные специалисты исследуют условия и факторы, определяющие размещение производств, оценивают конкурентную среду их деятельности, устойчивость, перспективность, рентабельность.

Методы и источники информации. В отечественной географии сформировалась стройная система понятий, связанных с процессами территориальной организации производительных сил, которые были определены для плановой экономики в условиях строительства социализма. Среди экономико-географов, внесших большой вклад в развитие географии промышленности, как в теоретическом, так и прикладном аспектах, был М. Д. Шарыгин и его ученики, чьи работы были нацелены на оптимизацию пространственной организации разных сфер экономики. Так, в книге «Теоретические основы размещения производительных сил и экономика районов» подробно раскрываются вопросы теории и методологии географического изучения и управления различными видами деятельности [1].

Новые условия хозяйствования и переход к рыночным отношениям потребовали уточнения и пересмотра некоторых формулировок. Но теория, получившая названия «Факторы размещения производительных сил» не утратила своей значимости и сегодня. Геополитические, макроэкономические, экологические, социальные и прочие условия современного мира, безусловно, привнесли новое наполнение традиционным подходам территориального управления производством, они дали импульс для реструктуризации многих видов деятельности.

Глубокий кризис 1990-х г. затронул многие сферы экономики: были нарушены поставки сырья и оборудования, не было возможности обновлять основные фонды, совершенствовать технологические цепочки, восстанавливать систему подготовки кадров. Эти и многие другие проблемы привели к сокращению выпуска продукции во многих отраслях, не стала исключением и легкая промышленность.

Результаты. Постепенный выход из кризиса в начале нового столетия дал импульс для «перезагрузки» производств легкой промышленности, которая заметно обогатила «арсенал» факторов, определяющих ее размещение и состояние. Постепенно превращаясь из кризисной отрасли экономики в инновационную, она все больше зависит от наличия высоко квалифицированных кадров и своевременных управленческих решений.

Как отмечал М. Д. Шарыгин, размещение производительных сил в России характеризуется особенностями, формирование которых обусловлено рядом факторов: историческими периодами становления экономики, внутренними политическими преобразованиями и внешнеэкономическим взаимодействием стран. Сегодня эффективное функционирование производств зависит не только от технического уровня, но и рационального размещения предприятий и оптимального развития районов [1].

Основной целью любого производства, предпринимателя является получение прибыли, максимальные объемы которой можно достичь благодаря снижению издержек, затрат при расчете себестоимости производимой продукции. Поэтому, чтобы предприятие было рентабельным в первую очередь необходимо опираться на знание факторов размещения. М. Д. Шарыгин определяет факторы как механизм действия природных, социально-экономических сил на социально-экономические объекты при выборе места их локации, местоположения [1].

Деление факторов на старые (природный потенциал, агломерационный эффект, наличие трудовых ресурсов, потребителя и производственной инфраструктуры и др.) и новые (научный, социальный, инвестиционный и др.) сегодня является условным, так как с развитием научно-технического прогресса и старые, и новые факторы обретают новое содержание.

Легкая промышленность, являясь важной частью хозяйства страны, представляет собой пространственное сочетание видов деятельности, ориентирующихся на разные факторы производства, что приводит к их сложной структуре и территориальной организации.

Представляя собой совокупность отраслей промышленности, специализирующихся на производстве товаров народного потребления, легкая промышленность выпускает свыше 40% всех непродовольственных товаров этой группы, занимая 1,04% общего объема рынка [2].

Рассматривая факторы размещения, определяющие развитие легкой промышленности на современном этапе развития, подчеркнем важность «традиционных» факторов, сыгравших свою роль еще в прошлом веке.

Природно-ресурсный (сырьевой) фактор определяет расположение предприятий первичной переработки сырья, которые оличаются материалоемкостью. Например, льноперерабатывающие предприятия располагаются там, где выращивают лен, шерстOMOичные в районах овцеводства. Современной тенденцией развития данного фактора является тяготение первичных стадий обработки сырья к сельскохозяйственным угодьям: хлопковая, льноводство, а также производство кожи. Это расширяет возможности и открывает новые перспективы для развития деревень и небольших населенных пунктов [3]. В качестве подтверждения можно указать льноводство, которое активно восстанавливается и развивается с 2016 года. Сейчас формируются целые кластеры полного цикла по строительству и модернизации фабрик в Иваново, Смоленске и Твери [4].

Также, например, сохраняются кожаные производства в Кировской области, где «Вахруши-Юфть» является одним из ведущих производителей по производству различных видов кож; в Свердловской области в г.Арамиле располагается кожевенное предприятие полного цикла «Урал Кожа», которое имеет собственную сырьевую базу, современное оборудование и станки; в Алтайском крае в г. Заринск крупное предприятие «Русская кожа Алтай» ориентировано на переработку шкур и демонстрирует высокие показатели развития [5].

Потребительский фактор определяет расположение предприятий, нацеленных на массового покупателя с расчетом его запросов. Основными примерами регионов, в которых предприятия легкой промышленности ориентированы на потребительский спрос, являются Московская и Ленинградская области и другие регионы, где производится широкий номенклатурный ряд продукции от белья, шапок, одежды и заканчивая матрасами и коврами [6].

Фактор трудовых ресурсов традиционно играл важную роль на всех стадиях производства и во всех подотраслях легкой промышленности, так как именно эта отрасль отличается высокой трудоемкостью. Но в настоящее время растет потребность в квалифицированных трудовых ресурсах: новые технологии и современные станки требуют подготовки специалистов нового уровня. И если ранее наличие многочисленных «дешевых» трудовых ресурсов и овцеводства было причиной для развития производства вязанных изделий в Карачаево-Черкессии, то, например, в Подмосковье работниц привлекали на работу на ткацких, прядильных, швейных фабриках со всей страны в виде так называемых «лимитчиц». Для многих регионов страны актуальной стала следующая задача: работницы, которые имели высокую квалификацию и еще советское образование подходят к пенсионному возрасту, а система подготовки кадров отсутствует, ощущается острая нехватка специалистов (особенно швей). Поэтому передача опыта и знаний молодому поколению как в специальных учебных заведениях, так и в рамках предприятий особенно важна для воспроизводства трудового потенциала.

Все большее значение при размещении предприятий легкой промышленности приобретает *инновационный фактор*. В научных центрах создаются новые материалы из синтетических волокон, особенно широкое применение во многих сферах экономики получили нетканые материалы, отвечающие самым разным требованиям. На это указывает Е. Г. Анимича в своей работе «Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил», подчеркивая важность факторов пространственной концентрации новых знаний, инноваций, информации, интеллектуального капитала и др. [7].

Выводы. Сегодня легкая промышленность России, находясь на новом витке своего развития, остается проблемной отраслью экономики, что создает основу для научных изысканий, анализа и поиска перспективных исследований и формулированию креативных решений. Отрасль имеет важное социальное значение, формирует один из компонентов благосостояния людей, участвует в территориальном разделении труда, является отраслью специализации для многих регионов. Понимание и оценка факторов размещения являются основополагающими при рациональном размещении производства и управления хозяйственной деятельностью.

Библиографический список

1. Шарыгин М. Д., Гагарский М. Д. Теоретические основы размещения производительных сил и экономика районов: Учеб. пособие; Перм. ун-т. Пермь, 2005. 227 с.
2. Легкая промышленность России. URL: www.ruslegprom.ru. (Дата обращения 10.10.2023).
3. Печаткина Е. Ю. Особенности предприятий лёгкой промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 8 (262). Экономика. Вып. 36. С. 117–123.
4. Развитие отрасли льноводства в России продолжается. URL: <https://news-textile.ru/lnovodstvo-v-rossii>. (Дата обращения 13.10.2023).

5. Производство кожи. URL: <https://manufacturers.ru/companies/proizvodstvo-naturalnykh-kozh?page=1> (Дата обращения 13.10.2023).

6. Карта предприятий легкой промышленности России. URL: <https://www.ruslegprom.ru/ob-otrasli/katalog-predpriyatii> (Дата обращения 13.10.2023).

7. Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Денисова О.Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика регионов № 2, 2014. С. 21-28.

FACTORS OF LOCATION OF LIGHT INDUSTRY IN NEW ECONOMIC CONDITIONS

М. А. Поспищенко, Т. А. Балина

*Perm State University,
Perm, Russia, e-mail: m-kotova@yandex.ru*

Annotation. Modern socio-economic geography, among numerous issues of social development, continues to explore the features of the territorial organization of productive forces, which is its traditional subject. The location of industries and their spatial organization is determined by factors and is subject to patterns identified by Soviet economic geographers back in the last century. The domestic light industry in its placement was guided by a number of factors determined by the requirements of a socialist planned economy. Currently, these factors have not lost their importance, but have acquired a new meaning. The transformation of light industry from a depressed and lagging industry into an innovative type of activity led to a shift in emphasis to new factors of location.

Keywords. Territorial organization of the economy; productive forces; placement factors; light industry

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРИРОДНЫЕ И АНТРОПОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

И.Д. Рыбкина, Е.С. Орлова

*Институт водных и экологических проблем СО РАН, Барнаул, Россия,
e-mail: irina.rybkina@mail.ru*

Представлен авторский подход к исследованию территориальной организации водопользования, а также результаты изучения водохозяйственной структуры регионов. Особенностью подхода является признание равной важности природных и антропогенных факторов формирования водохозяйственных систем. Использование ландшафтно-бассейновой методологии позволяет провести анализ природных факторов формирования систем, а в сочетании с водохозяйственной информацией – оценить степень детерминации антропогенными факторами развития систем. На примере регионов Верхней Оби выделены крупноочаговые, очаговые, линейные, линейно-площадные и дисперсные системы с разным набором предоставляемых водохозяйственных услуг и долей обеспеченности населения и жилищного фонда услугами централизованного водоснабжения. Выявлены территориальные несоответствия потребностей и ресурсов при формировании систем водопользования.

Ключевые слова: водохозяйственная структура, территориальная организация водопользования, водные ресурсы, системы водопользования, качество жизни

Постановка проблемы. По ёмкому выражению М. Д. Шарыгина [6], географическое пространство-время отличается многослойностью, полиструктурностью, континуальностью, дискретностью, протяженностью, неоднородностью. Свойство многослойности позволяет выделить в нём два ведущих подпространства: природно- (естественно-) географическое и общественно-географическое. Формализованное представление об общественно-географическом пространстве-времени приобретает конкретно-содержательный характер при «проецировании» его на территорию. В результате «проецирования» проявляются территориальные системы, структуры, узлы и сети. При этом континуальность пространства обеспечивает процессы глобализации, а дискретность – регионализации.

Водохозяйственная структура региона также имеет тесную взаимосвязь с природными и социально-экономическими факторами развития. С одной стороны, очевидна предрасположенность её формирования и функционирования с точки зрения природных условий и ресурсов, с другой – её развитие обусловлено запросом и потребностями в водных ресурсах, доступностью воды необходимого качества и техническими возможностями строительства тех или иных систем и сооружений.

Водохозяйственные системы и их пространственная организация находятся в поле зрения исследователей и практиков в силу необходимости оценки возмож-

ностей и эффективности строительства и реконструкции. Вопросы рентабельности – одни из ключевых в настоящее время. Однако ответить на них зачастую сложно. Каковы пределы рентабельности и почему в одном населенном пункте строительство центрального водопровода выгодно, а в другом нет, и жители вынужденно переходят на индивидуальные неглубокие скважины?

На наш взгляд, ответы на подобные вопросы следует искать в исследованиях по изучению территориальной организации и структуры водопользования в регионах. Данной тематике и посвящается эта работа.

Методы и источники данных. Методологически изучение территориальной организации общества отражено в работах многих исследователей – Э. Б. Алаева, Ю. П. Михайлова, Ю. Г. Саушкина, А. А. Ткаченко, Б. С. Хорева, А. Т. Хрущёва и других. Здесь лишь отметим, что дефиниция сравнительно нова для науки. Впервые термин представлен в двух источниках, почти одновременно – в словаре-справочнике Э. Б. Алаева как «сочетание функционирующих территориальных структур (расселения населения, производства, природопользования), объединяемых структурами управления в целях осуществления воспроизводства жизни общества в соответствии с целями и на основе действующих в данной общественной формации экономических законов» [1, с. 33] и в работе Б. С. Хорева [5]. Согласно Б. С. Хореву [5], территориальная организация общества охватывает все вопросы, касающиеся территориального разделения труда, размещения производительных сил, региональных различий в производственных отношениях, расселения людей, взаимоотношения общества и природы, а также проблем региональной политики.

В развитие представленных в работе [3] понятий о территориальной организации природопользовании нами разработаны отдельные принципы территориального «проецирования» водопользования (ВП) [4]. Применяв методику Т. Г. Руновой с соавторами [3], выделены *крупноочаговые, очаговые, линейные, линейно-площадные* и *дисперсные* системы. В частности, под системами ВП понимаются исторически сложившиеся формы использования водных ресурсов, нашедшие отражение в особенностях территориальной структуры водопользования (или водохозяйственной структуры), обусловленные зонально-провинциальными различиями ландшафтов, уровнем и характером социально-экономического развития регионов, общностью культурных и национально-этнических условий проживания населения. Такой методологический подход прошел апробацию на примере регионов Верхней Оби [2]. Для анализа и оценки использована статистическая информация, предоставляемая в открытом доступе Росводресурсами, Роспотребнадзором и Росстатом.

Результаты. На примере бассейна Верхней Оби представим водохозяйственную структуру регионов. Крупноочаговые системы приурочены к узловым

элементам демоэкономического каркаса и входят в состав агломерационных форм размещения населения. К ним в первую очередь следует отнести административные центры субъектов, города-миллионеры, большие, крупные и крупнейшие города с числом жителей от 100,0-500,0 тыс. чел. и более, а также крупные промышленные узлы и центры, отличающиеся высокими объемами водозаборов и водопотребления. Они имеют высокий уровень благоустройства жилого фонда системами централизованного водоснабжения и водоотведения (удельный вес жилой площади, оборудованной водопроводом и канализацией, достигает 90% и более).

Очаговые системы водопользования расположены в средних и малых городах, которые выполняют функции «второго» города в агломерации, или являются городами-спутниками, выполняют важные административные и хозяйственно-промышленные функции в территориальных системах сельского расселения. Охват услугами централизованного водоснабжения, как правило, не превышает 50-75% жилищного фонда.

Другие системы играют соподчинённую роль в водохозяйственной структуре регионов. Линейные системы чаще всего имеют функции передачи воды на большие расстояния для ее использования в хозяйственно-питьевых, производственных и иных целях. Линейно-площадные – служат для целей орошения, характеризуются определенной пропускной способностью и площадью орошаемых земель. В сельской местности групповым формам расселения соответствуют дисперсные системы, которые отличаются небольшими объемами забранных и использованных вод, а также образующихся стоков. Существование этих систем обусловлено наличием следующих объектов водохозяйственной инфраструктуры: водонапорная башня, уличная водопроводная сеть, водоразборные колонки. Использование воды происходит преимущественно для хозяйственно-питьевых нужд населения без предварительной водоподготовки.

Всю совокупность систем водопользования и водохозяйственной структуры регионов можно определить взаимоувязанностью с имеющимся речным и подземным стоком. Ресурсы общего речного и подземного стока ландшафтных провинций Западной Сибири возрастают при продвижении с юга на север, но не имеют прямой широтной зависимости.

Особенности территориальной структуры водопользования в значительной степени определяются действием антропогенного фактора их формирования и функционирования. Этот факт в полной мере доказывается теснотой корреляционной связи между показателями использования водных ресурсов и численности проживающего населения в ландшафтных провинциях Западной Сибири: $r=0.90$ (коэффициент корреляции Спирмена) при $p<0.05$.

Действие антропогенного фактора имеет обратную зависимость с природообусловленным характером развития систем водопользования. Так, при расчетах корреляции между показателями потенциальной водообеспеченности общим речным стоком и объемами использования водных ресурсов из поверхностных водных источников, а также показателями водообеспеченности подземными водами и объемами использования водных ресурсов из подземных водных источников коэффициент Спирмена (Кенделла) имеет отрицательное значение и соответственно равен $-0,73$ ($-0,54$) и $-0,68$ ($-0,51$) при $p < 0.05$, определяя в том числе и территориальное несоответствие водных ресурсов существующим потребностям в воде.

Выводы. Территориальная организация водопользования призвана устранить указанное территориальное несоответствие между водными ресурсами и их потребностями. Анализ систем ВП показывает, что в водохозяйственной структуре регионов главные водозаборы (сбросы сточных вод) приурочены к крупнейшим городам и промышленным центрам основной полосы расселения, охватывающей лесостепь, южную тайгу и северную степь Западной Сибири.

Библиографический список

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
2. Винокуров Ю. И., Рыбкина И. Д., Стоящева Н. В., Курепина Н. Ю. Территориальная организация водопользования в бассейне реки Алей // География и природные ресурсы. 2014. № 3. С. 133-140.
3. Рунова Т. Г., Волкова И. Н., Нефедова Т. Г. Территориальная организация природопользования. М.: Наука, 1993. 208 с.
4. Рыбкина И. Д. Водоресурсное обеспечение долгосрочного регионального развития Западной Сибири (на примере Обь-Иртышского бассейна). Дис. ... д. г. н. по спец. 25.00.36. Барнаул, 2020. 249 с.
5. Хорев Б. С. Территориальная организация общества. М.: Мысль, 1981. 320 с.
6. Шарыгин М. Д. Основные направления фундаментализации социально-экономической географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития. Матер. Межд. науч. конф. / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова. 2010. С. 144-149.

TERRITORIAL DISCONFORMITY IN THE WATER STRUCTURE OF THE REGIONS OF WESTERN SIBERIA: NATURAL AND ANTHROPOGENIC FORMATION FACTORS

I.D. Rybkina, E.S. Orlova

*Institute for Water and Environmental Problems SB RAS, Barnaul, Russia,
e-mail: irina.rybkina@mail.ru*

The author's approach to the study of the territorial organization of water use is presented, as well as the results of studying the water management structure of the regions. A feature of the approach is the recognition of the equal importance of natural and anthropogenic factors in the formation of water management systems. The use of landscape-basin methodology makes it possible to analyze the natural factors in the formation of systems, and in combination with water management information, to assess the degree of determination of anthropogenic factors in the development of systems. Using the example of the Upper Ob regions, large-focal, focal, linear, linear-areal and dispersed systems with a different set of water services provided and the share of the population and housing stock with centralized water supply services are identified. Territorial discrepancies between needs and resources in the formation of water use systems have been identified.

Keywords: water management structure, territorial organization of water use, water resources, water use systems

ЕЩЁ РАЗ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ ТРАНСПОРТА

В.П. Сидоров

*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
Ижевск, Россия, e-mail: sidorov@yamail.udm.ru*

В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития отечественной географии транспорта. На основе анализа информации о кандидатских и докторских диссертациях, представляемых на соискание учёных степеней кандидата и доктора географических и экономических наук, делается вывод о недостаточном внимании к транспортно-географической тематике.

Ключевые слова: отечественная география транспорта, проблемы, диссертации

Постановка проблемы. Транспорт в виде территориальной транспортной системы выступает в качестве одного из важнейших компонентов социально-экономической комплекса любого заселенного территориального объекта. Транспортная система, являясь важнейшей частью и социальной, и производственной инфраструктуры, в значительной степени определяет географический «рисунок» всего общественного пространства, в том числе – параметры функционирования отраслей экономики и, в немалой степени, уклад труда и отдыха населения [1–3].

Транспорт – объект исследования многих наук: экономических, технических. Транспорт очень географичен, поскольку «привязан» к конкретной территории. И потому, конечно, он был, есть, будет и должен оставаться одним из важнейших объектов исследования такой отрасли социально-экономической географии, как география транспорта.

В то же время еще в 2012 году автор предлагаемой статьи (после анализа имеющихся списков) обратил внимание на малое количество авторефератов диссертаций по транспортно-географической тематике [5; 6].

После того, как через 12 лет было вновь обращено внимание на то, что приходит мало авторефератов диссертаций по географии транспорта, автор решил повторить исследование.

Методы и источники данных. В качестве источника информации послужил сайт «Поиск диссертаций и авторефератов...» [4]. Автор не может гарантировать стопроцентный охват диссертаций по транспортно-географической тематике, но подавляющая их часть была отмечена. Были учтены все диссертации на соискание учёных степеней кандидата и доктора географических наук, а также те диссертации на соискание учёных степеней кандидата и доктора экономиче-

ских наук, в которых упор был сделан именно на географические аспекты развития и размещения транспорта (работы по «чисто» экономике транспорта не учитывались).

Результаты исследования представлены в таблице. Информация собиралась по отдельным годам, но в представленной ниже таблице с целью экономии места была сведена в четырехгодичные интервалы.

Таблица

Количество защищённых диссертаций по транспортно-географической тематике

Годы Регион	Весь транспорт или отдельный вид (виды) транспорта	Годы *						Всего
		2000–2003	2004–2007	2008–2011	2012–2015	2016–2019	2020–2023	
Мир	Весь транспорт	0	0	КГ ДЭ	КГ КГ	0	0	3 КГ + 1 ДЭ = 4
	Отдельный вид (виды) транспорта	0	0	КГ КЭ	0	КГ КЭ	0	2 КГ + 2 КЭ = 4
Россия (РФ)	Весь транспорт	КГ КЭ	КГ	КЭ	0	0	0	2 КГ + 2 КЭ = 4
	Отдельный вид (виды) транспорта	КЭ	ДЭ КЭ	КГ КГ ДЭ	КГ КГ	КЭ	0	4 КГ + 3 КЭ + 2 ДЭ = 9
Регион РФ	Весь транспорт	КГ КЭ	КГ	КГ КЭ	КГ КГ КГ	КГ КГ	КГ	9 КГ + 2 КЭ = 11
	Отдельный вид (виды) транспорта	0	КГ КГ	КГ	КГ	0	0	4 КГ = 4
Город	Весь транспорт	0	КГ КЭ	КГ	0	КГ	КГ КГ	5 КГ + 1 КЭ = 6
	Отдельный вид (виды) транспорта	ДГ	0	0	КГ	0	КГ	2 КГ + 1 ДГ = 3
Всего		6	8	12	9	6	4	45

* КГ – диссертация на соискание степени кандидата географических наук; ДГ – диссертация на соискание степени доктора географических наук; КЭ – диссертация на соискание степени кандидата экономических наук; ДЭ – диссертация на соискание степени доктора экономических наук.

Всего было найдено 45 работ по транспортно-географической тематике, которые были сгруппированы:

1. По территориальному охвату на диссертации, охватывающие:
 - Весь мир;
 - Российскую Федерацию;
 - Отдельный регион;
 - Отдельный город;

2. По отраслевому признаку на диссертации, исследующие:

- Все виды транспорта;
- Отдельные виды транспорта.

Анализ содержания таблицы показал следующее.

По территориально-отраслевому охвату работы распределились следующим образом:

- Регион (весь транспорт) – 11 работ;
- Россия (отдельный вид транспорта) – 9 работ;
- Город (весь транспорт) – 5 работ;
- Мир (весь транспорт), Мир (отдельный вид транспорта), Россия (весь транспорт), Регион (отдельный вид транспорта) – все по 4 работы;
- Город (отдельный вид транспорта) – 3 работы.

По группам годов работы распределились следующим образом:

1. 2008–2011 гг. – 11 работ;
2. 2012–2015 гг. – 9 работ;
3. 2004–2007 гг. – 8 работ;
4. 2009–2003 гг. – 6 работ;
5. 2016–2019 гг. – 6 работ;
6. 2020–2023 гг. – 4 работы.

Среди отдельных годов по количеству диссертаций лидирует 2014 год – 5.

Ни одной работы по транспортно-географической тематике не было в: 2001 и 2019 годах. По одной работе было представлено на защиту в: 2000, 2006, 2007, 2012, 2015, 2016, 2018, 2020, 2021, 2022 и 2023 годах.

Выводы. По транспортно-географической тематике наблюдается:

1. Слабая научная активность экономико-географов в этом направлении, что находит выражение в малом количестве работ.
2. Снижение количества работ к 2020-м годам (качество работ, по понятным причинам не учитывалось).
3. Малое количество работ по всему городскому транспорту.
4. Недопустимо малое (последнее место) количество работ по отдельным видам городского транспорта.

По мнению автора, в последние годы именно слабый интерес экономико-географов к городскому транспорту тормозит развитие всей географии транспорта. Во многих случаях географы на местах слабо контактируют с городской администрацией и не представляют, какие задачи в сфере городского транспорта приходится решать последней. В свою очередь, представители соответствующих подразделений городской администрации либо даже не знают о существовании географов в своих городах, либо уверены, что географы ничем им помочь не мо-

гут. Примерно то же самое можно сказать о взаимоотношении географов с городскими застройщиками. В обоих случаях в большей степени виноваты именно экономико-географы, которые, к сожалению, ведут себя очень пассивно.

За последние 9 лет экономико-географам Удмуртского государственного университета в процессе исполнения хозяйственных договоров удалось наладить устойчивые связи с соответствующими подразделениями городской Администрации Ижевска, а также с транспортными организациями и некоторыми частными застройщиками и владельцами крупных хозяйственных и торговых объектов города. Удалось определить и те виды работ, в которых географы вполне успешны (указаны не все);

1. Оценка и прогноз интенсивности транспортных потоков;
2. Оценка и прогноз интенсивности пешеходных потоков;
3. Оценка и прогноз уровня загруженности отрезков улично-дорожной сети;
4. Разработка схемы организации дорожного движения в новостройках;
5. Определение мест размещения платных автостоянок;
6. Определение мест размещения дорожных знаков и дорожной разметки.

Библиографический список

1. Бугроменко В. Н. Транспорт в территориальных системах. М.: Наука, 1987. 110 с.
2. Волкова М. Н. Крылов П. М. Семина И. А., Сидоров В. П. Транспортный фактор дифференциации застройки в пригородной зоне Московского столичного региона // Московский экономический журнал, 2020 г., № 8 С. 32–44. Москва: ООО «Электронная наука», 2020. С. 32–44.
3. Гольц Г. А. Транспорт и расселение. М.: Наука, 1981. 248 с.
4. Поиск диссертаций и авторефератов. URL: <https://www.dissertacat.com/search?q=%D0%93%D0%B5%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F+%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0&year=&cat=> (Дата обращения: 08.09.2023).
5. Сидоров В.П. География транспорта в современной отечественной общественной географии // Проблемы территориальной организации природы и общества. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск: ИГ СО РАН, 2012. С.310-312.
6. Сидоров В. П. Об отечественной географии транспорта // Эволюция общественно-географической мысли. Материалы международной научной конференции. СПб–Ростов-на-Дону, 2012. С.279-284.

ONCE AGAIN ABOUT THE DOMESTIC GEOGRAPHY OF TRANSPORT

V.P. Sidorov

*Udmurt State University, Izhevsk
Izhevsk, Russia, e-mail: sidorov@yandex.ru*

The article discusses the problems and prospects for the development of domestic transport geography. Based on the analysis of information on candidate and doctoral dissertations submitted for the academic degrees of candidate and doctor of geographical and economic sciences, a conclusion is drawn about insufficient attention to transport and geographical topics. *Keywords:* domestic geography of transport, problems, dissertations

СВОЙСТВА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТУРИСТСКОГО ЦЕНТРА

Н.Д. Соколов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
Тверь, Россия, e-mail: nikita.sok1998@mail.ru

На примере Барселоны (Каталония, Испания) установлены основные признаки, составляющие отличительную особенность городского пространства «идеального» туристского центра. Изменение свойств городского пространства произошло под влиянием активного развития туризма. В этом состоит сущность пространственных (географических) функций городского туризма – активного современного «организатора» городского пространства.

Ключевые слова: Барселона, туризм, туризм в городском пространстве, географические функции туризма.

Постановка проблемы. Оценка влияния туризма на городское пространство остаётся слабо изученным и исключительно актуальным вопросом теории и практики городского развития. Вопрос: способен ли туризм изменить основные свойства городского пространства: каркасность, урбанизированность, динамичность, доступность, функциональную фрагментарность, инновационность, идентичность, образ и др.? Эти свойства усиливаются в связи с активным развитием туризма? Ответ на эти вопросы можно получить, анализируя практику активного развития туристских центров.

Методы и источники данных. Наш пример – Барселона – портовый город – морские «ворота» Южной Европы, исторический международный туристский центр. «Весёлая Барселона» всегда создавала досуговые места для моряков и деловых людей. Туризм как специализация Барселоны на проведении международных событийных мероприятий (выставки 1888, 1926 гг., Олимпиада 1992 г., фестиваль Sonar с 1994 года и др.) сохраняется. Барселона принимает значительный поток туристов – более 10 млн. туристов в год, и представляет собой глобальный город как один из крупнейших международных туристских центров [5]. Туристские районы занимают 70% города, основные: Грасиа, Старый город, Эшампле, Сант Марти, Сантс-Монжуик, Лес Кортс и Саррия-Сант Жерваси. Вместе они создают целостную туристскую территорию – кластер.

Сущность методики выявления и оценки влияния туризма на городское пространство (табл.1): 1) по литературным источникам и самостоятельно установлены основные свойства городского пространства; 2) на примере анализируемого опыта развития туризма в Барселоне выявлены основные изменения и риски в городском пространстве.

В качестве источников исходной информации использованы зарубежные данные веб-сайтов Барселоны: статистика, каталоги, карты [9; 12].

**Влияние туризма на городское пространство: направления и риски
(на примере Барселоны)**

Основные свойства городского пространства	Изменение свойств городского пространства при активном развитии туризма
Урбанизированность	Высокая урбанизированность, в том числе повышение благоустройства города. Основные пространственные формы процесса туристской урбанизации в городах: расширение застройки туристского назначения, формирование туристских пространств, изменение схемы землепользования и общественного транспорта и др. [7].
Каркасность: трассы соединяют разные части города и этим обеспечивают его единство [2, с. 13]	Усиление свойства каркасности за счет создания линейных и узловых элементов городского туристского каркаса – туристских городских маршрутов и троп, центров, узлов, зон и районов туризма, шопинг-квартала
Ограниченность пространства	Расширение города за счет вовлечения в туризм ранее брошенных неудобных земель
Функциональная фрагментарность	Развитие туризма расширяет функциональный потенциал городского пространства, способствует разделению города на пространства, где каждое из пространств приобретает особый характер и нацелено на определенную потребительскую аудиторию. Формирование туристского пространства (как системы пространств: сервисного, культурно-познавательного, шопинг-квартала и др.)
Идентичность и образ	Формирование современного приморского портового города и глобального туристского центра, в котором пространственно сочетаются портовые, промышленные и туристские функции с жилыми, расширяются общественные пространства. Развитие туризма позволило городу провести ребрендинг с последующей трансформацией, формируется и трансформируется туристский образ
Динамичность	Регулярная перестройка города, активное развитие туризма после проведения Олимпийских Игр 1992 года
Инновационность, доступность	Опыт с проведением Олимпиады 1992 года позволил городу определить дальнейшую цель – город как глобальный центр, реализуя конкретные инновационные проекты («умный» город, проект 22@ и др.) и проекты «доступный» город Главный урбанистический проект, который принесет радикальность и инновационность, заключается в создании суперкварталов с ликвидацией части автодорог для увеличения пешеходных зон в городе
Конфликтность интересов	Конфликты туристской джентрификации, проблемы овертуризма

Составлено автором по данным ист. [1; 8; 10–11]

Отличительная особенность влияния туризма на городское пространство Барселоны состоит в том, что каждое первоначальное международное событийное мероприятие (международные выставки 1888, 1929 гг.; Олимпиада 1992 года) было использовано для значительного преобразования городской планировки, застройки и благоустройства в интересах местных жителей и для временного пребывания многочисленных гостей [4; 6–7]. В табл. 2 представлена современная хронология (с 1991 года – подготовка к Играм) трансформации урбанистического облика Барселоны.

Хронология трансформации урбанистического облика Барселоны

Ключевые этапы развития города	Особенности урбанистического облика города
Начальный этап развития города (состояние в 1991 г.)	«Серый» и старый портовый город, точечная локализация новостроек в городе
Строительство объектов и инфраструктуры к Олимпийским Играм 1992 года	Кольцевая структура новостроек, кольцевая дорога. Выход на побережье: порт, пляжи, отели
Послеолимпийские объекты (реализованные)	Территориальный фронтальный сдвиг застройки на юг: реконструкция промзоны 22@ и др.
Послеолимпийские объекты (реализованные, не до конца)	Превращение в «умный город», внедрение новых технологий и датчиков, закрытие для транспорта 70% дорог, чтобы создать пешеходные кварталы

Составлено автором по данным [3]

Результаты. Барселона – идеальный туристский центр, по мнению гостей. Вероятно, на примере Барселоны можно попытаться определить сущность «идеальных» свойств городского пространства. Пространство туристского города должно обладать *особыми свойствами, или признаками*, составляющими отличительную особенность:

1. Наличие и создание специализированного туристского пространства как сочетания функциональных частей города, ориентированных на обслуживание туристов: туризм структурирует пространство;

2. Создание транспортно- и пешеходно доступного пространства (в том числе за счет пространственного «разведения» городского потока местных жителей и гостей);

3. Формирование, сохранение и расширение специально обустроенных общественных пространств, открытых, комфортных и безопасных для местных жителей и гостей;

4. Формирование и сохранение целостности городского пространства с уплотнением освоенных территорий за счет использования ранее брошенных/неудобных земель. Единство городского пространства поддерживается за счёт усиления каркасности (в том числе элементов туристского каркаса – туристских маршрутов, центров, узлов, зон и районов туризма);

5. Способность пространства (его элементов) перераспределять или изменять свою функциональность;

6. Усиление центральности отдельных улиц и частей города из-за роста интереса туристов;

7. Формирование туристского облика и образа города (его трансформация, восстановление отдельных элементов и др.).

Выводы. Туризм – активный «организатор» городского пространства, так как вносит изменения в его устройство, усиливает основные свойства и создаёт новые. Эти изменения составляют сущность географических (пространственных) функций туризма: «размещенческой», дифференцирующей, диспозиционной, интегрирующей, структурирующей, морфологической и управленческой

[6]. Негативные последствия активного развития городского туризма можно описать следующими процессами: туристская джентрификация (выталкивание местных жителей с мест их проживания для развития туризма); формирование элитных «ареалов», закрытых для местных жителей; овертуризм («перенасыщение» пространства туристами).

Библиографический список

1. Арагал Ф. Барселона: от плана доступности – к городу для всех // Вестник Российского Международного Олимпийского Университета. 2012. № 3(4). С. 50–57.
2. Городское пространство: социально-географические подходы: Сборник научных трудов / Под ред. А. А. Ткаченко / Научная серия «География и региональное развитие». Вып. 2. Тверь, 2002. 68 с.
3. Модуль 3: от Берлина до Барселоны // Третий офлайн-модуль программы Архитекторы. рф, ноябрь 2018. URL: <https://xn--80akijuiemcz7e.xn--p1ai/blog/longrid-po-uprazhneniyam-modulya-3> (дата обращения: 26.09.2023).
4. Соколов Н. Д., Яковлева С. И. Барселона (Каталония) – «ворота» Приморской Европы // Третьи политико-географические чтения им. О.В. Витковского: Сб. тезисов научн. докладов по итогам Всероссийской научн. конф. М., 7 октября 2022 г. М.: Росс. гос. ун-т туризма и сервиса, 2022. С. 42–44.
5. Соколов Н. Д. Глобальные города – международные туристские центры // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: География и геоэкология. 2022. № 4(40). С. 65–72. DOI 10.26456/2226-7719-2022-4-65-72.
6. Соколов Н. Д., Яковлева С.И. Туризм в пространстве Барселоны // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: География и геоэкология. 2022. № 2(38). С. 43–65. DOI 10.26456/2226-7719-2022-2-43-65.
7. Яковлева С. И., Соколов Н. Д. Туристская урбанизация: системное понятие и процесс // Город и люди: пространство и время: Сб. статей Международной конференции, Смоленск, 28–30 апреля 2023 г. М.: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2023. С. 423–428.
8. Harvey D: Rebel Cities. From the Right to the City to the Urban Revolution. Verso, London-New York. 2012.
9. Hassan M., Hui Xie The influence of urban development on the creation of Barcelona paradig. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/301892874_The_influence_of_urban_development_on_the_creation_of_Barcelona_paradigm
10. Kurochkina V. «Urban water bodies as the basis for functioning of public spaces» E3S Web of Conferences 217, 02005, 2020. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/77/e3sconf_ersme2020_02005.pdf (дата обращения: 26.09.2023).
11. Van Nes A., Yamu C Established Urban Research Traditions and the Platform for Space Syntax. In: Introduction to Space Syntax in Urban Studies. 2021. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-59140-3_1 (дата обращения: 26.09.2023).
12. Waker A., Porraz B. The case of Barcelona, Spain. 2003. URL: https://www.ucl.ac.uk/dpu-projects/Global_Report/pdfs/Barcelona.pdf (дата обращения: 26.09.2023).

PROPERTIES OF THE URBAN SPACE OF THE TOURIST CENTER

N.D. Sokolov

Tver State University, Tver, Russia, e-mail: nikita.sok1998@mail.ru

Using the example of Barcelona (Catalonia, Spain), the main features that constitute the distinctive feature of the urban space of an «ideal» tourist center are established. Changes in the properties of urban space occurred under the influence of the active development of tourism. This is the essence of the spatial (geographical) functions of urban tourism – an active modern «organizer» of urban space.

Keywords: Barcelona, tourism, tourism in urban space, geographical functions of tourism.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТНОЙ И КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹¹

В. А. Столбов

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия,
e-mail: Stolbov210857@mail.ru*

В статье рассматривается проблема выделения, философского и метагеографического обоснования существования географической формы материи. На основе анализа эволюции философских взглядов на классификацию форм материи, по результатам современных достижений философии, метагеографии, отраслевых географических дисциплин и смежных естественных наук предложена новая трактовка объекта географических исследований – географической материи как комплексной субстанции, обеспечивающей необходимые условия жизнедеятельности людей, – природного тела общества.

Ключевые слова: философские основы географии, географическая материя; метагеография; географическое пространство; географическое время.

Постановка проблемы. Существует две точки зрения на пути построения теоретических знаний конкретных наук. Согласно одной – теории представляют собой логично организованную, математически и экспериментально выверенную модель эмпирических фактов и закономерностей, построенную индуктивным путем. Это «восходящий» путь создания научной теории, основанный на верификации гипотетических знаний и представлений.

Вторая позиция рассматривает научную теорию в качестве идеализированной модели эмпирических фактов и явлений и отказывает ей в возможности происхождения от индуктивных обобщений первичных сведений. В таком случае теория представляется описанием особого типа идеальной реальности – мира идеальных объектов и взаимосвязей между ними [14]. Подобный «механизм» теоретических построений вынужден опираться на определенный философский фундамент, используя ее (философии) гносеологические ресурсы.

Методы и источники данных. Философия служит дедуктивным основанием, базисной матрицей научной идеи, способствуя внедрению ее в существующую систему рационального знания. Философские основания научных теорий многие ученые выделяют в самостоятельный, качественно своеобразный уровень фундаментальных теорий – метатеоретический. В географии этот уровень исследований получил название метагеографии и нашел свое развитие в трудах В. М. Гохмана, Б. Л. Гуревича и Ю. Г. Саушкина [5], А. М. Смирнова [13],

М. Д. Шарыгина и А. И. Зырянова [20], Ю. Г. Саушкина [12], В. А. Блаженова [1], А. М. Трофимова и М. Д. Шарыгина [18], М. Д. Шарыгина [19] и др. Влияние философии на теоретический мир является не всеобщим, а выборочно-точечным, акцентируя внимание на наиболее актуальных проблемах конкретного научного мировоззрения. Как правило, эти болевые точки, первоначально осознаются представителями самой науки и только позже получают необходимое философское обоснование.

Построение стройной магеографической теории невозможно без создания соответствующей философской базы.

Результаты. Научное понятие материи, включающее в себя содержание интенсивной и экстенсивной концепций, имеет важное методологическое значение для естествознания. «Не умаляя значение интенсивной концепции, следует отметить, что при переходе к конкретным наукам все большую роль начинает играть концепция экстенсивная, определяющая материю как бесконечную совокупность предметов» [9, с. 47]. Возрастание роли экстенсивного аспекта понятия материи закономерно связано с необходимостью определения предмета изучения каждой из конкретных наук. Ни одна наука не может быть правильно понята, если она рассматривает свой предмет изолированно от других наук. «Выявление связи, сотрудничества, взаимодействия любой науки с другими науками необходимо для правильного понимания специфики ее предмета и определения ее места и роли в общей системе знаний» [2, с. 3]. Эта задача наиболее актуальна в настоящее время при усиливающихся тенденциях дифференциации и интеграции наук, возникновения новых дисциплин в пограничных областях знаний, расширения всей сферы познавательной деятельности человека.

Идея материального единства мира, обоснованная, по словам Энгельса, «...длинным и трудным развитием ФИЛОСОФИИ и естествознания...» [21, с. 39] в первую очередь требует решения проблемы классификации этого мира вообще. Первое, наиболее крупное деление вычленяет в реальном мире две диалектически взаимосвязанные сущности – материю и сознание. Материя как субстанция представляет собой единство материи-субстрата и его атрибутов: движения, пространства, времени, отражения и пр.

Материя существует в виде бесконечного многообразия своих форм, непрерывно изменяющихся в пространстве и времени. Сущность этих форм проявляется только в процессе их взаимодействия, изменения, движения. Различные виды и формы материи можно познать только через соответствующие им способы существования – движения. «Тела неотделимы от их движения: их формы и виды можно познавать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отнесения к другим телам, ничего сказать нельзя. Лишь в движении тело обнаруживает, что оно есть» [7, с. 68]. Дифференциация материи, таким образом, предполагает и дифференциацию основных ее свойств и атрибутов. Следовательно,

основой классификации многообразия реального мира является понятие материи, которое дает начало нескольким классификационным рядам: форм материи и принадлежащих ей атрибутов.

Проблема выделения географической формы материи имеет определяющее теоретическое и методологическое значение для современной географии. Практическое значение географии непрерывно растет, и любая из теоретических «недоработок» снижает ее потенциал для выполнения народнохозяйственных задач в научном, организационном и образовательном аспектах. Еще более важное значение имеет вопрос о месте географии в системе наук, разработка философской основы для определения предмета и объекта ее изучения. На наш взгляд в настоящее время сформировались и существуют определенные философские концепции, позволяющие конструктивно подойти к решению этого вопроса.

Качественный скачок произошел в философии в середине XX столетия. Он характеризуется новым этапом (после схемы Ф. Энгельса) классификации основных форм материи. Это классификация академика Б. М. Кедрова, впервые изложенная им в 1954 г. в Цюрихе.

В трудах академика-философа дальнейшую разработку получила концепция развития, перехода от низшего к высшему, соотношения низших и высших ступеней развития материи. Особенное внимание уделяется проблеме возникновения высшего. «Соотношение различных форм материи основано на том, что при возникновении высшей формы материи из низшей, (сложной из простой) низшая не уничтожается, а сохраняется внутри высшей, сложной формы, но лишь теряет свою самостоятельность, подчиняясь этой более сложной, более высокой форме материи, она входит в эту высшую, сложную форму, как входит в структурном отношении часть в целое» [5, с. 277].

Б. М. Кедров отмечает, что с точки зрения общего поступательного развития не все ветви природы имеют прогрессивное и непосредственное продолжение: «Например, в живой природе происходит раздвоение развития на растения и животных; первая ветвь, достигая ступени высших растений, не дает возможность развитию выйти за рамки собственно природы и перейти на более высокую ступень, такую, как человеческое общество. Такой переход возможен и осуществляется лишь на второй ветви природы, развитие которой приводит к возникновению человека, а с ним вместе и к качественно более сложной и высокой ступени развития всей материи» [6, с. 279].

На основании этого философ делает вывод, что подобные ответвления и служили условием и предпосылкой самого перехода, т.е. растения служат условием существования (пищей) для травоядных животных, а последние выполняют ту же роль по отношению к плотоядным и всеядным высшим животным. Они наблюдаются и при развитии других основных форм материи, например, развитие химического вещества на ветвь, приводящую к неорганическим образованиям, с

одной стороны, и ветвь, приводящим к сложным органическим, углеродистым соединениям – с другой.

Возникает вопрос о выделении условий возникновения живого. По мнению Г. В. Ф. Гегеля живое проходит три ступени своего развития: А. *Геологический* организм; В. Как особенная формальная субъективность – *растительный* организм; С. Как единичная конкретная субъективность – *животный* организм. Земля – основание и почва живого. Поэтому Гегель определяет ее как «организм в себе», «геологический организм», хотя она не есть еще собственно живое [3, с. 375].

Продолжая логику Гегеля, Б. М. Кедров отводит геологической материи вспомогательную, «подчиненную» роль по отношению к магистральной линии прогрессивного развития, в данном случае по отношению к биологической: не переходя непосредственно в эту последнюю, геологическая форма представляется как ее необходимая предпосылка, необходимое условие для ее возникновения и развития.

На этом основании можно сделать вывод, что возникновение белковых тел (живого) из химических соединений стало возможным только при условии достижения геологической материей соответствующей ступени эволюции.

Дальнейшее своё философское обоснование идея развития получила в трудах В. В. Орлова. Он предложил разделить все множество форм материи на три группы: основные, частные и комплексные [10]. При этом частные формы носят переходный характер, отражающий эволюцию «подчиненной», «теневого» формы материи в составе основной. Они не только ничего не теряют в силу своего подчиненного, «теневого» положения, но еще и обогащаются, концентрируются внутри себя. Впервые концепция «теневого системы» была предложена В. В Орловым в его труде «Психофизиологическая проблема» [8].

Выводы. Комплексные формы, по мнению философа, представляют собой целостности, образованные основными формами, но ограниченные в самостоятельности и единстве последних. К ним В. В. Орлов относил *астрономическую* (Метагалактика – галактики – звёзды – планеты), представляющую собой совокупность всех четырех (В. В. Орлов отрицал существование механической материи) основных форм материи и обозначал ее следующим образом: А (Ф, Х, Б, С); *геологическую*, объединяющую физические и химические виды материи в пределах планеты – Г_л (Ф, Х), и *географическую*, включающую физическую, химическую, биологическую и социальную в пределах лито-, гидро- и атмосферы – Г (Ф, Х, Б, С) [10, с. 263]. Эти комплексные формы представляют собой обязательные и необходимы условия возникновения и существования последующей основной формы: астрономическая – химической, геологическая – биологической, географическая – социальной, и в дальнейшем эволюционируют под её непосредственным воздействием.

Географическая материя формируется в виде природных предпосылок возникновения человека и комплекса комфортной среды дальнейшей жизнедеятельности общества [15,16,17].

Библиографический список

1. Блаженков В. А. Введение в метагеографию. Монография. – Воронеж: ВГПУ, 2005. 111 с.
2. Букановский В. М. Принципы и основные черты классификации современного естествознания. Пермь, 1960. 218 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. // Соч. М., 1935. Т. VIII. 468 с.
4. Гохман В. М., Гуревич Б. Л., Саушкин Ю. Г. Проблемы метагеографии // Математика в экономической географии. Вопросы географии. 1968. № 77. С. 3–14.
5. Кедров Б. М. Классификация наук в 3 кн. Книга II. От Ленина до наших дней. М.: Мысль, 1965. 544 с.
6. Кедров Б. М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., «Наука», 1967. 412 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Т. 33.
8. Орлов В. В. Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь. 1966. 438 с.
9. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь., 1974. 397 с.
10. Орлов В. В. Будущее марксистской философии: важнейшие направления развития. Новые идеи в философии: Межвуз. сб. научн. трудов. / Перм. ун-т. – Пермь, 1994. Вып. 2. 134 с.
11. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Ч. 1,2. Предыстория – миф – религия – Просвещение – Кант – Гегель – Современный интеллект. Избранные труды. Пермь: 2002. 363 с.
12. Саушкин Ю. Г. От метагеографии к теоретической географии // География в системе наук. Л.: Наука, 1987. 212 с. С. 11-20.
13. Смирнов А. М. Общегеографические понятия // Теоретическая география. Вопросы географии. 1971. № 88. С. 29-64.
14. Степин В. С. Теоретическое знание: Структура, ист. эволюции. М., 2000. 743 с.
15. Столбов В. А. Географическая материя: сущность и атрибуты // Всероссийская конференция с международным участием «Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика», посвященная 110-летию со дня рождения профессора Ю. Г. Саушкина. Смоленск 2021. 540 с. С.173-185.
16. Столбов В. А. Географическая материя: субстанция и атрибуты // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. Том 32, №2 (2022). С. 216-228.
17. Столбов В. А. К вопросу о новой объект-предметной парадигме в географии // Материалы IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (заочной), посвященной 85-летию высшего географического образования в Тамбовской области «Ландшафтные и экологические исследования природных и антропогенных геосистем». 29.04.2022. Тамбов 2022. С. 424-431.
18. Трофимов А. М., Шарыгин М. Д. Общая теория географии (вопросы теории и методологии). Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 494 с.
19. Шарыгин М. Д. Современные проблемы экономической и социальной географии. Перм. ун-т. Пермь, 2008. 427 с.
20. Шарыгин М. Д., Зырянов А. И. Введение в теоретическую географию. Пермь, 1984. 84 с.
21. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1983. 482 с.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE OBJECT-SUBJECT AND CATEGORICAL ESSENCE OF GEOGRAPHICAL RESEARCH

V. A. Stolbov

Perm State National Research University Perm, Russia

e-mail: Stolbov210857@mail.ru

The article deals with the problem of identification, philosophical and metageographic substantiation of the existence of a geographical form of matter. Based on the analysis of the evolution of philosophical views on the classification of forms of matter, based on the results of modern achievements of philosophy, metageography, branch geographical disciplines and related natural sciences, a new interpretation of the object of geographical research – geographical matter as a complex substance providing the necessary conditions for human life – the natural body of society is proposed.

Keywords: philosophical foundations of geography, geographical matter; metageography; geographical space; geographical time.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Т.В. Субботина

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия, e-mail: ada@mail.psu.ru*

В статье рассматриваются аспекты пространственной организации территориальных природно-общественных систем. Обосновывается их эволюция и трансформация пространственной организации на основе сетевой концепции, акцентируется внимание на возникающих проблемах и путях их решения.

Ключевые слова: пространственная организация, территориальная природно-общественная система, трансформация, сетевые структуры.

Постановка проблемы. На стадии неоиндустриализации в территориальной природно-общественной системе (ТПОС) повышается роль услуг и информации (относительно занятости населения, их доле в ВВП). Многие услуги оказываются с помощью информационных систем (электронные деньги, электронное правительство и электронные госуслуги, электронные логистические и туристские услуги, электронные библиотеки, электронная почта и связь, электронные магазины и аптеки и т. д.). Всё это повышает комфортность окружающей среды, уровень культуры и качество жизни людей, способствует развитию личности, приобретению свободы выбора профессии, места учебы, отдыха и т. д. Разработка и реализация государственных концепций и программ в области развития информационного общества предоставляет возможность существенно повысить эффективность текущей управленческой деятельности и дальновидность перспективной политики. Всё это ведёт за собой и изменение рисунка и форм организации общественной жизни.

Подходы и методы. Повышение мобильности населения, свободы выбора «оператора услуг» сопровождается деконцентрацией объектов жизни населения, субурбанизацией, повышением роли пригорода и полупериферии. При дальнейшем развитии информационных телекоммуникационных и транспортных систем большая часть услуг становится для населения доступной. Однако, помимо транспортной и временной встаёт вопрос их стоимостной доступности. Возникает необходимость поиска новых форм территориальной организации, приведение к единству содержания и формы ТПОС. Актуализируется поиск новых подходов исследования, выходящих за рамки классических географических инстру-

ментариев. Так *сетевой подход* к изучению пространственной организации системы позволяет учитывать не только организационные особенности самой сети, но и их взаимосвязь с контекстными условиями, в которых она укоренена [9].

Определяющее значение в сети играет характер взаимодействий между её элементами с сочетанием сильных и слабых связей. Современные формы объединения общественной жизни в сетевые структуры связаны с достаточно чётким распределением труда в пространстве.

Сеть имеет алгоритм своего существования. Прежде всего, это – совокупность узлов, линий и потоков между ними. Следовательно, сеть – это совокупность объектов, связанных друг с другом и с центром линиями связи [1–2; 4–6; 8]. При прогнозировании динамики конкретной сетевой формы организации пространства необходимо учитывать влияние на неё как внутренних, так и внешних факторов.

Во главе сети находится *объект-деятель* (ядро), действующее лицо – единица взаимодействия: пункт, точка в сети. Обособленный автономный объект, взаимодействие которого с другими участниками порождает сеть. Центр, привлекающий множественные *потоки*, может осуществлять не только передачу, но и их преобразование (трансформацию).

Множественные потоки в сети направлены на обмен веществом, информацией и энергией. Они и формируют *узел* (узловой пункт в сети) – деятель, участвующий в некоторых взаимодействиях, осуществляющий немногочисленные передачи потоков. Потоки имеют разное содержание. Одни потоки направлены на передачу информации (информационные потоки – интернет, информационно-телекоммуникационные системы, почтовые, телеграфные, телефонные). В то время созидательно-воспроизводственные потоки передают вещество и энергию (экономические, транспортные, торговые, банковские, образовательные, медицинские, жилищно-коммунальные услуги).

Результаты. Ликвидация статуса поселения в прежнем административно-территориальном делении обеспечило населению выбор «оператора услуг» и усилило роль окружного или районного центра. Это, в свою очередь, позволит подойти к формированию территориальных сетей. Частные примеры подобных сетей уже существуют сегодня: экономические (межотраслевые, отраслевые комплексы, кластеры), торговые, экистические (правда, последние в рамках административного деления). Однако в настоящее время сетевой подход необходимо распространять на всю жизнь ТПОС, что повысит ответственность руководителей и эффективность жизни в пределах «сетевой» территории. На территории регионов, представленных ТПОС частными примерами территориальных сетей можно считать организацию работы банковского, образовательного, медицинского, торгового сектора края и России. Все указанные сети объединяются в

пределах конкретной территории, образуют интегральные сети или сетевые структуры, являющиеся формой территориальной организации общества (общественного пространства).

В настоящее время есть примеры классификации сетей [4; 5].

По нашему мнению, сетевые структуры могут быть приемлемы для всех сфер жизнедеятельности людей, и представлены интегральными территориальными сетями, и классификация их может выглядеть следующим образом (табл.).

ТПОС имеет вертикальное (состав отраслевых блоков) и горизонтальное (размещение этих блоков в пространстве – их территориальная организация) измерение. Каждому виду жизнедеятельности в ТПОС соответствует часть или слой географического или интегрального природно-общественного пространства. Рассматривая ТПОС как интегральную пространственную сеть «сеть жизни людей», возникает необходимость выделения в ней частных сетевых структур в ТОЛ и окружающей среде.

Таблица

Классификация сетей	
Признак	Вид сети
Организационная форма	Крупная компания или совокупность юридических самостоятельных фирм и организаций.
Роль в обществе	Производственная, информационная, инновационная, инфраструктурная (сервисная), социальная, экологическая, экзистенциальная (расселенческая), институциональная (управленческая), политическая и др.
Сфера деятельности	Финансово-инвестиционные и финансово-промышленные группы, крупные интегрированные компании, отраслевые интегрированные структуры, сети специального назначения, телекоммуникационные компании, пространственная интеграция инновационных предприятий, сети в сфере образования и науки, медицины.
Круг участников	Предпринимательские, обслуживающие, управляющие сети отраслевого и территориального уровня.

Примером пространственного размещения объектов системы могут выступать кластер, межотраслевой и территориально-производственный комплексы и опорный каркас территории (ОКТ), который должен основываться на экологическом каркасе территории. Основы учения об ОКТ заложил Н. Н. Баранский [3]. Каждой пространственной системе разного иерархического уровня должен соответствовать свой каркас территории. ОКТ региональных центров и городских агломераций имеют внешние выходы в виде магистралей и полимагистралей, и консолидируют всю социально-экономическую деятельность населения регионов и межрегиональных территорий [7; 10].

Социальные сети представляются территориальной общественной системой (ТОС), а комплексные сети – территориальной социально-экономической системой (ТСЭС) или территориальной природно-общественной системой (регион или район, населённый пункт). В данном случае общественное развитие можно

представить пространственными сетями. Нам более импонирует сеть, представленная ТПОС.

Рассматривая ТПОС как интегральную пространственную сеть, возникает необходимость выделения в ней частных сетевых структур в ТОЛ и окружающей среде.

Морфологический рисунок современной ТПОС не соответствует её содержанию. Экистическая сеть – система расселения, опорный каркас территории сформировались в период индустриализации. Она характеризовалась высокой концентрацией населения и, как следствие, «притягиванием» к центру всех объектов хозяйственной деятельности. До настоящего времени в крупных городах проживает около 70% всего городского населения России.

В данном случае необходимо менять менталитет руководителя и от «вертикальных рамок» – отраслевого подхода переходить к «горизонтальному» – территориальному.

Частные примеры подобных сетей уже существуют сегодня: экономические (межотраслевые, отраслевые комплекс, кластеры), торговые, экистические или расселенческие (правда, последние в рамках административного деления). Однако в настоящее время сетевой подход необходимо распространять на всю жизнь ТПОС, что повысит ответственность руководителей и эффективность жизни в пределах «сетевой» территории.

Выводы. Рассматривая пространственное развитие общества, необходимо определиться с географическим пространством и его наполнением. В качестве последнего могут выступать территориальные общественные системы, которые со временем эволюционируют в пространственные общественно-экологические. ТПОС, как комплексные образования, заслуживают внимания с методологической и практической стороны. Рассмотрение структуры, особенностей функционирования, проблем и перспектив развития на каждой ступени их развития позволит в дальнейшем повысить уровень и качество жизни населения. При оптимизации пространственного развития ТПОС необходимо использовать сетевой подход. В настоящее время в ТПОС сформированы отраслевые сети (медицинские, образовательные, торговые, банковские, экистические и т.д.). Следующим шагом должно быть формирование интегральных сетей. С практической стороны это – создание территориальных сетей или сетей «жизни» позволит снять вопросы территориальной дифференциации, территориальной несправедливости. Хотя здесь тоже могут быть определенные риски. Хозяин будет направлять свои потоки в выгодном ему направлении, игнорируя природные и социально-экономические закономерности.

Библиографический список

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. 350 с.
2. Бакланов П. Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. № 6. С. 4–11.
3. Баранский Н. Н. Становление советской экономической географии: избр. тр. / Н. Н. Баранский. М., 1980. 240 с.
4. Блануца В. И. Общественная география: цифровые приоритеты XXI века: монография. Москва: ИНФРА-М, 2022. 252 с. DOI 10.12737/1863096.
5. Большёв. О. Н. Сеть как объект географического исследования // Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте: материалы международной научной конференции (Грозный, 20–25 сентября 2016 г.) / под общей ред. А. Г. Дружинина. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. С. 66 – 69.
6. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // «Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология» (Под ред. В. Л. Иноземцева). М., 1999. С. 494–505.
7. Лаппо Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия геогр. 1983. № 5. С. 16–28.
8. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. Ред. А.П. Горкин. Смоленск, 2013. 328 с.
9. Субботина Т. В. Гносеологический и онтологический аспекты территориальных природно-общественных систем // Географический вестник. 2017. №2 (41). С. 31–42.
10. Шарыгин М. Д., Назаров Н. Н., Субботина Т. В. Опорный каркас устойчивого развития региона (теоретический аспект) // Географический вестник. Пермь, 2005, №1-2. С.15–22.

TRANSFORMATION OF THE SPATIAL ORGANIZATION OF SOCIETY

T.V. Subbotina

Perm State University

Perm, Russia, e-mail: ada@mail.psu.ru

The article discusses aspects of the spatial organization of territorial natural and social systems.

Their evolution and transformation of spatial organization based on the network concept is substantiated, attention is focused on emerging problems and ways to solve them

Keywords: spatial organization, territorial natural and social system, transformation, network structures.

К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» НАСЕЛЕНИЯ

В.А. Рябов

*Кузбасский гуманитарно-педагогический институт ФГБОУ ВО «КемГУ»**г. Новокузнецк, Россия, val27@ya.ru*

В статье дается анализ подходов к определению понятия и оценки качества жизни отечественными и зарубежными учеными, в том числе предложенные М. Д. Шарыгиным. Рассматриваются возможности использования различных индикаторов и методик их интерпретации при выявлении региональных различий. Осуществлена сравнительная характеристика индикаторов качества жизни населения при оценке территориальных различий. Авторы пришли к выводу, об отсутствии единых взглядов на понятие «качество жизни», как и единого мнения об индикаторах его оценки.

Ключевые слова: качество жизни населения, индикаторы качества жизни, социальная инфраструктура, интегральная оценка качества.

Постановка проблемы. В ходе исследования эволюции взглядов на понятие-категориальный аппарат «качество жизни населения» нами было проанализированное более 50 источников литературы. Определено, что наиболее существенный вклад в исследование качества жизни внесли такие российские и зарубежные ученые, как: Е. Г. Анимица, А. П. Бестужев-Лада, Л. А. Безруков, З. Биктимирова, Дж. Гэлбрейт, И. В. Гулакова, И. В. Егоршин, Н. В. Зубаревич, А. А. Возьмитель, Г. А. Захаров, Р. М. Кабо, О. А. Козлова, М. Н. Макарова, Д. Ж. Маркович, Н. Ф. Раймерс, С. В. Рященко, Э. Тоффлер, М. Д. Шарыгин, О. Н. Яницкий и др. Содержание понятия «качество жизни» рассматривается с экономической, географической, социологической и иных точек зрения. В отечественной и зарубежной научной литературе, нет единого мнения, как о содержании, так и подходах к его оценке, нет и так называемого «стандарта» качества жизни. Особое значение при оценке качества жизни играет подбор индикаторов. Оценка может быть объективной, субъективной и интегральной.

Методы и источники данных. Основой исследования послужили методологические подходы отечественной и зарубежной географической науки. Используются теоретико-методологический, эволюционный и системный подходы. В связи с междисциплинарным характером исследования базой исследования выступают научные труды географов, экономистов и социологические работы.

Результаты. Ряд авторов определяют «качество жизни» по степени удовлетворения потребностей населения в благоприятной окружающей среде и материальных благах [1;8;11]. Поэтому при его рассмотрении учитывается социально-общекультурная, политическая, экономическая, экологическая обстановка, в которой взаимодействуют люди. Данный метод основывается в большей степени

на субъективной оценке. В результате формируется один из традиционных подходов к определению данной категории, связанный с понятием удовлетворения человеческих потребностей. Интересно мнение Н. Ф. Раймерса, который данное понятие определяет как меру взаимодействия между средой и ее использованием, легкостью или затрудненностью удовлетворения человеческих потребностей. Он считает: качество жизни отражается на формах поведения людей и во многом предопределяет образ жизни [8].

Актуальным является подход, определяющий понятие «качество жизни» через социально-экономическую среду жизни людей [6]. В качестве индикаторов служат данные о продолжительности жизни, соотношении различных причин болезней и смертности, о детской смертности, психическом здоровье, количестве больниц и коек в них, средней продолжительности госпитализации, количестве медицинского персонала, курении людей, потреблении ими наркотиков и алкоголя и т.д. При таком подходе широко использовалось понятие «уровень жизни», которое рассматривалось в качестве экономического критерия, определяемого количественной оценкой степени удовлетворения человека в жилье, пище, одежде, услугах и т.д.

В научных подходах стран «социалистического лагеря» понятие «качество жизни» рассматривалось главным образом с критических позиций, как искусственно созданное идеологами капиталистического мира (Бабин Б. А., Дубсон Б. И., Захаров Г. А., Толстых В. И.). Однако полного отрицания этой категории не было. Существовало мнение о том, что «качественные характеристики образа жизни имеют не менее важное, а в ряде случаев и более важное значение, чем количественные характеристики, связанные по традиции с категорией «уровень жизни»» [1].

Д. Ж. Маркович считает, что понятие «качество жизни» – изменчивая категория, которая не предполагает существования постоянного определения [5].

Понятие «качество» жизни в настоящее время имеет в научной литературе меньшее количество определений в отличие от «образа жизни» (Алексеев А. И., Бочкарёва Т. В., Кабо Р. М., Ковалёв С. А., Шарыгин М. Д. и другие). Относительно образа жизни существует также мнение, что это понятие «еще не состоялось» [9]. В отличие от уровня и условий жизни оно более общее и в то же время «более сложное и многогранное» [4].

М. Д. Шарыгин констатирует: «Образ жизни – это способ жизнедеятельности людей. Он включает следующие сферы деятельности населения: 1) труд, 2) потребление благ и услуг, 3) семья, быт, отдых, 4) охрана природы и здоровья людей, 5) образование и культура, 6) наука и искусство, 7) общественно – политическая деятельность и др.» [10, с. 44].

По нашему мнению, понятие качество жизни не является составной частью образа жизни, образ жизни зависит от наличия и степени развития тех или иных показателей жизненных условий. Поэтому, на первый взгляд, понятию «качество жизни» по содержанию больше соответствует категория «условия жизни».

При оценке качества жизни используются разное количество индикаторов: от 6 в оценке Организацией объединенных наций Индекса человеческого развития до 200 у различных авторов. На наш взгляд, важно из каких блоков социально-экономической и экологической среды данные индикаторы. Так, Л. А. Безруков при оценке качества жизни населения городов использует индикаторы, объединенные в три блока:

— социально-экономические индикаторы: обеспеченность населения индивидуальными условиями жизни (уровень развития сферы здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, степень благоустройства жилья, уровень занятости и безработицы, доходов населения);

— медико-демографические индикаторы, характеризующие здоровье населения и его демографическое благополучие (уровни рождаемости и смертности, естественного воспроизводства населения, продолжительности жизни, динамики заболеваемости, миграции и т.д.);

— экологические индикаторы (содержание вредных веществ в природных сферах) [7].

Исторически сложилось так, что измерение качества жизни производилось двумя различными способами: измерение объективных условий жизни и измерение субъективных условий жизни. В результате сформировались 2 концептуальные модели, которые в литературе называют объективистской и психологической.

Выводы. При выборе приоритетных компонентов для оценки качества жизни в регионах России следует ориентироваться на зарубежный и отечественный концептуальный и практический опыт. Для разных регионов России приоритетными могут являться различные компоненты качества жизни, но, безусловно, в след за Н.В. Зубаревич, мы считаем одним из определяющих и приоритетных – «уровень жизни» населения [2;3].

В практике оценки качества жизни населения целесообразно использовать обе модели оценки качества жизни: объективистскую (включающую в себя блок официальных статистических материалов) и субъективистскую (социологический опрос).

В качестве индикаторов рекомендуется учитывать показатели трех основных компонентов качества жизни: уровень жизни, развитость социальной инфраструктуры, качество природной и экологической среды жизни человека.

Приведенный далеко не полный перечень работ, направленных на оценку качества жизни населения, убедительно свидетельствует о пока ещё недостаточной разработанности этой проблемы.

Библиографический список

1. Бестужев – Лада И.В, Батыгин Г.С., Гришаева Н.П. Категория «качество жизни» в современной западной социологии // Современные концепции уровня, качества и образа жизни. М.: Ин-т социал. исслед. АН СССР, 1978. с.142-158.
2. Зубаревич Н. В. Города на постсоциалистическом пространстве // Общественные науки современность. 2010. № 5. С. 5–19.
3. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов: проблемы переходного периода. – М.: Едитория, УРСС, 2003. 264 с.
4. Калмуцкая Э.И. География потребления. – Черновцы: Изд-во Чернов.ун-та, 1980. 94 с.
5. Коробейников А. М., Букина Т. В. Анализ социальной напряжённости в Пермской области // Теория и общество. – Пермь.: изд-во Пермск. ун-та, 1992. с.47 – 61.
6. Маркович Д.Ж. Социальная экология и качество жизни. Конспект лекций. – М.: изд. МНЭПУ, 1998. 68 с.
7. Мичелос А. С. Смертность, заболеваемость и медицинская помощь (качество жизни в Канаде и США в 1964-74 гг.)// Медицинская география / Международный географический конгресс. М., 1976. с.88-89.
8. Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири / Безруков Л. А. [и др.]; отв. ред: Л. М. Корытный, Н. В. Воробьев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т географии имени В.Б. Сочавы. –Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2011. 201 с.
9. Реймерс Н.Ф. Охрана природы и окружающей человека среды. Словарь справочник – М.: Просвещение, 1992. С. 304–316.
10. Чистобаев А. И., Шарыгин М. Д. Экономическая и социальная география: новый этап. – Л.: Наука, 1990. 318 с.
11. Шарыгин М. Д. Социально-экономическое микрорайонирование. – Пермь: изд-во пермск. ун-та, 1990. 76 с.
12. Яницкий О. Н. НТП, человеческий фактор и воспроизводственные функции городской среды // Проблемы качества городской среды. – М.: Наука, 1989. С. 9–2.

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF "QUALITY OF LIFE" OF THE POPULATION

V.A. Ryabov

*Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Federal State Educational Institution of Higher Education "KemGU",
Novokuznetsk, Russia, val27@ya.ru*

The article analyzes approaches to the definition of the concept and assessment of the quality of life by domestic and foreign scientists, including those proposed by M. D. Sharygin. The possibilities of using various indicators and methods of their interpretation in identifying regional differences are considered. A comparative characteristic of indicators of the quality of life of the population is carried out when assessing territorial differences. The authors came to the conclusion that there are no common views on the concept of "quality of life", as well as a common opinion on the indicators of its assessment.

Keywords: quality of life of the population, indicators of quality of life, social infrastructure, integrated quality assessment.

Секция 2. Социально-экономический район в системе территориальной организации общества

УДК 379.85

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Г.Р. Агакишиева

Министерство Науки и Образования Азербайджанской Республики

Институт Географии им. акад. Г.А. Алиева

г. Баку, Азербайджан, e-mail: guneshagakishiyeva@gmail.com

В статье осуществлено обоснование выделения экономико-географического района, территориальной организации общества, туристско-рекреационного районирования и территориальной социально-экономической системы. Анализируя региональное развитие на территориальном уровне, определены существующие в них объекты хозяйства, инфраструктуры, туризма, сферы управления и транспорта. Использован системно-структурный метод, позволяющий выявить территориальную социально-экономическую систему в качестве нового определения экономико-географического района. В результате исследования выделены территориальные социально-экономические системы самых разных типов в регионах, освобожденных от оккупации. По итогам использования туристско-рекреационного районирования рационально размещаются производительные силы, а также идет реализация устойчивого развития туризма в регионах страны.

Ключевые слова: территориальная социально-экономическая система; туристско-рекреационное районирование; региональное развитие; экономико-географический район.

Постановка проблемы. Территориальная организация общества – это сочетание функциональных территориальных структур, расселения населения, производства, природопользования, объединяемых структурами управления процессом общественного производства [3, с. 60]. А.А. Ткаченко и Э.Л. Файбусович выявили 10 аспектов территориальной организации общества, такие как размещение, территориальные различия, пространственные отношения, пространственные связи, территориальные системы, территориальные комплексы, территориальные структуры, пространственные процессы, пространственная морфология, территориальное управление [6, с. 166–168]. В структуру территориальной организации общества можно отнести и экономическое районирование. Наряду с решением территориальных проблем социально-экономического развития Азербайджана в целом и отдельно по регионам, классическое направление районирования социальной и экономической географии имеет большое значение. Туристско-рекреационное районирование служит одной из форм экономико-географического структурирования.

Методы и источники информации. Основным методом исследования выбран системно-структурный подход, позволяющий выявить территориальную социально-экономическую систему. Он ориентирован на раскрытие сущности объектов как целостных систем, исследование их многообразных связей. Опираясь

на разнообразные источники сведений, важным источником информации в статье служат соответствующие научные труды отечественных и российских ученых.

Результаты исследования. Проблема территориальной организации общества находится в настоящее время в центре внимания всей системы географического знания. Она связана с общегеографической концепцией территории и территориальных ресурсов и затрагивает все сферы хозяйственной деятельности, включая туристско-рекреационную составляющую. В настоящее время предложены различные подходы к решению проблемы территориальной организации общества, причём в самом распространенном варианте территориальной организации общества рассматривается как пространственное выражение существования материи на поверхности Земли. Следовательно, как и любую другую организацию, территориальной организации общества следует рассматривать в четырёх направлениях: строение, функционирование, развитие и управление [5, с. 164].

Принадлежность территориальных (пространственных) образований всех отдельных хозяйственных и инфраструктурных объектов, групп населения определяется, во-первых, их размещением на территории, непосредственными сопряжениями с ней. Во-вторых, все они, в конечном счёте, входят в отдельные поселения и их территориальные сочетания, которые с их сопряжениями со структурами природопользования и выступают наиболее полными и целостными территориальными образованиями. В этой связи их можно рассматривать как специфические территориальные и географические системы [2, с. 8].

Актуальная задача современной социально-экономической географии – изучение территориального аспекта развития общества и отдельных регионов. При его решении особенно важно найти «ключ» к пониманию процесса развития общества и научиться управлять им. Практически это становится возможным только при использовании теории систем и структур, имеющих в данном случае территориальную «принадлежность» [4, с. 81].

Экономико-географический район как территориальная социально-экономическая система характеризуется высоким уровнем обобщения. В последние годы в составе экономико-географического района произошли изменения, в результате чего формировалось его новое определение – территориальная социально-экономическая система. Экономико-географический район любого уровня иерархии представляет собой территориальную социально-экономическую систему, все экономические, социальные, природные и политические элементы которой объединены совокупностью социально-экономических связей, таких как технологическими, финансовыми, демографическими, природно-ресурсными, экономическими, производственными, культурно-бытовыми и т.д.

В современном этапе изменилась территориальная организация хозяйства. Под влиянием рыночных отношений изменились районообразующие факторы, а

термин «регион» сменился на «экономико-географический район». Представители разных наук используют термин «регион» в качестве универсального понятия. Социально-экономическое районирование как составная часть территориальной организации общества имеет большое значение для научных целей. В исследованиях следует ориентироваться на регион как на часть страны, обладающей природным, социально-экономическим и историко-культурным своеобразием.

Как основа территориального планирования и регионального развития страны туристско-рекреационное районирование служит предпосылкой ликвидации территориальных диспропорций и достижению равновесия в развитии разных хозяйственных отраслей и сферы обслуживания. В результате применения определения «туристско-рекреационное районирование» для хозяйственных целей и в программах социально-экономического развития, рационально размещаются производительные силы в стране.

На основании экономических показателей гостиниц и аналогичных средств размещения в горных регионах Азербайджана (на примере Шеки-Загатальского, Губа-Хачмазского и Горно-Ширванского экономико-географических районов) и материалах турагентств и туроператоров нами проведено туристско-рекреационное районирование. Проведено разграничение районов на более развитые, среднеразвитые, наименее развитые и неразвитые. Основные цели туристско-рекреационного районирования – это достижение устойчивого развития туризма в регионах страны, снижение уровня безработицы и решения проблемы занятости населения [1, с. 91–92].

Особое место в региональном развитии играет территориальная социально-экономическая система: сочетание населения, хозяйства, инфраструктуры, транспорта и туризма в пределах определенной территории. В анализе регионального развития по экономическим районам необходимо выделять уровень территориальных социально-экономических систем.

Анализ регионального развития на территориальном уровне особенно важен для регионов с более высокой географической дифференциацией освоенности, например для регионов, освобожденных от оккупации. Эти регионы после тридцатилетней оккупации нуждаются в реализации генерального плана по заселению и освоению. Для анализа перспектив регионального развития на территориальном уровне в данных регионах необходимо выделить уже существующие там объекты хозяйства, инфраструктур, туризма, сферы управления и транспорта.

В регионах, освобожденных от оккупации, при их природном, социально-экономическом и историко-культурном разнообразии сформировать территориальные социально-экономические системы самых разных типов, таких как административный центр, крупный многофункциональный центр, большой транспортный узел. Учитывая то, что большое значение имеет представление о типах территориальной социально-экономической системы, их свойств, позволяющих

оценить развитие. Агдам нами выделен в качестве крупного многофункционального центра, Губадлы, Лачин и Джебраил – в качестве административных центров, а Кельбаджар, Физули и Зангилян в качестве крупных транспортных узлов.

Выводы. Анализируя вышесказанное, нами сделаны нижеследующие выводы:

- рассматривая работы отечественных и российских учёных, обосновано проведение территориальной организации общества и туристско-рекреационного районирования;

- для анализа перспектив регионального развития на территориальном уровне регионов, освобожденных от оккупации, выделены территориальные социально-экономические системы самых разных типов;

- как составляющая часть регионального развития, туристско-рекреационное районирование является катализатором развития всех отраслей хозяйства и сферы обслуживания регионов страны;

- при текущей ситуации и под влиянием рыночных отношений выявлено изменение в территориальной организации хозяйства, определены общие характеристики экономико-географического района и территориальной социально-экономической системы.

Библиографический список

1. Агакишиева Г.Р. Туристско-рекреационное районирование горных регионов Азербайджана (на примере Шеки-Загатальского, Губа-Хачмазского и ГорноШирванского экономико-географических районов) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2023. Т.17. №1. С. 85–93.

2. Бакланов П.Я. Территориальные социально-экономические системы в региональном развитии // Известия РАН. Серия Географическая. 2017. №4. С. 7–16.

3. Голубчик М.М., Файбусович Э.Л., Носонов А.М., Макара С.В. Экономическая и социальная география. М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2004. 400 с.

4. Мажар Л.Ю., Чистобаев А.И. Территориальные социально-экономические системы и региональные развитие // Вестник СПбГУ. Серия 7. 2006. Вып. 1. С. 80–89.

5. Попова О.Б., Шамкаева Э.И. Перспективы территориальной организации агротуризма в Оренбургской области // Вестник ОГУ. №6 (167) / июнь. 2014. С. 164–168.

6. Ткаченко А.А., Файбусович Э.Л. Территориальная организация – общий предмет исследования географии и регионологии // Регионология. 1994. №4. С. 165–170.

TOURIST AND RECREATIONAL ZONING IN THE SYSTEM OF TERRITORIAL ORGANIZATION OF SOCIETY

G.R. Agakishiyeva

Ministry of Science and Education of Azerbaijan Republic

Institute of Geography named after acad. H.A.Aliyev. Baku, Azerbaijan

e-mail: guneshagakishiyeva@gmail.com

The article provides a justification for the identification of an economic-geographical region, the territory of a society, tourist and recreational zoning and the territory of a socio-economic system. Speaking about regional development at the territorial level, we can say that problems may arise in these economic, employment, tourism, management and transport facilities. A systemic-structural method was used, which allows the use of the territorial socio-economic system as a new definition of the economic-geographical region. As a result of the study, territorial socio-economic systems of various types were identified in regions liberated from the Occupation. As a result of the use of the tourist and recreational area, the rational placement of production facilities, as well as an increase in tourism sales in the regions of the country.

Keywords: territorial socio-economic system; tourist and recreational zoning; regional development; economic-geographical region.

ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Т.Р. Багаманов

*Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Россия, e-mail: tim_bag@mail.ru*

В статье анализируется демографическая ситуация в Свердловской области с учетом пространственного фактора и проявления внутрирегиональной асимметрии. В результате исследования определены основные причины нарастающей демографической асимметрии в Свердловской области, рассмотрены региональные программы, направленные на повышение уровня социально-демографической устойчивости региона.

Ключевые слова: внутрирегиональная асимметрия; устойчивое развитие; демографическая политика; естественная убыль населения; концепция.

Постановка проблемы. В научной литературе поднимаются проблемы межрегиональной и внутрирегиональной асимметрии по различным показателям, в том числе и по социально-демографическим. Проблема демографической асимметрии отражена в трудах М.Н. Макаровой [2], Е.Ю. Меркуловой и Н.С. Морозовой [3], а также В.А. Русановского [6].

Отмечается, что территориальная асимметрия может снижать уровень устойчивости региональных социально-экономических систем. Связано это, прежде всего, с устойчивой тенденцией концентрации населения в крупных агломерациях, в первую очередь городского типа, которые выступают в качестве центров притяжения материальных ресурсов и инвестиций. Территории отличаются по уровню привлекательности для населения уровнем жизни, развитостью инфраструктуры, доступностью жилья и т.д. [6].

Целью данной статьи является рассмотрение социально-демографической ситуации в Свердловской области за период с 2017 по 2021 гг., а также меры, предпринимаемые руководством региона в рамках демографической политики.

Результаты исследования. С 2017 г. отмечена негативная тенденция сокращения численности населения Свердловской области. Если в 2017 г. численность населения Свердловской области по данным Росстата составляла 4329341 человек, то на 1 января 2021 г. она составила 4290067 человек. Таким образом, за период с 2017 по 2021 гг. численность населения Свердловской области сократилась более чем на 40 тыс. человек или почти на 1,3%. В список «лидеров» входят Нижний Тагил, население которого сократилось более чем на 12 тыс. человек, Первоуральск – на 6,7 тыс. человек и Камышлов – на 6,5 тыс. человек.

В настоящее время на территории Свердловской области существуют 94 муниципальных образований. За период 2017–2021 гг. средняя численность населения муниципальных образований в регионе сократилось с 46 до 45,5 тыс. человек. Это показывает то, что постепенно население концентрируется в крупных муниципальных образованиях. Вытекающим из этого является тот факт, что за период 2017–2021 гг. единственным муниципальным образованием, в котором отмечен рост численности населения, является г. Екатеринбург, численность населения которого увеличилась на 31 тыс. человек. Рост численности населения Екатеринбурга не вызван естественным движением населения. Основной причиной роста населения здесь является миграция населения, связанная с достаточно стабильной социально-экономической ситуацией, развитой социальной и транспортной инфраструктурой и наличием рабочих мест в областном центре.

Происходит и постепенное сокращение численности сельского населения. В 2017 г. доля сельского населения Свердловской области составляла 15,4% или 665 407 человек от общей численности населения. В 2021 г. доля сельского населения составляет 14,9% или 639342 человека. За период 2017–2021 гг. доля сельского населения сократилась почти на 0,5% [1]. Связано это с низким качеством жизни в сельской местности, отсутствием рабочих мест, низким уровнем здравоохранения и неразвитой инфраструктурой, что в свою очередь вынуждает население из сельской местности перебираться в города.

Таблица 1

Численность населения Свердловской области на 1 января соответствующего года, чел.

Годы	Все население, человек	в том числе		В общей численности населения, %	
		городское население	сельское население	городское население	сельское население
2017	4329341	3 663 934	665 407	84,6	15,4
2018	4325256	3666856	658400	84,8	15,2
2019	4315699	3666025	649674	84,9	15,1
2020	4310681	3664715	645966	85,0	15,0
2021	4290067	3650725	639342	85,1	14,9

Составлено автором по данным ист. [1]

С 2017 г. отмечается ежегодная естественная убыль населения Свердловской области, однако, стоит отметить, что в 2020 г. отмечен резкий рост убыли населения. Если в 2017 г. смертность превышала рождаемость на 1 промилле, то в 2019 г. она составила 2,6‰, в 2020 г. 5,5‰, а в 2021 г. 7,8 ‰. Таким образом, коэффициент убыли населения в 2021 г. вырос почти в 8 раз по сравнению с 2017 г. [1].

Отмечается и сокращение рождаемости населения. Так, в 2017 г. коэффициент рождаемости на 1000 человек населения составил 12,3, в 2021 г. этот коэффициент составлял уже 10,1. Общее число родившихся в 2021 г. в Свердловской

области составило 42992 человека. Также сокращался и суммарный коэффициент рождаемости, за 5 лет он сократился с 1.76 в 2017 г. до 1.62 в 2021 г.

С уменьшением роста рождаемости, наблюдается тенденция роста смертности населения. По данным Росстата если в 2017 г. общий коэффициент смертности в Свердловской области составлял 13,3, то к концу 2021 г. он составляет 17,9. В 2021 г. отмечен существенный рост смертности населения Свердловской области за период с 2017 по 2021 гг. Если в 2017 г. число умерших составило 57685 человек, то в 2021 г. эта цифра достигла 76765 человек. Таким образом, за 5 лет рост смертности в Свердловской области составил примерно 25%.

Естественная убыль населения приводит к сокращению трудовых ресурсов региона, что в будущем может привести к сокращению экономического потенциала.

Таблица 2

Демографическая ситуация в Свердловской области

	2017	2018	2019	2020	2021
Численность населения (на конец года), тыс. человек	4325,3	4315,7	4310,7	4290,1	4264,3
Общий коэффициент рождаемости (на 1000 человек населения)	12,3	11,6	10,7	10,2	10,1
Общий коэффициент смертности (на 1000 человек населения)	13,3	13,5	13,3	15,7	17,9
Естественный прирост, убыль (-) населения, тыс. человек	-4,3	-8,3	-11,4	-23,8	-33,8
на 1000 человек населения	-1,0	-1,9	-2,6	-5,5	-7,8

Составлено автором по данным ист. [8]

За 2021 г. по данным Росстата ни в одном муниципальном образовании Свердловской области не отмечено положительное значение естественного прироста населения.

Заключение. Социально-демографические изменения в Свердловской области приводят к тому, что такие некогда крупные полюса роста региона как Нижний Тагил и Серов постепенно утрачивают свой статус. Связано это как с естественной убылью населения, так и с оттоком населения в направлении более развитого агломерационного центра – Екатеринбурга, что приводит к сокращению экономического потенциала территорий и региона в целом [2]. Для Свердловской области устойчивой тенденцией является отток населения из муниципальных образований в сторону областного центра и его периферии, которая состоит из ГО г. Каменск-Уральский, ГО Первоуральск, ГО Ревда, Полевской ГО, Березовский ГО и ГО Верхняя Пышма. В данных населенных пунктах за счет близости к областному центру сохраняется стабильная социально-экономическая ситуация [2].

С целью улучшения социально-демографической ситуации руководством Свердловской области разрабатываются различные концепции и программы. В 2001 г. была разработана Концепция «Сбережения населения Свердловской области на период до 2015 года». Целью данной концепции стало создание благоприятных условий для улучшения демографической ситуации, роста численности населения, уровня образования, благосостояния, мобильности и активности населения [4].

В 2007 г. была принята Программа демографического развития Свердловской области на период до 2025 года («Уральская семья»), которая стала продолжением принятой в 2001 г. Концепции «Сбережения населения Свердловской области» [5]. Программа «Уральская семья» направлена на формирование оптимального режима воспроизводства населения, сохранения или изменения тенденций в динамике численности и структуры населения, темпов их изменений, динамики рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, занятости населения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения. В рамках программы проводится реализация национальных проектов: «Доступное жилье», «Здравоохранение» и «Образование». В дальнейшем с целью улучшения качества жизни населения, повышения уровня доступности жилья в 2014 г. была принята «Концепция повышения качества жизни населения Свердловской области на период до 2030 г.» – «Новое качество жизни уральцев» [7]. Таким образом, в Свердловской области осуществляется системный подход к решению задач демографического развития.

Целью долгосрочной демографической политики, проводимой в Свердловской области, является сбережение населения путем реализации приоритетных мер, направленных на стабилизацию демографической, экономической, социальной, экологической ситуации, минимизацию факторов, негативно влияющих на формирование личности и общества в целом.

Однако, несмотря на действующие программы и концепции по улучшению демографической ситуации в Свердловской области социально-демографическая асимметрия усиливается. Причины заключаются в несимметричности воспроизводства капитала на различных территориях региона, связанной с неравномерной динамикой протекания демографических процессов (рождаемости, смертности, миграции) и развития соответствующей инфраструктуры (здравоохранения, образования и т.д.). Данные Росстата за период 2017–2021 гг. демонстрируют неутешительную статистику сокращения численности, естественную убыль, рост уровня смертности и сокращение уровня рождаемости населения региона. Последствия демографического кризиса в Свердловской области оказывают влияние на развитие человеческого потенциала в регионе, который невозможно восполнить только за счет миграции. Снижение численности населения

приводит к сокращению трудовых ресурсов, что в свою очередь сказывается на экономическом потенциале региона.

Библиографический список

1. Динамика численности постоянного населения Российской Федерации на 1 января // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/> (дата обращения: 18.05.2023).
2. Макарова, М. Н. Моделирование социально-демографической асимметрии территориального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 2. С. 29-42.
3. Меркулова Е.Ю., Морозова Н.С. Социально-экономическая асимметрия воспроизводства населения по месту проживания // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15, № 8. С. 1580–1594.
4. Постановление Правительства Свердловской области № 393-ПП от 06.06.2001 «О концепции сбережения населения Свердловской области» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/801109814> (дата обращения: 18.05.2023)
5. Постановление Правительства Свердловской области от 27.08.2007 № 830-ПП (ред. от 06.03.2013) «О Программе демографического развития Свердловской области на период до 2025 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446491381> (дата обращения: 18.05.2023).
6. Русановский, В. А. Влияние агломерации на асимметрию социально-демографического развития муниципалитетов России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 4(78). С. 81–85.
7. Указ Губернатора Свердловской области «О Концепции повышения качества жизни населения Свердловской области на период до 2030 года – "Новое качество жизни уральцев"» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/412303921> (дата обращения: 18.05.2023).
8. Численность населения Свердловской области // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: <https://66.rosstat.gov.ru/folder/29698> (дата обращения: 18.05.2023).

MANIFESTATION OF DEMOGRAPHIC INTRAREGIONAL ASYMMETRY AND REGIONAL DEMOGRAPHIC POLICY

T. R. Bagamanov

Ural State University of Economics

Ekaterinburg, Russia, e-mail: tim_bag@mail.ru

The article analyzes the demographic situation in the Sverdlovsk region, taking into account the spatial factor and the manifestation of intraregional asymmetry. As a result, of the study, the main causes of the growing demographic asymmetry in the Sverdlovsk region are identified, regional programs aimed at increasing the level of socio-demographic stability of the region are considered.

Keywords: intraregional asymmetry; sustainable development; demographic policy; natural population decline; concept.

ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ МИКРОРАЙОН

С.А. Волков, М.Б. Иванова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия, e-mail: deni.volk00@gmail.com, ivmary@mail.ru*

В статье рассмотрены подходы к понятию «микрорайон». Выявлены проблемные критерии развития микрорайонов в современных условиях. Сформулировано авторское определение понятия «микрорайон».

Ключевые слова: микрорайон; город; проблемы; спальный район.

В настоящее время появляется множество вопросов, связанных территориальным планированием городов и их управлением. В структуре крупных городов выделяют административные районы и микрорайоны. Однако к выделению и обоснованию последних общепринятой методики не существует.

Под микрорайоном, в общем смысле, понимается структурная единица города, представляющая собою комплекс жилых домов и учреждений бытового обслуживания. С точки зрения территориальной планировки в этом определении есть недостатки. В нём отсутствует указание на внутреннюю структуру, границы и функциональную специфику.

Концепция микрорайонной застройки зародилась в начале XX в. Ле Корбюзье разработал концепцию города, сочетающую природные ландшафты и урбанистическую среду. Дома башенного типа разделялись зелёными пространствами. В каждом секторе города всем должны быть доступны «типовые» бытовые блага: свежий воздух и солнечный свет. Полупустынные «дворы» подчеркивали идею «общего» пространства без деления на частные участки, хозяйственное и бытовое обслуживание концентрировалось в своеобразные кластеры [4].

В 1929 г. К. Перри предложил схему идеального городского микрорайона, в основу которого был положен расчёт на сокращение передвижений детей по напряжённым транспортным улицам, для этого он предложил разместить школу в центре территории. Центральное местоположение школы как места способного выполнять разнообразные общественные функции, также являлось аргументом для ее расположения. Учреждения обслуживания размещались по периметру микрорайона, вдоль внешних улиц по дорогам и вблизи активных перекрёстков. Организация транспортной сети строилась на принципах классификации дорог по скоростному движению, с целью изоляции внутренней части микрорайонов от скоростного движения, по средству создания тупиков. Пешеходное движение организовывалось без прямого пересечения с транспортным, но при этом связывало жилые дома с общественной инфраструктурой. Такие микрорайоны можно

было проектировать на незастроенных землях в пригородах. Однако, их расположение обуславливало удалённость от культурно-развлекательных центров, от мест работы, сравнительно невысокий уровень благоустройства, в отличие от микрорайонов, приближенных к центру, относительно низкий класс жилья и невысокую его стоимость. Постепенно в таких микрорайонах рос криминогенный уровень, что вызвало эффект гетторизации.

Вследствие этого на Западе от идеи микрорайонной застройки стали отказываться, в то время как в СССР подобные идеи создания микрорайонов стали реализовываться. Их трансформировали в трёхступенчатую систему обслуживания населения микрорайонов оптимизировав систему расселения и массового типового строительства в городах [4]. Ступенчатая система обслуживания выглядела следующим образом: микрорайон (площадью 30–40 га и с населением 10–12 тыс. чел.) с центром обслуживания повседневных нужд граждан, располагался на расстоянии от подъезда жилого дома до детского сада (150–200 м), школы (200–300 м), местного торгового центра, учреждений бытового обслуживания, поликлиники (500 м). Жилой район, образуемый группой микрорайонов, являлся центром для удовлетворения периодических потребностей (больница, кинотеатр, универмаги, спортивные сооружения и т.д.). Город, образуемый группой жилых районов, был центром для удовлетворения эпизодических потребностей (поездки в театр, зоопарк и т.п.) [1; 5]. На основе данных требований, появившихся в 1959 г., планировались и застраивались советские города.

Горлов В.Н. и Артемов С.Н. отмечают, что микрорайонный принцип застройки городов породил серьёзные противоречия и недостатки в градостроительстве и, в первую очередь, между индустриальным характером строительства и эстетическими качествами архитектуры [1]. Резкий рост объёмов строительства привёл к появлению огромного количества одинаковых домов. Избыточная типизация провоцировала игнорирование эстетической стороны строительства, архитекторы были загнаны в условия «строго ограниченного количества этажей в микрорайонах, минимального количества типов зданий, однообразной «строчной застройке» с рядами безлико-одинаковых торцов домов. Проблемой являлось и отсутствие встроенных помещений для бытовых учреждений первой необходимости из-за чего микрорайоны стали превращаться в спальные с острым дефицитом социально-бытовой инфраструктуры. В настоящее время созданные микрорайоны, с отсутствием архитектурно-художественных достоинств, образуют весьма специфический пласт городской культуры, характеризующий годы их появления, являются памятниками культуры своего времени [1].

В СССР под микрорайонами понимались основная территориальная единица деления города, включающая учреждения культурно-бытового обслуживания. Микрорайон – это комплекс жилых домов и систем учреждений культурно-

бытового обслуживания, удовлетворяющих каждодневные потребности населения (детские сады, ясли, школы, магазины товаров первой необходимости, сады и спортивные площадки), располагающийся на территории, примыкающей к транспортным магистралям, но не имеющей дорог для сквозного проезда [6].

По мнению А. Шаталова, микрорайон – это планировочная единица с абсолютно любой структурой, внутри которой в совокупности располагаются жилые здания и обслуживающая инфраструктура (детские сады, школы, поликлиники, продовольственные магазины, почтовые отделения и т.д.) в базовом объёме [8].

В соответствии с нормативно-правовыми актами РФ, микрорайон – это структурный элемент жилой застройки, ограниченный магистральными или жилыми улицами, проездами, естественными рубежами, в пределах которого размещаются учреждения повседневного пользования [7]. Современный словарь русского языка трактует микрорайон как первичную единицу городской жилой застройки, представляющую собою комплекс жилых домов и учреждений бытового обслуживания, примыкающая к транспортным магистралям [2].

По мнению Иванченко Е.А., микрорайон – это несколько однотипных жилых зданий, расположенных на удалении друг от друга, и дворовая территория между ними, занятая для стоянки машин [3].

Малахов С.А. считает, что современная периферийная микрорайонная застройка – это создание спальных районов и «человейников», не соизмеренных человеческому масштабу и порождающие чувство отсутствия психологического комфорта. Другими словами, такая структура микрорайона не обеспечивает возникновение успешных социальных связей между жителями: жители отчуждены по отношению к друг другу. Весь жизненный сценарий в микрорайоне сводится к замкнутому семейному быту, обуславливает низкое развитие предприятий малого бизнеса со стихийным характером расположения, не предполагает уличной активности, вызывает эффект маятниковой миграции населения из отдаленных или необеспеченных инфраструктурой микрорайонов в центр, что приводит к дополнительной нагрузке на транспортную сеть [4].

В последние годы, у застройщиков появился тренд штамповать «человейники», заполняя их большим количеством однокомнатных квартир, при этом развитие инфраструктурного обеспечения этих микрорайонов остаётся минимальным. Отличительные особенности таких жилищных комплексов: большое количество алкомаркетов, минимум инфраструктуры в особенности транспортной (один въезд и выезд; минимум общественного транспорта; большое число жителей и автомобилей), отдалённость полицейских участков и поликлиник. Данная ситуация приводит к конфликтам между жителями, росту девиантного поведения и криминогенной обстановки, что является предпосылками к появлению

гетто. И. Заливухин по этому поводу пишет, что если человек – это главная ценность, если люди – это новая нефть, среда в которой эти люди живут – это и есть та самая инфраструктура скважин, из которых качается нефть [9].

П. Иванов отмечает, что почти все российские застройщики забыли суть идеи К. Перри, который говорил, что жилые здания должны размещаться относительно объекта социальной инфраструктуры, а не объекты социальной инфраструктуры должны размещаться относительно жилой застройки [8].

Таким образом, в современных условиях микрорайон характеризуется множеством негативных качеств. Однако именно отрицательные черты микрорайона позволяют выявить уязвимые точки в подходах к выделению понятия «микрорайон». По нашему мнению, микрорайон – это отдельный сегмент селитьбы города, ограниченный и/или разделённый автомобильными магистралями или жилыми улицами, железнодорожными путями, транспортно-складскими и промышленными предприятиями, естественными рубежами, различными формами товариществ (СНТ, ДНТ, СК и т.п.), крупными зелёными пространствами, и/или границами города, в котором организовано полное-базовое повседневное культурно-бытовое обслуживание населения (школа; детский сад; поликлиника; зелёные пространства; транспортная сеть; обслуживающая и спортивная инфраструктура).

Библиографический список

1. Горлов В.Н., Артёмов С.Н. Переход на микрорайонный принцип застройки Москвы во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.: противоречия становления и развития // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 79–97.
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 2000.
3. Иванченко Е.А., Косилов М.С. Проблемы микрорайонной застройки в современном градостроительстве // Журнал: Молодой исследователь Дона. №6(15). 2018 год. С. 96-103
4. Малахов С.А., Бусел Ю.К. Историческая среда как прототип новой городской типологии // Градостроительство и архитектура. 2022. Т. 12, № 4. С. 129–141.
5. Правила и нормы планировки и застройки городов. М., 1959. С. 120.
6. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980.
7. СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. – п. 3, 10.
8. Шаталов А., Иванов П. «Как вернуть жизнь российским городам»: архитектор и урбанист о квартальной застройке в мире, России и Красноярске» [Электронный ресурс]. – <https://newslab.ru/article/1043168> (дата обращения: 17.08.2023)
9. Mash Paradox. (26 мая 2022 г.). Человейники: как мы пришли к ним и сможем ли теперь вырваться. [Видео файл]. Взято из <https://www.youtube.com/watch?v=yu5GBcOPBEM>

APPROACHES TO THE CONCEPT OF MICRODISTRICT

Volkov S.A., Ivanova M.B.

Perm State National Research University

Perm, Russia, e-mail: deni.volk00@gmail.com, ivmary@mail.ru

The article discusses approaches to the concept of "microdistrict". Problematic criteria for the development of microdistricts in modern conditions are revealed. The author's definition of the concept of "microdistrict" is formulated.

Keywords: microdistrict; city; problems; dormitory area.

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ С РАССЕЛЕНИЕМ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ШАКИНСКО-ЗАКАТАЛИНСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНЕ

Б.А. Гусейнова

*Министерство науки и образования Азербайджанской Республики,
Институт Географии имени Г.А.Алиева
Баку, Азербайджан, e-mail: nane_huseinova@yahoo.com*

В статье анализируется современная ситуация расселения этнических меньшинств внутри экономического региона. Основная цель исследовательской работы – определить городские и сельские территории, где проживают этнические меньшинства, и изучить факторы, влияющие на их распространение внутри территории. При выполнении работы использовались методы сравнительного анализа, исторический и опроса. В результате анализа установлено, что хотя этнические группы распространены во всех административных районах области, основными местами их расселения являются сельские поселения. Велика роль исторических, природно-географических и социальных факторов в расселении этнических меньшинств на территории. Однако в последние годы среди влияющих факторов возросла роль социально-экономических и природных факторов.

Ключевые слова: экономический район; этнические меньшинства; текущая ситуация; урегулирование

Постановка проблемы. Хотя Азербайджан является космополитической страной, доля и численность азербайджанцев в этнонациональном составе всегда были выше. Этот показатель исторически формировался под влиянием переселенческой политики, ассимиляции, миграции и других демографических факторов в стране, включая различные её регионы. Шеки-Загатальский экономический район, расположенный в северо-западной части Азербайджанской Республики и занимающий 10,2% территории страны, является одним из регионов Азербайджанской Республики, отличающихся разнообразием своего этнического состава. В целом на область с 6 административными районами (Балаканский, Гахский, Габалинский, Огузский, Шекинский и Загатальский районы), 7 поселками и 336 сельскими населенными пунктами приходится 6,2% или 623,6 тыс. человек от общей численности населения страны (2023 г.) [2, с.82–84].

В экономическом районе проживают более 10 этнических меньшинств и представители национальных меньшинств. Однако по численности авары, лезгины, сахуры, ингилой и удины различаются. Интересно, что ареалом преимущественного расселения проживающих в регионе этнических меньшинств являются сельские населенные пункты. Их доля в городах очень мала. Это произошло главным образом из-за слабой урбанизации региона и фактора исторического расселения.

Изучение расселения этнических меньшинств в многонациональных странах мира, в том числе в Азербайджане, очень важно для их сохранения как

этноса, для защиты политической стабильности в стране, для изучения этнодемографической ситуации, для защиты их этнокультурные особенности и так далее. Нашу исследовательскую работу можно считать важной и с точки зрения изучения современной ситуации расселения этнических меньшинств и изучения факторов, влияющих на нее.

Методы и источники информации. При проведении исследования использовался метод сравнительного анализа – исторический и опросный методы выявления на территории поселений, заселенных этническими меньшинствами.

В изучении национально-этнического состава и расселения населения Азербайджана большую роль сыграли материалы переписи, которая была проведена впервые в 1897 году на территории всей России. Среди учёных, проводивших исследования в этом направлении в стране в последующие годы, можно упомянуть имена М.Х.Бахарлы (1920), Г.Ч.Джавадова (1999), Ш.М.Мурадова (2013, 2022) и З.Н.Эминова (2005).

Результаты исследования. По материалам переписи 2019 г. 5,2% от общей численности населения республики составляли этнические и национальные меньшинства. Однако этот показатель по экономическому региону был примерно в 2,5 раза выше, чем в среднем по стране. Можно сделать вывод, что около 1/5 проживающих в стране этнических меньшинств приходится на Шеки-Загатальский экономический район. В целом в этом регионе поселились 99,1% цахуров, 98,9% аварцев, 98,2% удинцев и 82,5% ингилуев, проживающих в Азербайджане [4, с. 275].

По доле этнических меньшинств в регионе аварцы заняли первое место в списке с 11,6% [1, с. 87–89]. В настоящее время аварцы населяют Юхари Чардаглар, Ашаги Чардаглар, Даначи, Узунгазмалар, Джар, Кебелоба, Ахахдара, Зильбан, Хасанбина, Могов, Ёлайридж, Пашан, Хойтала, Вохтала, Абаали, Мазых, Габиздере, Узунтала, Чокекоба, Дардоггаз, Учунджу Тала села Загатальского района; Ени Шариф, Шариф, Айритала, Рочахмад, Джинджартала, Газма, Бедагар, Окузовтала, Шамбулбина, Гайса, Катех, Беретбина, Кортала, Гарахаджилы, Бечагарбина, Чедеровтала, Гуллар, Аджилигбина, Махалар, Мешешамбул, Шамбул, Исахлигирма, Мазимчай, Поштбина и Сол запретить села Балакенского района (рис. 1).

Переселение аварцев на территорию исследования относится ко времени правления Сефевид-шаха Аббаса I (XV в.). Нехватка пахотных земель в Дагестане привела к постепенной миграции аварцев и цахуров, проживающих в Азербайджане. В некоторых источниках утверждается, что в XVIII веке безземельное население Дагестана начало интенсивно мигрировать в общины

Джар-Балакан и Илисуйский султанат на северо-западе Азербайджана. Большую часть эмигрантов составляли аварцы и цахуры [3, с. 288].

Доля лезгин, одного из кавказских народов, проживающих в северо-западном регионе, почти в два раза ниже доли аварцев и составляет 5,9% [1, с. 87–89]. В настоящее время лезгины расселяются преимущественно в Губа-Хачмазском и Шеки-Загатальском экономических районах страны. Однако в Губа-Хачмазском экономическом районе их число относительно выше. Хотя лезгины распространены во всех административных районах Шеки-Загатальского экономического района, основная их часть сосредоточена в Габалинском районе. К лезгинским селам района относятся села Амирван, Абрих, Гамарван, Кузнет, Еникенд, Дизахлы, Билих, Силейли, Маликли, Сирт Енгиджа, Лаза, Байрамкохали Габалинского района; Ашаги Гейнюк, Ашаги Дашагил, Баш Келдек, Ашаги Келдек, Баш и Ашаги Лайисги, Киш (часть населения села лезгины), Баш Шабалид и Ашаги Шабалид Шекинского района; Можно упомянуть Филфили, Баян, Ширванлы, Беюк Союдлу и другие села Огузского района (рис. 1). В поселке Нидж Габалинского района, хотя он и состоит в основном из удинцев, часть населения поселка составляют лезгины и азербайджанцы. Рутулы, одна из пяти этнических групп лезгин, в настоящее время проживают в селах Дашуз, Шорсу, Шин Шекинского района и селе Арманат Огузского района. Они мигрировали в Азербайджан из Рутульского района Республики Дагестан [6, с. 134].

Сахурцы составляют более двух процентов населения региона [1, с. 87–98]. Согласно некоторым историческим источникам, одно из племён цахуров под названием «чигби» является одним из 26 племён, населяющих территорию Кавказской Албании. Однако большинство цахуров, поселившихся в Азербайджанской Республике, в последнее время мигрировали на территорию Азербайджана и поселились в Загатальском, Гахском и Балакенском районах. Они проживают в основном в селах Ени Сувагил, Али Байрамлы (Даглы), Галал, Гаргай, Гозбарах, Мамрух, Алескер, Джимджимах, Мухах, Заям, Гимих, Финдигли, Базар, Мешлеш, Азгилли, Сабунчу, Лагич Загатальского района, Агязи. Села Узумлу, Амирджан, Ашаги Малах, Гум, Гашгачай, Лакит, Зарна, Чинарлы, Лакит Малах, Лакит Котуклу и Сарибаш Гахского района (рис.).

Рис. Современное расселение этнических меньшинств

Древние сведения о цахурах, одном из древних народов Кавказа, встречаются в грузинских источниках VII века. После арабского завоевания они приняли ислам. В 15 веке общины цахуров объединились и возглавились под руководством султана. Хотя раньше в общине располагалось село Цахур, в 17 веке оно стало Илису. В этот период началась миграция цахуров на территорию Азербайджана. В основном они расселились в Гахском и Загатальском районах области. За прошедший период часть из них смешалась с азербайджанцами, в результате чего цахуроязычное население Сарибаша, Илису и других сел региона во второй половине XIX века стало говорить по-азербайджански [3, с. 298]. На данный момент этим языком как раз пользуется старшее поколение.

Ингилойцы, одна из древних этнических групп Кавказской Албании, в основном сосредоточены в Балакане, Гахе и частично в Загатале. Они проживают в основном в селе Ититала Балакенского района, селах Алибейли, Ингилой-Котуклу, Гахингилой, Гахбаш, Мешабаш, Бюк Алатамир, Кичик Алатамир, Гарамеша, Кетгушан, Халафтала, Багтала Гахского района, поселке Алибад и селе Мосул Загатальского района (рис.). Село Енгиан Загатальского района – смешанное село, где вместе с азербайджанцами проживают ингилойцы. Однако это село не считается ингилойским, потому что в этом селе ингилосы говорят по-азербайджански. Села Заям, Гараган (небольшая часть из которых ингилойцы), Гюллюк, Тасмали, Сускенд в Гахском районе являются смешанными селами, и почти все ингилойское население говорит по-азербайджански. До 19 века ингилоиды подвергались притеснениям со стороны аваров и цахуров. Поэтому,

несмотря на то, что когда-то ингилойцы жили в Балакане и Джаре, в этих районах они уже не живут [6, с. 106].

Одним из этнических меньшинств региона является народ удины, одно из 26 племен Кавказской Албании. Традиционно удины проживают в Огузском районе и в селе Нидж Габалинского района. Однако в 1920-е гг. удины, проживавшие в Огузском (Варташенском) районе, переселились в грузинское село Октомбери [5, с. 3]. После 1970 г. произошло резкое сокращение численности удинцев, хотя естественный темп их прироста был высоким.

Факторы, влияющие на современное расселение этнических меньшинств в регионе, можно объединить в три группы:

- 1) исторические;
- 2) естественно-географические;
- 3) социально-экономические.

Фактически, следы исторических факторов в современном расселении мы можем увидеть в расселении этнических меньшинств в сельской местности, особенно в горной местности. Таким образом, аварцы, сахуры и лезгины, переселившиеся на территорию экономического района, были в основном людьми, занимавшимися коневодством. Поэтому они поселились в высокогорье, где много пастбищ.

Природно-географические факторы начали влиять на расселение позже. Таким образом, сокращение пастбищ в регионе создало условия для занятия оседлым населением земледелия, и население начало расселяться в предгорных и равнинных районах с благоприятными почвенно-климатическими условиями для развития земледелия.

Наконец, социально-экономические факторы проявились главным образом в контексте проблемы безработицы. Таким образом, в регионе со слабым экономическим потенциалом отсутствие институтов, способных обеспечить занятость населения, низкие доходы в сельском хозяйстве и другие проблемы создали условия для миграции населения в районы с более широкими и выгодными возможностями трудоустройства.

Выводы. В результате исследования мы можем определить:

1) национально-этнический состав населения региона достаточно богат и население в основном расселено в сельской местности. Балаканский и Загатальский районы особенно отличаются количеством сел со смешанным этническим составом;

2) среди немногих этнических групп, проживавших в регионе, историческими жителями этой местности были ингилойцы и удины, однако авары, сахуры и лезгины мигрировали в этот район позже;

3) хотя в формировании современного расселения этнических меньшинств региона особую роль играют исторические, социально-экономические и природно-географические факторы, в последние годы в расселении стала более очевидной роль социально-экономических факторов.

Библиографический список

1. Гусейнова Б.А. Трансформация сельских этнопоселений Шеки-Загатальского экономико-географического района // География и природные ресурсы, 2021. С. 86–93.
2. Демографические показатели Азербайджана. Баку: Государственный комитет статистики Азербайджанской Республики. [статистический сборник], 2023. 593 с. (На азербайджанском языке)
3. Джавадов Г.Дж. Этнические и национальные меньшинства Азербайджана. Баку: Элм, 2000. 436 с. (на азербайджанском языке).
4. Эминов З. Н. Население Азербайджана. Баку: Чираг, 2005. 560. (на азербайджанском языке).
5. Клифтон М.Дж., Клифтон А.Д., Кирк П., Льюкелл Р. Социолингвистическая ситуация удинов в Азербайджане. Баку, СПб: SIL International, 2005. 123 с. (По-английски).
6. Нифтиев Н.М. Сосуществование и мультикультурализм в Азербайджане. Баку, 2015. 408 с. (на азербайджанском языке).

CURRENT SITUATION OF SETTLEMENT OF ETHNIC MINORITIES LIVING IN SHAKI-ZAQATALA ECONOMIC REGION

B.A. Huseynova

Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan, Institute of Geography named after H.A.Aliyev

Baku, Azerbaijan, e-mail: nane_huseinova@yahoo.com

In the article, the modern situation of the settlement of ethnic minorities within the economic region is analyzed. The main purpose of the research work is to determine the areas in which urban and rural settlements of ethnic minorities live and to study the factors affecting their distribution within the area. Comparative analysis and survey methods were used in the performance of the work. As a result of the analysis, it was found that although ethnic minorities settle in all administrative regions of the region, their main settlement areas are rural settlements. The role of historical, natural-geographical and social factors in the settlement of ethnic minorities within the territory was great. However, in recent years, the role of socio-economic and natural factors has increased among the influencing factors.

Keywords: economic region; ethnic minorities; current situation; settlement

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ЭКСПОРТА ПРИМОРСКИХ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ¹⁸

О.С. Корниенко

*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия,
e-mail: olesya@bk.ru*

В работе проводится анализ экспорта приморских регионов Дальнего Востока. Рассматривается структура экспорта по 11 укрупненным группам товаров, а также география внешнеторговых связей регионов. Оценивается специализация регионов и концентрации экспортируемых товаров по регионам. С помощью индекса Херфинделя-Хиршмана оценивается сбалансированность структуры экспорта приморских регионов Дальнего Востока.
Ключевые слова: Дальний Восток, внешняя торговля, экспорт, индекс Херфинделя-Хиршмана.

Постановка проблемы. В условиях геополитического разворота России с Запада на Восток и взятый ориентир государства на активное сотрудничество с Азиатскими партнерами, Дальневосточный регион, располагаясь в «эпицентре» событий, становится стратегически значимой территорией, а вопросы развития регионов становятся ещё более актуальными.

В настоящее время территориальная структура хозяйства регионов ДФО формируется под воздействием внешнего фактора, и достаточно сильно ориентирована на внешние рынки. В данной работе ставится задача исследовать сложившуюся структуру экспорта в приморских регионах Дальнего Востока.

Методы и источники данных. Исследование проводилось на основе официальных статистических данных о внешней торговле Дальневосточного таможенного управления. Для оценки сбалансированности структуры торговли применялся индекс Херфинделя-Хиршмана, который обычно используется для оценки монополизации производств.

Результаты исследования. В приморских регионах сосредоточено более 70% экспорта всего Дальнего Востока (это 17,5 от 24 млрд \$ США), главным образом за счёт объёмов экспорта Сахалинской области, которая в 2020 г. экспортировала продукции на 11,3 млрд \$ США (47% от экспорта ДФО). На втором месте объёмы экспорта из Приморского края (2,8 млрд \$ США 16%) [3].

География экспорта приморских регионов схожа. В большинстве регионов основным торговым партнером выступает Китай, либо входит в тройку ведущих партнеров (табл. 1). Помимо Китая приморские регионы ведут активную торговлю с Республикой Кореей, Японией и Казахстаном. Хотя в последние годы

¹⁸ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Потенциал приморских поселений для целей долгосрочного развития: содержание и методы оценки (на примере Тихоокеанской России)», проект №22-17-00186.

отмечается падение объёмов торговли с Японией, что определяется геополитической ситуацией в мире.

В целом экспорт приморских регионов можно охарактеризовать как узконаправленный и специализируемый в основном на экспорте сырья.

В концентрации товарных групп по регионам отмечается закономерность сосредоточения основных объёмов экспорта товаров в одном-двух регионах. Так, экспорт продовольственных товаров в основном осуществляется Приморским краем; рыбу экспортируют Приморский и Камчатский края; древесина вывозится из Хабаровского края и Приморского края и т.д.

Таблица 1

Основные торговые партнеры приморских регионов ДФО

Страна	Экспорт, млн \$ США
<i>Сахалинская область 11323,7 млн \$ США</i>	
Республика Корея (47%)	5378,6 из них 93% топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки
Япония (32%)	3590,3 из них 97,4% топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки
Китай (16%)	1779,6 из них 85% топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки
<i>Приморский край 2845,6 млн \$ США</i>	
Китай (45,5%)	1295,4 из них 54,4% рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные
Республика Корея (28,8%)	820,3 из них 78% рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные
Япония (9,5%)	269,8 из них 23,9% рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные 22,7% Древесина и изделия из неё;
<i>Хабаровский край 1806,3 млн \$ США</i>	
Китай (38,7%)	698,3 из них 53,4% Древесина и изделия из неё;
Казахстан (24,1%)	434,8 из них 98,7% Жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них
Республика Корея (21%)	379,1 из них 66,7% рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные
<i>Камчатский край 823,4 млн \$ США</i>	
Китай (48%)	398,8 из них 91% рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные
Республика Корея (34%)	277 из них 93% рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные
Япония (9%)	77,5 из них 99,4% рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные
<i>Магаданская область 457,8 млн \$ США</i>	
Казахстан (55%)	250 из них 99,8% руды, шлак и зола
Республика Корея (25%)	113,1 из них 98,6% рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные
Япония (11%)	50,7 из них 100% руды, шлак и зола
<i>Чукотский автономный округ 289,2 млн \$ США</i>	
Китай (78%)	225,6 из них 92% руды, шлак и зола
Казахстан (10%)	27,7 из них 93% руды, шлак и зола
Республика Корея (4%)	11,5 из них 90% рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные

Составлено автором по данным [3]

В экспортной специализации также во всех регионах кроме Хабаровского края прослеживается чёткая специализация лишь на одной группе товаров, при этом в некоторых регионах доля одной группы товаров достигает 90%. Чукотский автономный округ и Магаданская область специализируются на экспорте минеральных продуктов (более 70%), Сахалинская область на экспорте топливно-энергетических товаров (более 90%). Основу экспорта Приморского края и Камчатской области образует рыба, ракообразные и моллюски (более 50% и 90% соответственно). В Хабаровском крае можно выделить три основные группы товаров – это рыба, ракообразные и моллюски, древесина и изделия из неё и драгоценные металлы, которые по квалификации входят в группу прочие товары.

На основе полученных данных был рассчитан индекс Херфиндаля-Хиршмана, как сумма квадратов долей специализации экспорта [1], который измеряется от 0 до 1, где 1 будет означать, что регион экспортирует только один вид продукции, и чем ниже значение индекса, тем шире список экспортируемых товаров, и сбалансированнее структура экспорта (табл. 2).

Таблица 2

Индекс экспортной специализации приморских регионов ДФО

Регионы	2018	2019	2020	НИИ ₂₀₁₈₋₂₀₁₉
Хабаровский край	0,225	0,193	0,209	0,209
Приморский край	0,221	0,218	0,309	0,249
Магаданская область	0,540	0,495	0,586	0,541
Чукотский автономный округ	0,495	0,558	0,726	0,593
Камчатский край	0,861	0,890	0,850	0,867
Сахалинская область	0,867	0,871	0,865	0,868

Составлено автором

По полученным данным, среди приморских регионов наиболее критична ситуация в Сахалинской области и Камчатском крае, где индекс НИИ превышает значения 0,8, а в структуре экспорта более 90% приходится на одну группу товаров (топливно-энергетические товары и рыба, и ракообразные соответственно).

При этом при оценке открытости экономик регионов ДФО в этих регионах также отмечаются высокие экспортные квоты. В Камчатском крае значение экспортной квоты в 2020 г превышало 20%, а в Сахалинской области более 80% [2]. Таким образом, мы делаем вывод, что экономика регионов завязана на активном участии во внешнеторговой деятельности, особенно в Сахалинской области.

Безусловно, когда экономика региона так сильно зависима от внешней торговли, при этом структура экспорта специализируется лишь на одном товаре, это делает экономику региона очень уязвимой и не стабильной. Множество внешних факторов такие как геополитическая ситуация в мире, мировая конъюнктура

рынка, возможные санкции, запрет импорта, изменение цен на товары будут влиять на экономику регионов.

Выводы. По проведенным расчетам и анализу можно прийти к выводу, что среди приморских регионов наиболее сбалансирована структура экспорта в Хабаровском крае и Приморском крае, которая обеспечивает им наибольшую стабильность во внешнеэкономической деятельности. Это регионы с самыми низкими индексами Херфинделя-Хиршмана.

Структура экспорта, безусловно, определяется рядом предпосылок, таких как географическое положение региона, его природно-ресурсный потенциал, наличие минеральных ресурсов, запасы древесины, близость рынков сбыта, уровень развития транспортной инфраструктуры, промышленности и др. Последние отражают не только современное состояние экспорта региона, но и потенциальные возможности его дальнейшего развития.

Проведенные исследования экспорта Дальневосточного федерального округа выявили особенность сосредоточения товарных групп экспортных потоков в отдельных регионах. Экспорт приморских регионов в целом можно охарактеризовать, как узкоспециализированный. Узость экспортной специализации делает внешнеторговые отношения регионов уязвимыми и зависимыми от множества внешних факторов, поэтому очень важно при наличии соответствующих предпосылок развивать как можно больше направлений для экспортного сотрудничества и расширять перечень товаров, востребованных на мировом рынке.

Библиографический список

1. Корниенко О.С. Изменения концентрации и специализации хозяйственных структур в регионах Дальнего Востока // Успехи современного естествознания. 2021. 8. С. 52–57.
2. Корниенко О.С. Оценка внешней ориентированности приграничных районов Дальнего Востока // Гео-системы Северо-Восточной Азии: географические факторы динамики и развития их структур. Владивосток: ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2022. С. 165-170.
3. Статистика внешней торговли // Федеральная Таможенная Служба [Электронный ресурс]. URL: <http://dvtu.customs.ru> (дата обращения 12.05.2023).

FEATURES OF THE EXPORT STRUCTURE OF THE PRIMORSKY REGIONS OF THE FAR EAST AT THE CURRENT STAGE

O.S. Kornienko

Pacific Institute of Geography FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: olessya@bk.ru

The work analyzes the exports of the coastal regions of the Far East. The structure of exports for 11 enlarged groups of goods, as well as the geography of foreign trade relations of the regions are examined. The specialization of regions and the concentration of exported goods by region are assessed. Using the Herfindel-Hirschman index, the balance of the export structure of the coastal regions of the Far East is assessed.

Keywords: Far East, foreign trade, exports, Herfindahl-Hirschman index.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СРЕДНЕЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И УРОВНЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ С ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

И.В. Митрошин

ООО «Интернешнл Бизнес Консалтинг Групп»,

г. Москва, Россия, E-mail: timgarick@yandex.ru,

ORCID: <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-4906-1977>

В исследовании изучены темпы прироста (убыли) населения в регионах Центрального Федерального Округа в 2000-2021 гг. Проведен анализ взаимосвязи демографической ситуации с уровнем занятости населения и среднемесячной заработной платой в 2021 году. По результатам исследования определено, что в регионах с уровнем заработной платы и занятости выше средних показателей по Федеральному Округу наблюдается демографическая ситуация лучше, чем в среднем по Округу.

Ключевые слова: уровень жизни населения, среднемесячная заработная плата, демографическая ситуация, миграция, уровень занятости.

Постановка проблемы. В условиях перемен, происходящих на мировой арене, ведения санкционированной войны против России становится актуальным изучать показатели уровня жизни населения и их влияние на отдельные социальные процессы. Уровень жизни также является рефлексом состояния экономики страны, её устойчивости по отношению к вводимым запретам и ограничениям.

Целью данного исследования определить взаимосвязь отдельных показателей уровня жизни населения, таких как среднемесячная заработная плата и уровень занятости, с демографической ситуацией в регионах Центрального Федерального Округа. В проводимый анализ включен период с 2000 по 2021 гг. для определения основных тенденций изменения изучаемых показателей.

Методы и источники данных. К изучаемой проблеме обращается также Л.Л. Гишкаева [1], где в своей работе анализирует взаимосвязь качества жизни с текущей экономической ситуацией. Группа авторов [2] рассматривает влияние национального дохода на уровень жизни населения. Исследователь Д.В. Разыграев [3] проводит анализ развития человеческого капитала. Уровень и качество жизни, как показатели экономической безопасности региона рассматриваются в работе В.А. Сотникова и М.А. Захаровой [6]. К вопросу уровня и качества жизни обращается автор А.А. Щербаков [7].

В работе использованы данные государственных органов статистики России [4; 5]. В ходе исследования применены табличный метод и методы группировки

и анализа для изучения показателей уровня жизни и демографической ситуации в регионах ЦФО.

Результаты исследования. В регионах, где отмечаются самые высокие значения среднемесячной заработной платы, зафиксированы наилучшие демографические показатели. Это демонстрируется анализом соотношения уровня среднемесячной заработной платы в регионе и в Центральном Федеральном Округе с учётом изменения численности населения в каждом регионе ЦФО в 2021 г. по отношению к 2000 г. (табл.). Для осуществления сравнительного анализа в качестве важного показателя, отражающего уровень жизни населения, рассчитан уровень занятости по каждому региону в 2021 г.

Таблица

Соотношение численности населения в 2021 г. к 2000 г.; Соотношение среднего уровня занятости в регионе к среднему уровню занятости в ЦФО в 2021 г.; Соотношение средней зарплаты в регионе к средней зарплате в ЦФО в 2021 г.

Регион	Соотношение численности населения в 2021 г. к 2000 году, %	Уровень занятости в 2021 году	Соотношение среднего уровня занятости в регионе к среднему уровню занятости в ЦФО в 2021 г., %	Уровень среднемесячной зарплаты в 2021 г.	Соотношение уровня среднемесячной заработной платы к среднемесячной зарплате в среднем по ЦФО в 2021 году, %
Белгородская область	101,65	96,1	98,87	41 775,00	93,32
Брянская область	83,01	96,1	98,87	35 582,00	79,48
Владимирская область	84,96	95,3	98,05	39 550,00	88,35
Воронежская область	94,34	96,3	99,07	40 830,00	91,21
Ивановская область	82,86	95,8	98,56	32 403,00	72,38
Калужская область	95,52	96,1	98,87	48 837,00	109,09
Костромская область	82,33	95,5	98,25	35 967,00	80,34
Курская область	85,56	96,0	98,77	40 292,00	90,00
Липецкая область	90,68	96,2	98,97	40 188,00	89,77
Московская область	117,21	97,3	100,10	64 041,00	143,05
Орловская область	81,45	94,7	97,43	35 754,00	79,87
Рязанская область	86,21	95,8	98,56	40 631,00	90,76
Смоленская область	84,08	94,8	97,53	36 529,00	81,60
Тамбовская область	80,83	95,9	98,66	34 438,00	76,93
Тверская область	80,96	95,9	98,66	40 286,00	89,99
Тульская область	83,21	96,1	98,87	44 726,00	99,91
Ярославская область	88,07	94,5	97,22	41 209,00	92,05
Город Москва	127,31	98,6	101,44	112 768,00	251,90

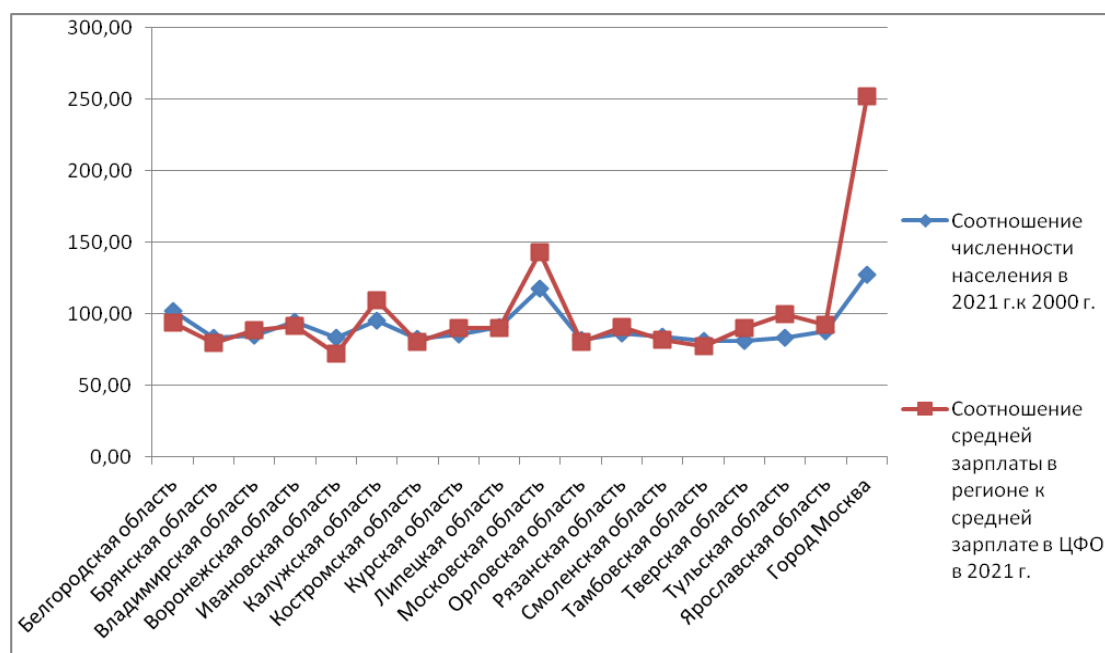
Проведенный анализ показывает, что показатели города Москвы и Московской области значительно выделяются на фоне других регионов. В этих регионах, в отличие от всех остальных, уровень занятости населения в 2021 г. выше

средних значений по федеральному округу. В Москве среднемесячная заработная плата в 2021 г. в 2,52 превышает аналогичные средние значения по ЦФО, а в Московской области, соответственно, – в 1,43 раза. По этой причине в Московской области за двадцать один год население выросло на 17,2%, а в Москве, соответственно, – на 27,3%.

Данные рождаемости и смертности косвенно подтверждают, что рост населения происходил в основном за счёт миграции из других регионов и стран Ближнего Зарубежья. В течение рассматриваемого периода в Московской области смертность превышала рождаемость. Например, в этом регионе в 2020 г. на 10 000 человек родилось 10,3 ребенка, а умерло 14,5 человек. В Москве ситуация обстоит несколько лучше. Например, в 2016 г., когда был пик рождаемости в последнем десятилетии, в столице на 10 000 человек родилось 11,8 детей, умерло 10 человек. Однако уже в 2020 г. в Москве на 10 000 человек родилось 9,9 ребенка, умерло 11,9 человек. В столице естественный прирост (или убыль) довольно нестабилен.

В связи с этим становится ясным, что основным фактором увеличения численности жителей Москвы и Московской области являлась миграция. Официальные статистические данные показывают, что прирост населения в Москве и в области происходил в течение всего анализируемого периода.

Взаимосвязь демографической ситуации с размером среднемесячной заработной платы населения наиболее точно отражает анализ соотношения численности населения в 2021 г. по отношению к 2000 г. по регионам ЦФО в сравнении с анализом соотношения среднемесячной заработной платы по регионам к средней заработной плате в ЦФО в целом в 2021 г. (рис.)

**Рис. Соотношение численности населения в 2021 году к 2000 году, %;
Соотношение средней зарплаты в регионе к средней зарплате в ЦФО в 2021 г., %.**

Увеличение численности населения в 2021 г. наблюдается в городе Москве, Московской и Белгородской областях. При этом в Москве и Московской области среднемесячная заработная плата в 2021 г. значительно выше средних значений по Центральному Федеральному Округу. В Белгородской области в том же году этот показатель составил только 93,32% к среднему показателю в ЦФО. Однако если рассчитать среднюю заработную плату в Федеральном Округе без учёта Москвы и Московской области, то в Белгородской области этот показатель составит 106,26% к среднему значению по ЦФО. Размер среднемесячной заработной платы в этом регионе в 2021 г. меньше только показателей Москвы, Подмоскovie и Калужской области. Последняя является третьим регионом, где средняя заработная плата выше средних значений в Федеральном Округе. В данном регионе за двадцать один год наблюдается убыль населения на 4,48%. Однако, это минимальный показатель убыли населения в ЦФО, не считая Москвы и Московской области, где зафиксирован рост населения.

Графическое изображение соотношения численности населения (2021 г. по отношению к 2000 г.) по регионам ЦФО в сравнении с анализом соотношения среднемесячной заработной платы по регионам к средней заработной плате в ЦФО в целом в 2021 г. показывает, что между размером заработной платы в регионе и демографической ситуацией имеется тесная взаимосвязь. В регионах, где заработная плата выше средних значений, демографическая ситуация лучше средних значений по Центральному Федеральному Округу. Помимо вышеуказанных четырех регионов, это заметно на примере Воронежской и Ярославской областей, где средняя заработная плата чуть выше средних значений, если не считать показатели Москвы и Московской области. Соответственно, в этих областях убыль населения чуть ниже, чем в других регионах ЦФО.

Выводы. Сравнительный анализ отдельных показателей уровня жизни по регионам Центрального Федерального Округа показал взаимосвязь с трендом изменения демографической ситуации в регионах. В регионах с более высокими показателями уровня жизни (например, Москва и Московская область) естественный прирост населения выше. Кроме того, в эти регионы происходит миграция населения из других регионов России и стран СНГ на протяжении всего анализируемого периода.

Библиографический список

1. Гишкаева Л.Л. Качество жизни и современная экономика // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 1. С. 26–31.
2. Гылыджов С., Гелдимырадов Г., Потджанов А. Измерение национального дохода и его влияние на уровень жизни // *Ceteris Paribus*. 2023. № 3. С. 124–27.
3. Разыграев Д.В. Экономические особенности развития человеческого капитала // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № S1.
4. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 766 с.

5. Российский статистический ежегодник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (Дата обращения: 15.06.2023).
6. Сотников В.А., Захарова М.А. Уровень и качество жизни населения, как показатель экономической безопасности региона // Интернаука. 2022. № 25-3 (248). С. 5–8.
7. Щербаков А.А. Уровень и качество жизни населения // Научно-исследовательский центр "Вектор развития". 2022. № 10. С. 641-648.

AVERAGE SALARY IN REGIONS WITH DIFFERENT DEMOGRAPHIC SITUATIONS: DYNAMICS, ANALYSIS, COMPARISON

I.V. Mitroshin

International Business Consulting Group LLC,

Moscow, Russia, E-mail: timgarick@yandex.ru,

ORCID: <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-4906-1977>

The work studied the rate of population growth (decrease) in the regions of the Central Federal District in 2000-2021. The analysis of the relationship between the demographic situation and the level of employment of the population and the average monthly wage in 2021 was carried out. According to the results of the study, it was determined that in regions with average wages and employment above the average for the Federal District, the demographic situation is better than the average for the District.

Keywords: standard of living of the population, average monthly salary, demographic situation, migration, employment rate.

ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНЫХ ПРИНЦИПОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В ПРИБРЕЖНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

А.В. Мошков, А.А. Радийчук

*Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения
Российской академии наук, г. Владивосток, Россия,
e-mail: mavr@tigdvo.ru*

В статье представлены результаты оценки факторов реализации кластерных принципов территориальной организации производства в прибрежных регионах Тихоокеанской России. В результате исследования выделены промышленные узлы и благоприятные факторы реализации инновационной кластерной стратегии, обеспечивающей высокую эффективность производства.

Ключевые слова: промышленные узлы, инновационные кластеры, поселения, Тихоокеанская Россия

Постановка проблемы. Формирование кластерной стратегии развития регионов и промышленных узлов (как за рубежом, так и в России) отмечается сравнительно недавно. Тем не менее, её использование имеет большое значение в разработке и реализации приоритетных направлений социально-экономического развития в прибрежных регионах Тихоокеанской России.

Одной из ключевых проблем внедрения кластерных технологий в российскую экономику является высокая неравномерность пространственного распределения научно-производственного потенциала, обусловленная сложившимися тенденциями формирования вертикально-интегрированных компаний, при которых начальные стадии технологических процессов размещаются в восточных регионах страны, а завершающие – в её западной европейской части. В условиях перехода к рыночной экономике многие производственно-технологические связи оказались разорванными, в частности, многие предприятия, расположенные в восточных регионах, переориентировались на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Экономика других регионов испытывает проблемы из-за отсутствия внутреннего импульса развития, устойчивого функционирования механизма адаптации к изменению параметров и внешней институциональной среды [3].

По мнению М. Портера [4], кластерные принципы территориальной организации производства позволяют реализовывать даже ограниченные возможности – создание и поддержание оптимальное сочетание конкуренции и кооперации на географически ограниченной территории, где расположены специализированные производства, формирование и сохранение конкурентной среды. При этом

кооперацию наиболее удобно выстраивать на платформе локализации, когда появляются возможности ускоренного обмена идеями, информацией о новых технологиях. Данные принципы позволяют эффективно использовать имеющиеся в прибрежных поселениях благоприятные факторы развития – выгодное экономико-географическое положение (ЭГП), природно-ресурсный (в т.ч. рекреационный потенциал), сложившаяся производственная и социальная инфраструктура.

Применение кластерных технологий в прибрежных поселениях Тихоокеанской России позволяет запустить механизмы стимулирования формирования локальных территориально-производственных систем (точек роста), привлечения регионами финансовых, интеллектуальных и производственных ресурсов для достижения устойчивого развития [3].

Методы и источники информации. Для изучения факторов реализации кластерных принципов, можно использовать метод, позволяющий рассматривать кластеры, как локальные территориально-производственные системы, с различной степенью сформированности их функциональной и территориальной структуры:

1) промышленные центры;

2) промышленные группировки;

3) промышленные узлы, где внутренние связи между производствами носят в основном производственный и производственно-технологический характер [1, 2, 6, 7].

В пределах прибрежных регионов Тихоокеанской России выделяются разновидности территориально-производственных систем – промышленные узлы, как одна из форм реализации кластерных принципов организации производства. Подобные узлы, в общеэкономическом смысле, представляют собой группу географически локализованных взаимосвязанных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских центров, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга в достижении конкретного хозяйственного эффекта.

Результаты исследования. В структуре промышленных узлов, формирующихся на основе кластерных принципов, выделяется группа компактно расположенных, географически близких, взаимосвязанных и взаимодополняющих компаний и организаций, относящихся к одной отрасли или виду экономической деятельности, производимая продукция которых имеют национальное или даже международное значение.

В качестве обязательных элементов структуры присутствуют: производители конечных или промежуточных товаров и услуг; поставщики комплектую-

щих и специализированных услуг; производственного и иного оборудования; поставщиков услуг объектов инфраструктуры; научно-исследовательские институты; средние и высшие профессиональные образовательные учреждения [8].

Основные факторы территориальной организации производительных сил в поселениях прибрежных регионов Тихоокеанской России – природно-ресурсный потенциал территорий и акваторий, выгодное экономико-географическое положение в динамично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе, возможности развития инфраструктурного потенциала территорий. При проведении оценки перспектив развития промышленных узлов в прибрежных регионах Тихоокеанской России, с точки зрения использования кластерных принципов организации производства и рационального использования благоприятных факторов, следует учитывать сложившиеся различия в их хозяйственной специализацией и место в межрегиональном и международном территориальном разделении труда (табл.).

Низкую плотность населения и слабую хозяйственную освоенность территории прибрежных регионов Тихоокеанской России, можно рассматривать, как возможность внедрить в промышленные узлы современные технологии. Кооперация, в т.ч. в форме цепочек добавленной стоимости. Это позволяет российским компаниям Тихоокеанской России использовать в качестве основной инновационную стратегию.

Для поселений прибрежных регионов Тихоокеанской России наиболее перспективным можно считать формирование промышленных узлов, как инновационных кластеров, в традиционных отраслях экономики (промысле и переработке биоресурсов моря, лесном и топливно-энергетическом комплексах, нефте- и газодобыче и переработке, судостроении и др.).

Обязательным условием успешного формирования подобных промышленных узлов, построенных с использованием кластерных принципов, является обеспечение будущих инноваций квалифицированными кадрами.

Особенности развития региональных отраслевых кластеров в прибрежных поселениях Тихоокеанской России на период 2020-2050 гг.

Название кластера	Наличие благоприятных факторов для формирования кластеров				
	конкурентоспособные предприятия (организации)	конкурентные преимущества территории	географическая близость	большое количество участников	связи и взаимодействия между участниками кластера
1. Биоресурсный кластер Дальневосточных морей. Промышленные узлы: Владивостокский, Находкинский, Южно-Сахалинский, Курильский, Петропавловск-Камчатский, Магаданский	1. Рыбодобывающие и перерабатывающие компании, 2. Научно-производственные подразделения ТИПРО в субъектах ДФО (Приморский и Камчатский края, Сахалинская и Магаданская области), 3. Высшие и средние специальные учебные учреждения рыбопромышленного профиля, 4. Судостроение и производство промышленного и рыбообрабатывающего оборудования, 5. Хозяйства марикультуры в прибрежных акваториях	1. Выгодное ЭГП (соседство с крупнейшими потребителями продукции в странах АТР), 2. Доступные ресурсы (рыба и нерыбные объекты промысла), 3. Специализированные трудовые ресурсы, учебные заведения и образовательные программы, 4. Наличие специализированных организаций, проводящих НИОКР, 5. Необходимая инфраструктура (порты, холодильники и др.)	Объекты кластера географически широко распределены по всем рыбопромышленным участкам Охотского, Японского и Берингова морей.	В состав кластера входит большое количество рыбопромышленных предприятий, хозяйств марикультуры, научно-образовательных учреждений Дальнего Востока России.	Объекты кластера связаны между собой использованием общих объектов инфраструктуры – научной информацией об объектах промысла и рекомендуемых размерах выловы промысловых видов рыб и нерыбных объектах промысла. Рыбопромышленные компании пользуются услугами одних и тех же предприятий судоремонта; услугами организаций, снабжающих суда продуктами, топливом, водой и др.
2. Южно-Приморский кластер. Промышленные узлы: Владивостокский, Большешахтинский, Находкинский, Артемовский, Славянский, Надеждинский	1. Центр судостроения (Большой Камень), 2. Центр подводной робототехники (Владивосток), 3. Нефтехимическое производство (Находка), 5. Биотехнопарки (Владивосток), 6. Морские порты (Владивосток, Находка, Врангель, Большой Камень, Козмино); 7. Дальневосточное отделение РАН, отраслевые НИИ, 8. Высшие и средние специальные учебные заведения.	1. Выгодное ЭГП (соседство с крупнейшими странами АТР), 2. Специализированные трудовые ресурсы (судостроение и судоремонт; морской транспорт), учебные заведения по их подготовке, 3. Поставщики комплектующих и связанных услуг, 5. Организации, проводящие НИОКР.	Объекты кластера расположены компактно в наиболее освоенной на российском Дальнем Востоке южной части Приморского края.	В состав кластера входят большое количество машиностроительных компаний, предприятия ТЭК, транспортной инфраструктуры, НИОКР.	Все объекты кластера связаны использованием общей транспортной и энергетической системы юга Приморского края.

Составлено авторами по материалам источников: [5, 3].

Выводы. Предложенный подход при изучении факторов формирования кластерного эффектов в промышленных узлах позволяет выявить реальные механизмы повышения взаимосвязанности элементов их структуры. Ключевой фактор повышения социально-экономического потенциала территорий – формирование развитой научно-образовательной системы подготовки высококвалифицированных кадров для основных видов экономической деятельности в промышленных узлах Тихоокеанской России.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Потенциал приморских поселений для целей долгосрочного развития: содержание и методы оценки (на примере Тихоокеанской России), проект № 22-17-00186.

Библиографический список

1. Бакланов П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении / П. Я. Бакланов; Российская акад. наук, Дальневосточное отд-ние, Тихоокеанский ин-т географии. Москва: Наука, 2007. 239 с.
2. Бандман М. К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований / Отв. ред. А. Г. Аганбегян. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 254 с.
3. Горетов И.Н. Перспективы реализации кластерных инициатив в регионах// Экономика и управление, 12 (105), 2009. С.54-57.
4. Портер М. Конкуренция [перевод с англ.] Michael E. Porter. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 608с.
5. Мезенцев В. Территория инновационного развития // Эксперт. № 15, 19-25 апреля 2010. С. 97-99.
6. Мошков А. В. Промышленные узлы Дальнего Востока / А.В. Мошков; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Тихоокеан. ин-т географии. Владивосток: Дальнаука, 2005. 189 с.
7. Хрущев А. Т. География промышленности СССР. М.: Мысль, 1969. 433 с.
8. Ягольницер М. А. Экономические кластеры: идентификация и оценка эффективности деятельности / ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2006. 88с.

FACTORS OF IMPLEMENTATION OF CLUSTER PRINCIPLES IN INDUSTRIAL HUBS OF COASTAL REGIONS OF PACIFIC RUSSIA

A. V. Moshkov, A. A. Radiychuk,

Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 7 Radio Street, Vladivostok 690041, e-mail: mavr@tigdvo.ru

The article presents the results of the evaluation of factors for the implementation of cluster principles of territorial organization of production in the coastal regions of Pacific Russia. As a result of the study, industrial nodes and favorable factors for the implementation of an innovative cluster strategy that ensures high production efficiency are identified.

Keywords: industrial hubs, innovation clusters, settlements, Pacific Russia

ГЕОГРАФИЯ ЗЕЛЁНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

С.Н. Соколов^а, Э.А. Кузнецова^б

^а Нижневартровский государственный университет,

^б Тюменский государственный университет,

Нижневартовск, Россия, e-mail: snsokolov1@yandex.ru

В статье рассмотрена география зелёной энергетики на территории Азиатской России. Потенциал в её развитии есть у некоторых регионов Сибири и Дальнего Востока. В результате исследования установлено, что в настоящее время сформированы кластеры зелёной энергетики в Республике Алтай, на юге Омской области, Камчатского края и Республики Бурятия. Это необходимо для устойчивого развития этих территорий на современном этапе. *Ключевые слова:* зеленая энергетика; возобновляемые источники энергии, Азиатская Россия.

Постановка проблемы. В настоящее время все больше внимания на международном и региональном уровнях уделяется вопросам в области антропогенного воздействия на окружающую природную среду. Действующие до сих пор принципы природопользования неуклонно ведут к ухудшению качества окружающей среды и расточительному использованию природных ресурсов. Использование энергии и преобразование одних форм энергии в другие является неотъемлемой чертой любого жизненного процесса. Вся биосфера в целом и любая конкретная экосистема являются преобразователями одних форм энергии в другие и прежде всего солнечной энергии в энергию биомассы. Последствия сжигания ископаемого топлива – изменение климата и загрязнение окружающей среды – приобрели угрожающие масштабы.

Усиленное внимание к энергетическому строительству в мире очевидно и не случайно. Мировая цивилизация будет добиваться сокращения удельного расхода электроэнергии во всех сферах экономики, но это отнюдь не означает абсолютного сокращения потребления электроэнергии, снижения её значимости в жизни человечества и значимости стран и регионов, обладающих наибольшим потенциалом энергетических ресурсов или мощностей в национальных экономиках и мирохозяйственной системе. Электроэнергия была, есть и останется в будущем наиболее эффективным и обязательным источником формирования условий жизни и деятельности человека.

Вопросы природопользования и экологической безопасности, необходимость «зелёного» роста всё чаще поднимаются в России. На наш взгляд, сейчас стоит вопрос о зарождении нового научного направления «зелёная» география, которое должно соответствовать целям международных документов в области климата и устойчивого развития, и ориентированы на сферы обращения с отхо-

дами, энергетику, промышленность, транспорт, водоснабжение, сельское хозяйство и др. [8]. В настоящее время вопросы «зелёной» географии становятся ключевыми научными направлениями и интегрируются в различные сферы, что необходимо для устойчивого развития территорий и рационального природопользования на современном этапе.

Энергетические проблемы выходят на первое место в мире среди важнейших проблем и задач, которые предстоит решить РФ в XXI веке. Возобновляемая солнечная и ветровая энергетика являются перспективными производственными направлениями утверждают в своей работе Л.М. Короткий, Т.И. Заборцева и О.В. Евстропьева [4].

Для России их развитие рассматривается в качестве меры по предотвращению климатических изменений и охраны окружающей среды, а также в рамках обеспечения энергоснабжения в удаленных и труднодоступных районах.

Оценки ожидаемых изменений годового стока позволяют предположить, что до 2060 года будет увеличиваться выработка электроэнергии на ГЭС, расположенных в основном в Сибири и на Дальнем Востоке. Суммарное увеличение выработки на ГЭС к середине XXI века оценивается в среднем по России в 4% [7].

Методы и источники данных. Реализовать задачи сохранения окружающей природной среды, не ущемляя интересы человечества, призваны возобновляемые источники энергии (ВИЭ). В «Законе об электроэнергетике» (от 26.03.2003 № 35-ФЗ) под ВИЭ понимаются: энергия солнца, ветра, вод, приливов, волн водных объектов, геотермальная, а также биоэнергетика. В Европе дискутируют, включать ли в список «зелёной энергии» атомную энергетику: Франция считает, что нужно (здесь 70% энергии генерируют АЭС), а Германия выступает против этого (там почти оказались от АЭС).

В последнее время появляются всё больше работ, направленных на оценку энергопотенциала ВИЭ на территории России [3]. Особое место занимают географические основы возобновляемой энергетики [1]. Главную роль в энергетике будущего отводят солнечной энергии, которая должна обеспечить до 90% потребности населения к началу 2100 г. [6]. В этом ключе становится актуальным исследование энергетического потенциала «зеленой» энергетики отдельной территории, региона.

Можно выделить два направления исследования вопроса размещения ВИЭ:

1) физико-географическое, обусловленное геологическими, геофизическими, геоморфологическими, климатическими, гидрологическими, гидротермальными условиями;

2) экономико-географическое, зависящее от экономики региона, расположению его по отношению к транспортным путям, источникам сырья, топлива, сбыта готовой продукции.

Сегодня требуется оценка территории для использования ВИЭ. В этом ключе становится актуальным исследование энергетического потенциала ВИЭ для отдельной территории, региона.

Результаты исследования. Анализ географии зеленой энергетики проведён на примере регионов Азиатской России. Информация собрана на основе открытых данных.

Солнечная и ветровая генерации в России сильно отстают от других стран. В 2020 г. их доля в суммарном объёме установленной мощности составила всего 2754 МВт, или 1,12%.

Потенциал в развитии ВИЭ есть у некоторых районов Сибири и Дальнего Востока. На рис. показано размещение ВИЭ на территории Азиатской России.

Рис. Электростанции «зелёной» энергетики (2022 г.)

Цифрами обозначены электростанции: 1 – солнечные; 2 – ветровые; 3 – геотермальные; 4 – мини гидроэлектростанции; 5 – атомные. Буквами обозначены: А – действующие; В – строящиеся. Подписаны действующие электростанции мощностью более 20 МВт.

Современные ветровые электростанции (ВЭС) могут работать при силе ветра от 3 до 25 м/с. Данные условия имеют место на арктическом и тихоокеанском побережьях Азиатской России [5]. Для солнечных электростанций (СЭС) требуются большие площади земель, которые надо изъять для электрогенерации. Например, Абаканская СЭС установленной мощностью 5,2 МВт занимает 18 га. Большинство экспертов подтверждает, что развитие солнечной энергетики возможно не только в жарких регионах, но даже в высоких широтах. Так, в Якутии есть СЭС Батагай, работающая при температуре -50°C . Солнечная энергетика особенно выгодна для удаленных регионов, где для выработки электричества обычно используют дизельные генераторы [2].

СЭС в среднем в месяц по плану работает на 14% своей мощности. Для гидроэлектростанций (ГЭС) коэффициент использования установленной мощности – 38%, для ветряной станции – 27%. Выработка энергии на ВЭС обычно доступна в пределах 25–35% времени; на СЭС – 10–25% времени. Производство солнечной энергии имеет наибольшую выработку в июне и падает до минимума с декабря по февраль. ГЭС имеет наибольшую выработку весной, но количество электроэнергии колеблется от года к году. Энергия ветра довольно переменна, как из года в год, так и в течение года.

Выводы. Развитие направлений зелёной энергетики будет способствовать выработке механизмов адаптации и конструктивной эколого-социально-экономической программе развития регионов Азиатской России. Это важно учитывать при принятии управленческих решений, минимизации рисков событий катастрофического характера и эффективного ответа общества на вызовы глобального изменения климата и природных опасностей с учётом особенностей функционирования не только природно-хозяйственных систем, но и социально-экономических особенностей регионов.

Библиографический список

1. Дегтярев К.С. Географические основы возобновляемой энергетики // Окружающая среда и энерговедение. 2021. № 3 (11). С.25–42.
2. Довбий И.П., Кондратов М.В., Кобылякова В.В., Дегтеренко А.Н. Возобновляемая энергетика России: потребности и возможности регионов // Управление в современных системах. 2020. № 4(28). С. 18–32.
3. Дуничкин И.В., Ковалева А.С., Ташлыкова Ю.А. Подходы к оценке энергопотенциала возобновляемых источников энергии на территории России // Силовое и энергетическое оборудование. Автономные системы. 2018. Т.1, Вып.1. С. 15–26.
4. Корытный Л.М., Заборцева Т.И., Евстропьева О.В. Зеленая экономика в социально-экономическом развитии Байкальского региона // Эколого-географические проблемы перехода к зеленой экономике. Минск: Строй-МедиаПроект, 2019. С. 29–43.
5. Санеев Б.Г., Иванова И.Ю., Тугузова Т.Ф. Развитие возобновляемой энергетики на востоке России в первой половине XXI века // Энергетическая политика. 2016. № 3. С. 66–73.
6. Стребков Д.С. Роль солнечной энергии в энергетике будущего // Малая энергетика. 2005. № 1–2. С. 48–55.
7. Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. СПб.: Научное издание технологий, 2022. 124 с.
8. Sokolov S.N., Kuznetsova E.A., Rjepka E.A., Kuznetsova V.P. "Green" geography as a scientific direction within the framework of sustainable development // Ресурсы, окружающая среда и региональное устойчивое развитие в Северо-Восточной Азии: Тезисы докладов V Международной научной конференции (Иркутск, 23–26 августа 2022 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2022. С. 75.

GEOGRAPHY OF GREEN ENERGY IN ASIAN RUSSIA

S. N. Sokolov^a, E. A. Kuznetsova^b

^a *Nizhnevartovsk State University,*

^b *Tyumen State University,*

Nizhnevartovsk, Russia, e-mail: snsokolov1@yandex.ru

The article considers the geography of green energy in Asian Russia. Some regions of Siberia and the Far East have potential in its development. As a result of the study, it was found that green energy clusters are currently formed in the Altai Republic, in the south of the Omsk Oblast, Kamchatka Krai and the Republic of Buryatia. This is necessary for the sustainable development of these territories at the present stage.

Keywords: green energy; renewable energy sources, Asian Russia.

ОПОРНЫЙ КАРКАС ЧЕЛЯБИНСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ – ФОРМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ

В.А. Стяжкина

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия, e-mail: valeriyas1909@gmail.com*

В данной научной статье рассматриваются отдельные элементы опорного каркаса территории Челябинской городской агломерации, который является важной составляющей устойчивого развития и планирования городских пространств, проводится оценка социально-экологического состояния территории. Выявляются проблемы и пути оптимизации с учетом современных вызовов и требований.

Ключевые слова: агломерация; опорный каркас; инфраструктура; пространственная организация.

Постановка проблемы. Современное общество характеризуется распространением городского образа жизни. Так и в Челябинской области большая часть населения проживает в городах, 46% – в Челябинской агломерации.

По мнению отечественных учёных [1; 6; 7] городские агломерации формируются и развиваются на основе межпоселенных связей. В их границах обычно замыкаются суточные, недельные, сезонные циклы жизнедеятельности населения. Это объединение близлежащих населенных пунктов и тяготение их к крупному городу. Важным компонентом взаимодействия поселений является линейная инфраструктура и, в частности, транспортная сеть, которая укрепляет опорный каркас расселения, хозяйства, обслуживания – опорный каркас агломерации (ОКА).

Городская агломерация Челябинска включает в свой состав Челябинский, Копейский, Копейский городские округа и Сосновский, Красноармейский, Еманжельинский муниципальные округа. Однако, с ростом населения, технологические и экологические проблемы обостряются, и снижается качество окружающей среды.

Ядрами каркаса выступают системы городских поселений. По мнению М.Д. Шарыгина, город – с экологических позиций – это общность людей по поселению со специфической (городской) деятельностью, проживающих в специфической городской среде. Основным элементом в ОКРА являются города, формирующиеся под влиянием такой закономерности, как точечная концентрация населения, производства, инфраструктуры [10].

ОКА в настоящее время «наступает» на экологический каркас территории (ЭКТ), под ЭКТ понимается сеть природных и культурных ландшафтов, различающихся по режиму использования и функционирования, сохранения генофонда и биоразнообразия [10].

Сбалансированное сочетание ОКА и ЭКТ позволит обеспечить оптимальное общественное развитие агломерации и повышение качества жизни её населения.

Результаты исследования. Для анализа текущего состояния опорного каркаса Челябинской городской агломерации были проведены исследования инфраструктурных систем, оценены их техническое состояние и эффективность. С 2018 года в рамках реализации Национального проекта России «Жилье и городская среда» ежегодно проводится расчет Индекса качества городской среды (ИКС). Индекс формируется Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ [5]. Для анализа используются 36 индикаторов, среди которых безопасность, комфортность, экологичность и др. В 2018 года г. Челябинск набрал 160 из 360 баллов, в 2022 г. – 204 из 360 баллов. Однако, для оценки опорного каркаса расселения агломерации, оценки ИКС только ядра агломерации – г. Челябинска – недостаточно. Важно оценить всю территорию в совокупности.

С целью сравнительной оценки социальной инфраструктуры была выбрана территория из той же группы городов (крупнейшие) рейтинга ИКС, но с наибольшими баллами – г. Москва. При анализе использовались следующие показатели: количество образовательных учреждений (дошкольного, среднего, среднего профессионального и высшего образования), количество социального жилья, количество социальных служб, развлекательная инфраструктура (парки, спортивные объекты, театры и культурные центры), медицинские и здравоохранительные учреждения (рис. 1).

Из полученных данных следует, что в городской агломерации Челябинска существует нехватка учреждений здравоохранения и социального обслуживания. Однако, вместе с тем, существенно превышен уровень, по сравнению с лидером группы в Развлекательной инфраструктуре. Необходимо сместить баланс показателей в сторону обслуживания социально не защищённых слоёв населения и развития инфраструктуры охраны здоровья населения. Однако большая часть всех объектов социальной инфраструктуры размещается в центре агломерации.

Рис. 1. Обеспеченность населения Челябинской агломерации объектами социальной инфраструктуры [8]

Для оценки экономической инфраструктуры важно изучить, в первую очередь, состояние транспортной инфраструктуры, позволяющей обеспечить мобильность населения, поддержку торговли и бизнеса, развитие туризма, привлечение инвестиций, повышение качества жизни населения. Для оценки уровня обеспеченности транспортной инфраструктуры территории использовали коэффициенты Энгеля, Гольца, взаимодополняющие друг друга.

Коэффициент Энгеля рассчитывается по следующей формуле (ф.1) [2]:

$$d = \frac{L}{\sqrt{SH}} \quad \text{ф.1}$$

где L – общая длина транспортных путей; S – площадь территории; H – численность населения.

Коэффициент Гольца рассчитывается как (ф.2) [4]

$$d = \frac{L}{\sqrt{S\Pi}} \quad \text{ф.2}$$

где Π – число населенных пунктов.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что наилучшим состоянием транспортной инфраструктуры в агломерации обладает Коркинский муниципальный округ, а наихудшим – Еткульский муниципальный район. В целом, состояние транспортной инфраструктуры в агломерации не является проблемным, но для развития территориальных связей необходимо провести ряд программ по улучшению (табл.).

Таблица

Состав и инфраструктурная доступность Челябинской агломерации в 2023г. [3; 8].

Муниципальное образование	Численность населения, чел.	Площадь, км ²	Общая протяженность транспортных путей, км	Количество населенных пунктов, ед.	Коэффициент Энгеля	Коэффициент Гольца
Челябинский ГО	1182517	500,91	1195,4	1	0,04	53,4
Копейский ГО	147806	355,76	484,6	4	0,06	12,8
Коркинский МО	57043	102	240,3	7	0,09	8,9
Сосновский МР	85038	2071	1095,4	80	0,08	2,6
Красноармейский МР	47935	3842	834,2	43	0,06	2,05
Еманжелинский МР	47823	129	171,3	7	0,06	5,7
Еткульский МР	30004	2525	388,1	42	0,04	1,19
Итого по агломерации	1598166	9525,67	4409,3	184	0,03	3,3

Челябинск, является одним из крупнейших промышленных центров Урала. В связи с этим, для оценки состояния экологической обстановки важно оценивать не только уровень загрязнения окружающей среды, но и уровень экологической инфраструктуры, а именно: количество ООПТ и зеленых зон на территории, муниципальные программы по снижению уровня загрязнения окружающей среды, состояние фильтрационных систем на промышленных предприятиях и т.д.

ЭКТ Челябинской агломерации включает 17 особо охраняемых природных территорий. Нельзя сравнивать их друг с другом, но наибольшую роль, на наш взгляд, играет Челябинский (городской) бор, который находится в центре ядра агломерации, по нескольким причинам:

1 – это зеленая зона отдыха: Челябинский городской бор представляет собой большую территорию с лесными массивами, прудами и парками, которая предоставляет жителям города возможность отдыха на природе;

2 – он выполняет экологическую функцию: городской бор служит природным фильтром, улавливающим пыль, выбросы и загрязнения из воздуха и воды. Лесной массив поглощает углекислый газ и выделяет кислород, улучшая качество воздуха в городе. Также он является местом обитания множества растений и животных, способствуя сохранению биоразнообразия;

3 – влияет на климат: он помогает смягчать климатические перепады, создавая более комфортные условия для проживания. Леса служат естественными барьерами от ветра, сохраняя тепло в зимнее время и создавая прохладу в летний период;

4 – обладает рекреационным потенциалом: Челябинский городской бор представляет собой популярное место для проведения различных массовых мероприятий, фестивалей, спортивных соревнований и культурных мероприятий.

В связи с этим, не только городской бор нуждается в охране и защите, но и каждый заповедник, национальный парк и памятник природы.

Помимо этого, важно оценить, насколько территория готова сохранять и улучшать состояние окружающей природной среды.

С 2016 года, наибольшее количество средств в охрану окружающей среды было выделено Челябинским городским округом, Коркинским муниципальным округом и Сосновским муниципальным районом. Важно оценивать эту составляющую не с позиции количества средств, а в соотношении с количеством промышленных и других вредных для окружающей среды производств (рис. 2).

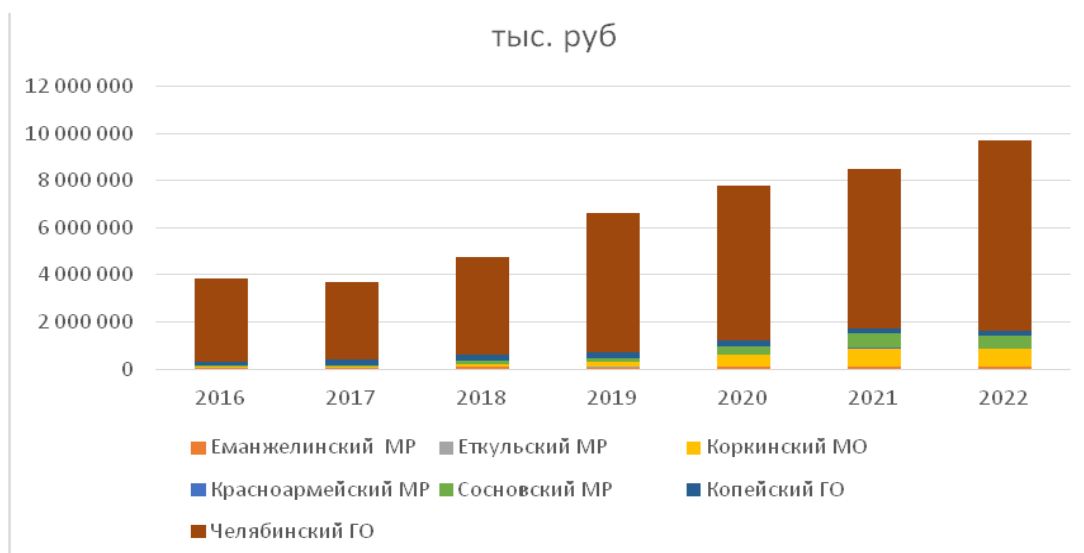

Рис. 2. Текущие затраты Челябинской агломерации на охрану окружающей среды [8].

По полученным данным, наибольшей площадью, занятой промышленными объектами, обладают Челябинский городской округ, Сосновский и Еткульский муниципальные районы. В связи с этим, можно сделать вывод, что уровень затрат на охрану окружающей среды в Еткульском районе недостаточный.

В результате исследования было выявлено несколько проблемных моментов:

1 – перегруженность дорожной сети и проблемы с парковками, что приводит к пробкам и низкой скорости движения транспорта;

2 – недостаточное развитие экологической инфраструктуры в отдельных районах агломерации;

3 – энергетическая система нуждается в модернизации для обеспечения устойчивого энергоснабжения и снижения выбросов парниковых газов;

4 – недостаточная развитость информационных, транспортных систем здравоохранения, что затрудняет доступность городских услуг и управление городом.

Для улучшения опорного каркаса Челябинской городской агломерации было предложено несколько мер:

1 – расширение и модернизация дорожной сети, включая создание дополнительных полос движения, строительство подземных парковок и развитие общественного транспорта;

2 – реконструкция систем водоснабжения и канализации с учётом роста населения и повышения стандартов экологической безопасности;

3 – внедрение новых технологий в энергетическую и производственную систему, таких как возобновляемые источники энергии и смарт-гриды, для повышения эффективности и устойчивости;

4 – развитие информационных и транспортных систем с использованием цифровых технологий, таких как смарт-города и мобильные приложения, для улучшения доступности городских услуг и повышения эффективности управления;

5 – развитие социальной инфраструктуры, обеспечивающей нормальную жизнедеятельность населения и, в том числе, мало защищённых слоёв населения.

Выводы. Опорный каркас Челябинской городской агломерации играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития и планирования городских пространств. Анализ текущего состояния и предложение мер по его улучшению необходимы для создания комфортной и удобной городской среды для жителей агломерации. Предложенные меры и рекомендации в данной статье могут служить основой для дальнейших исследований и практических действий в области развития опорного каркаса.

Библиографический список

1. Анимица Е. Г. Градоведение / учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 08.01.03 "Национальная экономика" / Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова; Федеральное агентство по образованию, Уральский гос. экономический ун-т (УрГЭУ). Изд. 4-е, перераб. и доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экономического ун-та, 2010. 433 с.
2. Гольская Ю. Н. Понятие транспортной инфраструктуры и оценка ее влияния на региональную экономику // Транспортная инфраструктура Сибирского региона: материалы второй межвузовской научно-практической конференции: в 6 т. Иркутск: изд-во ИрГУПС, 2011. С. 157–162.
3. Данные о протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения муниципальных образований Челябинской области на 01.01.2023 года // Фондовые материалы Министерства дорожного хозяйства и транспорта Челябинской области, 2023.
4. Задворный Ю. В. Критерии эффективности транспортной инфраструктуры региона // Российское предпринимательство. 2011. № 1 (1). С. 168–172.
5. Индекс качества городской среды, 2022 / Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства. URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения 23.09.2023)
6. Лаппо Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия геогр. 1983. № 5. С. 16–28.
7. Маергойз И. М. Географическое учение о городах: [Сб. ст.] / Отв. ред. О. Т. Богомолов; АН СССР, Геогр. о-во СССР, Ин-т географии. Москва : Наука, 1987. 116 с.
8. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований Челябинской области – 2022 / Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: https://74.rosstat.gov.ru/main_indicators (дата обращения 25.09.2023)
9. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. Ред. А.П. Горкин. Смоленск, 2013. 270 с.
10. Шаргин М.Д., Назаров Н.Н., Субботина Т.В. Опорный каркас устойчивого развития региона (теоретический аспект)// Географический вестник. №1-2. 2005. С. 15
11. Шарыгин М.Д. Территориальные общественные системы (региональный и локальный уровни управления). Избранные труды. Пермь: Изд.-во ПГУ, ПСИ, ПССГК, 2003. 260 с.

SUPPORTING FRAMEWORK OF THE CHELYABINSK AGGLOMERATION – FORM OF SPATIAL ORGANIZATION OF THE TERRITORY

V.A. Styazhkina

Perm State National Research University
Perm, Russia, e-mail: valeriyas1909@gmail.com

This scientific article examines individual elements of the supporting frame of the territory of the Chelyabinsk urban agglomeration, which is an important component of sustainable development and planning of urban spaces, and assesses the socio-ecological state of the territory. Problems and optimization paths are identified taking into account modern challenges and requirements.

Key words: agglomeration, supporting frame, infrastructure, spatial organization.

Секция 3. Региональное и муниципальное управление и территориальное планирование

УДК 911.3

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ШАКИНСКОГО РАЙОНА, АЗЕРБАЙДЖАН)

Нофал Артунов

*Институт географии имени Г.Алиева, Министра науки и образования
Азербайджана, e-mail: nofel.ertunov@gmail.com*

Основной целью исследования является определение направления территориального планирования в Шакинском районе. Для этого был проведен подробный анализ литературы по территориальному планированию. Были проанализированы существующие аспекты территориального планирования, включая теоретическую и методологическую часть, изучен опыт России и Европы. С помощью метода системного и сравнительного анализа в соответствии с проведенным исследованием в статье проведена группировка территориального планирования по направлениям. В конце статьи представлены изменения в территориальном планировании Шекинского района и причины их возникновения.

Ключевые слова: территориальное планирование, Шакинский район, государственные программы, муниципализация планирования, стратегическое планирование

Введение. В современное время в связи с ростом численности населения возник ряд проблем, связанных с использованием территории и размещением производительных сил. Вследствие этого при реализации новых проектов возникают вопросы, которые не были учтены заранее. В нашей стране реализован ряд мероприятий в рамках территориального планирования. Этот процесс осуществляется в рамках государственной программы "Социально-экономическое развитие регионов". Однако процесс территориального планирования в стране нельзя считать завершенным. Этот процесс продолжает носить в значительной степени поэтапный характер. Основной целью исследования является анализ типов и подходов территориального планирования, реализуемых в мире, изучение теоретических аспектов территориального планирования, а также проведение сравнительного анализа исследуемого региона.

Метод. В статье проведен анализ существующих исследований по странам и обобщен международный опыт по областям планирования. Проведен обзор и сравнение теоретических и методологических подходов по странам.

По теме территориального планирования российскими учеными, а также в Европе проведен ряд исследований. Проведенные исследования охватывают различные аспекты и планирование территории на разных уровнях. Рассмотрим эти исследования и проведем их краткий анализ.

Пелымская и др. [8] подошли к территориальному планированию в контексте территориального планирования муниципалитетов, сделав акцент на комплексе прав муниципалитетов и планировании с учетом интересов органов самоуправления. При этом Иванов и Бухвальд [4] отмечают, что территориальное планирование является частью общей национальной стратегии и должно осуществляться на федеральном, региональном, районном, городском и местном уровнях власти с участием других заинтересованных сторон.

По мнению авторов, основным препятствием, стоящим на пути реализации стратегии социально-экономического развития территории, является отсутствие конкретного определения процесса планирования территории и установленного времени со стратегическим планированием.

Антипин [1] делает акцент на развитии и обобщении процессов регионального стратегического планирования и управления на основе международного опыта. Помимо указанных идей, существуют подходы, оценивающие территориальное планирование как основной элемент или показатель системы. Так, Курдюшов [6] рассматривает территориальное планирование как основной элемент планирования и прогнозирования развития муниципальных образований. Миращиченко [7], напротив, показывает территориальное планирование как пространственные территориальные единицы распространения природных, социальных и экономических процессов и их интеграцию. Камаев [5] упоминает территориальное планирование как модель государственного управления в региональной экономике и видит основу национальной экономики в регионализации и построении региональной экономики.

Гапаненко [3] рассматривал территориальное планирование как составную часть стратегического планирования, являющегося основной ведущей характеристикой социально-экономического развития. Стратегическое планирование экономического развития региона он разделил на следующие этапы: определение цели развития, анализ влияния внешних факторов на развитие региона, анализ влияния внутренних факторов на развитие региона, использование существующих и вновь создаваемых возможностей, разработка стратегии и концепции развития, определение направления развития, разработка четкого плана действий и реализация стратегии, анализ эффективности и результатов, пересмотр установленных целей и методов.

Бочарова и Прасолова [2] оценили территориальное планирование как цель достижения устойчивого социально-экономического развития и разделили процесс планирования на долгосрочное планирование, стратегическое планирование и объективно-целевое планирование. По мнению Шевченко и Ушанли [9] при территориальном планировании необходимо учитывать экологические аспекты.

Пространственное планирование в Европе развивалось в различных направлениях. Так, после публикации в 1999 году "Перспектив пространственного развития Европы на 1999 год" (ESDP) в ряде стран стали предприниматься попытки обновления и преобразования городского ландшафта [19]. Принятая концепция предусматривает выделение геопространственного управления в рамки территориальной политики, финансирования и управления путем сотрудничества с несколькими странами в области трансрегионального стратегического пространственного планирования [22].

Инфраструктурное планирование в Великобритании позволило в определенной степени смягчить многие социальные проблемы, такие как пространственное неравенство, благодаря улучшению прав землепользования, распространяющихся на соседей [25].

Относительно надежный механизм коммуникации, координации и участия общественности был создан в области пространственного планирования в Нидерландах [17]. Во Франции внедрена система интегрированного пространственного планирования. Здесь предусматривается участие заинтересованных сторон на разных уровнях, управление территориальной политикой через государственные службы и высокое участие общественных организаций [23]. В Германии были созданы четыре различных направления территориального планирования: городской дизайн, развитие местных сообществ, обновление городов и региональное планирование [12].

Пространственное планирование в мире и их современные характеристики приведены FAO. Следует отметить, что современное планирование не только охватывает различные территории, но и включает в себя ряд параметров. Кратко территориальное планирование выражается следующим образом (табл.).

Таблица

Пространственное планирование и входящие в него параметры

Name	Explanation and purpose
Планирование использования территории	Это систематическая оценка земельного и водного потенциала, альтернативных вариантов землепользования, а также экономических и социальных условий для выбора и принятия наилучшего варианта землепользования [13].
Пространственное планирование территории	Региональное/пространственное планирование землепользования – это физическая организация пространства в соответствии со стратегией, представляющая собой политику, разработанную как междисциплинарный и комплексный подход, направленный на сбалансированное региональное развитие [11].
Интегрированное территориальное планирование	Это оценка использования ресурсов и их распределения с учетом различных видов использования и требований различных пользователей всех сельскохозяйственных секторов, включая промышленность и все другие заинтересованные стороны [10, 24].
Совместное планирование землепользования (PLUP)	Эта концепция используется для планирования общих земель и очень важна во многих обществах, где такие земли сильно деградируют и возникают конфликты по поводу землепользования [12]. PLUP – это ориентированный на людей подход "снизу вверх", который признает, что в разных местах будут существовать различия в социокультурных, экономических, технологических и экологических условиях [15].

Name	Explanation and purpose
Планировка сельских территорий	По сути, это партисипативный подход к планированию на водосборных бассейнах, который связывает группы и сообщества с традиционно признанными землями, помогает этим сообществам развивать свои навыки и формирует местные институты для реализации планов устойчивого управления. Он направлен на управление природными ресурсами на уровне деревень и общин[14].
Планировка поселков и пригородов	Это политический, административный и технический процесс, направленный на регулирование, планирование и управление использованием и потенциалом земли в соответствии с ее биофизическими, культурными, социально-экономическими, общественно-политическими и структурными характеристиками [20].
Региональное территориальное планирование	Содействие в определении общей пространственной концепции и приоритетов землепользования путем выделения необходимых земельных участков для расширения деятельности физических и юридических лиц; определение условий охраны окружающей среды и памятников; создание системы расселения, производственных и инфраструктурных зон; Является совокупностью таких направлений, как процесс регионального развития, предназначенный для регулирования занятости и численности населения [16].
Планировка территории в соответствии с факторами окружающей среды	Это метод экологической политики, используемый для регулирования землепользования и производственной деятельности с учетом земельного потенциала и тенденций деградации земель, для защиты окружающей среды, а также для содействия сохранению и устойчивому использованию природных ресурсов[18].

Источник: Подготовлено автором на основе обзора литературы

Результаты. Пространственное планирование, которое раньше было частью политики централизации, в современных условиях характеризуется как региональное управление или новая регионализация. То есть если планирование планируется на национальном уровне, то управление стало осуществляться на уровне местного самоуправления. Здесь на первый план в основном выходит планирование и управление территориями муниципальных образований.

Территориальное планирование, осуществляемое в нашей республике, проводится последовательно в рамках единой стратегии и осуществляется на основе концепции социально-экономического развития регионов. Территориальное планирование в исследуемом районе осуществлялось в соответствии с численностью населения и наличием рабочих мест в Советской Социалистической Республике.

Однако с течением времени, с демографическим ростом административного района и изменением социальных потребностей, после обретения независимости законы о градостроительстве принимались исходя из новых реалий. Социально-экономическое развитие регионов после реализации государственных программ территориальное планирование осуществляется на региональном уровне поэтапно и в рамках устранения региональных различий

Библиографический список

1. Антипин, И. А. (2020). Региональное стратегическое планирование и управление: теория, методика, практики / e-FORUM. – 2020. – № 4(13). – С. 57-69.
2. Бочарова, А. А., & Прасолова, Л. В. (2015). Совершенствование инструментов управления социально-экономическим развитием региона. Историческая и социально-образовательная мысль, 7(3), 87.
3. Гапоненко, А. (2005). Стратегическое планирование социально-экономического развития региона. Пространственная экономика, (4), 40-53. .
4. Иванов О.Б., & Бухвальд Е.М. (2018). Стратегическое территориальное планирование в регионах России. ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика, (3), 7-21. doi: 10.24411/2071-6435-2018-10023.

5. Камаев, Р. А. (2012). Территориальное планирование (городское проектирование) как модель государственного управления в экономике регионов. *Финансовый бизнес*, (6), 20-26.
6. Кудряшов, Н. М. (2020). Территориальное планирование как элемент системы прогнозирования и планирования развития муниципальных образований. *Современные тенденции развития науки и технологий* (pp. 188-192).
7. Мирошниченко, Н. В., Комиссарова, И. В., & Мирошниченко, Д.А. (2022). Территориальное планирование развития муниципального образования. инновации и современные технологии в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции (pp. 348-351).
8. Пелымская, О. В., Черных, Е. Г., & Кряхтунов, А.В. (2017). Территориальное планирование муниципального образования. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2017. – 82 с. – ISBN 978-5-9961-1391-0. – EDN YPVPTR.
9. Шевченко, О. Ю., & Ушанлы, В. А. (2017). Экологизация территориального планирования муниципальных образований. *Экономика и экология территориальных образований*, (3), 14-17.
10. Agrell, P.J., Stam, A. & Fischer, G.W. (2004). *Interactive multi-objective agro-ecological land use planning: The Bungoma region in Kenya. European Journal of Operational Research*, 158(1): 194–217.
11. Cemat. (2010). *European Regional/Spatial Planning Charter: Torremolinos Charter. Strasbourg*.
12. Diller, C.; Hoffmann, A.; Oberding, S. (2018). Rational Versus Communicative: Towards an Understanding of Spatial Planning Methods in German Planning Practice. *Plan. Pract. Res.* 33, 244–263. [Google Scholar] [CrossRef].
13. FAO. (1993). *Guidance for land use planning. FAO Development Series No. 1. Rome*.
14. Giasson, E., Sauza, L.F.C., Levien, R. & Merten, G.H. (2005). *Integrated land use planning: An integrational agronomy courses at the Federal University of Rio Grande do Sul. Revista Brasileira De Ciencia Do Solo*, 29(6): 995–1003.
15. GIZ. (2012). *Land use planning: Concept, tools and applications. Eschborn, Federal Ministry for Economic Cooperation and Development (BMZ)*.
16. Kavaliauskas, P. (2008). *A concept of sustainable development for regional land use planning: Lithuanian experience. Technological and Economic Development of Economy*, 14(1): 51–63.
17. Marshall, T. (2020). Infrastructure planning and spatial planning: Current relationships in the UK. *Town Plan. Rev.* 91, 47–69. [Google Scholar] [CrossRef].
18. Mexicanos. (2012). *Ley general del equilibrio ecologico y la proteccion al ambiente. Artículo 3 [General law of ecological balance and protection of the environment. Article 3]. Mexico*.
19. Lüer, C.; Böhme, K. (2020). Reenergizing European Spatial Planning. *Plan. Pract. Res.* 1–15. [Google Scholar] [CrossRef].
20. Paruelo, J.M., Jobbágy, E.J., Laterra, P., Dieguez, H. García Collazo, M.A. & Panizza, A. (2014). *Ordenamiento territorial rural: Conceptos, métodos y experiencias [Rural land management: Concepts, methods and experiences]. Buenos Aires, FAO, MAGyP and*.
21. Rock, F. (2004). *Comparative study on practices and lessons in land use planning and land allocation in Cambodia, Lao PDR, Thailand and Viet Nam. Plascassier, MRC-GTZ Cooperation Programme, Agriculture, Irrigation and Forestry Programme, and Watershed M.*
22. Sood, S.; Rawat, K.; Sharma, G. (2022). 3-D Printing Technologies from Infancy to Recent Times: A Scientometric Review. *IEEE Trans. Eng. Manag.* 1–17. [Google Scholar] [CrossRef].
23. Ustaoglu, E.; Koomen, E.; Rouwendal, J. (2020). Urban density and spatial planning: The unforeseen impacts of Dutch devolution. *PLoS ONE* 2020, 15, e0240738. [Google Scholar].
24. Walker, W.T., Gao, S. & Johnston, R.A. (2007). *UPlan: Geographic information system as framework for integrated land use planning model. Transportation Research Record*, 1994: 117–127.
25. Zonneveld, W. C. (2018). First attempts to institutionalize European spatial planning. *Plan. Perspect.* 33, 523–542. [Google Scholar] [CrossRef] [Green Version].

THEORETICAL ASPECTS AND PROBLEMS OF TERRITORIAL PLANNING (ON THE EXAMPLE OF SHAKI DISTRICT, AZERBAIJAN)

Nofal Artunov

*Institute of Geography named after H. Aliyev,
Minister of Science and Education of Azerbaijan*

[*nofel.ertunov@gmail.com*](mailto:nofel.ertunov@gmail.com)

The main purpose of the study is to determine the direction of territorial planning in Shaki district. For this purpose, a detailed analysis of literature on territorial planning was carried out. The existing aspects of territorial planning including theoretical and methodological part were analysed, the experience of Russia and Europe was studied. Using the method of systemic and comparative analysis in accordance with the conducted research, the article grouped territorial planning by directions. At the end of the article the changes in territorial planning of Shaki district and the reasons for them are presented.

Keywords: territorial planning, Shaki district, state programmes, municipalisation of planning, strategic planning.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЛАГОПОЛУЧИИ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ 1870–1917 гг.

Е.Б. Дворядкина, Е.А. Белоусова

*Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия, e-mail: belousova-unir@usue.ru*

В статье анализируются труды российских ученых и публицистов рубежа XIX–XX веков, посвященные местному самоуправлению, сквозь призму концепции экономики благополучия. Использован комплекс общенаучных методов, включая сравнительный анализ и систематизацию. В результате исследования сделан вывод о том, что концепция экономики благополучия, с одной стороны, может быть воплощена средствами местного самоуправления, а с другой стороны – требует опоры на него, поскольку именно круг ведомства органов местного самоуправления, знание «местных польз и нужд» позволяет им сначала разрабатывать и визуализировать, а затем воплощать локальную «историю благополучия».

Ключевые слова: муниципальное образование; муниципальное управление; экономика благополучия; местное самоуправление; земство; город.

Постановка проблемы. Экономика благополучия является теоретической концепцией, продолжающей дискуссию об устойчивом развитии [6] и получающей все большую поддержку в обществе и государственном управлении. В трактовке международной группы исследователей [7] эта концепция предполагает такую экономическую систему, которая стремится к человеческому и экологическому благополучию вместо материального роста. Ученые подчёркивают применимость данной концепции для разработки политик развития и оценки социально-экономического прогресса как в развитых, так и в развивающихся странах в эпоху экономики пост-роста. Указанная концепция может использоваться не только для национального, но и для регионального и муниципального развития. Целью статьи является анализ взаимосвязи между экономикой благополучия и идеями местного самоуправления (МСУ) на основе анализа дореволюционных работ по местному самоуправлению, заложивших фундамент современной муниципальной науки.

Методы и источники данных. В статье проведен анализ работ российских ученых и публицистов дореволюционной поры, опубликованных с момента принятия Городового положения 1870 г. и по 1917 г. Тексты работ взяты из электронных библиотек «Научное наследие России», ГПИБ России, НИУ ВШЭ «Российские историко-правовые источники». Исследование представлений о благе (благополучии) для территорий осуществления МСУ проводилось в разрезе сущности, целей и задач, а также предметов ведения учреждений МСУ.

Результаты и выводы. По убеждению А.А. Кизеветтера, отсчет развития системы МСУ как составляющей публичного управления нужно вести от Городового положения Екатерины II, которое в практическом плане хоть и «не направило течения городской жизни в новое русло», став фактически бумажной реформой, но принципиально стало «первым манифестом таких основ городского самоуправления, которые не получали в предшествующие периоды нашей истории не только практического осуществления, но и теоретического признания» [3, с. 251]. В частности, историк подчеркивает, что город был провозглашен всеобщим самоуправляющимся союзом, т.е. в управление вовлекалось теперь все городское население, а его деятельность заключалась не только в сборе повинностей, но и в самостоятельном управлении *отраслями городского благосостояния*. Анализируя Городовое положение, А.А. Кизеветтер суммирует предметы ведомства дум в 8 «рубриках»: 1) прокормление и содержание городских жителей, 2) предотвращение ссор и тяжб города с окрестными городами и селениями, 3) сохранение в городе мира, тишины и согласия, 4) наблюдение порядка и *благочиния*, 5) обеспечение города привозом необходимых припасов, 6) охрана городских зданий, заведение нужных городу площадей, пристаней, амбаров, магазинов, 7) приращение городских доходов и 8) разрешение сомнений и недоразумений по ремеслам и гильдиям [3, с. 268].

А.И. Васильчиков подчеркивает, что потенциал органов МСУ не должен использоваться только в целях сокращения центральными правительствами своих расходов и «забот» управления: «но само собою разумеется, что подобная система, возлагающая на местных обывателей все тягости управления без соответствующих прав, не заслуживает названия «самоуправление». Оно получает свое значение только с той поры, когда местные жители получают действительное влияние на ход дел или хотя бы круг, в котором это влияние обнаруживается...» [1, с. II]. Солидарен с ним и А.А. Кизеветтер, который подчеркивает, что наличие МСУ – признак осознанного государства, которое понимает, что односторонняя правительственная опека бессильна осуществить идеал государственного *благоустройства* и народного довольства по двум причинам: 1) по быстро развивающейся отчужденности правящего бюрократического класса от живых, вечно подвижных и обновляющихся интересов и потребностей народа, 2) в силу того обстоятельства, что свободное участие в делах управления само по себе является глубокой потребностью общества и необходимым элементом общественной удовлетворенности и довольства [4, с. 7]. Таким образом, здесь обнаруживается важный элемент экономики благополучия – локальные сообщества должны сами определять свою «историю благополучия», его характеристики для конкретной

территории. Одновременно и система МСУ, круг ее действия и предметов ведения не может быть обозначена никак иначе, кроме как «в непосредственном соотношении с народом и страной, о коих идет речь» [1, с. 42].

К «главным предметам», подлежащих ведению органов МСУ, А.И. Васильчиков [1, с. 49] относил следующие: 1) Устройство путей сообщения, так как они находятся в прямой зависимости от специальных местных условий, свойств почв, расположения населения и размеров провоза и проезда, местных цен, 2) Общественное призрение, поскольку «правительство и правительственные агенты, не принадлежащие к местному населению, не могут вникать в народный быт так глубоко, чтобы определять степень нужды, дряхлости, болезни, дающей право на пособие», поэтому призрение неимущих может легко превратиться в кормление тунеядцев и чиновников, занимающихся надзором за этой деятельностью [1, с. 43–44], 3) Народное продовольствие, поскольку никакая строгая отчетность не в состоянии спасти от «оскудения и расхищения» хлебных запасов, если местная власть об этом не заботится, 4) Народное здравие, 5) Народное начальное образование, 6) Общественное *благоустройство* (в т.ч. охрана общественного порядка, надзор за строительством, пожарная охрана); и ряд других.

К.Ф. Одарченко колоссальную важность придавал непосредственному участию в управлении всех граждан, видя в такой солидарной деятельности глубокую нравственную основу, связанную, во-первых, с помощью ближнему, а во-вторых, с тем, что оно не позволяет обществу разделиться на опекаемых и опекунов, когда житель страны, не принимающий участия в управлении, «колеблется между рабством и распущенностью» [5, с. 5, 14, 26].

Б.Б. Веселовский, обозначив главный предмет своего сочинения как «Какое местное самоуправление нужно народу?» обращает внимание не только на города и потребности их наружного и внутреннего *благоустройства*, но на хозяйство сел, уездов, губерний: «у каждого села всегда имеются такие общие интересы и нужды, которые им удобно удовлетворить сообща» [2, с. 5)]. Он очерчивает идеал МСУ таким образом. Во-первых, поскольку дела местные – это те, которые касаются только конкретной местности, «высшая в государстве власть не должна вмешиваться в чисто местные дела (села, уезда, города); она не должна нарушать самостоятельность местного самоуправления» [2, с. 8]. Во-вторых, деятельность органов МСУ должна ограничиваться только законом, выражать нужды и интересы всего местного населения, а не исполнять «желания помещиков, купцов, домовладельцев и крестьянских богатеев» [2, с. 14], соответственно требуется всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право при выборах в земских и городских гласных.

Представленные взгляды позволяют сделать вывод о том, что теоретическая база экономики благополучия и идей земского и городского самоуправления во

многим совпадают, а кроме того, концепция экономики благополучия, с одной стороны, может быть воплощена средствами МСУ, а с другой стороны – требует опоры на него, поскольку именно знание органами МСУ «местных польз и нужд» позволяет им сначала разрабатывать и визуализировать, а затем воплощать локальную «историю благополучия».

Библиографический список

1. Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений. 3-е изд. СПб., 1872. Т. 1.
2. Веселовский Б.Б. Какое местное самоуправление нужно народу? СПб.: Книгоиздательство «Новый Мирь», 1906. 40 с.
3. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Историч. сб. Т. 5. XVIII век. Вторая половина / под ред. В.В. Каллаша. М.: т-во И.Д. Сытина, 1913. С. 251–273.
4. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст.: исторический очерк. 2-е изд. Пг., 1917. 119 с.
5. Одарченко К.Ф. Организация и задачи земского самоуправления. М.: Типо-лит. А. В. Васильева, 1900. 182 с.
6. Семенов И.С., Хайнацкая Т.И. Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 76–99. DOI: 10.31857/S0869049922050045.
7. Fioramonti L., Coscieme L., Costanza R., Kubiszewski I., Trebeck K., Wallis S., ... De Vogli R. Wellbeing economy: An effective paradigm to mainstream post-growth policies? // Ecological Economics. 2022. Vol. 192. Art. no. 107261. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.107261>.

IDEAS ABOUT WELL-BEING IN THE WORKS OF RUSSIAN SCIENTISTS ON LOCAL SELF-GOVERNMENT IN 1870–1917

E. B. Dvoryadkina, E. A. Belousova

Ural State University of Economics

Ekaterinburg, Russia, e-mail: belousova-unir@usue.ru

The article investigates the works of Russian scientists and essayists at the turn of the 19th and 20th centuries, devoted to local self-government through the prism of the concept of well-being economy. A suite of general scientific methods is used, including comparative analysis and systematization. The study concludes that well-being economy, on the one hand, can be implemented by means of local self-government, and on the other hand, should rely on it, since it is the local governments' knowledge of "local benefits and needs" that allows first developing and visualizing, and then implementing a local story of well-being.

Keywords: municipality; municipal governance; well-being economics; local self-government; zemstvo; town.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ

Н.В. Сбродова, Е.В. Белюсова

*Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Россия, e-mail: belusovaelena@mail.ru*

Статья посвящена вопросам жилищного обеспечения прав граждан, переселяемых в ходе реализации проектов по комплексному развитию территорий жилой застройки. Проанализированы основные проблемы и даны предложения по совершенствованию правового регулирования мероприятий по переселении граждан из домов в ходе реализации таких проектов. Анализ произведен на примере Свердловской области.

Ключевые слова: комплексное развитие территорий, жилищные права, многоквартирные дома, признанные аварийными и подлежащим сносу, многоквартирные дома, которые соответствуют критериям, установленным нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации

Действующие в настоящее время правила комплексного развития территории были установлены в декабре 2020 года в связи с принятием Федерального закона от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» [2, 7].

В силу статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации комплексное развитие территории – это совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования поселений, городских округов.

Частью 2 статьи 65 Градостроительного кодекса Российской Федерации установлено, что проекты комплексного развития территории жилой застройки могут реализовываться только в случае, если на такой территории в числе прочего расположены: многоквартирные дома, признанные аварийными и подлежащими сносу или реконструкции; многоквартирные дома, которые соответствуют критериям, установленным нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации.

Проекты комплексного развития территории жилой застройки реализуются, главным образом, за счет средств частных инвесторов (лиц, заключивших договоры комплексного развития территории жилой застройки) (далее – инвесторы),

но при непосредственном участии органов местного самоуправления и подведомственных им организаций.

Порядок переселения граждан из домов, признанных в установленном порядке аварийными и подлежащими сносу, расположенных в границах подлежащей комплексному развитию территории жилой застройки (далее – аварийные дома), урегулирован статьями 32, 86, 89 Жилищного кодекса Российской Федерации [1, 2, 3].

Обеспечение жилищных и иных имущественных прав собственников жилых помещений и нанимателей жилых помещений по договорам социального найма, договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования в многоквартирных домах, отвечающих критериям, установленным субъектом Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 статьи 65 Градостроительного кодекса Российской Федерации, и включенных в границы подлежащей комплексному развитию территории жилой застройки (далее – дома, не признанные аварийными), на территории Свердловской области осуществляется в порядке, урегулированном статьей 32.1 Жилищного кодекса Российской Федерации, статьей 6 Закона Свердловской области от 19.03.2021 № 19-ОЗ «О регулировании отдельных отношений в сфере комплексного развития территорий в Свердловской области» (далее – Закон Свердловской области от 19.03.2021 № 19-ОЗ) и Порядком реализации решения о комплексном развитии территории жилой застройки, принимаемого Правительством Свердловской области или главой местной администрации муниципального образования, расположенного на территории Свердловской области, утвержденным Постановлением Правительства Свердловской области от 25.11.2021 № 835-ПП (далее – Порядок реализации решения о комплексном развитии территории жилой застройки) [5, 6].

Как представляется из анализа указанных документов, вопрос обеспечения жилищных прав граждан при осуществлении комплексного развития территории жилой застройки урегулирован не в полной мере [2, 4, 7, 8].

В свою очередь, отсутствие надлежащего правового регулирования данной сферы оказывает влияние как на деятельность органов местного самоуправления и инвесторов при переселении граждан из домов, расположенных в границах территории жилой застройки, подлежащей комплексному развитию, так и затрагивает интересы граждан при реализации их жилищных прав, что в совокупности может повлечь за собой тот факт, что проекты комплексного развития территории жилой застройки могут и не состояться.

Рассмотрим обозначенные пробелы правового регулирования более подробно.

Так, статьей 32 Жилищного кодекса Российской Федерации определено, что собственнику жилого помещения в аварийном доме, предоставляется возмещение, определение которого осуществляется в порядке части 7 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации.

В силу пункта 4 статьи 32.1 Жилищного кодекса Российской Федерации собственникам жилых помещений в домах, не признанных аварийными, взамен освобождаемых ими жилых помещений предоставляется возмещение, определяемое в соответствии с частью 7 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации, на день, предшествующий дню принятия решения о комплексном развитии территории жилой застройки.

Пунктом 10 Порядка реализации решения о комплексном развитии территории жилой застройки определено, что выплата собственникам жилых помещений равноценного возмещения осуществляется инвестором в сроки реализации соответствующего этапа комплексного развития территории жилой застройки, указанные в графиках, предусмотренных Порядком реализации решения о комплексном развитии территории жилой застройки.

К компетенции инвестора, в силу пункта 9 Порядка реализации решения о комплексном развитии территории жилой застройки, отнесено и направление собственнику жилого помещения письменного уведомления, в котором указан размер равноценного возмещения за жилое помещение, определенный в соответствии с требованиями жилищного законодательства Российской Федерации и предлагаемый к выплате собственнику для заключения договора купли-продажи данного жилого помещения, за исключением случаев, когда в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации предоставление равноценного возмещения не допускается.

Вместе с тем, ни Жилищным кодексом Российской Федерации, ни Законом Свердловской области от 19.03.2021 № 19-ОЗ, ни Порядком реализации решения о комплексном развитии территории жилой застройки, не определены орган или организация, в обязанности которых вменено выступить заказчиком на проведение оценки объекта оценка в целях определения размера возмещения.

Поскольку выплата возмещения за жилое помещение предшествует определению размера такого возмещения в порядке, определенном Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», учитывая положения статей 32, 32.1 Жилищного кодекса Российской Федерации, Порядка реализации решения о комплексном развитии территории жилой застройки, по мнению автора, представляется правильным дополнить положения статей 32, 32.1 Жилищного кодекса Российской Федерации нормой,

предусматривающей, что заказчиком работ по оценке принадлежащих гражданам на праве собственности жилых помещений как в аварийных домах, так и в домах, не признанных аварийными, выступает инвестор.

На федеральном уровне, равно как и на уровне субъекта Российской Федерации (Свердловская область) также не урегулирован порядок выселения нанимателей жилых помещений в домах, не признанных аварийными, в случае отказа последних от предоставления другого жилого помещения по договору социального найма.

Так, в силу пункта 14 статьи 32.1 Жилищного кодекса Российской Федерации, пункта 19 Порядка реализации решения о комплексном развитии территории жилой застройки в случае отказа собственника жилого помещения в доме, не признанном аварийным, от предоставления возмещения или другого жилого помещения с зачетом его стоимости в выкупную цену, правом на обращение с иском в суд с требованием об освобождении жилого помещения наделяется инвестор.

В силу пунктов 20, 24 Порядка реализации решения о комплексном развитии территории жилой застройки в случае неисполнения обязательств прежними нанимателями жилых помещений по своевременному их освобождению (уже после заключения договора социального найма) инвестор вправе обратиться в суд с заявлением о принудительном освобождении этих помещений.

Между тем, указанными актами не определено лицо, которое вправе обратиться в суд с иском о понуждении нанимателя жилого помещения по договору социального найма освободить жилое помещение в доме, не признанном аварийным, в случае отказа последнего от предоставления другого жилого помещения.

По общему правилу, в силу статьи 30 Жилищного кодекса Российской Федерации, статьей 209, 304 Гражданского кодекса Российской Федерации правом на обращение с иском в суд об освобождении жилого помещения обладает собственник такого помещения. В отношении жилых помещений муниципального жилищного фонда полномочия собственника осуществляет орган местного самоуправления соответствующего муниципального образования.

При таких обстоятельствах, по мнению авторов, представляется правильным дополнить статью 32.1 Жилищного кодекса Российской Федерации нормой, предусматривающей, что в случае отказа нанимателя жилого помещения по договору социального найма, расположенного в доме, не признанном аварийным, от предоставления жилого помещения по договору социального найма, уполномоченный орган местного самоуправления подготавливает исковое заявление в суд с требованием о выселении граждан из жилого помещения в аварийном доме с предоставлением им по договору социального найма другого благоустроенного жилого помещения.

Библиографический список

1. Гайдин Д. Некоторые особенности изъятия у граждан жилых помещений, находящихся в их собственности // Жилищное право. 2022. № 8. С. 23–30.
2. Косарева Н.Б. Жилищные гарантии при реализации проектов комплексного развития территорий жилой застройки // Закон. 2023. № 3. С. 27–40.
3. Лисицына М. Признание жилья аварийным (анализ споров) // Жилищное право. 2022. № 8. С. 5–12.
4. Шишкина А. Выкуп аварийного жилья по-кургански // Жилищное право. 2022. № 8. С. 13–20.
5. Методические рекомендации по комплексному развитию территории жилой застройки (подготовлены Фондом «Институт экономики города» по заказу Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства), 2022. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/> (дата обращения: 04.10.2023).
6. Мониторинг практики реализации проектов комплексного развития территории жилой застройки в российских городах. Фонд «Институт экономики города», 2022, [https:// www.urbanomics.ru/sites/default/files/](https://www.urbanomics.ru/sites/default/files/) (дата обращения: 04.10.2023).
7. Стерник С.Г. Комплексное развитие территорий и экономика регионов // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2. С. 57–75.
8. Тихонова Н. Споры по изъятию // Жилищное право. 2022. № 2. С. 17–26.

ENSURING THE HOUSING RIGHTS OF CITIZENS DURING THE IMPLEMENTATION OF PROJECTS FOR THE INTEGRATED DEVELOPMENT OF RESIDENTIAL AREAS

N.V. Sbrodova, E.V. Belyusova

Ural State Economic University

Ekaterinburg, Russia, e-mail: belusovaelena@mail.ru

The article is devoted to the issues of housing provision of the rights of citizens resettled during the implementation of projects for the integrated development of residential areas. The main problems are analyzed and proposals are made to improve the legal regulation of measures to resettle citizens from their homes during the implementation of such projects. The analysis was carried out using the example of the Sverdlovsk region.

Keywords: integrated development of territories, housing rights, apartment buildings recognized as unsafe and subject to demolition, apartment buildings that meet the criteria established by the regulatory legal act of the constituent entity of the Russian Federation

УПРАВЛЕНИЕ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИМИ РИСКАМИ ТЕРРИТОРИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА НА ОСТРОВЕ САХАЛИН

А.С. Харыбина^а, А.К. Юмашева^б, К.Д. Воротынцев^а

^а РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,

^б ИПНГ РАН

Москва, Россия, e-mail: kharybina.a@gubkin.ru

В статье описаны опасные геологические процессы, проявляющиеся на полосе землеотвода транссахалинской трубопроводной системы. Перечислены предпосылки их развития, а также риски, возникающие при активизации данных процессов. Описана созданная база данных опасных геологических процессов, созданная в программном обеспечении ArcGIS, а также результаты визуального осмотра трассы трубопровода на предмет нефтеразливов. Установлено, что участки трассы трубопровода, подвергающиеся воздействию опасных геологических процессов, были учтены при проектировании и строительстве объекта, а также подлежат контролю и регулярному обслуживанию. Полученные результаты позволили судить о целостности трубопроводной системы и сделать прогноз технического состояния объекта исследования, а также разработать рекомендации.

Ключевые слова: геоэкологическая безопасность; транссахалинская трубопроводная система; опасные геологические процессы; землетрясения; аварийные разливы; база данных; остров Сахалин.

Постановка проблемы. Остров Сахалин – перспективный регион добычи нефти и газа. Для реализации проекта «Сахалин-2» здесь в 1994 г. была учреждена компания «Сахалин Энерджи» и подписано соглашение о разделе продукции, в 1999 началась первая добыча нефти, а после – газа. В 2005 году в эксплуатацию была сдана транссахалинская трубопроводная система (ТТС) и в 2009 году отгружена первая партия российского СПГ. [3]

ТТС имеет протяженность 807 км и соединяет добычные платформы и производственный комплекс «Пригородное». Такая протяженность трубопровода накладывает риски, связанные с потерями углеводородного сырья в результате аварийных разливов. Обеспечение безопасности сахалинских трубопроводов – важная задача, поскольку данный объект расположен сложных геологических и климатических условиях. Трасса трубопровода пересекает 19 тектонических разломов, развиты такие опасные геологические процессы (ОГП), как оползни, сели, абразия. Особенно опасным с точки зрения риска порывов трубопровода является Макаровский район. В данном сегменте трубопровод пересекает 5 разломов и проходит через горные территории.

Поэтому участок транссахалинской трубопроводной системы, находящийся на территории Макаровского района, а также полоса землеотвода являются объектами изучения данной работы. Целью данной работы является разработка оп-

тимального подхода при контроле ОГП для обеспечения геоэкологической безопасности транспортных объектов нефтегазового комплекса острова Сахалин (на примере Макаровского района).

Исследования ОГП на Сахалине, в том числе на территории Макаровского района, проводились Дальневосточным отделением РАН. Опасными процессами, выявленными на участке расположения ТТС, стали лавинные, селевые, оползневые и русловые процессы. Они были изучены в работе Н.А. Казакова и Ю.В. Генсиоровского. [2]

Методы и источники данных. Для обеспечения безопасности ТТС была создана база данных в ГИС-системе ArcGIS, содержащая информацию об опасных природных процессах, которые повышают риск повреждения трубопроводов. С помощью программного обеспечения SAS.Планета была загружена мозаика, скомпонованная из спутниковых снимков для района интереса. Исходными данными для оценки склонов являлась ЦМР (рис. 1), полученная на портале ALOS World 3D. [1, 7]

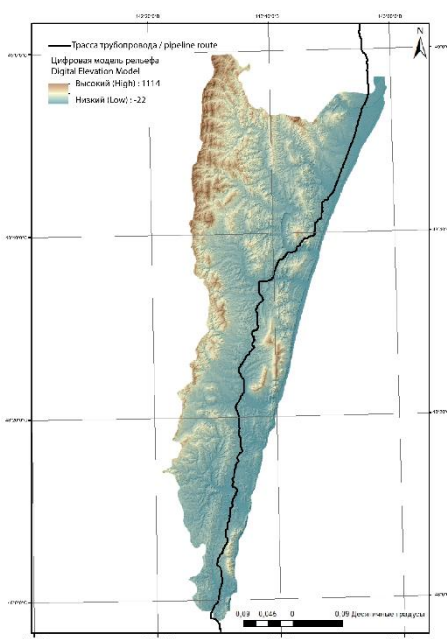

Рис. 1. ЦМР с примененной теневой отмывкой рельефа

После выявления особенностей рельефа изучаемой территории на портале Геологической службы США EarthExplorer с помощью визуального метода была изучена полоса землеотвода на территории Макаровского района на предмет выявления экзогенных процессов. Для того чтобы отследить динамику развития ОГП, а также рекультивационные мероприятия были использованы данные ежегодного мониторинга, проводимого в компании «Сахалинская Энергия». Участки, на которых осуществлялись мониторинговые мероприятия в 2019 и 2020 гг., были нанесены на исходную карту (рис. 2).

При поиске утечек нефти предпочтение было отдано визуальному методу обнаружения с помощью порталов Геологической службы США EarthExplorer и Sentinel Hub.

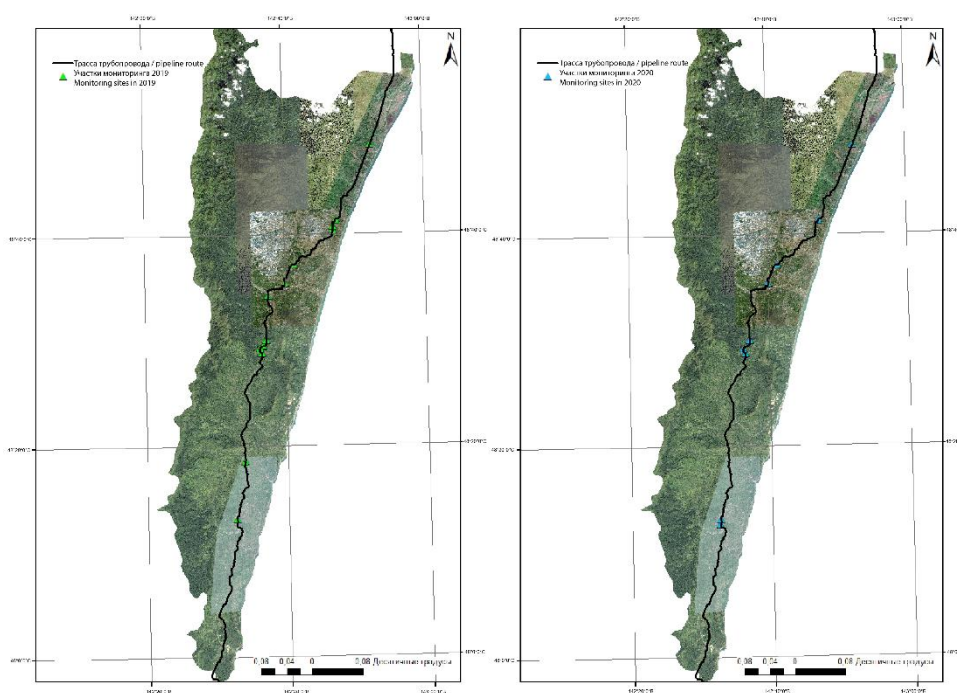

Рис. 2. Участки мониторинга в 2019 и 2020 гг.

Результаты. Итогом проведенной работы стало формирование на базе ПО ArcGIS базы данных ОГП, куда вошла информация не только об участках проявления ОГП, но и пунктах мониторинга, а также участках развития склоновых процессов и возможных нефтеразливах на полосе землеотвода, выявленных в ходе визуального мониторинга. Одним из элементов базы данных стала информация об очагах землетрясений, произошедших с 15 марта 1924 года по 26 февраля 2022 года, по данным открытых порталов ФИЦ ЕГС РАН и Геологической службы США. (рис. 3)

Выводы. В процессе комплексного анализа полосы землеотвода, проходящей по территории Макаровского района, было установлено следующее:

1. Климатические особенности и рельеф (уклон поверхности $> 0,5^\circ$) на территории Макаровского района являются определяющими в формировании склоновых процессов, которые активизируются при подземной активности. На данном участке трубопровод пересекает 5 разломов, общее смещение по которым в зоне заложения трубопровода оценивается от 0,7 до 2,1 м.

2. База эпицентров землетрясений (с 1927 по 2022 гг.), составленная по данным ФИЦ ЕГС РАН и Геологической службы США (USGS) показала, что на территории Макаровского района нет эпицентров крупных землетрясений, магнитуда не превышает значение 5. При этом максимальная сила землетрясений за

200 и 1000 лет для данного района определена в 8,5 и 9,8 баллов по шкале MSK-64. Им соответствуют пиковые ускорения грунта 0,3 g и 0,69 g.

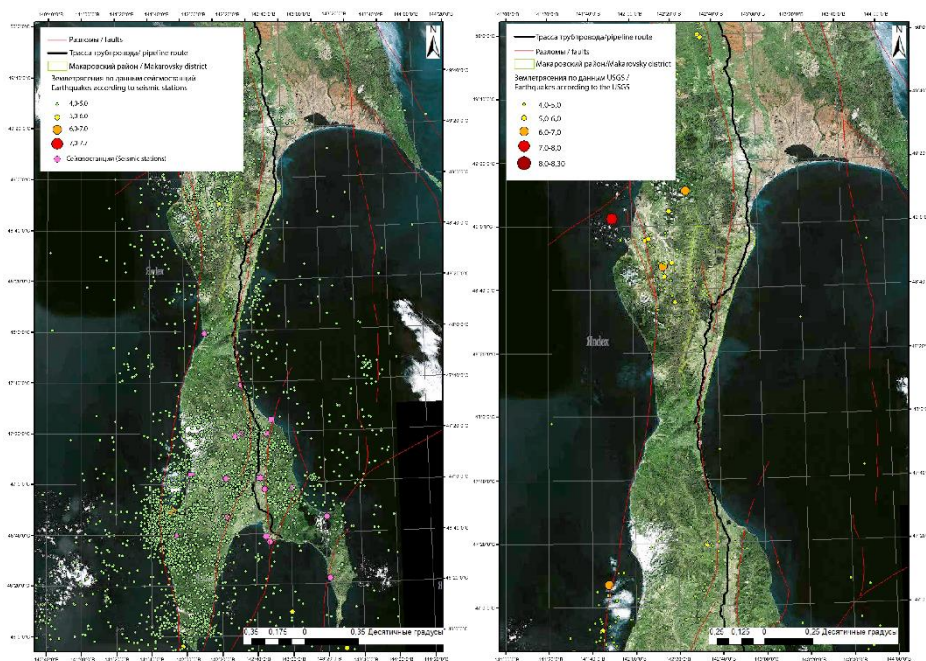

Рис. 3. Расположение очагов землетрясений относительно разломов на Сахалине:
а) по данным ФИЦ ЕГС РАН (2003-2019 гг.);
б) по данным Геологической службы США (1924-2022 гг.)

3. Наиболее опасными с точки воздействия на трубопроводы являются оползневые процессы и речная эрозия, участки проявления которых были выявлены вдоль полосы землеотвода. В рамках визуального осмотра территории обнаружено 32 участка проявления эрозионных процессов, которые были учтены при прокладке трубопровода. Здесь были использованы рассекатели склонов, габионы, каменная наброска. [5, 6]

4. Мониторинговые мероприятия полосы землеотвода в 2019 и 2020 гг. включали контрольные и технические мероприятия на 14 участках, при этом только на одном из них отмечено удовлетворительное состояние и зарастание трещин растительностью, 3 участка являются относительно устойчивыми, за ними необходимы наблюдения, 9 участков относятся к нестабильным.

5. На территории Макаровского района при визуальном изучении спутниковых снимков не было выявлено нефтеразливов, это может быть связано с двумя причинами. Во-первых, нефтепровод является новым и постоянно обслуживается. Во-вторых, территория Макаровского района является гористой, из-за чего нефть могла стекать в долины и не быть выявленной в ходе осмотра.

Библиографический список

1. Батугин А.С. К техногенной природе сильных коровых землетрясений // Геодинамические процессы и природные катастрофы: тезисы докладов IV Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Л.М. Богомолов. – Южно-Сахалинск: Ин-т морской геологии и геофизики ДВО РАН, 2021. 188 с. С. 15.

2. Казаков Н.А., Генсировский Ю.В. Экзогенные геодинамические и русловые процессы в низкорье о. Сахалин как факторы риска для нефтегазопроводов «Сахалин-2» / Геоэкология. Инженерная геология, гидрогеология, геоэкология №6, 2008. С. 483-496.
3. Оценка воздействия на окружающую среду. Том 1, Глава 1. Введение // «Сахалин Энерджи», 2003. 14 с.
4. Хaryбина А.С., Ванчугов И.М., Жаркова В.В., Афанасьев А.В. Выявление геоэкологических рисков эксплуатации производственного комплекса «Пригородное» в рамках нефтегазового проекта «Сахалин-2» // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. 2023. № 4 (313). С. 34-41.
5. Хaryбина А.С., Юмашева А.К., Миронова М.А. Особенности применения биоматов для рекультивации земель, нарушенных при укладке нефтегазопроводов в условиях острова Сахалин // Тезисы докладов 4-й Всероссийской молодежной научной конференции «Актуальные проблемы нефти и газа». Москва, 2021. С. 63.
6. Хaryбина А.С., Юмашева А.К. Применение отходов сельского хозяйства для рекультивации нарушенных территорий // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Технологии переработки отходов с получением новой продукции». Киров, 2021. С. 184-186.
7. Хромых В.В., Хромых О.В. Цифровые модели рельефа: Учебное пособие. Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2007. 178 с.

MANAGEMENT OF GEOECOLOGICAL RISKS OF THE TERRITORY IN THE IMPLEMENTATION OF THE ACTIVITIES OF THE OIL AND GAS COMPLEX ON SAKHALIN ISLAND

A. S. Kharybina^a, A. K. Yumasheva^b, K. D. Vorotyntsev^a

*^a National University of Oil and Gas «Gubkin University», ^b Oil and Gas Research
Institute of the Russian Academy of Sciences (OGRI RAS)
Moscow, Russia, e-mail: kharybina.a@gubkin.ru*

The article describes the dangerous geological processes that manifest themselves on the right of way of the Trans-Sakhalin pipeline system. The prerequisites for their development are listed, as well as the risks arising from the activation of these processes. The created database of geohazards created in the ArcGIS software is described, as well as the results of a visual inspection of the pipeline route for oil spills. It is established that the sections of the pipeline route exposed to geohazards were taken into account during the design and construction of the facility, and are also subject to monitoring and regular maintenance. The results obtained made it possible to judge the integrity of the pipeline system and to make a forecast of the technical condition of the object of study, as well as to develop recommendations.

Keywords: geoecological safety; Trans-Sakhalin pipeline system; geohazards; earthquakes; emergency spills; database; Sakhalin Island.

О ПРИМЕНЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРИ АНАЛИЗЕ КОМФОРТА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА¹

Т.А. Андреева^{аb}, Ю.В. Дворников^б, С.Д. Полякова^б

^а СПбГУ, ^б РГПУ им. А.И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: chipro_@mail.ru

Макро- и мезо-геоурбанистические исследования позволят более корректно оценивать текущее состояние городской среды. Интегральный показатель «Индекс качества городской среды» требует включения дополнительных индикаторов (плотности населения, плотности и этажности застройки), которые оказывают непосредственное влияние на комфорт и качество жизни населения.

Ключевые слова: городская среда; плотность населения; качество жизни; индикаторы качества городской среды.

Постановка проблемы. Качество жизни горожан определяется многочисленными и разнообразными факторами. Геоурбанистика, как субдисциплина гуманитарной географии, может оперировать разными эмпирическими данными для анализа ситуации в этой сфере жизни. С 2019 года в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» Минстрой России рассчитывает интегральный показатель «Индекс качества городской среды» и ежегодно публикует рейтинг городов России в разных размерных классах [7]. Нацелен проект на уменьшение количества городов с неблагоприятными условиями и создание в них комфортной среды. Оценивая текущее состояние городской среды, применяют методику, в которую включены 36 индикаторов, характеризующие уровень комфорта проживания в соответствующем городе. При этом используются только рассчитываемые индикаторы, поддающиеся измерению и исключающие субъективный характер оценки, способные обеспечить их достоверность и объективность. В комплексной оценке количественных индикаторов, на наш взгляд, не учтены такие важные характеристики, непосредственно влияющие на качество жизни, как плотность населения и высотность застройки.

Результаты. Административно-территориальное деление Санкт-Петербурга имеет двухуровневую систему. Верхний уровень административно-территориальных единиц – 18 районов, в их границах свою деятельность осуществляют исполнительные органы государственной власти. Второй уровень – внутригородские муниципальные образования (МО), которых насчитывается 111 (из них: 81 муниципальный округ, 9 городов, 21 посёлок). Выделение муниципальных образований служит целям обеспечения местного самоуправления и эффективности государственной власти [5].

¹ Исследование выполнено за счёт внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена
© Т.А. Андреева, Ю.В. Дворников, С.Д. Полякова, 2023

Последние существенные преобразования границ районов произошли в 1994 году (образование Адмиралтейского и Центрального районов) и в 2005 (территория ранее существовавшего Ломоносовского района включена в Петродворцовый, а Павловского в Пушкинский район). Кроме преобразований, отмеченных выше происходит увеличение площади районов за счёт узаконивания и включения в состав города намывных территорий. Приращение площади Санкт-Петербурга – процесс, который начался с момента основания города и интенсивность которого лишь усилилась в наши дни. С середины 60-х годов XX века в городе за счет намыва образовалось более 3 тыс. га новых территорий (улицы Кораблестроителей, Наличная, Савушкина и другие – это бывшие территории залива). И в наши дни расширение городской территории происходит за счёт намыва земли в акватории Финского залива.

Муниципальные образования Санкт-Петербурга, имеют существенную стратификацию по социально-экономическим показателям и территориальные диспропорции. Самый большой муниципальный округ по численности населения – МО № 65 (Приморский район), в нём проживает 190 тыс. человек, а самый маленький – посёлок Серово (Курортный район) с численностью чуть более 300 человек [1]. По площади крупнейшим является МО Посёлок Шушары (Пушкинский район) – 106 км², а самыми маленькими – МО Введенский и Сенной округ, оба занимающие площадь примерно 1 км². Плотность населения крайне неравномерна, средний показатель для Санкт-Петербурга составляет 3860 чел./км², наименьшая плотность наблюдается в основном у МО, расположенных на периферии города (например, в Курортном районе – до 1000 чел./км²) (рис. 1). Наибольшая плотность населения выявлена в 6 МО: Владимирский, Оккервиль, Северный, Георгиевский, Юго-Запад, Купчино и достигает в них от 20 – 26 тыс. чел./км².

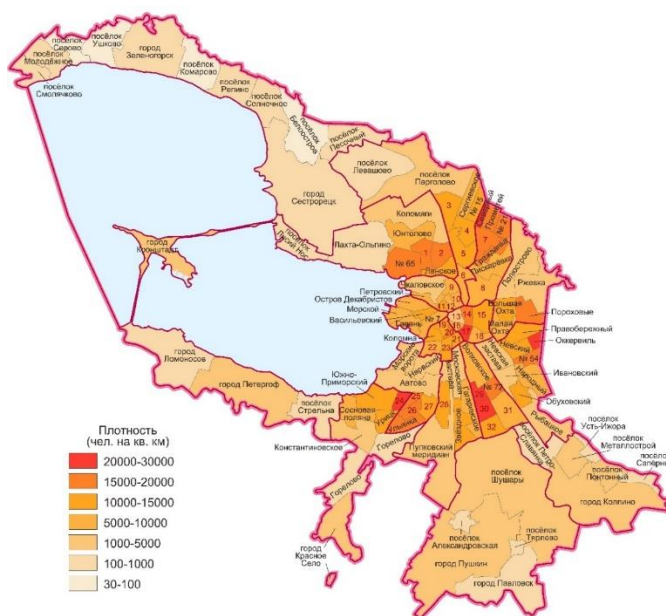

Рис. 1. Плотность населения муниципальных округов Санкт-Петербурга
Составлено авторами по данным ист. [1]

Цифрами на карте обозначены муниципальные округа:

1 – Озеро Долгое, 2 – Комендантский аэродром, 3 – Шувалово-Озерки, 4 – Сосновское, 5 – Светлановское, 6 – Сампсониевское, 7 – Академическое, 8 – Финляндский, 9 – Аптекарский остров, 10 – Посадский, 11 – Введенский, 12 – Кронверкское, 13 – Дворцовый, 14 – Литейный, 15 – Смольнинское, 16 – № 78, 17 – Владимировский, 18 – Лиговка-Ямская, 19 – Адмиралтейский, 20 – Сенной, 21 – Семёновский, 22 – Екатерингофский, 23 – Измайловское, 24 – Юго-Запад, 25 – Красненькая речка, 26 – Дачное, 27 – Княжево, 28 – Новоизмайловское, 29 – Купчино, 30 – Георгиевский, 31 – Александровский, 32 – Балканский.

Увеличение концентрации населения в крупных городах зачастую ведет к принятию решений по повышению плотности застройки (уплотнительная или точечная застройка), увеличению этажности жилых зданий или расширению административных границ города. Таким образом, рост города возможен либо вширь, либо ввысь. Компактная многоэтажная застройка – популярное и широко применявшееся и применяемое решение проблем развития города, удобное прежде всего для городских властей и девелоперов. Обратной стороной этих решений является ухудшение качества жизни горожан. Неблагоприятный эффект провоцирует многочисленные проблемы – недостаточности инсоляции [6], экологического ухудшения среды [2], возрастания психологического дискомфорта [4]. Чрезвычайно высокая плотность населения так же негативно сказывается на формировании архитектурно-планировочных решений городского жилья.

Выводы.

1) Согласно пункту 7.6 СП 42.13330.2011 расчетная плотность населения микрорайона при многоэтажной комплексной застройке и средней жилищной обеспеченности 20 м² на 1 чел. не должна превышать 450 чел./га [8, с. 14]. Анализируя плотность населения (рис. 1), можно констатировать что превышений в разрезе МО Санкт-Петербурга не выявлено, но в данном случае требуются дополнительные исследования, оценивающие плотность населения по микрорайонам, исключая промышленные площади и иные не занятые жилой застройкой зоны. Очевидно например, что большая часть МО посёлок Шушары – это свободные от застройки земли (рис. 2) и экстраполяция плотности населения на всю площадь не корректна. Более точных результатов можно достигнуть, применяя методики определения реального количества людей, проживающих в каждом конкретном микрорайоне путём анализа типа застройки [3], а не учитываемых статистически зарегистрированных жителей.

2) При расчёте индекса качества городской среды необходимо ввести показатели средней этажности, плотности застройки, плотности населения, поскольку они с одной стороны отвечают критериям измеряемости и объективности, а с другой прямо влияют на комфорт горожанина.

**Рис. 2. Спутниковая карта МО посёлка Шушары
Источник [9]**

3) Использование Индекса комфорта городской среды возможно только в макро- и мезо-геоурбанистических исследованиях. Для исследования специфики городской жизни на уровне конкретного города наилучшую пищу для анализа дают районные или муниципальные показатели.

Библиографический список

1. База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс] // Петростат. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения 20.09.2023).
2. Гиясов Б.И., Гурович Б.М. Влияние архитектуры и планировочной структуры современной городской застройки на экологию окружающей среды. // Строительство и реконструкция. 2022 № 5 (103). С. 94-103. DOI: 10.33979/2073-7416-2022-103-5-94-103.
3. Глозман О. С., Крашенинников И. А. Плотность городской ткани и население жилых кварталов // Академия. Архитектура и строительство. 2018. №4. С. 84-87. DOI 10.22337/2077-9038-2018-4-84-87.
4. Даутов Д.Ф. Высокая плотность населения как основной источник психологической опасности в городе // Психология безопасности городского пространства. Материалы II Международного симпозиума. 2019. С. 36-40.
5. Закон Санкт-Петербурга «О территориальном устройстве Санкт-Петербурга» (с изменениями на 30 января 2023 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/8414528> (дата обращения 20.09.2023).
6. Мусинова Н. Н. Проблемы урбанизации в XXI веке формирования комфортной городской среды // Вестник ГУУ. 2019. №6. С. 27-31. DOI 10.26425/1816-4277-2019-6-27-31.
7. Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 N 510-р (ред. от 20.09.2023) Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 25.09.2023).
8. СП 42.13330.2011. Свод Правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89*: утвержден Приказом министерства регионального развития Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 820 и введен в действие с 20 мая 2011 г. – Москва: Минрегион РФ.

9. Спутниковая карта Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // Яндекс Карты. URL: <https://yandex.ru/maps/2/saint-petersburg/sputnik/> (дата обращения 25.09.2023).

ON THE APPLICATION OF SOME INDICATORS IN ANALYZING THE COMFORT OF THE URBAN ENVIRONMENT USING THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG

T.A. Andreeva^{ab}, Yu.V. Dvornikov^b, S.D. Poliakova^b

*^aSaint-Petersburg State University, ^bHerzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russia, chippo_@mail.ru*

Macro- and meso-geo-urban studies will allow a more correct assessment of the current state of the urban environment. The integral indicator – “Urban Environment Quality Index” requires the inclusion of additional indicators (population density, density and number of floors of buildings), which have a direct impact on the comfort and quality of life of the population.

Keywords: urban environment; population density; the quality of life; indicators of the quality of the urban environment.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕФИНИЦИИ «УМНЫЙ ГОРОД»: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ПОДХОД

Н.Р. Ижгузина

*Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Россия, e-mail: nazligul@inbox.ru*

Статья посвящена анализу теоретических положений концепции «умный город». Представлены отечественные и зарубежные авторы. Представлено обобщенное определение дефиниции.

Ключевые слова: умный город, smart cities, инновации, цифровизация

В современных геополитических и социально-экономических условиях все большую популярность как среди ученых, так и представителей органов власти набирает концепция «умных городов» (smart cities). Тем не менее, в настоящее время единые подходы к определению данного понятия не сформированы.

Так, по мнению Ф. Кугурулло [23, с. 50] базовые положения умных городов были заложены еще Фрэнсисом Бэконом в его утопической повести «Новая Атлантида» («New Atlantis») [5]. Тем не менее, впервые научная статья, посвященная «умному городу», была опубликована в 1988 году в сборнике «Компьютеризированные системы поддержки принятия решений для контроля за использованием водных ресурсов Хьюстона» [3]. В научной же среде термин «smart city» («умный город») стал широко применяться с начала 90-х годов XX века как следствие урбанистических и цифровизационных тенденций.

В 2008 году компания IBM внесла значительный вклад в продвижение идеи «умных городов» на мировые рынки, представив концепцию «Smarter Planet», а в 2009 году запустила программу «Smarter Cities Challenge», цель которой помочь крупным городам мира работать более эффективно, экономить деньги и ресурсы и улучшать качество жизни своих граждан [26].

В 2015 году в рамках 76-й сессии Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций по изменению климата Оперативной группой по «умным» устойчивым городам было представлено определение «умных устойчивых городов», в соответствии с которым «умный устойчивый город» – это инновационный город, использующий информационно-коммуникационные технологии и другие средства для повышения уровня жизни, эффективности деятельности и услуг в городах, а также конкурентоспособности при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в экономических, социальных, культурных и природоохранных аспектах» [9].

В Российской Федерации создание «умных городов» является одной из целей национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1], что предопределило рост научного интереса к изучению данного феномена в нашей стране.

Как подчеркивают К.А. Пузанов и Д.О. Шубина можно выделить следующие подходы зарубежных авторов к определению «умного города» (рис. 1).

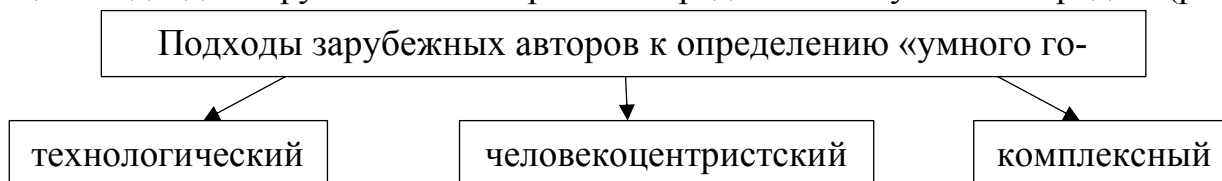

Рис. 1 – Подходы зарубежных авторов к определению «умного города» [11, 14, 17, 18–25, 26]

С точки зрения авторов в обобщенном виде дефиницию «умный город» можно трактовать как комплексную систему для моментального анализа городской среды с целью улучшения качества жизни населения [11, с. 30].

По мнению Роберта Холландса современные определения «умного города» подчеркивают комплексные аспекты функционирования современных городов, при этом уделяя особое внимание развитию транспорта, информационных и телекоммуникационных технологий, цифровых средств массовой информации, а также творческой и культурной жизни в целях повышения социально-экономической и политической эффективности жизнедеятельности городов [20, с. 315-316].

Джон Уинтерс же дает широкую трактовку понятия «умный город», которая с позиции ученого включает в себя создание определенного климата, необходимого для формирования креативного класса специалистов, который генерирует социальный капитал и извлекает из этого выгоду, способствуя тем самым превращению «умного города» в центр научного и творческого образования с большим количеством высококвалифицированной рабочей силы [27, с. 260].

Коллектив ученых Центра региональной науки Венского технологического университета «умными» определяют города, в которых созданы условия для роста человеческого капитала. При этом, чем больше таких возможностей и благоприятнее среда, тем «умнее» город. К основным же приоритетам развития в рамках «умного города» относятся следующие: умная среда, умный образ жизни, умные люди, умная экономика, умная мобильность, умное управление (рис. 2) [8].

Японские же ученые «умными городами» называют те, улучшается состояние окружающей среды, общества и экономики вследствие внедрения инновационных технологий [27].

Рис. 2 – Характеристики «умного города» [8].

Среди российских ученых также можно найти множество определений «умного города» (табл.).

Таблица

Подходы российских авторов к определению «умного города»

Автор / источник	Определение «умного города»
Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 31.12.2019 № 924/пр «Об утверждении методики оценки хода и эффективности цифрового трансформации городского хозяйства в Российской Федерации (IQ городов)» [2]	город с численностью населения более 100 тыс. человек, функционирующий в соответствии с принципами ведомственного проекта и соответствующий следующим ключевым признакам: а) город участвует в реализации Ведомственного проекта; б) в городе активно реализуются инициативы по широкому внедрению передовых цифровых и инженерных решений; в) цифровизация городского хозяйства направлена на повышение эффективности системы городского управления, качества и удовлетворенности жизнью и пребыванием в городе текущего и будущих поколений городских жителей
Стратегия «Умный город – 2030» [12]	инновационный город, использующий цифровые технологии для повышения уровня жизни, эффективности деятельности и оказания услуг в городе, а также конкурентоспособности при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в экономических, социальных, культурных и природоохранных аспектах
М.В. Аргунова [4]	обеспечение современного качества жизни за счет применения инновационных технологий, которые предусматривают экономичное и экологичное использование городских систем жизнедеятельности
В.И. Дрожжинов, В.П. Куприяновский, Д.Е. Намиот [15]	структура, которая обеспечивает устойчивое развитие, повышение качества жизни и эффективное использование ресурсов для своих жителей
А.О. Веселова [6]	город, в котором объединяются инженерная инфраструктура, ИТ-инфраструктура, социальная инфраструктура и бизнес-инфраструктура для использования коллективного интеллекта города
К.В. Макаренко, В.О. Логиновская [10]	совокупность мероприятий, направленных на повышение качества жизни населения за счет цифровизации различных сфер жизнедеятельности города, объединения различных сквозных технологий и систем, что способствует следующим управленческим и экономическим эффектам: возможность получения объективной актуальной информации о городской инфраструктуре, на основе которой принимаются управленческие решения; возникновение новых сервисов пользования первичными услугами в сферах жилищно-коммунального хозяйства, экологии, общественного транспорта, медицины и других; возможность агрегации «больших данных» для последующего анализа использования в целях повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг и сервисов

Необходимо отметить, что в ходе исследования концепции «умного города», как правило, значительный акцент делается на изучении роли высоких технологий [12, с. 102]. Тем не менее, доступность и качество новых технологий не являются единственными критериями «умного города». Так, ряд исследователей в числе обязательных элементов функционирования «умных городов» выделяют также экономическую эффективность информационно-технологической инфраструктуры [7, с. 54; 24, с. 912].

Таким образом, резюмируя представленную информацию об определениях «умного города», можно сделать вывод о том, что исследуемая дефиниция является комплексной и объединяет в себе множество различных сквозных технологий и систем, которые направлены на повышение благосостояния и качества жизни населения за счет цифровизации различных сфер жизнедеятельности города.

Несмотря на длительную историю изучения «умных городов», в настоящее время не выработано единых концептуальных подходов к их определению. Тем не менее, современные тренды мирового развития, обусловленные эволюционированием цифровых и инновационных технологий, способствуют все большему росту популярности концепции «умных городов».

Библиографический список

1. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 32. – Ст. 5138.
2. Приказ Минстроя России от 31 декабря 2019 года № 924/пр «Об утверждении методики оценки хода и эффективности цифрового трансформации городского хозяйства в Российской Федерации (IQ городов)».
3. Акимова О.Е., Волков С.К., Хрысева А.А. Концепция «умный город»: эволюция, элементы и форма реализации // Теоретическая экономика. – 2020. – № 6. – С. 57.
4. Аргунова М.В. Модель «Умного» города как проявление нового технологического уклада / М.В. Аргунова // Наука и школа. – 2016. – № 3. – С. 14–23.
5. Бэкон Ф. Новая Атлантида / Ф. Бэкон. – М.: Алгоритм, 2014. – 698 с.
6. Веселова А.О. Перспективы создания «умных городов» в России: систематизация проблем и направлений их решения / А.О. Веселова, А.Н. Хацкелевич, Л.С. Ежова // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. – 2018. – № 1. – С. 75–89.
7. Волков А.А. Концепция «Умный город»: монография / Волков А.А., Седов А.В., Чельшков П.Д. – М.: Московский государственный строительный университет, ЭБС АСВ, 2015. – 92 с.
8. Липецкая М.С., Римских Е.А. Smart city: эволюция умных городов // сборник материалов IV Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. 2019. – С. 126-131.
9. Показатели «умных» устойчивых городов, разработанные ЕЭК ООН–МСЭ. – 2015. – С. 3-14.
10. Макаренко К.В., Логиновская В.О. «Умный город»: стандарты, проблемы, перспективы развития // Вестник ЮУрГУ. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. – 2019. – №3. – С. 165-171.
11. Пузанов К.А., Шубина Д.О. «Умный город» или «умность» города: эффективность использования городских инноваций в США // Городские исследования и практики. – 2019. – №1 (14). – С. 29-42.
12. Стратегия «Умный город – 2030» // Электронный ресурс. – https://www.mos.ru/upload/alerts/files/2_Tehnologii.pdf?ysclid=lnj8838c1176318380.
13. Умные города: модели, инструменты, рэнкинги и стандарты / В.И. Дрожжинов, В.П. Куприяновский, Д.Е. Намиот и др. // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – № 3. – С. 19–48.
14. Хайретдинова Р.С. Теоретические основы концепции «умный город» и особенности ее адаптации в регионе // Российское предпринимательство. – 2014. – №20 (266). – С. 101-106.

15. Batty M., Axhausen K.W., Giannotti F., Pozdnoukhov A., Bazzani A., Wachowicz M., et al. Smart cities of the future // *European Physical Journal Special Topics*. – 2012. – Vol. 214 (1). – P. 481–518.
16. Caragliu A., Del Bo C., Nijkamp P. Smart cities in Europe // *Journal of Urban Technology*. – 2011. – Vol. 18 (2). – P. 65–82.
17. Cugurullo Federico. *Frankenstein urbanism: eco, smart and autonomous cities, artificial intelligence and the end of the city*. – Routledge, London. – 2021. – 228 p.
18. Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasek R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. *Smart cities. Ranking of European medium-sized cities*. Vienna: University of Technology. – 2007.
19. Hall R.E. *The vision of a smart city*. 2nd Int. Life. – 2000.
20. Hollands R.G. Will the real smart city please stand up? // *City: Analysis of Urban Trend, Culture, Theory, Policy, Action*. – 2008. – Vol. 12 (3). – P. 303–320.
21. Komninos N. *Intelligent cities and globalization of innovation networks*. London: Taylor & Francis. – 2008.
22. Lombardi P., Giordano S., Farouh H., Yousef W. Modelling the smart city performance // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. – 2012. – Vol. 25 (2). – P. 137–149.
23. Mitchell W. *Intelligent Cities*. UOC Papers. – 2007. – Vol. 5. – P. 3–8.
24. Pardo T., Nam T. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions / *Proceedings of the 12th Annual International Conference on Digital Government Research*. – 2011. – P. 282–291.
25. Roller L-H., Waverman L. Telecommunication infrastructure and economic development: a simultaneous approach. *American Economic Review*. – 2001. – Vol. 91. – № 4. – P. 909-923.
26. Schaffers H., Komninos N., Pallot M., Trousse B., Nilsson M. *Smart cities and the future internet: towards cooperation frameworks for open innovation*. – 2011. – Springer.
27. Winters J.V. Why are smart cities growing? Who moves and who stays // *Journal of Regional Science*. – 2011. – Vol. 51. – №. 2. – P. 253-270.
28. IBM builds a smarter planet / Официальный сайт компании IBM: <https://www.ibm.com/smarterplanet/us/en>.
29. «FutureCity» Initiative / Официальный сайт «Japan for Sustainability»: https://www.japanfs.org/en/projects/future_city/index.html.

THEORETICAL ASPECTS OF THE «SMART CITY» DEFINITION: RUSSIAN AND FOREIGN APPROACH

N.R. Izhguzina

Ural State Economic University
Ekaterinburg, Russia, e-mail: nazligul@inbox.ru

The article is devoted to the analysis of the theoretical provisions of the «smart city» concept. Domestic and foreign authors are presented. A generalized definition of the definition is presented.

Keywords: smart city, smart cities, innovation, digitalization

ОЦЕНКА РОЛИ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

А.А. Кашин

*Удмуртский государственный университет
Ижевск, Россия, e-mail kashin.alexey@mail.ru*

В статье представлены методические подходы к оценке роли отрасли в экономике регионов и роли регионов в национальном производстве в отрасли. За основу берётся база данных Федеральной налоговой службы по уплаченному налогу на доходы физических лиц по видам деятельности. В качестве примера используется пищевая промышленность как имеющая широкий региональный охват. На основании выполненных расчётов проводится типология регионов.

Ключевые слова: пищевая промышленность, налог на доходы физических лиц, доля в производстве.

Хозяйственная специализация регионов – важнейшее следствие пространственной дифференциации природных и социально-экономических условий, а также географического положения. Для выявления отраслевой специализации необходимо определение роли региона в национальной экономике по каждой из отраслей материального и нематериального производства. Другой стороной этих исследований является определение вклада различных отраслей в экономику регионов. Другими словами, в контексте региональных исследований нужно дать ответ на вопросы о роли региона в национальной экономике и роли отдельных отраслей в экономике регионов.

В зависимости от их соотношения просматривается четыре основных сценария:

- 1) высокая роль региона в отрасли и высокая роль отрасли в экономике региона;
- 2) высокая роль региона в отрасли и низкая роль отрасли в экономике региона;
- 3) низкая роль региона в отрасли и высокая роль отрасли в экономике региона;
- 4) низкая роль региона в отрасли и низкая роль отрасли в экономике региона.

Определение указанных ролей позволяет перейти к выявлению главного бенефициара развития отрасли в регионе. В случае высокой роли региона в той или иной отрасли в национальном масштабе налицо заинтересованность федерального центра. В случае если отрасль играет большую роль в экономике региона, в наибольшей степени заинтересован в развитии отрасли сам регион.

Определённые сложности вызывает методика расчётов. В качестве основы можно брать объём отгруженных товаров и услуг, отраслевую структуру валовой добавленной стоимости, число занятых и ряд других показателей. Некоторые из

них имеют высокую степень детализации, другие, напротив, в открытых источниках даны в обобщённом виде.

Так, объёмы отгруженных товаров и выполненных услуг в статистике представлены достаточно детально. По этим данным можно оценить роль отдельных регионов в общенациональном производстве по отраслям (группировкам производств в соответствии с ОКВЭДом). Но при использовании этих данных возникает ряд вопросов. В частности, понятие «отгрузки» вполне применимо к отраслям материального производства, но если говорить о нематериальном, особенно с большой ролью государства (образование, оборона и т.д.), то «осязаемость» этого несколько теряется. Кроме того, большой объём отгрузки в денежном выражении не всегда напрямую связан с реальной ролью отрасли в экономике региона.

Показатель валовой добавленной стоимости даётся в материалах Росстата в обобщённом виде. Так, отрасли материального производства делятся всего на 5 групп (в том числе вся обрабатывающая – это единственная позиция, без разделения на отрасли). Это не позволяет выявить роль отдельных отраслей промышленности в экономике.

В настоящем исследовании использована база данных Федеральной налоговой службы. В качестве ключевого налога, выбранного для анализа и сопоставления роли регионов, был выбран налог на доходы физических лиц (НДФЛ). Он учитывается по основному виду деятельности организаций и предпринимателей и фактически отражает фонд заработной платы. НДФЛ – один из важнейших налогов для регионов. Так, например, в доходной части бюджета Удмуртской Республики в 2022 г. на НДФЛ пришлось почти 25% от всех поступлений [2]. Поскольку НДФЛ отражает фонд заработной платы, он является и важным индикатором потребительского спроса внутри региона. А это – развитие торговли, производства многих товаров и т.д.

В статистических материалах Федеральной налоговой службы [1] представлен объём сбора НДФЛ в разрезе субъектов по месяцам с накопительным итогом. В качестве основы были использованы данные по сборам налога за 2022 год по предприятиям с основным видом деятельности «производство продуктов питания» (в дальнейшем планируется выполнить расчёты по всем отраслям материального и нематериального производства). Были рассчитаны доли регионов в общем объёме сборов по отрасли и доля отрасли в объёме сборов НДФЛ по региону.

Наиболее высокую роль в отрасли играют самые многонаселённые субъекты, а также те, где высокая численность населения сочетается с развитым многоотраслевым сельским хозяйством (поставщик сырья для перерабатывающей

промышленности). Так, на г. Москву приходится 12,5% от общероссийского объёма сбора НДС по России в производстве продуктов питания, на Московскую область – почти 11%, на Краснодарский край – 4,2% и т.д. На самых низких позициях располагаются регионы со слабым уровнем развития отрасли, зачастую – малонаселённые и / или имеющие малоблагоприятные условия для развития сельского хозяйства (республики Ингушетия, Калмыкия, Чечня, Тыва и т.д. – не более 0,01% от общероссийского объёма сбора НДС по отрасли).

Важные факторы высокой роли пищевой промышленности в экономике регионов – широкая сырьевая база (развитое сельское хозяйство), наличие крупных рынков сбыта и относительно слабое развитие других отраслей. В разных регионах решающую роль может играть один фактор или их сочетание. Так, в числе лидеров – Липецкая и Белгородская области. Здесь играют роль сырьевой и потребительский факторы. Высокая доля отрасли в экономике Адыгеи говорит скорее об относительно слабом развитии других отраслей при благоприятных условиях для многоотраслевого сельского хозяйства. Во Владимирской и Калужской областях главный фактор – потребительский (близость крупнейшего рынка сбыта – г. Москвы). Самая низкая роль пищевой промышленности в экономике характерна для регионов с наименее благоприятными агроклиматическими условиями (узость сырьевой базы) и / или низким уровнем развития обрабатывающей промышленности в целом (чаще всего сочетающемся с высокой ролью сельского хозяйства или добывающей промышленности в экономике). К таким регионам относятся ХМАО – Югра, ЯНАО, Чечня, Дагестан, Тыва.

По обоим показателям – роли региона в отрасли и роли отрасли в регионе – была проведена разбивка субъектов на 5 групп: от высокой до низкой роли (табл. 1).

Таблица 1

Основания для группировки

Роль региона в отрасли	Доля регионов в сборах НДС по основному виду деятельности «производство пищевых продуктов», % от общероссийского объёма	Роль отрасли в регионе	Доля предприятий пищевой промышленности в сборах НДС по регионам, % от общерегионального объёма
Высокая	2,0 и более	Высокая	3,0 и более
Выше средней	От 1,0 до 2,0	Выше средней	От 2,0 до 3,0
Средняя	От 0,5 до 1,0	Средняя	От 1,0 до 2,0
Ниже средней	От 0,1 до 0,5	Ниже средней	От 0,5 до 1,0
Низкая	Менее 0,1	Низкая	Менее 0,5

Составлено автором по данным ист. [1]

На основании группировки была составлена двухмерная матрица (табл. 2).

**Группировка субъектов РФ по роли в пищевой промышленности страны
и роли пищевой промышленности в экономике регионов**

	<i>Высокая роль отрасли в регионе</i>	<i>Выше средней роль отрасли в регионе</i>	<i>Средняя роль отрасли в регионе</i>	<i>Ниже средней роль отрасли в регионе</i>	<i>Низкая роль в отрасли в регионе</i>
<i>Высокая роль региона в отрасли</i>	Области: Челябинская, Белгородская, Воронежская, Калужская, Липецкая	Области: Московская, Ростовская, Новосибирская; Краснодарский край	Республика Татарстан	г.г. Москва, Санкт-Петербург	
<i>Выше средней роль региона в отрасли</i>	Области: Владимирская, Тульская, Калининградская, Вологодская, Курская; Края: Алтайский Камчатский	Области: Ленинградская, Саратовская, Волгоградская, Омская	Области: Свердловская, Нижегородская, Самарская; края: Приморский, Пермский; Республика Башкортостан		
<i>Средняя роль региона в отрасли</i>	Области: Пензенская, Кировская, Тамбовская, Брянская, Псковская, Орловская, Курганская; республики: Мордовия, Марий-Эл, Чувашская	Области: Рязанская, Тверская, Смоленская, Ульяновская; Удмуртская Республика	Области: Ярославская, Оренбургская; края: Ставропольский, Хабаровский; Республика Крым	Области: Кемеровская, Иркутская; Красноярский край	
<i>Ниже средней роль региона в отрасли</i>	Республика Адыгея	Новгородская область	Области: Томская, Сахалинская, Амурская, Ивановская, Костромская; республики: Хакасия, Карелия, Кабардино-Балкария	Области: Тюменская, Мурманская, Архангельская, Астраханская; республики Бурятия, Коми; г. Севастополь	Республика Саха (Якутия); ХМАО; Забайкальский край
<i>Низкая роль региона в отрасли</i>			Карачаево-Черкесская Республика; Еврейская автономная область	Республики: Северная Осетия-Алания, Алтай; Ненецкий автономный округ	Автономные округа: ЯНАО, Чукотский; Магаданская область; республики: Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Чечня, Тыва

Составлено автором по данным ист. [1]. Административно-территориальное деление на 01.01.22.

Говоря об основных бенефициарах развития отрасли в регионе, отметим две группы. В г.г. Москва и Санкт-Петербург высокая роль региона в отрасли сочетается с невысокой ролью отрасли в экономике регионов (ниже средней). Это можно интерпретировать таким образом, что при негативных тенденциях в от-

расли экономика самих регионов пострадает незначительно. Главной заинтересованной стороной в развитии отрасли в таких регионах выступает федеральный центр.

Противоположная ситуация – Адыгея и Новгородская область. При высокой и выше средней роли отрасли в экономике регионов сами регионы играют невысокую роль в отрасли в целом (ниже средней). В этом случае в развитии отрасли в регионе заинтересован в первую очередь сам регион, т.к. здесь собирается значительная часть НДСЛ, а это свидетельствует и о высокой роли отрасли в формировании потребительского спроса внутри региона.

Все остальные регионы находятся между этими двумя крайними сценариями. Если в матрице провести диагональ из левого верхнего в правый нижний угол, это разобьёт субъекты на две группы. Выше и правее диагонали – регионы, где основная заинтересованная сторона в развитии отрасли – федеральный центр. Левее и ниже диагонали – регионы, где основным бенефициаром – сам субъект.

Выводы.

- 1) База данных ФНС в части сбора НДСЛ вполне применима для оценки роли регионов в отрасли и роли отраслей в экономике регионов;
- 2) Для полноты картины необходимо сопоставление данных ФНС с другими показателями (отгрузка, число занятых и т.д.);
- 3) Использование предложенной методики позволяет определить основные заинтересованные стороны в развитии отрасли в регионе, что является важным инструментом для формирования стратегий экономического развития.

Библиографический список

1. Отчёт по форме 1-НОМ по состоянию на 01.01.2023 // Официальный сайт Федеральной налоговой службы (электронный ресурс). URL https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/11937656/ (дата обращения 29.09.23.)
2. Формирование бюджета Удмуртской Республики // официальный сайт Министерства финансов Удмуртской Республики (электронный ресурс). URL <https://www.mfur.ru/budjet/formirovanie/2022-god.php> (дата обращения 05.10.23.)

APPRAISAL OF THE ROLE OF INDUSTRIES IN REGION'S ECONOMY: METHODOLOGICAL APPROACHES

A.A. Kashin

Udmurt state university

Izhevsk, Russian Federation, e-mail kashin.alexey@mail.ru

The article presents methodological approaches to evaluating the role of the industry in the economy of regions and the role of regions in national production in the industry. The basis is the database of the Federal Tax Service on paid personal income tax by business activities. As an example, the food industry is used as having a wide regional coverage. Based on the calculations performed, a typology of regions is carried out.

Keywords: food industry, personal income tax, share in production.

РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СОЗДАНИИ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОДУКТА

А.И. Латышева^а, О.К. Косенко^б, А.И. Разумов^в

^а *Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. академика Д.Н. Прянишникова
Пермь, Россия, e-mail: info@pgatu.ru*

^б *Администрация Целинского района Ростовской области,
проект «Тематический парк «Марьяна Роца»
Целина, Россия, e-mail: celinaraion@donland.ru*

^в *Малое инновационное предприятие «НЭЛА»,
проект «Туристический маршрут «Марьин Утес»
Пермь, Россия, e-mail: nela.perml@mail.ru*

Роль муниципальных образований по развитию туристической привлекательности сельских территорий в эпоху цифровых преобразований является предметом исследования. На примерах туристической деятельности в Ростовской области и Пермского края выявляются местные ресурсы создания образа территории привлекательного для туристов. Проведен анализ финансовых и кадровых резервов муниципальных образований, которые можно использовать в развитие сельского туризма. Определены некоторые условия участия местных жителей в туристической деятельности. Работа опиралась на материалы Целинского муниципального образования Ростовской области и материалы Кунгурского муниципального образования Пермского края. В исследовании применялись статистические данные регионов. Авторы пришли к выводу, что муниципалитетные образования имеют все возможности для формирования привлекательного туристского продукта. Ключевым драйвером сельского туризма является креативная частная инициатива.

Ключевые слова: муниципальные образования; туристическая привлекательность территорий; местный житель; сельский туризм

Введение. Основой благосостояния страны является сельское хозяйство. Научно-технический прогресс ведет к повышению конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на международных рынках. Цифровые преобразования меняют требования к статистическим данным, сегодня они выходят за пределы традиционной информации о сельском хозяйстве. Статистика подчеркивает уникальность сельскохозяйственного производства в сохранении окружающей среды и устойчивом развитии территорий. Использование информационно-коммуникационных технологий и цифровых платформ в конце второго тысячелетия дал импульс динамике экономического роста. Цифровизация явилась вызовом сельским поселениям, несущая и негативные последствия. Технологические новшества трансформируют экономические отношения наших сел [1]. Вынуждают многие агрохозяйства уходить с рынка, нести убытки и безработицу. Технология безжалостна к рабочим местам. В моноотраслевых селах наблюдаются потери лучших молодых специалистов. Альтернативную занятость уже не может предложить традиционная экономика. Сельские поселения концентрируют в одну точку проблемы сельскохозяйственного производства и вопросы

устойчивого развития территории [2]. По-особому чувствительна сфера производства духовных ценностей. Происходит обострение пространственной организации общества на разных иерархических уровнях [10]. Главы муниципальных образований вынуждены находиться в бесконечном поиске источников финансирования. Ставится под вопрос устойчивость территорий, как основы стабильного функционирования сельского хозяйства. Решение проблем происходит разными путями. Создание привлекательного туристического продукта сельских территорий надежный путь из сложившегося тупика.

Постановка проблемы. Вопросы изучения роли муниципальных образований в создании позитивного образа сельских территорий относятся к одним из наиболее проблематичным в современной региональной экономике, а с другой стороны, к одним из наиболее приоритетных в период цифровой трансформации сельского хозяйства.

Методы и источники исследования. Определение роли муниципальных образований в создании привлекательного туристического продукта является целью исследования, которое велось с использованием системного подхода. Информационной базой исследования были материалы отчетов и прогнозы муниципальных образований и государственной статистической службы регионов.

Результаты исследования. Работа над позитивным образом сельских территорий предполагает наличие определенных ресурсов муниципальных образований. Недостаток финансовых ресурсов сужает круг возможностей данной деятельности. Выходом из замкнутого круга может служить муниципальное имущество как основа туристической деятельности. Но тут всплывают недостатки правового регулирования отношений собственности. Использование данного ресурса ограничивается. Дорого содержание, качество отвратительно. Меняется эффективность управления муниципальным имуществом с привлечением частных инвестиций. С приходом предпринимательских инноваций снижаются финансовые затраты [3]. С другой стороны, территория, развивая разнообразную инфраструктуру, привлекает к себе молодежь. Высокий уровень благоустройства насыщает хозяйства высококвалифицированными специалистами. Колоссальной способностью обладает сельский туризм в привлечении внимания потребителя. Обладая мультипликативным эффектом, он эффективно решает сложные социально-экономические проблемы муниципальных образований. Туристическая деятельность привлекательна как для молодежи, так и для женщин. Туризм стимулирует рост образовательного уровня местного населения. Туризм создает особую культурную среду территорий. Привлекательный вид приобретает забытая богом глубинка. Заброшенная деревенька становится интересна в информационном пространстве. Туристическая деятельность способна использовать весь природный и культурный потенциал сельских территорий. Каче-

ственно исполнять свои полномочия начинает местное самоуправление. Цифровая трансформация сельского хозяйства стимулирует развитие туризма. Технологии сокращают время и пространство. Они позволяют быстро сравнивать цены, условия путешествия и дать оценку впечатлений другими потребителями. По нашему мнению, муниципальные образования способны «вдохнуть жизнь» в существующие местные туристические ресурсы, насытить их яркими впечатлениями [4]. Сельский туризм превращается в одно из интереснейших направлений сельской экономики. Природный мир, окружающий сельские поселения, позволяет создавать эксклюзивные и разнообразные туристические услуги, а событийные мероприятия – тиражировать их на рынках. Привлекательность появляется, по нашему мнению, за счет аутентичности и уникальности местных туристических ресурсов, возможности погружения в местную культуру. Организация муниципальными образованиями туристических конкурсов, фестивалей народного творчества, льготное кредитование креативных проектов, гранты благотворительными фондами стимулируют предпринимательскую активность местного населения. Наличие инфраструктуры и туристических объектов являются необходимым, но, к сожалению, не исчерпывающим условием создания туристической привлекательности сельских территорий. Только в муниципальных образованиях улавливается «мелочь», создающая впечатления и яркие эмоции. Здесь начинает работать вся сельская инфраструктура на обеспечение приятных впечатлений.

Рис. 1. Целинский район – муниципальное образование в составе Ростовской области Российской Федерации. Тематический парк «Марьяна Роца» поселок Целина. День работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности.

Целина, взявшая и свое начало от небольшой станции в бескрайней степи, быстро строилась. В 1923 году поселок стал центром вновь образованного Западно-коннозаводческого района. В своих нынешних границах Целинский район

был образован 2 января 1935 года (Рисунок 1). Активные жители лучшие организаторы при проведении мероприятий муниципального образования. Население во многом может решить проблемы своих территорий. В Целинском районе налажено взаимодействие местной власти и предпринимателей. В муниципальном образовании действует Положение о муниципально-частном партнерстве. Предприниматели активно участвуют в реализации социальных проектов. Каждый год глава муниципального образования, выступая перед своими избирателями с отчетом о деятельности администрации, выражает свою благодарность всем предпринимателям, которые оказывают помощь в благоустройстве территорий. Например, во время обустройства парка «Марьино Роща» по ул. 50 лет Советской Армии было вырублено 189 аварийных деревьев. Агрохозяинство «Целина» за свой счет посадила новые деревья. Инвестор ОАО «Целинсагрохимсервис» взял на себя затраты по выполнению работ по завозу земляного грунта. ООО «Татьяна» приобрело и поставило в центре поселка современные урны. Режим наибольшего благоприятствования для туристической деятельности малого бизнеса создает муниципальное образование. Муниципально-частное партнерство стимулируется деятельностью муниципалитета, обеспеченной бюджетным финансированием. «Живое прирастает к живому». В свою очередь, парк «Марьино Роща» является точкой притяжения для туристов [5]. Информационное сопровождение туристической деятельности обеспечивается муниципалитетом, которое заключается в доведение до местных жителей о планах приема «гостей», о местах прохождения туристских маршрутов, о потребностях в тех или иных услугах. Таким образом, организация процесса повышения доходов и обеспечения занятости населения в туристической деятельности на территории Целинского района начинается с конкретных шагов со стороны власти и жителей навстречу друг другу. Основными принципами устойчивого жизнеобеспечения можно считать ориентацию муниципального образования на привлечение местного населения к обслуживанию туристов и получение дохода. Местные жители принимают самое активное участие в координации действий по использованию туристских ресурсов муниципального образования. Сельский туризм стимулирует развитие агрохозяинств в одной связке с решением проблем сельских территорий [6]. Муниципальное образование взяло за правило заявлять себя для участия во всех действующих программах и конкурсах, по которым есть возможность привлечь деньги из регионального или федерального бюджетов в муниципальное образование для реализации инфраструктурных проектов. «Комплексное развитие сельских территорий» – разноплановая программа, которую курирует министерство сельского хозяйства Ростовской области. Министерство четко взаимодействует с муниципальным образованием, считает надежным распорядителем бюджетных средств и практически ежегодно включает объекты

района в перечень финансируемых объектов. В 2021 году реализовалось два проекта по благоустройству – зоны отдыха в селе Плодородное и пешеходных дорожек по улице Книжной в поселке Целина. В рамках региональной программы «Сделаем вместе» реализованы три проекта: пешеходные дорожки по 4-й Линии в поселке Целина и зона отдыха в селе Степное. Муниципальное образование имеет свои подходы в области нравственного воспитания и сохранения культурных ценностей. В южной части района две средние школы и два детских сада получили статус «казачье образовательное учреждение». На севере на базе библиотеки села Хлеבודарного начато создание Центра духоворческой культуры, музей и местные краеведы устанавливают контакты с общинами из зарубежья. В 2021 году муниципальное образование дал импульс ведению на территории поисковой работы. В рамках госпрограммы «Увековечение памяти погибших при защите Отечества» отремонтировали два памятника на могилах советских солдат в селе Степное и хуторе Свободное. Финансовые поступления из бюджетов других уровней при условии стабильности межбюджетных отношений – это не проблема, а гарантия гармоничного развития территорий. Муниципальные образования должны комплексно подходить к своему развитию по всем направлениям. Комплексные решения развития территорий позволяют муниципальному образованию хорошо ориентироваться в потребностях местных жителей и создавать привлекательность для туристов. Целинское сельское поселение реализует на своей территории проекты в рамках федеральных и региональных программ, инвестирует в благоустройство поселка средства грантов, полученных за участие в конкурсах.

Фестиваль патриотической песни «Марьяна Утёс»

Кунгурский муниципальный округ граничит на севере с Пермским муниципальным и Чусовским городским, на востоке - с Лысьвенским городским, Берёзовским и Кишертским муниципальными, на юге - с Ординским и Уинским муниципальными, на западе - с Бардымским муниципальным и Осинским городским округами Пермского края. Населенных пунктов - 241. Административный центр - город Кунгур.
Численность населения муниципального округа 104 638 чел. (2021)
Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года

Рис. 2. Кунгурский муниципальный округ – муниципальное образование в составе Пермского края Российской Федерации. Агродеревня «Степаново Городище» село Ленск.

Не менее показателен пример Кунгурского муниципального округа Пермского края. Образован согласно Закону Пермского края от 9 декабря 2020 года. Городской округ и муниципальный район со всеми входившими в его состав сельскими поселениями были упразднены и объединены (Рисунок 2). Привлекательность туристического продукта муниципальное образование создает через сохранность аутентичности сельских территорий. По местным мотивам для студентов был организован конкурс «Цветочно-природная композиция «Марьин Утес». Молодежь окунулась в историю родного края, лучше стала понимать суть происходящего в настоящее время. Здесь же, на берегу самой красивой реки Пермского края – Ирень в агродеревне «Степаново Городище» села Ленск организуется краевой фестиваль патриотической песни «Марьин Утес». Идея мероприятия возникла не случайно. Именно здесь снимали легендарный фильм «Тени исчезают в полдень». Благодаря фильму окрестность вокруг поселка Ленск стала знаменитой и привлекательной для туристов. Особое значение приобрел огромный утес – Марьин Утес [7]. Организаторами фестиваля выступили Союз десантников Пермского края, администрация Кунгурского муниципального района, ООО «ВЕЛИКОЛЕНСКОЕ», творческое объединение «Бард Альянс» города Перми и Центр творчества и спорта Кунгурского муниципального района. Безвозмездную помощь в организации данного мероприятия оказала компания ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ». Такая деятельность осуществляется в форме предпринимательства без образования юридического лица. Требуется как минимум получение лицензии и заключения договора с муниципальным образованием. Для широкой практики арендных отношений на территории округа необходимы гарантии, что местное население будет способно выполнить свои обязательства. Гарантами здесь могут выступить муниципальные образования, например, путем реализации программ обучения местных жителей основам приема и обслуживания туристов в собственных частных домах [8]. От туристического комплекса «Степаново городище» местное население и по соседству с ним находящееся село Ленск получает следующие материальные выгоды:

- создание туристского маршрута «Марьин Утес» по заказу администрации села Ленск;
- оборудования и эксплуатации стоянок для туристов;
- работы в качестве гидов и экскурсоводов;
- организация охоты в окрестностях бывшего п/лагеря «Юбилейный»;
- услуги по прокату туристского снаряжения для сплавов по реке Ирень;
- услуги по организации ночлега в частных домах;
- организация питания из экологически чистых продуктов для туристов;
- обучение и реализация камнерезной продукции из села Красный Ясыл;

-сбора грибов и ягод в окрестностях деревни Веслянка и их реализация туристам.

*****Для создания привлекательного туристического продукта муниципальное образование проводить следующие мероприятия в рамках проекта «Кунгур-Центр культуры»:**

*Международный социально-культурный форум «Грибушинские чтения. Кунгурский диалог»;

*Презентация юбилейной книги «Кунгур – 360 лет»; Дивертисмент «Кунгур купеческий»;

*Арт-коллаборация «Кунгур мастеровой», в т.ч. фестиваль «Вечером в пятницу»;

*«Кунгур-360. Возвращение к истокам»;

*Фестиваль уличных театров «Прорыв»;

*Фестиваль чая «НеобыЧАЙные истории»;

*Выставка «Истории моего города»;

*Всероссийский фестиваль малых туристских городов «Большие события малого города»;

*Летний пленэр художников «Кунгурские мотивы».

***** Предлагается путешествие по Кунгурскому муниципальному округу**

- Кунгурский городской туристический маршрут: «Старина Кунгур», «Небесная ярмарка», «Кунгур хлебосольный», «Кунгур улетный», «Кунгур православный», «Кунгур студенческий», «Кунгур промышленный: рог изобилия или полная чаша», «Вдоль по улице Киттарской»

- Кунгурский межмуниципальных маршрут: «Старина Кунгур», «Кунгур улетный», «Сибирский тракт: Пермские истории», «Романовы в Прикамье», «НеобыЧАЙные истории Земли Пермской», «Кунгур купеческий–Белогорье»

- Межрегиональный маршрут: «Великий чайный путь», «Сибирский тракт: Пермские истории», «Транссибирская магистраль», «Романовы в Прикамье»

- Часть федерального маршрута «Великая северная экспедиция»: «Экспедиция Беринга. Кунгур»

Развитие привлекательного туристического продукта привело к тому, что в Кунгурском муниципальном округе безработица составляет около 1%. Если в других муниципальных образованиях вакансий для трудоустройства почти нет, что в настоящее время характерно для многих сельских территорий, то здесь ситуация обратная: на 358 безработных – 995 вакансий. Кунгуру не хватает водителей, поваров, продавцов, каменщиков и штукатуров, медсестёр и врачей. Рабочие места опосредованно появляются в результате оживления экономики в муниципальном образовании, во многом за счет присутствия армии «гостей».

Выводы и предложения. В результате исследования мы можем определить, что цифровые преобразования сегодня творят чудеса в сельских поселениях. Благодаря современным технологиям и высокой активности местных жителей муниципальным образованиям удастся создать туристическую привлекательность своих поселений. Сельская территория приобретают устойчивость, а продукция агрохозяйств становится конкурентоспособной. Традиционную модель экономических отношений меняют цифровые сервисы. Муниципальные образования формируют и продвигают туристического предложения. Организуют туристические потоки. Посредниками между местными производителями туристского продукта и потребителями становятся муниципальные образования и помогают первым найти перспективные рынки сбыта, а вторым – привлекательный туристический продукт [9]. Сегодня для привлечения инвестиций в создание привлекательного туристического продукта муниципальным образованиям нужно обратить внимание на муниципальную собственность. Активнее организовать для нужд туристической деятельности аренду муниципальных земельных участков, зданий и сооружений. Развивать информационные технологии. Создавать бренды сельских территорий. Чтобы удержать конкурентоспособность сельского туризма муниципальные образования вынуждены стать генераторами новых привлекательных туристских идей.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 №2129-р Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 года <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/#1000>
2. Комплексное развитие туризма в сельской местности <http://www.kaicc.ru/content/kompleksnoe-razvitiie-turizma-v-selskoj-mestnosti>
3. Андреева Н.П. Сельский туризм – перспективное направление в развитии поселений: методические рекомендации. – М.: ФГБНУ «Росинформ-агротех», 2015. – 108 с
4. Зырянов А.И., Семиглазова В.А. Сельский туризм от географических конструкторов к моделям развития// География и природные ресурсы. – 2021 №1
5. Косенко О.К., Морозова А. А Тематический парк «Марьяна Роща»/Аграрное образование и наука № 4 2016 С 39
6. Латышева А.И. Экономика села сегодня (предварительные итоги ВСХП-2016)/ Аграрный вестник Урала № 03 (170), 2018 С 68-74
7. Латышева А.И. Территориальная идентичность как ресурс развития цифровой экономики Сылвенско-Иренского поречья// Московский экономический журнал. 2022. № 1. URL: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-1>
8. Мичурина Ф.З. Функциональное обогащение сельских территорий: производственная, рекреационная, и брендинговая парадигмы развития/ Ф.З. Мичурина, А.И. Латышева, С.Б. Мичурин// Пермский аграрный вестник.- 2016 №2 (14) С 145-153
9. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети / Б.Б. Родоман. – Смоленск, 1999.- 255 с
10. Шарыгин М.Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах / М.Д. Шарыгин// Географический вестник. – 2006 №1 С 4-13

THE ROLE OF MUNICIPALITIES IN THE CREATION OF AN ATTRACTIVE TOURIST PRODUCT

A. Latysheva^a, O. Kosenko^b, A. Razumov^v

^a *Perm State Agrarian and Technological University
named after Academician D.N. Pryanishnikov*

Perm, Russia, e-mail: info@pgatu.ru

^b *Administration of the Tselinsky district of the Rostov region,
the project "Marina Grove Theme Park"*

Tselina, Russia, e-mail: celinaraion@donland.ru

^v *Small innovative enterprise "NELA", the project "Tourist route "Maryin Utes"
Perm, Russia, e-mail: nela.perml@mail.ru*

The role of municipalities in developing the tourist attractiveness of rural areas in the era of digital transformation is the subject of research. Using examples of tourism activities in the Rostov region and Perm Krai, local resources are identified to create an image of the territory attractive to tourists. The analysis of financial and personnel reserves of municipalities, which can be used in the development of rural tourism, is carried out. Some conditions for the participation of local residents in tourism activities have been defined. The work was based on the materials of the Tselinsky municipality of the Rostov region and the materials of the Kungursk municipality of the Perm Region. The study used statistical data from the regions. The authors came to the conclusion that municipalities have all the opportunities to form an attractive tourist product. A key driver of rural tourism is a creative private initiative.

Keywords: municipalities; tourist attractiveness of territories; local resident; rural tourism

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Е.С. Кулаковский^{а,б}

а) Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия;

б) Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru

В статье анализируются особенности развития муниципалитетов Воронежской области. Исследование проводилось по данным открытых источников о социально-экономической ситуации муниципалитетов: база данных, паспорта и сайты муниципальных образований. На примере ключевых муниципальных районов выявлены различия в системе расселения, демографической ситуации, экономических возможностях, инвестиционной привлекательности, сложившейся пространственной организации здравоохранения. При местном самоуправлении в сельской местности рекомендовано главное внимание обращать на развитие социальной инфраструктуры, прежде всего на развитие системы здравоохранения и сложившихся связей между населенными пунктами внутри поселения. *Ключевые слова:* местное самоуправление, сельская местность, расселение, экономика, муниципальное устройство, здравоохранение, социальная инфраструктура

Введение. Подавляющее большинство российских муниципалитетов (особенно в сельской местности) испытывают негативные тенденции: снижение численности населения, сворачивание очагов экономической жизни и, как следствие, отсутствие стимулов для развития. Именно поэтому актуализируется разработка мероприятий по адаптации к негативным проявлениям сжатия социально-географического пространства [1; 2; 5; 6; 8].

Местное самоуправление как наиболее приближенный к населению уровень нуждается в развернутом учете социальных аспектов пространственного развития, во многом определяющих характер тех или иных изменений. Повышение качества жизни, формирование комфортной среды обитания в значительной мере связано с сохранением и укреплением общественного здоровья [4; 5]. Сельская местность сама по себе благоприятствует решению этой задачи и поэтому может быть использована в рекреационных и медико-терапевтических целях.

Материалы и методы. Концептуальная модель развития муниципалитетов представляет собой, с одной стороны, обоснование необходимых инструментов по формированию благоприятной среды обитания посредством повышения качества бытовых условий проживания и уровня доступности учреждений социальной инфраструктуры, прежде всего здравоохранения и образования, а с другой – выступает объектом мониторинга принимаемых управленческих решений.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ № 23– 28 – 00279.

© Е.С. Кулаковский, 2023

Основополагающие принципы концептуальной модели на локальном уровне заключаются в эффективном использовании имеющихся ресурсов в экономике и обществе, балансе интересов между органами власти и населением, направленности на решение социальных проблем, создании условий для улучшения транспортной доступности.

В основе функционирования муниципалитетов лежит концепция территориальной общности людей в аспекте быт–труд–отдых. Элементами концептуальной модели пространственного развития муниципальных образований являются органы местного самоуправления, социальные учреждения и хозяйствующие субъекты, которые совместно последовательно решают следующие задачи: анализ сложившейся ситуации, разработку сценариев пространственного развития, выработку и применение механизмов и инструментов реализации решений (рис.1).

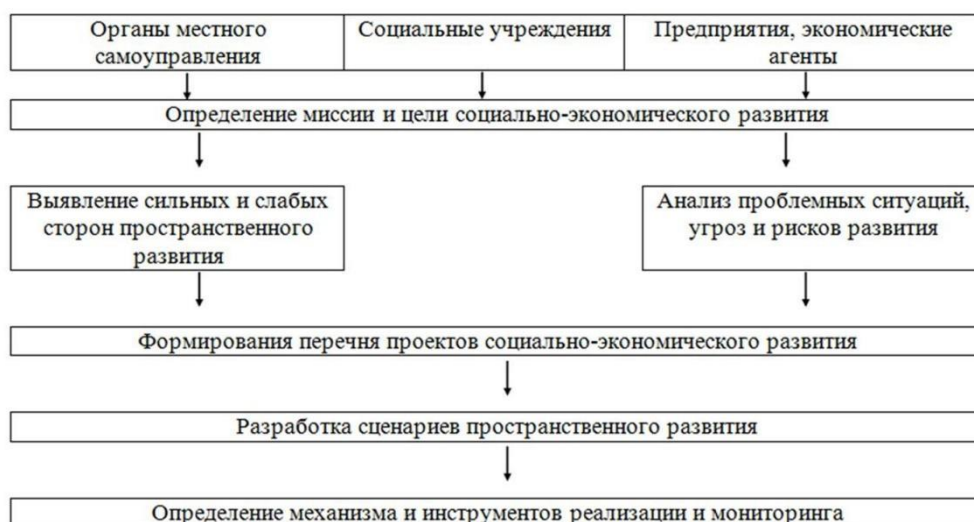

Рис. 1. Концептуальная модель пространственной организации общества на локальном уровне [4]

Особенно важно акцентировать внимание на соотношении системы здравоохранения и местного самоуправления. Основными вопросами при этом являются: демографическая структура населения, продолжающееся сокращение численности и старение населения, обострение проблем доступности учреждений социальной инфраструктуры.

Результаты. Выявление и элиминирование проблем, связанных с деятельностью муниципалитетов Воронежской области раскрытом на примере ключевых районов: Грибановского, Лискинского, Павловского, Панинского (табл.1) [4].

**Характеристика муниципального устройства
ключевых районов Воронежской области, 2021 г.**

Муниципальный район	Число поселений		Число сельских поселений		Среднее число населенных пунктов в 1 сельском поселении	Средняя численность населения сельских поселений, чел.
	городских	сельских	отвечающих требованиям ФЗ 131	численностью менее 1000 чел.		
Грибановский	1	16	–	12	2,6	943
Лискинский	2	21	4	5	3,4	1809
Павловский	1	14	3	3	3,8	2054
Панинский	2	10	1	4	7,2	1476

Источник: составлено автором по статистическим материалам

Выбор этих муниципалитетов связан с различиями по ряду значимых параметров.

Во-первых, система расселения и демографическая ситуация в Воронежской области характеризуется значительной дифференциацией в распределении населенных пунктов: мелкоселенность в северной части региона, постепенное нарастание в южном направлении крупных населенных пунктов в сочетании с хуторами. Выбранные ключевые районы в полной мере отражают названный параметр.

Во-вторых, экономические возможности территории – наличие очагов хозяйственной деятельности и мест приложения труда. Отличительной чертой рассматриваемых муниципалитетов является высокая роль бюджетных организаций в занятости населения (в малочисленных поселениях на эту сферу приходится почти все занятое население), низкая доля малого бизнеса как по числу занятых, так и в объеме отгруженной продукции.

В-третьих, инвестиционная привлекательность: в Воронежской области сделана ставка на привлечение инвестиций в агропромышленный комплекс по линии крупных холдингов. С одной стороны, они стимулируют развитие территорий, в том числе за счет создания рабочих мест, а с другой – вытесняют местного товаропроизводителя, особенно небольших [3; 7].

В-четвертых, уровень развития здравоохранения. Так, Лискинский и Павловский районы отличаются лучшей обеспеченностью амбулаторно-поликлиническими учреждениями, в г. Лиски и г. Павловск сформировались межрайонные центры обслуживания, в том числе с элементами системы санаторных и детско-оздоровительных учреждений, которые служат центрами притяжения для

рекреантов и медицинских туристов из других районов области. Грибановский и Панинский районы в результате так называемой оптимизации утратили целый ряд медицинских услуг и передали их в другие центры: ликвидированы роддома, инфекционные отделения и другие специализированные направления. Как следствие, жители этих районов вынуждены пользоваться услугами соседних районов.

Выводы. Одной из наиболее напряженных черт в развитии местного самоуправления является затухание интереса к формированию данного института, что связано, с одной стороны, с выстраиванием вертикали власти, а с другой – упрощением муниципального устройства за счет формирования крупных единиц – городских и муниципальных округов.

Объединение поселений внутри района, а также продолжение формирования единых муниципальных образований – городских или муниципальных округов выглядит как единственно верный путь в повышении эффективности местного самоуправления, но на самом деле он приводит к усилению негативных тенденций через сжатие социально-географического пространства.

Социальная инфраструктура выступает лимитирующим фактором современного пространственного развития сельских территорий. Именно на это обстоятельство следует обращать внимание при проведении реформ. Подтверждением этому служит объединение сельских поселений в Воронежской области, проведенное в 2011 г. В качестве примера можно привести Коленовское сельское поселение (Новохоперский район), которое было объединено с 3-мя малочисленными поселениями – Березовским, Долиновским и Подосиновским. В бывших центрах сельских поселений были сохранены социальные учреждения, а также представительства органов местного самоуправления. За прошедшее с тех пор время не произошло усиления каких-либо негативных тенденций, в том числе и в части сокращения численности населения.

Библиографический список

1. Балина, Т. А. Комплексная оценка качества жизни населения Коми-Пермяцкого округа Пермского края / Т. А. Балина, Л. Ю. Чекушева // Территориальная организация общества и управление в регионах : Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Воронеж, 23–24 мая 2023 года / Науч. редактор О.А. Крутских [и др.]. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2023. – С. 11-15. – EDN FBLHRR.
2. Ворошилов, Н. В. К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий / Н. В. Ворошилов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 91-109. – DOI 10.15838/esc.2021.1.73.7.
3. Зарытовская, А. И. Аграрные преобразования в Воронежской области и их результаты / А. И. Зарытовская, А. Э. Крупко // Аграрная география в современном мире: К 90-летию юбилею Виктора Николаевича Тюрина. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2014. – С. 40-42.
4. Кулаковский, Е.С. Пространственная организация местного самоуправления в условиях Центрального Черноземья России (на материалах Воронежской области): специальность 25.00.24 "Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география»: диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук / Кулаковский Евгений Сергеевич. – Санкт-Петербург, 2021. – 224 с.

5. Пономарева, З. В. Методика оптимизации территориальной организации местного самоуправления в сети сельских поселений / З. В. Пономарева // VI Семеновские чтения: наследие П.П. Семенова-Тян-Шанского и современная наука : Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П.П. Семенова-Тян-Шанского. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 50-52.

6. Поросенков, Ю. В. Задачи и проблемы географического исследования муниципальных образований Российской Федерации / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2012. – № 1. – С. 5-13.

7. Попкова, Л. И. Проблемы территориальной организации Центрального Черноземья / Л. И. Попкова // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сборник научных статей, Смоленск, 14–16 октября 2016 года. – Смоленск: Универсум, 2016. – С. 326-334.

8. Чистобаев, А. И. Территориальная организация местного самоуправления в России / А. И. Чистобаев // География в школе. – 2014. – № 7. – С. 10-17.

A CONCEPTUAL MODEL FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL MUNICIPALITIES IN THE VORONEZH REGION¹

E.S. Kulakovskii^{a,6}

a) Voronezh State University, Voronezh, Russia;

b) St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;

e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru

The article analyzes the peculiarities of the development of municipalities in the Voronezh region. The study was conducted according to open sources on the socio-economic situation of municipalities: a database, passports and websites of municipalities. Using the example of key municipal districts, differences in the settlement system, demographic situation, economic opportunities, investment attractiveness, and the established spatial organization of health care were revealed. At local government in rural areas, it is recommended to pay special attention to the development of social infrastructure, primarily to the development of the health care system and the established links between settlements within the settlement.

Keywords: local government, rural area, settlement, economy, municipal structure, health care, social infrastructure

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 23– 28 – 00279.

РОЛЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА¹

Н.В. Трофимова, Э.Р. Мамлеева

*Институт стратегических исследований
ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан»
г. Уфа, Россия, e-mail: trofimova_nv@list.ru*

В статье с помощью статистических методов проведена оценка влияния малого и среднего бизнеса на экономическое развитие экономики Республики Башкортостан и других регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, регион, предпринимательство, валовой региональный продукт.

Постановка проблемы. Предпринимательство является наиболее активной и приоритетной формой в экономической деятельности во многих странах мира. Именно оно во многом определяет темп экономического роста, научно-технического прогресса и качество валового внутреннего продукта, способствуя появлению новых рабочих мест в различных сферах деятельности людей.

Предприятия малого и среднего бизнеса с одной стороны более восприимчивы и адаптивны к изменяющимся условиям, с другой обладают меньшей устойчивостью по сравнению с крупными формами и поэтому нуждаются в государственной поддержке.

В промышленно развитых странах до 60% ВВП и более 50% от общей численности занятых на рынке труда обеспечивает сфера МСП [4].

При этом в настоящее время, когда регионы и страна в целом адаптируются к новым условиям функционирования в условиях санкций и геополитической нестабильности, предприятия МСП играют особую роль в экономическом развитии, что обуславливает актуальность данного исследования, целью которого является проведение оценки влияния малого и среднего бизнеса на экономическое развитие экономики Республики Башкортостан и других регионов Российской Федерации.

Методы и источники данных. Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, графический анализ и статистический анализ.

Все выбранные методы были использованы с учетом их функциональных возможностей, что позволило обеспечить достоверность результатов и выводов исследования.

¹ *Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИСИ ГБНУ АН РБ*
© Н.В. Трофимова, Э.Р. Мамлеева, 2023

Информационную базу исследования составляют: научные труды, публикации, статьи, а также данные официального сайта федеральной службы государственной статистики (Росстат), единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) и другие электронные источники информации.

Результаты. В исследованиях отечественных и зарубежных авторов указывается, что между развитием территории и эффективностью функционирования МСП существует тесная взаимосвязь. Проведем исследование на предмет зависимости экономического развития территории от состояния развития МСП регионов Российской Федерации.

Таблица 1

Значения коэффициента корреляции между объемом валового регионального продукта и оборотом малых, микро и средних предприятий субъектов Приволжского федерального округа

<i>Результативный признак</i>	Валовой региональный продукт (млрд. руб.)*		
	Оборот малых предприятий (млрд. руб.)	Оборот средних предприятий (млрд. руб.)	Оборот микро- предприятий (млрд. руб.)
<i>Факторные признаки</i>			
Российская Федерация	0,879	0,560	0,666
Приволжский федеральный округ	0,775	0,080	0,761
Республика Башкортостан	0,622	0,221	0,433
Республика Марий Эл	0,301	0,141	0,487
Республика Мордовия	0,175	0,629	0,340
Республика Татарстан	0,724	0,456	0,851
Удмуртская Республика	0,545	0,180	0,631
Чувашская Республика	0,849	0,970	0,878
Пермский край	0,866	0,103	0,823
Кировская область	0,579	0,911	0,863
Нижегородская область	0,973	0,364	0,781
Оренбургская область	0,908	0,231	0,917
Пензенская область	0,975	0,911	0,854
Самарская область	0,402	0,162	0,427
Саратовская область	0,807	0,806	0,957
Ульяновская область	0,213	0,781	0,636

Источник: [1, 2, 3]

* за 2022 г. использованы предварительные данные

Проведем оценку зависимости между объемами валового регионального продукта (ВРП) субъекта, налоговыми доходами бюджета и оборотом субъектов малого, микро и среднего бизнеса в субъектах Приволжского федерального округа. При расчётах использовались официальные данные (Росстат, ЕМИСС) за 2017-2022 годы. Полученные результаты представлены в таблицах 1-2.

Значения коэффициента корреляции между объемом налоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ и оборотом малых, микро и средних предприятий субъектов Приволжского федерального округа

<i>Результативный признак</i>	Налоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов		
	Оборот малых предприятий (млрд. руб)	Оборот средних предприятий (млрд. руб)	Оборот микро-предприятий (млрд. руб)
<i>Факторные признаки</i>			
Российская Федерация	0,654	0,350	0,450
Приволжский федеральный округ	0,501	0,303	0,487
Республика Башкортостан	0,419	0,150	0,302
Республика Марий Эл	0,215	0,761	0,167
Республика Мордовия	0,865	0,780	0,736
Республика Татарстан	0,644	0,376	0,529
Удмуртская Республика	0,495	0,463	0,450
Чувашская Республика	0,810	0,944	0,723
Пермский край	0,905	0,822	0,559
Кировская область	0,615	0,972	0,390
Нижегородская область	0,988	0,865	0,954
Оренбургская область	0,779	0,801	0,824
Пензенская область	0,958	0,983	0,092
Самарская область	0,758	0,851	0,600
Саратовская область	0,719	0,897	0,601
Ульяновская область	0,518	0,626	0,520

Источник: [1, 2, 3]

Построим уравнение регрессии зависимости между оборотом предприятий МСП и объемом ВРП субъекта РФ на примере Республики Башкортостан. Поскольку расчет парных коэффициентов корреляции показал, что из факторных признаков в РБ наиболее тесная корреляционная взаимосвязь наблюдается между ВРП и оборотом малых предприятий, используем именно данный фактор при построении уравнения.

Полученное уравнение регрессии для Республики Башкортостан имеет вид:

$$y = 35301,84 + 8848,409 * x. \quad (1)$$

Значение ошибки аппроксимации (4,27%) говорит о хорошем качестве найденной модели.

Данное уравнение характеризует зависимость валового регионального продукта Республики Башкортостан от оборота малых предприятий. Таким образом, учитывая значения полученных коэффициентов регрессии, можно сделать вывод, что увеличение оборота малых предприятий на 1 млрд. руб., приведет к росту ВРП на 8848,409 тыс. руб. Прослеживается прямая зависимость между приведенными показателями.

Для Республики Башкортостан наиболее тесная корреляционная взаимосвязь налоговых доходов бюджета наблюдается с оборотом малых предприятий, уравнение корреляции на основе данных за 2017-2022 годы имеет следующий вид:

$$y = 0.00611 * x + 8.163. \quad (2)$$

Значение ошибки аппроксимации (5.38%) говорит о хорошем качестве найденной модели.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что увеличение оборота малых предприятий РБ на 1 млрд. руб., увеличит налоговую часть консолидированного бюджета субъекта лишь на 6110 руб., что говорит о низком вкладе деятельности малого бизнеса в формирование доходной части бюджета субъекта. Ввиду низкой зависимости между доходами консолидированного бюджета и оборотом средних и микропредприятий, уравнения регрессии считаем приводить нецелесообразно.

Для сравнения, в Чувашской Республике, Пермском крае, Нижегородской и Пензенской областях, Республике Татарстан, наблюдается иная ситуация, когда взаимосвязь между оборотом малых, средних, микропредприятий и налоговыми доходами консолидированного бюджета субъекта очень тесная, а в некоторых случаях – близкая к функциональной.

Проанализировав данные табл.2, установлено, что наиболее тесная взаимосвязь доходов консолидированного бюджета и результативности деятельности субъектов МСП наблюдается в Нижегородской области. Построим уравнение множественной регрессии зависимости налоговых доходов консолидированного бюджета (y) от оборота малых (x_1), микро (x_3) и средних предприятий (x_2) и определим вклад указанных факторов в изменение налоговой части бюджета.

Для получения адекватных результатов необходимо исключить мультиколлинеарную зависимость между факторными признаками.

Согласно матрице парных коэффициентов корреляции $r(x_1x_2)$, $r(x_1x_3)$, $r(x_2x_3)$ имеют $|r| > 0.7$, что говорит о мультиколлинеарности факторов и о необходимости выбора одного из факторов, теснота связи с которым наиболее высокая. Для Нижегородской области таким фактором является x_1 – оборот малых предприятий.

Уравнение регрессии (эмпирическое уравнение регрессии):

$$y = e^{0.15150175670531} e^{0.0092x} = 1.16358 e^{0.0092x} \quad (3)$$

Значение коэффициента корреляции – $r=0,988$, что свидетельствует о том, что фактор x существенно влияет на y . Значение коэффициента детерминации $d=0,977$, говорит о том, что в 97,7% случаев изменения X приводят к изменению Y . Другими словами – точность подбора уравнения регрессии – высокая. Остальные 2,34% изменения Y объясняются факторами, не учтенными в модели (а также ошибками спецификации).

Выводы. С помощью статистических методов проведена оценка влияния малого и среднего бизнеса на социально-экономическое развитие экономики Республики Башкортостан и других регионов РФ. Установлено:

1) малый и средний бизнес оказывает существенное влияние на уровень социально-экономического развития территории, но степень этого воздействия варьирует по регионам РФ;

2) для Республики Башкортостан наиболее тесная корреляционная взаимосвязь налоговых доходов бюджета наблюдается с оборотом малых предприятий;

3) в Чувашской Республике, Пермском крае, Нижегородской и Пензенской областях, Республике Татарстан, наблюдается очень тесная, а в некоторых случаях, близкая к функциональной взаимосвязь между оборотом малых, средних, микропредприятий и налоговыми доходами консолидированного бюджета субъекта.

Полученные уравнения регрессии зависимости между основными экономическими показателями развития территории (ВРП, доходы консолидированных бюджетов) и результативностью деятельности субъектов МСП могут использоваться при принятии управленческих решений в регионах.

Библиографический список

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Режим доступа: URL: <https://www.fedstat.ru/indicators/search?searchText=%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 20.07.2023 г.)
2. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Режим доступа: URL <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 03.05.2023 г.)
3. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: URL https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/demo-org.htm (дата обращения: 03.05.2023 г.)
4. Юсупова С.М. Роль малого предпринимательства в экономике России // Электронный научный журнал «Вектор экономики». 2008. №8. – URL: www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/8/worlddeconomy/Yusupova.pd (дата обращение: 25.09.2023)

THE ROLE OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISE IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

N.V. Trofimova, E.R. Mamleeva

Institute for Strategic Studies

GBNU "Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan"

Ufa, Russia, e-mail: trofimova_nv@list.ru

Using statistical methods, the article assesses the impact of small and medium-sized businesses on the economic development of the economy of the Republic of Bashkortostan and other regions of the Russian Federation.

Keywords: small and medium-sized businesses, region, entrepreneurship, gross regional product.

КРУПНЫЙ БИЗНЕС В ЖИЗНИ МУНИЦИПАЛИТЕТА: КЕЙС ГУБАХИНСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА¹

Г.Р. Оборин

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия, e-mail: gleboborin09@gmail.ru*

В исследовании через призму теории локальных режимов выявляется тип локального режима присущий Губахинскому муниципальному округу в период с марта 2022 года по июль 2023 года. Особое внимание уделяется крупному экономическому актору – ПАО «Метафракс Кемикалс» и его механизмам взаимодействия с территорией. Эмпирическая база исследования включает в себя экспертные интервью с представителями бизнеса и власти муниципального образования, взятые в июле 2023 года. Результатом исследования является определение рассматриваемого кейса как «поиск ренты» по типологии В. Гельмана. В свою очередь механизмами влияния выступают элементы социальной политики и политический капитал предприятия, проявляемый в лоббистских практиках.

Ключевые слова: локальная политика; теория локальных режимов; крупный бизнес; муниципалитеты; Губаха.

Постановка проблемы. Развитие территории зависит от множества характеристик как внешнего, так и внутреннего плана. Подобными факторами могут выступать элементы реальности, изменение которых не подвластно на локальном или региональном уровне, например, сформированные «правил игры», нормативно-правовые акты федерального или регионального значения. Однако существуют конструкты, имеющие свойство видоизменяться: политические и экономические акторы, вид их взаимодействия. В настоящем исследовании будет рассмотрен один из факторов, влияющих на развитие территории – экономические акторы и их взаимодействие с локальным окружением.

В качестве кейса было выбрано взаимодействие муниципальной власти и ПАО «Метафракс Кемикалс», расположенный в Губахинском муниципальном округе. Рассмотрение данного случая обосновывается несколькими причинами, о которых стоит сказать подробнее. Во-первых, недавние события, связанные с химическим предприятием, повлекшие за собой изменение его статуса: перевод из частного сектора в государственный. В конце июля 2023 года Генеральная прокуратура Российской Федерации подала иск в Арбитражный суд Пермского края в связи с незаконной приватизацией ПАО «Метафракс Кемикалс». Спустя полтора месяца, Арбитражный суд Пермского края вынес решение об изъятии у

¹ Эмпирическая база исследования была собрана в рамках научно-исследовательской Летней школы ПГНИУ «Управление устойчивым развитием промышленных муниципальных территорий Урала: человек, сообщества, бизнес и власть». Автор выражает благодарность организаторам проекта, в частности, Михаилу Владимировичу Грабевнику, Юлии Сергеевне Марковой, Алёне Викторовне Прокофьевой, Андрею Сергеевичу Лучникову и др.

владельцев 96,9% акций, фактически национализировав предприятие. [7] Во-вторых, изменение его статуса и судебное разбирательство оставило сильный отпечаток на экономических и политических возможностях предприятия в вопросах взаимодействия с акторами локальной политики. В августе счета были подвержены частичной заморозке. Подобное решение затруднило реализацию целого ряда социальных и образовательных проектов под патронажем ПАО «Метафракс Кемикалс», в том числе прекратились выплаты пермским вузам, чьи студенты обучались за счёт целевых средств. [6] В-третьих, кейс является уникальным для Пермского края не только с позиции влияния на экономику территории и региона, но и с ракурса политических взаимоотношений. В данном случае стоит отметить два момента: а) муниципалитет был создан весной 2022 года за счёт объединения двух городских округов – Губахинского и Гремячинского, б) предприятие обладает высоким лоббистским потенциалом как на локальном (7 из 20 депутатов местной легистратуры, в том числе председатель и один из его заместителей, аффилированы с ПАО «Метафракс Кемикалс») [4] [9, с. 6–7], так и региональном уровне (в лице одно из депутатов Законодательного собрания Пермского края). [3] [1, с. 664]

Основываясь на сказанном выше, целесообразно сформулировать следующий исследовательский вопрос: как ПАО «Метафракс Кемикалс» влиял на территориальное развитие Губахинского муниципального округа в период с марта 2022 года по июль 2023 года?

В ходе сбора эмпирического материала и применении теории локальных режимов главной гипотезой послужило представление, что экономический актор в лице ПАО «Метафракс Кемикалс» обладает вариативностью в выборе рычагов влияния на развитие территории, однако, наиболее распространёнными являются те, что лежат в плоскости социальной политики. [2, с. 60] Помимо этого, альтернативной гипотезой выступает утверждение, что несмотря на вариативность имеющихся механизмов влияния приоритет отдаётся тем, что основаны или тесно связаны с лоббистскими практиками. [2, с. 54]

Методы и источники информации. Исследование проведено в методологии case-study, иными словами, основывается на детальном разборе конкретного случая. В исследовании таковым выступает ПАО «Метафракс Кемикалс» как актор локальной политики. Основным методом, используемым в работе, является глубинное экспертное интервью. Опрашивались представители власти, работающие в муниципальных структурах, а также сотрудники ПАО «Метафракс Кемикалс». Отбор экспертов основывался на принципе направленной (или целевой) выборки. Отсюда следует, что эмпирической базой исследования выступили материалы, собранные в рамках глубинных экспертных интервью. Кроме

этого, в работе задействованы нормативно-правовые акты локального и регионального значения, а также иные виды источников. [6] [7]

Особое внимание стоит уделить теоретической рамке исследования. В её основе лежит теория локальных режимов, суть которой заключается в детальном рассмотрении взаимосвязей акторов локальной политики и их влияния на формирование городских режимов [2, с. 54] [5, с. 130–131]. Помимо этого, необходимо упомянуть про типологизацию, существующую в рамках данной теории. Обращаясь к работам В. Гельмана, в которых рассматривается взаимодействие бизнеса и власти (параметрами выступают слабость и сила политических и экономических акторов), выделяются четыре типа: первый тип – «государство-хищник» (сильная власть, слабый бизнес), второй тип – «политика невмешательства» (слабость обоих акторов), третий тип – «взаимные заложники» (оба актора имеют силу) и четвёртый тип – «поиск ренты» или «захват государства» (сильный бизнес, слабая власть). [2, с. 54]

Результаты. В рамках интервью тема ПАО «Метафракс Кемикалс» и его влияния на развитие территории поднималась во всех отраслях, начиная от рамок социальной политики: *«И: Какие в целом структуры вы можете назвать, которые занимаются социальной политикой и решением социальных проблем? Р: Прежде всего это всё-таки наше предприятие-партнер ПАО Метафракс, которое вносит очень большой вклад в развитие образования, нашего колледжа..., библиотек..., они сейчас занимаются кап. ремонтом домов, помогают тоже в благоустройстве наших общественных территорий...»* (Респондент №1, интервью от 26.07.2023 г.), *«Раньше Метафракс до 2014 года активно вкладывал денежные средства в благотворительность, в социальную сферу. Сейчас Метафракс по пришествии уже нескольких лет ... ничего мы не получаем с Метафракса... Метафракс вкладывается в другое. Они вкладываются в развитие кадрового человеческого потенциала для себя. Это тоже хорошо. Это строительство домов»* (Респондент №2, интервью от 26.07.2023 г.), и заканчивая иными категориями. Подобное вписывается в логику существующего локального режима, когда бизнес втягивается в реализацию социальной политики, тем самым частично снимая ответственность с органов муниципальной власти. Не менее ярким примером может выступить сектор жилищного строительства: *«В муниципалитете нас несколько кто строит жильё – муниципалитет и мы»* (Респондент №5, интервью от 27.07.2023 г.) [10, с. 144–145].

Дальнейший сценарий интервью строился на обсуждении области здравоохранения с постепенным переходом в сферу экологии. В ходе бесед эксперты вновь отмечали предприятие как важного игрока для улучшения ситуации в муниципалитете. Подобное подтверждается следующими цитатами: *«На сколько*

мне известно, ПАО «Метафракс Кемикалс», активно работает с собственными сотрудниками и способствует в помощи ГКБ №4 чтобы у нас люди уезжали на целевое обучение и после возвращались обратно...» (Респондент №3, интервью от 26.07.2023 г.), «Наши предприятия активно участвуют в улучшении экологической среды нашей территории, особенно касается ПАО Метафракс, все проекты, которые выполняет, новые проекты, которые они реализовывают проходили через всю экологическую экспертизу, у них достаточно большие денежные средства отводились именно на экологию» (Респондент №2, интервью от 26.07.2023 г.). Вновь заметны механизмы влияния ПАО «Метафракс» на локальную власть – экологические проекты (самый крупный из них это постройка АКМ), а также инструменты кадровой политики, такие как целевое обучение.

Ни одно из интервью не обошлось без политической составляющей. Беседуя с каждым из экспертов, было заметно, что все в Губахинском муниципальном округе осознают слабость местной власти и силу предприятия. ПАО «Метафракс Кемикалс» доминирует над Администрацией с помощью нескольких механизмов: «Через людей в Заксобрании, благодаря ..., председателю совета директоров, через все эти каналы мы пытаемся привлекать средства в город и муниципалитет. Помогаем с оформлением грантовых заявок...» (Респондент №4, интервью от 27.07.2023 г.), «Мы зашли везде и глубоко, единственное, разве что только в детские сады ещё не зашли...» (Респондент №4, интервью от 27.07.2023 г.), «У нас есть... некоторые неформальные договорённости с Администрацией... через канал городской думы» (Респондент №5, интервью от 27.07.2023 г.) [9, с. 6–7]. В конечном итоге, чётко заметны лоббистские практики предприятия и каналы, по которым происходит подавление политического потенциала власти.

Выводы. В результате проведённого исследования:

1) Обе сформулированные гипотезы нашли подтверждение в словах экспертов. ПАО «Метафракс Кемикалс» влияет на развитие Губахинского муниципального округа за счёт механизмов социальной политики, выражающихся инициативами в сфере жилищного строительства, образования, общественного благоустройства и др., а также с помощью лоббистских практик, суть которых заключается в продвижении или в помощи в нём необходимых территории региональных и федеральных программ;

2) Основываясь на типологии городских режимов В. Гельмана, кейс Губахинского муниципального округа и ПАО «Метафракс Кемикалс» в период хронологических рамок исследования является режимом «поиск ренты» или «захват государства». Данный локальный режим характеризуется слабой муниципальной властью и сильным бизнесом. Подобное вписывается в существующий кейс, где власть испытывает проблемы из-за недавнего образования округа и сильным

лобби бизнеса в местной легистратуре. В свою очередь бизнес уверенно доминировал в рамках локальной политики данной территории и до июля 2023 года не демонстрировал тенденции к изменению ситуации. ПАО «Метафракс Кемикалс» не позволял новой Администрации окрепнуть и как следствие перейти в другой тип локальных режимов – «взаимных заложников» [8, с. 115–116].

Библиографический список

1. Витковская Т.Б. Большой бизнес в малой политике: формы и динамика участия градообразующих предприятий в локальных политических процессах // *Ars Administrandi*. 2019. №4. С. 654–672.
2. Гельман В.Я., Бычкова О.В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2010. №2(70). С. 53–62.
3. Депутаты 4 созыва (2021-2026) // Законодательное собрание Пермского края URL: https://www.zsperm.ru/s1/composition_and_structure/members/4-sozyv_zspk/GarslyanAG.php (дата обращения: 28.09.2023).
4. Дума Губахинского муниципального округа // Официальный сайт Губахинского муниципального округа URL: <https://gubakhaokrug.ru/organy-upravleniya/duma/deputaty> (дата обращения: 28.09.2023).
5. Ледяев В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирических исследований // *Россия и современный мир*. 2008. №4. С. 129–143.
6. Определение о подготовке дела к судебному разбирательству и назначении предварительного судебного заседания (судебного разбирательства дела по существу) по делу № А50-22171/2023 // Арбитражный суд Пермского края URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a06372c7-64f3-43ba-ac0b-dbe2e84a2b9a/ef438779-b265-45e9-8874-135563bb289e/A50-22171-2023_20230908_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.09.2023).
7. Резолютивная часть решения дела № А50-22171/2023 // Арбитражный суд Пермского края URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a06372c7-64f3-43ba-ac0b-dbe2e84a2b9a/ddcdab11-9736-4bae-b3c6-31b6644d90cb/A50-22171-2023_20230922_Prochie_sudebnye_dokumenty.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.09.2023).
8. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в моногороде: векторы перемен // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2020. №2. С. 111–127.
9. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Топ-менеджмент градообразующих предприятий и легистратуры малых городов: персоны имеют значение // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. №18. С. 4–22.
10. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Рябова О.А. Моногорода Среднего Урала: власть, лидерство, эффективность // *Власть и элиты*. 2020. №1. С. 123–163.

LARGE BUSINESS IN THE LIFE OF THE MUNICIPALITY: CASE OF GUBAKHI MUNICIPAL DISTRICT

G. R. Oborin

Perm State University

Perm, Russia, e-mail: gleboborin09@gmail.ru

The study, through the prism of the theory of local regimes, reveals the type of local regime peculiar to the Gubaghinsky municipal district from March 2022 to July 2023. Special attention is paid to the large economic actor – PJSC «Metafrax Chemical» and its mechanisms of interaction with the territory. The empirical base of the study includes expert interviews with representatives of business and municipal authorities, taken in July 2023. The result of the study is the definition of the case under consideration as «rent search» according to the typology of V. Gelman. In turn, the mechanisms of influence are elements of social policy and political capital of the enterprise, manifested in lobbying practices.

Keywords: local policy; theory of local regimes; large business; municipalities; Gubaha.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МИКРОРАЙОНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

З.В. Пономарева

Воронежский государственный педагогический университет

Воронеж, Россия, e-mail: zinda36@mail.ru

В предлагаемой статье предпринята попытка акцентировать внимание современных географов-обществоведов на проблеме территориальной организации жизнедеятельности населения и активизировать научный вклад в решение проблем совершенствования территориального управления, особенно на региональном и локальном уровнях. В статье обобщены собственные исследования по разработке теоретико-методологических вопросов и методики социально-экономического микрорайонирования, а также её апробации на территории Воронежской области, проведенные под непосредственным руководством и совместно с М.Д. Шарыгиным в период 1990–2020 гг.

Ключевые слова: социально-экономическое микрорайонирование; местное самоуправление; территориальные основы; методика; территориальная общность людей.

Н.Н. Баранский очень коротко и емко сформулировал мысль о том, что районирование в географии так же важно, как периодизация в истории. Географическое районирование – это метод, который позволяет комплексно изучать все стороны природных и общественных явлений и процессов в их взаимосвязи и взаимодействии.

Социально-экономическое районирование – базис для совершенствования административно-территориального устройства субъектов РФ, действенный механизм оптимизации территориальной структуры региона. Социально-экономический район – операционная единица территориального прогнозирования, программирования, планирования и управления.

Особое место в социально-экономическом районировании отводится социально-экономическому микрорайонированию, особенности которого перед генеральным социально-экономическим районированием и экономическим микрорайонированием заключаются в учёте уникальности территории, специфике каждого поселения, формировании территориальной общности людей [2].

На наш взгляд, пространственный анализ жизни населения необходимо проводить на основе *регионально-дробного* подхода с учетом циклов жизнедеятельности населения, основывающегося на методах социально-экономического микрорайонирования, результатом использования которого становятся иерархически организованные таксоны: микро-, топо- и нанорайоны.

Социально-экономические микрорайоны (управленческие округа) – это комплексное территориальное совокупности всех сфер жизнедеятельности людей. Они функционируют и развиваются как объективные ячейки жизни общества в системе территориального разделения и интеграции труда, услуг, культуры, информации и т.д. Для них характерны такие черты как компактность, целостность и контактность территории, наличие сформировавшейся территориальной общности людей, локальное хозяйственное сочетание, единое инфраструктурное обустройство, включающее производственное, социальное, рыночное, экологическое, информационное, правовое и другие виды обслуживания. Пространственные параметры округов формируются из совокупности муниципальных образований (городские и сельские поселения, муниципальные районы).

В границах социально-экономических микрорайонов (управленческих округов) возможно осуществление межмуниципального сотрудничества, практическая реализация инновационной и инвестиционной деятельности региона, повышение эффективности регионального управления и местного самоуправления, обеспечение гарантий самофинансирования и саморазвития на основе комплексного использования природно-ресурсного, экономического, социального потенциалов территории муниципальных образований.

В топорайонах осуществляется жизнедеятельность населения с учётом пространственно-временных параметров перемещения, реализуются трудовая, политическая, рекреационная, семейно-бытовая и др. функции. Топорайоны, как правило, муниципальные образования поселенческого уровня.

Компактность проживания и реализация общих интересов лежит в основе формирования нанорайонов в границах отдельных населенных пунктов в сельской местности. В городской местности они проявляются в форме городских микрорайонов. На территории нанорайонов осуществляется общественное самоуправление (ТОСУ).

Формирование иерархической системы социально-экономического микрорайонирования происходит в процессе адаптации и синтезирования всех видов деятельности, локализации, концентрации и деконцентрации населения, появления поселений разного ранга, что, в свою очередь, будет способствовать реализации административно-территориального реформирования на региональном уровне [3, 4, 6 и др.].

Социально-экономическое микрорайонирование имеет свои особенности в методологическом, теоретическом и методическом отношениях. Методология социально-экономического микрорайонирования основывается на совокупности диалектического, системного, территориального и комплексного подходов познания, опирается на систему принципов, ориентированных на более глубокий

учет особенностей жизнедеятельности населения, его образа и стиля жизни, а также приоритет социальных и экологических сфер перед экономическими и технологическими.

В системе принципов социально-экономического микрорайонирования ведущим выступает принцип формирования благоприятных условий жизнедеятельности людей, который предполагает создание комфортной экономической, экологической, социальной жизни, создания условий для саморазвития достойных человека.

Научное обоснование совершенствования территориальной (региональной) организации общества, территориальных основ местного самоуправления направлено на решение проблем совершенствования территориального устройства и жизнедеятельности людей.

Микрорайонирование должно лежать в основе обоснования территориальных основ местного самоуправления, выделения границ муниципальных образований поселенческого уровня, особенно сельских, способствовать развитию территориальной общности людей, учитывать традиции, навыки, национальные особенности населения.

Первоначальной формой микрорайона являются отдельные поселения. Результатом появления социально-демографических, социально-экономических связей между поселениями является возникновение социально-экономических микрорайонов. Расширение связей и отношений приводит к образованию территориальных общностей людей (ТОЛ). Территориальных сочетаний хозяйственной деятельности, формированию локальных систем расселения.

Методика социально-экономического микрорайонирования должна быть более «мягкой» и гибкой, сочетающей два подхода: «сверху–вниз», то есть разбивка территории с помощью единого набора признаков и «снизу–вверх» с помощью индивидуальных признаков, которые могут оказаться важными не повсеместно. При этом особое значение уделяется сочетанию ядер и периферии и потенциала их тяготения.

Необходимым условием развития социально-экономических микрорайонов является наличие и обеспеченность инфраструктурными элементами: производственными, социальными, рыночными, инвестиционными, экологическими и др.

Территориальная общность людей является ведущим компонентом, ядром и стержнем социально-экономического региона. Регионы как территориальные общественные системы отличаются целостностью пространственного сочетания компонентов социально-демографического, экистического, экономического, природного, духовного и политического характера. Они обладают чертами комплексности, взаимосвязанности и взаимообусловленности, эффективности и

перспективности совместного функционирования, сложности и многоуровневости строения, саморазвития и самоуправления [1].

Для формирования территориальной общности людей, непосредственно складывающейся в связи с местом жительства, большое значение имеют условия жизни людей в границах самого поселения, система социальных, экономических, экологических, политических, духовных и других связей, характеризующаяся единством отношений к территории проживания.

Территориальные основы местного самоуправления – это совокупность установленных Конституцией РФ и федеральными законами правовых норм, закрепляющих и регулирующих территориальную организацию местного самоуправления: формирование и состав муниципальных образований, установление и преобразование их границ.

На основе разработанной комплексной методики социально-экономического микрорайонирования, на территории Воронежской области нами было выделено семь социально-экономических микрорайонов (управленческих округов), с разным уровнем социально-экономического развития и отраслевой специализацией промышленности: Воронежский (высокоразвитый промышленный); Борисоглебский, Россошанский, Лискинский (промышленно-аграрные со средним уровнем развития); Аннинский, Павловский, Калачеевский (аграрно-промышленные с низким уровнем развития) [2, 7]. Данная схема управленческих округов положена в основу Стратегии экономического и социального развития Воронежской области на период до 2035 года.

Анализ документов территориального управления показывает, что в последние годы географы-обществоведы недостаточно внимания уделяют научным и прикладным крупномасштабным исследованиям проблем региональной организации жизни общества, разработке рекомендаций и предложений по её совершенствованию на поселенческом уровне.

Библиографический список

1. Балина Т.А., Пономарева З.В., Шарьгин М.Д. Территориальная общность людей как пространственная форма организации жизни населения // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сб. науч. статей. Смоленск, 2016. С. 66-74.
2. Пономарева З.В. Социально-экономическое микрорайонирование Воронежской области // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук / Пермь, 1996. 24 с.
3. Пономарева З.В. Социально-экономическое микрорайонирование как механизм административно-территориального реформирования региона // Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика: тез. докл. Всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2004. С.149-151.
4. Пономарева З.В., Шарьгин М.Д. Социально-экономическое районирование: вопросы методологии // Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика: тез. докл. Всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2004. С.151-153.
5. Пономарева З.В., Шарьгин М.Д. Понятие о регионе и территориальной организации жизни людей // Территориальная организация общества и управление в регионах: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Ч.1. Воронеж, 2005. С.52-55.

6. Балина Т.А., Николаев Р.С., Осоргин К.С., Пономарева З.В., Столбов В.А., Чекушева Л.Ю. Эволюция научных подходов к районированию Пермского края: теоретические и методологические аспекты // Географический вестник. 2021. № 3 (58). С. 45-62.

7. Пономарева З.В. Социально-экономический микрорайон в региональной организации общества // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: материалы Международной науч-практ. конф. – Пермь, 2018. С.235–239.

SOCIO-ECONOMIC MICROZONATION AS A TOOL FOR IMPROVEMENT TERRITORIAL FOUNDATIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Z.V. Ponomareva

Voronezh State Pedagogical University

Voronezh, Russia, e-mail: zinda36@mail.ru

This article makes an attempt to focus the attention of modern geographers and social scientists on the problem of the territorial organization of the life of the population and to intensify scientific contribution to solving the problems of improving territorial management, especially at the regional and local levels. The article summarizes our own research on the development of theoretical and methodological issues and methods of socio-economic microzoning, as well as its testing in the Voronezh region, carried out under the direct supervision and jointly with M.D. Sharygin in the period 1990–2020.

Keywords: socio-economic microzoning; local government; territorial bases; methodology; territorial community of people.

ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В УРОВНЕ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Ю.В. Преображенский^а

^а *Саратовский национальный исследовательский государственный
университет
имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, e-mail: topofag@yandex.ru*

В статье на основе модифицированного коэффициента Успенского показана обеспеченность российских регионов железнодорожными путями. С помощью предлагаемого коэффициента направленности потоков выявлены различия в соотношении веса входящих и исходящих по отношению к региону грузов. Показаны ограничения применяемых методов. Результаты исследования позволяют уточнить некоторые аспекты современного состояния инфраструктуры железнодорожного транспорта на региональном уровне.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт; коэффициент Успенского; функции транспорта; региональное развитие

Постановка проблемы. Анализ транспортной инфраструктуры, вопрос её достаточности для нужд развития экономики является одной из магистральных тем экономической географии. В современный век развития беспроводной связи материальная инфраструктура, возможно, представляется тривиальной и не особо интересной темой исследования. Тем не менее, железные дороги по-прежнему выполняют важную роль линейных элементов урбанизированного каркаса страны (см. в этой связи монографию Г.А.Гольца «Транспорт и расселение» [1]). Более того, в изменившихся внешнеполитических условиях всё насущнее вопросы структурной трансформации железнодорожной сети.

С.И Яковлева в работе [10] приводит перечень географических функций транспорта, все из которых в полной мере относятся к железнодорожному сообщению. Уточнение современного состояния линейной инфраструктуры железных дорог позволяет выяснить, насколько она способна справляться с ними и насколько существенны межрегиональные различия.

Методы и источники данных. В работе применено два метода. Результаты расчёта согласно первому из них демонстрируют неравномерность входящих и исходящих грузовых потоков в регион (и из региона). Для этого был предложен коэффициент направленности потоков (Кнп):

$$К_{нп} = \frac{\text{Вес отгруженных грузов}}{\text{Вес прибывших грузов}} - 1$$

Положительные значения Кнп говорят о том, что регион является донором в системе транспортных ж/д потоков, отрицательные – реципиентом.

В рамках второго метода был использован модифицированный коэффициент Успенского, рассчитывался по следующей формуле:

$$KY = \frac{L_{\text{э}}}{\sqrt[3]{S \cdot H \cdot t}}$$

где: $L_{\text{э}}$ – протяженность эксплуатационной длины железных дорог, км; S – площадь территории км²; H – численность населения, чел.; t – вес отправляемых грузов, кг. Сравнительно большее значение коэффициента говорит о том, что железнодорожная инфраструктура в большей степени соответствует размеру региона, численности его населения и весу перемещаемых грузов.

Источниками данных послужили материалы Росстата.

Результаты. Сопоставление веса отправленных и прибывших грузов железнодорожным транспортом общего пользования в теории должно иметь отношение к степени развития (сложности) экономики региона. Так, по нашей гипотезе, грузы из регионов с хорошо развитой добывающей промышленностью будут направлены в регионы с развитой обрабатывающей промышленностью. Поскольку сырьё и полуфабрикаты весят больше, чем готовая продукция, то вес отправленных грузов будет больше веса полученных в «добывающих» регионах, а для «обрабатывающих» ситуация будет обратная.

На рисунке 1 можно видеть результат расчётов регионального Кнп.

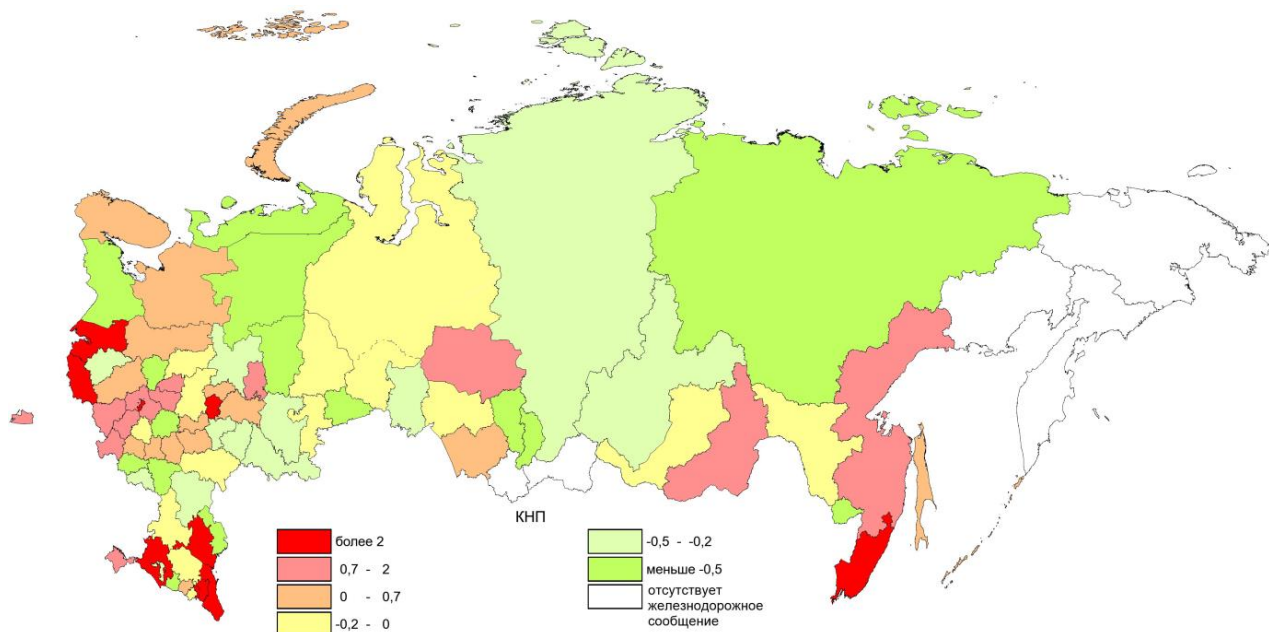

Рис. 1. Коэффициент направленности железнодорожных потоков по регионам РФ, 2021 (карта составлена Дильдорой Маликовой)

Безусловно, нужно учитывать, что грузовые потоки направляются и другими видами транспорта, особенно это актуально для нефтяного Севера (трубопроводы) и для регионов, где производятся строительные материалы (речной транспорт).

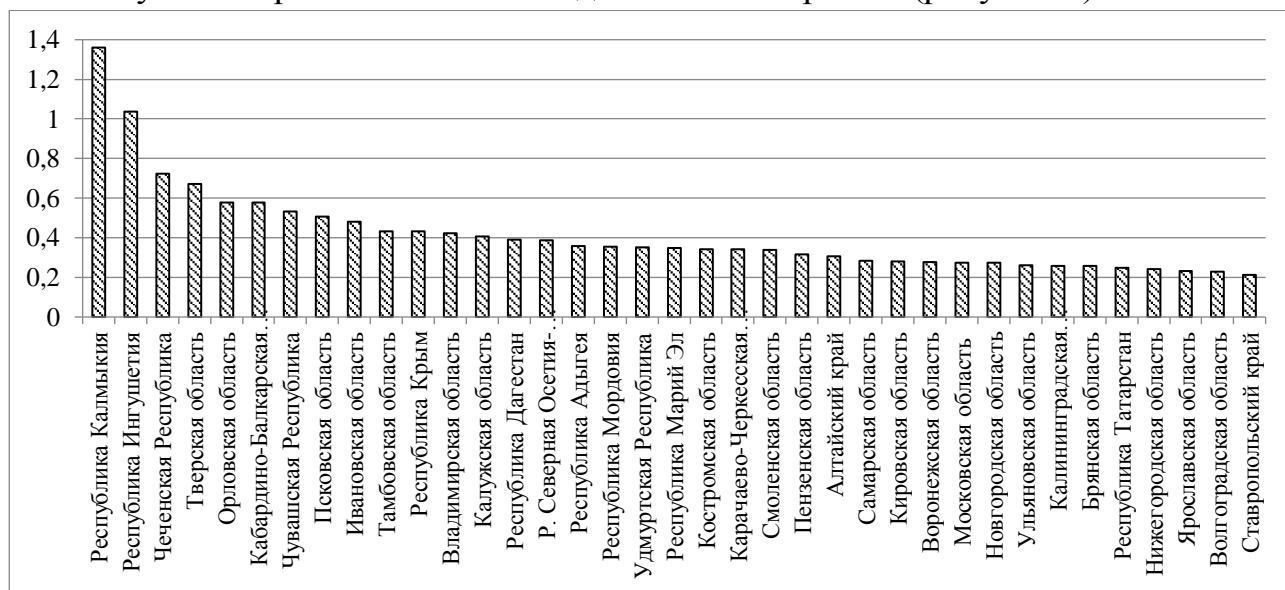
Для проверки гипотезы рассчитывалась корреляция между долей добывающей промышленности в объёме валовой добавленной стоимости, произведённой в регионе в 2017 году, и Кнп (без вычитания единицы). Полученное значение показало слабую степень положительной связи: 0,26. На первый взгляд, это свидетельствует о том, что наша гипотеза не подтвердилась, но более правдоподобным представляется предположение, что в силу слабого развития обрабатывающей промышленности в современной России направления грузопотоков между регионами в большей степени говорят о чрезмерной роли добывающей промышленности в структуре транспортируемых грузов.

В целом, отмечаем, что в структуре железнодорожных перевозок сырья занимает преобладающую долю. Только 9-10% занимают прочие товары, по всей видимости, продукция обрабатывающей промышленности (если не считать удобрения). Что касается продукции обрабатывающей промышленности, то в контейнерах перевозится 204 тыс. TEU промтоваров, 174 тыс. TEU машины, станки, двигатели, 111 тыс. TEU автомобили [4, с.15].

Анализируя структуру внутренних перевозок в России, А.О. Томаев отмечает, что «... в числе десяти крупнейших по стоимости секторов во внутренней и внешней торговле находятся примерно одни и те же отрасли, однако в экспорте лидируют продукты нефтепереработки (плюс производство кокса и ядерных материалов) и химического производства, тогда как во внутренней – продукция металлургического производства и добычи прочих полезных ископаемых» [9, с.89].

Покажем далее обеспеченность российских регионов железнодорожными путями с помощью коэффициента Успенского. Его преимуществом по отношению к другим подобным коэффициентам (например, Энгеля) является то, что он учитывает вес отправляемых грузов.

Результаты расчётов можно видеть на гистограмме (рисунок 2).

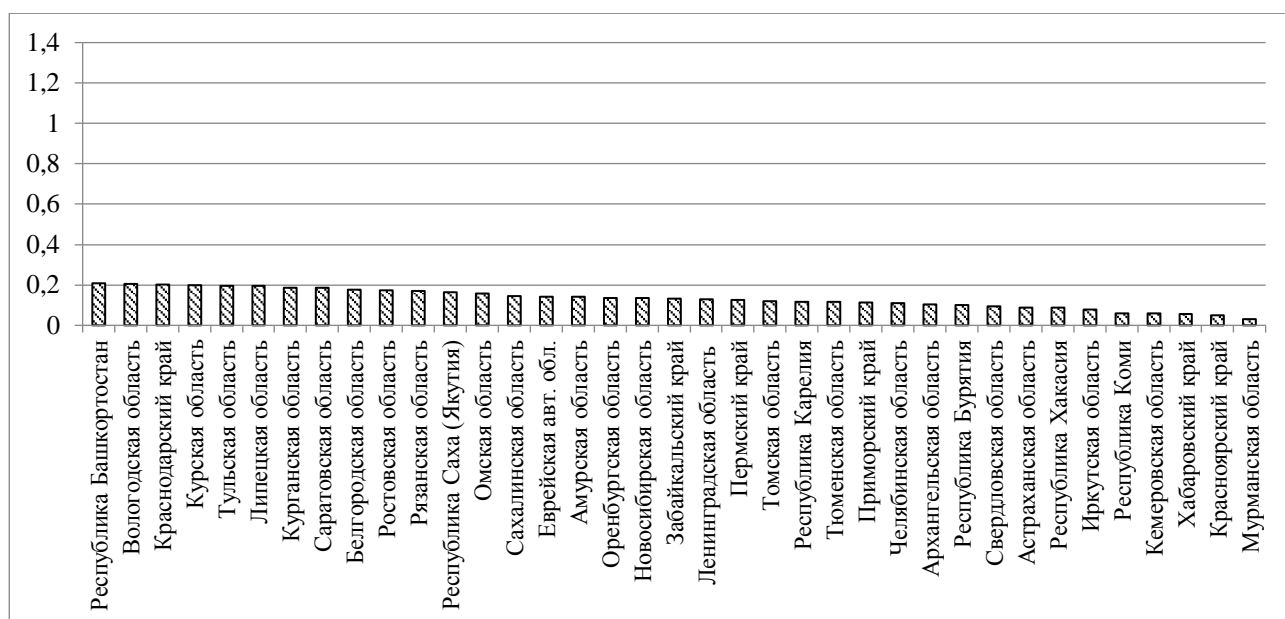

Рис. 2. Модифицированный коэффициент Успенского по регионам РФ, 2021

Выявить какие-то территориальные закономерности в значении коэффициента Успенского достаточно сложно. Тем не менее, очевидно, что регионы со значением рассматриваемого коэффициента ниже 0,2 нуждаются в строительстве железнодорожных путей. Это преимущественно регионы Сибири и Дальнего Востока, а также европейского Севера. В целом, макрорегионы страны не в равной степени обеспечены железнодорожной сетью (см., например, [2]).

Говоря о методологическом аспекте изучения транспортной инфраструктуры, отметим, что он нуждается в развитии, в том числе и на микроуровне. Так, спускаясь на внутрорегиональный уровень развития железнодорожной инфраструктуры, важно оценить пространственную структуру сообщения, топологию населённых пунктов, т.е. их пространственные отношения и степень «прямызны» сообщения. Подобное исследование на примере Пермского края провели Р.С.Николаев и А.С.Лучников [5].

С использованием методов гравитационного притяжения можно рассчитать силу связи между населёнными пунктами и, соответственно, уровень потребности в сообщении между ними (см. пример в работе [6]). Отметим также индекс транспортной обеспеченности, предлагаемый Д.М.Радченко и Ю.Ю.Пономаревым, который позволяет «...учитывать дополнительный фактор – расположение инфраструктуры в пространстве, а не только анализировать на некотором усредненном для каждого региона уровне» [7, с.70].

Проводя анализ обеспеченности региона железнодорожной сетью, следует держать в уме экономическую целесообразность перевозок железнодорожным транспортом, которая становится явной только после какого-то определённого

расстояния (см. пособие [8]), так что для внутрирегиональных перевозок (особенно для небольших по площади регионов) следует рассматривать транспортные альтернативы.

Несмотря на то, что, как отмечается в исследовании, «... для регионов РФ большинство показателей транспортной инфраструктуры не имеют выраженного прямого влияния на рост экономики регионов, так как коэффициент корреляции оказывается ниже 0.7» [3, с.38], тем не менее, это не отменяет его диспозиционную, интегрирующую и структурирующую функции (по С.И.Яковлевой [10]).

Выводы. Таким образом, данные по железнодорожным перевозкам могут быть использованы для анализа социально-экономического развития региона, его роли в транспортной системе страны, а также позволят осветить вопрос межрегионального взаимодействия. В частности, рассмотрены дифференцирующая и структурирующая функции железнодорожного транспорта.

Сравнительно (с советским временем) низкие темпы ввода железнодорожного полотна не успевают за трансформацией рисунка расселения и хозяйства, поляризацией социально-экономического пространства, что, впрочем, никак не укорачивает расстояния перевозок людей и грузов.

Библиографический список

1. Гольц Г.А. Транспорт и расселение. М.: Наука, 1981. 248 с.
2. Дабиев Д.Ф., Дабиева У.М. Оценка транспортной инфраструктуры макрорегионов России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 11-2. С. 283–284.
3. Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / под ред. к.э.н. О.В. Тарасовой. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. – 456 с.
4. Обзор работы железнодорожного транспорта / railsovet.ru. URL: [http://www.railsovet.ru/upload/iblock/379/Обзор%20работы%20груз%20железнодорожного%20транспорта%206%20мес%202022%20г%20\(29%2008%202022на%20сайт\).pdf](http://www.railsovet.ru/upload/iblock/379/Обзор%20работы%20груз%20железнодорожного%20транспорта%206%20мес%202022%20г%20(29%2008%202022на%20сайт).pdf) (дата обращения: 21.03.2023).
5. Николаев Р.С., Лучников А.С. Оценка эффективности и планирование пространственной организации внутрирегиональной транспортной сети (на примере железнодорожного транспорта Пермского края) // Географический вестник = Geographical bulletin. 2018. №4 (47). С. 44–53. doi 10.17072/2079-7877-2018-4-44-53
6. Преображенский Ю. В., Молочко А.В. Оценка развития междугороднего автобусного сообщения в Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Науки о Земле». 2019. Т. 19, вып. 1. С. 18–23. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2019-19-1-18-23>
7. Радченко Д.М., Пономарев Ю.Ю. О способах измерения степени развития транспортной инфраструктуры // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. No 2. С. 37–74. <https://doi.org/10.14530/se.2019.2.037-074>.
8. Терёшина Н.П., Подсорин В.А., Данилина М.Г. Экономика железнодорожного транспорта: Учебное пособие. М.: МГУПС (МИИТ), 2017. 262 с.
9. Томаев А. О. Анализ структуры внутренних грузовых перевозок России железнодорожным транспортом // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 84–91. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-84-91>
10. Яковлева С.И. Географические функции транспорта // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2022. № 1 (37). С. 38-46. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2022-1-38-46>

ASSESSMENT OF REGIONAL DIFFERENCES IN THE LEVEL OF RAILWAY TRANSPORT DEVELOPMENT

Yu. V. Preobrazhenskiy^a

^a Saratov State University, Saratov, Russia

e-mail: topofag@yandex.ru

The article, based on the modified Uspensky coefficient, shows the provision of Russian regions with railway tracks. With the help of the proposed flow direction coefficient, differences in the ratio of the weight of incoming and outgoing cargo relative to the region are revealed. The limitations of the methods used are shown. The results of the study allow us to clarify some aspects of the current state of the railway transport infrastructure at the regional level.

Keywords: railway transport; Uspensky coefficient; transport functions, regional development

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ – КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИМОРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ¹

Е.А. Ушаков

*Тихоокеанский институт географий ДВО РАН
Владивосток, Россия, e-mail: ushakov.tig.dvo@gmail.com*

В статье были рассмотрены вопросы развития поселения. Особенную роль в развитии поселения играют границы. Они бывают внешние и внутренние. Внутренние границы определяют территорию поселения и его внутреннее пространство, а внешние – качество окружающей среды. За счёт этого формируется потенциал поселения, который определяется совокупностью факторов развития и лимитирующими особенностями территории поселения и его окружающего пространства. Отдельно выделены приморские поселения, которые обладают своей спецификой в потенциале развития. Установлено, что по мере удаления от морского побережья потенциал поселений имеет тенденции к уменьшению благоприятных факторов развития.

Ключевые слова: поселение; факторы развития; границы; потенциал; приморское положение.

Постановка проблемы. Поселение является одним из важных связующих элементов территориальной организации общества, территориальной структуры хозяйства и природными компонентами территории. На территории поселения формируются и устанавливаются разнообразные связи между природными и социально-экономическими компонентами геосистемы. В целом же географическое пространство поселения с его природно-ресурсным окружением является узлом концентрации самых разнообразных межкомпонентных связей и сопряжений [1]. На их территории сосредотачивается демографический, основной инфраструктурный и производственный потенциал административно-территориальных единиц (АТЕ). Поселения являются ядром формирования уровня развития и общего социально-экономического потенциала АТЕ. Тематике поселений – как главного звена районообразования был посвящен ряд работ советских и российских экономико-географов и экономистов (Бакланов, Ныммик, Ханин и другие) [2-8]. Особую роль для поселения играют географические границы.

Методы и источники данных. Применялись следующие методы – экономико-географический анализ, сравнительно-описательский, сравнительно-географический, синтеза, аналогов. Для анализа данных использовался картографический материал.

Результаты. Потенциал поселения складывается за счёт факторов развития. Эти факторы формируются географическими границами. Необходимо отметить, что географические границы для поселения бывают – внутренними и внешними. Внутренние границы определяются административными границами

¹ *Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-17-00186, <https://rscf.ru/project/22-17-00186/>*

© Е.А. Ушаков, 2023

самого поселения, а также его функциональными зонами (жилые постройки, промышленные зоны, рекреационные и другие), и природной характеристикой (рельеф). Внутренние границы могут развивать территорию поселения и его конфигурацию за счет местных физико-географических особенностей.

Внешние же границы определяются отношением поселения к ближайшему пространству и его качественным характеристикам. Их можно разделить на природные, политические, социально-экономические.

Природные границы очерчены физико-географическими условиями прилегающей территории. Они могут выступать барьером или благоприятным фактором для развития поселения. За счёт природных условий, свойств и характеристик формируется природно-ресурсная база территории.

Политические – подразумевают наличие административных границ, прилегающих территории. Они создают соседство с административно-территориальными единицами разного уровня. Эти АТЕ обладают своим социально-экономическим потенциалом и уровнем развитости, определяют свою социально-экономическую политику и нормативную базу согласно своему административному статусу.

Социально-экономические границы. В данном случае важно определять основные социально-экономические параметры соседней территории – демографические, экономические, производственные, потребительские, социальные, культурные и многие другие.

Природные границы показывают физико-географические свойства определенного пространства; социально-экономические – общества, а политические – сумму влияния природных и социально-экономических свойств АТЕ.

Влияние границ бывает прямое и косвенное. Прямое влияние заключается в том, что оно непосредственно оказывает воздействие на социально-экономическую сферу поселения и его потенциал (особенно административные границы). Косвенное влияние имеет второстепенное или воздействие через другие факторы или компоненты территории.

Для поселений характерно не только взаимное влияние факторов развития, но их ограничение использования за счёт ряда лимитирующих факторов. Они могут проходить по естественно-географическим границам. Эти природные границы ограничивают развитие поселения, удорожание стоимости проживания местного населения и производства продукции поселения, а также инфраструктурной обустроенности самого поселения, что затрудняет его развитие. Ограничивать развитие поселения может нехватка земельных и водных ресурсов. Следует отметить, что и наличие менее развитых и слабоосвоенных территории по-

близости поселения, также могут играть лимитирующую роль в развитии поселения. Все совокупности этих воздействий формируют более благоприятный или менее благоприятный потенциал развития.

Отдельно необходимо рассмотреть приморские поселения. Главным преимуществом данных поселений является расположение поселения на самом берегу моря или поблизости от него. Фактически такое расположение даёт более благоприятные факторы развития при сравнении с поселениями, расположенными вдали от моря (континентальные). Фактически поселение получает большой выход к морским биоресурсам, морская граница которых в большей степени ограничена 200-мильной экономической зоной. В транспортном отношении имеется возможность установления социально-экономических связей с другими приморскими поселениями, регионами, странами. Появляется возможность развития морехозяйственной деятельности (рыболовство и рыбопереработка, судостроение, производство рыболовных орудий, обслуживание портовой инфраструктуры), а также рекреационной деятельности.

Стоит отметить, что по мере удаления от берега даже на десятки километров эффект от границы с морем значительно снижается. Это видно, как на примере морехозяйственных видов деятельности, так и уровня развитости поселений. Сами же приморские поселения обладают большим уровнем развитости, а также более положительной динамикой в социально-экономических показателях. Доля депрессивных поселений среди приморских в разы меньше по отношению к поселениям, расположенным в континентальной части страны.

Выводы. Социально-экономическое развитие поселения тесно взаимосвязано с его потенциалом в том числе степенью его реализации, которое сочетается с географическими границами самого поселения (как внутренними, так и внешними). Эти факторы взаимосвязаны между собой и взаимодополняют друг друга, оказывая воздействие на потенциал поселения. Они проявляются в прямом или косвенном виде. Влияние границ не только положительно играет на потенциал поселения, но и может оказывать лимитирующее воздействие. Все совокупности этих воздействий формируют более благоприятный или менее благоприятный потенциал развития самого поселения.

Приморские поселения за счёт своего экономико-географического положения и использования морских биоресурсов, развития морехозяйственных видов деятельности обладают большим социально-экономическим потенциалом, по отношению к континентальным поселениям. Влияние «моря» заметно снижается по мере удаленности от береговых линий, даже нескольких километров от него – и влияние «моря» больше приобретает характер второстепенного фактора развития поселения.

Библиографический список

1. Бакланов П.Я. Поселение как целостный объект интегральных географических исследований // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2021. № 4. с. 3–11.
2. Никульников Ю.С., Мосунов В.П., Сысоев А.А. Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука, 1990. 153 с.
3. Ныммик С.Я. Региональные системы поселений как каркас районообразования // Вестник Московского университета. Серия Географическая. 1969. №3. с. 35-45.
4. Ныммик С.Я., Ныммик Р.А. Закономерности распределения поселений в зонах влияния городов и крупных сельских поселений // Вестник Московского университета. Серия Географическая. 1970. №3. с. 106-112.
5. Ныммик С.Я. О ядрах районообразования // Вестник Московского университета. Серия Географическая. 1970. №1. с. 47-52.
6. Ушаков Е. А. Границы поселения как фактор развития и инструмент управления // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2022. с. 167-172.
7. Ханин С. Е. Экономико-географическое положение поселений: проблемы, модели // Вестник МГУ. серия географическая. 1994. № 2. с. 3-9.
8. Ханин С. Е. Экономико-географическое положение поселений: проблемы, модели (часть 2) // Вестник МГУ. серия географическая. 1994. № 3. с. 18-23.

GEOGRAPHICAL BORDERS – AS A FACTOR DEVELOPMENT OF COASTAL SETTLEMENTS

E. A. Ushakov

Pacific Institute of Geography, FEB RAS

Vladivostok, Russia, e-mail: ushakov.tig.dvo@gmail.com

The article discussed issues of settlement development. Borders play a special role in the development of a settlement. They are external and internal. Internal boundaries determine the territory of the settlement and its internal space, and external boundaries determine the quality of the environment. Due to this, the potential of the settlement is formed, which is determined by a combination of development factors and the limiting features of the territory of the settlement and its surrounding space. Separately, coastal settlements are highlighted, which have their own specific development potential. It has been established that as the distance from the sea coast increases, the potential of settlements tends to decrease favorable development factors. *Keywords:* settlement; development factors; borders; potential; coastal location.

Секция 4. Трансформация функциональной структуры регионов

УДК 332.1

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЁРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ РОССИИ: К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ГРАНИЦ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ БАЗ

Н.Ю. Заляза^а, А.С. Лучников^б

^а Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: zalyaza2001@mail.ru

^б Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия, e-mail: aluchnikov@yandex.ru

Исследование посвящено особенностям трансформации территориально-отраслевой структуры чёрной металлургии России. Ввиду отсутствия глубокого экономико-географического анализа рассматриваемого вида экономической деятельности в постсоветский период, авторами на основе сформированной базы данных о предприятиях чёрной металлургии была осуществлена группировка субъектов РФ по уровню внутриотраслевого разнообразия с помощью расчета индекса рыночной концентрации НИ. На основе полученных результатов была предпринята попытка осуществления промышленно-географического ареализации с целью установления актуальных границ крупнейших отраслевых ареалов страны, уже сформированных и формирующихся, а также предложены перспективные направления их развития. В работе характеризуются Центральный, Уральский, Сибирский, Северо-Западный и Южный промышленно-географические ареалы развития чёрной металлургии.

Ключевые слова: чёрная металлургия, отраслевой промышленно-географический ареал, индекс рыночной концентрации, территориальная дифференциация, постфордизм.

Постановка проблемы. В научной литературе чёрную металлургию принято классифицировать как относительно консервативный вид экономической деятельности [6]. Однако, мы вынуждены признать, что переход к постфордистским методам организации производства значительно повлияли на трансформацию факторов размещения отраслевых предприятий. При этом глубокий анализ тенденций в территориально-отраслевой дифференциации отрасли в пределах России в постсоветский период не проводился.

Территориальная дифференциация отрасли в позднесоветский период была связана с выделением так называемых *металлургических баз*, под которыми А.Т. Хрущёв понимал относительно компактные территориально-производственные ареалы, отличающиеся друг от друга уровнем комбинирования производства [5]. В своих работах он выделял следующие базы: Центральную, Уральскую, Сибирскую, а также Дальневосточную, которая являлась формирующейся.

Целью нашего исследования является обоснование границ современных промышленно-географических ареалов в отечественной чёрной металлургии для обозначения их специфики и определения направлений их перспективного развития.

Методы и источники информации. Базовым методом в нашей работе выступает промышленно-географическое ареалирование, под которым мы понимаем способ территориальной дифференциации промышленно развитых регионов на основе учёта разнообразных признаков (характеристик и свойств) и связей, возникающих внутри и между территориально-промышленными сочетаниями [4].

Основным источником данных о территориальной дифференциации чёрной металлургии в регионах России выступила база данных сайта Rusprofile.ru, анализ которой позволил выявить 420 отраслевых предприятий в 66 субъектах РФ. Впоследствии они были распределены нами на 12 групп в соответствии с их технологическими особенностями и видам выпускаемой продукции [3]. Далее на основе применения индекса рыночной концентрации Хёрфиндаля-Хиршмана (ННІ) нами был рассчитан коэффициент внутриотраслевого разнообразия (в региональном разрезе):

$$ННІ = D_1^2 + D_2^2 + \dots + D_n^2,$$

где D_i – доля мощности i -й группы предприятий чёрной металлургии в общей мощности предприятий в пределах субъекта РФ (с учётом весового коэффициента), %;

n – число групп предприятий чёрной металлургии, присутствующих в пределах субъекта РФ.

Результаты. На основе полученных результатов были выявлены пять групп регионов [2]. Каждая из них отличается уровнем развития технологий чёрной металлургии, географической и видовой её распространённостью: от ядерных регионов-лидеров до регионов аутсайдеров (рис. 1).

Было установлено, что наибольшей степенью внутриотраслевого разнообразия обладают следующие субъекты: Свердловская, Тульская, Челябинская, Ульяновская, Нижегородская и Калужская области. В указанных регионах представлено максимально большое количество групп предприятий, относящихся к разным стадиям и звеньям отраслевого ЭПЦ, и использующих в том числе современные технологии производства металлов или новейшие факторы размещения. Их можно назвать регионами-ядрами.

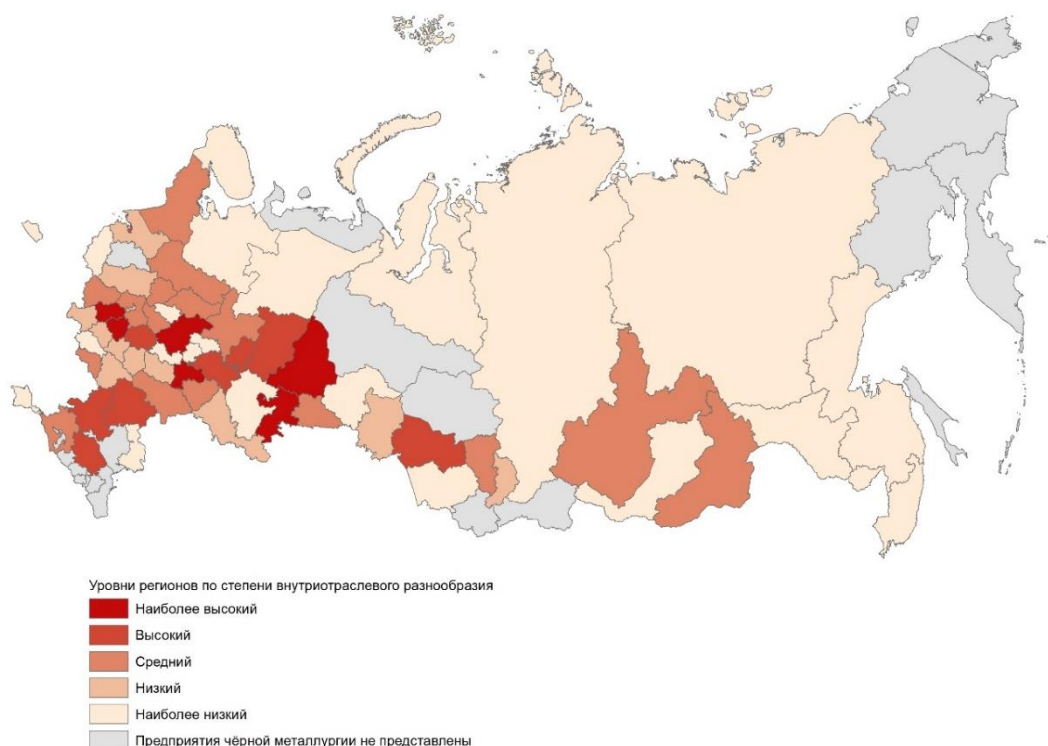

Рис. 1. Степень территориальной дифференциации чёрной металлургии России на современном этапе (региональный аспект) (выполнено авторами)

Второй уровень субъектов в отраслевой иерархии с высокой степенью многообразия делится на две группы. В первой группе находятся регионы, занимающие место в непосредственной близости от ядер отраслевых ареалов, образуемых регионами первого уровня (Рязанская область, республики Татарстан и Удмуртия, Пермский край). Они представляют полупериферию чёрной металлургии в пределах баз. Вторая группа образована регионами, которые можно назвать новыми лидерами, вокруг которых зарождаются новые промышленно-отраслевые ареалы (Волгоградская, г. Санкт-Петербург, Ростовская, Новосибирская области и Ставропольский край). Объединяет все регионы второй группы то, что они являются важными центрами развития чёрной металлургии, но в настоящее время отрасль не относится к специализированным в структуре их хозяйства.

Третий уровень регионов представлен субъектами РФ, которые можно преимущественно отнести к традиционным с точки зрения развития технологий чёрной металлургии (Вологодская, Кемеровская, Московская, Белгородская, Иркутская и др. области, Республика Карелия). В структуре своего хозяйства они обладают предприятием-лидером, которого дополняют несколько узкоспециализированных площадок с меньшими объёмами производственной деятельности. Близкий к традиционным субъектам уровень внутриотраслевого разнообразия демонстрируют регионы, в которых чёрная металлургия базируется на современных технологиях, появившихся в последние десятилетия (Краснодарский край, Саратовская, Ярославская области и пр.).

Периферия металлургических баз представлена четвёртым и пятым уровнями отраслевой иерархии. Попадание в данный список ряда субъектов, отличающихся наличием лидера – одного из крупнейших предприятий в отрасли, обусловлено очень низким внутриотраслевым разнообразием при сравнительно высоких объёмах производственной деятельности (Липецкая и Оренбургская области).

На основании полученных значений и определения места отдельных субъектов РФ в центр-периферической модели по уровню диверсификации чёрной металлургии нами была предпринята попытка установить границы пяти складывающихся *промышленно-географических ареалов* (современных металлургических баз). Каждый из них обладает ярко выраженным ядром (в лице региона или регионов 1-го или 2-го уровня), агломерирующим вокруг себя регионы с меньшим количеством и меньшей мощностью предприятий, выступающих в роли буферной границы технолого-производственной активности ареала.

Выполненное нами отраслевое географическое ареализирование позволяет заявить о схожести современного рисунка распространения отрасли с традиционными металлургическими базами, указанными А.Т. Хрущевым (рис. 2). При этом в постсоветский период они претерпели значимые отраслевые и территориальные трансформации.

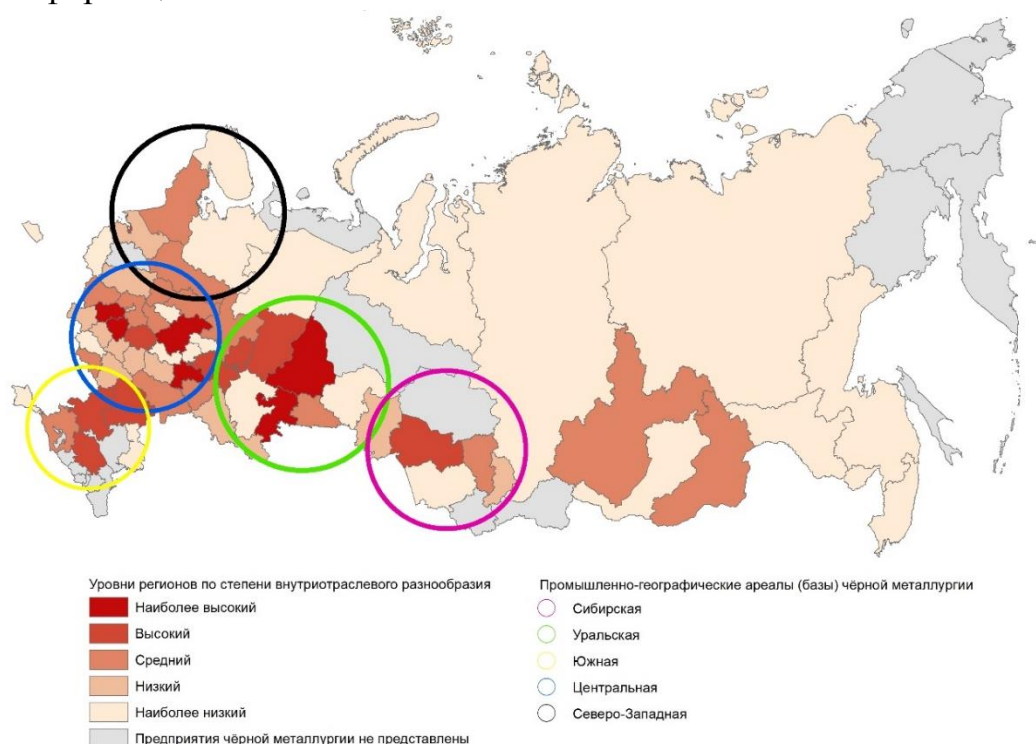

Рис. 2. Крупнейшие промышленно-географические ареалы чёрной металлургии России на современном этапе развития отрасли (выполнено авторами)

Центральный ареал располагается в пределах Центрального и частично Приволжского ФО. Его границы с соседними ареалами проходят по Тверской,

Новгородской областям на северо-западе, республикам Поволжья – на востоке, Пензенской, Тамбовской, Воронежской и Курской областям – на юге и юго-западе. При этом отличиями современного ареала от классического его варианта являются отсутствие в составе северо-западных окраин (Северо-Западный ФО), который мы выделяем в отдельный промышленно-географический ареал, а также смена регионов-лидеров. Липецкая и Белгородская области по внутриотраслевому разнообразию значительно уступают регионам, близким к Москве. Современное лидерство Тульской, Калужской и Нижегородской областей связано с появлением значительного количества новых производственных площадок, имеющих не только большие объёмы деятельности, но и производящих высококачественную продукцию, используя выгоды географического положения, научного и инвестиционного потенциала.

В перспективе чёрная металлургия здесь будет ещё теснее интегрироваться с машиностроительным комплексом, технологиями строительства и развития транспорта, а также активнее обновляться. В этих условиях мы будем наблюдать расширение ассортимента выпускаемых продуктов под влиянием концепции «гибкой специализации». Это позволит расширить географию ареала за счёт регионов, не имеющих на сегодня ярко выраженной металлургической специализации (Рязанская, Воронежская, Владимирская области и пр.).

Уральский ареал сохраняет свою традиционную конфигурацию – расположен между буферными регионами Поволжья и Сибирской металлургической базой. При этом его границы расширились за счёт установления более тесных технологического-производственных и транспортных связей с Тюменской областью. Регионы-лидеры на Урале не изменились, однако в постсоветский период углубили свою специализацию за счёт появления предприятий нового типа, которые дополняют традиционные площадки.

Урал и в будущем останется основным производителем металла в России, поэтому продолжение политики по внедрению новых способов производства и обновления фондов представляется здесь наиболее важным аспектом развития отрасли. Отраслевая и территориальная структуры Уральского ареала не претерпят значимых изменений.

Ряд деструктивных процессов в территориально-отраслевой структуре чёрной металлургии Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период позволяют ограничить *Сибирский промышленно-географический ареал* регионами юга Западной Сибири и двумя регионами Восточной Сибири (Красноярский край, Республика Хакасия). Как и в Центральном, в Сибирском ареале произошло смещение центра из Кемеровской в Новосибирскую область, которая показывает наиболее высокий уровень внутриотраслевого разнообразия.

Возрождение чёрной металлургии в Восточной Сибири и за Байкалом будет связано с общим развитием экономики региона, увеличением спроса на местных машиностроительных предприятиях, активизацией железнодорожного и жилищного строительства, реализацией новых трубопроводных проектов. В этом отношении мы находим подтверждения идей о разделении Сибирской металлургической базы на два самостоятельных ареала: *Западно-* и *Восточно-Сибирский*. Причем второй должен формироваться в кооперации с предприятиями Дальнего Востока [3].

Помимо традиционных промышленно-отраслевых ареалов чёрной металлургии России нами было предположено существование двух новых формирующихся, имеющих признаки самостоятельности и самодостаточности.

Северо-Западный ареал располагается в пределах западной и юго-западной части одноимённого федерального округа. Он имеет собственную относительно богатую рудную базу. Его ядром выступает не традиционный лидер (Вологодская область), а город федерального значения Санкт-Петербург, обладающий высоким внутриотраслевым разнообразием предприятий со значительной степенью инновационности. При этом они, безусловно, функционируют в тесной кооперации с Череповецкой площадкой. Самодостаточность ареала обусловлена тем, что металл собственного производства (ПАО «Северсталь») используется для выпуска разнообразного проката на новых предприятиях в Санкт-Петербурге (Колпино) и Череповце. Выгоды географического положения и наличие собственной сырьевой базы способствует повышению внутренней конкуренции в пределах ареала через привлечение иных крупных игроков рынка чёрных металлов.

Кроме того, результаты показали, что на сегодняшний день целесообразно говорить о формировании ещё и *Южного отраслевого ареала* [1]. Он расположен в пределах Европейского Юга и частично Поволжья. Его функционирование осуществляется за счёт появления там в последние десятилетия электрометаллургических, прокатных и трубопрокатных заводов нового типа, в т.ч. минипредприятий (электрометаллургические заводы в Абинске, Фролово, Невинномысск, др.). В отличие от традиционных баз он характеризуется тем, что здесь нет крупных месторождений металлургического сырья. Это означает, что в основе его функционирования лежат современные тенденции развития отрасли, ориентированные на технологии «гибкой специализации» и бережливого производства, активно применяемые в странах с развитым рынком чёрных металлов. В отношении потребляемого металла Европейский Юг России становится всё более самодостаточным. Сокращение геополитической активности в этой части страны позволит реализовывать там новые программы индустриализации. Это будет способствовать укреплению нового Южного ареала, появлению в нем новых предприятий.

Похожие тенденции отмечаются в Поволжье, где высоким внутриотраслевым разнообразием обладают Ульяновская, Саратовская области и Республика Татарстан. Но отдельной металлургической базы для этой части страны мы не выделяем в связи с недостатком мощностей появившихся производственных площадок, которые не могут обеспечить полную самодостаточность регионов в выпуске и потреблении различного сортамента металлургической продукции.

Выводы. В результате исследования мы можем определить:

1) территориально-отраслевая структура чёрной металлургии России в постсоветский период претерпела значительные изменения с точки зрения возрастающей роли в выпуске отдельных видов продукции тех регионов страны, которые ранее не имели ярко выраженной специализации на металлургическом производстве, но при этом ставшие новыми отраслевыми «лидерами»;

2) оценка внутриотраслевого разнообразия чёрной металлургии России позволила выделить центры, полупериферию и периферию традиционных металлургических ареалов, а также доказать самостоятельность двух новых – на Европейском Севере и Европейском Юге страны. Полученные результаты в полной мере коррелируют с основными тенденциями развития отрасли, связанными с усилением верхних стадий отраслевого ЭПЦ, активной монополизацией и диверсификацией отрасли, внедрением современных технологий;

3) в будущем чёрная металлургия России будет развиваться в пределах обозначенных промышленно-отраслевых ареалов, но существуют тенденции к её возрождению в Сибири и становлению на Дальнем Востоке в долгосрочной перспективе;

4) обозначенные перспективные направления функционирования отрасли носят практико-ориентированный характер, поскольку являются важной составляющей для осуществления грамотного территориального и отраслевого планирования с целью снижения пространственных диспропорций в социально-экономическом развитии территорий различного иерархического уровня.

Библиографический список

1. Заляза Н. Ю. Тенденции формирования новых промышленно-отраслевых ареалов чёрной металлургии России (на примере Южной металлургической базы) // Географическое изучение территориальных систем: сб. материалов XVII Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. Пермь, 2023. С. 94–99.
2. Заляза Н.Ю., Лучников А.С. Территориальная дифференциация черной металлургии России на современном этапе (региональный уровень) // Современная Евразия: общественно-географический анализ: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2023. С. 204–208.
3. Никольский А.Ф. Что такое сверхкомбинат: экономическая география и техника // Вестник Байкал. гос. ун-та. 2020. Т. 30, вып. 3. С. 419–426.
4. Социально-экономическая география: понятия и термины: слов.-справ. / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
5. Хрущёв А.Т. География промышленности СССР. М., 1979. 436 с.
6. Хрущев А.Т. Научно-технический прогресс и территориальная организация промышленности // Экономическая и социальная география на пороге XXI века: сб. науч. тр. Смоленск, 1997. С. 125–133.

TERRITORIAL ORGANIZATION OF FERROUS METALLURGY OF RUSSIA: ON THE ISSUE OF CHANGING THE BOUNDARIES OF METALLURGICAL BASES

N. Yu. Zalyaza^a, A. S. Luchnikov^b

^a St. Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia, e-mail: zalyaza2001@mail.ru

^b Perm State University

Perm, Russia, e-mail: aluchnikov@yandex.ru

The study is devoted to the peculiarities of the transformation of the territorial and sectoral structure of the Russian ferrous metallurgy. Due to the lack of a deep economic and geographical analysis of the type of economic activity under consideration in the post-Soviet period, the authors, based on the generated database of ferrous metallurgy enterprises, grouped the constituent entities of the Russian Federation according to the level of intra-industry diversity by calculating the market concentration index (Herfindahl-Hirschman Index). Based on the results, an attempt was made to carry out industrial-geographical distribution in order to establish the current boundaries of the largest industrial areas, already formed and emerging. Promising directions for their development were proposed. The work characterizes the Central, Ural, Siberian, Northwestern and Southern industrial and geographical areas of development of ferrous metallurgy in Russia.

Keywords: ferrous metallurgy, sectoral industrial-geographical area, Market Concentration Index, territorial differentiation, post-Fordism.

ЭКОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (БЕЗ АВТОНОМНЫХ ОКРУГОВ)

А.С. Затолокин, Ю.В. Петров

*Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия, e-mail: zatolokin2000@bk.ru*

В работе на примере Тюменской области (без автономных округов) дан анализ эколого-географическим аспектам внедрения ESG-повестки в регионах России. Выделены основные направления реализации процессов трансформации экономики, их отраслевые характеристики. Сформулированы предложения по развитию и корректировке существующих процессов и достигаемых результатов.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, ESG, устойчивое развитие, углеводороды, Тюменская область

Постановка проблемы. При упоминании Тюменской области у обычных обывателей всегда возникает ассоциация с крупным нефтегазовым регионом, обладающим колоссальным запасом углеводородных ресурсов и, соответственно, крупным бюджетом, но так ли это на самом деле? Вовсе нет, особенно если рассматривать конкретно Тюменскую область без автономных округов, то картина тут иная и добыча углеводородов осуществляется только на территории одного муниципального образования (Уватского района) [5].

Из-за чего можно подметить, что добыча углеводородов играет меньшую роль в экономике, но при всем этом именно нефтегазовая отрасль является ключевой в развитии региона и привлечении инвестиций. Тем самым, являясь уникальным двигателем прогресса региона, из-за чего цели и задачи региона формируются под влиянием трендов данной отрасли, чтобы не отставать и не уступать в мировых рейтингах.

Методы и источники данных. Методы исследования: сравнительный, исторический. Методология географического исследования территориальных общественных систем. Информационными источниками послужили официальные информационные ресурсы Правительства Тюменской области, а также научно-аналитические материалы информационных агентств и исследовательских институтов.

Результаты. Последние годы в связи с массовым переходом общества во всем мире на рельсы устойчивого развития внедряются разнообразные инструменты для компаний и регионов позволяющие оценивать эффективность применяемых решений для достижения целей устойчивого развития. Таким инструментом является ESG-повестка, которая в себя вбирает три важнейших компонента,

а именно ответственное отношение к окружающей среде, социальную ответственность и качество управления [3, 10].

Данные компоненты разграничивают уже сформулированные цели устойчивого развития и способствуют их оценке, на основании чего формируются ESG-рейтинги, которые играют большую роль на мировом фондовом рынке, так как раньше все сводилось лишь к частным рейтинговым агентствам, которые просчитывали данные показатели для компаний и регионов, но сейчас данный рейтинг формируется уже и на крупнейших биржах. Конечно же, первые кто попал под раздачу и оказался обязан вести более устойчивый образ – это крупнейшие ресурсодобывающие компании мира. Ведь для них вопрос репутации имеет колоссальную роль, особенно в данный момент, когда в сознание общественности все больше и больше формируется ответственное отношение к окружающей природе, из-за чего инвесторы уже не готовы инвестировать в те компании и отрасли, которые не придерживаются устойчивого развития, так как никто не хочет сталкиваться с репутационными издержками в связи того, что компания не соблюдает цели устойчивого развития и идёт наперекор обществу [11].

При этом нужно учитывать, что ESG держится не только на вопросах, связанных с окружающей средой, но и на социальных и управленческих вопросах, но рассмотрение данных аспектов требует отдельного исследования [4, 8, 9].

В нашем случае конкретизируем на примере Тюменской области без автономных округов, хоть и роль добычи углеводородов на территории области невелика по сравнению с автономными округами, но именно влияние данного сектора оказывает наибольший эффект на развитие региона. При этом надо учитывать, что регион занимает лидирующую позицию в социально-экономическом развитии среди регионов России [7].

Так, по данным на 2016 год, основу валового регионального продукта составляет [6]:

1. Промышленность – 31,2%.
2. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг – 18,6%.
3. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 15,2%.
4. Транспорт и связь – 11,8%.
5. Строительство – 7,1%.
6. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство – 4,7%.
7. Государственное управление и обеспечение безопасности – 3,2%.

Из представленных данных заметно, что промышленность занимает почетное первое место в ВРП, нужно понимать, что добыча полезных ископаемых за-

нимает около 20% от всей промышленности, а большую часть составляет обрабатывающая промышленность – около 75% и при этом такое же соотношение в обрабатывающей промышленности занимает производство кокса и нефтепродуктов, что является значимым индикатором того влияния нефтегазодобывающей отрасли – оно велико, а значит и внедрение ESG в структуру социально-экономического планирования необходимо для развития данной повестки и в других отраслях, а не только промышленности [1-3].

Выводы. Для Тюменской области приоритетно включение ESG повестки в стратегию социально-экономического развития, а также управления региона в целом для его дальнейшего развития. Так как возникает объективная проблема, если мировые тренды не будут переходить на местные органы власти и компании, то инвестиционная привлекательность региона будет стремительно снижаться особенно, если смотреть регион целиком, то внедрение повестки идёт только в промышленных узлах, а именно Тюменском, Тобольском и Уватском. Из-за чего можно говорить о существенном отставании остальных территорий области, при том условии, что Тюменская область включает в себя 6 городских округов и 20 муниципальных районов. При этом перспективным направлением для развития ESG в Тюменской области в рамках ответственного отношения к окружающей среде можно выделить экологический мониторинг, так как благодаря ему можно начать расширение базы данных об состоянии окружающей среды для составления более точных оценок и прогнозов. Что благоприятно скажется для региона, так как будет более обширная база данных, так и для компаний, так как они смогут учесть возможные природные риски и также увеличить свою репутацию за счёт данных о том, что у них отсутствуют нарушения.

Библиографический список

1. Затолокин, А. С. Проблемы экологического мониторинга на примере муниципалитетов Тюменской области / А. С. Затолокин, Ю. В. Петров // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления : Материалы V всероссийской межведомственной научно-практической конференции с международным участием, Воронеж, 10–12 ноября 2022 года / Под общей редакцией Р.Е. Рогозиной. – Воронеж: Цифровая полиграфия, 2022. – С. 862-865.
2. Затолокин, А. С. Информационное обеспечение населения сведениями по результатам экологического мониторинга в Тюменской области / А. С. Затолокин, Ю. В. Петров // Успехи современного естествознания. – 2023. – № 7. – С. 27-31. – DOI 10.17513/use.38067
3. Затолокин, А. С. Развитие региональной ESG – стратегии за счёт национальных и региональных проектов / А. С. Затолокин // Актуальные вопросы устойчивого развития регионов, отраслей, предприятий: Материалы Международной научно-практической конференции. В 4-х томах, Тюмень, 23 декабря 2022 года. Том 1. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2023. – С. 128-131.
4. Кузнецов, С. В. Факторы роста экономики регионов России: структуралистский подход / С. В. Кузнецов, Ю. В. Якишин // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 1(71). – С. 93-105. – DOI 10.37930/1990-9780-2022-1-71-93-105.
5. Минерально-сырьевые ресурсы / Тюменский филиал ФБУ «ТФГИ по Уральскому федеральному округу». URL: <http://tmntfgi72.ru/mineral> (дата обращения: 30.09.2023).
6. СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ДО 2030 ГОДА / Минэкономразвития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/0a2c9c149c60543d0bf0358f93f271d9/111218to.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

7. Трещевский, Ю. И. Влияние санкций на конфигурацию внешнеэкономической деятельности регионов России / Ю. И. Трещевский, Е. А. Опойкова // Регион: системы, экономика, управление. – 2022. – № 2(57). – С. 27-37. – DOI 10.22394/1997-4469-2022-57-2-27-37.
8. Тулинова, Д. В. Кластерный подход к формированию стратегии региона / Д. В. Тулинова, Ю. Н. Лапыгин // Естественно-гуманитарные исследования. – 2020. – № 27(1). – С. 197-201. – DOI 10.24411/2309-4788-2020-00034.
9. Чернышев, К. А. Трансформация территориальной организации местного самоуправления в регионах России / К. А. Чернышев // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2018. – № 2. – С. 37-47. – DOI 10.7868/S2587556618020048.
10. ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать / РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения: 30.09.2023).
11. Petrov, Yu. V. Prospects for the implementation of the state information system for waste management (using the Tyumen region as an example) / Yu. V. Petrov, G. A. Proskurin // Известия Уральского государственного горного университета. – 2020. – No. 2(58). – P. 175-187. – DOI 10.21440/2307-2091-2020-2-172-183.

ECOLOGICAL-GEOGRAPHICAL PRIORITIES FOR THE TRANSFORMATION OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT TYUMEN REGION (WITHOUT AUTONOMOUS DISTRICTS)

A.S. Zatolokin, Yu.V. Petrov

Tyumen State University

Tyumen, Russia, e-mail: zatolokin2000@bk.ru

The paper analyzes the ecological and geographical aspects of the implementation of the ESG agenda in the region using the example of the Tyumen Region (without autonomous districts). The main directions of the transformation process, its industry characteristics are highlighted. The proposals for the development and correction of existing processes and achieved results are formulated.

Keywords: investment attractiveness, ESG, sustainable development, hydrocarbons, Tyumen region

АСИММЕТРИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.В. Иванова

*Омский государственный педагогический университет
г. Омск, Россия, e-mail: natahlie@mail.ru*

В статье дана оценка демографической ситуации в Омской области. Выявлены проблемные муниципальные районы. Установлена территориальная дифференциация демографических проблем в контексте центр-периферийной концепции.

Ключевые слова: демографическая ситуация; индекс жизненности; миграции; старение; убыль населения.

Постановка проблемы. Вопросы исследования демографических процессов в регионах России актуальны на протяжении длительного времени, что обусловлено их динамизмом и значением в социально-экономическом развитии регионов.

Методы и источники данных. Изучение демографической ситуации в Омской области основано на пространственном анализе статистической информации Федеральной службы государственной статистики РФ с привлечением методов – картографического, сравнительно-географического, графоаналитического, статистических и др.

Результаты. Численность населения Омской области на 1.01.2023 г. составила 1832,1 тыс. чел. [9], а это значительно ниже уровня 2022 г. (табл. 1). Население росло поступательно до 1993 г., а затем стало сокращаться. Так, за период 2002-2023 гг. Омское Прииртышье потеряло 309,8 тыс. чел., что сопоставимо с исчезновением крупного города.

Демографическая ситуация – «комплексная демографическая характеристика и качественная оценка демографических процессов, протекающих на определенной территории» [8, с. 180]. Характер демографической ситуации – своеобразный индикатор благополучия населения. Динамика численности населения региона определяется его естественным и механическим движением. Уровень рождаемости в Омской области превышал уровень смертности населения до 2011 г. (рис. 2). Причем рождаемость была выше, чем в среднем в стране. Естественная убыль населения в регионе установилась только с 2016 г. как следствие социально-экономических процессов в конце XX в., на которые население Омской области «откликнулось» сокращением рождаемости и увеличением смертности.

Численность населения Омской области (по данным переписей населения)

Год переписи	тыс. чел.
1959	1639,3
1970	1820,9
1979	1956,8
1989	2141,9
2002	2079,2
2010	1977,7
2021	1903,7
2022	1879,5
2023	1832,1

Составлено автором по данным: [1,2,7,9].

Более всего сократилось население Колосовского, Называевского, Усть-Ишимского, Крутинского и Нижнеомского районов. Незначительно увеличилось население Азовского немецкого национального, а также Омского районов (7, с. 22-23), находящимся в зоне тяготения города-миллионника – центра области.

Начиная с 1992 г. Россия вошла в режим демографического кризиса. Резкое сокращение рождаемости и рост смертности обусловлены обострением социально-экономических проблем, снижением уровня жизни населения, нарушением его возрастно-половой структуры (старением) [3].

Современная демографическая ситуация на территории Омской области отличается неоднородностью. Так, максимальные значения коэффициента рождаемости (около 12‰) отмечены в Москаленском, Щербакульском и Исилькульском районах; минимальные (менее 10‰) – в Усть-Ишимском, Одесском и Седельниковском районах [7].

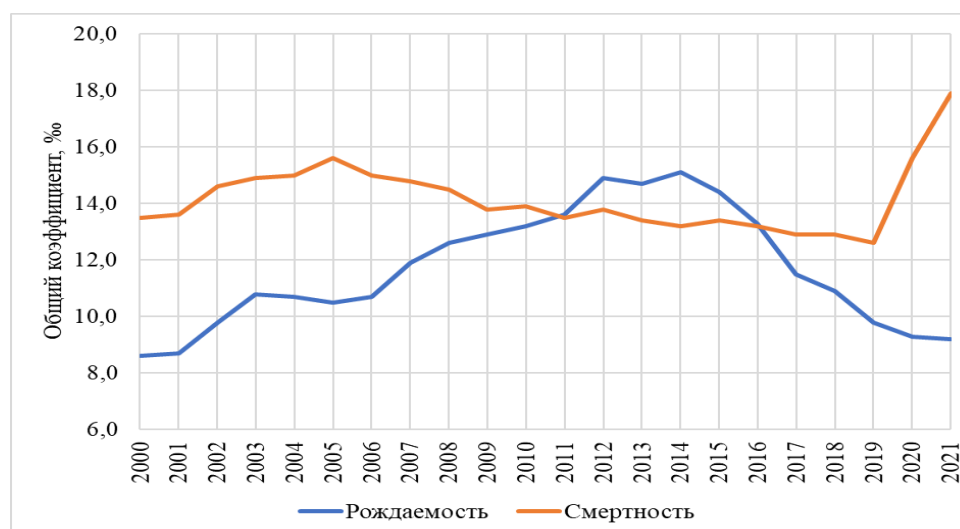
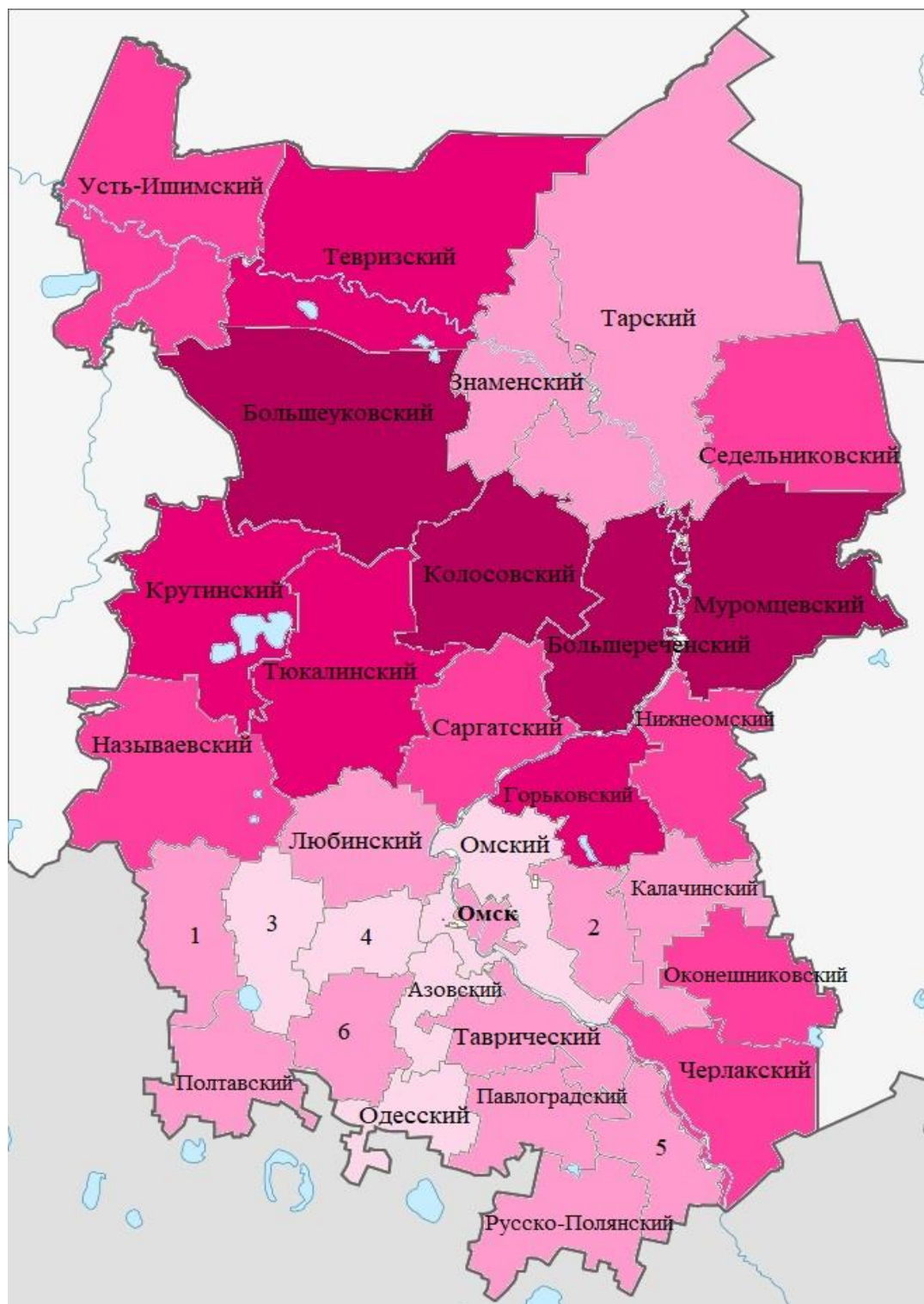

Рис. 2. Динамика естественного движения населения Омской области (‰), 2000-2021 гг.

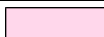

Условные знаки:		Цифрами обозначены районы:	
Естественная убыль населения, %		1 – Исилькульский;	
	-4,8 – -7,3;	2 – Кормиловский;	
	-7,4 – -9,9;	3 – Москаленский;	
	-10 – -12,5;	4 – Марьяновский;	
	-12,6 – -15,1	5 – Нововаршавский;	
	-15,2 – -17,7.	6 – Щербакульский.	

Рис. 3. Естественная убыль населения по районам Омской области (%), 2022 г.

Самый высокий уровень смертности отмечается в Муромцевском районе (26,5‰), что в почти два раза выше минимального значения, зарегистрированного в Азовском немецком национальном районе (13,4‰) [7]. Значительно увеличилась смертность населения с 2019 г. в десяти районах области, в том числе, в Павлоградском, Таврическом, Любинском и Калачинском.

Таким образом, в последние годы на большей части территории Омского Прииртышья сохраняется естественная убыль населения (рис. 3), и лишь только в одном 2020 г. в Азовском немецком национальном (1,2‰) и Москаленском (0,8‰) районах был отмечен незначительный прирост жителей.

Для характеристики процесса воспроизводства населения применяется индекс жизненности, рассчитываемый как отношение числа родившихся к числу умерших. Если значение индекса меньше единицы, то это свидетельствует о том, что население региона постепенно вымирает; при значении индекса выше единицы – численность населения растёт.

Рис. 4. Соотношение динамики численности (скорости роста/убыли) населения и индекса жизненности населения по муниципальным районам Омской области, 2021 г. Рассчитано по: [7].

Существует функциональная корреляционная связь между динамикой численности и индексом жизненности населения (рис. 4). Индекс жизненности населения Омской области ещё в 2015 г. составлял 1,02; а в 2021 г. он понизился до критического уровня – 0,6 (рис. 4).

Демографическую ситуацию в регионе значительно осложняют миграционные процессы. В период с 2000 по 2021 гг. область ощутимо теряет своих жителей. Особенно высокий миграционный отток населения зафиксирован в 2003 и в 2018-2019 гг. Только в 2014 г. миграционное сальдо было положительным (рис. 5). Главные мотивы перемены места жительства – социально-экономические. В ранее проведенном исследовании отмечалось, что Омская область относится к группе регионов Сибири с низким уровнем жизни [4, с. 86]. В настоящее время Омское Прииртышье испытывает отток квалифицированных кадров и выпускников вузов. Начиная с 2005 г. наметился тренд выбывающих в другие регионы России (85,2%). Доля выезжающих (от числа внешних мигрантов) в Казахстан, Германию, Армению, Киргизию, Азербайджан и другие страны составила в 2022 г. 14,8%

Рис. 5. Динамика миграционного прироста/убыли населения (на 10000 человек), 2010-2021 гг.

Частично замещают ушедших люди из ближнего зарубежья. Страны выхода мигрантов: Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия и Украина. Казахстанцы из сопредельных территорий участвуют в маятниковых миграциях – приезжают на работу, учебу в высших учебных заведениях г. Омска [5].

В последние годы миграционная убыль населения несколько снизилась, но остается внушительной: в 2021 г. из области выехало 50043 чел., а прибыло 42402 чел. Миграционная убыль составила 7641 чел. (табл. 2). В возрастном составе как выбывших, так и прибывших (65%) – люди в трудоспособном возрасте [2, с. 79].

Возрастная структура мигрантов в Омской области в 2021 году (человек)

Возрастные категории мигрантов	Прибывшие	Выбывшие	Миграционное сальдо
Всего	42402	50043	-7641
в том числе в возрасте:			
моложе трудоспособного	8233	9789	-1556
трудоспособном	28482	33497	-5015
старше трудоспособного	5687	6757	-1070

Составлено по: [2, с. 79].

Интенсивные миграционные потоки внутри Омской области сложились в направлениях: север (периферия) – юг (центр); село (периферия) – город (центр). Люди переезжают из сел и малых городов в Омск и его окрестности для получения образования или в поисках работы.

Важнейшей тенденцией демографической ситуации в Омской области стала деформация возрастной структуры населения – старение – в связи с оттоком трудоспособного населения в г. Омск и за пределы региона. Доля жителей региона нетрудоспособного возраста достигла в 2022 году 24% [2, 3]. Критический уровень старения населения, с удельным весом старше трудоспособного возраста в населении (от 29 до 31,5%), отмечается в Большереченском (30,4%), Колосовском (30,3%), Муромцевском (31,5%), Крутинском (29,6%) и Нижнеомском (29,3%) районах.

Выводы. Анализ демографической ситуации в Омской области показал: естественная и миграционная убыль населения характерны в большей мере для обширных периферийных территорий, удаленных от областного центра. Критическая картина сложилась в северных районах, устойчиво теряющих жителей в результате миграционного оттока, старения населения, естественной убыли, ухудшения, как следствие, качества человеческого капитала. Проблемное состояние обусловлено деструктивными процессами в экономической и социальной сферах, что требует проведения грамотной региональной политики, направленной на сохранение человеческого капитала.

Библиографический список

1. Всесоюзная перепись населения 1970 года. URL: http://bsk.nios.ru/content/vsesoyuznaya-perepis-nasele-niya-1970-goda?ysclid=ld3g61zi5i_624524308 (дата обращения: 15.10.2023).
2. Демографический ежегодник Омской области: Стат. сборник/ Омскстат. – Омск, 2022.
3. Иванова Н.В., Комарова О.А. Демографическая ситуация в России: старение населения. // В сб.: Познание и деятельность: от прошлого к настоящему. Мат-лы III Всероссийской научн. Конфер-и. Омск, 2021. С. 230-233.
4. Иванова Н.В., Комарова О.А. Пространственный анализ уровня жизни населения Сибири. // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2022. Т. 32. № 1. С. 83-91. DOI: 10.35634/2412-9518-2022-32-1-83-91.

5. Иванова Н.В., Писаренко С.В. Приграничное положение как лимитирующий фактор социально-экономического развития Омской области. // В сб.: Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России. Мат-лы XXXII сессии экономико-географической секции МАРС. 2016. С. 84-96.

6. История проведения переписей населения на территории Омской области. pdf. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/FOW2I6wj/omsstat-185_perepisi_naseleniya.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

7. Муниципальные районы Омской области: Стат. сб. в 2 ч. Ч.1. / Омкстат. – Омск, 2021.

8. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994.

9. Оперативные показатели. [Численность населения \(на начало 2023 г.\)](https://55.rosstat.gov.ru/) . URL: <https://55.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.10.2023).

ASYMMETRY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REGION

N.V. Ivanova

*Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia, e-mail: natahlie@mail.ru*

The article evaluates the demographic situation in the Omsk region. As a result of the study, problematic municipal areas were identified. The connection of demographic problems in the context of the center-peripheral concept is established.

Keywords: demographic situation, vitality index, fertility, mortality, migration, population aging.

ДЕЛИМИТАЦИЯ БОЛЬШИХ ЦЕНТРОВ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ-МИЛЛИОНЕРОВ: ЗНАЧЕНИЕ, ПОДХОДЫ, ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НА ПРИМЕРЕ ПЕРМИ

В. А. Карабатов, С. А. Меркушев

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия, e-mail: karabatov2013@mail.ru*

В статье рассмотрена методика делимитации больших центров городов-миллионеров, разработанная с использованием ГИС-технологий. Дана формализованная оценка оптимальности границ центральной зоны Перми, ранее проведенных с опорой на экспертный подход. Предложены варианты корректировки названных границ.
Ключевые слова: большой центр; делимитация; ГИС-технологии, Пермь.

Постановка проблемы. Территориальная общественная система города-миллионера является сложным образованием, состоящим из подсистем разных иерархических уровней. Каждая из них в определенной степени уникальна. На первый взгляд может сложиться впечатление, что поиск обобщающих черт в микрогеографии городов невозможен. Но, по нашему мнению, он необходим не только в познавательных целях, но и для раскрытия общих закономерностей формирования пространственной структуры городов, обеспечения продвижения к их оптимальной пространственной организации. Первостепенное значение имеет правильный выбор концепций развития городских систем, позволяющих на современном этапе достичь эффективного управления процессами дифференциации, концентрации и интенсификации.

Анализ и изучение планировочной структуры городов, их функциональных зон, позволяет выявить особенности пространственного развития города и факторы, влияющие на формирование городской среды.

Функциональное зонирование городских территорий, являясь неотъемлемой частью основных градостроительных документов, даёт возможность обеспечить комплексное развитие городов, оптимальное соответствие тех или иных видов деятельности месту и времени. При выделении различных городских частей важно опираться на хорошо проработанные методики их делимитации, которые в будущем позволят избежать острых конфликтов между различными функциями, проблемных траекторий городского развития.

В городских агломерациях имеется несколько принципиально различающихся зон как типичных и функционально закономерных образований. Опираясь на подходы Е.Н. Перцика [2] можно выделить:

- 1) историческое ядро;

- 2) зону, примыкающая к историческому ядру;
- 3) внешнюю зону;
- 4) пригородную зону;
- 5) внешнюю зону столичного региона.

В данной статье мы ограничиваемся рассмотрением проблемы проведения границ городских больших центров, делая акцент на возможности применения ГИС-технологий в данном процессе.

Понятие «большой центр» в данном случае является синонимом понятия «центральная зона», в которую входит историческое ядро и зона, непосредственно примыкающая к нему. Е.Н. Перцик на примере столичных городов называет ключевые признаки данных городских частей, дает описание их границ [2]. Однако, несмотря на убедительность доводов автора по делимитации исторических ядер и центральных зон Москвы, Ленинграда и ряда зарубежных городов, чётких критериев проведения границ именно по конкретным улицам не приводится.

Методы и источники данных. Проблема выделения внешней зоны городов-миллионеров применительно к нашим исследованиям достаточно остро заявила о себе несколько лет назад при проведении одним из авторов статьи сравнительной оценки привлекательности внешних зон российских городов-миллионеров и обеспеченности железнодорожным сообщением общегородских аттракторов, локализованных во внешних зонах [3].

Тогда границы между большими центрами и внешней зоной в этих городах были проведены экспертным путём с опорой на несколько признаков. В первую очередь обращалось внимание на внутригородские объездные автомагистрали и железные дороги, барьерная (разделительная) функция которых хорошо выражена. Также учитывались признаки, хорошо идентифицируемые по аэрофотоснимкам и картам, например, хорошо видно, где заканчивается селитебная зона и начинается промышленная. В других случаях использовался такой маркер границ, как «всплеск» всех функций, свойственных центральной зоне, в приграничных кварталах. Выделялись ключевые функции большого центра и анализировалось, в какой степени они представлены в кварталах, которые претендуют на статус «пограничных». В этом случае в качестве границы принималась осевая улица такого квартала, реже – граница квартала со стороны внешней зоны.

Для подтверждения или опровержения предложенной ранее экспертной трассировки границ В.А. Карабатовым в рамках магистерского диссертационного исследования была разработана методика проведения границ больших центров, опирающаяся на геоинформационные технологии.

На первом этапе ранее выделенные экспертным путём границы больших центров с помощью программного обеспечения ArcGIS были разделены на сегменты следующих типов: разделительные, контактные, ограничительные, проблемные. Типы выделялись с опорой на подходы Е.Г. Анимицы и М.Д. Шарыгина к классификации границ по функциям [1].

При дальнейшем анализе оказалось, что в наибольшей степени в формализованном подтверждении нуждается трассировка границ в пределах сегментов второго и четвертого типов. Поэтому по обе стороны от таких границ по линиям внутривортовых проездов первого и второго порядка были околочены кварталы, в пределах которых оценивалась представленность объектов социальной инфраструктуры (маркеров центральных функций городов), данные о которых были получены с помощью сервиса OpenStreetMap (OSM) [4].

После этого полученные базовые слои были преобразованы для дальнейшего использования. По каждому городу данные были обработаны и отобраны следующим образом: необходимая базовая часть полученных с OSM shp-файлов была вырезана по экстенду, охватывающему территорию исследуемого города. Инструмент «Вырезание» позволяет извлекать входные объекты, которые совпадают с вырезающими объектами, по границам городов, были извлечены необходимые данные – это объекты социальной инфраструктуры.

Далее все shp-файлы были приведены в единую систему координат проекции. Следующим шагом при выполнении работы стал расчёт количества объектов социальной инфраструктуры в каждом из исследуемых кварталов. В итоге в каждом квартале рассчитывалась площадь (в га) и плотностью объектов социальной инфраструктуры (в ед./га).

Результаты. Расчеты в соответствии с описанной выше методикой были проведены по семи городам Урала и Сибири: Екатеринбургу, Челябинску, Уфе, Перми, Новосибирску, Омску и Красноярску.

Среди исследуемых городов наибольший интерес во время исследования вызвали города, где в пределах отдельных сегментов не подтвердилась экспертная трассировка границ, а именно – Пермь, Красноярск и Уфа. На рис. 1 показана сегментация границ большого центра г. Перми по ранее установленным видам.

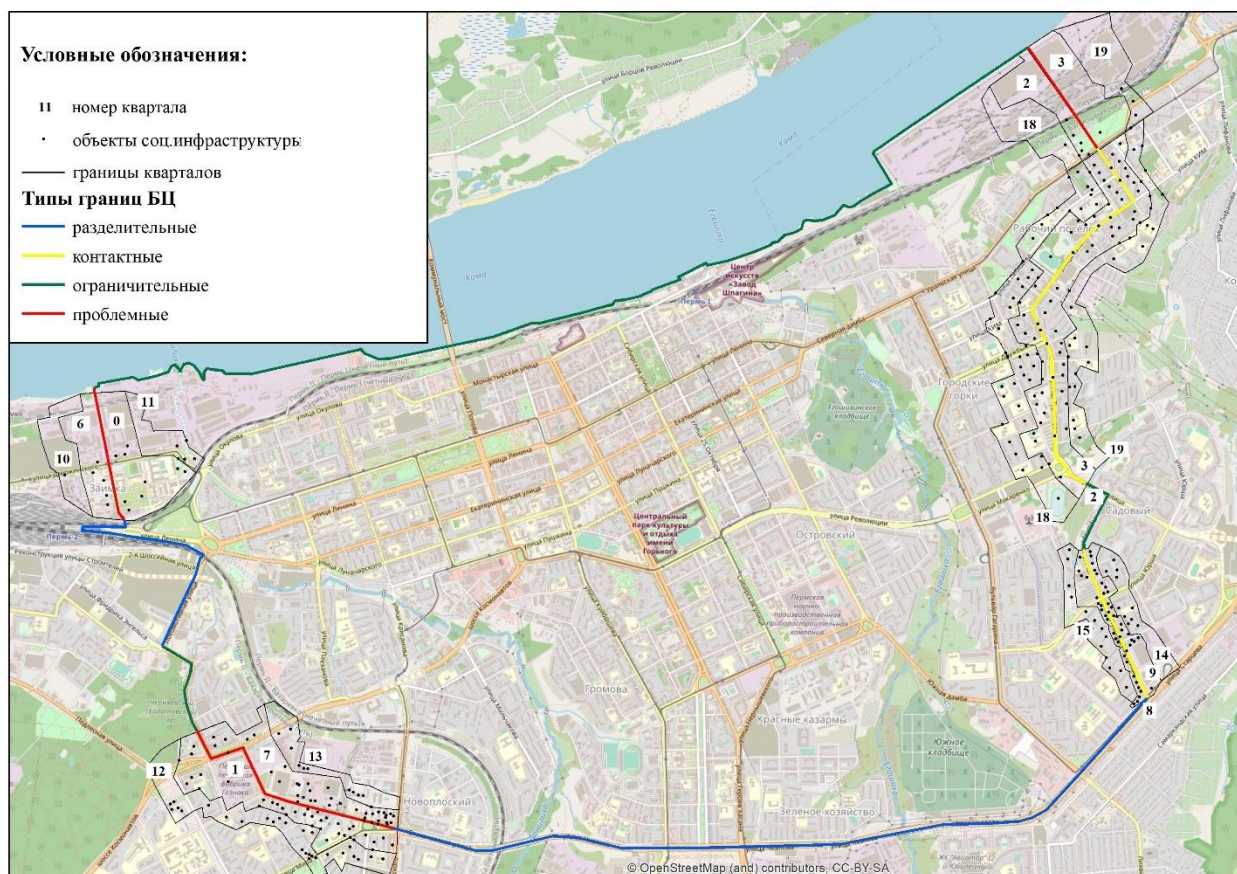

Рис. 1. Сегментация границ большого центра Перми (выполнен авторами)

Как мы видим из табл., по большинству рассматриваемых сегментов границы большого центра Перми наблюдается «всплеск» функций, что проявляется в большем количестве объектов социальной инфраструктуры во внутренних кварталах (т.е. в пределах центральной зоны) и, как следствие, в большей плотности этих объектов. Исключение составляют внешние кварталы второго порядка под номерами 12 и 19. В первом случае плотность объектов социальной инфраструктуры в квартале № 12 (внешнем) оказалась 0,99 ед./га, в то время как в расположенном напротив квартале № 13 (внутреннем) только 0,65 ед./га. Во втором случае плотность объектов внешнего квартала № 19 (0,16 ед./га) также превысила плотность внутреннего квартала (0,06 ед./га). Оба случая наблюдаются в сегменте границ проблемного типа.

Превышение плотности объектов социальной инфраструктуры во внешнем квартале № 12 можно объяснить тем, что здесь более плотная застройка – это типичный спальный квартал с большим количеством жилых домов и объектов социальной инфраструктуры.

На территории квартала № 13 находятся офисные помещения технопарка Morion Digital, где плотность объектов социальной инфраструктуры значительно ниже.

**Распределение объектов социальной инфраструктуры в кварталах
вдоль границ большого центра Перми**

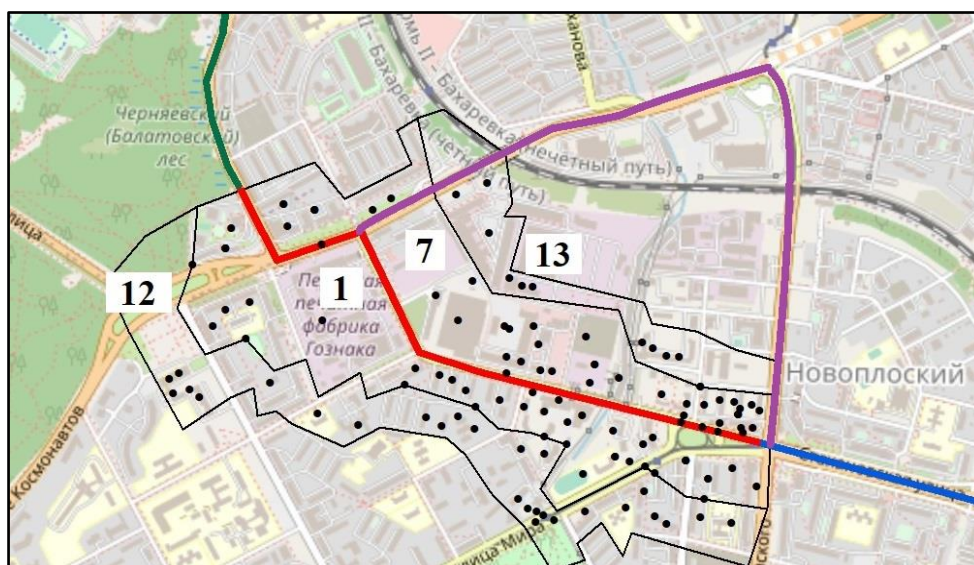
Тип границы*	П		П		К		К		П	
Внутренние кварталы										
Номер квартала	0	11	7	13	8	15	4	17	2	18
Объекты социальной инфраструктуры, ед.	9	4	47	9	25	23	53	34	5	4
Плотность объектов, ед./га	0,31	0,40	1,56	0,65	2,88	1,58	1,39	0,69	0,32	0,16
Внешние кварталы										
Номер квартала	6	10	1	12	9	14	5	16	3	19
Объекты социальной инфраструктуры, ед.	5	1	45	30	25	18	41	19	1	2
Плотность объектов, ед./га	0,29	0,07	1,27	0,99	2,33	1,37	1,07	0,58	0,04	0,06

* Тип границы: К – контактный тип, П – проблемный тип.

Составлено авторами на основе расчётов, проведённых в программном обеспечении ArcGIS.

В наибольшей детализации в Перми нуждается проблемный сегмент границы большого центра в районе улицы Стахановская. Предложения по корректировке границ большого центра на данном участке представлены на рис. 2.

В данном случае предлагается перенести границу большого центра с ул. Стахановская на ул. Карпинского, Столбовая и Шоссе Космонавтов.

**Рис. 2. Предложение по корректировке границ большого центра Перми
выделено фиолетовым цветом (выполнен авторами)**

Новая граница «отрежет» от большого центра города часть Индустриального района, а именно, промышленные территории технопарка Morion Digital, малоосвоенные территории Пермского лакокрасочного завода, выставленный

сегодня на продажу ТЦ «Карусель», техноцентр «Бирюса», здание бывшего гипермаркета «Виват» – территории ограниченной пешеходной доступности. Проведение границы центральной зоны Перми в этом месте таким образом в настоящем положении дел актуально, так как на Шоссе Космонавтов строится многоуровневая развязка и путепровод между улицами Крисанова и Столбовая. Новая дорога отделит от большого центра достаточно значительную по площади часть, превратит её в своеобразный остров, со всех сторон окружённый скоростными транспортными коммуникациями (автодорогами и Транссибом), что, судя по мировому градостроительному опыту, является предпосылкой снижения качества среды этой территории и её маргинализации.

Выводы. В процессе проведения исследования мы убедились, что данная тема проработана довольно слабо: нет единой системы, которая была бы универсальной и подходила для каждого города.

Авторская методика использует открытые данные OSM, которые содержат пространственную информацию об объектах социальной инфраструктуры, а также геоинформационные методы анализа территорий, включая пространственный анализ, оверлейные операции над слоями и картографирование. Эта методика позволяет более точно определить границы большого центра города, учитывая его функциональные особенности и социальную инфраструктуру. Такой подход способствует более эффективному планированию и развитию городов, предотвращая возникновение проблемных зон.

Библиографический список

1. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Феномен территориальной границы // Географический вестник. 2007. №1–2. С. 5–10.
2. География городов (геоурбанистика) / Е.Н. Перцик. М.: Высш. шк., 1991. 319 с.
3. Меркушев С.А. Пассажирское железнодорожное сообщение и аттрактивность внешних зон российских городов-миллионеров // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о земле. 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 97–110.
4. Сервис OpenStreetMap. URL: <https://www.openstreetmap.org> (дата обращения: 11.04.2023).

DELIMITATION OF LARGE RUSSIAN CENTERS MILLIONAIRE CITIES: MEANING, APPROACHES, THE FIRST RESULTS ON THE EXAMPLE OF PERM

V. A. Karabatov, S. A. Merkushev
Perm State University
Perm, Russia, e-mail: karabatov2013@mail.ru

The article considers the method of delimitation of large centers of millionaire cities, developed using GIS technologies. A formalized assessment of the optimality of the boundaries of the central zone of Perm, previously carried out based on an expert approach, is given. The variants of correction of the named boundaries are proposed.
Keywords: big center; delimitation; GIS technologies, Perm.

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ РАЙОНОВ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

А.В. Левченков

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия, e-mail: levchenkov5@gmail.com*

Актуальные структурные трансформационные процессы в экономике вносят существенные изменения в структуру расселения, обуславливая и во многих случаях усиливая пространственную дифференциацию региона. Сельские территории периферийной зоны считаются, как правило, депрессивными, характеризуются депопуляцией, отсталой инфраструктурой, низким уровнем доходов и повышенной безработицей. Однако и сельские территории агломерационной зоны, имея более выгодные условия, характеризуются различными социально-экономическими проблемами. В данной статье на основании результатов полевых исследований, социологических опросов рассматриваются особенности социально-экономического положения сельских поселений в пространственном каркасе расселения Калининградской области. Сделана попытка оценки потенциала и рассмотрены примеры адаптации сельских жителей к изменившимся социально-экономическим условиям.

Ключевые слова: периферия; сельская местность; Калининградская область

Постановка проблемы. Как один из элементов пространственной структуры, сельская местность не является чем-то гомогенным. В отношении неё часто применяют такие термины как периферия, отсталые территории, как негативный тренд регионального социально-экономического развития. Не секрет, что периферизация неблагоприятно сказывается на условиях жизни, организации и наличии общественных услуг и благ [10]. Данная схизма закреплена структурной слабостью экономики, отсутствием возможностей улучшения имеющейся технической и социальной инфраструктуры, что происходит на фоне все увеличивающегося разрыва в желаниях и возможностях сельских жителей жить также комфортно как в городе. В сельской местности происходят процессы поляризации расселения; ведутся разговоры о необходимости сближения сельского и городского уровня жизни, о повышении роли малых городов, диверсификации доходов и др. [2, 3, 12]. Исследователи отмечают, что сельские территории должны и могут получать новые импульсы для развития, менять предписанные им места в территориальном устройстве [7, 11]. Статистические данные не раскрывают всю картину произошедших трансформаций, актуальное положение и, самое главное, восприятие сельскими жителями как происходящих изменений, так и готовности ответить на эти вызовы.

В данной статье делается попытка дать срез актуального самочувствия сельских поселений, как в целом, так и в различных пространственных «ячейках» относительно их местоположения в пространственной организации, социально-

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-55-76003 «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах».

© А.В. Левченков, 2023

экономического и геодемографического потенциала, а также рассмотреть практики выживания и примеры адаптации сельских жителей.

Методы и подходы исследования источники информации. Практическую основу исследования составили результаты полевых исследований, данные выборочного анкетирования жителей. В методическом плане особое внимание уделяется проблематике социальных инноваций, применения новых пространственных концепций для оценки и перспектив развития периферийных сельских территорий на примере Калининградской области.

Результаты. Для проведения полевых исследований были выбраны поселения как различного положения в структуре расселения Калининградской области, так и по функционалу хозяйственной деятельности: пригородная зона областного центра (Кострово) и ближняя полупериферия (Сосновка, Залесье, Новая Деревня, Междуречье)¹.

Для исследования был выбран летне-осенний период, что позволило оценить особенности сельской жизни в различные циклы ведения домашнего хозяйства, лучше понять повседневную жизнь посёлков: маятниковые миграции, работу торговых точек на мини-рынках и ассортимент их товаров, использование детских и спортивных площадок и т.п. Важным элементом выступила возможность участия в общественных мероприятиях в качестве «члена» социума. Одновременно был зафиксирован и оценен такой малозаметный стороннему случайному наблюдателю фактор, как степень маргинализации сельского общества. Показателем консервативности, закрытости сельского социума явился факт отказов жителей от беседы (15% от всех респондентов). Внешне посёлки выглядят относительно благополучно. Заметна доля переселенцев с других регионов России, при этом часто факторами выбора именно этого посёлка указывалась близость к Калининграду, наличие работы, хорошая обеспеченность объектами социальной инфраструктуры (школа, детсад, ДК, почта и т.п.), природа (лес, реки). Цены на недвижимость выше, чем в среднем по муниципалитетам. В целом было отмечено, что приезжие не оказывают значимого влияния ни на местное сообщество, ни на населенный пункт в целом. Отношение старожилов к переселенцам скорее положительное, чем негативное.

Для исследования потенциала были выбраны следующие сферы: социальная и коммунальная инфраструктура, социальные связи, актуальные практики выживания. Важным элементом жизни в сельской местности является состояние

¹ Пос. Кострово Зеленоградского ГО (916 жит.) расположен в 30 км к западу от Калининграда; посёлки Сосновка (793 жит.), Новая Деревня (493 жит.), Залесье (1 078 жит.) Полесского МО и пос. Междуречье МО «Черняховский городской округ» (471 жит.) расположены за пределами 60-ти минутной транспортной доступности, то есть нас. пункт находится за пределами агломерации [8].

социальной и коммунальной инфраструктуры. Так, например, наличие или отсутствие природного газа является основным критерием комфортности проживания в том или ином населенном пункте, что часто является решающим фактором при переезде, наряду с наличием школы, детского сада. Качество водопроводной воды – ещё одна проблемная точка любого сельского поселения. При «оптимизации» системы муниципального управления (отмечается чувство потери внимания и близости власти к народу), часть коммунальных служб была переведена в центры муниципалитетов, что привело, согласно мнению населения, к ухудшению общей ситуации в сфере ЖКХ. Данные негативные инфраструктурные факторы вместе с отсутствием или слабым интернет-покрытием также отрицательно влияют на инвестиционную привлекательность территории. К позитивным изменениям можно отнести муниципальные и региональные программы благоустройства (строительство детских площадок, ремонт и асфальтирование дорог, обустройство тротуаров). Среди улучшений работы коммунальной службы отмечалось решение проблемы вывоза мусора [6].

К другим проблемным сферам респонденты относят дополнительное образование детей и здравоохранение. Большинство жителей недовольны уровнем медицинского обслуживания, даже несмотря на наличие фельдшерско-акушерских пунктов в поселках. Невозможность приобретения медикаментов, отсутствие врача-педиатра или медсестры, стоматологическая помощь – наиболее часто упоминаемые в интервью темы, когда большинство родители вынуждены приписываться к медицинским учреждениям других муниципалитетов.

Важной составляющей с точки зрения позиционирования населенных пунктов является **транспортная доступность** поселков. Как отмечают авторы недавнего исследования, оптимальным временным интервалом транспортной доступности центров муниципального уровня целесообразным считается 30-ти минутная доступность по дорогам общего пользования [4]. Центрами 1-го порядка обслуживания выступают Полесск, Большаково (в радиусе 15-20 км) как центр 2-го порядка (ок. 40 км) Гурьевск (юридические услуги), Советск (43 000 жит.) – функции культурные, оздоровительные, транзитные (погранпереход в Литву). А также, несмотря на удаленность, Калининград, в особенности для семей с детьми и молодежи. Интересен факт, что схожий по набору услуг и инфраструктуре город Черняховск, расположенный также на сопоставимом расстоянии с г. Советск (38 км), не рассматривается жителями как альтернативный центр именно из-за особенностей транспортного сообщения: второстепенная дорога, проходящая практически по безлюдной местности. Одновременно местоположение на удобной, с большим трафиком автодороге является приобретенной выгодой для реализации разнообразной сезонной продукции: ягоды, фрукты, овощи, грибы, цветы и т.п. Расположение на основных трассах, вблизи городов в настоящее

время приобрело решающее значение для сельских жителей как фактор занятости и доступности работы.

Не секрет, что из-за актуального тренда на рынке рабочей силы, сельские жители вынуждены искать точки приложения своего труда за пределами места проживания, всё это заставляет их приспосабливаться к новым условиям¹. Сельский труд перестал быть основным, привлекательным и престижным для населения, даже при наличии рабочих мест. Местное население ищет работу за пределами посёлков, несмотря на то что часто сами поселки дают работу для своего окружения [9]. Преобладает работа вахтовым методом на строительных объектах в крупных городах, водителями-дальнобойщиками, на карьерах ГПС, предприятиях деревообработки, пищевых и т.п. Из-за мало оптимизированного транспортного сообщения (неудобное расписание, отсутствие обратной связи с перевозчиками или муниципальной властью) сельские жители зависят от личного автотранспорта.

Одним из возможных выходов из этой ситуации (или дифференциации деятельности) могло бы стать дальнейшее развитие специфических отраслей сельского хозяйства – выращивание грибов, ягод, цветов и т.д. Однако, люди не готовы самостоятельно заниматься этой деятельностью по самым различным причинам: потеря или отсутствие опыта работы в сельском хозяйстве, нежелание рисковать и боязнь «прогореть», отсутствие первоначальных средств для открытия бизнеса и даже недостаток свободных земель.

Еще одной темой проекта выступали элементы социализации, развития и восстановления практически полностью утерянных социальных связей между жителями, в частности в виде взаимопомощи в новых сферах деятельности. Отмечается, что в сельском социуме нет такой активной коммуникации, как двадцать или тридцать лет назад. В целом социальные связи между жителями остаются, но ослабевают и трансформируются в условиях цифровизации и перехода центра общения из офлайна в онлайн, социальные сети. Что приводит и к изменениям в образе жизни сельчан. Инициативные группы в поселках малочисленны, состоят, как правило, из людей творческих профессий – сельской интеллигенции, депутатов по должности. По мнению большинства, люди больше устают и предпочитают после рабочего дня и в выходные заниматься своими делами. Поселковые проблемы каждый решает, как правило, самостоятельно. Инициативы отдельных жителей по сплочению граждан для решения общих проблем зачастую затухают, не получив отклика от односельчан. Реакция на сообще-

¹ В пос. Кострово работало успешное звероводческое хозяйство, в пос. Сосновка – леспромхоз, в Новой деревне, Залесье, Междуречье – крупные колхозы.

ния в интернет-сообществах как правило отсутствует, либо единична [1]. Общественные мероприятия в настоящее время в сельских населенных пунктах очень редки. Основные события связаны с работой Дома культуры (если он есть), проведением таких мероприятий, как День поселка, День пожилого человека, приуроченные к определенным датам праздникам. Решение видится в усилении роли социально ориентированного предпринимательства, применении механизма территориального самоуправления (ТОС). В целом социальное самочувствие сельских жителей можно описать как удовлетворительное, респонденты склонны описывать ситуацию сквозь призму улучшений, происходящих в поселках за последние несколько лет. Жители не отмечают кардинальных перемен в социально-экономическом положении ни в худшую, ни в лучшую сторону за последние годы, описывая ситуацию как стабильную.

Выводы. Поляризация расселения как процесс продолжается, при чем не только из различных зон, но и внутри их. Местоположение вблизи регионального центра, внутри агломерационного объединения не гарантирует, однако, автоматического процветания и развития. Периферийные районы должны получить новые импульсы для развития, выйти из порочного круга деструктивных процессов депопуляции, стагнации рынка труда, побороть остроту проблем коммунальной и социальной инфраструктур, когда одной из главных проблем сельских территорий продолжает оставаться отставание села от города в уровне и качестве бытовой инфраструктуры. Надо научиться «выживать» в новых, хоть и сложных условиях, как раньше уже не будет. Развивать новые формы дохода в виде (агро)туризма, рекреации, использовать природный потенциал территории с упором на экологичность; сельскому социуму самоорганизовываться, максимально применять имеющиеся программы поддержки и развития, развивать социальные инновации [5]. Так как следует ожидать дальнейшего перераспределения населения из сельской местности периферийных муниципалитетов в пределы Калининградской агломерации и предусматривать соответствующие меры.

Библиографический список

1. Аналитическая записка по итогам серии глубинных интервью в поселках Залесье, Сосновка, Новая Деревня Полесского муниципального округа. Исследовательская компания «КМГ». Калининград. 2022. 11 с.
2. Белова А.В. Роль малых и полусредних городов в решении проблем регионального развития // Балтийский регион. 2011. № 1 (7). С. 126–133.
3. Волошенко К.Ю., Федоров Г.М. Перспективные направления институциональных изменений в сельском хозяйстве Калининградской области // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 89–100.
4. Гуменюк И.С., Гуменюк Л.Г. Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области. Балтийский регион. 2021. Т.13. №4. С.147–158.
5. Левченков А.В. Социальные социумы и социальные инновации // Калининградское село в начале XXI века: производство, расселение, социальные инновации: монография под ред. Г. М. Фёдорова. Калининград: Балт. Фед. ун-т, 2022. С.155–183.
6. Левченков А.В., Давыденко А.В. Сельская местность как периферийная зона: приговор или потенциал // Вестник БФУ им. И.Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2021. №4. С. 5–15.
7. Нефедова Т.Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 1–12.

8. Численность населения городских и сельских населённых пунктов Калининградской области: стат. сборник/ Калининградстат. Калининград, 2022. 79 с.
9. Федоров Г.М., Киндер С., Кузнецова Т.Ю. О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения. // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 4. С. 129–146. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-8.
10. Dünkler, F.; Ewert, S.; Geng, B.; Harrendorf, S. Peripherisierung ländlicher Räume // In: Klimke, D.; Oelkers, N.; Schweer, M. (Hrsg.): Sicherheitsmentalitäten im ländlichen Raum. Wiesbaden, 2019. 107–140 pp. DOI:10.1007/978-3-658-15118-8_5
11. Kinder S. / Porada H. T. (Hrsg.). Das Havelland um Rathenow und Premnitz. Eine landeskundliche Bestandsaufnahme. (Landschaften in Deutschland, Bd. 74.) Köln/Weimar/Wien, Böhlau 2017. DOI:10.1515/hzhz-2018-1101
12. Klüter H., Levchenkov A. Rural Areas of Eastern Germany: modern challenges // Baltic Region No.1 (11) 2012. 97–108 pp.

ON THE ISSUE OF DEVELOPING THE POTENTIAL OF RURAL PERIPHERAL AREAS: RESEARCH EXPERIENCE

A.V. Levchenkov

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia, e-mail: levchenkov5@gmail.com*

Current structural transformation processes in the economy make significant changes in the settlement structure, causing and in many cases strengthening the spatial differentiation of the region. Rural areas of the peripheral zone are generally considered to be depressed, characterized by depopulation, backward infrastructure, low incomes and increased unemployment. However, rural areas of the agglomeration zone, having more favorable conditions, are characterized by various socio-economic problems. This article, based on the results of field research and sociological surveys, examines the features of the socio-economic situation of rural settlements in the spatial framework of settlement of the Kaliningrad region. An attempt was made to assess the potential and examples of adaptation of rural residents to changed socio-economic conditions were considered.

Keywords: rural areas, periphery, Kaliningrad region

АНАЛИЗ ПРОИСХОДЯЩИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

С.В. Козин ^а, Т.П. Жидяева ^б

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

^б Алатырский филиал «Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова», Алатырь, Россия, e-mail: mister.svk92@yandex.ru

В настоящей статье авторами работы был произведён анализ свершившихся социально-экономических трансформаций, произошедших в Ростовской области. В процессе работы авторы обращаются к современной отечественной научной литературе таких авторов как: Ж.Т. Тощенко, М.К. Горшков, С.В. Козин, С.Я. Суций, Т.П. Жидяева и др., а также к множеству Всероссийских социологических исследований, проведённых Институтом социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ, Росстата РФ, ФНЦ РАН и т.д. имеющих прямое отношение к данной теме нашего непосредственного исследования. В заключении суммируются выявленные позиции.

Ключевые слова: качество жизни; население; прекариат; работа; регион.

Постановка проблемы. Комплексное изучение Ростовской области всегда притягивало исследователей разных наук (география, демография, история, культурология, социология, философия, экономика и др.), причём не, только с Юга-России, но и других регионов нашей необъятной страны. Мы же постараемся в рамках нам отведённого скромного объёма статьи дать общее освещение последних изменений, которые произошли в Ростовской области.

Методы и источники данных. Методы – анализ, синтез, сравнительный и пр.

Источниками, использованными авторами при написании настоящей статьи явились официальные данные Ростовстата, а также Института социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ, Росстата РФ, ФНЦ РАН и т.д.

Результаты. Наш анализ необходимо, как и положено, начинать с кратких важных исторических аспектов. И так по порядку. Ростовская область была образована 13 сентября 1937 г. Область находится на юге Восточно-Европейской равнины и отчасти в Предкавказье, в бассейне Нижнего Дона [6, с. 4]. Добавим, что административно-территориальное устройство Ростовской области и её границы представлены ниже (см. рис.).

¹ Авторы выражают благодарность, члену-корреспонденту РАН Ж.Т. Тощенко (РГГУ, ФНИСЦ РАН, Москва) за любезно предоставленные данные всероссийского социологического исследования «Прекариат–2022» осуществлённого в мае-июне 2022 г. (n=1200) и реализованного в рамках РНФ, проект № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (2018–2022 гг.).

Рис. Административно-территориальное устройство Ростовской области на 1 января 2023 г.* [6, с. 3]. Примечание: * городских округов 12; муниципальных районов 43; городских поселений 17; сельских поселений 391.

Что же касается численности населения Ростовской области то ситуация последних лет наглядно демонстрирует нам явные трансформационные перемены, которые можно наблюдать на (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения Ростовской области (на 1 января отчётного года) 2021–2023 гг.

Год	Всё население, тыс. чел.	в том числе:	
		городское	сельское
2021	4181,5	2850,8	1330,7
2022*	4192,3	2845,4	1346,9
2023*	4164,5	2820,7	1343,8

Примечание: * С учётом итогов ВПН-2020.
Составлено авторами по данным ист. [6, с. 8].

Идёт планомерное сокращение (убыль) населения. Более того, отток сельских жителей в город из года в год увеличивается (этот факт фиксируют и социологические исследования). Это связано, прежде всего, с поиском работы, условий личной жизни и развитием своего потенциала (самореализации), что в условиях села, как правило, сложно воплотить. Подчеркнём, что демографы и социологи недавно начали бить тревогу касательно воспроизводства населения (численности родившихся), которая заметно упала (табл. 2).

Таблица 2

Показатели естественного движения населения Ростовской области 2020–2022 гг.

Год	Родившихся, чел.	Умерших, чел.	в том числе детей в возрасте до 1 года
2020	36485	64773	200
2021	35847	78592	235
2022	32598	60174	161

Составлено авторами по данным ист. [6, с. 8].

Подчеркнём, что эти самые перемены (изменения) происходили из-за множества как правила негативных факторов, в числе которых можно выделить: последствия пенсионной реформы, увеличения класса «прекариата» [2–3], повышение пропасти между «богатыми» и «бедными», возникновение и развитие COVID-19 которое оказало влияние на все сферы жизни жителей Ростовской области [10]. К этому списку ещё можно добавить усугубление «кадрового голода» в системе: здравоохранения, культуры, науки, образования и т.д.

На этот счёт интересные данные в отношении дефицита кадров отметил академик РАН М.К. Горшков с коллегами, где исходы из результатов данных Института социологии ФНИСЦ РАН, в 2021 г. (руководитель Горшков М.К.). N=4000 молодых специалистов 207 предприятий и образований. Было установлено, что дефицит специалистов с высшим образованием в целом по РФ ощущали 36,8% ключевых производственных организаций [1, с. 118].

Так член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко, например, в своей монографии «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)» прямо пишет о том факте, что наша страна по сопоставлению с развитыми государствами выделяет лишь 4% ВВП. «А так как к 2025 г. планируется повысить эти расходы до 5%», то полагать, что произойдёт существенное «улучшение медицинского обслуживания не придется» [8, с. 260].

Эти изменения так называемой «оптимизации» уже коснулись и Ростовской области так численность врачей всех специальностей в 2010 г. составляла

16,5 тыс.; в 2021 г. – 16,3 тыс. Число больничных организаций в 2010 г. составляла 137 ед.; в 2021 г. – 129 ед. Число фельдшерско-акушерских пунктов в 2010 г. составляла 1039 ед.; в 2021 г. – 495 ед. [6, с. 17–18].

В нашем анализе, конечно же, не следует забывать и экономическую составляющую Ростовской области [4–5; 7; 9], а так же конструктивные предложения (идеи) учёных по её качественному улучшению в условиях нагнетания жёсткой санкционной политики которой подверглась наша страна уже не первый год со стороны стран запада и США.

Выводы. Подводя логические итоги нашей работы, можно резюмировать следующее: Ростовская область по-прежнему остаётся важным субъектом в Российской Федерации не только в плане экономических и сельскохозяйственных аспектов (хотя они занимают по праву ключевые места), но и важным «игроком» (инициатором) в различных управленческих инициативах, стартапах, науке, образовании, волонтерстве, туризме и т.д.

При этом из выше приведённого пусть и краткого анализа нами видно, что область испытывает определённого рода спектр проблем, которые в настоящее время, увы, не может пока решить самостоятельно, а решение или хотя бы их минимизация по требует внесения весомых денежных средств со стороны государства и введения, новых нормативно-правовых актов.

Библиографический список

1. Горшков М.К. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ: [монография] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, И.О. Тюрина; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023.
2. Козин С.В., Жидяева Т.П. [Рец. на кн.] От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022 // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 177–191. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10.
3. Козин С.В., Закиева Р.Р., Жидяева Т.П. Прекариат – новый угнетённый класс XXI века? // Философия хозяйства. 2021. № 3 (134). С. 199–213.
4. Немчина В.И., Соколова Н.О. Социально-экономические условия формирования социальных ресурсов Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6. С. 145–160. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.8.
5. Романова Н.В. Стратегия обеспечения достойного труда в Ростовской области до 2030 года: концептуальный аспект // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 2. С. 163–182. DOI: 10.18334/et.3.2.36099.
6. Ростовская область в цифрах: Крат. стат. сб. / Ростовстат. Ростов-н/Д, 2023. 43 с.
7. Суций С.Я. Юг России: социально-экономическая траектория макрорегиона (2000–2020-е гг.) // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10. № 4. С. 92–102. DOI: 10.15688/re.volsu.2022.4.9.
8. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир, 2020. 352 с.
9. Узунов В.В. Социальная консолидация как фактор инновационного развития регионов Юга России (по результатам экспертного опроса) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 1. С. 174–188. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.1.13.
10. Уровень жизни на Дону: Стат. сб. / Ростовстат. Ростов-н/Д, 2021. 148 с.

ANALYSIS OF ONGOING SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)¹

S.V. Kozin ^a, T.P. Zhidyaeva ^b

*^a Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,*

*^b Alaty Branch «Chuvash State University I.N. Ulyanova»,
Alaty, Russia, e-mail: mister.svk92@yandex.ru*

In this article, the authors of the work analyzed the accomplished socio-economic transformations that occurred on the example of the Rostov region. In the course of the work, the authors turn to the modern Russian scientific academic literature of such authors as: Zh.T. Toshchenko, M.K. Gorshkov, S.V. Kozin, S.Ya. Sushchy, T.P. Zhidyaeva etc., as well as to a variety of All-Russian sociological studies conducted by the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, RSUH, Rosstat of the Russian Federation, FNC RAS, etc. directly related to this topic of our direct research. In conclusion, the identified positions are summarized.

Keywords: quality of life; population; precariat; job; region.

¹ The authors express their gratitude to Corresponding member of the Russian Academy of Sciences Zh.T. Toshchenko (RSUH, FNSC RAS, Moscow) for kindly providing the data of the All-Russian sociological study «Precariat–2022» carried out in May–June 2022 (n=1200) and implemented within the framework of the RNF, project No. 18-18-00024 «Precariat: a new phenomenon in the socio-the economic structure of society» (2018–2022).

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ, РОЛЬ В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ

М.А. Мельников

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, e-mail: swedish123@yandex.ru*

В статье осуществлена оценка правового регулирования промышленного туризма в Российской Федерации, особенностей его организации и роли в развитии регионов.

Ключевые слова: туристская отрасль; промышленный туризм; правовое регулирование; регионы; производственные экскурсии; объекты промышленного наследия.

Постановка проблемы. Изучение государственного регулирования туристской отрасли с целью оценки существующей нормативно-правовой базы, необходимой для развития промышленного туризма. Выделение особенностей организации посещения действующих промышленных объектов и территорий, а также организации исследования индустриального наследия бывших промышленных комплексов. Анализ значимости промышленного туризма в процессе улучшения экономических, социальных, инфраструктурных условий регионов.

Российская Федерация обладает огромным производственным потенциалом, важным сегментом ее экономики является промышленный сектор. Промышленность России представлена множеством предприятий и компаний, функционирующих во всех ее регионах. Различные виды производства, их особые условия, выпускаемая субъектами экономики продукция предоставлялись для обозрения и продолжают демонстрироваться представителям федеральной, региональной, муниципальной власти, потенциальным приобретателям, учащимся, студентам, туристам и другим целевым аудиториям. Таким образом, промышленный туризм в том или ином виде существует с момента появления самостоятельных хозяйствующих субъектов, добывающих сырье и топливо, производящих и реализующих продукцию, выполняющих работы промышленного характера и (или) предоставляющих платные услуги.

В Российской Федерации, как в республике бывшего СССР, развитие промышленного туризма было связано с обменом опытом, посещением предприятий делегациями в целях изучения технологий в производственных сферах, повышением объема выпускаемой продукции. Государственным экскурсионным обще-

ством «Советский турист» издавались брошюры, содержащие маршруты производственных экскурсий, связанных с определенными видами производств: химической, горнодобывающей, металлургической и т.д. В связи со снижением объема промышленного производства в 1990 годы, закрытием десятков тысяч заводов интерес к экскурсиям на промышленные предприятия был утрачен.

Промышленный туризм как часть туристской индустрии России начал развиваться с начала XXI столетия как в регионах, где преобладают предприятия добывающей промышленности, так и в регионах, занимающихся обрабатывающей промышленностью. Его развитие связано с появлением промышленных производств, необходимостью формирования положительного имиджа предприятий, привлечения инвестиций в развитие производства, расширения рынков сбыта производимой продукции, популяризации среди молодежи престижности работы в той или иной отрасли промышленности, с возрастающим интересом к изделиям и товарам отечественных производителей, изменением предпочтений туристов при выборе туров, включающих познавательный и активный виды деятельности, закрытием ряда туристических направлений, ограничениями для российских туристов за рубежом.

Активное развитие промышленного туризма требует введения государственного регулирования, представляющего собой систему типовых мер законодательного, исполнительного, контролирующего характера, осуществляемых правомочными государственными учреждениями и общественными организациями, реализуемых на международном, федеральном, региональном, муниципальном уровнях. Источниками такого регулирования выступают нормативные правовые акты уполномоченных органов, направленные на установление правовых основ туристского рынка в Российской Федерации и регулирующие совокупность отношений, связанных с производством, реализацией, предоставлением туристских услуг, а также деятельность предприятий, реализующих такие услуги.

Анализ действующего законодательства Российской Федерации, а именно: Конституции Российской Федерации, норм гражданского, административного, экологического и других отраслей права, федеральных законов, регламентирующих отношения, связанные с туризмом, как областью современной экономики, например Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности», Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», подзаконных актов в виде Указа Президента Российской Федерации от 20.10.2022 № 759 «О некоторых вопросах государственного упразднения в сфере туризма и туристской деятельности», постановления Правительства Российской Федерации от 24.12.2021 № 2439 «Об утверждении государственной программы «Развитие туризма», распоряжения Правительства

Российской Федерации от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» и законодательства Пермского края: закона от 16.02.2006 «О туризме и туристской деятельности», постановления Правительства Пермского края от 03.10.2013 № 1325-п «Об утверждении государственной программы Пермского края «Экономическая политика и инновационное развитие», распоряжения Председателя Правительства Пермского края от 01.04.2022 № 82-рп «Об утверждении стратегии развития туризма в Пермском крае на период до 2035 года» (далее – распоряжение № 82-рп) подтверждает, что главной целью государственной политики в туристской сфере является преобразование туристской индустрии в более эффективную и конкурентоспособную для удовлетворения нужд потребителей в разнообразных туристских продуктах.

Однако для развития промышленного туризма в Российской Федерации как вида туристской отрасли существующей нормативно-правовой базы недостаточно.

Действующие федеральные законы, подзаконные акты, нормативные правовые акты субъекта формулируют общие понятия, характерные для туризма и туристской деятельности в целом, определяют основные принципы их регулирования, компетенцию уполномоченных на развитие туризма органов.

Для промышленного туризма, положение о котором представлено только в ГОСТ Р ИСО 13810-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. «Туристский услуги. Промышленный туризм. Предоставление услуг», и обладающего определенной спецификой, связанной с производственными процессами действующих предприятий, промышленным наследием в виде материальных и нематериальных активов, используемых в прошлом для выполнения производственных работ и оказания услуг, необходимо дополнительное правовое регулирование.

Актуальности его формирования, как и несовершенству правовой базы для развития промышленного туризма, уделено внимание в статье «Правовые вопросы определения промышленного туризма» под авторством С.Р. Набиева, Е.А. Поздняковой, О.И. Челябиной в статье «Развитие промышленного туризма» под авторством Максимова М., указавших на объективную необходимость и возможность на законодательном уровне сформулировать признаки, позволяющие отграничить промышленный туризм от иных его видов, путем включения в нормативные документы целей данного вида туризма, его содержательной составляющей, объекта, субъектного состава, что поможет совместить познание процессов производства с отдыхом, не раскрывая производственных секретов, позволит рассматривать в качестве объектов промышленного туризма не только крупные и средние предприятия, но и малые цеха, и мастерские, выпускающие

уникальные и индивидуальные товары, а также учреждения здравоохранения, образования, банки, оказывающие определенные услуги. Четкое определение субъектного состава с применением термина «турист» будет способствовать разделению посетителей, прибывших на предприятия и в учреждения с туристической целью, от иных лиц, находящихся там же на законных основаниях, например, командированных, студентов на практике, контрольно-надзорных органов. Не лишена оснований и позиция авторов о том, что законодателем должен быть определен статус лиц, имеющих право проводить мероприятия для туристов в производственной и обслуживающей зонах, поскольку они должны обладать знаниями как о производственных процессах, специфике оказания услуг, так и о технике безопасности [3].

Методология развития промышленного туризма в Российской Федерации, разработанная Автономной некоммерческой организацией «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», представляющая собой практическое руководство с пошаговыми инструкциями по построению модели стратегии развития промышленного туризма в регионах, по разработке и организации экскурсий с использованием лучшей зарубежной и российской практики, является своего рода программой, совокупностью методов для развития промышленного туризма в России, однако не является официальным документом, не обладает высшей юридической силой, не является общеобязательной для индивидуально неопределенного круга лиц.

Очевидно, что одних рекомендаций для успешного развития и функционирования промышленного туризма недостаточно, так как они не обладают силой закона, поэтому в обязательном порядке могут не применяться при организации промышленных экскурсий и туров. Система юридических норм, выработка единых методик и стандартов оценки услуг промышленного туризма позволит вывести его на качественно новый уровень, сделать одним из перспективных направлений туризма в России.

Поименованное туристское направление отличается от прочих видов туризма особенностями его организации, к которым относятся организация посещения действующих предприятий и организация исследования объектов индустриального наследия на территории закрытых предприятий.

Посещение действующих предприятий, как правило, проходит в форме производственной экскурсии, т.е. организованного, сопровождаемого объяснениями показа объектов по составленному плану с образовательной и (или) ознакомительной целью. Подготовка к экскурсии сопровождается разработкой ее технологической карты, отражающей тему экскурсии, ее цели и задачи, схему маршрута, требования по обеспечению техники безопасности, список экскурсоводов. Показ цехов и мастерских с устным рассказом экскурсовода проводится в целях

ознакомления с производственным циклом. Посещение музеев, если таковые созданы при предприятиях, производится в целях ознакомления с историей их образования и развития, биографией и трудовыми подвигами работников, продукцией, выпускаемой на предприятиях. Предприятиями также проводятся мастер-классы, дегустация продукции, конкурсы, разрабатываются интерактивные программы с фотозонами, инсталляциями из производственных материалов, выпускаются сувениры, создаются фирменные магазины [5].

Исследование объектов индустриального наследия на территории бывших промышленных комплексов связано с созданием музейных и выставочных пространств, в которых в качестве объектов показа используются сохраненные постройки и оборудование. Также на прекративших производственный процесс предприятиях проводится реконструкция помещений для реализации культурных программ, бизнес-идей, удовлетворения потребностей людей в общении. Таким образом, бывшие промышленные территории постепенно становятся креативными пространствами, рассчитанными на разнообразную целевую аудиторию.

Переориентированные объекты промышленного наследия свидетельствуют об их функционировании в качестве туристских продуктов, о положительном развитии территорий, повышении их имиджа, формировании представления о городах, регионах и стране как о туристских зонах.

Возможность организации промышленного туризма имеется в любом регионе России не только в связи с богатым индустриальным наследием, но и с присущими этому виду туризма особенностями и преимуществами.

Рис.1 Особенности промышленного туризма

Из основных преимуществ, которыми обладает промышленный туризм, логично выделить следующие: ресурсы для ознакомления с профессиями и отраслями территории, привлечение населения (мастер-классы и туры для местного населения и туристов из других регионов), обмен опытом со специалистами производства, развитие корпоративной культуры, то есть интерес к сотрудникам предприятия, понимание значимости труда и ответственности, культура поведения на производстве, выработка плана по привлечению потребителей и инвесторов, вовлечение малого и среднего бизнеса, привлечение СМИ, реклама территории и ее уникальности (фото и видео населенных пунктов, промышленных турах), формирование имиджа открытости региона [4].

Развитие промышленного туризма оказывает непосредственное влияние на укрепление и подъем экономики регионов и страны в целом, способствует формированию новых представлений о российской промышленности, созданию общественных связей между разными целевыми аудиториями, положительно воздействует на существующую социально-культурную среду.

Роль промышленного туризма в развитии регионов, т.е. в процессе улучшения его экономических, социальных, инфраструктурных условий, представлена в таблице.

Таблица 1

Роль промышленного туризма в развитие регионов	
Производство	Расширение трудового сектора, создание новых рабочих мест, удовлетворенность от результатов труда.
Маркетинг	Увеличение сбыта продукции, оказанных услуг, освоение новых рынков сбыта, повышение инвестиционной привлекательности территорий, конкурентоспособности, доверия к производителю.
Финансы	Уплата в бюджет налога на добавленную стоимость, привлечение инвесторов в лице представителей бизнеса, дополнительный доход от использования промышленных объектов.
Кадры	Профориентация учащихся старших классов общеобразовательных учреждений, работа с преподавателями и студентами ВУЗов, рост престижа рабочих мест и профессий, повышение корпоративной ответственности.
Имидж	Демонстрация используемого оборудования, производственных процессов, конечной продукции, улучшение производимых товаров, оказываемых услуг, получение обратной связи от потребителей.
Социальная среда	Изменение формы общения, активизация познавательной, просветительной деятельности, сотрудничество между разными целевыми аудиториями.
Оказание услуг	Информационно-вычислительное обслуживание, оказание консультационных услуг, услуг делопроизводства, совершенствование транспортной системы.

Составлено автором по данным ист. [2]

В качестве примеров локаций промышленного туризма, промышленных экскурсий и опыта регионов России можно привести следующие.

Златоустовская оружейная фабрика, основанная при Александре I после победы над Наполеоном, с 1835 г. была единственным государственным предприятием в стране, производившим для армии холодное оружие. В годы Первой Мировой войны работники фабрики изготовили более 600 тысяч шашек, клинков и кавалерийских пик. В Великую Отечественную войну советской армии передано 583 тысяч боевых шашек и около 1 миллиона армейских ножей, прозванных «чёрными ножами». В настоящее время сотрудники фабрики изготавливают гравюры на металле, ножи (собственная лаборатория металлов и сплавов), ножи из дамасской стали, украшенное оружие, эксклюзивные бизнес-сувениры, украшенную посуду, предметы интерьера, в том числе с применением драгоценных металлов, ценных пород дерева и камней. При фабрике работает музей, повествующий об истории ее создания и развития, руководителях и работниках производства. В музее также выставлены образцы златоустовских мастеров. Фабрика предлагает экскурсию по производству, участие в мастер-классе по росписи и гравировке, а в созданном интернет-магазине имеется около 2 000 наименований изготовленной продукции [1].

Кольская атомная электростанция, расположенная в 12 км от города Полярные Зори Мурманской области, введенная в эксплуатацию 29.06.1973 г., предлагающая видеоэкскурсии и экскурсии на предприятие в место нахождения ядерных реакторов для ознакомления с механизмами работы АЭС, процессом создания атомной энергии. Перед началом экскурсии туристы проходят паспортный контроль, инструктаж, у них отбирают отпечатки пальца, ладони, автоматически замеряют рост и вес, проводят дозиметрический контроль, снабжают берушами и касками. В процессе экскурсии посетители знакомятся с машинным залом, в котором расположено 8 турбин и 8 электрогенераторов, блочным щитом, механизмы которого отражают технологические параметры работы энергоблока, зоной особого контролируемого доступа, где находятся ядерные реакторы [1].

Янтарный комбинат в Калининградской области, предлагающий несколько видов экскурсионных программ. Интерактивный макет карьеров рассказывает об истории разработки месторождения янтаря, открыта смотровая площадка над действующим карьером, функционируют аттракционы по добыче янтаря, имеются макеты шахт, трехметровая янтарная пирамида [1].

Таким образом, проанализировав подход к развитию промышленного туризма на государственном уровне, его роль в социально-экономическом развитии регионов, особенности организации промышленных туров, следует констатировать, что промышленный туризм с начала XXI века признан важным направлением туристской деятельности в России в связи с наличием промышленных регионов, богатым индустриальным наследием, необходимостью дальнейшего

развития добывающей и обрабатывающей промышленности, привлечения молодежи к освоению профессий и специальностей, требующихся для производственного процесса на промышленных предприятиях, вложения имеющихся ресурсов в материальные и нематериальные фонды и средства, совершенствования территорий как экономических активов и как факторов формирования качественной окружающей среды, удовлетворения потребностей современных туристов.

Принятие решений на законодательном уровне о продвижении указанного социально-экономического явления в нашей стране способствовало тому, что в ряде регионов промышленный туризм стал неотъемлемой частью туристского продукта, а его производители с учетом рекомендаций Агентства стратегических инициатив начали разрабатывать туристические программы не только для отдыха и посещения событийных мероприятий регионов, но и в целях ознакомления туристов с богатым индустриальным наследием, производственными процессами действующих хозяйствующих субъектов, передовыми достижениями в области промышленности, повышения конкурентоспособности отечественных предприятий, роста доверия к производителю.

Вместе с тем следует признать, что промышленный туризм относится к малоисследованным социально-экономическим явлениям как в теоретическом, так и в практическом плане. Этому направлению туристической отрасли уделено недостаточно внимания как со стороны законодателя, так и со стороны научного сообщества. Необходимо продолжить целенаправленное познание данного вида деятельности в целях выявления иных его отличительных черт, особенностей, влияния на экономические процессы территорий, развитие малого и среднего бизнеса, образовательные процессы и профессиональную ориентацию, налаживание и укрепление сотрудничества между органами власти, бизнесом и субъектами туристского рынка, улучшение качества городских пространств.

Стратегический потенциал промышленного туризма высок. Однако для проектирования данного вида деятельности, создания успешных практик организации на предприятиях различной отраслевой направленности следует проанализировать его преимущества и слабые стороны, возможности и потенциальные угрозы, уровень развития в регионах и их ресурсы, количество предприятий, на базе которых существует резерв для организации и внедрения промышленных туров и экскурсий, соблюдения техники безопасности, наличие объектов индустриального наследия, заинтересованность в туристском направлении органов исполнительной власти регионов, образовательных учреждений, промышленных хозяйствующих субъектов, представителей бизнеса и туристских организаций, их взаимосвязь и сотрудничество, продвижение промышленного туризма в

регионе в информационном пространстве, транспортную доступность для желающих, наличие и качество инфраструктуры (гостиницы, предприятия общественного питания и сферы обслуживания, занимающиеся досуговой деятельностью), наличие специалистов для продвижения и оказания услуг такого рода, готовность государственных и частных структур к финансированию деятельности.

Библиографический список

1. Как это работает: 10 впечатляющих объектов для промышленного туризма в России / Всероссийская общественная организация Русское географическое общество. URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/kak-eto-rabotaet-10-vpechatlyayushchikh-obektov-dlya-promyshlennogo-turizma-v-rossii/> (дата обращения: 05.10.2023).
2. Коньшев Е.В., Сергеев Д.А., Танин Е.Ф., Танина А.В. К вопросу о направлениях исследования промышленного туризма // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1(58) С. 158–170.
3. Набиев С.Р., Позднякова Е.А., Челябинина О.И. Правовые вопросы определения промышленного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2022. Т.16. № 3. С. 56–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovyye-voprosy-opredeleniya-promyshlennogoturizma/viewer> (дата обращения: 05.10.2023).
4. Никулина Ю.Н. Промышленный туризм в мировой практике: особенности организации и тенденции развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. №2. С. 40–44.
5. Промтуризм / Методические рекомендации по организации промышленного туризма в регионах Российской Федерации. URL: https://files-ice.asi.ru/iblock/a99/a99ab015e9f77770b120e820c570ee8a/07_2022-Metodologia.pdf (дата обращения 05.10.2023).

INDUSTRIAL TOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION: FEATURES OF LEGAL REGULATION AND ORGANIZATION, ROLE IN THE DEVELOPMENT OF TERRITORIES

M.A. Melnikov

Perm state University

Perm, Russia, e-mail: swedish123@yandex.ru

The article evaluates the legal regulation of industrial tourism in the Russian Federation, the peculiarities of its organization and its role in the development of regions.

Keywords: tourism industry; industrial tourism; legal regulation; regions; industrial excursions; objects of industrial heritage.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С 1970 ПО 2020 Г.

М.А. Пермяков

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

e-mail: maximpermiakov@yandex.ru

В статье представлен анализ изменения социально-экономического профиля Удмуртской Республики с 1970 по 2020 гг. Были использованы статистические данные по муниципальным образованиям (сельским поселениям и административным районам) и выделены важнейшие изменения профиля региона. В результате исследования выявлено, что значения демографических и экономических показателей стали более контрастными, что говорит о возрастании фактора периферийности с течением времени.

Ключевые слова: социально-экономический профиль, Удмуртская Республика, сельское хозяйство, периферийность.

Каждый регион или район характеризуется особенностями, которые обеспечивают развитие или же препятствуют ему. Близость к транспортным путям, благоприятные природные условия, политическая стабильность, отсутствие социальных или религиозных конфликтов позволяют региону развиваться. В результате растут демографические показатели, и регион испытывает положительную динамику численности населения; в противном случае – наблюдаются регрессивные процессы.

Одним из комплексных методов изучения социального и экономического состояния региона являются социально-экономические профили. С помощью социально-экономического профиля можно определить существующие проблемы и потенциал развития общества на уровне города, района, региона или страны. Он служит основой для разработки и реализации социально-экономических программ и планов, а также оценки их эффективности.

В данном исследовании будут построены и проанализированы социально-экономические профили Удмуртской Республики за 1970 и 2020 г. Профили проложены с северо-запада (от границы с Кировской областью) на юго-восток (до границы с Республикой Татарстан). Он представляет собой муниципальные образования, расположенные между этими границами по линии Яр-Глазов-Балезино-Ижевск-Сарапул-Каракулино. Линия пересекает 8 муниципальных районов: Ярский, Глазовский, Балезинский, Игринский, Якшур-Бодьинский, Завьяловский, Сарапульский и Каракулинский (рис.1). Для построения профиля были собраны и проанализированы статистические данные 35 муниципальных образований и 3-х городов на 1970 и 2020 г. Поскольку для большинства районов

сельское хозяйство было и остаётся отраслью специализации, именно сельскохозяйственные характеристики взяты за основу расчёта.

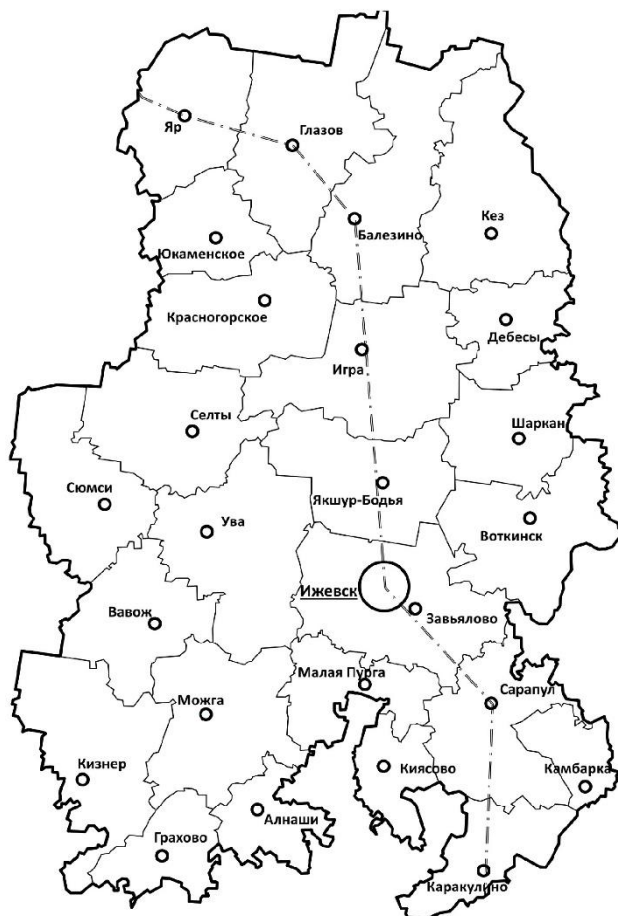

Рис. 1. Профиль территории Удмуртской Республики на карте (штрихпунктирная линия) [6]

Целью исследования является выделение социальных и экономических различий в территориальном аспекте с разницей в 50 лет.

Демографические показатели муниципальных образований с 1970 по 2020 гг. изменились достаточно заметно. Различия в численности населения в 1970 году между сельскими поселениями менее контрастные, чем в 2020-м году (рис. 2). Причём население городов и районных центров (за исключением Каракулино) за данное время увеличилось, когда как в сельской местности наблюдалась убыль населения. Прежде всего, это связано с продолжением индустриализации в советское время, а также деградацией предприятий сельского хозяйства в 1990-2000-е года. Периферийность как демографический фактор особо выделяется в 2020-м году: если разница в населении районных центров и некоторых муниципальных образований в 1970-м году была небольшой (около 15 тысяч человек), то в 2020-м году она практически достигла значения в 20000 чел.

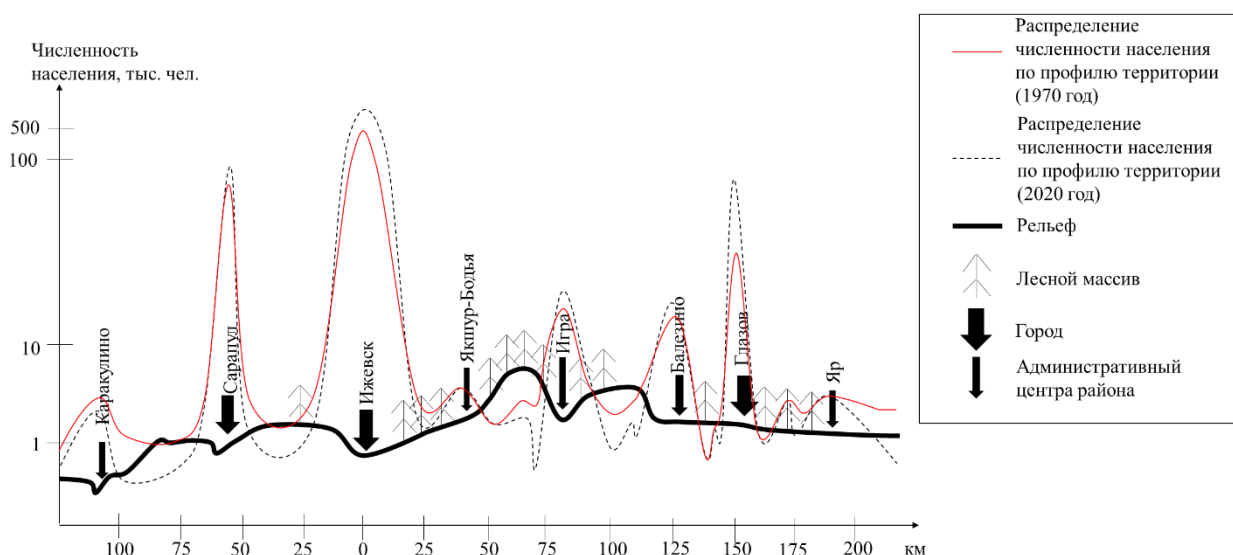

Рис. 2. Профиль территории Удмуртской Республики по линии Яр-Глазов-Балезино-Ижевск-Сарапул-Каракулино.

Изменения в численности населения муниципальных образований неразрывно связаны с их специализацией в сельском хозяйстве. В советское время преобладало всестороннее освоение территории, поэтому различия в сельскохозяйственных показателях минимальны. Это подтверждается амплитудой значений в доле сельскохозяйственных угодий на территории муниципальных районов в 1970 г. (30%), когда как дифференциация в 2020 г. была выше (46%). Также в 1970 г. нечётко видна специализация разных частей республики: производство зерна, молока и мяса на душу населения в разрезах административных единиц практически одинакова [3] с увеличением значений лишь в прилегающих к городам территориальных образованиях (табл.). В 2020 г. наблюдаются следующие контрасты: производство молока концентрируется в северных районах, южная часть Удмуртии специализируется на выращивании зерновых культур, а производство мяса начинает тяготеть к «пригородным» административным единицам. К тому же, уменьшается роль сельского хозяйства в центральных районах республики, когда как значения производства в периферийных районах выросли гораздо в большей степени. Указанные изменения связаны с возрастанием значения природного фактора в современном сельском хозяйстве. В частности, центральные районы Удмуртии имеют высокую степень залесённости, заболочены, и их территорию занимают не обладающие естественным плодородием подзолистые почвы [1]. В целом же общая прибыль с реализации сельскохозяйственной продукции с 100 га сельхозугодий возрастает от северной границы к южной, причём опять-таки контрасты между районами с каждым десятилетием возрастают.

**Экономические показатели районов, через которые проходит профиль Удмуртской Республики
(за 1970 и 2020 гг.)**

Муниципальные районы	Средняя заработная плата, руб.		Доля сельскохозяйственных угодий, % от общей площади		Производство молока на душу населения, кг		Производство зерна на душу населения, кг		Производство мяса на душу населения, кг		Общая прибыль от реализации сельскохозяйственной продукции с 100 га сельхозугодий, тыс. руб	
	1970	2020	1970	2020	1970	2020	1970	2020	1970	2020	1970	2020
Ярский	233	33400	30	50	508	999	1062	440	89	30	11	59
Глазовский	234	33440	26	47	516	2090	1125	1020	83	113	13	54
Балезинский	217	34360	25	38	329	1540	734	630	52	91	14	91
Игринский	199	36650	16	26	195	660	430	370	36	24	14	144
Якшур-Бодьинский	171	34360	15	27	256	390	618	240	44	23	14	220
Завьяловский	337	41230	31	50	560	410	1061	320	72	367	25	354
Сарапульский	349	34360	42	64	1008	1220	2917	1660	154	378	17	253
Каракулинский	256	33440	45	72	777	1190	2913	1450	192	54	16	265
Контрастность (размах значений)	178	7830	30	46	813	1700	2487	1420	156	355	14	300

Вышеуказанные явления сказываются и на среднемесячной заработной плате. Если в 1970-м году в районах с неблагоприятными природными условиями для ведения сельского хозяйства её значения были минимальны среди данной выборки (Игринский и Якшур-Бодьинский), то в 2020-м году они вышли на лидирующие позиции (без рассмотрения «пригородного» Завьяловского района) [7]. Дело в том, что с 1970-го года в этих районах активно велись работы по нефтеразведке, а позже приступили к разработке крупных нефтяных месторождений на этой территории. В результате районы начали специализироваться на нефтедобыче, которая на данном этапе развития промышленности является одной из экономически выгодных отраслей хозяйства.

Таким образом, социально-экономические профили Удмуртской Республики 1970 и 2020 годов имеют ряд общих и отличительных черт. Среди неизменившихся характеристик можно отметить: наличие двух промышленных центров – Глазова и Ижевска, вокруг которых на протяжении 50 лет сельское хозяйство стабильно развивалось и сохраняет своё значение в настоящем; «проседание» центральных районов республики в производстве продукции сельского хозяйства. Отличия социально-экономических профилей заключаются в более глубокой специализации сельского хозяйства в связи с переходом на рыночную экономику, возрастании экономических факторов в демографической ситуации в муниципальных образованиях, что в свою очередь ведёт к росту контрастности

между отдельными территориями: периферийные районы начинают отставать в развитии от центральных. Во избежание или для сдерживания данного процесса необходимо находить сильные стороны каждой территории, извлекая из них экономическую выгоду. Равномерное развитие региона – залог процветания его экономики в целом.

Библиографический список

1. География Удмуртии: Учебник для 8-9 кл. / Под редакцией Н. Т. Козловой, И. И. Рысина. – 3-е изд., испр. и доп. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 224 с.: ил.
2. Муниципальные образования / Государственный Совет Удмуртской Республики (электронный ресурс). Код доступа: <http://www.udmgossovet.ru/interaction/local/regions/> (Дата обращения: 13.10.2023.).
3. Народное хозяйство Удмуртской АССР за 60 лет. – Статистический сборник. – Ижевск: Удмуртия, 1980. – 144 с.
4. Население / Официальная статистика // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике (электронный ресурс). Код доступа: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population/ (Дата обращения: 13.10.2023.).
5. Районы Удмуртии / Министерство сельского хозяйства и продовольствия Удмуртской Республики (электронный ресурс). Код доступа: http://udmark.ru/apk_udmurtii/raiony_udmurtii/ (Дата обращения: 13.09.2023.).
6. Социально-экономический профиль Удмуртской Республики / Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Теория и практика современных географических исследований», посвященной 220-летию выдающегося русского мореплавателя, географа, вице-председателя Русского географического общества Ф.П. Литке в рамках XIII Большого географического фестиваля. – СПб: Свое издательство, 2017. – 1069 с. [Электронное издание].
7. Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, средняя численность работников которых превышает 15 человек, по городским округам и муниципальным районам Удмуртской Республики за январь – декабрь 2020 года, рублей (электронный ресурс). Код доступа: <https://18.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ZhtCGmEf/zarpMO.pdf> (Дата обращения: 14.09.2023.).

CHANGES IN THE SOCIO-ECONOMIC PROFILE OF THE UDMURT REPUBLIC FROM 1970 TO 2020.

M.A. Permyakov

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

Email: maximpermiakov@yandex.ru

The article presents an analysis of changes in the socio-economic profile of the Udmurt Republic from 1970 to 2020. Statistical data on municipalities (rural settlements and administrative districts) were used and the most important changes in the profile of the region were highlighted. The study revealed that the values of demographic and economic indicators have become more contrasting, which indicates an increase in the peripheral factor over time.

Keywords: socio-economic profile, Udmurt Republic, agriculture, periphery.

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА КАК ФАКТОР КОМФОРТНОСТИ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ИЖЕВСКА

П.Ю. Ситников

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия,

e-mail: sitnikov-geo@yandex.ru

В статье рассматривается применение коэффициента Энгеля для характеристики развитости инфраструктуры городской территории, как показателя комфортности среды. Используются данные геоинформационных картографических сервисов для расчета показателей инфраструктурной нагрузки городских территорий. В результате исследования выявлены территории с наиболее высоким развитием инфраструктуры.

Ключевые слова: комфортность среды, инфраструктура, городская территория.

Постановка проблемы. Важной задачей для каждого города является обеспечение приемлемого качества жизни городского населения. Это связано и с тем, что в Российской Федерации уклон на качество жизни поддерживается конституционно: «Российская Федерация – социальное государство, которое направлено на формирование условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное становление человека». Устойчивый рост городского населения, приводящий к увеличению уровня урбанизации, поднимает проблему формирования комфортных условий городских жителей.

Качество городской среды можно рассматривать как одну из важнейших характеристик территорий. Столичный город, выступая в качестве «центра развития» обуславливает статус развития субъекта. Именно городская среда необходима быть комфортной для проживания в силу привлечения ценных кадровых ресурсов для наиболее эффективного развития как города, так и региона в целом [1].

Формулировка «комфортная городская среда» представляет собой комплекс условий, которые определяют качество жизни существования в городской местности. Комфорт пространства зависит напрямую от доступа товаров и услуг, сервисов, транспорта, грамотной жилой планировки, наличие общественных пространств и др. В целом, такая среда позволяет в полной мере удовлетворить индивидуальные и социальные потребности населения, что в итоге должно привести к повышению качества жизни горожан.

Для определения влияния уровня развития инфраструктуры, которая сформирована на территории города, необходимо применение соответствующей методики, дающей достоверную и подтверждающую информацию. В методике необходимо учитывать плотность имеющейся инфраструктуры в соотношении с проживающим населением, так как это является обоснованным показателем рационального использования имеющихся технических и инженерных объектов.

Методы и источники данных. Предлагаемый метод основан на анализе потребительских свойств территории и учитывает реальные возможности существующих объектов городской инфраструктуры обеспечить достойный уровень качества жизни населения города.

Достаточное количество и доступность объектов инфраструктуры различных типов, в конечном счете, определяют качество среды жизнедеятельности людей. Определяется и безопасность, особенно в чрезвычайных ситуациях, когда вопросы жизнеобеспечения особенно важны. Для оценки данных свойств городской среды городской среды оптимально введение понятия когерентности территории.

В качестве операционно-территориальной единицы оценивания предлагается локальный участок территории, который понимается как пространственно-ограниченный участок, имеющий определенные размеры, находящийся на определенной территории.

Размеры операционно-территориальных единиц – 500 на 500 метров. Выбор такой размерности обусловлен тем, что центры всех смежных ячеек находятся в пределах усредненной 10-минутной пешеходной изохроны удаленности друг от друга, при крайних нормативных значениях 250 м в условиях центра и мест массового скопления. Соответственно, с учётом тех же градостроительных нормативов, параметры доступности объектов инфраструктуры для таких участков территории будут рассчитываться на предельно допустимой дистанции в 750 м пешего пути (ДПП) во все стороны от центра локальных участков территории, без учета площадных и доступных на транспорте объектов.

Таким образом для применения методики необходимо построить регулярную сетку, делящую взаимосвязанную цельную территорию на более малые одинаковые участки местности не имеющих критериев для разделения – только формальные границы. Принятая методика районирования является достаточно популярной в использовании оценки социально-экономических показателей городской среды, инфраструктуры, экологических показателей и др.

Для каждого локального участка территории требуется оценить достаточность объектов обеспечивающей инфраструктуры, которые необходимы для реализации той или иной потребности жителей. Из совокупности объектов и структур обеспечивающей инфраструктуры можно выделить следующие основные типы:

1) объекты обеспечения физиологических потребностей жителей: объекты продажи продуктов питания, объекты общепита, объекты продажи одежды, объекты гостиничного сервиса, объекты продажи стройматериалов и хозяйственно-бытовых товаров, медучреждения, аптеки, остановки транспорта. В совокупности все вышеперечисленные объекты составляют единую взаимосвязанную сеть инфраструктуры, зависящей от потребностей населения.

2) объекты обеспечения потребностей в самореализации: объекты сервиса спорта, объекты сервиса красоты и здоровья, взрослые центры дополнительного образования; бизнес-центры и производственных центры.

3) объекты обеспечения социализации: школы, высшие учебные заведения, учреждения культуры и т.п. Актуально для оптимального эффекта использование и формирование ряда учреждений общего образования, высшего образования, учреждений профобразования, детских центров дополнительного образования, учреждений культуры, спортивных сооружений, развлекательно-образовательных центров и других, способствующих развитию объектов.

Для вычисления количественных показателей нагрузки инфраструктуры на локальный участок используется вычисление коэффициента Энгеля:

$$d = \frac{N}{\sqrt{S \times H}}$$

где N – сумма объектов инфраструктуры; S – площадь территории; H – численность населения.

Данный коэффициент позволяет дать численные показатели уровня развития инфраструктуры определенного локального участка исследования. При анализе территории задействованы все доступные информационные данные для исчислений.

Индексация области исследования позволяет структурировать данные количественных показателей. Для каждой ячейки с индивидуальным значением производится расчет нагрузки, состоящий из численности населения и общего количества находящихся на территории объектов инфраструктуры.

Наибольшие показатели значений коэффициента Энгеля указывают степень влияния уровня развития инфраструктуры на комфортную составляющую каждого ОТЕ. Соответственно, чем интенсивнее цвет индексированной ячейки, тем большее влияние инфраструктуры на локальную область. Городская среда таких территорий является наиболее комфортной в плане имеющихся объектов, их доступности и оптимального функционирования человека в городских условиях. Для определения наиболее развитых участков произведено ранжирование показателей по коэффициенту Энгеля в таблице 1.

Таблица 1

Ранжирование показателей коэффициента Энгеля

Ранг	Ранговые показатели	Количество ОТЕ
1	0-0,738	205
2	0,738-1,476	87
3	1,476-2,214	19
4	2,214-2,952	7
5	2,952-3,690	2

Результаты. При составлении итоговой тематической карты по результатам коэффициента Энгеля ранжирование становится исходным показателем интенсивности. Таким образом четко виден ареал распространения наиболее развитых участков инфраструктуры, наглядно показан на рисунке 1.

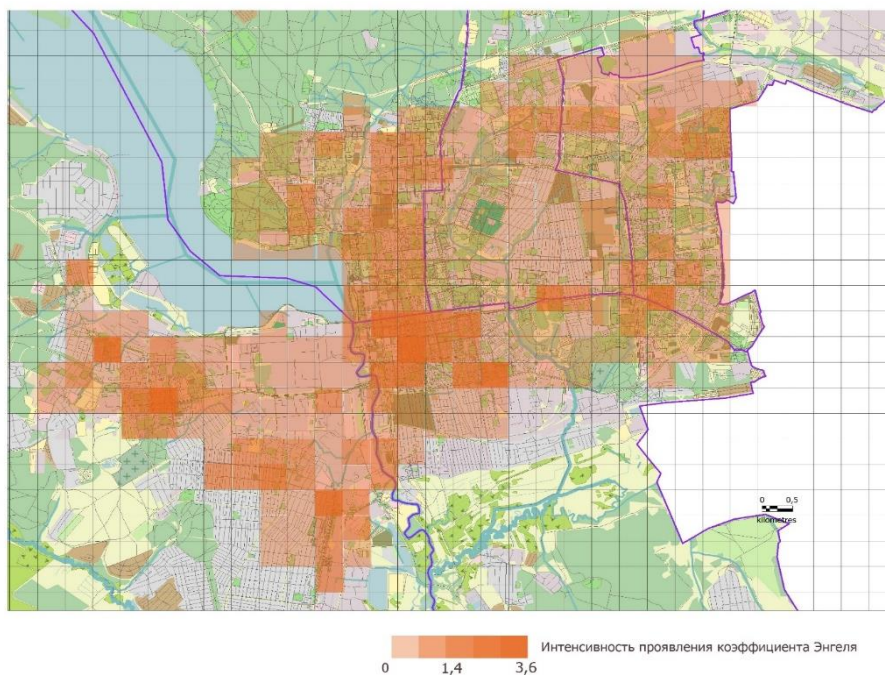

Рис. 1. Карта обеспеченности объектами инфраструктуры

При использовании классификации показателей, полученных с помощью анализа данных, отражаются конечные результаты работы. Необходимо учитывать тот факт, что при использовании учета данных нагрузка рассчитывается исходя из среднестатистических данных, эксплуатационных показателей и принятых государственных стандартов.

Выводы. В рамках проведенного исследования влияния городской сформированной инфраструктуры были выявлены следующие зависимости показателей:

- наиболее развитая инфраструктура формируется в пределах центральных районов города;
- для наиболее комфортной городской среды необходима взаимосвязь количественных показателей численности населения и сложившейся системой инфраструктуры;
- частный сектор является наиболее уязвимым и отдаленным от комфортной городской среды;
- административное разделение на районы города не влияет на уровень развития инфраструктуры;
- развитие инфраструктуры влияет на фактор формирования комфортной городской среды на локальных участках исследования.

Как итог, составленная методика имеет функцию определения коэффициента для локальных участков территории, она может способствовать определению качественных показателей на базе сформированной городской среды. Для наиболее достоверной информации необходима подробная численность проживающего населения и максимальный учет всех объектов инфраструктуры с определением коэффициента влияния на общую инфраструктуру в целом.

Библиографический список

1. Голубев А. В., Парыгин Д. С., Финогеев А. Г. Подход к интегрированной обработке открытых данных об инфраструктуре города // Системы управления, связи и безопасности. 2018. № 2. С. 84-107.
2. Сидоров В. П., Ситников П. Ю. Оценка комфортности городской среды с применением веб-сервисов // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 1 марта 2021 г. / гл. ред. А. А. Королёва. – Минск: Изд-во БГУ, 2021. – С. 992-995.

CITY INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT AS A FACTOR OF ENVIRONMENT COMFORT ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF IZHEVSK

P.Yu. Sitnikov

*Udmurt State University, Izhevsk, Russia,
e-mail: sitnikov-geo@yandex.ru*

The article deals with the application of Engel's coefficient to characterize the infrastructure development of the urban area as an indicator of environmental comfort. The data of geoinformation cartographic services for calculation of indicators of infrastructural load of urban territories are used. As a result of the research the territories with the highest infrastructure development are revealed.

Keywords: environmental comfort, infrastructure, urban area.

АНАЛИЗ РАСПОЛОЖЕНИЯ БАНКОВ С ПРИВИЛЕГИРОВАННЫМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ-МИЛЛИОНЕРОВ РОССИИ)

А.А. Шевцов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, email: mrnethezrs@gmail.com*

В статье проанализировано пространственное положение офисов с привилегированным обслуживанием ведущих банков России на территории городов-миллионеров. Используются открытые данные сайтов ведущих банков России, которые были обработаны в ГИС QGIS. В результате исследования были выявлены пространственные закономерности расположения офисов с привилегированным банковским обслуживанием в городах-миллионерах России.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, банк, сегмент, привилегированное обслуживание город-миллионер.

Постановка проблемы. В городском пространстве социальная инфраструктура весьма дифференцирована в зависимости от социальных слоёв, на которые они ориентированы. При этом, в современных геоурбанистических исследованиях практически игнорируется банки, как часть городского пространства с явно выраженной дифференциацией клиентских сегментов. Банки, как финансовые организации, выстраивают очень четкую иерархию своих клиентов по финансовым возможностям, что имеет своё отображение и в городском пространстве. Достаточно важные вещи о городе и его социальной структуре могут сказать количество банков и их расположение, что требует детального рассмотрения данного вопроса.

В данной работе рассматриваются пространственные закономерности расположения банков привилегированных сегментов (все, кроме массового сегмента) на территории городов-миллионеров России. В выборку исследуемых банков попали «Сбербанк», «ВТБ», «Альфа-Банк» и «Открытие», как лидеры банковского сектора России с открытыми данными по расположению своих офисов.

Методы и источники данных. В работе используются сравнительно-описательный, картографический и геоинформационный методы исследования. В качестве основных источников данных использованы сайты соответствующих банков.

Результаты. Официальные сайты исследуемых банков предлагают 2 вида привилегированного обслуживания: премиум сегмент и Private Banking. В «Сбербанке» также существует сегмент «СберПервый», который иерархически

располагается между премиум и Private Banking. Распределение офисов с привилегированным обслуживанием в городах-миллионерах выглядит следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Распределение офисов с привилегированным обслуживанием по городам-миллионерам, 2023 г.

Город	Количество премиум отделений	Private Banking	Сбер Первый
Санкт-Петербург	94	8	10
Новосибирск	22	4	2
Екатеринбург	26	4	2
Казань	16	4	1
Нижний Новгород	23	3	1
Красноярск	15	3	2
Челябинск	17	3	2
Самара	21	4	2
Уфа	20	2	2
Ростов-на-Дону	18	4	2
Краснодар	22	3	2
Омск	15	1	2
Воронеж	15	1	2
Пермь	18	3	2
Волгоград	15	1	1

Составлено автором по данным ист. [1–3, 5]

Как видно из таблицы, все категории привилегированного банковского обслуживания представлены во всех рассматриваемых городах. Если вынести за скобки мультимиллионный Санкт-Петербург, лидером по количеству таких офисов является Екатеринбург. На другом полюсе расположились Омск, Воронеж и Волгоград.

Однако, куда более информативно значение количества офисов сегмента Private Banking, как наиболее привилегированного сегмента. В Санкт-Петербурге компании «ВТБ» и «Альфа-Банк» имеют по 3 представительства Private Banking, «Сбербанк» и «Открытие» по одному отделению. В остальных случаях в каждом городе рассматриваемые компании представлены не более чем одним офисом. Все четыре финансовых гиганта представлены в Новосибирске, Екатеринбурге, Казани, Самаре и Ростове-на-Дону. В свою очередь в Омске, Воронеже и Перми есть лишь офис одной из компаний выборки.

Эти показатели дают примерные сведения о привлекательности данных городов для проживания в них финансово обеспеченных граждан. Однако, в дальнейшем для более точного анализа потребуется учёт населения города и агломерации, а также конфигурация и компактность городского пространства [4].

Другим важным аспектом пространственного анализа банковских офисов в городском пространстве является их принадлежность к той или иной компании (рис. 1).

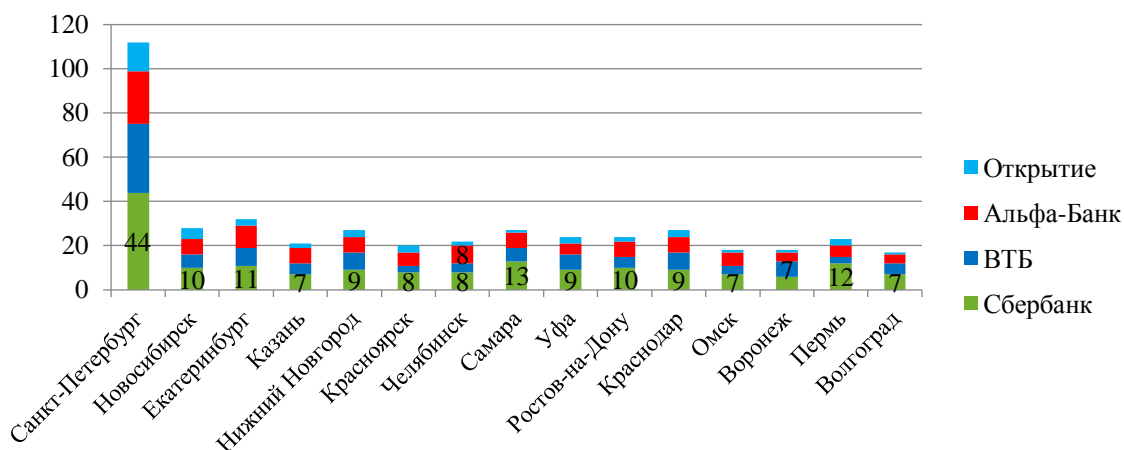

Рис. 1. Количество офисов с привилегированным обслуживанием в городах-миллионерах (с указанием наиболее распространенного в городе). Составлено автором по ист. [1–3, 5]

Самым распространенным банком для привилегированных сегментов закономерно является «Сбербанк», чьи офисы составляют большинство во всех городах-миллионерах, кроме Воронежа, где лидером является ВТБ (7). Однако, по количеству офисов среди всех 15 городов, второе место принадлежит «Альфа-Банку». Кроме того, в Челябинске количество премиальных офисов «Сбербанк» и «Альфа» одинаково. В свою очередь «Открытие» значительно уступает трём гигантам. Из этих фактов можно сделать вывод, что «борьбы» за премиального клиента в российских городах-миллионерах не происходит, этот сегмент уже поделен в относительно равных пропорциях между главными банками страны.

В контексте исследования социальной инфраструктуры городов, большое значение имеет конкретное расположение объектов. Офисы с привилегированным банковским обслуживанием в основном располагаются в центральной части городского пространства, однако, существуют различия в положении между разными сегментами.

Общей закономерностью является стремление к соседству вне зависимости от компаний. Среди 499 офисов выборки только 60 (12%) расположены от ближайшего соседа на расстоянии более 1,5 км, а 269 офисов располагаются от ближайшего объекта выборки в радиусе 500 м (53,9%).

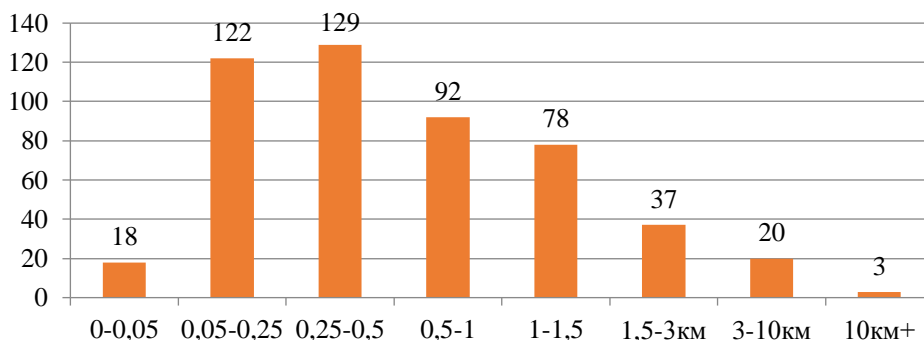

Рис. 2. Распределение офисов выборки по дистанции до ближайшего соседнего офиса (составлено автором по ист. [1–3, 5])

Отделения сегмента Private Banking в 13 из 15 городов-миллионеров располагаются только в центре и не представлены в городской полупериферии и периферии. Исключениями являются Ростов-на-Дону и Самара. В случае Ростова-на-Дону, отделение «Сбер Private Banking» расположилось в многофункциональном центре «Сбербанка» в габаритном многоэтажном здании, которое не вписалось бы в существующий исторический центр (рис.3).

Рис. 3. Многофункциональный офис «Сбербанка» в Ростове-на-Дону [6]

В Самаре сразу два отделения сегмента Private Banking расположены вне исторического центра. Одним из них является также отделение «Сбербанк Private Banking», как и в предыдущем случае, размещение за пределами городского центра связано с компактным размещением банковских функций и кадров в одном здании. Стремление «Сбербанка» к созданию таких многофункциональных центров можно отнести к отличительной черте их бизнес-стратегии, которая может повторяться в пространстве. Второй самарский офис сегмента Private Banking принадлежит банку «Открытие» и расположен на полупериферии.

Из сегмента «СберПервый» также только 5 офиса (по одному в Казани, Перми и Красноярске, 2 в Санкт-Петербурге) не расположены в центральной части города, что подтверждает предположение о их назначении как «облегченных» аналогов для сегмента «Private Banking».

Офисы с премиум обслуживанием также тяготеют к центру, однако, их размещение вне центра также не является редким явлением. Для этого сегмента допустимо и окраинное положение, что хорошо видно на примере Новосибирска, где сразу два таких офиса расположены на территории Академгородка (рис. 4)

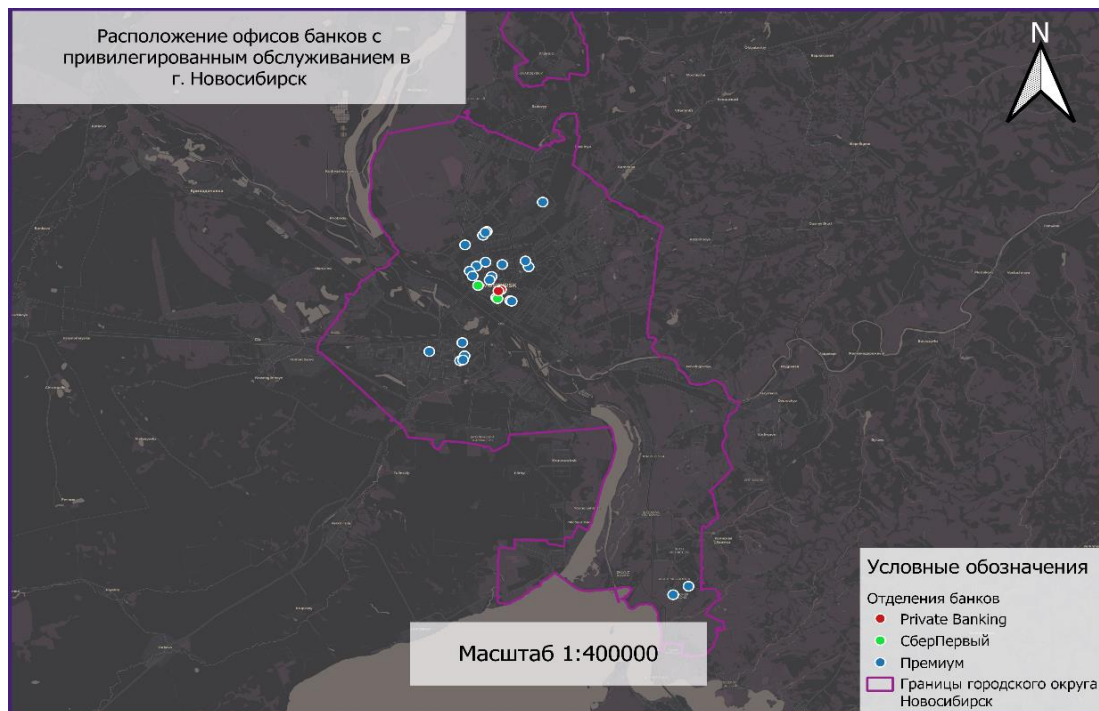

Рис. 4. Офисы с привилегированным банковским обслуживанием в г. Новосибирск

При этом за пределами городского центра они достаточно часто образуют кластеры из 2–4 таких объектов, иногда расположенных буквально в одном здании. Тем не менее в полупериферии нередко и одиночное расположение таких офисов (рис. 5–6).

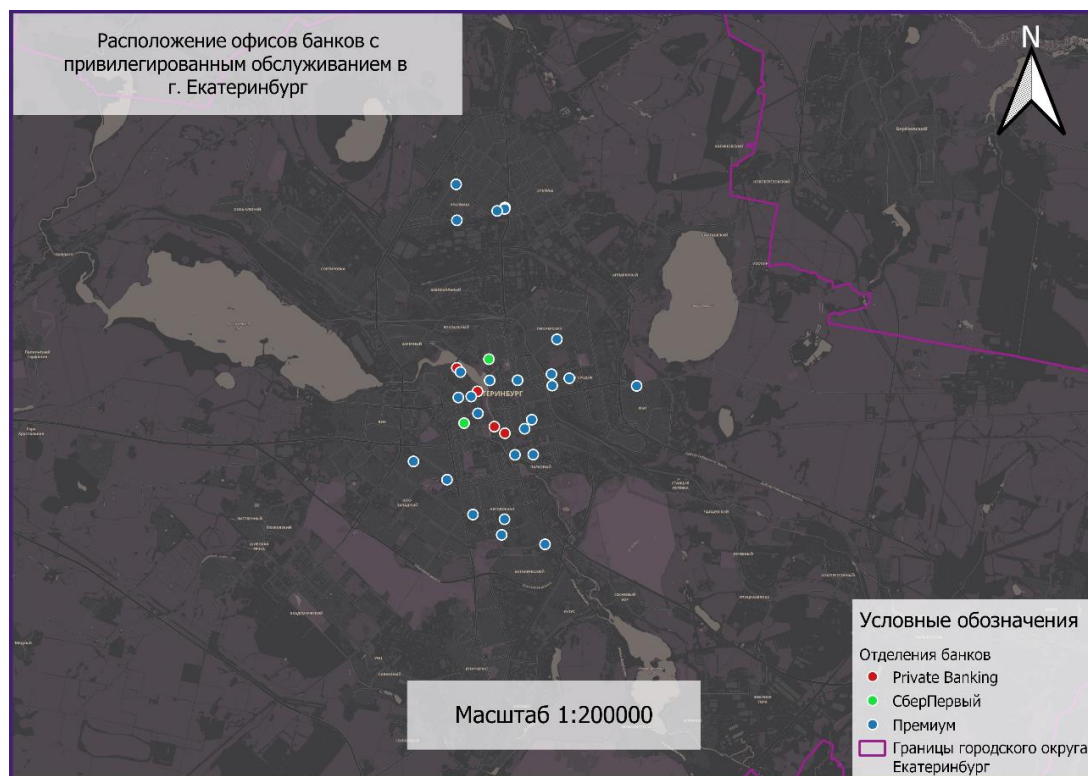

Рис. 5. Офисы с привилегированным банковским обслуживанием в г. Екатеринбург

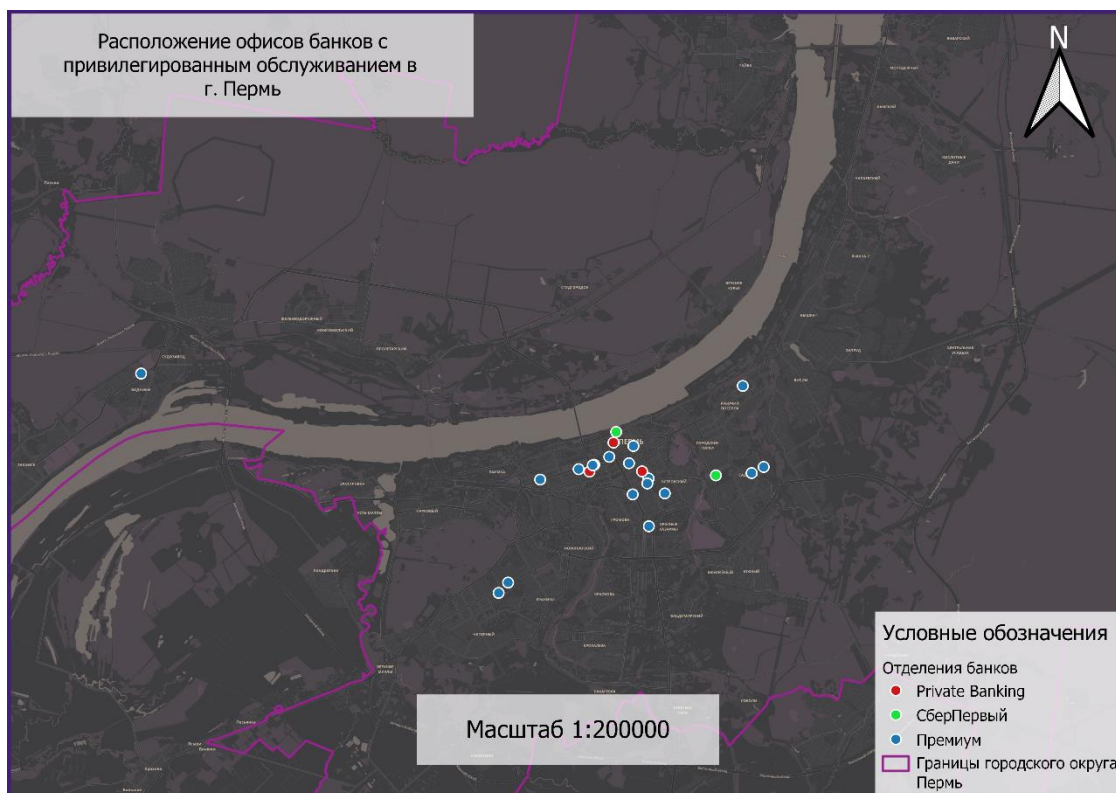

Рис. 6. Офисы с привилегированным банковским обслуживанием в г. Пермь

Выводы. В результате исследования выявлены следующие закономерности:

- 1) пространственный анализ банковской сферы в городском пространстве является одним из способов определения социальной структуры города;
- 2) наиболее привлекательным для проживания финансово обеспеченного населения среди нестоличных городов-миллионеров является Екатеринбург. Наименее привлекательными являются Омск, Воронеж и Волгоград;
- 3) количество офисов с привилегированным банковским обслуживанием в городском пространстве каждой компании соответствует её капитализации. При этом данная закономерность осложняется в силу различных бизнес-стратегий отдельно взятых компаний;
- 4) офисы с привилегированным банковским обслуживанием стремятся к центру городского пространства и соседству с другими офисами привилегированных сегментов. Наиболее элитные отделения банков практически никогда не располагаются вне городского центра, в то время как премиум сегмент часто занимает полупериферийное и периферийное положение, образуя кластеры из 2–4 объектов.

Библиографический список

- 1) Альфа-Банк / Официальный сайт. URL: <https://alfabank.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).
- 2) Банк Открытие / Официальный сайт. URL: <https://www.open.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).
- 3) ВТБ / Официальный сайт. URL: <https://www.vtb.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).
- 4) Мазаев Г.В. Методики оценки компактности планировочных структур // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2022. № 1(52). С. 9-13.

- 5) СберБанк/ Официальный сайт. URL: <http://www.sberbank.ru/ru/person> (дата обращения: 28.09.2023).
- 6) Google Maps. URL: <https://www.google.com/maps> (дата обращения: 28.09.2023).

**ANALYSIS OF THE LOCATION OF BANKS
WITH PRIVILEGED SERVICES
(BY THE EXAMPLE OF MILLIONAIRE CITIES IN RUSSIA)**

A.A. Shevtsov

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: mrnethezrs@gmail.ru

This article analyzes the location of offices with privileged services of leading Russian banks on the territory of millionaire cities. Used to open data sites of leading Russian banks, which were processed in the GIS QGIS. As a result of the study, external rules for the location of offices with privileged banking services in millionaire cities of Russia were identified.
Keywords: social infrastructure, bank, segment, privileged service millionaire city.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Т.М. Позднякова

*Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
Биробиджан, Россия, E-mail: russland-54@mail.ru*

В статье представлен краткий обзор становления системы размещения и территориальной организации производительных сил Новосибирской области в пространственно-временном аспекте на основе архивных и статистических данных. Сделан вывод о взаимосвязи территориальной организации производительных сил и уровне развития региона.

Ключевые слова: территориальная организация производительных сил; регион; Новосибирская область.

Постановка проблемы. Территориальная организация производительных сил (ТОПС) одновременно является следствием хозяйственного освоения и мощным фактором регионального развития. Она предполагает поиск эффективного варианта управления «обустройством» территории, при котором будет комплексно учтён потенциал региона и созданы условия для повышения уровня его социально-экономического развития. Поэтому разработка стратегии пространственного развития регионов должна опираться на ретроспективный обзор ТОПС и выявление причинно-следственных связей между действием данного фактора и спецификой регионального развития.

Целью проводимого исследования является изучение размещения и ТОПС региона как следствия процесса хозяйственного освоения и фактора его развития на примере Новосибирской области (НСО).

Объект исследования – крупный регион, который, в силу приграничности и срединного положения на пересечении важнейших транспортных коммуникаций, является ядром экономической активности макрорегиона с населением 11,5 млн. человек и радиусом доступности 300–600 км [7]. Областной центр – город Новосибирск, является также центром Сибирского федерального округа и третьим по численности населения миллионником страны. Вместе с тем, для НСО характерен целый ряд территориальных диспропорций, сдерживающих её развитие и предположительно обусловленных спецификой формирования, размещения и ТОПС.

Методы и источники информации. Исследование базируется на работах отечественных и зарубежных учёных в сфере размещения и развития производи-

тельных сил, учёта пространственного фактора в регулировании социально-экономического развития регионов [1;3;6;8], а также истории формирования и хозяйственного освоения НСО [4].

В ходе его проведения применялись аналитический, картографический, хронологический, системный методы. Регион рассматривается как территориальная социально-экономическая система (ТСЭС), основной подсистемой которой являются производительные силы – территориальные группы населения, объекты хозяйства и инфраструктуры, в том числе – транспортные пути, которые функционируют на фоне элементов природно-ресурсной подсистемы [2]. Специфика размещения производительных сил на каждом конкретном общественно-историческом этапе формирует облик ТСЭС, служит основой для выявления актуального состояния и перспективного планирования ТОПС как фактора регионального развития.

Результаты. Своеобразным показателем «успешности» функционирования ТСЭС можно считать её внутреннюю сбалансированность как наличие или сглаженность территориальных диспропорций, которые, в свою очередь, во многом обусловлены спецификой ТОПС.

Муниципальные районы НСО, согласно проведённым исследованиям, крайне неоднородны по уровню социально-экономического развития. Здесь выделяют 6 муниципальных районов-лидеров и 4 аутсайдера, сильно отстающих от них по интегральному показателю социально-экономического потенциала [5]. Проведём краткий ретроспективный обзор формирования сети поселений территории, которая входит в состав НСО в современных границах.

В связи с необходимостью укрепления русского влияния за Уралом, с начала XVI в. территорию будущей НСО с запада на восток пересекла линия форпостов. На восточных окраинах, требовавших особой охраны, были построены поселения-остроги – основа формирования северной и южной ветвей населённых пунктов. Дороги, связывавшие форпосты, стали участками Московско-Сибирского тракта остроги – Барнаульского тракта.

Обновление размещения производительных сил было связано со строительством Транссиба, образованием Новосибирска, Алтайской железной дороги. Ускоряется развитие населённых пунктов, находящихся в непосредственной близости к этим элементам, а удалённые утрачивают своё экономическое значение.

В советский период размещение производительных сил региона выравнивается за счёт интенсивной индустриализации и охвата лесохозяйственной деятельностью слабо задействованных ранее территорий. Московско-Сибирский и Барнаульский тракты утрачивают своё транспортно-экономическое значение на фоне развития железнодорожного строительства (рис. 1). Новосибирск в это время становится городом-миллионником, а НСО – одним из ведущих регионов страны.

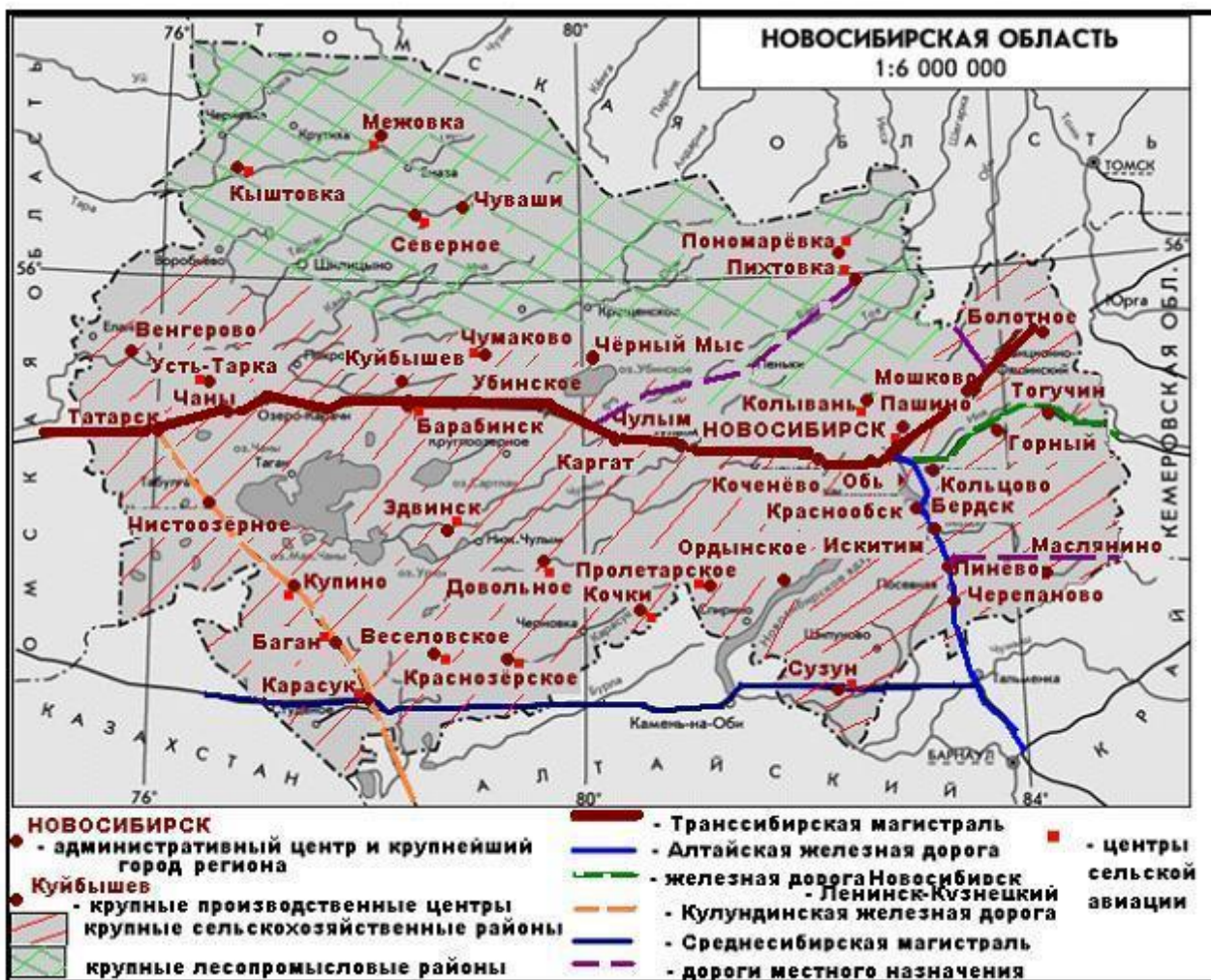

Рис. 1. Производственная подсистема Новосибирской области в 80-е гг. XX в. (составлено автором)

В постсоветский период в силу разрушения производственной и транспортной инфраструктуры, системы сельского расселения позиции НСО в экономике страны значительно ухудшились (рис. 2). Сегодня подавляющая часть экономического потенциала приурочена к Новосибирской городской агломерации, где проживает около 80% населения области. По мере удаления от неё концентрация населения и транспортных структур значительно снижается [9].

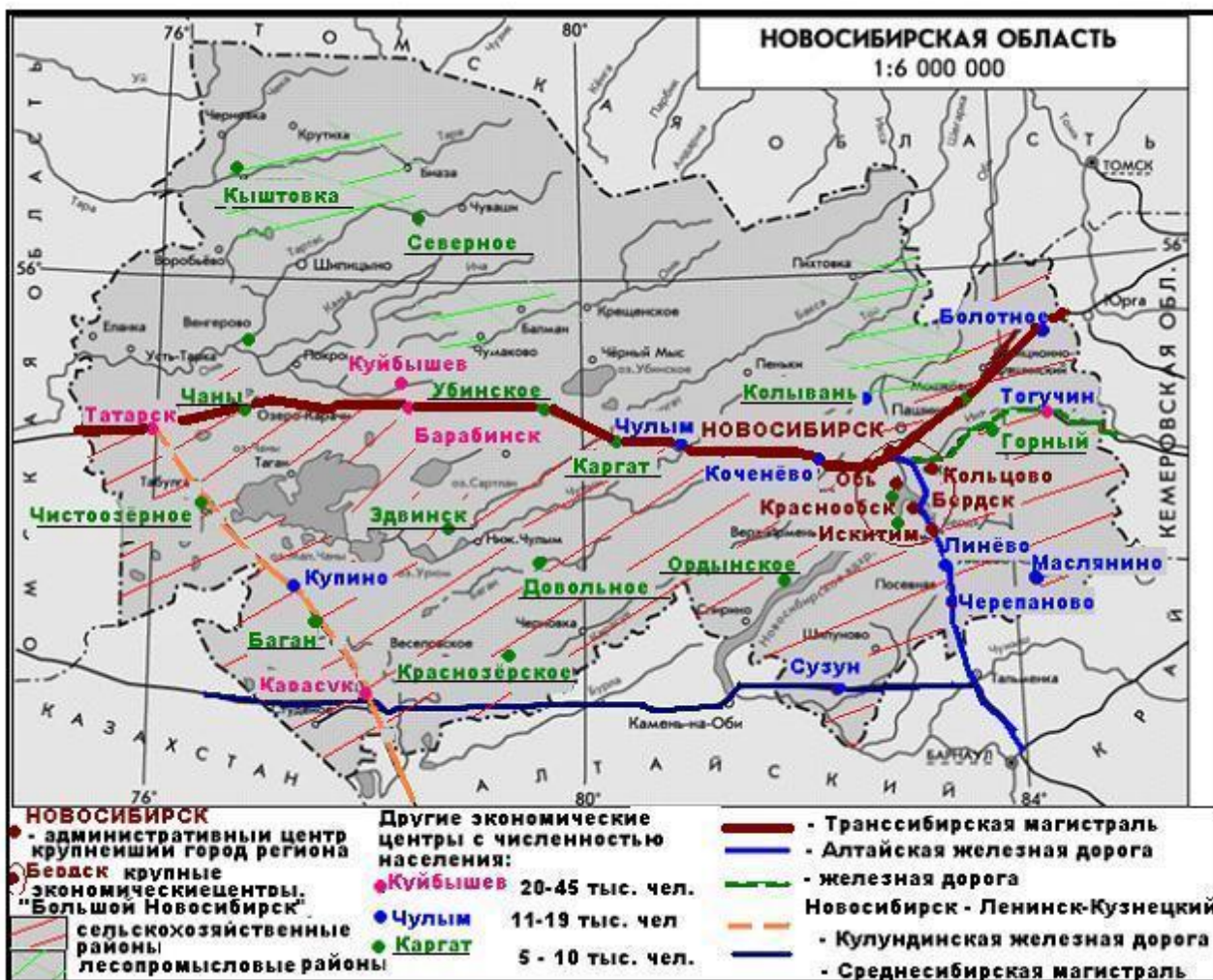

Рис. 4. Производственная подсистема Новосибирской области в к. XX – нач. XXI вв. (составлено автором)

Сложившаяся пространственная структура является серьёзным ограничением развития региона, а дисбаланс размещения производительных сил оценивается как потенциальная угроза для реализации его перспективных возможностей.

Заключение. Полученные результаты показывают взаимосвязь ТОПС и уровня развития НСО в разные временные периоды. С появлением новых элементов производственной подсистемы и изменением ТОПС регион, который в конце XIX в. не занимал и 1% в экономике страны, в середине XX в. вошёл в число лидеров по данному показателю. Разрушение элементов территориальной структуры, в свою очередь, способствовало значительному спаду в экономике региона на рубеже XX-XXI вв. Таким образом, ТОПС является ключевым фактором развития региона, что необходимо учитывать при разработке стратегий пространственного развития.

Библиографический список

1. Анимица Е.Г., Анимица П.Е., Денисова О.Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. 2014. №2. С. 21-32.
2. Бакланов П. Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. №6. С. 4-12.
3. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: современные вызовы и опыт прошлого // Географический вестник. 2022. № 2(61). С. 17–33. doi: 10.17072/2079-7877-2022-2-17-33.
4. Зуев А.С. Сибирь: веки истории. Новосибирск: ЗСКИ, 1998. 221с.
5. Комов И.В., Яковенко Н.В. Исследование территориальной организации производительных сил региона: теоретический аспект // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №12-8. С. 45-47.
6. Пилясов А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. 2011. №1. С. 3-33.
7. Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 года. Новосибирск: НГУЭП, 2007. 237 с.
8. Шарыгин М.Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2(41). С. 17–25.
9. Pozdnyakova T.M. Constituent entities of the Russian Federation with cities of over one million inhabitants: the state of and trends in their internal disparities // GES: Geography, Environment, Sustainability. 2021. №1 (14). P. 141-159.

TERRITORIAL ORGANIZATION OF PRODUCTIVE FORCES AS A FACTOR OF REGIONAL DEVELOPMENT

T.M. Pozdnyakova

Sholom-Aleichem Priamursky State University
Birobidzhan, Russia, e-mail: russland-54@mail.ru

The article presents a brief overview of the formation of the system of location and territorial organization of the productive forces of the Novosibirsk region in the spatiotemporal aspect. An array of archival and statistical data was used. The conclusion is made about the relationship between the territorial organization of productive forces and the level of development of the region.

Keywords: territorial organization of productive forces; region; Novosibirsk region.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 2010 и 2020 гг.

С.Р. Хуснутдинова^{1,2}, Д.И. Касимов¹

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет

²Институт развития города

Казань, Россия, e-mail: denikasimov@stud.kpfu.ru

В статье рассматриваются особенности трансформации городского расселения Республики Татарстан на основе данных переписей населения 2010 и 2020 г. Использование сравнительно-географического и статистического методов исследования позволило проанализировать изменение численности населения городов региона. Показаны основные тренды в изменении численности городского населения во времени и в пространстве. Даны краткие характеристики двум городам, появившимся за рассматриваемый период между переписями 2010 г. и 2020 г. – Кукмор и Иннополис. Сделаны выводы об особенностях трансформации городского расселения Республики Татарстан.

Ключевые слова: городское население; расселение населения; трансформация; перепись населения; город; Республика Татарстан

Понятие «расселение» в зависимости от контекста и дисциплины, в которой оно используется, может иметь значение как процесса, так и результата данного процесса на конкретный промежуток времени. В словаре-справочнике «Социально-экономическая география: понятия и термины» дается следующее определение термина «расселение»: «Результат процесса распределения населения – совокупность (сеть) поселений на определенной территории» [1, с. 207]. Под сетью расселения, согласно понятийно-терминологическому словарю Э.Б. Алаева, понимается «вся совокупность поселений полигона (таксона), имеющую территориальную упорядоченность (плотность), размерную классификацию и основную типологию, т. е. подразделение на городские и негородские поселения» [2, с. 217]. В статье рассматривается городское расселение как результат длительных процессов, происходивших на территории, и имевших определенную сложившуюся картину к началу XXI в. Источниками для анализа послужили переписи населения 2010 и 2020 г.

Анализируя динамику изменения численности городского населения определенной территории и ее трансформацию в пространстве, необходимо рассматривать огромное количество статистических данных. В своей работе Г.М. Лаппо пишет, что для анализа расселения городского населения важно учесть данные трех источников: 1) показатели естественного прироста (рождаемость, смертность); 2) показатели механического прироста (число выбывших и прибывших); 3) информация о преобразованиях сельских поселений в городские [3, с. 18].

Стоит отметить, что, имея информацию о прибытии нового населения, мы можем сделать вывод о динамике развития города. Особое значение уделяется городской среде как специфическому фактору развития города, т.е. если новые жители не остаются в городе надолго, это может быть признаком того, что городская среда не слишком благоприятна.

Одним из основных инструментов для изучения городского расселения являются переписи населения. В России переписи проводятся каждые 10 лет, и данные, полученные в результате этих переписей, предоставляют важную информацию о структуре населения, его социально-экономическом положении и месте проживания. Хотя современные источники, например, данные сотовых операторов, вносят определенные коррективы, например, по так называемому «ночному» и «дневному» населению городов и городских агломераций, на наш взгляд, необходимо использовать имеющиеся источники вместе, осознавая их специфику.

Общая численность населения в Республике Татарстан по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. составила 4004,8 тыс. чел. (на 1 октября 2021 г.), что на 218,3 тыс. чел. больше, чем данные переписи населения 2010 г. (на 14 октября 2010 г.). Изменения численности населения Республики Татарстан за последние почти 65 лет представлены на рисунке ниже.

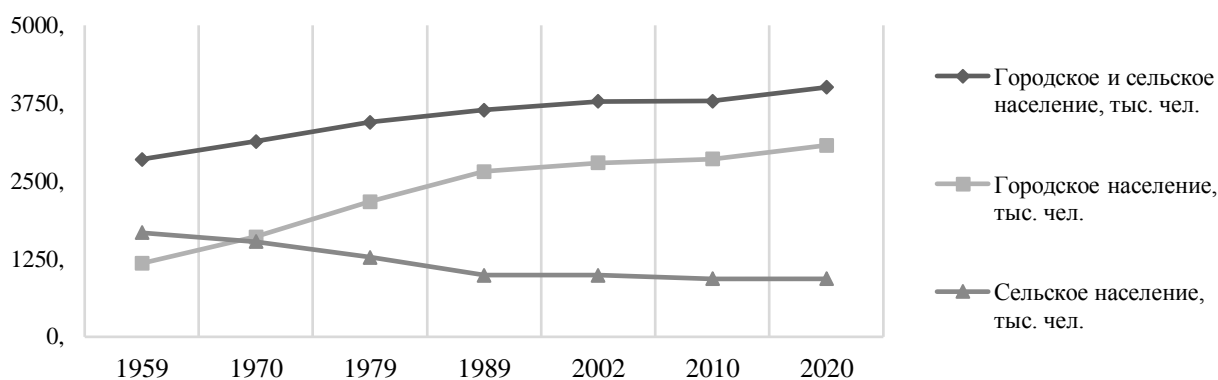

Рис. 1. Изменение численности населения Республики Татарстан (по данным переписей населения 1959-2020 гг.). Составлено автором по данным ист. [4]

В Республике Татарстан в 1970 г. результатами переписи было официально зафиксировано превышение городского населения над сельским (51,5% и 48,5 % соответственно), что совпало с ростом промышленного производства в регионе, прежде всего с развитием отраслей машиностроения (строительство КАМАЗа в Набережных Челнах), химической промышленности в Нижнекамске, добычи нефти на юго-востоке республики. Продолжение роста численности населения Республики Татарстан, усиление роли городов, увеличение доли городского населения, отчетливое проявление агломерационных эффектов, расширение

привлекательности городского образа жизни, в т.ч. за счет создания проектов комфортной городской среды продолжается. Разрыв между численностью населения городского и сельского населения с каждым годом увеличивается.

На сегодняшний день, в составе Республики Татарстан находится 24 города, два из которых образуют городские округа (Казань, Набережные Челны. На карте показаны города Республики Татарстан и выделены три городские агломерации: Казанская (в составе которой города Казань, Зеленодольск, Лаишево, Иннополис), Камская (Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга, Менделеевск) и Альметьевская (Альметьевск, Бугульма, Лениногорск, Азнакаево), границы которых выделены согласно административным границам входящих муниципальных районов.

В табл. 1 приведена группировка городских поселений согласно их людности.

Таблица 1

Группировка городских поселений Республики Татарстан по численности населения, 1979–2020 гг.

Людность городов, тыс. чел.	Число городов				
	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
до 5 тыс.	–	–	–	–	1
5–10 тыс.	1	1	1	2	2
10–20 тыс.	6	6	5	5	6
20–50 тыс.	3	3	5	6	6
50–100 тыс.	4	5	4	5	5
100–250 тыс.	2	2	3	2	2
250–500 тыс.	1	–	–	–	–
500–1 млн	–	1	1	1	1
свыше 1 млн	–	1	1	1	1
Городов всего	17	19	20	22	24

Составлено автором по данным ист. [4]

На рубеже XX–XXI вв. шел интенсивный рост не только доли численности населения городов, но и количество городов также заметно росло – практически на треть: 17 городов в 1979 г. и уже 24 к переписи 2020 г.

В период с 2010 по 2020 гг. на территории Республики появилось два новых городских поселения (табл. 1). Причем у них был разный путь «возникновения»: один был преобразован из пгт (г. Кукмор с численностью населения 17886 чел. на 2020 г.). Он пополнил группу городов по людности от 10 до 20 тыс. чел. Второй – г. Иннополис – был основан в 2012 г. как амбициозный проект на основе

создания университета для подготовки специалистов в области ИТ-индустрии. По данным переписи населения 2020 г., численность населения города составляла 3955 чел. Он занимает свое место в группе городов по людности населения до 5 тыс. чел [4].

Иннополис – город-спутник Казанской агломерации, расположенный в Верхнеуслонском районе Республики Татарстан, на правом высоком берегу Волги, в 5 км от устья р. Свияги. Это один из центров информационных технологий не только региона, но и всей страны. Город находится на расстоянии 24 км по прямой и 42 км по автодороге от Казани. Внутригородской общественный транспорт отсутствует, через город проходят маршруты пригородного сообщения, связывающие Иннополис с Казанью, с. Верхний Услон [6].

Экономика Иннополиса сосредоточена на развитии инновационных технологий. Градообразующим предприятием выступает Университет Иннополис. Здесь 70% работающих связано либо с ИТ, либо с научными разработками. В городе имеются различные технопарки, инкубаторы, исследовательские центры. Они привлекают и поддерживают стартапы, малые и средние предприятия в области информационных технологий, искусственного интеллекта, «больших данных» (Big Data), кибербезопасности и других смежных отраслей. Такой подход способствует притоку высококвалифицированных специалистов и специализированных компаний в Иннополис, создавая благоприятную среду для инноваций и экономического роста [7].

Рассматривая динамику изменения численности населения всех городов, стоит отметить, что города, входящие в Казанскую и Камскую агломерации, имеют положительный темп прироста, что говорит о положительной динамике в расселении населения на территории агломерации. Ситуация с Альметьевской агломерацией выглядит иначе. Города Лениногорск и Бугульма потеряли численность населения и вышли к 2020 г. с отрицательными показателями темпа прироста, что нельзя сказать об Альметьевске, темп прироста которого составлял +11,7% относительно 2010 г. Большинство городов (8 из 12), к сожалению, «вышли» с отрицательными значениями темпа прироста и только Нурлат, Агрыз, Арск и Мамадыш, которые не входят ни в одну агломерацию Республики Татарстан, имеют положительные темпы прироста (4,3%, 3,6%, 12,7, 8,9 соответственно).

Кукмор расположен на севере региона, близ границы с Кировской областью, на р. Нурминка, железнодорожная станция на линии Казань – Екатеринбург. Расстояние до Казани 120 км [6]. Промышленные предприятия города составляли и составляют его экономику. Широко известный завод по производству посуды ОАО «Кукморский завод металлопосуды». Изделия с маркой KUKMARA® известны и пользуются постоянным спросом как в России, так и в странах СНГ.

Также, известная не только на территории Республики Татарстан АО «Кукморская швейная фабрика» и ОАО «Кукморский валяльно-войлочный комбинат». На территории муниципального района действует промышленный парк «Кукмор», сельскохозяйственные кооперативы [8]. Кукмор не один раз выигрывал во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды, благодаря чему были реализованы шаги по качественному улучшению и эстетической привлекательности улиц города, набережной Нурминки.

Таким образом, за исследуемый период в республике появились два новых города, примечательно то, что они демонстрируют два разных варианта появления городов – эволюционный путь изменения от пгт к городу и строительство города «с нуля» на основе создания университета и условий для современных ИТ-разработок. В целом в городском расселении за период 2010–2020 гг. просматриваются следующие тенденции: положительная динамика в изменении общей численности населения; стягивание населения к центрам агломераций; рост доли городского населения.

Библиографический список

1. Алексеев А.И. Расселение и его системы // Социально-экономическая география: понятия и термины. Слов.-справ. / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск, 2013. 413 с.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
3. Лаппо Г. М. География городов: учеб. пособие. М.: Владос, 1997.
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан (Татарстанстат). Официальный сайт. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/>
5. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. Вт. ред.: версия 25.03.2015. Казань, 2013. 182 с. URL: [https://sptl.tatarstan.ru/file/File/Strategy_RT-2\(1\).pdf](https://sptl.tatarstan.ru/file/File/Strategy_RT-2(1).pdf)
6. TATARICA. Татарстанская энциклопедия: сайт. URL: <https://tatarica.org/tu> (дата обращения: 28.09.2023).
7. ОЭЗ «Иннополис». Официальный сайт. URL: <https://sez-innopolis.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).
8. Кукморский муниципальный район. Официальный сайт. URL: <https://kukmor.tatarstan.ru/about.htm> (дата обращения 28.09.2023).

SPATIAL FEATURES OF TRANSFORMATION OF URBAN SETTLEMENT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN ACCORDING TO THE RESULTS OF POPULATION CENSUS 2010 AND 2020

S. R. Khusnutdinova, D. I. Kasimov
*Kazan (Volga Region) Federal University,
Institute of City Development
Kazan, Russia, e-mail: deniikasimov@stud.kpfu.ru*

The article examines the features of the transformation of urban settlement in the Republic of Tatarstan based on data from the 2010 and 2020 population censuses. The use of comparative geographical and statistical research methods made it possible to analyze changes in the population of cities in the region. Brief descriptions of two cities that appeared during the period under review between the 2010 and 2020 censuses – Kukmor and Innopolis – are given. Conclusions about the features of the transformation of urban settlement in the Republic of Tatarstan are drawn.

Keywords: urban population; population resettlement; transformation; population census; urban; the Republic of Tatarstan

СОТРУДНИЧЕСТВО В ГАЗОВОЙ СФЕРЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И КИТАЯ

Ю.П. Иванова

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: iva_yulia@bk.ru*

В статье осуществлена оценка влияния газового сотрудничества на развитие приграничных регионов России и Китая в результате ввода в эксплуатацию газопровода «Сила Сибири». Проанализированы предпосылки и нормативно-правовые документы сотрудничества в газовой сфере. Провинция Хэйлунцзян рассмотрена как перспективная территория газового сотрудничества двух стран. Выявлены основные тенденции изменения промышленного сектора провинции, а также социальные проекты, которые стали возможны благодаря приходу российского газа.

Ключевые слова: энергетическая безопасность; газовое сотрудничество; «Сила Сибири»; природный газ; провинция Хэйлунцзян.

В китайском газовом секторе отчетливо прослеживается рост потребления: в 2017 г. он достиг 233,5 млрд м³, а по прогнозам в 2023 г. составит 390 млрд м³. Для сравнения, потребление газа в 2000 г. было почти в 10 раз меньше – 25,3 млрд м³. Вопросы энергетической безопасности, прежде всего в нефтяном и газовом секторах, имеют для экономики и политики Китая приоритетное значение. Рост доли углеводородов в структуре энергобаланса Китая служит основой роста производства, газ активно используется в энергетике, бытовом и промышленном секторах.

Под управлением Си Цзиньпина Китай стал поистине активной державой, ориентированной на энергетическую дипломатию с основными странами-производителями топлива, включая Россию [2]. Страны видят в энергетических ресурсах стратегический товар и инструмент внешней политики. Энергетическое сотрудничество России и Китая имеет продолжительную историю, которое в XXI в. вылилось в крупнейший инфраструктурный проект «Сила Сибири». Соглашение о постройке «Силы Сибири» было достигнуто между КНР и РФ в 2014 г. Газопровод был запущен в эксплуатацию в конце 2019 г. Сегодня сотрудничество в рамках проекта имеет большое политическое и экономическое значение для двух стран, способствует энергетической безопасности Китая и развитию приграничных регионов двух стран.

Спрос на газ, в первую очередь, будет продолжаться расти в городах, обеспечивая нужды транспорта, коммерческого сектора и системы отопления. Также спрос на газ обеспечивает тепловая энергетика. В 2016 г. в Китае началось внедрение государственной программы Coal-to-Gas, которая направлена на перевод

промышленности страны с использования угля на газ и запрет на строительство новых угольных электростанций в некоторых городских агломерациях. Сокращение доли угля и увеличение роли природного газа в топливно-энергетическом комплексе Китая отвечает стратегическим целям страны, в том числе в реализации целей декарбонизации, сокращения выбросов парниковых газов и предотвращения изменения климата. Приход российского газа ведет к изменениям в структуре экономики регионов, делает ее более безопасной и эффективной.

Использование российского газа снижает зависимость Китая от традиционных поставщиков – Австралии и Катара, диверсифицирует источники энергии, тем самым повышая энергетическую безопасность страны.

Для России данный проект предоставляет новый рынок для экспорта газа и укрепляет ее экономические связи с Китаем, а также предоставляет возможность газификации и промышленного развития Восточной Сибири. ПАО «Газпром» построило Амурский газоперерабатывающий завод, который является важнейшей частью маршрута газопровода. Через него проходит газ с Ковыктинского и Чайнинского месторождений, перерабатывается, очищается и идет на экспорт. Кроме завода также были построены подъездные дороги и железнодорожные коммуникации, причал на р. Зее и жилой микрорайон для работников предприятия.

Главным партнером и получателем газа с китайской стороны является провинция Хэйлуцзян. Провинция уже давно является важным центром приграничной торговли и экономического сотрудничества между Китаем и Россией, а сотрудничество в газовой сфере открыло для провинции новые возможности для повышения энергетической безопасности и стимулирования экономического роста региона. Российский газ является условием газификации провинции и ее экономического роста.

Соотношение добычи и потребления газа в провинции Хэйлуцзян с 2013 по 2019 г. значительно изменилось (табл.).

Таблица

Динамика потребления и производства газа в провинции Хэйлуцзян, 2013-2021 гг.

Годы	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013
Потребление, млрд м ³	н/д	н/д	44,37	43,84	40,56	38,04	35,82	35,48	37,77
Производство, млрд м ³	50,5	46,8	45,66	43,54	40,54	38,04	35,82	35,39	34,99
Сальдо, млрд м ³	н/д	н/д	1,29	-0,3	-0,02	0	0	-0,09	-2,78

Составлено автором по данным ист. [3]

До 2019 г. провинция имела отрицательное сальдо производства и потребления газа. После запуска трубопровода в 2019 г. виден профицит производства

над потреблением газа. Хэйлунцзян начал стремительно увеличивать потребление газа. Уровень газификации провинции по итогам 2019 г. составил 91,09%, уровень газификации Харбина – 100%.

Принятые в Китае «Набросок 14-го пятилетнего плана и Концепция народно-хозяйственного и социального развития провинции Хэйлунцзян до 2035 года», а также «План использования природного газа в городе Харбин (2019–2035)» содержат стратегию экономического и социального развития региона, а также планы на реализацию российского газа [4]. Приоритетной задачей Плана является проект «Газификация реки Лунцзян» [6]. В рамках проекта предусмотрено создание единой сети, интегрированной с сетью национального уровня и покрывающей все уровни городов и округов провинции. В дополнение к этому проводится работа по развитию газовой инфраструктуры, включая строительство магистральных трубопроводов для дальнейшего транспортирования газа, а также создание системы хранения газа разного уровня. Цель данной стратегии – ускорение темпов использования природного газа, повышение доли природного газа в общем потреблении энергии, улучшение качества окружающей среды и содействие зелёному развитию Харбина и сельских поселений провинции.

Кроме того, запущены государственные проекты для упрощенного перехода населения на газовую технику. Помимо этого, внедряется проект по замене газовых плит в городах, поощряются городские газовые компании и производители газовых плит. Также существуют льготные пособия и бесплатные услуги по продаже газовых плит по сниженной цене или предоставление скидок [5].

Также Китай успешно реализует постройку тепловых электростанций в сотрудничестве с Россией. Особое внимание уделяется проекту ТЭС в Новом районе Харбина, которая будет работать на газе, поступающем из России по «Силе Сибири». С другой стороны, сам Китай является инвестором в российский энергетический сектор: в 2017 г. в Ярославской области была введена в эксплуатацию Хуадянь-Тенинская ТЭЦ, основным топливом для которой является природный газ. ТЭЦ является совместным проектом российской ПАО «ТГК-2» и китайской корпорации «Хуадянь» [1].

По данным на 2023 г., в провинции Хэйлунцзян в общей сложности насчитывается 127 концессионных участков газопровода, 123 газопровода, 16 заводов СПГ, 64 станции газификации СПГ, 25 базовых станций СПГ и 4 крупные станции природного газа. Например, 28 июля 2022 г. компания Provincial Communications Investment Zhuanglong New Energy Technology Co., Ltd. построила завод по аварийному хранению сжиженного природного газа (СПГ) в Цицикаре (фаза I), строители активизировали строительство в рамках проекта [7].

Использование природного газа ведет к диверсификации, следовательно, и росту устойчивости экономики провинции Хэйлунцзян. Провинция является старопромышленным центром Северо-Востока Китая. Здесь сосредоточены производства нефтехимического сектора (нефтеперерабатывающая и химическая индустрия), тяжёлой промышленности (производства горнодобывающего, нефтедобывающего оборудования, машиностроение), горнодобывающая промышленность. Крупнейшие из них базируются в Харбине, Муданцзяне, Дацине, Цицикаре. В провинции Хэйлунцзян газ широко используется в производстве удобрений, металлургической и химической промышленности. После запуска газопровода локомотивом роста промышленности в регионе стала газохимия, в ближайших планах – строительство парка химической промышленности.

Согласно Плану использования природного газа, промышленные котлы и печи на угле и нефти мощностью до 20 т пара в час должны быть как можно скорее заменены на природный газ. При этом существуют государственные программы субсидирования такой замены. Стимулировать использование газа вместо угля и нефти в первую очередь следует в отраслях пищевой промышленности, фармацевтики, машиностроения, стекольной и строительной промышленности, а также поощрять предоставление газа крупным потребителям со стороны газовых компаний за счет снижения цен и услуг по доставке

Компания «Газпром» осуществила множество инфраструктурных проектов на территории приграничных регионов, заводы по переработке газа, обеспечила работой многих людей, построила целые районы для рабочих в г. Свободном.

Китайская сторона посредством реализации проекта «Газификация Хэйлунцзяна» также построила множество энергетических, логистических, транспортных объектов. Также реализует программу замены устаревшего отопительного оборудования и сокращает выбросы парниковых газов.

Библиографический список

1. О компании. ООО «Хуадянь-Тенинская ТЭЦ» URL: <https://ht-tp.ru/index.php/ru/o-kompanii.html> (дата обращения: 01.10.2023).
2. Firmansyah, M., Anggraeni, S. China's energy diplomacy towards Russia in the Eastern Siberia pipeline development during President Xi Jinping period // *Dinamika Global: Jurnal Ilmu Hubungan Internasional*. 2021. № 6(02). P. 129–151. <https://doi.org/https://doi.org/10.36859/jdg.v6i2.699>
3. National Data / National Bureau of Statistics of China. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/adv.htm?m=advquery&cn=E0103> (дата обращения 14.08.2023).
4. 哈尔滨市天然气利用规划 (2019–2035 年). 哈尔滨市发展和改革委员会. Hāěrbīnshì tiānránqì liyòng guīhuà (2019–2035 nián). Hāěrbīnshì fāzhǎn hé gǎigé wěiyuánhùi. хээрбиньши тяньжэньци лиюнь гуйхуа (2019–2035 нянь). хээрбиньши фачжань хэ гайгэ вэйюаньхуэй (План использования природного газа в городе Харбин (2019–2035 гг.). Харбинская муниципальная комиссия по развитию и реформам). URL: <http://www.harbin.gov.cn/module/download/downfile.jsp?classid=0&filename=7e110d5d9ff340ee87cf494597787bd4.pdf> (дата обращения: 30.07.2023)
5. 黑龙江锅炉改造补贴政. Hēilóngjiāng guōlú gǎizào bǔtiē zhèng. Хэйлунцзян голу гайцао буте чжэн (Хэйлунцзян. Политика субсидирования модернизации котлов). URL: <http://www.tkzjt.com/showinfo-17-48-0.html> (дата обращения: 30.07.2023)

6. 实施“一张网”实现“气化龙江”目标 = Shíshī“ yì zhāngwǎng” shíxiàn“ qìhuà lóngjiāng” mùbiāo. Шиши“ и чжанван” шисянь“ цихуа лунцзян” мубяо (Реализация «единой сети» для достижения цели «газификации Лунцзяна»). Народное правительство провинции Хэйлунцзян). URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2018/0808/c312-10880897.html> (дата обращения: 02.08.2023)

7. 黑龙江省齐齐哈尔液化天然气(LNG)应急储气调峰工厂(一期)项目高温下加紧施工. Hēilóngjiāngshěng qíqíhāēg yèhuà tiānránqì(LNG) yìngjǐ chǔqì diàofēng gōngchǎng (yīqī) xiàngmù gāowēn xià jiājīn shīgōng. Хэйлунцзяншэн цицихаэр ехуа тяньжаныци(Лнг) инци чуци дяофэн гунчан (ици) сяну гаовэнь ся цзяцзинь шигун (Проект аварийного хранения сжиженного природного газа (СПГ) провинции Хэйлунцзян Цицикар (Qiqihar) и пикового завода (Фаза I) интенсифицирует строительство в условиях высоких температур). URL: <https://gas.in-en.com/html/gas-3661425.html> (дата обращения: 28.05.2023).

COOPERATION IN THE GAS SECTOR AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF RUSSIA AND CHINA

Yu. P. Ivanova

*First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia, e-mail: iva_yulia@bk.ru*

The article evaluates the impact of gas cooperation on the development of the border regions of Russia and China as a result of the commissioning of the Power of Siberia gas pipeline. The prerequisites and regulatory documents of cooperation in the gas sector are analyzed. Heilongjiang Province is considered as a promising territory for gas cooperation between the two countries. The main trends of changes in the industrial sector of the province, as well as social projects that have become possible due to the arrival of Russian gas, have been identified.

Keywords: energy security; gas cooperation; The Power of Siberia; natural gas; Heilongjiang Province.

Секция 5. Региональная организация жизнедеятельности людей

УДК 911.3+325.1(497-15)

ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ КАК РЕГИОН ТРАНЗИТНОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ¹

М.М. Агафшин, С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев

Институт Африки РАН

Москва, Россия, e-mail: agafoshinmm@gmail.com

В статье анализируется положение стран Западных Балкан в период миграционного кризиса, а также политика ЕС по управлению миграцией в регионе. Статья опирается на статистические материалы о численности мигрантов в регионе, числе фактов нелегального пересечения границ, а также соглашения и законодательные акты, регламентирующие управление миграцией. Страны Западных Балкан стали основными воротами для беженцев и нелегальных мигрантов в ЕС. Курс ЕС, направленный на экстернализацию и секьюритизацию своей миграционной политики, приводит к усугублению миграционной ситуации в регионе.

Ключевые слова: Западные Балканы; Европейский Союз; европейский миграционный кризис; секьюритизация; экстернализация

Балканский регион обладает собственным культурным, этническим и религиозным «лицом», чем сильно отличается от стран Западной Европы, составляющих ядро Европейского Союза (ЕС). В этой связи властями ЕС было решено принимать страны региона в свой состав как можно медленнее, постепенно приучая их общество к «демократическим ценностям ЕС». Согласно официальной позиции, перспектива членства в Евросоюзе должна стать стимулом для продвижения демократических реформ на Западных Балканах [5]. Однако в действительности политика Брюсселя по отношению к балканским странам носит дискриминационный характер: одни смогли получить одобрение на вхождение в ЕС; вступление других постоянно откладывалось. Ныне к Западным Балканам относятся пять стран, не входящих в ЕС: Албания, Сербия, Черногория, Северная Македония, Босния и Герцеговина, а также самопровозглашенная частично признанная Республика Косово.

Одной из основных причин усиления внимания ЕС к проблеме интеграции государств Западных Балкан стало его стремление ограничить доступ на свою территорию мигрантов из развивающихся стран. Особую актуальность для ЕС миграционная политика в отношении стран Западных Балкан приобрела с 2015–2016 гг., когда за несколько лет он принял 2,5 млн беженцев – беспрецедентный

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

© М.М. Агафшин, С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев, 2023

случай в послевоенной европейской истории [3]. Ключевым маршрутом для перемещений населения в Европу стал Балканский коридор – кратчайший путь, позволявший гражданам стран Ближнего Востока и Африки пересекать Западные Балканы, следуя в Западную и Северную Европу –прежде всего, в Германию и Швецию [1]. Так, из почти 1 млн беженцев, нашедших убежище в Германии в 2015 г., около 800 тыс. прошли через страны региона, в том числе более 600 тыс. были зарегистрированы в центре приема Прешево (Сербия) [9].

Начало миграционного кризиса пришлось на весну 2015 г., когда, не справляясь с наплывом беженцев, Греция временно приостановила их регистрацию на своей территории и дала возможность продвигаться дальше через Западные Балканы в страны Западной и Северной Европы. Страны Западных Балкан, через которые осуществлялся транзит мигрантов, выбрали для себя три возможные стратегии реагирования на миграционный кризис: предоставить мигрантов самим себе и бездействовать; активно содействовать их транзиту через свою территорию; закрыть границы, остановив потоки беженцев. При этом страны Западных Балкан нередко комбинировали эти стратегии, что еще больше усугубляло кризис в регионе [6].

Рекордное количество прибытий в ЕС по Балканскому маршруту произошло в 2015 г. (табл.); в дальнейшем их число стало сокращаться вследствие, прежде всего, изменения миграционной политики ЕС, выразившегося её секьюритизации [8].

Таблица

Нелегальные пересечения границ стран Западных Балкан, 2009 – июль 2023 г.

Год	Количество нелегальных пересечений границы, единиц
2013	19957
2014	43355
2015	764033
2016	130325
2017	12179
2018	5869
2019	15152
2020	26969
2021	61735
2022	145600
01–07.2023	52232

Источник: составлено авторами по [7].

Таким образом, перед ЕС встала задача выработки новой миграционной политики по управлению потоками беженцев и нелегальных мигрантов. Ее решение требовало оформления тесного сотрудничества со странами–соседями, в том числе в регионе Западных Балкан. В результате восприятия миграции как угрозы европейской безопасности и вынесения миграционного регулирования в область

внешней политики сформировались главные тренды миграционной политики ЕС, обусловившие её секьюритизацию и экстернализацию. Страны Западных Балкан были вынуждены следовать в фарватере миграционной политики ЕС, соответствие которой оценивалось в качестве одного из главных критериев их готовности к вступлению в ЕС.

В результате заключения соглашений, включающих «План Юнкера», договор между ЕС и Турцией, расширение полномочий агентства ЕС по безопасности внешних границ – Frontex и другие, странам ЕС удалось «закрыть» Балканский маршрут. В результате поток переселенцев снизился, ноне иссяк. К 2018 г., помимо основного маршрута *из Греции*, проходящего через Северную Македонию и Сербию в *Боснию и Герцеговину, Хорватию и далее в другие страны ЕС*, сформировалась система альтернативных [2]: через Албанию, Косово, Черногорию; Македонию, Косово, Сербию; Болгарию, Сербию. Эта диверсификация – за счет включения Боснии и Герцеговины, Албании, Черногории и Косово – повлекла за собой увеличение численности мигрантов в регионе. Так, в 2018 г. на Западные Балканы прибыли около 43 тыс. беженцев, в 2019 – 80 тыс., в 2020 – уже более 103 тыс. [10].

Обострение ситуации в начале 2020 г. было вызвано решением Турции открыть границу с Грецией для беженцев с целью давления на ЕС в период эскалации конфликта в сирийском Идлибе [4]. Только закрытие в марте 2020 г. почти всеми странами Западных Балкан своих границ в связи с пандемией Covid-19 смогло к концу года стабилизировать ситуацию на Балканском маршруте. Эти события еще раз показали важность для ЕС создания действенных механизмов сотрудничества в сфере управления миграционными процессами со странами транзитных регионов.

Несмотря на попытки ЕС ограничить незаконную иммиграцию, в последние годы она только растет. Так, в 2022 г. нелегально пересечь границу ЕС попытались более 330 тыс. человек, что на 64% больше, чем годом ранее. При этом на страны Западных Балкан приходилась почти половина всех нелегальных пересечений границ ЕС в прошлом году; судя по всему, и в 2023 г. регион останется главными воротами нелегалов в Европу [7].

В этой связи сомнительно, что Брюссель заинтересован в скорейшем превращении стран Западных Балкан в полноправных членов ЕС. Руководству последнего необходим контроль над этим регионом, превращение его в буферную зону, выполняющую функцию фильтрации и защитного барьера от нелегальных мигрантов. Такая стратегия Брюсселя в отношении Западных Балкан подразумевает лишь оказание странам региона ограниченной финансовой помощи по определяемым ЕС приоритетным направлениям сотрудничества (в том числе управ-

лению миграционными процессами), которая не идет ни в какое сравнение с объемами финансирования, необходимыми для развития экономик западно-балканских стран.

Библиографический список

1. Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Беженцы из Сирии и Ирака в Швеции: особенности расселения в период миграционного кризиса // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 4. С. 98–112. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-6
2. Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вест. Санкт-Петербургского ун-та. Науки о Земле. 2023. № 1. С. 29–43. DOI: 10.21638/spbu07.2023.102
3. Агафшин М.М., Захаров И.А. Роль Балканских стран в формировании миграционных потоков в Европейский Союз: геополитический аспект // Междунар. науч. конф. «Геополитические процессы в современном евразийском пространстве»: сб. работ. Баня-Лука, 2017. С. 463–470.
4. Власова К.В. Греко-турецкое противостояние и его влияние на регион Восточного Средиземноморья // Современная Европа. 2021. № 3. С. 27–37.
5. Щербак И.Н. Западные Балканы в стратегии Евросоюза // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 3. С. 41–47. DOI: 10.15211/vestnikieran320214147
6. Abikova J., Piotrowicz W. Shaping the Balkan corridor: Development and changes in the migration route 2015–16 // International Migration. 2021. Vol. 59, no. 5. Pp. 248–265. DOI: 10.1111/imig.12828
7. Illegal border crossings on the Western Balkans route. Council of the EU and the European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/western-balkans-migration-route/> (дата обращения: 17.09.2023).
8. KogovšekŠalamon N. Asylum Systems in the Western Balkan Countries: Current Issues // International Migration. 2016. Vol. 5, no. 6. Pp. 151–163. DOI: 10.1111/imig.12273
9. Mandić D. Anatomy of a Refugee Wave: Forced Migration on the Balkan Route as Two Processes. 2017. URL: <https://www.europenowjournal.org/2017/01/04/anatomy-of-a-refugee-wave-forced-migration-on-the-balkan-route-as-two-processes/> (дата обращения: 30.08.2023).
10. Migration Trends in the Western Balkans 2022. IOM. URL: <https://bih.iom.int/resources/migration-trends-western-balkans-2022> (дата обращения: 30.08.2023).

WESTERN BALKANS AS A TRANSIT MIGRATION REGION TO THE EUROPEAN UNION

M. M. Agafoshin, S. A. Gorokhov, R. V. Dmitriev

Institute for African Studies, RAS

Moscow, Russia, e-mail: agafoshinmm@gmail.com

The article analyzes the situation in the countries of the Western Balkans during the migration crisis, as well as the EU policy on migration management in the region. The article is based on statistical materials on the number of migrants in the region, the number of facts of illegal border crossing, agreements and legislative acts regulating migration management. The countries of the Western Balkans have become the main gateway for refugees and illegal migrants to the EU. The EU's policy of externalization and securitization of migration policy leads to an aggravation of the migration situation in the region.

Keywords: Western Balkans; European Union; European migration crisis; securitization; externalization.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Т.А. Балина, К.С. Осоргин, А.С. Смирнова, Л.Ю. Чекменева
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия, e-mail: seg@psu.ru

В статье представлена методика оценки процессов дезурбанизации на примере моногородов Пермского края, включающая критерии определения жизнестойкости городов, среди которых наиболее значимыми являются транспортно-географическое положение, сохранение производственных и административных функций и показатели демографической ситуации.

Ключевые слова: дезурбанизация; жизнестойкость городов; моногорода; исчезающие города; Пермский край

Постановка проблемы. Процессы урбанизации, имеющие многовековую историю, являются многовекторными, имеют множество аспектов проявления. Они могут носить как «созидательный» характер, направленный на появление городов и формирование агломераций, так и отрицательный, получив обобщающее название «дезурбанизация». Дезурбанизация как общественный феномен имеет последствия различной степени тяжести, в том числе исчезновение городских поселений и появление «городов-призраков». Данное явление требует комплексного географического изучения, поскольку позволяет прогнозировать данные процессы, снизить риск негативных последствий, своевременно принять меры по решению социальных вопросов. Кризис добывающих производств и отраслей тяжелой промышленности обусловил дезурбанизацию в старопромышленных регионах, в том числе в Горнозаводском Прикамье, где ряд моногородов имеет высокий риск утраты статуса города.

Методы и источники данных. В работах географов процессы дезурбанизации получили развитие в контексте идеи «сжатия пространства», что созвучно выбранной нами тематике. Специалисты выделяют два типа сжатия социального пространства – коммуникационное и локационное [2]. Особую тревогу вызывает второй тип – локационное сжатие, который имеет негативный окрас. Оно проявляется потерей обжитых, освоенных, экономически активных земель.

За рубежом по проблемам так называемых Ghost Towns разработаны и успешно реализуются различные сценарии реновации и «перезагрузки» городов-призраков. Они нацелены на создание новых видов деятельности, например, научно-образовательных, культурно-спортивных, туристических функций. Но это возможно в условиях высоких показателей плотности населения, урбанизации и дорожно-транспортной инфраструктуры.

Для российских реалий европейский опыт отчасти интересен, но не может быть взят за основу, так как большинство регионов, столкнувшихся с проблемами дезурбанизации, отличается низкой плотностью населения «очаговость» заселения.

Теоретическим фундаментом исследования исчезающих городов и других аспектов дезурбанизации выступила концепция о Территориальных социально-экономических системах (ТСЭС), предложенная Шарыгиным М.Д. как концептуальная модель для комплексного изучения географического объекта [5], в котором экономические и социальные сферы взаимообусловлены и тесно переплетены. ТСЭС – это не только структурная модель, описывающая все подсистемы города. Являясь также функциональной моделью, она позволяет рассматривать иерархическое соподчинение городов в системе более высокого ранга. Данная методика позволила реализовать геосистемный подход, поэтому город рассматривается как сложная и динамичная совокупность взаимосвязанных элементов и часть региональной системы расселения.

Пространственно-временной подход изучения дезурбанизации предполагает, во-первых, исторический анализ изменения системы расселения с выделением определенных этапов, причин исчезновения городов, факторов и последствий; во-вторых, выявление пространственных особенностей дезурбанизации, общие и специфические черты их проявления, территориальные закономерности и тенденции.

Масштабные исследования исчезающих городов проведены Н.Ю. Замятиной и ее коллегами в районах Российского Севера [3]. Авторы обосновали методику многофакторного анализа и расчета потенциала жизнестойкости 27 арктических городов. Ими выделены 19 количественных индикаторов состояния населенных пунктов по следующим подсистемам: экономической специализации, жизнеобеспечения и коммунального хозяйства, социально-культурной, природно-экологической, административно-управленческой.

Значительное влияние на сохранение статуса малых городов оказывает их транспортно-географическое положение, поскольку высокая транспортная доступность и близость более крупного и мощного центра может привести к усилению миграции, снижению трудового потенциала.

О важности функции управления говорится в работах Е.Г. Анимицы и его коллег в исследованиях малых городов Урала, многие из которых имеют одно градообразующее предприятие. Рассматривая оптимистический и пессимистический подходы при разработке стратегии развития моногородов, авторы подчеркивают важность сохранения функции управления [1].

Таким образом, геосистемный подход диагностики потенциально исчезающих городов Пермского края позволил оценить ситуацию с точки зрения сохра-

нения или утраты их производственных и административных функций, транспортно-географического положения и критических изменений социально-демографической ситуации. Наиболее важным критерием этих процессов являются темпы сокращения численности населения и деформация половозрастной структуры.

Результаты. Участь исчезающих городов и поселений-призраков не обошла и Пермский край. В постсоветский период закрытие угледобычи, сокращение металлургических и лесоперерабатывающих производств привело к кризису во многих городах. Опираясь на геосистемный подход и перечисленные выше методики, мы выделили четыре основных фактора, определяющих «судьбу» потенциальных исчезающих городов (табл.).

Таблица 1

Основные факторы исчезновения городов

Город	Численность населения, 2023 г., тыс. чел.	Динамика численности населения	Промышленная функция	Географическое положение	Административная функция
Горнозаводск	10,9	прирост	сохранена	на трассе межрегионального значения	сохранена
Кизел	15,3	<i>сильная убыль</i>	<i>утрачена в конце 20 в.</i>	на трассе внутрикраевого значения	сохранена
Красновишерск	14,2	слабая убыль	<i>утрачена в конце 20 в.</i>	на трассе внутрикраевого значения	сохранена
Александровск	10,5	слабая убыль	<i>частично утрачена в конце 20 в.</i>	на трассе внутрикраевого значения	сохранена
Чердынь	4,5	слабая убыль	<i>утрачена в 18 в.</i>	на трассе внутрикраевого значения	сохранена
Усолье	6,4	слабая убыль	<i>утрачена в 18 в.</i>	<i>на трассе внутрирайонного значения, в составе агломерации</i>	<i>утрачена в 21 в.</i>
Чёрмоз	2,9	<i>сильная убыль</i>	утрачена в 18 в.	на трассе внутрирайонного значения, на реке Кама	нет
Гремячинск	8,1	<i>сильная убыль</i>	<i>утрачена в конце 20 в.</i>	на трассе внутрикраевого значения	<i>утрачена в 21 в.</i>
Губаха	22,9	<i>сильная убыль</i>	сохранена	на трассе внутрикраевого значения	сохранена

Чердынь является весьма интересным исключением из общего для страны «городского правила»: на протяжении нескольких десятилетий этот город не имеет 5 тыс. чел. населения, но сохраняет статус города (рис. 1). Иная картина сложилась в Усолье, утратившем статус города и ставшем частью более крупного и мощного соседа – Березников.

На втором графике отражены темпы сокращения населения в двух городах, где также тенденции сходны, но результат разный. Особую тревогу вызывает Гремячинск.

мячинск. Этот город с угледобывающей специализацией стал сокращаться полвека назад, отдавая население в близлежащие более перспективные города Кизеловско-Губахинской конурбации (рис. 2).

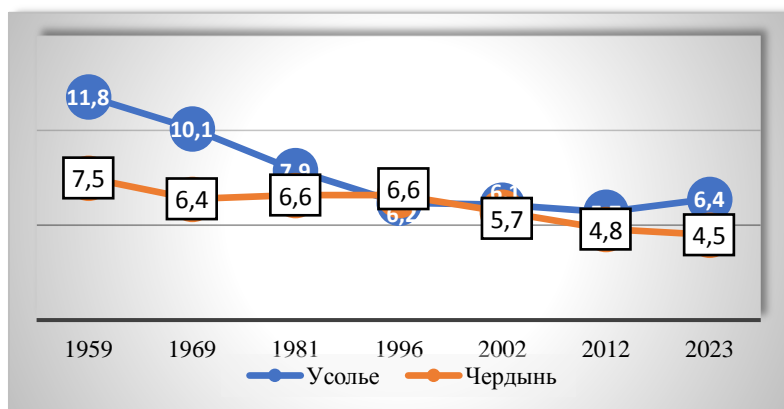

Рис. 1. Динамика численности населения Чердынь и Усолья, тыс. чел. [4]

В настоящее время в Гремячинске проживают менее 10 тыс. чел. Здесь сложилась критическая демографическая ситуация, определяемая низким общим коэффициентом рождаемости (9,3 ‰), который почти в три раза ниже общего коэффициента смертности (25,4 ‰) [4]. Поскольку город оказался относительно близко к Губахе, то и попал «под его влияние», потеряв административные функции в результате объединения с Губахинским городским округом.

Рис. 2. Динамика численности населения Гремячинска и Кизела, тыс. чел. [4]

Траектория сокращения численности населения города Кизела (рис. 2) в общих чертах идентична траектории Гремячинска. Кизел давно бы мог превратиться в призрак, но даже при ликвидации угледобычи и сокращении численности населения он сохраняет свою административную роль в системе расселения. Хотя процесс депопуляции начался полвека назад, но город пытается законсервировать административные функции, хотя риск войти в Губахинский городской округ довольно высок.

Выводы. Для диагностики процесса превращения моногородов в исчезающие города важно учитывать сочетание таких факторов, как транспортно-географическое положение, наличие градообразующих видов деятельности, роль в системе расселения (выполнение административных функций), динамику численности населения. Наличие двух и более негативных критериев свидетельствует о возникновении необратимых процессов исчезновения городского поселения.

В Пермском крае к потенциально исчезающим городам отнесены Гремячинск, Усолье и Кизел, где ситуация выглядит критичной.

Проводимые территориально-административные реформы, создание городских округов, смена статуса поселений может привести к необратимым последствиям. Для многих поселений это может превратиться в практику «дожития». Нужны комплексные исследования, дополненные социологическими опросами местного населения, поскольку такие реформы нельзя проводить без комплексной социально-географической диагностики.

Библиографический список

1. Анимица Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение: учебное пособие. Изд. 4-е, перераб. и доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экономического ун-та, 2010. 433 с.
2. Нефедова Т. Г, Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 31-53. DOI 10.17323/demreview.v7i2.11138.
3. Оценка потенциала жизнестойкости городов российской Арктики / Н. Ю. Замятина, Е. А. Котов, Р. В. Гончаров [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2022. № 5. С. 52-65.
4. Официальный сайт Пермьстата. <https://59.gosstat.gov.ru/> (Дата обращения: 22.05.2023 г.).
5. Шарьгин М.Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. 2006. № 1(3). С. 4-13.

METHODOLOGY FOR ASSESSING CITY RESILIENCE (BASED ON THE EXAMPLE OF THE PERM REGION)

T. A. Balina, K. S. Osorgin, A. S. Smirnova, L. Yu. Chekmeneva
Perm State University, Perm, Russia, e-mail: seg@psu.ru

The article presents a methodology for assessing deurbanization processes using the example of single-industry towns in the Perm Territory, including criteria for determining the viability of cities, among which the most significant are transport and geographical location, preservation of production and administrative functions and indicators of the demographic situation.

Keywords: deurbanization, urban resilience, single-industry towns, disappearing cities, Perm region

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И.С. Баранова, Д.Н. Липухин

Уральский государственный педагогический университет

Екатеринбург, Россия, e-mail: i.s.baranova@mail.ru

В статье рассмотрена совокупность социально-экономических условий состояния здоровья населения Свердловской области. Проанализированы статистические данные социально-экономического положения региона, заболеваемости и демографического развития его населения. В результате исследования сделаны выводы о степени воздействия условий жизнедеятельности и необходимости их мониторинга для улучшения здоровья населения.

Ключевые слова: здоровье населения; социально-экономические факторы; Свердловская область.

Постановка проблемы. В настоящее время состояние здоровья населения во многом определяется социально-экономическими условиями проживания. Воздействие носит как позитивный, так и негативный характер. Здоровье населения в значительной мере зависит от уровня социальной напряженности, представляемой, как правило, уровнем безработицы и уровнем преступности. Социальный стресс как фактор отрицательного давления на человека определяется состоянием бытовых условий, качеством медицинского обслуживания, величиной покупательной способности, уровнем демографической нагрузки и пр.

Методы и источники данных. Основным методом данного исследования стал анализ статистических данных заболеваемости населения, показателей демографического развития и социально-экономического положения Свердловской области. Источником послужили материалы Свердловскстата и Роспотребнадзора [1, 3, 4].

Результаты. Согласно исследованиям, наиболее значимым для популяционного здоровья является уровень социального благополучия населения, который выражается в таких показателях, как уровень благоустройства и обеспеченность медицинской помощью. В случае недостаточной обеспеченности фактор проявляется в повышении смертности и заболеваемости, снижении рождаемости. Многочисленные исследования показывают связь между плохими жилищными условиями и состоянием здоровья человека. Неудовлетворительное состояние стен и крыш не поддерживают необходимые параметры температуры, влажности и шумоизоляции, способствуют заражению жилища насекомыми и грызунами [2]. Это приводит к возникновению респираторных, аллергических, сердечно-сосудистых, цереброваскулярных, психосоматических, инфекционных заболеваний. Низкая доступность здравоохранения увеличивает риск развития

хронического заболевания и невозможности своевременного оказания медицинской помощи при острой форме.

На территории Свердловской области в аварийном жилом фонде проживает более 20000 граждан, что составляет примерно 0,5% от численности населения региона. Жилищные условия этой части населения не соответствует санитарным и техническим нормам. Уровень газификации жилья в городской местности Свердловской области составляет 61%, а в сельской местности – менее 19%. Жилищный фонд региона обеспечен водопроводом и канализацией на 81%, центральным отоплением на 84%, горячим водоснабжением, а также ваннами или душем на 73%, электрическими плитами на 27%. В строительстве жилья на территории Свердловской области наблюдается положительная динамика – около 120% за прошедший период 2023 г. по отношению к тому же периоду 2022 года.

Обеспеченность жителей Свердловской области медицинскими кадрами разной специализации варьирует от 8 до 15 на 10 тысяч человек, укомплектованность медицинскими работниками составляет от 70 до 95%, число больничных коек круглосуточных стационаров на 1000 человек более 230. В среднем по региону число посещений врачей на тысячу человек в течение года составляет 9,3. Станциями скорой медицинской помощи на выездах и амбулаторно оказывается помощь в среднем за год около 260 случаев на 1000 человек.

Экономическая ситуация в стране оказывает влияние на здоровье населения посредством изменения уровня доходов, доступности услуг здравоохранения, разнообразия ассортимента в магазинах и аптеках. Как правило, 10-% сокращение ВВП приводит к увеличению смертности населения на 3%. Финансовые трудности сокращают расходы на здоровое питание, лекарства, визиты к врачу и обследования. Экономическое развитие территории Свердловской области характеризуется положительными тенденциями. В регионе наблюдается увеличение оборота розничной торговли (в 2023 г. более чем на 3 % по отношению к 2022 г.). Индекс физического объема валового регионального продукта после некоторого снижения в 2020 г. по итогам 2021 г. составил 104,7%.

Согласно исследованиям, уровень безработицы снижает смертность населения на пять случаев на десять тысяч человек. Проживание на территории с высоким уровнем преступности вследствие активации стрессовых реакций способствует метаболической и вегетативной дисрегуляции. Криминогенная обстановка является препятствием к потреблению ресурсов магазинов, аптек, оздоровительных центров. Уровень регистрируемой безработицы в Свердловской области составляет менее 1%. Однако, в ряде муниципальных образований показатель превышает 2% (на территории Восточного и Северного управленческих округов). Главным образом это характерно для моногородов (центр цветной ме-

таллургии Кировград – уровень зарегистрированной безработицы 2,43%) и монопрофильных муниципальных образований (специализирующийся на лесопереработке Таборинский район – 2,52%) региона.

По данным Свердловскстата размер среднемесячной заработной платы в регионе в 2023 г составил более 58000 рублей, что на 14% выше предыдущего года и более чем на 30% выше, чем в 2018 г. Минимальная заработная плата на 1 января 2023 г. составила для всех категорий работников 16242 рубля. На 1 июля 2023 г. о задолженности по заработной плате заявили три предприятия Свердловской области (652 человека), что на 1,6% выше аналогичного показателя 2022 г. Среднедушевые денежные доходы населения в 2023 г. составили более 50000 рублей, что на 9% выше предыдущего периода. Реальные денежные доходы населения субъекта выросли в 2023 г. на 10,5% по сравнению с 2022 г. Уровень располагаемых ресурсов домашних хозяйств в 2023 г. представлен в размере 28524 рубля в сельской местности и 34418 рублей в городской местности.

Средний размер пенсии в натуральном выражении на территории Свердловской области на 1 сентября 2023 г. составил 19370 рублей. Величина прожиточного минимума установлена в размере 14088 рублей на душу населения. Уровень бедности в процентах от общего населения в регионе в 2022 г. составил 8,3%. В сельских населенных пунктах проживает 32% от численности малоимущего населения области. Пенсионеры составляют 4% от всех малоимущих в регионе. Для оказания социальной поддержки населению Свердловской области в 2022 г. было направлено 7827300 тыс. рублей, что на 30% больше предыдущего года.

По сравнению с 2022 г. число зарегистрированных преступлений сократилось на 4,6%. Однако, на 9,6% выросла доля тяжких, на 8,2% – доля особо тяжких преступлений. Более половины совершенных преступлений связано с хищением чужого имущества (мошенничество, грабеж, разбой). Продолжает оставаться значительным число преступлений, связанных с использованием информационных телекоммуникационных технологий (кражи с банковских счетов). За 2022 г. снизилось число преступлений, совершенных в общественных местах на 3,5%, и на 7,8% уличных преступлений. Более 30% преступлений на территории Свердловской области совершается в состоянии алкогольного опьянения. В тоже время снижается число преступлений в состоянии наркотического и токсического возбуждения (на 8,7% за 2022 г.), а также в сфере незаконного оборота наркотиков (на 11,9%).

Высокий уровень индустриализации территории обуславливает наличие в окружающей среде определенных концентраций вредных веществ. Химические элементы, содержащиеся в выбросах и сбросах промышленных предприятий, вызывают неблагоприятные изменения в состоянии здоровья населения.

По объему производства Свердловская область занимает второе место в стране. На территории региона действует около 2,5 тысяч предприятий, более

половины которых относятся к металлургической отрасли. Кроме того, на Среднем Урале добывают руды черных и цветных металлов, асбест, редкоземельные элементы и другие полезные ископаемые. Свердловская область в 2022 г. вошла в число субъектов с наибольшим загрязнением атмосферы и водоемов в России (4,3% от выбросов в атмосферу в стране; 26% от общего числа инцидентов с загрязнением водоемов). Концентрация выбрасываемых в атмосферу фенола, формальдегидов, сероводорода, окиси азота, солей тяжелых металлов превышает предельно допустимые значения. В реки Свердловской области ежегодно попадает около 120 млн куб метров неочищенных промышленных и бытовых стоков, содержащих цинк, фенол, мышьяк, никель и нефтепродукты.

Начиная с 2016 г. Свердловская область переживает период депопуляции. Однако, показатели суммарного коэффициента рождаемости в этот период выше среднероссийских на 0,10-0,17. Наблюдается тенденция снижения численности женщин репродуктивного возраста. Пик ожидаемой продолжительности жизни пришелся на 2019 г. (71,8 года). Улучшение демографической ситуации тесно связано с повышением благосостояния населения.

Выводы. Социально-экономические факторы здоровья населения Свердловской области представлены рядом показателей как негативной, так и позитивной направленности.

Большинство социальных и экономических факторов, формирующих популяционное здоровье населения Свердловской области, показывают тенденцию к улучшению;

Улучшение нозологической и медико-демографической ситуации в Свердловской области требует учета всех составляющих социально-экономических факторов.

Библиографический список

1. Доклад о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Свердловской области в 2021 году / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Свердловской области, 2022 г. – URL: https://www.66.rospotrebnadzor.ru/c/document_library/get_file?uuid=09130ea3-ab49-4c27-b4b6-06792a94c295&groupId=10156(дата обращения: 18.09.2023)
2. Кислицына О.А. Влияние жилищных условий и среды проживания на состояние здоровья россиян // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 3. С. 342-353. <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zhilischnyh-usloviy-i-sredy-prozhivaniya-na-sostoyanie-zdorovya-rossiyan>(дата обращения: 18.09.2023)
3. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. Свердловская область. Муниципальная статистика. Статистика / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. Официальный сайт. – URL: https://66.rosstat.gov.ru/main_indicators(дата обращения: 18.09.2023)
4. Свердловская область в цифрах`2023. Статистический сборник./ Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – Екатеринбург, 2023 – 80 с. – URL: <https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Свердловская%20область%20в%20цифраx,%202023.pdf>(дата обращения: 18.09.2023)

SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF HEALTH OF THE POPULATION OF THE SVERDLOVSK REGION

I. S. Baranova, D.N. Lipukhin

Ural State Pedagogical University

Ekaterinburg, Russia, e-mail: i.s.baranova@mail.ru

The article examines the totality of socio-economic conditions of the health of the population of the Sverdlovsk region. Statistical data on the socio-economic situation of the region, morbidity and demographic development of its population are analyzed. As a result of the study, conclusions were drawn about the degree of impact of living conditions and the need for their monitoring to improve public health.

Keywords: public health; socio-economic factors; Sverdlovsk region.

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Л.П. Богданова, А.С. Щукина

*Тверской государственной университет,
Тверь, Россия, e-mail: Bogdanova.LP@tversu.ru*

В статье на примере четырех регионов России рассмотрены межмуниципальные различия демографических процессов. Проанализированы социально-экономические и географические факторы, определяющие эти различия. Выделены типы демографической ситуации и проведено сравнение исследуемых регионов.

Ключевые слова: факторы дифференциации; демографические процессы; размах вариации; типы демографической ситуации

Постановка проблемы. Анализ пространственных социально-экономических различий постоянно входит в круг интересов социально-экономической географии и региональной экономики. Причем в рамках этого направления сложилось своеобразное «территориальное разделение труда». Межрегиональный уровень территориальных неравенств и факторов, определяющих их содержание и масштаб, преимущественно закрепился за представителями столичных исследовательских центров (А.Г. Гранберг [3], Н.В. Зубаревич [5], В.Н. Лексин [6] и др.). Внутрирегиональный, межмуниципальный уровень исследований в основном состоит из работ представителей региональной науки, подробно изучающих свою территорию для целей региональной политики. Среди авторов, исследующих проблемы внутрирегиональных диспропорций в экономическом развитии, доходах, качестве жизни населения и способы управленческих воздействия по их снижению, можно назвать Н.В. Ворошилова [2], Е.С. Губанову [4], М.Ю. Малкину [7], А.А. Победина [8] и др.

Особое место занимает оценка различий в демографическом развитии муниципальных образований (МО). Демографические процессы, демографическая ситуация одновременно выступает как часть социально-экономического развития регионов, поскольку «отвечает» за воспроизводство главных ресурсов развития – человеческих, и как индикатор, чутко отражающий тенденции и проблемы развития регионов. В качестве объекта данного исследования выбраны четыре региона европейской части России, в которых за последние годы не проводились административно-территориальные преобразования – республики Карелия и Коми, Тамбовская область и Краснодарский край.

Методы и источники данных. Сложности изучения пространственной социально-экономической дифференциации обусловлены множественным харак-

тером и взаимосвязанностью факторов, которые ее определяют. Информационную базу обеспечивает официальная статистика регионального и муниципального уровня, в первую очередь, База данных муниципальных образований. Для количественной оценки пространственных различий используются приемы факторного анализа, статистические и картографические методы.

Результаты исследования. В качестве факторов, определяющих межмуниципальные различия, рассмотрены показатели социально-экономического развития регионов (ВРП – в целом и душевой, среднедушевые доходы населения, место региона в рейтинге социально-экономического развития), показатели транспортной освоенности (плотность автомобильных и железных дорог), а также пространственные особенности регионов – территория, конфигурация, положение регионального центра. Оценивались также особенности географического положения регионов, определяющие неодинаковые природно-климатические условия и разную степень освоенности отдельных частей регионов.

С учетом дифференцирующей значимости расселенческого фактора подробно проанализированы особенности городского и сельского расселения в регионах исследования (табл. 1,2).

Таблица 1

Показатели городского расселения

	Тамбовская область	Краснодарский край	Республика Карелия	Республика Коми
Численность городского населения, тыс. чел. (2022)	591,2	3 323,6	420,9	651,4
Число городов и ПГТ	20	40	24	38
Доля городского населения, %	61,1	57,1	81,2	78,3
Доля населения, проживающего в городах более 100 тыс. чел., %	27,1	35,0	44,7	30,1
Средняя людность городов, тыс. чел.	29,6	83,1	17,5	17,1
Густота городов на 100 км ²	0,06	0,05	0,01	0,009

Составлено авторами [9–12]

Таблица 2

Показатели сельского расселения

	Тамбовская область	Краснодарский край	Республика Карелия	Республика Коми
Численность сельского населения, тыс. чел. (2022)	395,0	2 531,8	119,2	162,2
Плотность сельского населения, чел/км ²	11,4	32,6	3,5	0,5
Число СНП	1555	1726	821	718
Доля СНП без населения в общем числе сельских населённых пунктов, %	6,3	2,3	18,3	9,3
Средняя людность СНП, чел.	389,5	1442,7	182,1	304,1
Среднее расстояние между сельскими населёнными пунктами, км	7,3	6,7	15,3	17,4
Количество опорных центров расселения с численностью более 200 чел.	459	1107	141	200

Составлено авторами [9–12]

Для анализа пространственных различий демографических процессов использованы показатели динамики численности населения, естественного и миграционного движения населения (рассчитаны усредненные за 3 года коэффициенты депопуляции и миграционного состояния), возрастной структуры населения (табл.3).

Таблица 3

Дифференциация демографических показателей в регионах исследования

	Тамбовская область	Краснодарский край	Республика Карелия	Республика Коми
Коэффициент депопуляции				
Максимальное значение	4,4	2,1	3,6	2,4
Минимальное значение	1,1	0,8	0,9	0,8
Размах вариации	3,3	1,3	2,7	1,6
Доля МО с показателем менее 1,0, %	0,0	4,5	5,5	5,0
Доля МО с показателями выше среднего по региону, %	50	41	38	55
Коэффициент миграционного состояния				
Максимальное значение	1,8	1,5	1,7	1,5
Минимальное значение	0,98	0,5	0,9	0,9
Размах вариации	0,8	1,0	0,8	0,6
Доля МО с показателем меньше 1,0, %	3,2	59,1	22,2	5,0
Доля МО с показателями выше среднего по региону, %	40	41	28	50
Доля лиц старше трудоспособного возраста, %				
Максимальное значение	36,9	30,8	35,0	33,4
Минимальное значение	25,7	20,4	21,9	15,4
Размах вариации	11,2	10,4	13,1	18
Доля МО с показателями выше среднего по регион, %	50	48	56	35

Составлено авторами [7–12]

По показателям естественного движения населения наибольший размах вариаций выявлен в небольшой и относительно равномерно освоенной Тамбовской области, по показателям миграционного движения – в Краснодарском крае.

На основе анализа демографических показателей выделены 4 типа демографической ситуации: благоприятная, относительно благоприятная, относительно неблагоприятная и неблагоприятная. К МО с благоприятной демографической ситуацией отнесены те, в которых отмечается положительная динамика численности населения, естественный и миграционный прирост. К МО с относительно благоприятной ситуацией отнесем те, в которых отмечается положительная динамика численности, миграционный прирост и естественная убыль населения. К районам с относительно неблагоприятной ситуацией отнесены МО, в которых динамика численности населения за 2010-2020 гг. находится в интервале от 85–

100%, а также отмечается естественная и миграционная убыль. К районам с неблагоприятной демографической ситуацией отнесены МО, в которых отмечается естественная и миграционная убыль, динамика численности населения менее 85%.

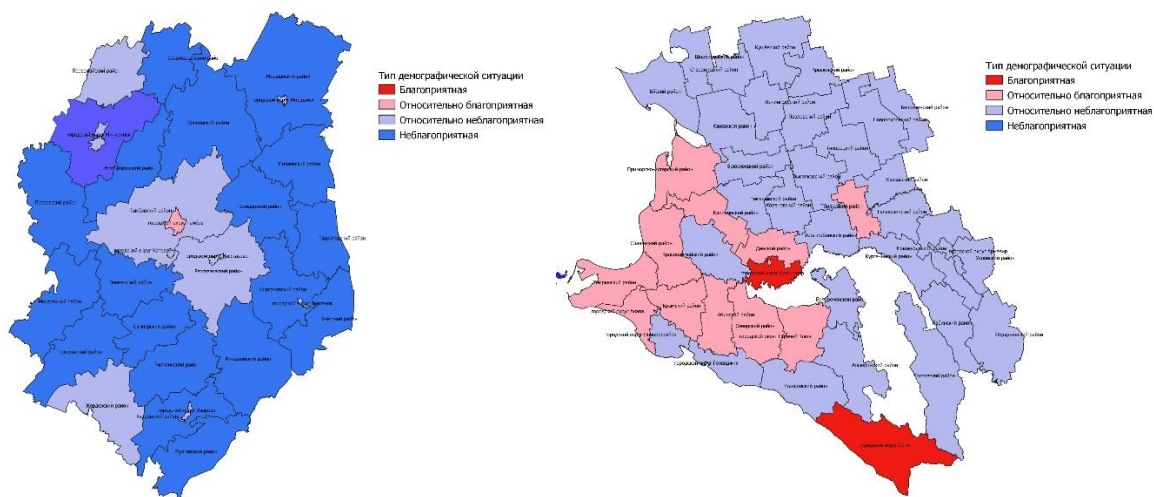

Рис. 1. Типы демографической ситуации в МО Тамбовской области и Краснодарского края

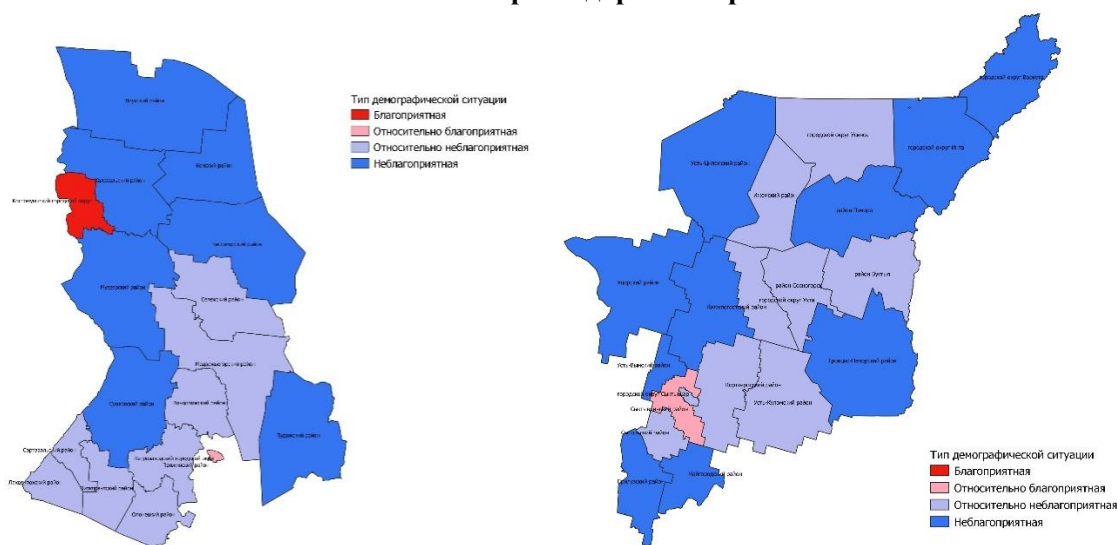

Рис. 2. Типы демографической ситуации в МО Республики Карелия и Республики Коми

В таблице 4 представлена группировка муниципальных образований исследуемых регионов по типам демографической ситуации. Наиболее благоприятная демографическая ситуация наблюдается в МО Краснодарского края, где отсутствуют МО с неблагоприятной ситуацией и 29,5% составляют МО с благоприятной и относительно благоприятной ситуацией.

Неожиданный результат получился по Тамбовской области – самый небольшой и относительно равномерно заселенный регион, с центральным расположе-

нием главного города – показал наибольшие различия по демографическим показателям и в целом демографическое неблагополучие – из 30 МО в 18-ти наблюдается неблагоприятная демографическая ситуация.

Пространственные особенности демографических процессов в республиках Карелия и Коми прежде всего определяется природно-климатическими условиями и характером освоения природных ресурсов.

Таблица 4

Группировка МО регионов исследования по типу демографической ситуации

Тип демографической ситуации	Тамбовская область	Краснодарский край	Республика Карелия	Республика Коми
Благоприятная	-	2	1	-
Относительно благоприятная	1	11	2	1
Относительно неблагоприятная	11	31	9	6
Неблагоприятная	18	-	8	10

Выводы. Как показывает не только данное, но и ранее проведенные исследования [1], внутрирегиональные различия демографических процессов являются результатом воздействия сложной совокупности факторов. При этом вычлениить влияние отдельных факторов с учетом их взаимосвязанности очень сложно. Определяющую роль играют особенности экономического развития и структура расселения, которые в свою очередь отражают влияние других факторов – географического положения, природно-климатических условий и др.

Библиографический список

1. Богданова Л.П., Щукина А.С. Изучение демографических процессов на внутрирегиональном уровне // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика / под ред. А.П. Катровского, В.Е. Шувалова, А.А. Агирречу. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. С. 61–68.
2. Ворошилов Н.В. Оценка и регулирование внутрирегиональной социально-экономической дифференциации. Автореф. дисс... канд. эконом. наук / 08.00.05. СПб: Ин-т проблем регион. экономики РАН, 2018. 18 с.
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. 4-е изд. 495 с.
4. Губанова Е.С., Ворошилов Н.В. Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация. Вологда: ФГБУН ВолНИЦ, 2020. 188 с.
5. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
6. Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регионы: экономика и социология. Новосибирск. 2009. № 3. С. 19–40.
7. Малкина М.Ю. Оценка факторов внутрирегиональной дифференциации доходов населения РФ // Пространственная экономика. 2015. №3. С. 97–119.
8. Победин А.А. Внутрирегиональная дифференциация социально-экономического развития: методология анализа и политика выравнивания. Екатеринбург: УрАГС, 2010. 199 с.
9. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области.: URL: <https://68.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.03.2023).
10. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея URL: <https://23.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.03.2023).
11. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. URL: <https://10.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.03.2023).

12. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Коми.
URL:<https://11.rosstat.gov.ru/>(дата обращения: 20.03.2023).

FEATURES OF INTRA-REGIONAL DIFFERENTIATION DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REGIONS OF EUROPEAN RUSSIA

L.P. Bogdanova, A.S. Schukina

Tver State University

Tver, Russia, e-mail: Bogdanova.LP@tversu.ru

Using the example of four regions of Russia, the article examines intermunicipal differences in demographic processes. The socio-economic and geographical factors that determine these differences are analyzed. The types of demographic situation are identified and the regions under study are compared.

Key words: differentiation factors; demographic processes; range of variation; types of demographic situation

ПОЛОЖЕНИЕ ГОРНЫХ РАБОЧИХ В КАЗАХСТАНЕ

А.С. Бурнасов^а, С.С. Джунусова^б, А.А. Степанов^в, А.В. Степанов^г

^аУральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия,

e-mail: asburnasov@urfu.ru

^бИндустриальный институт, г. Рудный, Казахстан

В статье дан анализ положения горных рабочих в Казахстане с момента зарождения горнодобывающей промышленности до настоящего времени. Отмечено, что горнодобывающая отрасль является не только ведущей, но имеет стратегическое значение, обеспечивая стабильное развитие экономики и обеспечивая занятость населения. Именно горные рабочие положили начало формирования рабочего класса. На сегодняшний день в отрасли заняты высококвалифицированные специалисты, но условия труда на протяжении всего существования горной промышленности являлись тяжёлыми. Сложность положения занятых в данной отрасли в современное время заключается в аварийности многих шахт и недостаточном обеспечении модернизации производства.

Ключевые слова: горные рабочие; горная промышленность; горно-металлургический комплекс; шахты

Постановка проблемы. Горнодобывающая промышленность Казахстана всегда была ведущей отраслью производства, как в условиях планово-административной модели развития хозяйства, так и в период рыночных реформ. Именно в горной отрасли стал формироваться рабочий класс Казахстана и сегодня в горно-металлургическом комплексе (ГМК) трудится более 200 тысяч человек [1, с. 21]. Однако исследования о формировании «пролетариев» Казахстана, положения о горных рабочих нет. Целью статьи является исторический анализ формирования занятости в горной отрасли Казахстана и исследование их состояния до сегодняшнего дня. Цель определила задачи:

1. С историко-географических позиций проследить генезис и эволюцию появления первых казахских горных рабочих и их положение;
2. Дать анализ тенденциям, определяющим месту и роли горных рабочих в структуре занятости в Казахстане;
3. Определить перспективы улучшения положения горных рабочих в Казахстане.

Актуальность темы исследования заключается в определяющей роли ГМК в будущем экономическом развитии Казахстана, что свидетельствует о значительной доле казахского населения, занятого в этом отраслевом сегменте. Поэтому важно не только понять истинное положение горных рабочих Казахстана и определить перспективы улучшения их положения. Следует отметить, что в научной литературе известны труды А.Сборовского «Материалы к изучению горного дела в степных областях Западной Сибири и Тобольской губернии»,

опубликованного в 1896 году [2]. В исследовании приводятся данные по горным рабочим рудников трёх областей Казахстана: Семипалатинской, Семиреченской и Акмолинской. В.И. Семевский провёл исследование о положении рабочих на золотодобывающих приисках в XIX веке, затронув и золотые промыслы на территории Казахстана [3].

Методы. Исследование проведено на основе системного комплексного подхода, позволившего учесть всю совокупность факторов, влияющих на положение горных рабочих Казахстана в разные исторические периоды, принципов научной объективности и всесторонности. Нами были использованы диалектический, статистический, синтез, интервьюирование и другие методы.

Результаты исследования. В настоящее время Казахстан является экономически развитым государством с преобладанием ГМК как стратегического сектора экономики. Из более чем двух тысяч предприятий сто относятся к горнодобывающей отрасли, обеспечивая работой население республики.

Спрос на данную профессию на территории Казахстана стал формироваться в начале XIX века, когда стали открываться рудники и прииски. Появилась потребность в рабочей силе, и вербовщики стали активно привлекать казахов к работе на рудниках и заводах, стимулируя бедное население выдачей аванса в размере от 5 до 20 рублей [4, с.132]. Однако вырваться из нищеты, получив статус рабочего рудника, горнорудного завода или золотого прииска, было невозможно.

Особенно в тяжёлом положении оказывались рабочие, привлекаемые на золотые прииски, они попадали буквально в долговую кабалу. Хозяева приисков заключали с рабочими договор и давали им задаток чаще натурою и реже деньгами в размере трёхмесячной заработной платы. В результате, рабочий становился должником, так как не мог рассчитаться по окончании рабочего сезона, и вновь вынужден был работать на прииске. Ещё больше осложняло положение рабочих положение закона 1895 года о разрешении нанимать рабочих «с круговой друг за друга порукой». Так, на золотых промыслах в Кокбектинском округе Казахстана оплата труда рабочих казахов определялась не за проделанную работу, а ежемесячно от 2 до 5 рублей. Так как снабжение рабочих шло через приисковые лавки, то рабочий оставался должником и обязан был продолжать трудиться на руднике. В случае отказа работать за него должен был выплатить задолженность поручитель [5, с.751].

По сведениям В.И. Семевского, на рудниках Семипалатинской области в конце 1880 г. продолжительность рабочего дня составляла менее десяти часов, что было меньше, чем в других золотопромышленных районах Сибири [3].

В горной промышленности трудились мужчины, женщины и подростки. Так в Семипалатинской области в 1906–1907 г. было всего 2471 горных рабочих,

из них, работающих по контракту – 1303 человека, вольнонаёмных – 924. Абсолютное большинство были мужчины (1125 чел.) [5, с.751].

Следует отметить, что основная масса рабочих работала временно, только квалифицированные рабочие – мастера, плавильщики – работали постоянно, находились на годовом окладе и проживали с семьями при руднике или заводе. В 1895 г. на Степановском серебро–свинцовом заводе в Каркаралинском уезде работало 314 чел., в том числе 25 мастеровых, 5 плавильщиков и др. [4, с. 138].

Общее количество горных рабочих в Казахстане к концу XIX в. составляло 19 тыс., а в 1902 г. увеличилось до 30 тысяч человек. Труд рабочих был очень тяжёлым и «вредно отзывался на здоровье рабочих, и они после известного количества лет теряли силы, совершенно вырабатывались» – отмечал В.И. Семевский [3, с. XLIII].

В XX веке горнодобывающая промышленность в Казахстане получила своё ускоренное развитие и была сосредоточена в центральных и восточных областях. Это объяснялось экстенсивным развитием Западной и Восточной Сибири и включением предприятий Казахстана в формирующиеся территориально–производственные комплексы (ТПК). По модели планово–административной экономики СССР горнодобывающие предприятия Казахстана (Соколовско-Сарбайский ГОК, Лисаковский ГОК и др.) выступали важным системообразующим звеном предприятий черной и цветной металлургии азиатской части СССР. К слову, стоит отметить, что в эпоху «коммунистического правления» труд шахтера, вне зависимости от места работы, оценивался по высшим тарифным разрядам, с применением важных элементов как материального (санатории, профилактории, профсоюзные здравницы и т.д.), так и нематериального стимулирования (передовые бригады, доски почета, переходящие красные знамена, квоты на депутатские места и т.д.) В советский период особо следует отметить промышленное значение Карагандинских копей, Успенского рудника и Спасского медеплавильного завода.

В эпоху независимого Казахстана ГКМ играет ведущую роль в промышленности страны, обеспечивая стабильной работой население (табл. 1).

Таблица 1

Рост доли ГКМ в экономике Казахстана

Показатели роста	2020	2022
в ВВП	7%	13%
в общей структуре промышленности	18%	23%
в производстве продукции обрабатывающей промышленности	23,5%	48%
в экспорте	23%	20%

Составлено авторами по данным ист. [1, с. 21; 6, с. 149].

По данным за 2019 г. работники горнодобывающей сферы Казахстана получали достаточно высокие зарплаты – 401, 1 тысяч тенге, что значительно выше работников других отраслей промышленности, например, работники обрабатывающей отрасли получают около 189,2 тысяч тенге. Наименее оплачиваемыми работниками в сегменте отрасли являются «белые воротнички отрасли», средняя зарплата которых равняется 281,4 тысяч тенге [7].

Распределение средней зарплаты между высококвалифицированными специалистами в горнодобывающей отрасли представлено в табл.2.

Таблица 2

**Средние зарплаты высококвалифицированных специалистов
в горнодобывающих областях Казахстана в 2020 г.**

Должность	Зарплата в тенге	Зарплата (эквивалент) в руб.
Горный инженер	240000	42092
Маркшейдер	207500	36392
Геолог	191500	33586
Главный горный геолог	292900	51370

Составлено авторами по данным ист. [8].

Следует отметить, что профессия горного инженера входит в список самых востребованных наряду с профессиями сферы цифровых технологий [1, с.31]. Однако условия труда на казахских шахтах оставляют желать лучшего. По утверждению шахтёра-ветерана, члена Ассамблеи горняков П. Шумкина, инженерно-техническое оснащение и сама организация труда шахтёров осталась неизменной с советского периода. Это объясняет наибольшее количество травм и аварий на предприятиях горно-металлургического комплекса –19, 1 %. Особенно опасным является труд шахтёров, случаи аварий с жертвами происходят ежегодно [9]:

- 2006 г. – взрыв метана на шахте им. В. И. Ленина, погибли 41 человек;
- 2008 г. – авария на шахтах «Абайская» и «Гентекская», общее количество жертв – 35 человек;
- 2015 г. –177 несчастных случаев, в том числе с летальным исходом 20 случаев и с тяжелым исходом 67 случаев [10, с. 20];
- 2021 г. –авария на шахте «Абайская», шестеро погибших;
- 2022 г. – авария на шахте «Шахтинская» в Карагандинской области, пятеро рабочих погибли [11];
- 17 августа 2023 г. – пожар на шахте «Казахстанская» в Карагандинской, погибли пять шахтеров.

В декабре 2022 года президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев, выступая на заседании правительства, заявил, что производственный травматизм является реальной проблемой, только за 11 месяцев 2022 года на производстве пострадали 1124 работника, из них 157 погибли [11].

Приведённые факты свидетельствуют о непростом положении горных рабочих в Казахстане, достаточно высокая зарплата не может сгладить сложные условия работы и реальную опасность для жизни и здоровья горняков. Признаёт это и министр А. Куантыров: «Весьма непростые условия труда и не хватает там воздуха, есть определенный запах, токсичные выбросы» [11]. Газ в казахских шахтах появился уже в 50-е годы XX века, сегодня там просто невозможно находиться без риска для здоровья.

По вопросу положения рабочих горной промышленности Казахстана практически все учёные и общественные деятели единогласно считают необходимым принимать меры по решению проблемы улучшения условий труда и безопасности, особенно на шахтах. Учёные С.В. Баловцев, О.В. Воробьева, Н.Н.Монастырев, А.В. Копылова и другие предлагают, как можно быстрее внедрить в горное производство новые методы и технологии, обеспечивающие безопасность рабочих [10].

Очевидно, что решить проблему улучшения условий труда можно путём модернизации горного производства и сделать это следует незамедлительно. Горнодобывающая отрасль, как самая большая по объёму занятости населения в промышленном секторе и хорошо оплачиваемая, позволяет сохранить стабильность в экономике и обществе.

Одним из условий улучшения положения рабочих горной отрасли является внедрение более активного повышения квалификации работников, обучения новым, востребованным в отрасли профессиям: обогатитель, электрослесарь подземный, слесарь по обслуживанию и ремонту оборудования, горный инженер, проходчик. Особо обратить внимание на шахты Караганды, где условия труда горняков самые опасные. Здесь и повсеместно необходимо обеспечить рабочих современной спецодеждой и индивидуальными средствами защиты дыхательных путей.

Заключение. Проведенный анализ зарождения горной промышленности и профессии горного рабочего в Казахстане позволил сделать вывод о том, что условия работы горняков во все времена были тяжёлыми. В современное время зарплата работников горной отрасли является самой высокой в республике. Однако положение горных рабочих остаётся сложным, а труд тяжёлым. Особенно опасной является работа шахтёров, так как на шахтах в силу устаревшего оборудования и длительного срока работы, просто опасно работать. Часто происходят аварии и гибнут люди.

Для улучшения условий работы казахских горняков следует принять конкретные меры:

1. Произвести модернизацию шахт и оборудования, устранив опасность взрыва метана;

2. В современных шахтах и на заводах в связи с инновациями требуются высококвалифицированные кадры, поэтому следует обратить внимание на повышение квалификации и переподготовку горных рабочих;
3. Обеспечить работников горной промышленности современными средствами индивидуальной защиты и спецодеждой.

Библиографический список

1. Атлас новых профессий и компетенций Казахстана. 2020. №1. 107 с.
2. Сборовский А. Кн. 19, Материалы к изучению горного дела в степных областях Западной и Тобольской губернии. Омск, 1896. 226 с.
3. Рабочие на сибирских золотых промыслах: Ист. исслед. В.И. Семевского. Т. 1–2. – Санкт-Петербург: И.М. Сибиряков. – 2 т.; Т. 1.: От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. LXXXIV. 578 с.
4. Дильмухамедов Е.Д. Из истории горной промышленности Казахстана/ Е.Д. Дильмухамедов. А.-А.: Казахстан, 1975. 156 с.
5. Ипибиев С.К. Из истории золотодобычи на территории современного Казахстана: конец XIX – начало XX веков//«BylyeGody». 2020. Vol. 56 Is. 2. С.742–758.
6. Петросьян А.Р. Перспективы интеграционных процессов Российской Федерации и Республики Казахстан (на примере горно-металлургического комплекса)//Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. №1. С. 143–158.
7. Работники горнодобывающей сферы получают в Казахстане в среднем более 400 тыс. тенге в месяц. URL: https://forbes.kz/news/2019/05/13/newsid_199070
8. Средние зарплаты в горнодобывающей отрасли Казахстана. URL: <https://dzen.ru/a/X2w89PpXmhtdBvBe>
9. Станут ли шахты Казахстана безопаснее? URL: <https://dprom.kz/dobycha/stanut-li-shahty-kazahstana-bezopasnee/>
10. Копылова А.В. Безопасность, травматизм и профессиональные заболевания в горно-металлургической отрасли Республики Казахстан. // Безопасность и управление рисками в горном деле. Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал) №12 (39). М.: Горная книга, 2016. С.20–22.
11. Аскарова А., Юдина А. Куантыров спустился в Анненскую шахту и узнал про условия работы шахтеров в Казахстане. 2023. URL: <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/2005653-kuantyrov-spustilsya-v-annenskuyu-shahtu-i-uznal-pro-usloviya-raboty-shahterov-v-kazahstane/>

THE SITUATION OF MINING WORKERS IN KAZAKHSTAN

A.S. Burnasov^a, S.S. Dzhunusova^b, A.A. Stepanov^b, A.V. Stepanov^c

^aUral federal university, Yekaterinburg, Russia,

e-mail: asburnasov@urfu.ru

^bIndustrial Institute, Rudny, Kazakhstan

The article provides an analysis of the situation of mining workers in Kazakhstan from the beginning of the mining industry to modern times. It is noted that the mining industry is not only leading, but is of strategic importance, ensuring stable economic development and providing employment to the population. It was the mining workers who laid the foundation for the formation of the working class. Today, the industry employs highly qualified specialists, but working conditions throughout the existence of the mining industry have been difficult. The complexity of the situation of the working class in modern times lies in the accident rate of many mines and insufficient modernization of production.

Keywords: mining workers; mining industry; mining and metallurgical complex; mines

КРУПНЕЙШИЕ ГОРОДА ЮГА РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОЗИЦИИ И МОДЕЛИ ДИНАМИКИ

Н.В. Гонтарь

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

e-mail: passat01@mail.ru

В статье представлен анализ относительных («на фоне» городов-миллионников РФ) позиций крупнейших городов Юга России (Ростов-на-Дону, Краснодар, Волгоград). Предпринято сопоставление демографических, душевых социально-экономических и краткосрочных среднегодовых динамических (за 2019-2022 гг.) показателей. Продемонстрированы значительно расходящиеся (несмотря на формальное сходство в численности населения) траектории трех центров. Выводы относительно такого расхождения представляются важным основанием для перспективного моделирования городской федеральной политики, её формирования на основе принципов кастомизации и адаптивности.

Ключевые слова: крупнейшие города; Юг России; урбанизация; городская политика, региональная политика

Постановка проблемы. Юг России, во многом периферийный в российской социально-экономической системе макрорегион, отличается крайне лаконичным перечнем значимых урбанистических центров (Ростов-на-Дону, Волгоград, Краснодар), в силу чего он особенно зависим от динамики своих крупнейших городов, анализ положения которых представляется крайне актуальным. Составляющая такого анализа – идентификация относительного положения крупнейших городов Юга в системе российских городов-миллионников– неоднородной «верхушки» иерархической «пирамиды» современных российских городов, согласно характеристике А.Г. Дружинина [2].

Выявление специфики положения и траекторий развития крупнейших центров–также и основа выработки городской политики РФ, утраченной в постсоветский период; воссоздание её требует [4] целостного видения перспектив для всей системы городов и для их разных типов. Детализированный анализ, в том числе в рамках отдельного класса городов (в частности, – миллионников) призван обеспечить перспективную адаптивность регулирования.

Методы и источники данных. Современные исследования ключевых урбанистических центров Юга [2, 3, 6 и др.] в целом отвечают на вопросы о структурно-динамических изменениях его отдельных центров. В то же время, дополнением такого анализа служит выявление сравнительного положения миллионников Юга «на фоне» других крупнейших городов (в рамках городских округов, то есть за исключением столиц) путем анализа демографических, а также актуальных и динамических социально-экономических индикаторов. Душевые пока-

затели индикаторов анализируются в сравнении со средним расчетным показателем в 14 городах-миллионниках РФ за 2022 г., динамика душевых социально-экономических индикаторов и естественного прироста – за 2019-2022 гг.

Период 2019-2022 гг. – время реализации в РФ ряда шоков (старт которым дала пандемия коронавируса в 2020 г.). Выбор 2019 г. позволяет зафиксировать предкризисные позиции городов, а учет динамики демонстрирует реакцию на шоки. Данными для анализа послужили база данных муниципальной статистики и статистические издания Росстата [1, 5].

Результаты. Позиции 14 крупнейших городов-миллионников РФ в демографической сфере характеризуются, согласно переписи 2020 г. [1, 5], долей населения, лишь незначительно уступающей населению столиц (табл. 1).

Таблица 1

Группировка городских округов по численности населения по субъектам РФ

Класс	Население, тыс. чел.	Городских округов, ед.	Доля в населении РФ, %
РФ, всего	147,2	-	100
Москва и Санкт-Петербург (справочно)	18,6	-	12,6
Городские округа, в том числе:	78,8	612	53,5
Крупнейшие города (1 млн. и более)	17,1	14	11,6

Составлено автором по [1]

Миллионники Юга уступали средней людности в миллионниках РФ (которая к концу 2022 г. составляла ок. 1,2 млн. чел.). Краснодар демонстрировал максимальные для миллионников Юга и вышесредние по группе уровни прироста населения (почти 10% в 2019-2022 гг.) и среднегодовой положительный естественный прирост, значимо выделяясь на фоне Ростова и Волгограда, которые отличались отрицательным среднегодовым естественным приростом – табл. 2.

Таблица 2

Демографические параметры городов-миллионников Юга (жирным – превышение среднего по миллионникам (городским округам))

Город	Население к кон. 2022	К динамики, 2019-2022, %	Среднегодовой ест. прирост, про-милле, 2019-2022
Волгоград	1026	101,7	-6,9
Краснодар	1121	109,7	1,1
Ростов-на-Дону	1136	99,8	-4,4
<i>Среднее по крупнейшим</i>	<i>1206</i>	<i>101,2</i>	<i>-3,5</i>

Составлено автором [5]

Ключевые социально-экономические индикаторы в миллионниках Юга в сравнении со средним по 14 крупнейшим городам РФ – табл. 3 – свидетельствуют, что центры Юга менее индустриализированы (обрабатывающие отрасли), что особенно характерно для Краснодара. Однако Ростов и Краснодар

превосходят миллионники РФ в душевых инвестициях и вводе жилья (при резком отставании от среднего Волгограда), а также (Краснодар) – в розничном товарообороте.

Таблица 3

Душевые индикаторы социально-экономических параметров городов-миллионников Юга в 2022 г. (по крупным и средним предприятиям) (жирным – превышение среднего по миллионникам)

Город	Объём отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг собств. силами, обработ. пр-ва, тыс. руб./чел.	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб./чел.	Ввод в действие жилья, кв м общ.плещ./чел.	Оборот розничной торговли, тыс. руб./чел.
Волгоград	296	78	0,389	187
Краснодар	91	131	2,686	326
Ростов-на-Дону	298	129	1,062	196
<i>Среднее по крупнейшим</i>	350	120	0,84	200

Рассчитано автором [5]

В краткосрочной ретроспективе Краснодар и Волгоград демонстрировали активное сокращение душевых объемов обрабатывающих производств (в противовес тренду медленного роста в миллионниках) – табл. 4.

Таблица 4

Динамика душевых индикаторов городов-миллионников Юга в 2019-2022 г. (по крупным и средним предприятиям), (жирным – превышение среднего по миллионникам)

Город	Среднегодовое изменение индикаторов, % в год:			
	Объём отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг собств. силами, обработ. пр-ва, тыс. руб./чел.	Ввод в действие жилья, кв м общ.плещ./чел.	Оборот розничной торговли, тыс. руб./чел.	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб./чел.
Волгоград	-17,8	-1,1	13,2	5,4
Краснодар	-12,6	14,3	19,1	6,7
Ростов-на-Дону	12,6	-0,7	15,5	18,5
<i>Среднее по крупнейшим</i>	3,4	6,0	11,6	10,0

Рассчитано автором [5]

Противотренд (к росту в группе крупнейших городов) имел место в душевом вводе жилья (однако Краснодар, напротив, значимо опережал средние значения). При этом центры Юга опережали среднее в темпах роста розничного товарооборота. Обобщая, можно выделить модели динамики миллионников Юга на основании сочетания статических и динамических параметров.

Так, Ростов-на-Дону демонстрирует сопоставимость (отчасти – превышение над средним) по трем из четырех индикаторов в сочетании с кратно более высокими темпами роста по 3 из 4 индикаторов, при депопуляции в 2019-2022 г. и отрицательном естественном приросте населения.

Краснодар по трем душевым индикаторам кратно превышает средние по миллионникам (помимо промышленного производства), имея и кратно более высокие, чем в среднем, темпы роста по двум индикаторам в сочетании с почти 10%-м ростом населения за период и положительным (в отличие от Ростова, Волгограда и среднего по миллионникам) естественным приростом.

Наконец, Волгоград, при меньшем на 10%, чем у южных «соседей», населении, отличаются ниже средние душевые уровни всех исследованных показателей, отрицательные темпы роста в промышленном и строительном секторе (и кратно меньшие, чем среднее, темпы роста инвестиций) при стагнации населения и максимальном на Юге среднегодовом отрицательном естественном приросте в 2019-2022 г.

Выводы. Несмотря на формальное сходство по людности, ключевые города Юга демонстрируют весьма разнородные позиции в демографических и экономических статике и динамике, что, очевидно, требует учета при формировании мер регулирования федерального уровня. Такие меры могут включать не только учет специфики, неоднородности и расхождения трендов миллионников (пример чего демонстрирует Юг России), но и включать верификацию ключевых векторов городских и региональных стратегий с учетом относительных позиций городов.

Библиографический список

1. Группировка городских округов по численности населения по субъектам РФ URL:https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 20.09.2023)
2. Дружинин А.Г. Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода. Ростов-на-Дону, 2008. 192 с.
3. Гонтарь Н.В. Ростов – Краснодар: сравнительные позиции и перспективы соперничества за экономическое влияние на Юге России//Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 1 (6). С. 53-68.
4. Кузнецова О. В. Становление национальной городской политики в России в контексте европейского опыта // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 4. С. 7-20. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-4-1
5. Росстат. Официальный сайт. URL:<https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.09.2023)
6. Суший С.Я. Городская система Волгоградской области: демографические тренды последней трети XX – начала XXI века// Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10. № 2. С. 97-109. DOI: 10.15688/re.volsu.2022.2.10

THE LARGEST CITIES IN THE SOUTH OF RUSSIA: MODERN POSITIONS AND DYNAMICS MODELS

N. V. Gontar

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

e-mail: passat01@mail.ru

The article presents an analysis of the relative (“against the background” of million-plus cities in the Russian Federation) positions of the largest cities in the South of Russia (Rostov-on-Don, Krasnodar, Volgograd). A comparison was made of demographic, per capita socio-economic and short-term average annual dynamic (for 2019-2022) indicators. Significantly divergent (despite the formal similarity in population size) trajectories of the three centers have been demonstrated. Conclusions regarding this discrepancy seem to be an important basis for the long-term modeling of urban federal policy, its formation based on the principles of customization and adaptability.

Keywords: largest cities; South of Russia; urbanization; urban policy, regional policy.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ТОПОНИМОВ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КРЫМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

Т.Ю. Гусаков

РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

e-mail: gusakov.timur@mail.ru

Статья рассматривает особенности и процесс формирования современной топонимики Крымского полуострова. В результате исследования определено, что большинство населенных пунктов региона носят «общие» названия, появившиеся в процессе нескольких волн переименований исторических названий советского времени. Устранение последствий депортации народов Крыма 1944 г. не завершено до настоящего времени. Возвращение населенным пунктам исторических названий является важным аспектом восстановления исторической справедливости и реабилитации ранее депортированного населения полуострова.

Ключевые слова: топонимика; география населения; миграция; переименование населенных пунктов, социальный капитал

Переименование топонимов исторически сопровождало присоединение новых территорий и установление новых политических режимов. Так Константинополь стал Стамбулом, Леопольдвиль превратился в Киншасу, Сайгон переименовали в Хошимин, а совсем недавно Кировоград получил название Кропивницкий. В России также существовала практика переименования селений и природных объектов, уже известных к моменту присоединения или установления власти. Наиболее массовым этот процесс был после образования Советского государства и проходил в нескольких направлениях: искоренение названий, связанных с монархией и религией (исчезли Белоцарск, Екатеринодар, Царицын), в рамках «национального строительства» 1920-х гг. (появились Улан-Удэ, Тбилиси, Йошкар-Ола), увековечивание памяти важных для Советского государства деятелей, событий, организаций, движений (Ленинград, колхоз им. XIX партсъезда, Орджоникидзе, Димитровград, Комсомольск-на-Амуре), стирание исторической памяти о переселенных народах и принадлежности территории к другим государствам (Степной вместо Элисты, Зеленогорск вместо Терийоки, Южно-Сахалинск вместо Тоёхара) и др.

Процесс по возвращению исторических наименований улицам, населенным пунктам, регионам, природным и другим объектам был начат на постсоветском пространстве еще в конце 1980-х гг. и не окончен до сих пор. В свете последних событий вопрос возвращения исторических топонимов стал более актуальным для общества. В бывших союзных республиках сохраняется все меньше топоним-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

© Т.Ю. Гусаков, 2023

мов, связанных с советским и имперским прошлым. Наиболее острым и массовым процесс переименований проходит в Украине, где правительство инициировало тотальное искоренение топонимов, связанных с СССР и Россией.

Крымский полуостров тоже не остался в стороне от разного рода переименований. Причем сейчас этот вопрос выступает одним из причин сохранения межэтнической напряженности в регионе. Различные крымскотатарские общественные организации периодически выступают с предложением по возвращению исторических наименований населенным пунктам Крыма, но они не находят одобрения среди русского большинства [2, с. 28–29].

Становление крымской топонимики. Современная крымская топонимика начала складываться с момента основания на полуострове постоянных населенных пунктов. Первые из них возникли при колонизации прибрежной зоны греческим, византийскими и генуэзским населением. Так до наших дней дошли названия Ялта (производная от первоначального Ялита), Алушта (от Алустон), Гурзуф (от Горзувиты) и др. [4]. Следующая волна произошла после образования Крымского ханства: были даны названия большинству природных объектов и основано множество населенных пунктов, сохранившихся до настоящего времени. Например, появились Бахчисарай, Солхат (ныне Старый Крым), Кафа (ныне Феодосия), Гезлёв (ныне Евпатория) и другие селения.

Закрепление полуострова за Россией также внесло свою лепту в топонимику. Переселенцами и колонистами было основано большое количество населенных пунктов, которые получали названия различного происхождения. Иногда, это были исторические наименования ранее существовавших селений, иногда населенные пункты назывались на языке основателей (Нейзац, Григорьевка, Болгарщина, Богемка), а иногда давались правительством (Севастополь, основанный на месте татарского селения Ахтиар).

Процесс формирования современной сети расселения и топонимики Крыма был завершен в советский период. Основанным в то время административным единицам, населенным пунктам, улицам, безымянным природным объектам и хозяйствам давались названия, связанные с советской властью. Так в Джанкойском районе появилась река Победная, Севастополь был поделен на Ленинский, Нахимовский и Гагаринский районы, а практически в каждом крупном населенном пункте появилась улица Ленина.

Переименования. Вмешательство Советского правительства в «естественный ход вещей» коснулось и крымских наименований. После установления советской власти в Крым начали появляться новые названия, связанные с Советским государством. В 1921 г. на несколько месяцев даже Ялта носила название

Красноармейск, чтобы «избавиться» от буржуазного прошлого [3]. Новые коллективные хозяйства именовались «Красный Пахарь», «Страна Советов», колхоз им. Луначарского и пр.

Депортация народов Крыма в другие регионы СССР привела к масштабным переименованиям населенных пунктов. В 1944 г. исчезли нерусские наименования административно-территориальных единиц, районных центров [8], в 1945 г. – сельских советов и их центров [9], а в 1948 году были переименованы и рядовые сельские населенные пункты [10]. Некоторые поселения сохранили исторические названия крымскотатарского происхождения. Например, Джанкой, Саки, Кореиз, Бахчисарай, хотя новые варианты наименований предлагались – Узловое, Озёрное, Маяковский, Пушкин соответственно, но не были утверждены. Отдельные села назывались на новый лад уже в 1960-е – 1970-е гг. Избежали переименований природные объекты, реки Салгир, Бельбек, Бурульча, горы Роман-Кош, Демерджи, Ай-Петри, да и название самого Крымского полуострова пережили этап советской борьбы с татарским прошлым. Впрочем, попытки и единичные переименования произошли (мыс Топракъ-Кая стал Хамелеоном) [5].

Таблица

Этимологическая группировка названий существующих населенных пунктов Крыма

Группа	Количество	Примеры
Греческие и данные во времена Российской империи	7	Севастополь, Феодосия, Ялта, Алушта, Евпатория
Названные в честь местностей выхода	66	Кубанское, Курское, Полтавка, Новозбурьевка, Сумское
Природные	202	Вулкановка, Салгирка, Лиманное, Мысовое, Черноречье
Советские	223	Искра, Калинино, Ленино, Советский, Шаумян
Хозяйственные	118	Карьерное, Каменоломня, Малый Маяк, Парковое, Табачное
Этнические (в основном крымскотатарские)	35	Бахчисарай, Симеиз, Азов, Айкаван, Магазинка
Другие	413	Ветвистое, Изумрудное, Приветное, Счастливое, Яркое

Составлено автором [1]

Логика районных комиссий, занимавшихся переименованием поселений, заключалась не в переводе названий на русский язык, а в искоренении напоминания о крымскотатарском населении. Потому в Крыму появилось множество сел с одинаковыми «общими» названиями в разных районах (например, Молочное, Видное, Октябрьское, Майское). Вместе с тем существовали случаи «основательного» переименования – Мраморное (расположено рядом с пещерой Мрамор-

ная), Белогорск (расположен рядом с скалой Белая), Белокаменск (в районе города велась добыча белого известняка), Кубанское (по региону выхода жителей-переселенцев) и другие. Но подобные случаи были в меньшинстве.

В постсоветский период появились небольшие вкрапления, возникшие после репатриации депортированных народов. В некоторых поселениях возникли районы компактного проживания с улицами крымскотатарского происхождения (например, в созданном репатриантами в 1990-е гг. микрорайоне Хошкельды г. Симферополя улицы названы в честь известных крымских татар), появилось несколько населенных пунктов (Айкаван, Акрополис, Ана-Юрт, Ходжа Сала).

Проблема крымской топонимики стоит достаточно остро и является одной из причин межнациональной напряженности. Многолетние требования крымских татар об особом статусе и национальной автономии игнорируются властями всех уровней, что вызывает недовольство. Неоднократно на общественные обсуждения выносились инициативы по возвращению исторических наименований всем поселениям полуострова. Различные общественные организации составляли и вносили перечни наименований в органы власти разных уровней, но они так и остались без удовлетворения. Чувство бессилия и несправедливости побудило крымских татар использовать свои наименования населенных пунктов в собственных средствах массовой информации. Например, г. Симферополь именуется Акъмесджит, пгт Черноморское – Ак-Мечеть, г. Евпатория – Гезлёв, г. Красноперекоск – Ор-Капу и пр.

Процесс декоммунизации, начатый в Украине после событий 2014 г., формально коснулся и неконтролируемого Крымского полуострова. Постановлением Верховной Рады Украины были переименованы города и поселки, связанные с советским прошлым. Город Красноперекоск получил название Яны-Капу, пгт Красногвардейское – Курман, пгт Первомайское – Джурчи, пгт Советский – Ички и пр., но постановление не вступило в силу [6]. В 2016 г. власти Крыма утвердили перечень исторических наименований городов и сел полуострова, однако это не означало возвращения населенным пунктам старых названий, а только установления двойных табличек для повышения привлекательности местностей для туристов. Главным аргументом властей при отказе в возвращении исторической топонимики является «путаница» среди местного и приезжего населения, которая может возникнуть после переименования [7, с. 95].

Но в многолетних исследованиях полуострова мы неоднократно встречали использование местным населением в обиходе исторических наименований, причем это наблюдалось преимущественно среди послевоенных переселенцев, а не крымских татар. Например, жители окрестностей пгт Октябрьское и пгт Красногвардейское Красногвардейского района называли эти два населенных пункта Биюк и Курман, что соответствует их историческим названиям – Биюк-Онлар и

Курман-Кемельчи. Также встречались случаи, когда части сел именовались по названиям когда-то присоединенных к ним населенных пунктов. При этом жители использовали исторические названия, а не «советские варианты». Часть села Ленинское Красногвардейского района, которая ранее была селом Хлопковое, называется Бютень, а часть села Амурское, соответствующая существовавшему ранее селу Русское, именуется жителями Русский Бюк.

Выводы. Крымская топонимика за два с половиной века нахождения Крыма под управлением России существенно изменилась. До 1940-х гг. это происходило естественным путем – исчезновение крымскотатарских поселений и возникновение новых, основанных представителями других этносов. Таким образом увеличивалась доля нетатарских наименований.

После депортации народов Крыма были массово переименованы практически все оставшиеся поселения, при этом отдельным из них давались совершенно случайные наименования. В годы активной фазы репатриации крымских татар и других спецпоселенцев законы о переименовании не были отменены, несмотря на практику республик Северного Кавказа в 1950-е – 1960-е гг.

Логическим завершением реабилитации депортированных народов должна стать возможность возвращения населенным пунктам исторических наименований. Тем более, что на это существует запрос у представителей крымскотатарского населения, составляющих $\frac{1}{5}$ часть населения полуострова и большинство в некоторых поселениях. Но до настоящего момента прецедентов переименования крайне мало (например, переименование села Танино в Сары-Баш в Первомайском районе).

Библиографический список

1. Государственный каталог географических названий. URL: <https://cgkipd.ru/science/names/reestry-gkgp.php> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Интеграция ранее депортированных лиц в Крыму, Украина. Оценка потребностей / Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств. Гаага, 2013. 39 с.
3. Как Крым страдал от политических переименований // РИА Новости. Крым. 14.12.2019. URL: <https://crimea.ria.ru/20191214/Kak-Krym-stradal-ot-politicheskikh-pereimenovaniy-1117750941.html> (дата обращения: 01.06.2023).
4. Крымская область // История городов и сел Украинской ССР / П.Т. Тронько. Киев: Главная редакция УСЭ, 1974. Т. 12. 623 с.
5. Макеева М. История переименования городов и сёл в Крыму // Газета «Avdet». Официальный сайт. 2020. URL: <https://avdet.org/2020/04/12/istoriya-pereimenovaniya-gorodov-i-syol-v-krymu/> (дата обращения: 01.06.2023).
6. Постанова Верховної Ради України «Про перейменування окремих населених пунктів та районів Автономної Республіки Крим та міста Севастополя» (Відомості Верховної Ради (ВВР), 2016, № 23, ст.478). URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1352-19> (дата обращения: 01.06.2023).
7. Султыева Л. Р. Проблема восстановления топонимии в контексте сохранения культурного наследия крымских татар // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2023. №1. С. 90–98.
8. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1944 года № 621/6 «О переименовании районов и районных центров Крымской АССР». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_РСФСР_от_14.12.1944_№_621/6 (дата обращения: 01.06.2023).
9. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1945 года № 619/3 «О переименовании сельских Советов и населенных пунктов Крымской области». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_РСФСР_от_21.08.1945_№_619/3 (дата обращения: 01.06.2023).

10. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 года «О переименовании населенных пунктов Крымской области». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_РСФСР_от_18.05.1948_о_переименовании_населённых_пунктов_Крымской_области (дата обращения: 01.06.2023).

REHABILITATION OF CRIMEAN SETTLEMENTS TOPONYMS: HISTORY AND MODERNITY

T. Gusakov

Russian Academy National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

e-mail: gusakov.timur@mail.ru

The article considers the features and the process of formation of the Crimean modern toponymy. As a result of the study, most of the settlements in the region were identified as having common names that appeared in the process of several waves of renaming historical names of the Soviet period. The elimination of the consequences of Crimean people's deportation in 1944 hasn't been completed to date. The return of historical names to settlements is an important aspect of restoring historical justice and rehabilitation of the previously deported population of Crimean Peninsula.

Keywords: toponymy; population geography; migration; renaming of settlements, social capital

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА В АФРИКЕ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ¹

И.А. Захаров

*Институт Африки Российской академии наук,
Москва, Россия, e-mail: vanszax@yandex.ru*

Анализируется пространственная динамика пятидесятничества в Африке в XX – начале XXI вв., а также общественно-политические эффекты его распространения. Рассчитан вклад конверсии в рост общины, даётся оценка её мобилизационного потенциала, а также исследуются механизмы его использования в целях усиления влияния на общественно-политические процессы в странах Африки. Показано, что в сжатые сроки пятидесятничество из небольшой общины переросло в крупное религиозное движение, оказывающее существенное влияние на развитие конфессионального пространства Африки. Наиболее масштабное расширение геопространства пятидесятничества пришлось на 1960–1980 гг. Впоследствии оно начало постепенно стабилизироваться в связи с замедлением конверсионного прироста пятидесятников. Параллельно с этим обозначилась консолидация пятидесятнических церквей в зонтичные структуры, претендующие на роль самостоятельных общественно-политических акторов, составляющих конкуренцию государственным структурам в Нигерии, Кении, Эфиопии, ЮАР, Гане, ДРК, Зимбабве и других странах.

Ключевые слова: пятидесятничество, Африка, религиозная конкуренция, мобилизационный потенциал, конверсия.

Постановка проблемы. Пятидесятничество – одно из наиболее стремительно растущих направлений протестантизма, сформированное под влиянием обновленческого движения. Среди особенностей этого движения подчеркнём распространённость высоких эсхатологических ожиданий и премиллениаризм, определяющие активную миссионерскую и прозелитическую деятельность. Пятидесятничество привлекает внимание последователей харизматической манерой проведения службы, ориентацией на достижение благополучия при жизни. Особую популярность приобрела «проповедь процветания», призванная убедить прихожан, что следование пастору позволит истинному верующему прийти не только к духовному откровению, но и к финансовому и материальному благополучию. На фоне существующих социально-экономических и общественно-политических проблем в Африке идеи пятидесятничества находят отклик и за пределами этой конфессии. Причём не только в близких протестантских течениях, но и в католицизме, православии, и даже исламе [3].

Статья ставит своей целью определить общественно-политические эффекты распространения пятидесятничества в странах Африке, возникшие в результате трансформации геопространства этой религии. Анализируемые процессы рассматриваются в рамках модели конкурентного развития конфессионального геопространства, предложенной С.А. Гороховым [1]. В контексте поставленной

¹ Исследование выполнено за счет гранта МК-2046.2022.2.

© И.А. Захаров, 2023

цели особое значение имеет оценка вклада конверсии в изменение численности пятидесятников, которая производится по авторской методике.

Методы и источники данных. Главным статистическим источником настоящего исследования является обновлённая версия базы данных за 1900–2015 гг., предоставленная American Association of Religious Data Archives (ARDA) [4]. В сочетании с другими авторитетными источниками имеющаяся конфессиональная статистика позволила отразить пространственную динамику пятидесятничества с начала XX в. до 2015 гг. Из всего перечня конфессиональных групп в компонентной структуре христианства мы рассматривали только последователей классических пятидесятнических (образованные до 1960-х), харизматических (1960–1980-е) и неохаризматических (1980-е–н.в.), других протестантских церквей, а также христианское население стран Африки в целом. В расчётах не были учтены последователи христианских церквей, которые находятся под сильным влиянием обновленческого и харизматического движения, но не причисляющие себя к пятидесятничеству. Их учёт нередко приводит к переоценке размера этой общины вплоть до 200 млн и более, т.е. почти 40% христианского населения Африки [7]. Несмотря на то, что такая оценка несколько завышена, она всё же даёт адекватное представление о масштабах влияния пятидесятничества в Африке.

Пространственный анализ развития пятидесятничества оценивался по трём параметрам: инерционность его территориальной структуры (оценён с помощью индекса структурных сдвигов Рябцева), интенсивность процессов территориальной концентрации-деконцентрации (индекс Херфиндаля-Хиршмана – НИ), совокупный среднегодовой темп роста (ССТР) конфессий по странам континента. Для устранения эффекта низкой базы в качестве отсчётного был избран 1920 г.

Результаты. Вскоре после своего возникновения пятидесятничество проникло в Африку; долгое время эта религия была представлена небольшой общиной, представленной в ЮАР, Либерии и Эсватини. Ситуация начала меняться с распространением харизматической волны пятидесятничества. Если в 1960 г. численность последователей этой религии составляла лишь 3,5 млн чел., то спустя всего 20 лет она достигла 21,7 млн и продолжила стремительно расти. К 2015 г. число последователей пятидесятничества в Африке превысило 100 млн, что сделало его второй по размерам христианской конфессией в макрорегионе после католицизма. Крупнейшие пятидесятнические общины Африки в настоящее время сосредоточены в Нигерии, ЮАР, ДРК, Кении, Гане, Эфиопии и т.д. Соответственно увеличивалась и доля пятидесятников в христианском населении континента: в 1960 г. она составляла 4,2%, к 1980 г. увеличилась до 11,9%, а в 2015 г. достигла 17,5%.

Пятидесятнические церкви наращивали своё присутствие в Африке, успешно конкурируя даже с такими крупными течениями христианства, как католицизм [2]. К 2015 г. во многих странах Африки доля пятидесятников превысила 30%; прохождение этого рубежа указывает на то, что, во-первых, в соответствии с моделью религиозной конкуренции в этих государствах наступила фаза религиозного паритета, при которой интенсивность взаимодействия конфессий резко возрастает (см. подробнее: [6]), во-вторых, трансформация геопространства христианства в ряде государств Африки обеспечивается именно за счёт пятидесятничества. Такая ситуация особенно характерна для Ботсваны, где в 2015 г. доля пятидесятников в христианском населении составила 51%, Свазиленда – 50,9%, Алжира – 50,4%, Либерии – 47,5%, Зимбабве – 43,1%, Кении – 39,0%, ЮАР – 37,6%, Сьерра-Леоне – 35,2%, Нигера – 32%, Гвинеи-Бисау – 31,6%, Ганы – 30,4%.

Реконфигурация геопространства пятидесятничества во многом определяется неоднородностью конверсионного прироста этой конфессии. Для оценки вклада последнего в увеличение численности пятидесятников произведено сопоставление ССТР этой общины с христианами, протестантами и населением стран Африки в целом. Таким образом, при значении ССТР населения Африки за 1920–2015 гг. – 2,07%, христиан – 3,27%, протестантов – 3,72%, пятидесятников – 6,01%, совокупные среднегодовые темпы конверсионного прироста (ССТКП) для христианства составили 1,20%, для протестантов – 1,65%, для пятидесятников – 3,94%. Наибольшее значение ССТКП для экспансии пятидесятничества достигало в классическую и харизматическую волну, а в настоящее время оно постепенно сокращается. Аналогичная тенденция наблюдается и на страновом уровне.

Практически повсеместное распространение пятидесятничества сочетается с широкой общественной поддержкой этого религиозного течения, благодаря которому его влияние распространяется на общественно-политическую жизнь стран Африки. В частности, высока роль пятидесятнических церквей в распространении демократических ценностей и институтов в странах континента за счёт популяризации соответствующих принципов организации общественных отношений. Представители пятидесятнических церквей с 1980-х начали активно проникать в правительственные структуры государств Африки южнее Сахары. Главы пятидесятнических церквей лоббируют интересы общины, например, выступая против расширения автономии мусульманских регионов. В 1990-х лидеры пятидесятнических церквей оказывали существенную поддержку теряющих популярность лидеров в Кении, Зимбабве, Гане и др., обеспечивая «духовную» легитимность их власти [6]. В настоящее время пятидесятнические церкви

также активно вовлечены в протестные акции в некоторых странах Африки, например, в Нигерии.

В условиях постепенной стабилизации геопространства, на которые указывает динамика значений индекса Рябцева, ННІ и снижение конверсионного прироста пятидесятничества, наблюдается его консолидация. Многочисленные церкви формируют зонтичные структуры и блоки, которые используют свой мобилизационный потенциал для достижения политических целей. Некоторые из них начинают позиционировать себя не столько как религиозные, сколько самостоятельные общественно-политические акторы. Эти процессы наблюдаются в Нигерии, Кении, Эфиопии, ЮАР, Гане, ДРК, Зимбабве и других странах, где существуют крупные пятидесятнические общины. При этом их риторика приобретает агрессивный характер. Некоторые пасторы всё чаще прибегают к демонизации других религий, а также властей, тем самым провоцируя конфликты; более того, некоторые лидеры призывают к конфронтации, допуская возможность вооружённого противостояния. Последнее особенно характерно для поликонфессиональных стран и населённых пунктов, в которых радикализация религиозных общин происходит в ходе политической и социально-экономической борьбы за ресурсы и влияние [5].

Выводы. В сжатые сроки пятидесятничество из небольшой общины переросло в крупное религиозное движение, оказывающее существенное влияние на развитие конфессионального пространства Африки. Геопространство пятидесятничества претерпело наиболее масштабное расширение в харизматическую волну 1960–1980 гг., после чего его динамика замедлилась и в XXI в. начало постепенно стабилизироваться.

Приближение геопространства этой религии к пределам своего роста сопровождается консолидацией многочисленных пятидесятнических церквей в зонтичные структуры и блоки. Благодаря популяризации идей пятидесятничества за пределами общины и её высокому мобилизационному потенциалу, эти объединения начали составлять конкуренцию государственным институтам, позиционируя себя как самостоятельные общественно-политические акторы. Эти тенденции наблюдаются в Нигерии, Кении, Эфиопии, ЮАР, Гане, ДРК, Зимбабве и других странах.

Библиографический список

1. Горохов С.А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства: монография. М., 2020.
2. Дмитриев Р.В., Горохов С.А. Геостратегическое соперничество негосударственных акторов в Африке: Римско-католическая церковь в борьбе за «континент надежды» // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. № 4. С. 70–81.
3. Захаров И.А., Уланова Н.С. Мобилизационный потенциал пятидесятничества в современной Африке // Восток (Oriens). 2022. № 2. С. 165–176.
4. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only, 2019.

5. Colette H. Violence in a Religiously Divided City: Kaduna, Nigeria – From the Shari'a Riots of 2000 to the Post-election Clashes of 2011 // *Space and Polity*. 2013. № 17. P. 284–299.

6. Spirit and Power – A 10-Country Survey of Pentecostals, 2006. URL: <https://www.pewforum.org/2006/10/05/overview-pentecostalism-in-africa/> (дата обращения: 20.09.23).

7. Wariboko N. Pentecostalism in Africa // *Oxford Research Encyclopedia of African History*. 2017. URL: <https://oxfordre.com/africanhistory/view/10.1093/acrefore/9780190277734.001.0001/acrefore-9780190277734-e-120> (дата обращения 20.09.2023).

SPATIAL DYNAMICS OF PENTECOSTALISM IN AFRICA: SOCIO-POLITICAL EFFECTS¹

I.A. Zakharov

*Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, e-mail: vanszax@yandex.ru*

Spatial dynamics of Pentecostalism in Africa in the XX – early XXI centuries, and contemporary socio-political effects of its growth are addressed. In a short time, Pentecostalism has grown from a minority into a large religious movement gaining significant impact on the development of the African religious landscape. The most extensive expansion of Pentecostalism occurred in the 1960s and 1980s. Subsequently, it began to gradually stabilize, as evidenced by the decrease in the contribution of conversion to the increase of this community. At the same time, we outlined the consolidation of Pentecostal churches into umbrella structures. Due popularization of Pentecostal ideas outside the community and its high mobilization potential, these associations are now able claim the role of independent socio-political actors competing with state structures in some African countries.

Keywords: Pentecostalism, Africa, religious competition, mobilization potential, conversion.

¹ The research is supported by the grant from the President of Russian Federation for state support of young scientists – candidates of science (МК-2046.2022.2).

ФАКТОРЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

И.С. Зырянова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, e-mail: innaziryanova@mail.ru*

В статье рассматриваются факторы, влияющие на развитие самостоятельного туризма. Генерирующие и лимитирующие факторы оказывают влияние на потоки туристов. Утверждается, что самостоятельный туризм сглаживает все лимитирующие факторы – политические, сезонные. Исторические факторы, влияющие на развитие туризма в России, отличаются от стран Запада и формируют на базе самодеятельного советского туризма современный российский самостоятельный туризм.

Ключевые слова: самостоятельный туризм, факторы туризма

Постановка проблемы. Выявление факторов, влияющих на изучаемое явление, один из первых этапов исследования. Сфера самостоятельного туризма испытывает воздействие разных обстоятельств несмотря на то, что это более свободная форма организации туризма, чем организованные туры.

Результаты. Генерирующие и лимитирующие факторы оказывают соответствующее воздействие на потоки самостоятельных туристов. Наиболее сильное влияние оказывают уровень развития информационных технологий, политика государственных органов по развитию туризма и возможности человека в принятии решения путешествовать. Количество самостоятельных туристов в меньшей степени, чем организованных, зависит от фактора безопасности путешествий, т.к. именно эта группа склонна к авантюризму и риску в поездках. К инфраструктурному обеспечению путешественники чувствительны, но не в такой степени, как покупатели пакетных туров, где уровень и качество туристской инфраструктуры и сервиса зачастую играют определяющую роль в выборе.

К динамическим факторам относится политическая ситуация. Туристский обмен между странами определяется характером взаимоотношений между ними в конкретный период времени и носит как стимулирующий, так и ограничительный эффект. В большей степени от политического климата зависит организованный туризм, т.к. государство регулирует массовые выезды граждан в потенциально опасные районы. Так, в 2015 г. были приостановлены прямые и чартерные рейсы с Египтом из-за катастрофы российского самолета в небе над Синайским полуостровом. По данным Росстата в Египет выезжали в 2014-2015 гг. ежегодно более 2 млн. россиян, в 2016-2017 гг. поток практически прекратился и составил несколько сот человек, а в 2018, 2019 годах составил чуть более 13 тыс. и 25 тыс. туристов соответственно. При этом российские данные в корне отличаются от египетских. По сообщению АТОР, по данным министерства туризма Египта, в

2017 г. посетили Египет 94 000 чел., в 2018 г. АРЕ посетило 145 000 граждан РФ [4]. Несоответствие цифр возникает в результате использования туристами рейсов с пересадкой при самостоятельных поездках, либо обращению россиян к услугам белорусских туроператоров.

Еще один из динамических факторов – сезонность, также является более действенным фактором для организованного туризма, т.к. эта группа в основном планирует свои поездки согласно графику очередного отпуска, каникул или в период общегосударственных праздников. Самостоятельный турист в этом плане более вариантный и является в какой-то степени нивелиром сезонности в туристских центрах.

Исторический фактор развития туризма отражен в работах по истории туризма и гостеприимства. Теоретической основой исторических исследований туризма послужили труды – Воронковой Л.П., Усыскина Г.С., Александровой А.Ю., Кружалина В.И. и др. [3]. Люди всегда имели тягу к перемещениям, путешествиям, освоению новой территории и в эпоху предтуризма рассчитывали только на собственные силы. Объекты сферы обслуживания путешествующих лиц видоизменялись технически, но не меняли своей сути на протяжении веков. Сфера гостеприимства позволяла путешественнику получать услуги в разные времена, начиная с древнего мира. В гостиничной сфере историческая цепь выглядит условно так: таверна – постоялый двор – гостиница, в сфере питания: таверна – трактир – ресторан, в сфере развлечения: ярмарочные карусели – карнавалы – тематические парки. Навыки путешествия формировались у человека в течении более трех тысяч лет. Таким образом, самостоятельная форма организации путешествий исторически лежит в основе всех перемещений, следовательно, разграничение на организованный и самостоятельный туризм можно рассматривать только с появлением организованного туризма, то есть с середины XIX века.

В становлении самостоятельного туризма большую роль сыграли горные клубы и экскурсионное дело, зародившиеся в царской России. Именно они заложили традиции образовательных путешествий, экскурсий, стимулировали краеведческую деятельность. При этом развитие туризма в России и до революции и тем более после неё не имело выраженный экономический характер, было социально ориентированным. На протяжении истории российского туризма общественные организации играли ведущую роль, поэтому путешествия осуществлялись в условиях самоорганизации и самообслуживания. Длинная история отечественного туризма должна носить преемственный характер. Самоорганизованность и традиционность лежит в основе современного российского самостоятельного туризма.

Группа социально-экономических факторов оказывает определяющее влияние на развитие самостоятельных путешествий. Транспортная доступность, мобильность, личная свобода, обилие турпродуктов, инновационная активность – факторы самостоятельного туризма. По словам Арефьева В.Е., «сегодняшний туризм – это быстрая смена приездов, отъездов и выбора новых целей путешествия» [1]. Для развития СТ важно понятие «транспортной доступности». Бугроменко В.Н. определяет транспортную доступность как системный индикатор пространственных возможностей общества, реализуемый с помощью транспортной инфраструктуры, который оценивает конкурентоспособность различных местоположений. [2]. Это определение наиболее точно подходит для понимания современных тенденций в самостоятельном туризме. Устойчивый туристский поток возможен только в условиях транспортной доступности и транспортной обеспеченности регионов. При этом два потока и организованный, и самостоятельный функционируют одновременно и параллельно. Самоорганизованный туризм более вариативен. В эпоху транспортного прогресса практически любая территория становится достижима. За день турист меняет до десятка транспортных услуг благодаря сети Интернет.

Выводы. Факторы, влияющие на самостоятельный туризм, согласуются с факторами, действующими на организованный туризм, но имеют особенность сглаживания некоторых процессов – политического воздействия, сезонности и т.д.

Библиографический список

1. Арефьев В. Теоретические основы туризма: учеб. пособие /; АлтГУ. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014
2. Бугроменко В.Н. Транспорт в территориальных системах.- М.: Наука, 1987.- 112с.
3. Кружалин В.И., Мироненко Н.С., Зигерн-Корн Н.В., Шабалина Н.В. География туризма: учебник .М.: Федеральное агентство по туризму, 2014.
4. .Сколько граждан РФ побывало в Египте в 2018 году // Электронный ресурс: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/46064.html> (дата обращения: 15.08.2020)

ANALYSIS OF FACTORS AFFECTING INDEPENDENT TOURISM

I.S. Zyrianova

Perm State University, Perm, Russia, e-mail: innaziryanova@mail.ru

The article discusses the factors influencing the development of independent tourism. Generating and limiting factors influence the flow of tourists. It is argued that independent tourism smoothes out all limiting factors – political, seasonal. Historical factors influencing the development of tourism in Russia differ from Western countries and form modern Russian independent tourism on the basis of amateur Soviet tourism.

Keywords: independent tourism, tourism factors.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.В. Кабаева

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарёва, Саранск, Россия

Статья содержит результаты исследования демографической ситуации Курганской области. Представлен статистический анализ демографической ситуации, дана характеристика основным показателям, к их числу были отнесены: численность населения и ее половой состав, уровень рождаемости и смертности, средний возраст населения области, продолжительность жизни, миграционные изменения и основные структурные группы населения. В статье представлено ряд показателей, характеризующих возрастную структуру населения. По итогу были выстроены основные направления работы по созданию мер, для улучшения сложившейся социально-экономической и демографической ситуации.

Ключевые слова: Демографическая ситуация, численность населения Курганской области, рождаемость, смертность, возрастная структура, средняя продолжительность жизни.

Постановка проблемы. На сегодняшний день особо остро встает проблема изучения демографической ситуации как в России, так и в ее субъектах, включая и Курганскую область. Демографический анализ имеет большую актуальность во многих областях и затрагивает различные сферы жизни. Демографические данные позволяют выбрать и реализовать наиболее эффективную политику в области здравоохранения, образования, социального обеспечения и миграции. Анализ демографических трендов позволяет определить потребности и проблемы населения, что помогает в принятии решений и ресурсном планировании. Прогноз демографической ситуации является неотъемлемой частью планирования и принятия решений в различных областях.

Материалы и методы. Курганская область, как и многие другие регионы России, сталкивается с рядом демографических проблем (рис. 1).

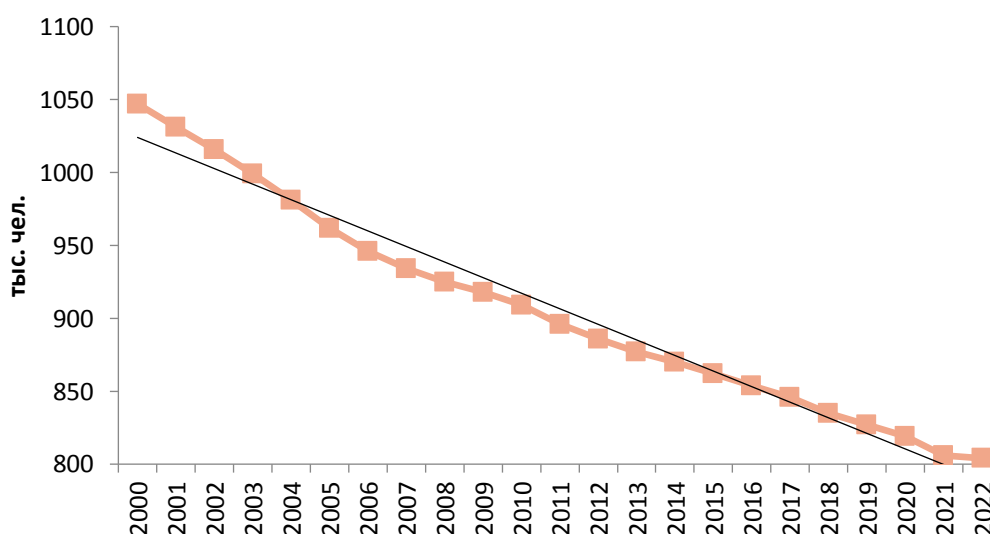

Рис.1. Динамика численности населения Курганской области, тыс.чел.

За анализируемый период наблюдается стремительная тенденция на сокращении численность населения Курганской области (табл.).

Таблица

Динамика численности населения Курганской, тыс.чел.

Год	Численность населения	Абсолютный прирост		Коэффициент роста		Темп роста, %		Темп прироста, %		Абсолютное значение 1% прироста
		Б	Ц	Б	Ц	Б	Ц	Б	Ц	
2000	1047	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2001	1031	-16	-16	0,98	0,98	98,47	98,47	-1,53	-1,53	10,47
2002	1016	-31	-15	0,97	0,99	97,04	98,55	-2,96	-1,45	10,31
2003	999	-48	-17	0,95	0,98	95,42	98,33	-4,58	-1,67	10,16
2004	981	-66	-18	0,94	0,98	93,70	98,20	-6,30	-1,80	9,99
2005	962	-85	-19	0,92	0,98	91,88	98,06	-8,12	-1,94	9,81
2006	946	-101	-16	0,90	0,98	90,35	98,34	-9,65	-1,66	9,62
2007	934	-113	-12	0,89	0,99	89,21	98,73	-10,79	-1,27	9,46
2008	925	-122	-9	0,88	0,99	88,35	99,04	-11,65	-0,96	9,34
2009	918	-129	-7	0,88	0,99	87,68	99,24	-12,32	-0,76	9,25
2010	909	-138	-9	0,87	0,99	86,82	99,02	-13,18	-0,98	9,18
2011	896	-151	-13	0,86	0,99	85,58	98,57	-14,42	-1,43	9,09
2012	886	-161	-10	0,85	0,99	84,62	98,88	-15,38	-1,12	8,96
2013	877	-170	-9	0,84	0,99	83,76	98,98	-16,24	-1,02	8,86
2014	870	-177	-7	0,83	0,99	83,09	99,20	-16,91	-0,80	8,77
2015	862	-185	-8	0,82	0,99	82,33	99,08	-17,67	-0,92	8,70
2016	854	-193	-8	0,82	0,99	81,57	99,07	-18,43	-0,93	8,62
2017	846	-201	-8	0,81	0,99	80,80	99,06	-19,20	-0,94	8,54
2018	835	-212	-11	0,80	0,99	79,75	98,70	-20,25	-1,30	8,46
2019	827	-220	-8	0,79	0,99	78,99	99,04	-21,01	-0,96	8,35
2020	819	-228	-8	0,78	0,99	78,22	99,03	-21,78	-0,97	8,27
2021	806	-241	-13	0,77	0,98	76,98	98,41	-23,02	-1,59	8,19
2022	804	-243	-2	0,76	1,00	76,79	99,75	-23,21	-0,25	8,06

По данным таблицы видно, что в 2022 г. по сравнению с 2000 сокращение численности населения составило более 23%. Среднее значение сокращения численности населения составляет 1,24 тыс. чел. ежегодно.

По данным на 2022 г. в Курганской области проживает 353,5 тыс. (45,5%) мужчин и 423,1 тысяч (54,5%) женщин. Преобладание женского населения над мужским значительно: на 1000 женщин приходится только 836 мужчин.

На 1 сентября 2023 численность населения Курганской области составляет 827 166 чел., возрастная структура отражена на диаграмме (рис. 2).

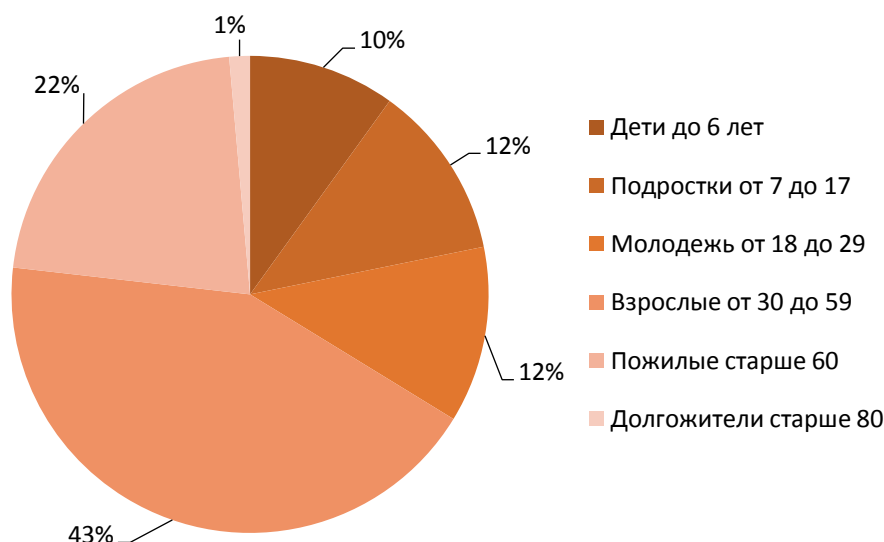

Рис. 2. Долевой состав численности населения Курганской области, %

Средний возраст населения Курганской области 40,8 лет. Данный показатель является очень низким. Средняя продолжительность жизни в области составляет около 70 лет для мужчин и около 77 лет для женщин.

Проведя оценку воспроизводства структуры населения Курганской области, было получено, что воспроизводство является регрессионным. Так как на родителей приходится 52%, на детей 17%, а на прадедушек 31%.

Коэффициент старости позволяет сделать вывод, что в Курганской области очень высокий уровень демографической старости (23,6).

Для дальнейшего анализа структуры населения Курганской области были рассчитаны ряд показателей:

1. Коэффициент нагрузки детьми. Он составил 0,22
2. Коэффициент нагрузки пожилыми людьми. Он составил 0,24
3. Общий коэффициент демографической нагрузки составил 0,46

Демографическая нагрузка населения трудоспособного возраста считается оптимальной, поскольку общий коэффициент демографической нагрузки не превышает 50%.

В Курганской области на 2021 год 4556 зарегистрировано браков. Общий коэффициент брачности составляет 5,6 на 1000 человек населения. Число разводов составило 4142. Общий коэффициент разводимости 5,1 на 1000 человек населения. Данная ситуация говорит о высоком уровне разводимости и низком уровне брачности, что негативно сказывается на численности населения.

В Курганской области преобладает сельское население, которое составляет около 57% от общей численности. Однако доля городского населения также постепенно увеличивается.

В Курганской области проживают представители различных национальностей. Основными этническими группами являются русские, которые составляют основную часть населения (68,2%), а также украинцы, казахи, башкиры, татары, марийцы, мордва, чувашаи и другие. В общей сложности в области проживают представители около 80 национальностей.

Заключение. В Курганской области, как и во многих других регионах России, демографическая ситуация складывается не лучшим образом, не смотря на поддерживающие и стимулирующие действия со стороны государства. Демографическая ситуация в Курганской области характеризуется низким уровнем рождаемости, высокой смертностью и отрицательным приростом населения. Средняя продолжительность жизни также относительно низкая. Область сталкивается с проблемой оттока молодых и трудоспособного населения, что приводит к старению населения и увеличению затрат на социальное обеспечение. Для изменения ситуации необходимо принять комплексные меры, направленные на улучшение экономической ситуации, создание новых рабочих мест, повышение доступности медицинской помощи и социальной поддержки.

Библиографический список

1. Гончарова Н.П. Демографическая динамика и оценка результативности демографической политики в регионах России / Н.П. Гончарова // Государственный советник. 2019. № 3 (27). С. 101-108.
2. Демография: учебное пособие / А. И. Щербаков, М. Г. Мдинарадзе, А. Д. Назаров, Е. А. Назарова; под общ.ред. д-ра экон. наук, проф. А. И. Щербакова. М.: ИНФРА-М, 2023. 216 с. Режим доступа: <https://znanium.com/read?id=423477>
3. Регионы России социально-экономические показатели 2021 / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Москва, 2021. –112 с.

STATISTICAL STUDY OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION OF THE KURGAN REGION

Kabaeva T.V.

Ogarev Moscow State University, Saransk, Russia

The materials of the article contain the results of a study of the demographic situation of the Kurgan region. This paper presents a statistical analysis of the demographic situation, characterizes the main indicators, among them were: the population and its sex composition, the birth rate and mortality, the average age of the population of the region, life expectancy, migration changes and the main structural groups of the population. The article presents a number of indicators characterizing the age structure of the population. As a result, the main directions of work on the creation of measures to improve the current socio-economic and demographic situation were built.

Keywords: Demographic situation, population of the Kurgan region, birth rate, death rate.

К ВОПРОСУ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ СТРОИТЕЛЬСТВА ВСЕСЕЗОННОГО МОРСКОГО ПОРТА НА ПОБЕРЕЖЬЕ БАРЕНЦЕВА МОРЯ ДЛЯ НУЖД ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТОГО УРАЛА

Б.А. Казаков, А.С. Лучников

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, e-mail: aluchnikov@yandex.ru*

В статье обосновывается перспективность проектирования и строительства транспортного коридора от промышленно развитых регионов Урала к побережью Баренцева моря (в район проектируемого порта Индига) через территорию Пермского края, Республики Коми и Ненецкого автономного округа. Важность проекта обусловлена необходимостью усиления пространственной связности внутренних и периферийных регионов России, активизации хозяйственной жизни в глубине страны, решению технолого-экономических задач устойчивого развития предприятий Урала. В статье представлена информация о дефицитных для Урала полезных ископаемых, представленных на Европейском Севере, а также проекты по устранению сырьевой проблемы для отдельных специализированных отраслей уральской экономики. Кроме того, указаны природно-ландшафтные преимущества строительства железной дороги Соликамск – Сосногорск – Индига вдоль Тиманского кряжа.

Ключевые слова: транспортный коридор; ресурсообеспеченность; природно-ресурсный потенциал; морской порт Индига; Уральский регион.

Постановка проблемы. Вопросы пространственного развития России и ее отдельных регионов (частей) являются весьма актуальными. В ходе поиска механизмов преодоления социально-экономической асимметрии страны особое внимание должно быть уделено созданию эффективного транспортного каркаса, который способствовал бы конструированию надежных связей в центр-периферической системе Российской Федерации.

Важной данная тема является и для Уральского региона², который отличается достаточно развитой транспортной сетью в широтном направлении, но слабо выраженной связью в меридиональном направлении. Так, в настоящее время отсутствует транспортный коридор между Уралом и севером европейской части страны. Его проектирование и строительство могло бы способствовать активизации хозяйственной жизни, сохранению системы населенных пунктов во внутренних районах страны, обеспечению надежного снабжения индустриально развитых территорий Урала отдельными видами природных ресурсов.

Необходимость строительства транспортного коридора «Промышленный Урал – побережье Баренцева моря» обсуждалась ранее в работах представителей пермской школы экономической географии. В конце 1950-х гг. вышла серия публикаций В.Ф. Тиунова, И.С. Сандлера и М.Н. Степанова о так называемой Урало-Печорской дороге (Соликамск – Троицк-Печорское – Ухта) [7]. В 1970–1980-х гг. в

© Б.А. Казаков, А.С. Лучников, 2023

² Под Уральским регионом мы понимаем территорию Уральского экономического района в составе республик Башкортостан и Удмуртия, Свердловской, Челябинской и Курганской областей, Пермского края.

работах М.Н. Степанова и В.С. Григорьева [3] обосновывается перспективность маршрута, связывающего Верхнекамский локальный территориально-производственный комплекс с бухтой Индига на побережье Баренцева моря. О необходимости строительства новых выходов с Урала, в том числе и в сторону полярных территорий страны, пишут и современные авторы [1; 10]. В связи с этим мы считаем поднимаемый нами вопрос о проектировании и строительстве транспортного коридора из района Среднего Урала к побережью Баренцева моря своевременным.

Методы и источники данных. В качестве источников информации использованы данные из официальных опубликованных документов (Доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевой базы РФ, 2021 г.; Стратегия развития минерально-сырьевой базы России до 2035 г.), сайты корпораций и предприятий, сообщения из электронных новостных агентств. Среди методов исследований применены контент-анализ источников, общенаучные (описания, объяснения, сопоставления информации), а также картографический.

Результаты. Следует отметить, что в настоящее время территория промышленно развитого Урала остается оторванной от богатого природными ресурсами Европейского Севера (если не рассматривать обходные пути через Центральную Россию и Поволжье). В течение более чем трёхсотлетнего периода эксплуатации природно-ресурсный потенциал Урала значительно сократился. Лимиты запасов и сложности в освоения ресурсов ограничивают хозяйственное развитие территории. Так, по мнению специалистов, Урал испытывает недостаток бокситов, железных и хромовых руд. Здесь более не осуществляется добыча марганцевого и свинцового сырья. При наличии одного из крупнейших в мире холдинга по выпуску титаномагнетитовой продукции в России весьма ограничена добыча сырья для него [9].

Среди уникальных месторождений Европейского Севера, стратегически важных как для страны, так и для Урала, имеются следующие:

1) на Южном острове архипелага Новая Земля, в бассейне р. Безымянной, в 2001 г. открыто *Павловское месторождение* свинцово-цинково-медных и серебряносодержащих руд. Лицензией на его разработку владеет АО «Первая горно-рудная компания», входящая в структуру ГК «Росатом». По последним данным, его запасы составляют 2,48 млн т цинка, 465 тыс. т свинца, 670 т серебра [4]. По количеству и содержанию металлов оно относится к категории крупнейших в мире. Перспективности его освоения способствует и близость от незамерзающего участка Баренцева моря. Добыча и переработка руды планируется на местном ГОКе.

Разработка месторождения может производиться с помощью отечественного оборудования, в т.ч. производимого в пределах уральских регионов. Не мало важным является наличие базы для подготовки специалистов в горнорудном деле в вузах Урала: опыт эксплуатации комплексных руд герцинской складчатости (в пределах которой сформировалась тектоструктура Новой Земли) на

Урале громадный. Существенная часть готовой продукции пойдет на экспорт, а стадии глубокого обогащения концентратов сосредоточатся на Урале. Экспортные поставки предполагается осуществлять через морской порт в прибрежной части р. Безымянной [4]. В целом, проект освоения Павловского месторождения имеет комплексный характер в соответствии с инновационным и экологическим подходами в условиях Арктической зоны РФ;

2) с 2015 г. компанией ООО «Лукойл-Коми» ведется освоение уникального Ярегского месторождения лейкоксен-кварцевых нефтетитановых руд. Проект разработки участка Титановый 1, согласованный в 2016 г., предусматривал проведение в 2018–2023 гг. опытно-промышленных работ с ежегодной подземной добычей 100 тыс. т руды и ее переработкой на обогатительной фабрике АО «СИГТЕК» в г. Ухта с получением титанового коагулянта [6]. Задуманные планы не реализованы в полной мере. Освоение этих запасов особенно актуально после 2022 г., ведь практически полностью ильменитовый концентрат в Россию поступал из Украины. В настоящее время поставки титаносодержащего сырья для предприятий ПАО «Корпорация “ВСМПО-Ависма”» осуществляются из Азии (преимущественно, из Вьетнама) и Африки по длинному транспортному плечу. При этом в стране заключены 15% мировых запасов, из которых осваивается малая часть – 0,3% мирового производства титанового концентрата [6]). Таким образом, транспортный коридор Урал – Коми позволил бы сделать актуальным использование руд Ярегского месторождения;

3) алюминий содержащие руды на Урале в настоящее время разрабатываются АО «Севуралбокситруда» (Свердловская обл.) в шахтах, на глубинах до 1,1–1,2 км. Объем добычи сокращается в связи с исчерпанием отдельных горизонтов. При этом Богословский и Уральский алюминиевые заводы ОК «РУСАЛ» для своего устойчивого развития вынуждены диверсифицировать географию поставок сырья. В связи с этим с 2010-х гг. после строительства железной дороги Чинья-Ворык – Тиман (рудник) в эксплуатации находятся Вежаю-Корыквинское и Верхне-Щугорское месторождения бокситов в Республике Коми (АО «Боксит Тимана», перспективные запасы при сохранении современного уровня добычи определяются в 55 лет [6]). Поставка их продукции на Урал происходит с большим перепробегом вагонов. Строительство транспортного коридора Урал – Коми будет способствовать сокращению транспортных издержек.

Перспективными являются недоизученные Светлинское и Володинское бокситовые месторождения. Рядом с ними находится Пижемское россыпное месторождение титана. Тиманский кряж, сформировавшийся в период байкальской складчатости, слабо изучен. Известны перспективные проявления здесь марганца, золота, фосфоритов, алмазов, руд, содержащих ниобий, тантал и редкие земли иттриевой и цериевой групп [8]. Они требуют дополнительных поисково-разведочных работ и технологических испытаний.

Другое важное следствие от развития предлагаемого проекта – формирование новой системы нефтегазопроводной инфраструктуры в России, соединение запасов Баренцевоморской и Тимано-Печорской провинций с предприятиями-потребителями в Поволжье и на Урале. Как мы отмечали ранее [5], запасы крупнейшей в стране Западно-Сибирской НГП выработаны примерно на 50%. Это означает, что для устойчивого развития нефтегазохимического комплекса страны мы должны подумать о перспективных потоках сырья. Наиболее близкие к потребителю (и наиболее подготовленные к эксплуатации) сегодня – это ресурсы Баренцева моря. К сожалению, трубопроводная система севера Республики Коми и Ненецкого АО, в основном, направлена на экспортные поставки, их связь с более южными регионами страны отсутствует. Кроме того, дополнительный социально-экономический эффект может быть создан от параллельного проектирования крупных ЛЭП от Пермской и Яйвинской ГРЭС (электростанция расположена в энергопрофицитном регионе) в район Крайнего Севера, различные удаленные части которого страдают от отсутствия надежных поставок электроэнергии.

Кроме того, актуальность строительству придает обострившаяся геополитическая обстановка. Обслуживающие Урал, север Поволжья и Европейский Север порты на Балтике и в Мурманске очень загружены. В случае форс-мажорных обстоятельств (возможная экономическая и военная блокада) они не смогут выполнять свои функции. Мы не можем рассчитывать на порты Финляндии (страна НАТО). В этих условиях необходимо взглянуть на участки Севморпути, проложенные вне паковых льдов. Это касается не только модернизации портовой инфраструктуры в Мурманске, но строительство порта в Индиге.

Проект строительства этого порта был анонсирован еще в советское время. Активизировались действия вокруг него только в 2022 г. Проект «Баренцкомур» (Баренцево море – Коми – Урал) включен в Стратегию развития железных дорог России от 2008 г. Он предполагает строительство ветки от Сосногорска до Индиги протяженностью 550–600 км. Сам порт будет построен в районе мыса Румяничный, что в 50 км западнее устья реки, но в пределах Индигской губы. Инвестиционные затраты [2].

Считаем, что проект «Баренцкомура» для Пермского края и Свердловской области является более выгодным, чем «Белкомур», как с точки зрения логистики, так и природно-ландшафтных и климатических условий. Пермскому краю следует активно подключиться к нему, предложив строительство железнодорожной ветки от Соликамска до Троицк-Печорска. Его преимуществом является то, что именно из Соликамска лежит кратчайший путь с Урала на побережье Баренцева моря. Кроме того, здесь не требуется пересечения Главного Уральского хребта, а также обхода участков Печоро-Илычского и Вишерского заповедников. На Индигу, кроме указанных выше сырьевых товаров, могут быть ориентиро-

ваны потоки калийных и азотных удобрений, нефтепродуктов с НПЗ Ухты и Западного Урала, продукция лесобработки и металлопродукция Урала, экспортная продукция машиностроения, оборудование для обустройства Севморпути и в целом Арктики.

Железная дорога на Индигу пройдет по водоразделу Тиманского кряжа, т.е. без пересечения крупных водных препятствий (требуется только мосты через Вишеру, Цильму и Ижму). Препятствием может стать локальная заболоченность территории, а также наличие островов многолетней мерзлоты. Применение современных технологий строительства решает эту проблему. Индигская губа глубоководна (14–16 м). Берега залива сложены отрогами Тиманского кряжа, т.е. коренными породами (в отличие от порта Сабетта на Ямале). Температурный режим здесь намного мягче, чем в Карском море благодаря ответвлениям теплого Норвежского течения. Паковых льдов нет, открытая полынья Баренцева моря расположена примерно в 100 км от Индиги.

Важно отметить, что этот проект может способствовать созданию транспортного кольца Арктика (Баренцево море) – западный склон Урала – восточный склон Урала – Западная Сибирь – Арктика (Карское море), а также быть частью транспортного коридора из Республики Коми в Казахстан, страны Средней и Южной Азии, важнейших сегодня для выхода к берегам Индийского океана.

Выводы. Проанализированные источники и собранная информация позволяет выделить следующие позитивные причины и следствия строительства железной дороги «Урал – побережье Баренцева моря»: 1) усиление связности внутри глубинных регионов России, обладающих большим природно-ресурсным потенциалом и слабым расселенческим каркасом; 2) создание «подушки» сырьевой безопасности для многих ключевых отраслей специализации Уральского региона, в т.ч. в рамках связок «металлургия – машиностроение», «нефтегазодобыча – переработка – химические технологии»; 3) сохранение социально-экономической значимости периферийных регионов Европейского Севера, севера Урала и Западной Сибири (особенно в производстве сжиженного газа); 4) уменьшение геополитических угроз в Арктике и Северо-Западной России; 5) наличие относительно благоприятных природно-ландшафтных условий; 6) реанимация проектов переброски части вод Печоры в Каму для их целей орошения земель низовьев Волги (в рамках возрождения строительства канала Волго-Чограй).

Отметим и препятствия для его реализации: 1) отсутствие федеральной поддержки проекта (региональные бюджеты самостоятельно не справятся); 2) слабая информированность потенциальных пользователей дороги (ПАО «ЛУКОЙЛ», ОК «РУСАЛ», ПАО «Уралкалий», АО «УГМК» и др.) в инвестиционных проектах развития указанных месторождений; 3) сложная финансово-экономическая ситуация в стране и на предприятиях, провоцирующая закрытие/заморозку потенциально важных проектов. Применительно к Пермскому краю это

также может быть связано с отсутствием воли регионального правительства продвигать проект, искать партнеров и союзников в этом важнейшем деле, заботиться о пространственном развитии северных частей региона.

Библиографический список

1. Анимица Е.Г., Глумов А.А. Срединный регион: теория, методология, анализ. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007. 296 с.
2. Глава НАО сообщил об ускорении проекта по созданию порта в Индиге / Деловой Петербург: агрегатор СМИ. URL: <https://www.dp.ru/a/2023/07/20/glava-nao-soobshhil-ob-uskoreni> (дата обращения: 07.08.2023).
3. Григорьев В.С., Степанов М.Н. Экономические предпосылки транспортного освоения Северного и Приполярного Урала // Территориальные социально-экономические системы Урала: межвузов. сб. науч. тр. Пермь, 1978. С. 31–41.
4. Как идет освоение Павловского месторождения на Новой Земле? / Инвестиционный портал Арктической зоны России: офиц. сайт. URL: <https://arctic-russia.ru/project/pavlovskoe-mestorozhdenie/> (дата обращения: 07.08.2023).
5. Лучников А.С., Николаев Р.С. Транспортный фактор в оптимизации территориальной организации промышленного производства Пермского края // Географическое изучение территориальных систем: материалы V всерос. науч.-практ. конф. студ., асп., молодых ученых. Пермь, 2011. С. 295–299.
6. О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2020 г.: государственный доклад / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. М., 2021. URL: <https://vims-geo.ru/ru/activity/iacn/russia/gosdokladi/> (дата обращения: 07.08.2023).
7. Пермская область. Природа. История. Экономика. Культура. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1959. 407 с.
8. Плякин А.М., Беляев В.В. Твёрдые полезные ископаемые Тимана: учеб. пособие. Ухта: Изд-во Ухтин. гос. техн. ун-та, 2005. 92 с.
9. Стратегия развития минерально-сырьевой базы до 2035 года. Утв. расп. Правительства РФ от 22.12.2018 № 2914-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/WXRSEBj6jnRWNrumRkDakLcqfAzY14VE.pdf> (дата обращения: 07.08.2023).
10. Шарыгин М.Д. Уральский регион (пространственный анализ и диагностика социально-экономического развития). Пермь: Изд-во Зап.-Ур. ин-та экономики и права, 2008. 276с.

ON THE QUESTION OF THE ADVANTAGES OF AN ALL-SEASON SEAPORT'S CONSTRUCTION ON THE COAST OF THE BARENTS SEA FOR THE NEEDS OF THE INDUSTRIALLY DEVELOPED URAL

B.A. Kazakov, A.S. Luchnikov

Perm State University, Perm, Russia, e-mail: aluchnikov@yandex.ru

The article substantiates the prospects of designing and building a transport corridor from the industrialized regions of the Urals to the coast of the Barents Sea (to the area of the projected port of Indiga) through the territory of Perm Krai, Komi Republic and Nenets Autonomous District. The importance of the project is due to the need to strengthen the spatial connectivity of the internal and peripheral regions of Russia, to intensify economic life in the depths of the country, to solve the technological and economic problems of sustainable development of the Ural enterprises. The article provides information on minerals scarce for the Urals, represented in the European North, as well as projects to eliminate the raw material problem for specialized sectors of the Ural economy. In addition, the natural and landscape advantages of the construction of Solikamsk–Sosnogorsk–Indiga railway along the Timan Ridge are indicated.

Keywords: transport corridor; resource availability; natural resource potential; seaport of Indiga; The Ural Region.

У КРИТЕРИЙ МАННА-УИТНИ ПРИ КЛАСТЕРИЗАЦИИ РЕГИОНОВ ПО КОЛИЧЕСТВУ ПОЖАРОВ

И.А. Кайбичев

*Уральский институт ГПС МЧС России, Екатеринбург, Российская Федерация
kaibitchev@mail.ru*

Исследована возможность применения U критерия Манна-Уитни для кластеризации регионов России по количеству пожаров.

Ключевые слова: U критерий \Манна-Уитни, кластеризация, количество пожаров, регионы Российской Федерации.

Постановка проблемы. Кластеризация регионов России по количеству пожаров позволит определить регионы с близкими средними значениями, что даст возможность установить категории финансирования региональных управлений МЧС России. Для решения этой проблемы применим U критерий Манна-Уитни [1].

Методы и источники информации. Информация по количеству пожаров в регионах России взята из сборника ВНИИПО [2]. С помощью программы Microsoft Excel по каждому региону находим среднее значение количества пожаров и производим сортировку в порядке убывания (Рис. 1- 5).

	A	B	C	D	E	F	G
1	Регион	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее
2	Московская область	6552	6426	27666	22741	20520	16781
3	Приморский край	4463	4230	18377	10451	11487	9802
4	Челябинская область	3777	3620	12495	12434	14425	9350
5	Алтайский край	3165	3135	14268	13754	12072	9279
6	Республика Башкортостан	4107	4064	11556	11488	11440	8531
7	Новосибирская область	3162	3175	12999	11117	11066	8304
8	Краснодарский край	3713	3522	12815	12282	8840	8234
9	Красноярский край	4241	4226	12476	9752	8360	7811
10	Свердловская область	3655	3476	10497	9811	11365	7761
11	Кемеровская область - Кузбасс	2726	3058	11961	10060	10310	7623
12	Самарская область	2568	2761	11280	10267	10258	7427
13	г. Санкт-Петербург	3031	2932	11006	9934	9610	7303
14	г. Москва	5101	4874	9687	7834	7413	6982
15	Волгоградская область	2731	2603	9192	12073	7188	6757
16	Хабаровский край	3061	2874	11530	8228	7972	6733
17	среднее						8578
18	стандартное отклонение						2456

Рис. 1. Первый кластер

	A	B	C	D	E	F	G
1	Регион	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее
2	Ростовская область	2483	2362	9180	13031	6400	6691
3	Саратовская область	2303	2424	9218	10726	7742	6483
4	Оренбургская область	1976	1963	8593	8331	9628	6098
5	Ленинградская область	2812	2826	8241	7547	7285	5742
6	Омская область	2002	1952	8182	8076	8022	5647
7	Ставропольский край	1400	1339	10342	10616	4437	5627
8	Воронежская область	1994	1988	7308	10619	6165	5615
9	Иркутская область	2974	2930	7129	6999	6241	5255
10	Забайкальский край	1454	1417	10005	7220	4992	5018
11	Республика Татарстан	3204	3126	6056	5999	6096	4896
12	Тульская область	1132	1121	7407	7125	6060	4569
13	Нижегородская область	2659	3073	5346	5424	5340	4368
14	Ульяновская область	1116	1096	5774	5312	5907	3841
15	Липецкая область	882	979	5049	7236	4512	3732
16	Курская область	592	563	5560	6621	4682	3604
17	Брянская область	1658	1585	5583	4839	4077	3548
18	Астраханская область	947	937	4770	5649	5122	3485
19	Тюменская область	1807	1777	4442	4398	4994	3484
20	Пермский край	2118	2157	4200	4194	4513	3436
21	Тверская область	1218	1225	5640	4291	3932	3261
22	Ярославская область	1703	1767	4861	3948	3803	3216
23	Курганская область	1290	1225	4198	4075	4990	3156
24	Рязанская область	883	946	4734	5118	4093	3155
25	Амурская область	1255	1166	5338	4277	3449	3097
26	Псковская область	745	744	5687	4242	3589	3001
27	Калининградская область	1239	1183	4652	3959	3943	2995
28	Республика Бурятия	1180	1139	4931	4050	3571	2974
29	Тамбовская область	866	825	4582	4785	3731	2958
30	Владимирская область	1374	1350	4299	3643	3396	2812
31	Республика Крым	989	893	5254	3911	2841	2778
32	Смоленская область	1011	980	4528	3899	3464	2776
33	Орловская область	617	657	4183	4949	3331	2747
34	Ивановская область	1019	1046	3922	3733	3698	2684
35	Пензенская область	1100	1067	3622	3213	3011	2403
36	Республика Мордовия	728	764	4036	2971	2835	2267
37	Ханты-Мансийский авт. ок	1787	1693	2728	2513	2469	2238
38	Калужская область	927	925	3513	2862	2745	2194
39	Мурманская область	888	1096	3441	2880	2667	2194
40	Архангельская область	1587	1634	2556	2556	2538	2174
41	Кировская область	1495	1484	2727	2390	2686	2156
42	Республика Дагестан	776	727	3068	3328	2760	2132
43	Томская область	928	1024	3447	2821	2418	2128
44	среднее						3634
45	стандартное отклонение						1330

Рис. 2. Второй кластер

	A	B	C	D	E	F	G
1	Регион	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее
2	Новгородская область	943	952	2777	2156	3603	2086
3	Белгородская область	884	873	2834	2829	2822	2048
4	Республика Саха (Якутия)	989	978	2696	2709	2326	1940
5	Удмуртская Республика	1137	1135	2455	2245	2281	1851
6	Вологодская область	1017	1025	2242	1986	2729	1800
7	Сахалинская область	692	691	3180	2181	2058	1760
8	Республика Хакасия	670	784	2330	2339	2125	1650
9	Республика Карелия	1101	1060	1697	1696	1626	1436
10	Чувашская Республика	877	929	1644	1657	1589	1339
11	Республика Марий Эл	734	753	1734	1258	1464	1189
12	Кабардино-Балкарская Республика	543	536	1580	1866	1355	1176
13	Костромская область	580	643	1588	1495	1546	1170
14	Республика Коми	869	817	1481	1415	1268	1170
15	Республика Калмыкия	205	217	1799	1791	1700	1142
16	Еврейская авт. область	247	246	2140	1514	1452	1120
17	Республика Северная Осетия-Алания	285	315	1347	1745	1241	987
18	Камчатский край	489	462	1253	1335	1275	963
19	Республика Тыва	433	411	1253	1292	1285	935
20	Чеченская Республика	408	395	1192	1404	1037	887
21	г. Севастополь	267	252	1419	1295	997	846
22	среднее						1375
23	стандартное отклонение						412

Рис. 3. Третий кластер

	A	B	C	D	E	F	G
1	Регион	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее
2	Республика Адыгея	208	229	1463	1295	798	799
3	Ямало-Ненецкий авт. округ	524	509	978	955	802	754
4	Магаданская область	230	209	908	864	877	618
5	Карачаево-Черкесская Республика	220	217	780	824	510	510
6	Республика Алтай	273	271	535	529	501	422
7	Республика Ингушетия	180	171	339	413	278	276
8	среднее						563
9	стандартное отклонение						200

Рис. 4. Четвертый кластер

	A	B	C	D	E	F	G
1	Регион	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее
2	Чукотский авт. округ	46	45	278	150	120	128
3	Ненецкий автономный округ	41	43	124	117	148	95
4	среднее						111
5	стандартное отклонение						23

Рис. 5. Пятый кластер

Для оценки различия между двумя выборками применяют U критерий Манна-Уитни [1]. В данном критерии проводят сравнение двух выборок (например, количества пожаров в Московской области и Приморском крае), из которых составляют ранжированный ряд в порядке возрастания (рис. 6).

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K
1	Московская область	6552	6426	27666	22741	20520					
2	Приморский край	4463	4230	18377	10451	11487					
3											
4	Кол-во пожаров	4230	4463	6426	6552	10451	11487	18377	20520	22741	27666
5	Ранг	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
6											
7	n1	5	R1	34							
8	n2	5	R2	21							
9	U1	6									
10	U2	19									
11	U	6									

Рис. 6. Сравнение показателей Московской области и Приморского края

Количество элементов в первой выборке (показатели Московской области) $n_1 = 5$, сумма рангов этих элементов в ранжированном ряде $R_1 = 34$. Количество элементов во второй выборке (показатели Приморского края, выделены красным цветом) $n_2 = 5$, сумма рангов этих элементов в ранжированном ряде $R_2 = 21$.

Гипотеза H_0 состоит в том, что существенного различия в выборках нет. Альтернативная гипотеза H_1 утверждает, что наблюдается существенное различие.

Вычислим

$$U_1 = n_1 * n_2 + \frac{n_1(n_1+1)}{2} - R_1 = 6 \quad (1)$$

$$U_1 = n_1 * n_2 + \frac{n_2(n_2+1)}{2} - R_2 = 19 \quad (2)$$

U статистика Манна-Уитни равна

$$U = \text{Min}(U_1, U_2) = 6 \quad (3)$$

Выбираем уровень значимости $\alpha = 0,05$, что даст нам вероятность достоверности результатов 0,95. При объемах выборок $n_1 = 5$ и $n_2 = 5$ по таблице определяем критическое значение $U_c = 4$.

Если полученное значение $U \leq U_c$, то принимается гипотеза H_1 . В случае $U > U_c$ принимается гипотеза H_0 .

В результате расчетов (1-3) получаем U статистику Манна-Уитни, равной 6. Поэтому, с вероятностью 0,95, ситуация с количеством пожаров в Московской и Челябинской областях одинаковая.

По формулам (1-3) $U = 4$. Следовательно, $U = U_c$. В этом случае есть существенные различия. Далее проводим сравнение показателей интересующих нас регионов (Рис. 2) и Ростовской области.

Ситуация существенных различий в количестве пожаров наблюдается для Ростовской и Новгородской областей. Поэтому далее сравниваем показатели интересующих нас регионов (Рис. 3).

Результаты. В первый кластер попали 15 регионов (Рис. 1). Среднее количество пожаров за период 2017-2021 годов в этих регионах находится в диапазоне 16781-6733. Для кластера характерно высокое среднее значение 8578 пожаров, стандартное отклонение составило 2546.

Самый многочисленный второй кластер образуют 42 региона (Рис. 2). Среднее количество пожаров за данный период здесь находится в диапазоне 6691-2128. Для кластера характерно среднее значение 3634 пожара и стандартное отклонение 1330.

В третий кластер попали 20 регионов (Рис. 3). Среднее количество пожаров в этих регионах находится в диапазоне 2086-846. Для кластера характерно среднее значение 1375 пожара и стандартное отклонение 412.

Четвертый кластер образуют 6 регионов (Рис. 4). Среднее количество пожаров за период 2017-2021 гг. в этих регионах находится в диапазоне 799-276. Для кластера характерно среднее значение 563 пожара и стандартное отклонение 200.

Пятый кластер состоит из Чукотского и Ненецкого автономных округов (Рис. 5). Среднее количество пожаров в этих регионах находится в диапазоне 128-95. Для кластера характерно среднее значение 111 пожара и стандартное отклонение 23.

Библиографический список

1. Mann H. B., Whitney D. R. On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other // *Annals of Mathematical Statistics*. – 1947. – № 18. – P. 50–60.
2. Пожары и пожарная безопасность в 2021 году: статист. сб. – Балашиха: ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2022. – 144 с.

U MANN-WHITNEY CRITERION FOR CLUSTERING REGIONS BY NUMBER OF FIRES

I.A. Kaybichev

*Ural Institute of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Ekaterinburg, Russian Federatio, kaibitchev@mail.ru*

The possibility of using the Mann-Whitney U criterion for clustering Russian regions by the number of fires was investigated.

Key words: Mann-Whitney U criterion, clustering, number of fires, regions of the Russian Federation.

ШАДРИНСК В СИСТЕМЕ ГОРОДОВ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

П.Э. Кучкильдина

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия,

e-mail: pilkasha@yandex.ru

В статье осуществлен анализ города Шадринска как самостоятельного муниципального образования, реализованный по методу выделения ведущих отраслей разбираемого административного центра среди других городов Курганской области. Для написания данной работы были использованы различные научные статьи, архивные и статистические документы. Результатами исследования стали выявленные черты высокой конкурентоспособности города Шадринска среди производственного и образовательного сегмента остальных городов области.

Ключевые слова: г. Шадринск; Курганская область; районирование; промышленный сегмент; образовательный сегмент.

Постановка проблемы. При изучении репрезентативных статистических рейтингов, нацеленные на установление оценки качества жизни в регионах Российской Федерации, огорчительно будет заметить низкие позиции Курганской области среди других субъектов РФ [1]. Данная картина портит имидж не только административного центра, но и остальных муниципальных образований. К этим территориям относится г. Шадринск, в котором стабильно прослеживается отрицательное сальдо миграции из-за различного рода негативных факторов. Это указывает, в первую очередь, на невысокий уровень социально-экономического развития области. Федеральные стратегии улучшения благосостояния региона, в своем большем объеме, нацелены на города областного подчинения. В нашем случае – г. Курган и г. Шадринск. При проведении анализа работы будут выявлены «точки роста» г. Шадринска, которые положительно выделяются на фоне не только городов районного подчинения, но и главного центра региона – г. Кургана, что, при правильном финансировании и развитии смогут внести свой вклад в развитие области.

Методы и источники данных. В качестве информационной базы выступили данные муниципальной статистики и социологического опроса группы студентов высших учебных заведений г. Шадринска.

Результаты. Анализ границ муниципальных образований Курганской области в виде комплексного социально-экономического районирования (рис.) показал ведущую позицию города Шадринска как «транзитного драйвера» направления Екатеринбург-Курган. Он отличается наибольшей социально-экономической устойчивостью [4, с. 146] среди всех административных территорий Курганской области.

С точки зрения промышленного фактора считается самым «позитивным» районом, по большей части из-за деятельности таких крупных предприятий как АО «Шадринский автоагрегатный завод» («ШААЗ»), ООО «Дельта Технологии», ООО «Технокерамика» [3, с. 196]. При изучении статистических данных можно выявить, что Курганская область производит в общероссийском объеме около 40% радиаторной продукции для автомобильной промышленности, что, в свою очередь, является основной продукцией АО «ШААЗ», которое считается ведущим в стране по производству данного продукта [6]. Также стоит отметить, что данный завод один из ключевых направлений диверсификации «УГМК – Холдинг» – системообразующего предприятия российской экономики [9], а также крупнейшего производителя меди в России [8], базирующегося в Свердловской области. Благодаря этому сотрудничеству «ШААЗ» получает достаточное финансирование для реализации новых типов разработок, примером которой может послужить создание первой в России погрузочно-доставочной машины «ПДМ14-УГМК Ferrit» грузоподъемностью 14 тонн [2]. Все вышеперечисленные факторы объясняют достаточно сильную производственную позицию города Шадринска и всего Северо – Западного района Курганской области в системе всех муниципальных округов региона.

Помимо производственной сферы, приоритетным развитием изучаемого муниципального образования следует отнести формирующееся «образовательное пространство». На территории Курганской области высшее образование можно получить лишь в городах Курган и Шадринск. Проведя социальный опрос среди 100 студентов, поступивших в 2023 г. в Шадринский государственный педагогический университет (ШГПУ) на различные образовательные программы, было выявлено, что преобладающими факторами выбора данного учебного заведения являются финансовая доступность учебы – 63%, а также удобное расположение города от различных населенных пунктов – 21 %.

В настоящее время ШГПУ активно проводит политику сближения между своими и зарубежными преподавателями, студентами. В университете проходят обучение молодые люди из стран Центральной Азии, Китая, а также Африки. Россия и Мадагаскар в текущем году поставили задачу развить международное сотрудничество по продвижению русского языка. От Российской Федерации исполнителем был выбран ШГПУ. Делегация университета посетила с официальным визитом Республику Мадагаскар и провела переговоры об образовательном сотрудничестве. Результатом поездки стало создание на базе Университета Антананариву открытого центра образования на русском языке [5]. Выбор ШГПУ в качестве исполнителя роли своеобразного «образовательного моста» подтверждает компетентность учебного заведения и преподавательского состава университета. Базируясь не на территории административного центра области, ШГПУ

пользуется высоким спросом среди нынешнего молодого поколения, привлекая не только будущих студентов из других субъектов региона, но и за пределами Российской Федерации. Отталкиваясь от статистики за 2021-2023 гг., в рейтинге вузов Уральского федерального округа, Шадринский государственный педагогический университет поднялся с 24 на 13 место в списке, опередив Курганский государственный университет на несколько позиций [7]. Все вышеуказанные доводы свидетельствуют о том, что образовательный фактор в г. Шадринске находится в довольно сильной и выделяющейся позиции, что поднимает престиж муниципального округа на фоне остальных районов Курганской области.

Рис. Комплексное социально-экономическое районирование Курганской области [3]

Выводы. В результате исследования можно констатировать:

1) на территории г. Шадринска находятся перспективные и значимые для страны производственные мощности, что, в свою очередь, создает благоприятную среду для внешних инвестиций, за счет которых обогащается и модернизируется среда муниципального округа;

2) образовательный аспект г. Шадринска является приоритетным для рассмотрения в качестве учебной базы, интересующимся человеческим сегментом всего региона;

3) «ШГПУ» был выбран образовательным звеном в цепи связи России и Мадагаскара, что показывает уверенность российского правительства в качестве и полноте педагогического опыта учебного заведения;

4) вышеуказанные доводы и анализ лишь главенствующих сегментов представляют г. Шадринск как одного из ведущих субъектов Курганской области, благодаря чему можно предположить дальнейшее развитие муниципального округа, которое может послужить стимуляцией к общему развитию ситуации в депрессивном регионе.

Библиографический список

1. Агентство экономической информации ПРАЙМ // Опубликован рейтинг регионов России по качеству жизни: официальный сайт. URL:
2. Глобус: геология и бизнес // ШААЗ выпустил первую погрузочно-доставочную машину грузоподъемностью 14 тонн: официальный сайт. URL: <https://www.vnedra.ru/tehnika/spectekhnika/shaaz-vypustil-pervuyu-pogruzочно-dostavochnuyu-mashinu-gruzopodyomnostyu-14-tonn-11539/> (дата обращения: 18.09.2023).
3. Кириченко Е. А., Колмогоров И. Д., Яковлев В. П. Экономико-географическая характеристика Шадринска // Зыряновские чтения. Курган, 2019 г. С. 196-197.
4. Кунгурцева Г. Н., Суркова С. А. Подходы к социально-экономическому районированию региона (на примере Курганской области) // Экономика региона. 2008. №2. С. 139-148.
5. Минпросвещения России // Россия и Мадагаскар развивают международное сотрудничество по продвижению русского языка: официальный сайт. URL: <https://edu.gov.ru/press/6844/rossiya-i-madagaskar-razvivayut-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-po-prodvizheniyu-russkogo-yazyuka/> (дата обращения: 18.09.2023).
6. Промышленное производство // Губернатор и Правительство Курганской области: официальный сайт. URL: <https://www.kurganobl.ru/promyshlennoe-proizvodstvo> (дата обращения: 18.09.2023).
7. Сайт рейтинговой группы RAEX // Локальный рейтинг вузов Уральского федерального округа (2023 г.): официальный сайт. URL: https://raexr.com/education/local_university_rating/local_university_rating_UFO/2023/ (дата обращения: 18.09.2023).

THE CITY OF SHADRINSK IN THE SYSTEM OF CITIES OF THE KURGAN REGION

P. E. Kuchkildina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, e-mail: pilkasha@yandex.ru

The article analyzes the city of Shadrinsk as an independent municipal entity, implemented by the method of identifying the leading industries of the administrative center under consideration among other cities of the Kurgan region. To write this work, various scientific articles, archival and statistical documents were used. The results of the study were the identified features of the high competitiveness of the city of Shadrinsk among the production and educational segment among other cities in the region.

Keywords: Shadrinsk; Kurgan region; zoning; industrial segment; educational segment.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ОБЪЕКТОВ ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ОКРУГЕ ИЖЕВСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА (СЕРЕДИНА XIX ВЕКА)

А.Ф. Кудрявцев

*Удмуртский государственный университет
Ижевск, Россия, e-mail: kudr2005@mail.ru*

На основе архивных материалов предпринята попытка дать стоимостную оценку водных ресурсов Удмуртии на примере территории округа Ижевского оружейного завода на середину XIX в. Приводятся варианты косвенной оценки вод. Внимание акцентировано на свойствах поверхностных вод производить полезности природного и социально-экономического генезиса.

Ключевые слова: водопользование; природные условия и блага; затратный подход; результативный подход к экономической оценке природного блага.

Постановка проблемы. Ижевский оружейный завод был образован в 1807 г., когда на базе существовавшего с 1760 г. Ижевского железоделательного завода была открыта оружейная фабрика. Завод на реке Иж стал третьим – после Тульского и Сестрорецкого – оружейным заводом в России. Даже к середине XIX века оружейные заводы представляли собой во многом еще мануфактуры, буквально привязанные к источникам воды и леса. Особенно явственно географический детерминизм определял характер функционирования Ижевского оружейного завода, разместившегося в лесном правобережье среднего Прикамья.

Ижевский завод образца второй половины XVIII века являлся передельным железоделательным заводом. Чугунные заготовки доставлялись по камской речной системе (в весеннее половодье) с заводов Хребта Уральского, находившихся за 450-500 км. Экономические издержки по такой доставке сырья и материалов весьма негативно сказались бы на функционировании любого предприятия рассматриваемой эпохи, но только не на заводе на реке Иж. Дело в том, что это предприятие обладало значительным, по доиндустриальным представлениям, потенциалом лесных и водных ресурсов. Лесная заводская дача была рассчитана на 450 годовых лесосек, а заводской пруд – крупнейший из всех уральских – имел площадь зеркала более 20 км² (объем воды составлял около 60 млн. м³) [12].

Значимость этих факторов перевешивала все недостатки транспортной удаленности поставщиков чугуна и других материалов. Территориальное сочетание «лес-вода» оказалось определяющим и при выборе завода для организации на нем оружейного производства.

По мере того, как Ижевский завод постепенно, к 1840-1850 гг. становится преимущественно металлообрабатывающим, заметно снижается потребность в

древесном угле и на этом фоне растет внимание к повышению «энерговооруженности» основного производства. Повышается роль различных станков на оружейном производстве: к 1850г. их насчитывается уже более 250, и они приводятся в действие от почти 60 водяных колес и турбин [12]. Весь этот еще относительно простой машинный парк требует энергетического питания и источником его производства остается сила падающей прудовой воды. Отсюда одной из главных хозяйственных забот Правления завода остается поддержание определенного уровня, объема воды. Командованием завода предпринимаются различные меры по сохранению уровня воды заводского водохранилища [9], по увеличению эффективности работы водяных колес и турбин [1] и т.д. При этом в архивных источниках ничего не говорится о *стоимости* и *цене* прудовой воды как природном двигателе и важном факторе оружейного производства. В исторических документах по Ижевскому оружейному заводу имеется информация о цене на древесину [2,11] и на древесный уголь [3], на металл и материалы [5]. Приводится цена станков, цена продуктов питания, заработная плата. Есть цена на сено [5], но нет цены воды заводского пруда, которая позволяет осуществлять главную функцию завода! Дело в том, что древесный уголь, железо, оружие и др. являются результатом труда, поэтому они и имеют стоимость. А так как эти продукты являлись также товарами, объектами купли-продажи, то они имели цены, формировавшиеся хотя бы из их себестоимости.

Материалы и методы. С водными ресурсами не так. Дело в том, что, говоря о вододействующей промышленности (как, впрочем, и о гидроэнергетике), надо иметь в виду, что речь идет о *водопользовании*, а не о водопотреблении. В данном случае налицо отсутствие водозабора, отсутствие изъятия ресурса и его утилизация. Вода, естественным образом изливаясь из верхнего бьефа в нижний бьеф водохранилища, «невольнo» производила работу, вращая колеса и турбины. И уходила дальше, вниз по течению, практически не потеряв в своем объеме. Нет водозабора, нет даже затрат живого труда по изъятию воды, чтобы можно было хотя бы косвенно рассчитать цену ресурса. Более того, определять цену воды заводского пруда не было никакого смысла, ибо продавать его не собирались: он был неотъемлемой, органичной частью сложнейшего производственного механизма, находящегося в казенной (государственной) собственности. В силу последнего заводской пруд являлся де-юре доступным заводчанам в качестве источника бытового водоснабжения, объекта рыболовства и охоты. Другими словами, жители были освобождены от платы за данный вид природопользования. Отсутствие тотального контроля над береговой линией и акваторией крупного водохранилища де-факто переводило его в категорию ресурса открытого доступа, что не позволяет определить цену за него. Кроме того, в самом

заводском селении имелось достаточное количество подземных водных источников (ключей), что делало бессмысленным формирование цены на воду. Перед нами классический пример провала рынка.

Итак, прямая экономическая (денежная) оценка водных ресурсов и в частности, воды пруда Ижевского оружейного завода в доиндустриальную эпоху представляет определенную трудность. Имеет смысл сосредоточить внимание не столько на самой воде как физическом теле, сколько на *способности* его производить работу, давать конкретный результат, который уже можно было бы экономически оценить. Или, наоборот, как неспособность в силу различных причин участвовать в создании продукта и тем самым наносить экономический ущерб. Имеет смысл использовать непрямой подход к оценке прудовой воды, а именно *метод упущенной выгоды*.

Результаты. Известно, что в исключительно суровую зиму 1839-1840 гг. из-за сильных морозов, приведших к сокращению объема рабочей воды в пруду, пришлось остановить некоторые мастерские и всё металлургическое производство. Как следствие, почти половина работающих (1000 чел.) остались не у дел на 4 месяца [4]. Из-за снижения уровня воды в пруду заметно пострадало благосостояние мастеровых: каждый из них недополучил треть годового жалования, 16 руб. (годовая заработная, или задельная плата составляла 48 руб.). Все временно безработные лишились 16 тыс. руб. Общее недопроизводство оружия составило более 7,6 тыс. единиц на сумму 37,3 тыс. руб. Налицо упущенная выгода, которую можно трактовать как цену природно-детерминированного ущерба. По большому счету, это цена недошедшей до станков воды, превратившейся в лёд. Стоит отметить, что в 30–50 годы XIX века частичные остановки производства в зимнее время на 1–2 месяца случались почти каждый год. Таким образом, некоторое представление о цене воды, даже в такой необычной форме люди все-таки имели. Было четкое понимание причинно-следственной связи между *уровнем рабочей воды и уровнем зарплаты рабочего*. Упущенная выгода в данных условиях это обстоятельство непреодолимой силы и человек здесь был фактически бессилен. Ежегодные остановки производства периодически инициировали вопрос об установке на заводе паровой машины, но безрезультатно [7]. Очевидно, что подобные природно-детерминированные издержки несли практически все уральские заводы

Говоря об округе Ижевского оружейного завода, можно упомянуть о более чем полусотне сельских населенных пунктах, в которых проживала вспомогательная рабочая сила предприятия, т.н. непременные работники завода. В их владении к середине XIX столетия находилось более 80 водяных мукомольных мельниц [8]. Жернова мельниц приводились в движение водой прудов, образованных их плотинами. Какова стоимость воды – этого "топлива" для мельниц?

Вода, как известно стоимости не имеет, т.к. она не является продуктом человеческого труда. Но цену имеет. Определяется она косвенно. Можно предложить еще два подхода. Первый – *затратный*. В данном случае цена воды в пруду отождествляется с затратами, понесенными человеком при возведении плотины. Второй – *результативный*. В этом случае цена воды определяется через цену полезности (мука), получаемой благодаря воде.

Стоимость одного "мельничного заведения" сильно колебалась в зависимости, прежде всего, от протяженности плотины, а она, в свою очередь, от ширины русла реки и поймы. Архивные данные по трем десяткам мельниц (они были достаточно типичными для рассматриваемой территории) свидетельствуют о ширине плотин от 308м до 17м [6]. Отсюда и большой диапазон стоимости мельничного хозяйства: от 62 руб. до 1500 руб. [8, 10]. Исходя из *затратного подхода* к оценке "спрудной воды", указанные суммы в ценовом диапазоне и есть ее цена (в нашем случае средняя цена составила около 78 тыс. руб.).

На какую сумму примерно смолачивалось зерна в течение года на восьми десятках мельниц, находившихся в грани заводского округа? В среднем каждая из мельниц производила 2,2 тыс. пудов муки в год [6]. 82 мельниц произведут, таким образом, уже более 180 тыс. пудов муки в годовом измерении. Если цена пуда муки ржаной составляла 43 коп. [5], то стоимость всего объема муки будет равна почти 77,5 тыс. руб. Это сумма способности всего объема воды в прудах вращать мельничные жернова и производить конкретный продукт конкретной цены. А так как способность тела (воды) неотделима от носителя этой способности, то сумму цены способности воды правомерно отождествить с собственно водой. Данный подход к экономической оценке воды получил название *результативного*.

Выводы. Близкий к результативному *рентному подходу* к экономической оценке объектов водопользования и, в частности, пруда Ижевского оружейного завода уместно – исходя из сути ренты – использовать в сравнении с остальными двумя российскими оружейными заводами XIX века, Тульским и Сестрорецким. В целом необходимо заметить, что при анализе основной деятельности оружейного завода на Иже методологически непросто формализовать полезность прудовой воды в общей результативности производства той эпохи. Непросто сделать по причине отсутствия стоимости воды (вода, напоминаем, имеет «нетрудовое» происхождение), а также трудности вычленения «бесценной» воды в общей отпускной цене производимого ружья. Тем не менее, продолжая разрабатывать новые способы непрямой оценки водных ресурсов, шире используя возможности альтернативной стоимости, считаем возможным подойти к решению вопроса экономической оценки воды в варианте доиндустриального природопользования.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 204.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 253.
3. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 282.
4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 361.
5. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 516.
6. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 533.
7. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 599.
8. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 639.
9. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 760.
10. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 761.
11. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 779.
12. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д. 782.

ON THE QUESTION OF ECONOMIC ASSESSMENT OF WATER USE FACILITIES IN THE AREA OF THE IZHEVSK ARMS PLANT (MID-19TH CENTURY)

A.F. Kudryavtsev

Udmurt State University

Izhevsk, Russia, e-mail: kudr2005@mail.ru

Based in archival materials, an attempt has been made to give a cost estimate of the water resources of Udmurtia using the example of the territory of the Izhevsk arms factory district in the mid-19th century. Options for indirect assessment of water are given. Attention is focused on the properties of surface waters to produce benefits of natural and socio-economic origin.

Keywords: water use; natural conditions and benefits; cost approach; effective approach to the economic assessment of natural benefits.

ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ УДМУРТИИ

А.Л. Лекомцев

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия, e-mail: alekomcev@mail.ru*

В статье осуществлен факторный и корреляционный анализ взаимосвязей между динамикой численности населения в сельских населенных пунктах и такими факторами как расстояние до районного центра и города, наличие дороги с твердым покрытием, объектов социальной инфраструктуры и сельскохозяйственного предприятия. В результате исследования выявлены наиболее значимые факторы, определяющие темпы депопуляции сельской местности в Удмуртской Республике.

Ключевые слова: динамика численности населения, факторный и корреляционный анализ, депопуляция, сельские населенные пункты.

Постановка проблемы. В обществе закрепилось мнение о том, что сельская местность «обезлюдает» по причине отсутствия «работы» и социальной инфраструктуры. Часто можно слышать из уст обывателей: «разорили колхозы, было бы где работать – жила бы деревня...». В научных кругах это называют сжатием рынка труда и часто позиционируют, как главный фактор депопуляции сельской местности. Между тем, в сельской местности Удмуртской Республики существует и другая проблема – недостаток рабочей силы. Многие предприятия вынуждены нанимать работников из других регионов страны и даже из-за рубежа.

Цель нашей работы – определить, какие из факторов, влияющих на динамику численности сельского населения, более значимы на данном этапе развития общества. Для этого мы рассмотрели динамику численности сельских населенных пунктов северных районов Удмуртии, расположенных вокруг города Глазов (Глазовский, Ярский, Бalezинский и Юкаменский), которые формируют единый узловый район или социально-экономическую территориальную систему [1]. Эта система достаточно удалена от крупных городов, таких как Ижевск, Киров или Пермь, что исключает их значимого влияния. При этом, внутри она не однородна. Кроме центрального города Глазова (87 тыс.чел.) здесь расположены крупные поселки (Балезино – 14 тыс.чел., Яр – 6 тыс.чел.), территории с мелко-сельным и среднесельным расселением, населенные пункты различной специализации и этнического состава.

Материалы и методы. Удмуртская Республика расположена преимущественно в зоне среднесельного расселения. Крупнейшими можно назвать сельские поселения с населением свыше 500 жителей, крупными – 201-500, средними –

101 – 200, малыми – 51 – 100, мелкими – менее 50 [3]. В 2023 г. численность сельского населения Удмуртской Республики составила 493,8 тыс. человек, включая 15 бывших поселков городского типа, в которых проживает 20% сельского населения. Наибольшая доля сельского населения проживает в крупных населенных пунктах. Обычно это районные центры, в которых в среднем проживает от 30 до 50% населения административного района.

За период с 1970 по 2020 год, число сельских населенных пунктов сократилось более чем на 30%. Наибольшее сокращение населения за 50 лет произошло в северных и западных районах (Кезский, Балезинский, Глазовский, Увинский, Селтинский, Ярский, Юкаменский, Игринский, Якшур-Бодьинский, Граховский). Рост наблюдался лишь в пригородных Завьяловском и Малопургинском районах [2]. Наиболее активное сокращение численности населения наблюдается в группе малых и средних поселений, не имеющих центральных функций. Такие поселения в Удмуртской Республике составляют более половины от общего числа сельских населенных пунктов [4].

Для оценки значимости тех или иных факторов были применены корреляционный и факторный анализ. Данные динамики численности населения отдельных населенных пунктов с 2012 по 2022 г. соотносились с данными о расстоянии до районного центра и города Глазов, о наличии дороги с твердым покрытием, учреждений социальной инфраструктуры и функционирующего сельскохозяйственного предприятия.

Фактор «покрытия дорог» включал разные варианты покрытия: асфальт, песчано-гравийная смесь или щебень, грунт. Также и при анализе социальной инфраструктуры, учитывалось не только само наличие объектов в поселении, но и количество учреждений различной специализации в одном поселении.

При анализе связи между динамикой численности населения и наличием сельскохозяйственных предприятий, последние были сгруппированы по признакам, характеризующим их эффективность и экономический размер: годовая выручка, количество работников, поголовье крупного рогатого скота, удой на 1 корову, а также площадь обрабатываемой пашни по отношению к площади сельскохозяйственных земель муниципального образования (сельского поселения). Данные по поголовью и надоям важны, поскольку молочно-мясное скотоводство является специализацией всех предприятий районов. А результаты сравнения площадей показывают, насколько стабильно развивается предприятие. Чаще всего «слабые» предприятия имеют площадь пашни меньше, чем имеется угодий в муниципальном образовании. Это является следствием реорганизации производства в прошлом с созданием предприятия меньших размеров или с отсутствием возможности обрабатывать все поля. «Сильные» же предприятия стре-

мятся ввести в оборот все уголья, а при возможности и «захватывают» поля соседей. В исследуемых районах таковых предприятий 16, при общем числе более 40 (в исследовании не учитывались небольшие фермерские организации).

Проведенные корреляционный и факторный анализы выявили некоторые закономерности воздействия различных социально-экономических факторов на динамику численности сельского населения.

Связь между изменением численности населения и качеством дорог практически отсутствует. Коэффициент корреляции равен 0,11. Очень слабую связь можно объяснить общей низкой плотностью дорог с твердым покрытием на севере Удмуртии, и тем, что большая часть населенных пунктов без хорошей дороги имеют людность менее 50 чел. В таких малых поселениях показатели динамики численности населения не стабильны и малоинформативны. События, отражающиеся в показателях динамики численности, происходят не регулярно, а убыль/прирост на одного человека за год дает результат в пределах от 2 до 100%. По этой причине в работе проводился корреляционный анализ, как с учетом, так и без учета поселений с людностью до 50 жителей. Без учета последних, связь динамики численности с покрытием дорог также очень слабая.

Аналогично, очень слабая связь наблюдается и с наличием/отсутствием объектов социальной инфраструктуры в населенных пунктах. Вопреки общим представлениям, убыль населения характерна и для обеспеченных инфраструктурой поселений. Для лучшего понимания связей, были рассчитаны коэффициенты корреляции с данным фактором отдельно для каждого административного района. Средней степени связь (коэффициент равен 0,61) проявилась только в Ярском районе, в остальных очень слабая. Такая связь в Ярском районе объясняется малым числом рядовых поселений, 68,5% населения района (без райцентра) проживает в центрах муниципальных образований (сельских поселений) с развитой инфраструктурой, а, например, в Юкаменском таких только 40,5%.

Чуть более значимая, хотя и слабая связь выявилась между динамикой численности населения и наличием стабильно развивающегося сельскохозяйственного предприятия. Коэффициент корреляции равен 0,25 при учете всех населенных пунктов и 0,28, если проводить корреляцию только с центральными поселениями, где имеются крупные организации. Слабая связь между явлениями говорит о том, что наличие рабочих мест в деревне не играет большой роли в сохранении населения в сельской местности.

Наиболее значимая связь прослеживается между динамикой численности населения и удалением от центрального города Глазова. Связь обратная (-0,37), то есть при удалении от города усиливается убыль населения в селах и деревнях. Связь между этими явлениями становится сильнее (-0,46), если из списка удалить населенные пункты с численностью населения до 50 человек.

Также был проведен анализ взаимосвязи динамики численности населения с удалением от других районных центров. Наибольшее значение коэффициента корреляции получилось в Бalezинском районе (-0,26), в остальных районах значения минимальные (-0,02 в Юкаменском и -0,15 в Ярском). Прослеживается закономерность, что чем крупнее районный центр, тем больше его влияние на окружающие поселения.

Заключение. Взаимосвязь между динамикой численности населения в сельских населенных пунктах и такими факторами как расстояние до районного центра и города, наличие дороги с твердым покрытием, объектов социальной инфраструктуры и сельскохозяйственного предприятия очень слабая и слабая. Вопреки сложившемуся мнению о важности наличия рабочих мест в «колхозах» и объектов социальной инфраструктуры в деревне, эти факторы играют минимальную роль в сохранении населения на селе. Наиболее значимый фактор – удаление от крупного центра, чем крупнее и развитее город-центр социально-экономической территориальной системы, тем сильнее его положительное влияние на динамику численности населения сельской местности.

Библиографический список

1. Лекомцев, А. Л. Влияние развития транспорта и транспортной сети на системы расселения населения (на примере территории Удмуртии) / А. Л. Лекомцев // Вестник Удмуртского университета Сер. Биология. Науки о Земле. – 2010. – Вып. 4. – С. 110-114.
2. Лекомцев, А. Л., Литвинов А. А. Сокращение числа сельских населенных пунктов: современные тенденции, факторы, формы (на примере Удмуртской Республики) // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз: материалы междунар. науч. конф. (XII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Ижевск, 13-18 сентября 2021 г. / М-во науки и высш. образования РФ, ФГБОУ ВО "Удмуртский государственный университет", Ин-т естеств. наук, Ассоц. рос. географов-обществоведов; отв. ред.: А. Г. Дружинин, В. П. Сидоров. – Ижевск: Удмуртский университет, 2021. – С. 545-550
3. Литвинов А.А., Вахрушева А.М. «Динамика сельского расселения Удмуртии за 1970 – 2003 годы» // Наука Удмуртии/ – Ижевск – 2007. – №4. – С. 104-116
4. Литвинов, А. А. Тенденции изменения числа сельских населенных пунктов в средней полосе России (на примере Удмуртской Республики) / А. А. Литвинов, А. Л. Лекомцев, Д. В. Ложкина // Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (12-13 нояб. 2020 г.) / под общ. ред. Е. Г. Кошеловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 64-66.

FACTORS OF POPULATION DYNAMICS IN RURAL SETTLEMENTS OF UDMURTIA

A. L. Lekomtsev

Udmurt State University, Izhevsk, Russia, e-mail: alekomcev@mail.ru

The article carried out a factor and correlation analysis of the relationships between population dynamics in rural settlements and such factors as the distance to the regional center and city, the presence of a paved road, social infrastructure facilities and an agricultural enterprise. As a result of the study, the most significant factors determining the rate of depopulation of rural areas in the Udmurt Republic were identified.

Key words: population dynamics, factor and correlation analysis, depopulation, rural settlements.

ДИНАМИКА И СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ПРОВИНЦИИ СЫЧУАНЬ КНР

Т. Ли, С.В. Панков

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия, e-mail: jiaxinli.edu@yandex.ru, psv69tmb@mail.ru

В статье анализируются социально-экономические проблемы, связанные с деятельностью туристической индустрии Китая, оценке принимаемых мер и перспектив дальнейшего развития отрасли в новых условиях. Прослеживаются процессы восстановления туристической отрасли Китая, определяется роль государственных и частных структур в поддержании развития туризма. Обобщаются и устанавливаются системные взаимосвязи в постэпидемиологической работе отрасли.

Ключевые слова: индустрия туризма; международный туризм; сельский туризм; провинция Сычуань; Китай.

Постановка проблемы. С XXI века, с совершенствованием инфраструктуры, туризм в провинции Сычуань демонстрирует высокие темпы роста и вступил в период беспрецедентно быстрого развития. Годовой доход Китая от туризма в 2019 году составит 6,63 трлн юаней **Ошибка! Источник ссылки не найден.**, а общий доход провинции Сычуань от туризма – 1159,432 млрд юаней, что составляет шестую часть доли Китая и занимает четвертое место в экономике туризма страны. Богатая туристическими ресурсами и сильная в своей мощи, провинция Сычуань является настоящим маяком туризма в КНР.

В 2007 году общий туристский доход провинции впервые превысил 100 млрд. юаней, а в 2011 году он достиг 244915 млрд. юаней, удвоившись за четыре года. В 2019 году общий доход достиг 1159432 млрд юаней, что в 4,7 раза больше, чем в 2011 году, и в десять раз больше, чем в 2007 году (рис. 1).

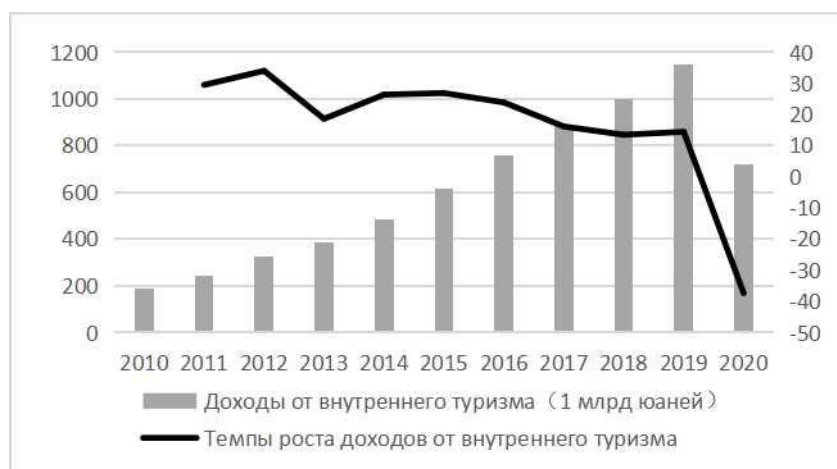

Рис. 1 Доходы от внутреннего туризма в провинции Сычуань
Составлено по материалам ежегодника туризма провинции Сычуань [5]

Методы и источники данных. Методологическую основу в работе оставляют труды отечественных и зарубежных ученых: Чжан Хунмэй, Миронова Н.А., Гварлиани Т.Е., Ван Ф., Акбашева А.А., Пашков С.В., Го Хуа, Юй Жуньчжэ, Аверкиева К.В., Инь Чжанье, Сизенева Л.А., Ван Тие, Абалаков А.Д., Рассохина Т.В., Лю Даньпин, Су Луцзюнь, Лонг Лянфу, Макурина Ю.А., Тан Ж.Л., Ду Цзунбинь, Линь Миншуй, Ян Хуили, Тянь Дунна, Чжэн Чживэй, Лю Чжэньчжэнь, Пань Цзинху, и Чжу Фан.

Результаты. С 2010 по 2019 г. как число туристов, так и доходы от внутреннего туризма сохраняют высокие темпы роста. С 2010-2019 гг. среднегодовой темп роста прибытий внутреннего туризма составил 12,24%, а среднегодовой темп роста поступлений внутреннего туризма – 22,56% (рис. 2). За исключением 2013 г., индустрия туризма испытывала незначительные колебания из-за сильного землетрясения в Лушане и воздействия исключительно сильных дождей и наводнений, что значительно затормозило рост числа туристов и доходов отрасли. В остальное время туризм в Сычуани развивался по нарастающей. С 2013 г. доход от туризма в регионе ежегодно преодолевает планку в 100 млрд. юаней, что делает его одной из отраслей с самыми высокими темпами.

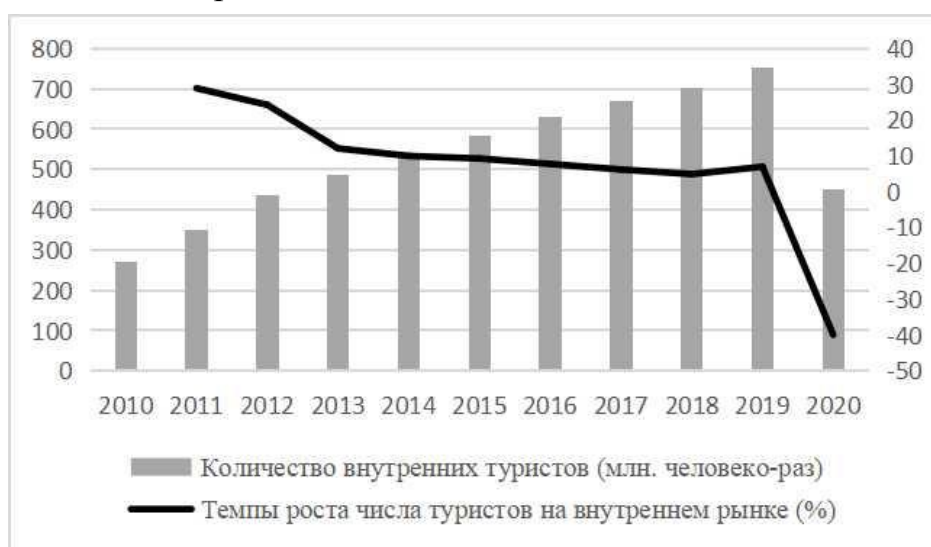

Рис. 2. Число внутренних туристов в провинции Сычуань
 Составлено по материалам ежегодника туризма провинции Сычуань [5].

Этот вид промышленности стал важной стратегической опорной отраслью в провинции, играя все более важную роль в экономическом и социальном развитии провинции. Данные показывают, что в 2017 г. добавленная стоимость туризма и смежных отраслей в провинции Сычуань достигла 7,9% ВВП, составив 15,8% добавленной стоимости третичной промышленности; внесла 84,41 млрд юаней в налоговые поступления, составив 15,4% национальных и местных налоговых поступлений; общий доход от туризма в общем объеме розничных продажах социальных потребительских товаров достиг 51,05% [3].

К огромному сожалению, начало пандемии поставило на паузу импульс, который набирался в течение нескольких лет, и серьезно повлияло на нормальное функционирование отрасли. В 2020 году туризм пережил серьезный спад из-за эпидемий и политики карантина: В 2020 г. Сычуань приняла 451074 млн. внутренних туристов, что на 39,92% меньше, чем в предыдущем году; доход оказался на 37,4% меньше.

С точки зрения состава посетителей, Сычуань, как внутренняя провинция на западе Китая, всегда была основным рынком для внутренних посетителей. 99% клиентов приезжают из материкового Китая, а количество въездных посетителей составляет менее 1% от числа внутренних посетителей¹.

После эпидемии «коронавирус» число въездных туристов упало еще больше: показатели снизились на 94,07%, с 4147800 в 2019 г. до менее чем 250 тыс. туристических прибытий за год 2020 (рис. 3). После эпидемии туристическая индустрия Сычуани стала больше зависеть от внутренних туристов.

Рис. 3. Количество въездных туристов из КНР

Источник: расчеты автора по материалам ежегодника туризма провинции Сычуань [5].

Эпидемия не закончится в краткосрочной перспективе, и контроль транспортных маршрутов и политика карантина будут оставаться жесткими. Трансграничные поездки стали более сложными и затратными, чем до эпидемии, люди проявляют нерешительность в отношении международных поездок. В связи с такой ситуацией большое количество поездок переносится из международной деятельности во внутреннюю [1].

¹ *Примечание: Согласно китайской политике и статистике, жители Гонконга, Тайваня и Макао считаются въездными туристами, когда они посещают материковый Китай)*

В условиях многочисленных ограничений внутренние поездки и путешествия по городу станут более популярными [2]. Выезд на природу – это не только легкодоступность и меньшие ограничения в плане политики, но и удаленность от массовых скоплений людей и наслаждение открытым воздухом, что позволяет одновременно расслабиться и сохранить здоровье. Поэтому в эту новую эпоху сельский туризм рассматривается как новая сила роста для восстановления экономики туризма в настоящее время.

Провинция Сычуань является первой провинцией в Китае, которая начала заниматься сельским туризмом. В 1986 г. в деревне Нонгке, поселок Юай, уезд Писянь, Чэнду (ныне район Пиду, Чэнду) (农科村郫都区成都市) был создан первый в Китае "Агротуризм Нонцзя(农家乐, Agritainment)".

В 2006 г. город Чэнду был официально признан Национальным управлением по туризму (ныне Национальное министерство культуры и туризма) местом рождения китайского агротуризма Нонцзя. Это самая основная форма сельского туризма в Китае. Агротуризм вкратце означает «поедание сельских блюд, проживание в фермерских домах и сбор экологически чистых сельскохозяйственных продуктов» и представляет собой отдых в сельской местности.

В текущий момент различные города провинции Сычуань уже усеяны различными рекреационными зонами «агротуризма Нонцзя». В провинции сформировался культурный круг сельского туризма, центром которого является административный центр провинции – Чэнду, распространяющийся на близлежащие города. И появилось много качественных мест сельского туризма. Постоянное совершенствование системы продуктов и сервисных услуг сельского туризма сделало эти места приема туристов новой точкой прибыти для региональной экономики.

Как видно из таблицы, в 2014 – 2017 гг. около четверти доходов от внутренних туристических прибытий приходилось на сельский туризм. С 2018 г. доля превысила 30% и неуклонно росла. В 2019 г. общее число прибытий сельского туризма составило 441 млн, что составило 58,8% прибытий внутренних туристов провинции и 34,92% доходов от внутреннего туризма.

Хотя экономические размеры сельского туризма сократились во время пандемии, так как доходы от туризма упали с 400 млрд юаней в 2019 году до 313 млрд юаней в 2020 г., однако доля сельского туризма вместо этого увеличилась. В последние годы доходы от сельского туризма в Сычуани выросли до 50% (табл.), что является побочным эффектом появления нового рыночного спроса на туризм.

По состоянию на 2021 г. в 8300 деревнях региона уже имеется организация досугового сельского хозяйства и прием сельского туризма, что составляет 27,2% от всех деревень. Удельный вес жителей деревень, развивающих сельский

туризм, с располагаемым доходом на душу населения в 20000 юаней и более составляет около 46,7%, что на 29% выше, чем у жителей без этой формы экономики [6]. Экономические и социальные положительные стороны сельского туризма значительны с точки зрения борьбы с бедностью.

Таблица

Общий доход от сельского туризма в провинции Сычуань

год	Общий доход от сельского туризма (млрд юаней)	Доля поступлений от внутреннего туризма, %
2014	134	27.70
2015	170.8	27.83
2016	201.5	26.51
2017	228.3	25.87
2018	134	32.80
2019	170.8	34.92
2020	201.5	43.65
2021	228.3	48.96

Источник: рассчитано автором на основе данных Сычуаньского статистического ежегодника по туризму [5]

Прекрасные сельские пейзажи, уникальная тибетская и цянская культура и народные деревни создают разнообразные возможности для процветания туристической экономики в Сычуани. Развитие индустрии сельского туризма может стать эталонным опытом для операторов в других регионах. Несомненно, некоторые ученые отмечают, что сельский туризм в провинции Сычуань также сталкивается с такими проблемами, как серьезная гомогенизация, нерациональное освоение ресурсов и отсутствие региональной координации и сотрудничества [4], что в определенной степени препятствует устойчивому развитию местной сельской экономики.

Долгое время выбор мест для туристических деревень и стратегии развития, а также комплексное развитие территории было непростой задачей. В реальности пространственное распределение туристических деревень и факторы, влияющие на них, сложны и разнообразны, поскольку характеристики обеспеченности, структурные формы и условия местоположения сильно различаются от деревни к деревне. Сочетание пространственно неоднородных факторов создает дополнительные препятствия для размещения объектов сельского туризма, что может привести к снижению пригодности туристических продуктов для спроса и предложения, нерациональному использованию ресурсов.

Выводы. В качестве объекта исследования выбраны прекрасно развитые места сельского туризма в провинции Сычуань, и они помещены в двойную систему природы и общества для анализа характеристик пространственного распределения и факторов влияния этих деревень. В свою очередь, он оптимизирует размещение системы сельского туризма в Сычуани и предлагает идеи для синер-

гетического развития каждого региона. Разумные и эффективные стратегии развития деревень позволяют стандартизировать и отслеживать развитие туризма в деревнях и обеспечивают реалистичные руководящие идеи для последующего выбора туристических деревень в других регионах.

Библиографический список

1. Ли Тяшин, Панков С.В. Методологические основы исследования сельского туризма в Китае // Географические аспекты устойчивого развития регионов, Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Гомель, РБ: Гомельский гос. ун-т, 2023. С. 360-364.
2. Ozdemir, A., Yildiz, S. How covid-19 outbreak affects tourists' travel intentions? A case study in Turkey. // Social Mentality and Researcher Thinkers Journal. 2020.vol.6. №32. P. 1101–1113.
3. 2017年全国旅游及相关产业增加值占国内生产总值的比重为4.53% // Национальная добавленная стоимость туризма и смежных отраслей в процентах от ВВП составила 4,53% в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201901/t20190118_1645545.html(дата обращения: 03.09.2022).
4. 柯晓兰. 乡村旅游高质量发展的困境及路径优化—基于四川省17县(区)25个乡镇的调查//资源开发与市场. 2021. № 37(10). P. 1247-1255. // Кэ Сяолань. Дилемма высококачественного развития сельского туризма и оптимизация его путей – исследование на примере 25 населенных пунктов в 17 уездах провинции Сычуань// Развитие ресурсов и рынок. 2021. № 37(10). P. 1247-1255.
5. 四川省旅游年鉴. // Сычуаньский туристический ежегодник. [Электронный ресурс]. URL: <http://wlt.sc.gov.cn/>(дата обращения: 14.05.2022).
6. 四川乡村振兴交出亮眼成绩单// Оживление сельских районов в провинции Сычуань показало блестящий табель успеваемости [Электронный ресурс]. URL: <https://news.cnstock.com/news,yw-202205-4878103.htm>(дата обращения: 04.06.2022).

DYNAMICS AND STATE OF TOURISM DEVELOPMENT IN SICHUAN PROVINCE PRC

T. Li, S.V. Pankov

*Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
Tambov, Russia, e-mail: jiaxinli.edu@yandex.ru , psv69tmb@mail.ru*

The article analyzes the socio-economic problems associated with the activities of the Chinese tourism industry, the assessment of the measures taken and the prospects for further development of the industry in new conditions. The processes of restoration of the tourism industry in China are traced, the role of public and private structures in supporting the development of tourism is determined. The system interrelations in the postepidemiological work of the industry are generalized and established.

Keywords: tourism industry; international tourism; rural tourism; Sichuan Province; China.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ДИНАМИКЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА И ИХ СВЯЗЬ С ЭТНИЧЕСКИМ ФАКТОРОМ¹

Т.В. Литвиненко^а, К. Кумо^б

*^аИнститут географии Российской академии наук,
Москва, Россия, e-mail: litvinenko@igras.ru*

^бУниверситет Хитоцубаси, Токио, Япония, e-mail:kumo@ier.hit-u.ac.jp

В работе осуществлена оценка влияния этнического фактора на внутренние различия в динамике населения Республики Саха на разных временных отрезках периода 1989-2020 гг. Применение регрессионного анализа позволило установить ослабление влияния этого фактора на динамику численности населения после 1990-х гг. Сравнительно-географическим и методом кластерного анализа установлено влияние, наряду с этническим, иных факторов как позиционного и социально-экономического на территориальные различия в динамике населения.
Ключевые слова: этнический фактор; динамика населения; Республика Саха; территориальные различия

Постановка проблемы. Динамика населения и ее территориальные различия в регионах Севера были в центре социо-демографических исследований на протяжении последних десятилетий. Однако, за исключением исследований изменения этнического состава населения Якутии [1,5] и Чукотки [2,6], воздействие этнического фактора на динамику населения и ее территориальные различия остается недоизученным.

Цель данного исследования – установить влияние этнического фактора на территориальные различия в динамике населения Республики Саха на разных временных отрезках периода 1989–2020 гг. Проблемы демографического развития Республики Саха (Якутия) были рассмотрены якутскими исследователями [1,3–5]. Однако среди них, хотя этнический фактор исследовался в нескольких работах, количественная оценка его влияния на динамику населения в пространстве и времени не проводилась.

Методы и источники данных. В работе использовались данные переписей населения 1989, 2002 и 2010 годов, поскольку данные об этническом составе доступны только за эти годы. Данные об общей численности населения за другие годы на региональном и внутри региональном уровне были получены через официальный сайт Росстата по Республике Саха (Якутия). Анализ внутренних различий в видах экономической деятельности и уровнях освоенности территории был основан на материалах диссертационного исследования М. Ю. Присяжного [4].

Применялся сравнительно-географический метод исследования, регрессионный и кластерный анализы. Были использованы данные, полученные авторами

¹ Исследование Литвиненко Т.В. выполнено по теме Государственного задания ИГ РАН АААА-А19-119022190170–1 (FMGE-2019–0008).

© Т.В. Литвиненко, К. Кумо, 2023

в ходе экспедиционных обследований в районах республики в 2005, 2010 и 2017 годах.

Исследования проводились на трех временных отрезках: 1989–2002 гг. (первый), 2002–2010 гг. (второй) и 2010–2020 гг. (третий).

Результаты. Для Республики Саха, как и в целом для регионов Севера, было характерно снижение общей численности населения в постсоветский период. При этом спад численности был ниже, чем в других регионах, а в 2015–2022 гг. население росло. Это во многом объясняется этническим фактором, а именно – большей долей коренного населения в общей его численности. Для коренных народов была характерна большая рождаемость и меньший миграционный отток за пределы своего региона, что способствовало росту населения или меньшему его сокращению.

Общей тенденцией в постсоветский период на внутрорегиональном уровне (уровень улусов/районов) можно считать следующее. Чем выше доля коренного населения, тем меньшими были потери населения или население выросло. При этом зависимость между ростом/снижением численности населения улусов/районов и долей коренного населения снижалась: от $R^2 = 0,5043$ на первом временном отрезке до $R^2 = 0,1371$ на третьем. В 1989–2002 гг. эта зависимость была наиболее тесной; доля коренного населения объясняла более половины трендов динамики населения. Однако в дальнейшем эта связь ослабла.

Очевидно, что этнический фактор не объясняет все внутренние различия в динамике населения республики. Для выявления других возможных влияющих факторов был проведен кластерный анализ. На всех временных отрезках улусы/районы были разделены на три кластера в зависимости от высокой/низкой доли коренного населения и высоких/низких темпов роста или снижения численности населения. Однако районы, отнесенные к каждому кластеру, различались на разных временных отрезках, особо – на втором и третьем, когда этнический фактор терял объясняющую силу.

Первый кластер составляли улусы с высокой долей коренного населения и относительно стабильной динамикой населения на всех временных отрезках. В этом кластере можно выделить две группы. Первая группа – это улусы с очень высокой долей коренного населения (87% и более) и ростом населения (Горный, Намский, Оленекский, Чурапчинский). В другую группу входят районы с относительно меньшей долей коренного населения и отрицательной динамикой численности (Абыйский, Вилюйский, Жиганский, Момский, Среднеколымский). В некоторых районах (Сунтарский и Усть-Алданский) наблюдалось снижение численности населения несмотря на очень высокую долю коренного населения. В этом кластере наибольший рост населения произошел в центральных аграрных районах (Горный и Намский в 1989-2002 гг.) с благоприятными природно-климатическими условиями для развития скотоводства, соседствующих с Якутском

и имеющих хорошую транспортную доступность к региональной столице по асфальтированной дороге. Эти положительные стороны районов способствовали миграционному притоку якутов из других, в основном отдаленных, северных территорий республики.

Второй кластер составляли районы с относительно низкой долей коренного населения (от 2% до 49%), где наблюдалось сжатие населения или сравнительно небольшой его рост. Меньшая убыль наблюдалась в тех промышленных районах, где реализовывались крупные инфраструктурные проекты и/или проекты по добыче ценных полезных ископаемых (Алданский, Мирнинский и Нерюнгринский районы в 1989–2020 гг. и Томпонский в 1989–2010 гг.). Ленский район – единственный в этом кластере, где, несмотря на низкую долю коренного населения наблюдался прирост населения. Это объясняется активным развитием в районе газовой и нефтяной промышленности, строительством и вводом в эксплуатацию участка нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан.

В Усть-Янском, Оймяконском и Усть-Майском районах, где доля коренного населения выше, чем в Мирнинском, Алданском и Нерюнгринском, большее сокращение численности населения объясняется закрытием горнодобывающих предприятий и отсутствием иных значимых центров экономического роста.

Отток населения из аграрных и оленеводческих районов как Нижнеколымский и Верхнеколымский на северо-востоке республики в 1989–2010 гг. был связан с отсутствием высокооплачиваемых рабочих мест на территориях с наиболее неблагоприятными природно-климатическими и транспортно-географическими условиями.

Третий кластер – районы со средней долей коренного населения. Состав районов этого кластера существенно различался на разных этапах. При этом г. Якутск всегда входил в этот кластер и отличался наибольшим ростом населения за счет миграционного притока из других районов. Региональная столица привлекала возможностями трудоустройства, более высоким уровнем развития социальной инфраструктуры и комфортной городской средой.

В Хангаласском районе наблюдался прирост населения или небольшая его убыль. Этому способствовал миграционный приток из других территорий республики. Район выделялся наибольшей близостью (по расстоянию и времени) своего центра к региональной столице. В остальных районах этого кластера в 2010–2020 гг. темпы прироста населения были отрицательными из-за отсутствия миграционного притока и/или более низкого естественного прироста по сравнению с районами первого кластера с более высокой долей коренного населения.

Выводы. На всех временных отрезках постсоветского периода наблюдались значительные внутренние различия в динамике населения Республики Саха (Якутии). Одним из влияющих факторов был этнический, а именно – доля коренного населения в общей численности населения территории. Наиболее сильным

влияние этого фактора было в 1989-2002 гг. Более высокая доля коренного населения способствовала стабильности численности населения на этом временном отрезке. Однако объяснительная сила этнического фактора со временем ослабла, а влияние других факторов усилилось.

Наряду с этническим, внутренние различия в динамике населения зависели от позиционного фактора, а именно – удаленности района от региональной столицы, а также социально-экономического, особо – наличия новых инфраструктурных и промышленных проектов, стимулирующих развитие территории. Итоговый спад или рост населения района/улуса зависел от сочетания нескольких факторов. Несмотря на высокую долю коренного населения, в северных районах или удаленных от Якутска, наблюдалось сокращение численности населения. Напротив, в районах с очень большой долей якутов, расположенных недалеко от региональной столицы, был зафиксирован значительный прирост населения.

Библиографический список

1. Игнатьева В. Б. Национальный состав населения Якутии. Этно-статистическое исследование. Якутск: Якутский научный центр, 1994. 144 с.
2. Кумо К., Литвиненко Т. В. Население Чукотки в пространстве и времени // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. Т. 3, № 3. С. 50–66.
3. Мостахова, Т. С. Социально-демографические проблемы в арктических районах Республики Саха (Якутия). Якутск: Сайдам, 2016. 112 с.
4. Присяжный М. Ю. Приоритеты освоения территории Республики Саха (Якутия) в современных условиях позиционирования регионов Севера. Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. Санкт-Петербург, 2014. 47 с.
5. Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития / В. Б. Игнатьева, Е. Г. Маклашова, А. Г. Томаска [и др.]. Якутск: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр "Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук", 2020. 312с.
6. Kumo K., Litvinenko T. Post-Soviet population dynamics in the Russian Extreme North: A case of Chukotka// Polar Science. 2019. Vol. 21. P. 58–67. DOI 10.1016/j.polar.2018.11.002.

TERRITORIAL DIFFERENCES IN POPULATION DYNAMICS IN THE REPUBLIC OF SAKHA AND THEIR RELATIONSHIP TO ETHNICITY

T. V. Litvinenko^a, K. Kumo^b

*^aInstitute of Geography, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, e-mail: litvinenko@igras.ru*

^bHitotsubashi University, Tokyo, Japan, e-mail: kumo@ier.hit-u.ac.jp.

This paper assesses the influence of the ethnic factor on the internal differences in the population dynamics of the Republic of Sakha at different time intervals of the period 1989-2020. Application of regression analysis allowed to establish the weakening of the influence of this factor on the population dynamics after 1990s. Comparative-geographical and cluster methods established the influence, along with ethnicity, of other factors such as positional and socio-economic on the territorial differences in population dynamics.

Keywords: ethnic factor; population dynamics; Sakha Republic; territorial differences

УРАЛЬСКАЯ ГОРНОЗАВОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ПЕРМСКОГО АВТОМОБИЛЬНОГО МУЗЕЯ «РЕТРО-ГАРАЖ»

А.А. Лядова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Экспертный совет АНО «Пермского автомобильного музея “Ретро-гараж”»²
Пермь, Россия, e-mail: geografizpermi@yandex.ru*

В статье рассмотрена деятельность музея «Ретро-гараж» по сохранению наследия Уральской горнозаводской цивилизации (УГЦ) в Пермском крае. Используются описательный и аналитический методы оценки деятельности музея для развития пространства городов. В итоге пришли к выводу о необходимости продолжать данную работу, но данный опыт требует прорывных действий базисных улучшений (инноваций), которые в рамках которых можно было объединить различные учреждения, организации, бизнес и органы управления для формирования представлений о крае как важной части УГЦ.

Ключевые слова: Уральская горнозаводская цивилизация; промышленное наследие; Пермский автомобильный музей «Ретро-гараж».

Введение. Об Уральской горнозаводской цивилизации на территории Урала как необычном феномене российской истории и источнике развития экономики и промышленности России существует немало исследований и примеров её сохранения. В Пермском крае важными составляющими Уральской горнозаводской цивилизации являются бассейн р. Камы, Уральская горнозаводская железная дорога (УГЖД), территория Горнозаводского Прикамья на востоке края, севере и часть городов и поселений у р. Камы. В регионе организаций, которые бы работали в рамках темы, практически нет. Их нет и в сфере туризма [1], что удручающе выглядит на фоне соседних субъектов [7]. Единственным, развивающим данную тему, является Пермский автомобильный музей «Ретро-гараж» (Музей). Во многом это стало возможным благодаря активной поддержке Фонда Президентских грантов с 2018 г. [6].

Музей открылся в 2016 г. и занимался популяризацией автомобильного наследия России. Самым известным мероприятием Музея являлся Автопробег «Пермь Великая». В 2018 г. возможность создания Пермского Технического музея изменила концепцию работы. Вместе с сотрудниками географического факультета ПГНИУ был подготовлен проект Технического музея на площадке Завода им. А.А. Шпагина [4]. Предполагалось объединить в одном музее всё техническое наследие Уральской горнозаводской цивилизации, а также геологическое и культурное. Такого музея нет ни на Урале, ни в РФ. В статье рассматриваются причины и пути работы музея в сложившихся условиях.

Методы и источники данных. Согласно разным исследованиям, г. Пермь является в пространстве данной цивилизации, с одной стороны, не столичным центром, а провинциальной столицей, и, с другой стороны, является городом транспортной цивилизации. Показывают, что в начале город стал центром благодаря горнозаводскому производству (Егошихинский завод), но очень быстро утратил его и снова только в 1938 г. включила в себя один горнозаводский центр (посёлок Мотовилиха). В отличие от Перми Екатеринбург сохранял и развивал составляющие цивилизации. Благодаря этому он стал главным её центром [2]. Положение города на р. Каме и прохождение здесь Уральской горнозаводской железной дороги, а затем северной ветки Транссиба создало из города транзитный транспортный центр. Поэтому он является столицей транспортной цивилизации на Урале, через который шёл вывоз из Урала и Сибири ресурсов, а после в годы Великой Отечественной войны именно город принял самое большое количество эвакуированных среди всех городов России [3]. По этому причине город ориентирован на запад и находится в подчинённом положении от более крупных экономических и культурных центров. Город находится в управленческом противоречии и не хочет демонстрировать её достижения жителям и туристам. Поэтому Пермский Технический музей остаётся проектом.

Тем не менее, в таких условиях нецелесообразно исключать промышленное наследие Уральской горнозаводской цивилизации из жизни города и тем более всего края. Поэтому стратегия музея «Ретро-гараж» по распространению значения Уральской горнозаводской цивилизации и уникальности г. Перми включало работу с партнёрами и выход за пределы краевой столицы.

Способами формирования представлений об УГЦ у жителей и гостей г. Перми и края стали следующие:

- 1) празднования Дня Победы и Дня города совместно с Пермский регион обслуживания Свердловской железной дороги ОАО «РЖД»;
- 2) автопробеги на День шахтёра и День металлурга в центрах металлургия и угледобычи края с демонстрацией передвижных выставок о крупнейших предприятиях, созданных в УГЦ;
- 3) работа с городскими пространствами вместе с Государственным архивом Пермского края (Госархив).

Результаты. Совместные проекты с пермским ОАО «РЖД» представляет собой уникальный случай. Ни один автотранспортный музей в РФ не организовывал совместные мероприятия с РЖД. В честь празднования Дня Победы по территории края курсирует состав «Эшелон Победы». Он включает паровоз, вагоны и платформы времён войны, на платформах демонстрируются станки и аг-

регаты, полученные до начала войны и по лендлизу. Движение Эшелона начинается на станции Пермь-I, как ключевой станции УГЖД, её начале (рис.). Затем он курсирует по городам и станциям края, которые являются центрами УГЦ.

**Рис. Пространство проведения мероприятий
Пермский автомобильный музея «Ретро-гараж» по распространению знаний о УГЦ**

Сначала Эшелон также демонстрируется в центрах горнозаводской цивилизации края, а затем в таких же центрах Свердловской области (Невьянск, Кушва, Нижний Тагил и Екатеринбург). В Прикамье вместе с Эшелоном демонстрируется автотехника. Среди неё представлены экспонаты «Ретро-гаража» и автомобили местных коллекционеров. Это не противоречит наследию, так, например, г. Чусовой являлся единственным центром производства рессор для всех советских и российских автомобилей и колесных пар для паровозов и локомотивов.

В День города локацией празднования становится набережная р. Кама, реки без которой не возник бы сам город, не было бы тех транспортных особенностей, присущих Уралу. Демонстрация паровозной и автомобильной техники, а также выставка проходят под выступление другого партнёра Музея – Пермского Губернского оркестра.

Фактически музей аккумулирует даже больше, чем просто наследие УГЦ. В своей деятельности он сочетает технической и транспортное наследие СССР, техническое наследие УГЦ и объяснение историко-географических причин развития Урала и Пермского края с последующей уникальной и нетрадиционной демонстрацией этого наследия. И основными источниками средств выступают Фонд Президентских грантов и ОАО «РЖД», без какого-либо участия местной или региональной администрации.

Автопробеги стали одним из самых известных мероприятий Музея, но если раньше они проходили в рамках всех государственных праздников и охватывали

в основном г. Пермь, то с 2018 г. они проходят в День металлурга и День шахтера и в городах УГЦ (рис.). Вместе с ретроавтомобилями демонстрируются передвижная выставка о предприятиях УГЦ. Участники автопробега участвуют в праздничной программе тех городов, в которые они заезжают, поскольку Музей также сотрудничает с местными администрациями.

Работа с Госархивом в городских пространствах охватывает Пермь и города края. Госархив активно включён в создание тематических выставок о УГЦ. Именно он представил наиболее полную информацию о создании УГЖД на Урале в интернете (ресурс «Первая на Урале. К 140-летию УГЖД») [5]. В итоге сотрудничество позволило найти богатый материал для различных выставок о жизни УГЦ, а также подготовить к 300-летию г. Перми на самой длинной пешеходной улице города выставку «Люди Горнозаводской цивилизации» в г. Перми о ключевых инженерах пермской промышленности.

В планах музея реализация нового проекта с БГТУ «ВОЕНМЕХ» и Музеем обороны и блокады Ленинграда об эвакуации в годы Великой Отечественной войны в г. Молотов ленинградских заводов, учреждений образования и культуры. Новый проект будет включать в себя следующее: 1) ключевой элемент – уникальная региональная транспортная система, как причина самой масштабной в мировой истории эвакуации; 2) работа выпускников ВОЕНМЕХа (руководителей и конструкторов) на пермских оборонных предприятиях в годы Великой Отечественной войны и после; 3) послевоенная гражданская продукция пермских оборонных заводов, получившие различные награды международных выставок и медали ВДНХ СССР.

Выводы. Совместная работа с партнёрами для Музея «Ретро-гараж» – это ключевой источник формирования представлений в Пермском крае о роли УГЦ в жизни регионального сообщества, его экономики, транспорта и вклада в будущее региона. Мегасобытия не могут полноценно представлять и сохранять наследие, необходима единая стратегия, которая бы объединила всех, кто сохраняет и популяризирует данное наследие. Но это невозможно без формирования базисных инноваций – музеев, исследований, городских пространств, именно это и решит данные проблемы в крае.

Библиографический список

1. Зырянова И.С., Сафарян А.А. Промышленный туризм в Пермском крае // География и туризм. 2021. №2. С. 66–71.
2. Иванов А. Горнозаводская цивилизация. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 286 с.
3. Козлова В.Ю. История горнозаводской цивилизации в Перми, её трансформация и следы в современном. Город+е // Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Нижний Тагил, 03–04 декабря 2020 г. С. 101–106.
4. Лядова А.А., Лучников А.С., Меркушев С.А., Николаев Р.С. К вопросу об использовании европейского и российского опыта при создании промышленного и транспортного музея на площадке завода им. А.А. Шпагина в г. Перми // География и туризм. 2019. №2. 122–128.

5. Первая на Урале. К 140-летию УГЖД. URL: <http://www.archive.perm.ru/exhibits/ugzhd/> (дата обращения: 30.08.2023).

6. Пермский автомобильный музей «Ретро-Гараж». URL: <https://vk.com/avtoretro59> (дата обращения: 30.08.2023).

7. Шипицына О., Солонина Н., Бугров К., Назукина М, Снитко А., Тимофеев М. Горнозаводская и равнинно-фабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность // Городские исследования и практики. 2021. № 1. С. 125–144.

THE LEGACY OF THE URAL MINING CIVILIZATION: EXPERIENCE OF POPULARIZATION USING THE EXAMPLE OF THE WORK OF THE PERM AUTOMOBILE MUSEUM “RETRO GARAGE”

A. A. Lyadova

Perm State University

Expert Council of the Autonomous Non-Profit Organization Perm Automobile Museum “Retro Garage”¹

Perm, Russia, e-mail: geografizpermi@yandex.ru

The article examines the activities of the Retro Garage museum within the city of Perm and the region to preserve the heritage of the Ural mining civilization (UMC). Descriptive and analytical methods were used to assess the activities of the museum for the development of the regional space in Perm. As a result of the research, we came to the conclusion that it is necessary to continue this work, but this experience requires breakthrough actions (basic innovations) that would allow us to unite within the general direction of development of the region as part of the UMC.

Keywords: Ural mining civilization; industrial heritage; Perm; museum "Retro Garage".

¹ The article was prepared with the support of the project “Aristocrats of the Mining Civilization” 23-1-000685 of the Presidential Grants Foundation.

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИУМА

Е.Р. Мельников^{а,б}, Т.А. Балина^а

^а *Пермский государственный национальный исследовательский университет,*

^б *Пермский краеведческий музей*

Пермь, Россия, e-mail: ermelnikov@gmail.ru

Вопросы сохранения исторического и культурного наследия приобретают новое звучание и особенно актуальны в географических исследованиях, что обусловлено усилением духовных приоритетов общественного развития. С позиции общественной географии рассматривается историко-культурное наследие как базовый фактор устойчивого развития территориальной общности людей, определяющее ее традиции, менталитет, образ жизни, региональную идентичность. Музейные учреждения являются важным механизмом сохранения и реализации историко-культурного наследия, формирования образа и имиджа территории как основы регионального капитала.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, Территориальная общность людей, региональная идентичность, региональный капитал.

Постановка проблемы. На рубеже XX-XXI веков территориальная организация жизнедеятельности людей во всех ее проявлениях стала одним из приоритетных направлений социально-экономической географии, которая переживает трансформацию в общественную географию. В связи с этим традиционные для нашей науки объект и предмет исследования значительно расширились. Пройдя долгий эволюционный путь от территориально-производственных комплексов (ТПК) и комбинатов, в которых производство являлось главенствующим ядром на базе природных, трудовых и транспортных ресурсов, география усилила акцент на социальной сфере общественного развития. И в конце прошлого столетия в географии в качестве предмета исследования утвердились территориальные социально-экономические системы (ТСЭС), что прослеживается в работах экономико-географов. В новом свете стал рассматриваться человек, выступающий не только как участник производства, как «трудовой ресурс» и носитель определенных трудовых навыков, требующих воспроизводства, но и как потребитель благ и услуг, личность, полноправный участник триады «природа-производство-человек».

Методы и источники данных. В работах отечественных географов обосновывается востребованность более широкого познания пространственно-временных закономерностей общественного развития. Стала очевидной необходимость расширения предмета социально-экономической географии, включение в спектр изучения поведенческой, культурной, духовной и пр. сторон жизни человека.

Это обусловило обоснование учения о Территориальных общественных системах (ТОС), получившая развитие в работах М.Д. Шарыгина. ТОС – это пространственно-временная форма организации ойкумены, в которой взаимосвязано и взаимообусловлено сочетаются все сферы жизни людей, включенные в процессы общественного развития и воспроизводства [1].

Многогранная жизнь людей стала рассматриваться в разрезе реализации ролевых функций, дифференцированных по таким сферам деятельности, как трудовая, бытовая, рекреационная, политическая, интеллектуальная и духовная. ТОС ориентировали исследователей на изучение общественного развития в границах определенных территорий (стран, регионов, поселений) с главной целью – повышение уровня и качества жизни людей, создание условий для достижения благополучия населения, гармоничного взаимодействия с окружающей средой.

Ядром ТОС выступает Территориальная общность людей (ТОЛ), занимающая видное место в трудах современных географов [2, 3 и др.]. Являясь относительно самостоятельной ячейкой территориальной структуры общества, ТОЛ включает группу населения с его количественными и качественными характеристиками, объединенную не только территорией проживания, но и определенным «культурным кодом», образом жизни, традиций, менталитета. Это исторически сложившаяся общность людей, обладающая единством ценностей, морально-этических норм, нравственных устоев и прочих атрибутов единого духовного мира, которые передаются из поколения в поколение.

Углубление и детализация этих аспектов жизнедеятельности территориальной общности привели к формированию новых направлений в общественной географии, которые сфокусировали внимание на особенностях поведения, самосознания, региональной идентификации и пр. [4, 5 и др.].

Осмысление ТОЛ определило важность территориального «скрепа» для духовного, психологического, эмоционального развития конкретного человека и социума в целом. По мнению представителей Пермской географической школы, ведущим компонентом в формировании и развитии как национального, так и регионального капитала выступает население (социум), разнообразие жизнедеятельности которого приводит к поступательному развитию региональной общности людей через удовлетворение потребностей человека: физиологических, экономических, социальных, культурных и других [5, с. 196]. В цитируемой работе авторы указывают на ценность регионального капитала, а именно на духовное, нравственно-этическое богатство населения.

По мнению М.Д. Шарыгина и В.А. Столбова, для каждого социума определенный набор артефактов, характерных для той или иной территории, имеет разную ценность. И в первую очередь речь идет о культурном, историческом и природном наследии. Во-первых, авторы предлагают рассматривать наследие по

значимости и выделяют местное, региональное, национальное и всемирное наследие. Во-вторых, наследие рассматривают по генезису, выделяя природное (представленное в виде особо охраняемых природных территорий), и культурно-историческое наследие (в виде архитектурных ансамблей, исторических и памятных мест, археологических памятников и др.). Авторы заостряют внимание на роли культурно-исторического и природного наследия в формировании особого «духовного мира» каждого социума. Что особенно важно, на наш взгляд, это то, что и в мире, и в России развивается процесс восприятия культуры в качестве источника формирования человеческого, интеллектуального, инновационного (творческого) капитала. Кроме того, культурно-историческое наследие формирует позитивный имидж территории, повышает инвестиционную привлекательность и обогащает региональный капитал [6, с. 393-397].

Результаты. Опираясь на многогранную научную категорию «региональный капитал», мы стремимся отразить возможности использования богатого историко-культурного наследия Прикамья в обосновании социально-культурного проектирования края. И подчеркнем, что у нашего региона накоплены колоссальные возможности для сохранения и преумножения этого потенциала. Прослеживая периоды русской колонизации на основе развития пушного дела, эволюцию хозяйства Строгановых на основе добычи и переработки соли, развития горнозаводской цивилизации и идеи Пермского геологического периода необходимо продвигать в качестве брендов региона.

В контексте изучения роли историко-культурного наследия в формировании социума уместно упомянуть о таком новом для географии аспекте, как формирование региональной идентичности. М.П. Крылов в своей монографии определяет эту идентичность как внутренний в сознании местных жителей, чаще «не раскрытый» имидж территории, включающий определенный набор образов, символов мифов территории [7, с. 71]. Территория проживания местными жителями рассматривается как «своя» с точки зрения проявления специфического «духовного поля». Автор подчеркивает, региональная идентичность в России является глубинным феноменом, не всегда афишируемым человеком, чертой ментальности, а не образа жизни. Особый интерес вызывает суждение о том, что региональная идентичность – это не просто какой-либо материальный феномен, запечатленный в ландшафте. Культурно-историческое наследие хранит память прошлых поколений, укореняет человека на территории, вписывая человека в ареал обитания, подталкивающего к активным действиям, направленным на созидательное изменение территории (города, региона, страны).

Выводы. Культурно-историческое наследие региона как фактор формирования социума является объектом социокультурного проектирования [8], наце-

лено на развитие и реализацию регионального капитала, сохранение самобытности духовно-культурной общности региона. В сохранении культурно-исторического наследия ключевая роль отведена музеям, которые призваны не только сохранять, концентрировать и презентовать историю в виде артефактов, документов, архивных материалов и прочих материальных ценностей, но и влиять на формирование имиджа территории, влиять на консолидацию социума, продвигать идеи региональной идентичности.

Библиографический список

1. Шарыгин М. Д. Территориальные общественные системы (региональный и локальный уровни организации и управления). Пермь: Изд-во ПГУ, ПСИ, ПССГК, 2003. 260 с.
2. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь: ТГУ, 1995. 155 с.
3. Балина Т.А., Шарыгин М.Д., Пономарева З.В. Территориальная общность людей как пространственная форма организации жизни населения // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. сборник научных статей. 2016. С. 66-74.
4. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Поведенческая география. Пермь: Перм. гос.ун-т, 2009. 354 с.
5. Шарыгин М.Д., Осоргин К.С. Территориальная основа организации местного сообщества // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. 2018. № 3. С. 94–104
6. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный капитал. Пермь: Перм. гос. нац.исслед. ун-т, 2016. 553 с.
7. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России, М., Новый хронограф, 2010. 240 с.
8. Балина Т.А., Чупина Л.Б., Данилова Ю.Н., Наумов В.О. Социокультурное развитие региона: понятие, направления, проблемы // Географический вестник. 2014. № 4 (31). С. 36-41.

ROLE OF CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE IN THE FORMATION OF SOCIETY

E.R. Melnikov^{a,b}, T.A. Balina^a

^a*Perm State University,*

^b*Perm Museum of Local Lore Perm, Russia, e-mail: ermelnikov@gmail.ru*

Issues of preserving historical and cultural heritage are acquiring a new meaning and are especially relevant in geographical research, which is due to the strengthening of spiritual priorities of social development. From the perspective of social geography, historical and cultural heritage is considered as a basic factor in the sustainable development of a territorial community of people, determining its traditions, mentality, way of life, and regional identity. Museum institutions are an important mechanism for the preservation and implementation of historical and cultural heritage, the formation of the image and image of the territory as the basis of regional capital.

Keywords: cultural and historical heritage, territorial community of people, regional identity, regional capital.

ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕКАНИЯ ПРОЦЕССА СМЕРТНОСТИ В ГОРОДСКИХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОКРУГАХ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

А.А. Николаева, Н.А. Казаков, К.А. Доронина

*Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова
Чебоксары, Россия, e-mail: kzkv75@mail.ru*

В статье рассматривается протекание демографического процесса смертности в Чувашской Республике в 2019 – 2021 гг., когда особое внимание всех слоёв российского общества было приковано к заболеваемости и смертности от новой коронавирусной инфекции. Для описания и анализа смертности используется система классических демографических показателей. В результате исследования выявлена зависимость территориальных различий в значении общего коэффициента смертности, коэффициентов смертности от болезней системы кровообращения и новообразований в республике от территориальных различий в доле населения старше трудоспособного возраста. *Ключевые слова:* смертность; народонаселение; Чувашская Республика

Постановка проблемы. Смертность, наряду с рождаемостью, наиболее значимый демографический процесс, определяющий особенности воспроизводства народонаселения – создателя и потребителя всех материальных и нематериальных благ, альфы и омеги общественного производства. Поэтому к процессу смертности и его структурным компонентам всегда пристальное внимание со стороны общественности, власти предрержащих и науки (медицинской, социологической, демографической, общественно-географической и др.). В отношении процесса смертности общество прилагает все возможные усилия для его замедления и компенсации негативных последствий, что требует изучения процесса смертности во времени и пространстве на глобальном, региональном и локальном уровнях, в т.ч. и в Чувашской Республике (ЧР).

Методы и источники данных. Описание и анализ смертности во времени и географическом пространстве строится на классических показателях, таких, как: общий коэффициент смертности (ОКС), возрастные коэффициенты смертности, коэффициент младенческой смертности, коэффициенты смертности по причинам смерти. Кроме того, в работе для описания и характеристики смертности используются отдельные показатели смертности: вероятность умереть в возрастном интервале (рассчитан авторами «демографическим методом» на основе информации о возрастных коэффициентах смертности) и средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении [1; 4; 5]. Информация о значениях перечисленных показателей (или базовых показателей, используемых для их рас-

чёта) была получена из публикаций (отчётов, сборников, оперативной информации) Росстата (Чувашстата) и Министерства здравоохранения Чувашской Республики [2; 3; 6 – 8].

Результаты. Значение общего коэффициента смертности в ЧР за 2021 г. было на уровне средних показателей по России и Приволжскому федеральному округу (ПФО) – 17‰, что чуть выше, чем в среднем по России (16,7‰) и чуть ниже, чем в среднем по округу (17,9‰). Аналогичное соотношение значений общего коэффициента смертности наблюдались и в предпандемийные годы, только сами значения были заметно ниже – 12,6, 12,4, 13,1 соответственно в 2017 и 12,4, 12,3, 12,9 соответственно в 2019 году [3; 8]. В 2021 г. Чувашия наряду с Татарстаном, Башкортостаном, Марий-Эл, Удмуртией и Пермским краем, была в числе тех регионов ПФО, в которых значения ОКС были относительно небольшими.

Среди причин смерти в Чувашии, как и в остальных регионах ПФО, абсолютно доминировали смерти, вызванные болезнями системы кровообращения. В 2021 году коэффициент смертности вследствие болезней системы кровообращения составил 627,4 на 100 тыс. населения, тогда, как из-за новообразований умерло 159,6 на 100 тыс. населения, а болезней органов дыхания – 140,3 на 100 тыс. населения [2; 6; 8]. Все указанные значения по сравнению с 2019 годом выросли. Смертность, вызванная болезнями системы кровообращения на 28,5%, смертность из-за новообразований на 5,6%, смертность из-за болезней органов дыхания на 114,2% (более, чем в два раза). Можно предположить, что столь существенный рост смертности из-за болезней органов дыхания и системы кровообращения является следствием пандемии COVID-1. Сам показатель смертности от коронавирусной инфекции в Чувашии в 2021 г. составил 277,3 на 100 тыс. населения (один из самых высоких в ПФО, выше только в Пензенской области) [7], т.е. COVID-19 в 2021 г. по прямому влиянию на смертность уступил лишь заболеваниям системы кровообращения.

Рассмотрим распределение значений вероятности умереть по возрастам и полу в Чувашии в 2021 г. В первые годы жизни у обоих полов вероятность смерти снижается, достигая минимальных значений к 5–9 годам и далее начинает расти с всё более увеличивающимся темпом, резко устремляясь вверх после 65–70 лет. Во всех возрастных группах вероятность смерти у мужчин выше, чем у женщин, в 2–3 раза (в возрасте 30–35 лет в 3,5 раза). Исключение составляют возрастная группа «10–14» и «старше 70», когда различия ничтожно малы.

Сравнивая возрастные коэффициенты 2019 и 2021 гг., можно заметить, что они во многих группах выросли, у мужчин в среднем на 25% у женщин на 38%. Особенно заметен рост значений возрастного коэффициента смертности у женщин 20–24 лет, в 3,5 раза, а также 65–69 лет – на 64%. У мужчин особенно сильно увеличились возрастные коэффициенты смертности в группах 10–14 лет (в 2

раза), 15–19 (на 40%), 25–29 (на 37%), 70 и более (на 34%), 65–69 (на 33%). В целом, в основном именно в старших возрастных группах наблюдается заметный рост значений возрастных коэффициентов смертности [3; 8].

В отличие от большинства возрастных коэффициентов смертности коэффициент младенческой смертности в ЧР с 2019 по 2021 годы уменьшился с 3‰ до 2,6‰. В Чувашии и Калмыкии его значения самые низкие в Российской Федерации (в среднем по России – 4,4‰, в среднем по ПФО– 4,5‰) [3; 8].

Рост возрастных коэффициентов смертности определил снижение в Чувашии значений средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Если до 2019 г. этот показатель рос, то к 2021 г. снизился с 67,6 лет до 64,8 лет у мужчин и с 79,2 лет до 75,3 лет у женщин [8].

На карте представлены территориальные особенности смертности в муниципальных образованиях ЧР (Рис.) [6].

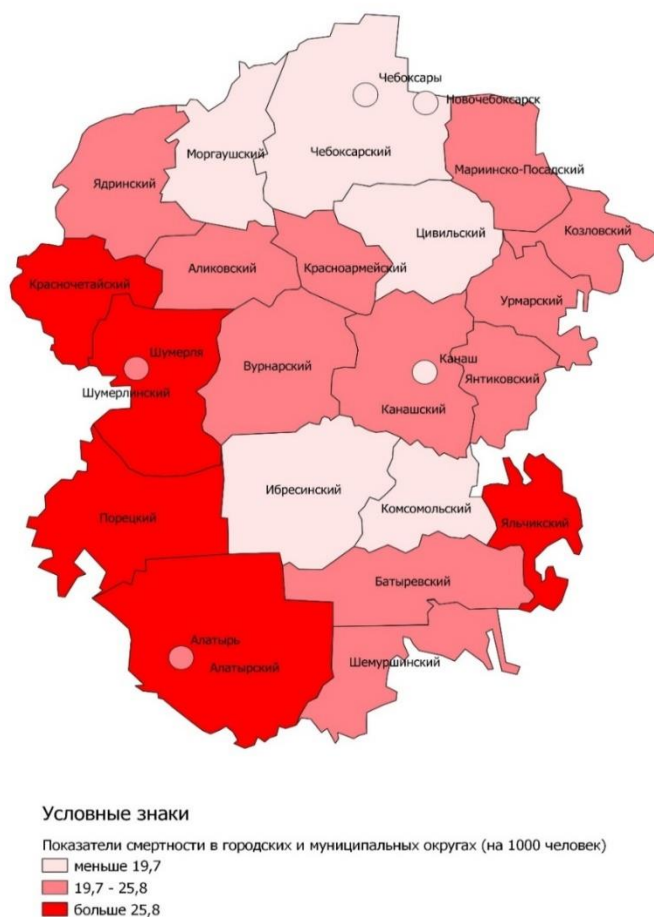

Рис. Значения общего коэффициента смертности в Чувашской Республике

Во всех муниципальных образованиях региона к 2021 г. по сравнению с предпандемийным периодом ОКС вырос на 13% (Комсомольский район) – 52% (Порецкий район). Особенно высокими значения темпов прироста общего коэф-

фициента смертности (более 50%) были характерны Чебоксарскому и Новочебоксарскому городским округам, да и в остальных городских округах эти значения оказались выше среднереспубликанских (40 – 47%).

Также, как и в регионах ПФО главной причиной смерти населения в муниципалитетах Чувашии являются заболевания системы кровообращения (при этом чаще люди умирают от инсульта нежели от инфаркта миокарда). На втором месте среди эндогенных и квазиэндогенных причин смерти (данные по смертности от COVID-19 и болезней нервной системы в разрезе муниципалитетов нам не доступны), как правило, новообразования. Однако, здесь есть исключения, в 2021 г. смертность от болезней органов дыхания в Ибресинском и Ядринском районах оказалась чуть выше, чем от новообразований. Это можно было бы связать с пандемией COVID-19, но аналогичная ситуация в ряде муниципалитетов региона складывалась и в 2019 году. Если ОКС с 2019 по 2021 гг. вырос во всех без исключения муниципалитетах, то не от болезней системы кровообращения. В муниципалитетах средние темпы прироста значений смертности, вызванной заболеваниями системы кровообращения составили 19% (рекордные 60% в Порецком и Вурнарском районах, однако в Красноармейском районе значение уменьшилось на 14%), по заболеваниям органов дыхания – 96% (рекордные 349% в Чебоксарах и 330% в Алатыре, однако в Канашском районе значение уменьшилось на 21%). Средние темпы прироста экзогенной смертности составили всего 2%, а по новообразованиям – 0,4%.

Территориальные различия в смертности в ЧР в 2021 году в основном были детерминированы территориальными различиями в доле населения старше трудоспособного возраста. Значение корреляции общего коэффициента смертности и доли населения старше трудоспособного возраста составило 0,9, смертности от болезней системы кровообращения – 0,8, новообразований – 0,6. А вот значимой прямой связи между территориальными различиями в смертности от заболеваний органов дыхания и долей населения старше трудоспособного возраста не обнаружено.

Младенческая смертность в 2021 г. наблюдалась в 8 муниципальных районах (из 21) и почти во всех городских округах ЧР за исключением Шумерлинского. В предпандемийном 2019 г. также в 8 муниципальных районах и во всех городских округах, при этом в Шумерлинском городском округе она была самая большая по республике – 13,6‰. В 2021 г. Самый высокий коэффициент младенческой смертности в Козловском районе – 21,9‰, тогда, как в 2019 г. он хотя и был выше общереспубликанского в два раза, но далеко не самым высоким по региону, а в 2020 г. показатель был нулевой [3; 6].

Выводы. Значение общего коэффициента смертности в ЧР за 2021 г. было на уровне средних показателей по России и ПФО. По сравнению с предпандемийным периодом общий коэффициент смертности в республике заметно вырос. Значения общего коэффициента смертности относительно высоки в западных и юго-западных муниципальных районах Чувашии, и относительно низки в муниципальных образованиях, составляющих Чебоксарскую агломерацию.

Главная причина смерти населения в Чувашии и перед пандемией, и в пандемию COVID-19 – заболевания системы кровообращения. Территориальные различия в величине общего коэффициента смертности, коэффициентов смертности от болезней системы кровообращения, новообразований напрямую связаны с территориальными различиями в доле населения старше трудоспособного возраста. Чем выше доля пожилого населения, тем выше значения коэффициентов смертности. Значимой прямой связи между территориальными различиями в смертности от заболеваний органов дыхания и долей старших поколений, как и обеспеченностью врачами, не обнаружено.

Библиографический список

1. Боярский А.Я., Валентей Д. И., Кваша А.Я., Сифман Р.И., Дарский Л.Е, Вишневский А.Г, Волков А.Г., Смулевич Б.Я. Курс демографии. М.: Издательство: Статистика, 1974. 448 с.
- 2.Здравоохранение в Чувашской Республике, 2022. Стат. сб./ Чебоксары: Чувашстат, 2022. 25 с.
- 3.Естественное движение население Российской Федерации за 2021 год, [Электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения 1.08.2023)
4. Кашепов А.В. Ковидный мультипликатор смертности или новый методический подход к анализу избыточной смертности населения в 2020-2021 гг //Социально-трудовые исследования. 2021. № 3 (44). С. 54–64. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-44-3-54-64
5. Медков В.М. Демография. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2020. 332с.
6. Состояние здоровья населения и деятельность медицинских организаций Чувашской Республики в 2021 году. Стат. сб./ Чебоксары: БУ «Медицинский информационно-аналитический центр» Минздрава Чувашии 2022. 21 с.
7. Статистика коронавируса по регионам России, [Электронный ресурс] // URL:<https://russian-trade.com/coronavirus-russia/> (дата обращения 1.08.2023)
8. Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2022 Стат. сб./Чебоксары: Чувашстат, 2022. 330 с.

FEATURES OF THE PROCESS OF MORTALITY IN CITY AND MUNICIPAL DISTRICTS CHUVASH REPUBLIC

A.A. Nikolaeva, N.A. Kazakov, K.A. Doronina
Chuvash State University named after I.N. Ulyanova
Cheboksary, Russia, e-mail: kzkv75@mail.ru

The article discusses the course of the demographic process of mortality in the Chuvash Republic in 2019-2021, when special attention of all layers of Russian society was focused on morbidity and mortality from a new coronavirus infection. A system of classical demographic indicators is used to describe and analyze mortality. As a result of the study, the dependence of territorial differences in the value of the general mortality rate, mortality rates from diseases of the circulatory system and neoplasms in the republic on territorial differences in the proportion of the population older than working age was revealed.

Keywords: mortality; population; Chuvash Republic

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СТРУКТУРЫ ТОКИО

А.А. Паутова

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия, e-mail: 9506327618@mail.ru*

В статье изучено формирование городского пространства Токио. Описываются основные принципы современной городской структуры Токио. В ходе исследования рассмотрена эволюция планирования столицы Японии, как быстрорастущего «урбанистического ареала» Зарубежной Азии. На конкретных примерах показывается трансформация городского пространства Токио в разные исторические эпохи развития.

Ключевые слова: Токио; городская среда; особенности планирования города.

Постановка проблемы. В связи с тем, что азиатским странам присущи очень высокие темпы роста городов, процессы урбанизации, особенно в столицах, приобретает черты крупных «метрополитенских ареалов» и как следствие – формирование крупных городских агломераций, которые становятся ядрами территориальных социально-экономических систем. Не исключением стала Япония – Токио, по существу трансформировавшийся в глобальный город и являющийся «центром принятия решений» в агломерации: «Токио – Кавасаки – Иокогама – Тиба».

Методы и источники данных. В процессе сбора и обработки материалов применялись историко-географический и статистический методы исследования, с помощью которых удалось показать эволюцию и диффузию городского пространства Токио. Расширению и формированию городского пространства современного Токио способствовал ряд этапов, определяющих его развитие. Их можно условно разделить на пять периодов: 1) период Мейдзи; 2) с великого землетрясения Канто и до правления Сёва; 3) с период военного времени и до поражения во второй мировой войне; 4) период высокого роста; 5) с периода «экономики пузыря» по настоящее время [1].

Результаты исследования. До 1960 г. в Японии более населения проживало в сельских районах. Однако в 1960-х гг. произошла миграция из сельских районов в крупные города Токио, Осака, Нагоя. В 1968 г. «Закон о градостроительстве» был значительно пересмотрен и введена система ограничения роста для контроля за городским пространством, более точная система зонирования для защиты жилых сред и система разрешений на развитие для обеспечения определённого уровня инфраструктуры в новых районах [2]. Это позволило Токио расти в качестве ядра агломерации Кэйхин, а также предотвратило развитие большого

синтоистское святилище Исэ, капитальный ремонт которого (без изменений) происходит каждый двадцать лет. Этот принцип распространяется на возрождение традиционных жилищ, поскольку простая конструкция позволяет строить их заново, сохраняя традиционную форму [3]. Эта же особенность присуща и структуре градостроительства современного Токио: находясь в зоне с повышенной вероятностью сильных землетрясений и цунами, ему необходимо планировать строительство так, чтобы в случае возникновения одного из стихийных бедствий, была возможность быстро отстроить обратно.

Традиционная японская градостроительная система основана на модульной схеме и представляет собой деление территории на матричные блоки (рис.2). Эта схема легла в основу адресных схем в Японии, отдавая приоритет концепции квартала в центре улицы. Этот квартал представляет собой градостроительную единицу или же платформенную застройку [3]. Примерами могут послужить зоны вокруг станций кольцевой линии городских поездов, Яманотэ: Ниппори; Икэбукуро; Мэгуро и т. д., поскольку данный тип застройки позволяет использовать пространство эффективно в условиях нехватки земли, а после стихийных бедствий – восстанавливать быстро.

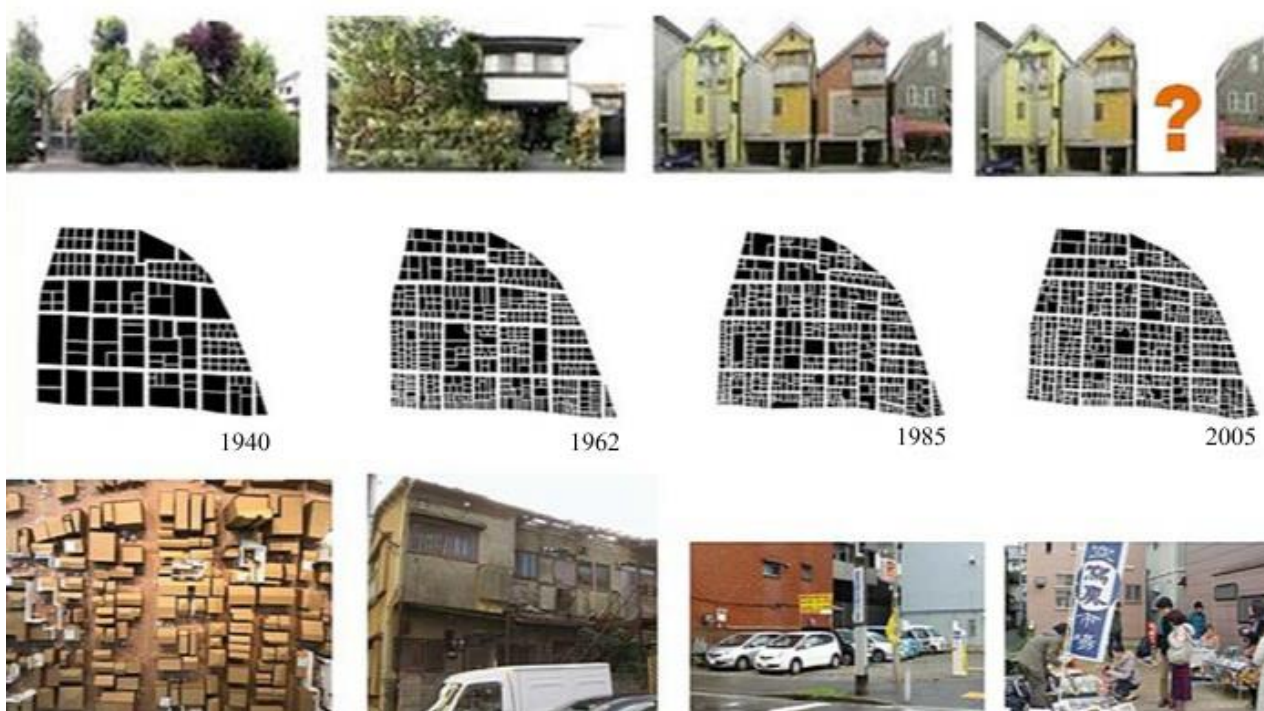

Рис. 2. Эволюция принципов разделения земельной площади [4].

Традиционные формы японской архитектуры просты, а разнообразие среды достигается не усложнением форм или их элементов, а бесконечным количеством вариаций их использования. Традиционные модульные элементы интерьера позволяют трансформировать простое помещение для различных целей. Гра-

достроительный модуль берет свое начало из этой японской традиции. Этот простой модуль можно разместить в любом месте, не меняя его конструкции. Его регламентированная архитектурная форма обладает свойством универсальности: местоположение не влияет на его структуру, она заранее определена. Это позволяет трансформировать структуру города, состоящую из готовых модулей [3]. Так, префектура Сайтама, прилегающая к Токио и являющаяся его частью, застроена двух и трёхэтажными однотипными зданиями, которые в свою очередь выстраивают кварталы.

Выводы. Были выяснены факторы, повлиявшие на расширение городской территории, в том числе быстрый рост и расселение эвакуированного населения. Японские традиционные принципы градостроительства по большей части характеризуются частой перестройкой зданий и модульной схемой улиц. Современная городская структура Токио сформировалась за счёт горизонтального расширения в начале и вертикального (трёхмерного) в настоящее время. В настоящее время также присутствует модель условного плоскостного расширения, которую можно проследить на примере искусственного острова Одайба. Таким образом, городское пространство Токио расширялось в два этапа и продолжает развиваться в рамках глобального города, следуя традиционным принципам японского градостроительства.

Библиографический список

1. Hanaoka T., Takagi I. Formation and expansion of the city area in Tokyo from the Meiji to the present // The Hiyoshi review of the social sciences. 2013. №24. P. 29-50.
2. Okata J., Murayama A. Tokyo's urban growth, urban form and sustainability / Megacities. Urban form, Governance and Sustainability. P. 15-41.
3. Lanskaya N. Contemporary urban planning of Tokyo 1956 to 2014 yy. / Moscow Institute of Architecture (State Academy), 2015. 11 p.
4. De Monti M.R. Contemporary Shinkage. Tokyo case study. An inquest into mature global cities, growth and demographic change // Science Talks. 2023. Vol. 8. 9 p.

CHARACTERISTICS OF THE DEVELOPMENT OF MODERN URBAN STRUCTURE OF TOKYO

A. A. Pautova

Ural Federal University Yekaterinburg, Russia, e-mail: 9506327618@mail.ru

The article studies the formation of Tokyo's urban space. We described the main aspects of the modern urban structure of Tokyo. The works of foreign authors, including English and Japanese, are used during the study.
Keywords: Tokyo; urban environment; city planning aspects.

СИСТЕМА ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

М.К. Скрицкая, Ю.В. Петров

Тюменский государственный университет

Тюмень, Россия, e-mail: petrov19811201@gmail.com

В статье осуществлена систематизация подходов к определению традиционного природопользования. Используются методы общественной географии в области систематизации данных из смежных практических направлений. В результате исследования выполнена систематизация роли традиционного природопользования в современном геоэкологическом состоянии окружающей природной среды.

Ключевые слова: традиционное природопользование; геоэкологические проблемы; рациональное природопользование; коренные малочисленные народы Севера; традиционная экономика

Постановка проблемы. Геополитические вызовы для сбалансированного социально-экономического развития РФ требуют соответствующей текущим реалиям организации природопользования. Одним из масштабных по охвату территории и принципиальных по культурному значению видов природопользования выступает традиционное природопользование, которое необходимо рассматривать неразрывно от существующих территориальных общественных систем, как объектов современной организации территориальной общности людей. Целью нашего исследования выступает систематизация сведений по организации традиционного природопользования как источника воздействия на существующие территориальные общественные системы и их взаимодействие [2; 11; 16-17].

Методы и источники информации. Методы исследования: геоинформационный, моделирования территориальных общественных систем, сопоставления и сравнения. Источниками информации выступили следующие базы знаний: а) нормативная правовая база РФ и международных акторов в области взаимодействия территориальных общностей людей, осуществляющих и регламентирующих организацию традиционного природопользования; б) результаты отечественных и зарубежных научно-практических исследований в области регламентирования природопользования, традиционного природопользования и его влияния на территориальные общественные системы.

Результаты. Природопользование является сферой тесного взаимодействия природы и социума и подразумевает несколько понятий. Во-первых, природопользование используется для характеристики деятельности: «совокупность всех форм эксплуатации природно-ресурсного потенциала и мер по его сохране-

нию» [15]. Оно включает в себя «извлечение и переработку природных ресурсов», «использование и охрану природных условий среды жизни», «сохранение экологического баланса». Таким образом, в само определение закладывается «рациональность» [13] – «максимально полное извлечение из природного ресурса всех полезных продуктов с наименьшим нарушением интегрального ресурсного потенциала и состояния природной среды, необходимой для жизни и поддержания здоровья населения» [15].

Во-вторых, природопользование является наукой, сформировавшейся на фундаменте географии и экологии в 70-х гг. XX в. [3]: «самостоятельная научно-производственная дисциплина, занимающаяся разработкой общих принципов осуществления всякой деятельности, связанной либо с непосредственным использованием природой и ее ресурсами, либо с изменяющими ее воздействиями» [8]. Термин «природопользование» – понятие, применяемое только в русскоязычной научной литературе. В английском языке существует аналогичное понятие «Nature management», т. е. «управление природой», а в немецком – «Landnutzung» – «использование земли».

Одними из наиболее часто встречаемых и используемых в литературе являются классификации [5] и [4]. В их интерпретации традиционное природопользование относится к ресурсопотребляющей (преобразующей) группе. К данной группе относится вид фонового природопользования, «тесно связанное с зональными особенностями ландшафтов» [4]. Для такого вида природопользования наиболее важными ресурсами являются биологические, почвенно-земельные, водные ресурсы и т.д. (рис.).

Исследователями [6] дается следующее определение: «традиционное природопользование – исторически сложившиеся способы освоения окружающей природной среды на основе долговременного, экологически сбалансированного использования главным образом возобновляемых природных ресурсов, без подрыва способности к устойчивому воспроизводству и снижению разнообразия природных ресурсов». В другом исследовании [19] дается определение традиционных ландшафтов, как представляющих собой историческую преемственность вне зависимости от динамики ландшафта и используемых для малозатратных или экстенсивных видов землепользования. Из-за особенностей терминологии внимание уделяется в определении не самому виду деятельности, а используемым ресурсам. Таким образом, традиционное природопользование исторически выполняет жизнеобеспечивающую функцию [14].

При дальнейшей проработке вопросов И.И. Крупник предложил для объекта исследования этнической экологии термин «энтоэкосистема» [7]. В англоязычной литературе термин «human ecosystem», или «антропоэкосистема» впервые был введен и обоснован Клиффордом Гиртцем в 1963 году. В данном случае

речь идет об экосистеме, которая включает в качестве одного из структурных компонентов человеческое общество [18].

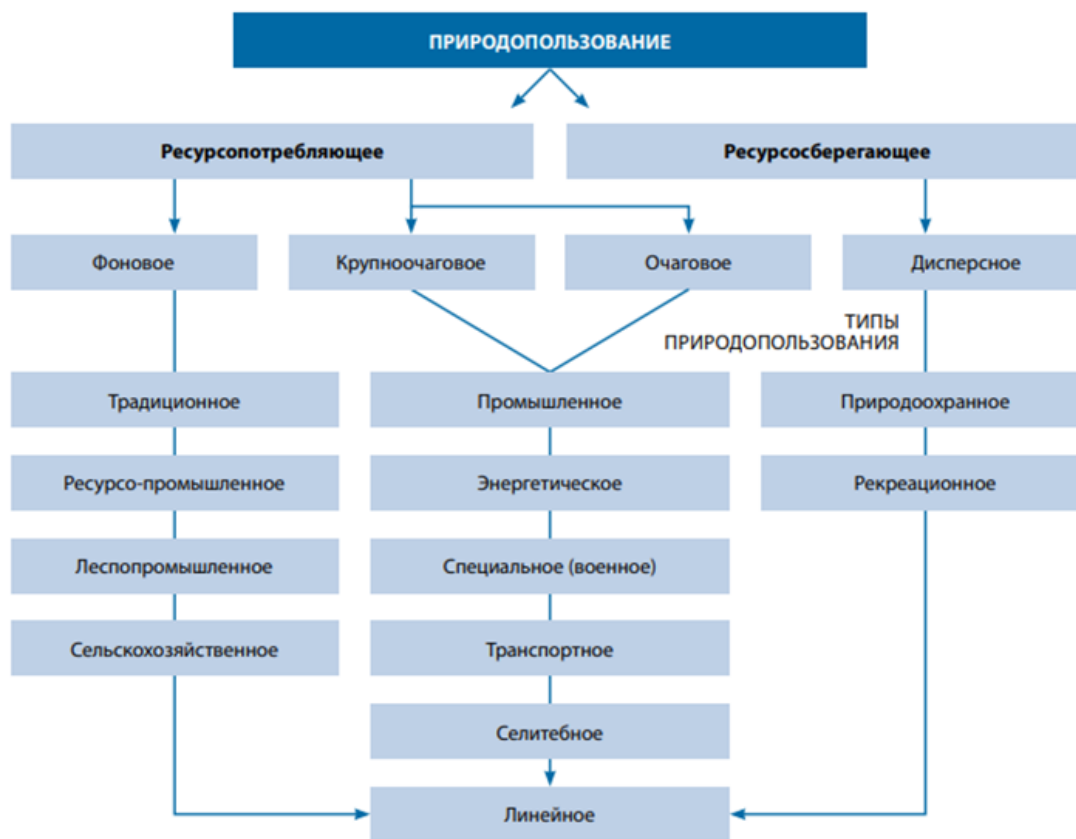

Рис. Структура природопользования по [4]

Адаев В.Н. исследует экологическую культуру ханты и ненцев и отражает необходимость поддержания экологического баланса при освоении природной среды [1].

Выводы. Таким образом, современное традиционное природопользование определяет развитие на значительной части страны функционирование территориальных общественных систем и их интеграцию в экономическом и социальном плане. Являясь источником воздействия на природные ландшафты, традиционное природопользование сегодня должно рассматриваться в качестве источника диверсификации экономики на обширных территориях [2; 10; 12], с соответствующим государственным программированием целей и задач.

Библиографический список

1. Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 240 с.
2. Анимица Е. Г., Шарыгин М. Д. Пространственно-временная парадигма в географии // Географический вестник. 2005. № 1-2. С. 11-14.
3. Дебелая И.Д. Основные этапы развития научной дисциплины «природопользование» // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2016. №2 (41). С. 65-69.
4. Евсеев А. В. Основные подходы к классификации природопользования // Рациональное природопользование: теория, практика, образование. Москва: Географический факультет МГУ, 2012. С. 4-10.

5. Зворыкин К.В. Географическая концепция природопользования // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1993. №3. С. 3-16.
6. Козин В.В., Петровский В.А. Геоэкология и природопользование: понятийно-терминологический словарь. Смоленск: Ойкумена, 2005. 574 с.
7. Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989, 272 с.
8. Куражковский Ю.Н. Очерки природопользования. М.: Мысль, 1969. 268 с.
9. Логинов В.Г., Игнатьева М.Н., Балашенко В.В. Вред, причиненный ресурсам традиционного природопользования, и его экономическая оценка // Экономика региона. 2017. Т.13. №2. С.396-409 <https://doi.org/10.17059/2017-2-6>
10. Петров Ю.В. Геоэкологическое программирование на региональном уровне // Современные проблемы геологии, географии и геоэкологии. Грозный: АЛЕФ, 2013. С. 320-322.
11. Петров Ю.В. Информационно-аналитическое обеспечение традиционной экономики Ханты-Мансийского автономного округа-Югры для целей сбалансированного регионального развития // Материалы научно-практической конференции, посвященной памяти А.А. Дунина-Горкавича. Ханты-Мансийск: Центр-Печати, 2014. С. 96.
12. Петров Ю.В. Моделирование местного налогообложения на основе существующего природно-ресурсного потенциала территории // Окружающая среда и менеджмент природных ресурсов. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014. С. 179-181.
13. Петров Ю.В. Принцип всеобщей платности землепользования для целей рационального природопользования // Экология, рациональное природопользование и охрана окружающей среды. Том I. Студенты. Красноярск: Лф СибГТУ, 2016. С. 227-229.
14. Петров Ю.В. Sicher, sosicher und Russland // Россия и Германия на историческом пути: вместе или порознь? Уфа: Башкортостан-Германия, 2013. С. 128-133.
15. Реймерс Н.Ф. Природопользование: словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.
16. Шарыгин М. Д., Назаров Н. Н., Субботина Т. В. Опорный каркас устойчивого развития региона (теоретический аспект) // Географический вестник. 2005. № 1-2. С. 15-22.
17. Шарыгин М. Д., Столбов В. А. Тенденции становления отечественной общественной географии: теоретико-методологические аспекты // Географический вестник. 2006. № 2(4). С. 4-10.
18. Moran E. F. Ecosystem ecology in biology and anthropology: A critical assessment // The ecosystem approach in anthropology: From concept to practice. 1990. С. 3-40.
19. Zerbe S. Types of Traditional Cultural Landscapes Throughout the World. In: Restoration of Multifunctional Cultural Landscapes. Landscape Series, 2022, vol. 30. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-95572-4_2

THE SYSTEM OF TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT AS A SOURCE OF INFLUENCE ON THE ORGANIZATION OF TERRITORIAL SOCIAL SYSTEMS

M. K. Skrickaya, Yu. V. Petrov
University of Tyumen

The article systematizes approaches to the definition of traditional nature management. The methods of social geography in the field of systematization of data from related practical areas were used. As a result of the study, the role of traditional nature management in the modern geoeological state of the environment was systematized.

Keywords: traditional nature management; geo-ecological problems; rational nature management; indigenous peoples of the North; traditional economy

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

И.П. Супрунчук

*Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия, e-mail: ilia_suprunchuk@mail.ru*

В статье рассматривается территориальная организация профессионального спорта в регионах Северного Кавказа. Статистическая база исследования основывается на анализе регионального представительства в российских соревнованиях по всем олимпийским видам спорта. Установлена специализация регионов Северного Кавказа на развитии отдельных спортивных видов. С помощью пространственного подхода определена территориальная структура профессионального спорта и выделены его главные и второстепенные территориальные узлы.

Ключевые слова: география спорта; Северный Кавказ; территориальная организация; профессиональный спорт.

Постановка проблемы. В современном мире профессиональный спорт является быстроразвивающейся крупной экономической отраслью. Основываясь на идеях гуманизма, он в последние десятилетия приобретает политический, финансово-экономический, этнокультурный контексты. Из сферы развлечений и досуга к концу XX века спорт превратился в значимое социальное явление, имеющее множество эффектов и факторов [11]. При этом в научном осмыслении спорта явно преобладает интерес к функциональным и организационным вопросам подготовки спортивных кадров. С точки зрения географической науки, не менее важным представляется изучение территориальной организации профессионального спорта.

География спорта – одна из новых ветвей социально-экономической географии [6], в рамках которой постепенно формируются собственные научно-исследовательские направления. В зарубежной географии спорта можно выделить работы, изучающие эффекты результатов Олимпийских игр [9, 10, 14], проявление и взаимосвязь национальных и спортивных идентичностей [13, 15], спортивные миграции [12]. В отечественной общественной географии существует ряд исследований, посвященных спортивной инфраструктуре регионов [1, 4, 5], влиянию Олимпийских игр на развитие спорта [2, 3]. Тематика молодого научного направления находится в стадии формирования. В этой связи, изучение территориальной организации сферы профессионального спорта на Северном Кавказе, ввиду его географической специфики, представляется актуальной задачей.

Методы и источники данных. Исследование предполагает, что профессиональный спорт является одним из «подслоев» многокомпонентной модели территориальной организации [8], образованным наложением и взаимопроникновением двух вышестоящих «слоев» – населения и производственной сферы.

В ходе пространственного анализа устанавливаются такие аспекты как выделение центров и узлов развития спорта, определение спортивной специализации регионов и, сложившейся на их основе, территориальной дифференциации. В связи с отсутствием устоявшихся практик формирования статистической базы в спортивных исследованиях, предлагается сконцентрировать внимание на анализе спортивного представительства регионов в ведущих спортивных соревнованиях. По мнению автора, количество профессиональных спортсменов и клубов в регионе качественно отображает уровень развития спорта, собирая как в «фокусе» его инфраструктурные, социально-экономические и культурные условия.

Для формирования статистической базы исследование потребовало установления ряда методических ограничений. В основе базы – результаты выступлений клубов и спортсменов, представляющих регионы Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Их качественная интерпретация производилась в следующем виде. Для командных видов спорта – через уровень профессиональных лиг, в которых участвовали клубы, для индивидуальных спортивных дисциплин – через количество участников Чемпионата России от региона и их призовые места (при наличии). Фактическими статистическими материалами выступали отчеты соревнований, размещенные на сайтах соответствующих спортивных федераций.

Количество анализируемых спортивных дисциплин было ограничено перечнем олимпийских видов спорта. Временные рамки исследования выбирались с учетом специфики видов спорта. Для командных видов спорта они составили пять последних сезонов, для индивидуальных – один последний сезон, финализированный итоговым Чемпионатом России. Исключение составил только теннис, в котором анализировалась годовая российская рейтинговая система.

Также следует учитывать, что в некоторых видах спорта (легкой атлетике, борьбе, боксе) спортсменам разрешается представлять два субъекта Российской Федерации. В большинстве случаев невозможно определить вклад субъектов в подготовку, и однозначно «приписать» атлета. Поэтому такие спортсмены, при указании региона Северного Кавказа, в исследовании считаются местными представителями. В плавании и легкой атлетике один спортсмен может выступать на нескольких дистанциях, и в таких случаях в исследовании он считался не как одно «физическое лицо», а несколько раз – по числу заявленных дистанций. Наконец, в единоборствах принято награждать два «3-х места», что увеличивает суммарное число призеров, и это нужно учитывать при любых сравнениях.

Для командных видов спорта, в связи с разностью названий уровней профессиональных лиг, введено их буквенно-цифровое обозначение: Д-1, Д-2, Д-3 и

т.д. Обозначение «Д-1» соответствует высшему уровню лиги, на котором разыгрывается звание «Чемпион России». Далее, чем число больше, тем ниже уровень профессиональной лиги.

Результаты. Первое представление о территориальной организации профессионального спорта на Северном Кавказе дает факт о том, что его регионы на сегодняшний день не представлены ни в одном олимпийском зимнем виде спорта. С одной стороны, это можно объяснить южным географическим положением и, следовательно, ограниченными для развития зимних видов природными условиями. При этом, наличие горнолыжных курортов создает базовые предпосылки для развития горнолыжного спорта. Однако, в силу разных причин пока такого развития не происходит. С другой стороны, некоторые зимние виды на профессиональном уровне проводятся в закрытых помещениях (хоккей, фигурное катание, керлинг, бег на коньках и др.), и поэтому экстерриториальны по отношению к природным условиям. Для их функционирования требуется создание достаточно дорогой инфраструктуры, которая постепенно появляется в регионах. На профессиональный спорт она пока не влияет, так как используется преимущественно для любительского спорта, а недавно созданные на ее базе секции еще не успели подготовить профессиональных спортсменов.

Среди летних видов спорта представляется разумным выделить для дальнейшего анализа две группы – командные и индивидуальные виды. Такое разделение имеет под собой ряд причин. Командный профессиональный спорт очень ресурсоемок и экономически затратен. В его рамках необходимо постоянно готовить несколько десятков спортсменов с дифференцированными функциями, сильно развит инструмент спортивной миграции. Командный спорт достаточно коммерциализован, при этом существующий институт сборных имеет огромное значение для национальных идентичностей по всему миру [11]. В свою очередь, часто региональная идентичность реализуется через клубы, представляющие регион в чемпионатах страны. Индивидуальные виды спорта на порядок дешевле, роль личности (спортсмен, тренер и т.п.) в них весомее, чем системы. Для их развития важны традиции, как культурные, так и спортивные. При изучении географии индивидуальных видов выявляются особенности и специфика общественного устройства, тогда как командные виды скорее характеризуют уровень экономического развития.

Главным командным видом спорта на Северном Кавказе, как и в целом в мире и в России, является футбол. За последние 5 лет во всех регионах имелись профессиональные футбольные клубы (табл. 1). С историко-географической точки зрения, футбол в регионах Северного Кавказа прошел несколько этапов. Спортивный расцвет наблюдался в конце 2000-х гг., когда в Д-1 играли 4 ко-

манды с Северного Кавказа, а в низших лигах (Д-3) наблюдалась широкое региональное представительство [7]. На данный момент, главным футбольным регионом является Чеченская республика, имеющая постоянно клуб в Д-1. За ней следуют Республика Дагестан и Северная Осетия с клубами на уровне Д-2. Остальные регионы образуют своеобразную «футбольную периферию». Следует также отметить, что для футбола Северного Кавказа характерна централизация. За исключением Ставропольского края и с 2023 г. Республики Дагестан, профессиональные клубы находятся только в административных центрах.

Остальные командные виды спорта имеют ограниченную географию. За единственным исключением, она затрагивает только три региона – Ставропольский край, Республику Дагестан и Чеченскую республику. Здесь стоит выделить гандбол в Ставропольском крае, в котором сложилась мощная система подготовки и есть многолетние спортивные традиции этого вида спорта. Фактически, до профессионального уровня Д-1 добирались клубы из Чечни в волейболе и мини-футболе. Однако, это были эпизодические проекты, не выражавшие реальное спортивное развитие и к сегодняшнему дню прекратившие существование. Постоянно, но на самом нижнем профессиональном уровне, функционируют команды трех названных регионов в баскетболе и волейболе. Наконец, важно отметить, что женские профессиональные команды в исследуемый период существовали только в Ставропольском крае.

Таблица 1

Количество профессиональных клубов и их уровень в регионах Северного Кавказа в 2018-2023 гг.

Регион	Футбол (муж.)	Мини-футбол (муж.)	Баскетбол		Волейбол (муж.)	Гандбол	
			(муж.)	(жен.)		(муж.)	(жен.)
Ставропольский край	3 (Д-3)	1 (Д-2)	1 (Д-3)	1 (Д-3)	2 (Д-3)	1 (Д-1)	1 (Д-1)
Республика Дагестан	5 (Д-1)	1 (Д-2)	-	-	1 (Д-3)	-	-
Чеченская республика	2 (Д-1)	2 (Д-1)	1 (Д-3)	-	2 (Д-1)	-	-
Республика Ингушетия	1 (Д-3)	-	-	-	-	-	-
Республика Северная Осетия-Алания	2 (Д-2)	-	-	-	-	-	-
Карачаево-Черкесская республика	1 (Д-3)	-	1 (Д-3)	-	-	-	-
Кабардино-Балкарская республика	1 (Д-3)	-	-	-	-	-	-

Анализ регионального представительства в индивидуальных видах спорта (табл. 2) позволяет сделать несколько выводов о его территориальных особенностях. Можно говорить о регионах Северного Кавказа, широко представленных в российском профессиональном спорте. К ним относятся Ставропольский край, Республики Дагестан и Северная Осетия-Алания, Чеченская республика. Осталь-

ные регионы (Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария и Ингушетия) развивают ограниченное количество спортивных дисциплин и имеют малую численность профессиональных спортсменов в них.

Отдельным аспектом стоит рассмотреть гендерное спортивное представительство, делающее Северный Кавказ специфичным спортивным регионом. Так, на текущий момент женский профессиональный спорт полностью отсутствует в Чечне и Ингушетии. Это возможно объяснить двумя причинами: концентрацией на развитии единоборств в этих республиках и распространением консервативных религиозных взглядов, ограничивающих занятие женщин определенными видами спорта. Интересно и то, что культурно и религиозно близкий к ним Дагестан имеет довольно выраженное представительство женщин в профессиональном спорте, в том числе и в единоборствах. Самым эмансипированным регионом выступает Ставропольский край, в которых число профессиональных спортсменок-женщин даже выше числа мужчин. Сопоставимо число женщин с мужчинами также в Осетии, Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии.

Также становится возможным выделить региональные спортивные предпочтения и в последующем установить спортивную специализацию для каждого региона. Главным среди индивидуальных видов и единственным конкурентом футбола за популярность является борьба. Это единственный вид, который развивается во всех 7 регионах Северного Кавказа. Самые важные центры борьбы – Республики Дагестан и Северная Осетия-Алания, причем Дагестан является вообще одним из мировых центров. В последнее время из-за процессов спортивной миграции выходцы из Республики Дагестан выступают за многие российские регионы, а в некоторых случаях, поменяв гражданство, и за другие страны. Важными для Северного Кавказа видами спорта выступают – бокс (особенно в Дагестане и Чечне), тяжелая атлетика (Ставропольский край и Северная Осетия), дзюдо (Дагестан, Чечня и Северная Осетия) и тхэквондо (Дагестан и Кабардино-Балкария). Подтверждением этого служит и то, что в последние несколько лет на Северном Кавказе проводились Чемпионаты России по этим видам спорта – борьбе (Каспийск), тяжелой атлетике (Грозный), дзюдо (Назрань и Грозный) и тхэквондо (Нальчик). Таким образом, логично выглядит вывод об акценте в развитии профессионального спорта на «силовых» и «боевых» дисциплинах. Что во многом совпадает со стереотипными элементами образа Северного Кавказа такими как воинственность, эмоциональность, сила, мужественность и т.п.

**Количество профессиональных спортсменов регионов Северного Кавказа
в индивидуальных видах спорта в 2023 г.**

Вид спорта	СК		РД		ЧР		РИ		РСО-А		КЧР		КБР		
	Количество участников / из них победителей и призеров														
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	
Легкая атлетика	3	4/1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3	3	2/2	1
Тяжелая атлетика	2/2	2	2/1	2	4/1	-	-	-	5/3	2/2	-	-	-	1	
Бокс	5	6	21/1	3	15/3	-	3	-	-	2/1	1	-	2	-	
Борьба	4/1	-	112/19	11/4	30/4	-	5	-	28/11	3	3	-	2/2	-	
Водные виды	8	10	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Спортивная гимнастика	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
Художественная гимнастика	1	3	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	
Стрельба из лука	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Дзюдо	10	1	19/3	-	25/2	-	4	-	17/2	7/2	-	-	3/1	2	
Тхэквондо	-	-	20/2	10/2	2	-	1	-	2	2	4	5	8/2	3/2	
Фехтование	1	6	-	-	-	-	-	-	13	39	-	-	-	-	
Теннис	22	18	1	10	1	-	-	-	7	9	1	1	-	3	
Всего	46/3	50/1	180/26	36/6	77/10	-	13	-	72/16	65/5	12	9	17/7	12/2	

Имея представление о количестве и успешности спортсменов, о вкладе каждого региона Северного Кавказа в общероссийский спорт, становится возможным выделить спортивную специализацию регионов. Для этого рассчитывается коэффициент специализации, в котором измеряется доля профессиональных спортсменов региона в общем числе спортсменов России относительно доли населения региона в населении России. Так как количество спортсменов, представляющих регион, изменчиво и не всегда зависит только от чисто спортивных факторов, то были отобраны виды спорта, которые в регионе имеют коэффициент специализации более 1 без интерпретации абсолютной величины коэффициента. В результате спортивная специализация (табл. 3) позволяет судить как о качественном распространении видов спорта, так и о сложившихся региональных спортивных комплексах на Северном Кавказе. Географически широко развиты футбол, тяжелая атлетика, дзюдо и борьба – по 4 региона специализируется на них. Такие виды как бокс, тхэквондо и теннис есть в 2-3 регионах. Необычные для Северного Кавказа виды – гандбол и фехтование развиты только в 1 регионе – в Ставропольском крае и Северной Осетии.

Таблица 3

Спортивная специализация регионов Северного Кавказа в 2023 г.

Спортивная специализация	Регионы
Футбол	Чечня, Северная Осетия, Ставропольский край, Дагестан
Гандбол	Ставропольский край
Тяжелая атлетика	Ставропольский край, Дагестан, Чечня, Северная Осетия
Бокс	Чечня, Дагестан, Ставропольский край
Борьба	Дагестан, Чечня, Северная Осетия, Ингушетия
Дзюдо	Чечня, Северная Осетия, Дагестан, Ставропольский край
Тхэквондо	Дагестан, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария
Фехтование	Северная Осетия
Теннис	Северная Осетия, Ставропольский край

По степени разнообразия дисциплин специализации регионы Северного Кавказа значительно различаются. Выделяются полифункциональные спортивные регионы – Ставропольский край и Северная Осетия, характеризующиеся максимальным разнообразием развиваемых видов спорта, а также Чечня и Дагестан, сосредоточенные на развитии тяжелой атлетики и единоборств. Монофункциональные регионы – Ингушетия, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия, развивающие только по одному виду единоборств.

Наконец, статистическая база исследования позволила изучить территориальную организацию профессионального спорта на внутрорегиональном уровне и выделить территориальные узлы развития спорта на Северном Кавказе (рис.). Главные спортивные узлы Северного Кавказа – крупнейшие региональные столицы (Ставрополь, Махачкала, Грозный, Владикавказ и Нальчик). Из них наиболее широким спектром развиваемых спортивных дисциплин характеризуется Ставрополь, а наиболее весомыми в российском и мировом спорте являются Махачкала и Владикавказ (борьба и футбол), а также Грозный (бокс и футбол). Остальные столицы регионов Северного Кавказа (Назрань и Черкесск) имеют суженное спортивное разнообразие. Они выступают единственными центрами профессиональной спортивной подготовки в своих республиках и специализируются на единоборствах.

Наличие региональных спортивных узлов второго порядка можно рассматривать как признак развитости спортивной сферы. Так, широкая география центров развития борьбы в Дагестане, Чечне и Осетии формирует за счет массового охвата населения конкурентную среду, которая делает Северный Кавказ главным мировым центром борьбы на сегодняшний день. Такая же ситуация складывается с развитием бокса в Чечне и Дагестане. Более того, в развитии отдельных видов спорта узлы второго порядка могут даже превосходить крупные узлы. Так, по числу профессиональных борцов в Чечне Урус-Мартан опережает Грозный, а по числу боксеров в Дагестане Хасавюрт опережает Махачкалу. В Ставропольском крае Новоалександровск, Солнечнодольск и Невинномысск обеспечивают качественную подготовку тяжелоатлетов и, соответственно, специализацию региона на этом виде спорта, тогда как в Ставрополе этот вид не развивается. Отдельно следует отметить, что на спортивной карте Северного Кавказа есть сельские населенные пункты. Это показывает, что спорт не всегда является производной от численности населения или экономической мощи территории. Конечно, в сельской местности СКФО развиваются технически самые доступные виды – единоборства и тяжелая атлетика, но качество подготовки при этом позволяет успешно соревноваться на российском уровне.

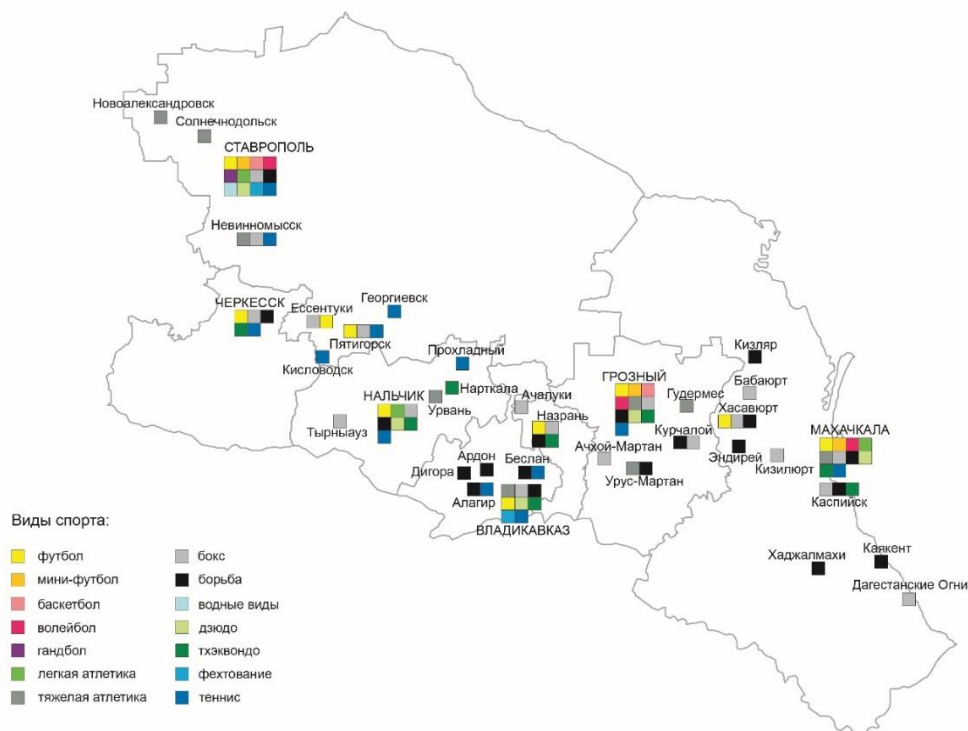

Рис. Территориальные узлы развития профессионального спорта на Северном Кавказе.

Выводы. Северный Кавказ – единственный регион России, в котором не наблюдается развитие зимних видов спорта на профессиональном уровне, хотя для них есть соответствующие природные и инфраструктурные условия.

Специфической чертой спортивной отрасли на Северном Кавказе является гендерная диспропорция в количестве профессиональных спортсменов. Количественно женщины преобладают только в Ставропольском крае, имеют почти равное представительство в Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Вообще нет профессионального женского спорта в Чечне и Ингушетии. Спорт качественно отражает вопрос прав женщин на Северном Кавказе.

В территориальной организации профессионального спорта на Северном Кавказе можно выделить главные регионы – Ставропольский край, Республики Дагестан и Северная Осетия-Алания и Чеченская республика, и второстепенные – Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария и Ингушетия.

Все регионы Северного Кавказа имеют спортивную специализацию, исходя из которой главными видами спорта являются футбол и единоборства, в первую очередь борьба. Наиболее разнообразной специализацией отличаются Ставропольский край, Республики Дагестан и Северная Осетия-Алания и Чеченская республика.

Главными спортивными узлами на Северном Кавказе выступают Ставрополь, Махачкала, Грозный, Нальчик и Владикавказ. В основных спортивных регионах существует сеть узлов второго порядка, которые в отдельных видах

спорта даже превосходят главные узлы. В некоторых случаях они могут быть представлены даже сельскими населенными пунктами.

Библиографический список

1. Балина Т.А., Кузьмин А.В., Столбов В.А. Роль спортивной инфраструктуры в наращивании регионального капитала // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах. Материалы международной научной конференции в рамках VIII Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Пермь: Издательство ПГНИУ. 2017. С. 195-199.
2. Горохова Е. В. Влияние Олимпийских зимних игр (2002, 2006, 2010 и 2014 гг.) на развитие спорта в мире // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. №2. С. 97-101.
3. Горохова Е. В. Методика оценки олимпийского успеха страны // Региональные исследования. 2018. №1 (59). С. 13-21.
4. Кузьмин А.В., Балина Т.А. Роль спортивной инфраструктуры в региональной политике: механизмы реализации, проблемы и перспективы развития (на примере Пермского края) // Инновационная экономика. 2016. №4. С. 5.
5. Лаврова Е.В., Яковлева С.И. Спортивная инфраструктура Тверской области: статистика и география // Вестник ТвГУ. Серия «География и Геоэкология». 2017. № 4. С.55-76.
6. Новые направления в общественно-географических науках / С. Ю. Корнекова, В. Л. Мартынов, Э. Л. Файбусович. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 107 с.
7. Супрунчук И.П. Территориальная структура профессионального футбола в Северо-Кавказском федеральном округе // Наука. Инновации. Технологии. 2023. №1. с. 27-42.
8. Ткаченко А.А. Подходы к созданию общей теории территориальной организации общества // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2008. №1. С. 21-26.
9. Andreff W., Andreff M. Economic prediction of medal wins at the 2014 winter Olympics // North American Association of Sports Economists. Working Paper Series. October, 2011. № 11-16. 28 p.
10. Bernard A.B., Busse M.R. Who Wins the Olympic Games: Economic Resources and Medal Totals // Review of Economics and Statistics. 2004. V. 86(1). P. 413-417.
11. Bale J. Sports geography. Routledge, 2003. 209 p.
12. Elliott R., Harris J. (ed.). Football and migration: perspectives, places, players. Routledge, 2014.
13. Gibbons T. English National Identity and Football Fan Culture Who Are Ya? London. Routledge. 2014. 208 P.
14. Johnson D., Ali A. A tale of two seasons: participation and medal counts at the summer and winter Olympic games // Social Science Quarterly. 2004. V. 8. P. 974-993.
15. Quiroga A. Football and National Identities in Spain. The Strange Death of Don Quixote. London. Palgrave Macmillan. 2013. 246 p.

TERRITORIAL ORGANIZATION OF PROFESSIONAL SPORTS IN THE NORTH CAUCASUS

I. P. Suprunchuk^a

^a North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia, e-mail: ilia_suprunchuk@mail.ru

The article considers the territorial organization of professional sports in the regions of the North Caucasus. The statistical base of the study is based on the analysis of regional representation in Russian competitions in all Olympic sports. The specialization of the regions of the North Caucasus on the development of individual sports has been established. Using the spatial approach, the territorial structure of professional sports is determined and its main and secondary territorial nodes are identified.

Keywords: geography of sports; North Caucasus; territorial organization; professional sports.

РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКИХ, БАШКИР, ТАТАР В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН НА УРОВНЕ ГОРОДСКОЙ МЕСТНОСТИ (ПО ИТОГАМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 2010 И 2020 ГГ.)

Ю.В. Фаронова

*Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Россия, e-mail: faronova2012@mail.ru*

В статье рассмотрены особенности размещения основных национальностей Республики Башкортостан в городской местности. Для анализа размещения использованы показатели: урбанизированность национальности, истинная урбанизированность национальности, показатель размещения национальности в городской местности, городская структура размещения национальности, уровень национализации городов.

Ключевые слова: размещение русских; башкир; татар.

Постановка проблемы. Автор Богатуров Д.С. исследовал локализацию этносов в Карачаево-Черкесской республике, предложил понятие «основного ареала этноса – территория, характеризующаяся высокой компактностью проживания того или иного народа, с удельной его долей в населении не менее 50 %» [1]. Житин Д.В., Краснов А.И. использовали коэффициент этнической концентрации для аналитики территориальной концентрации этнических групп населения в Санкт-Петербурге [3]. Мандыт М.К. проведена группировка кожуунов Республики Тыва по плотности сельского населения и специализации сельского хозяйства [4]. Солдаткина М.А., Шарипова Э.Р. анализируют критерии «территории для возведения этнографического глэмпинга: природная уникальность, историко-культурное наследие, городская инфраструктура в радиусе 20 км от глэмпинга» [5]. Формируется предметность исследования национальной специфики регионов: демографическая динамика, уровень жизни, инвестиции и программы развития, специализация экономического развития, постиндустриальное развитие. В данной работе представлена территориальная аналитика размещения национальностей (русских, башкир, татар) в Республике Башкортостан (РБ) на уровне городской местности.

Методы и источники информации. Используются данные Росстата об итогах переписей населения РФ за 2010 и 2020 годы [2]. Предлагаются показатели для аналитики размещения национальностей: 1) Урбанизированность национальности УН (%): $УН = (НГ/НВ) * 100$, где НГ – численность национальности, проживающей в городской местности (чел.), НВ – численность национальности РБ (чел.). 2) Истинная урбанизированность национальности ИУН (%): $ИУН = (НГ/ЧГН) * 100$, где НГ – численность национальности, проживающей в городской местности (чел.), ЧГН – численность всего городского населения РБ

(чел.).3) Показатель размещения национальности в городской местности РНГ (%): $РНГ = (НГ/ЧВН) * 100$, где НГ – численность национальности, проживающей в городской местности (чел.), ЧВН – численность всего населения РБ (чел.).4) Городская структура размещения национальности ГСН (%): $ГСН = (НГК/НГ) * 100$, где НГК – суммарная численность национальности в городах определённого класса людности (чел.), НГ – численность национальности, проживающей в городской местности (чел.).5) Уровень национализации территории УН (‰): $УН = (ЧНТ/ЧТ) * 1000$, где ЧНТ – численность национальности территории (чел.), ЧТ – численность населения территории (чел.).

Результаты. Размещение русских. Численность русских по переписи 2020 г. составила 1509,2 тыс.чел. (сократилась на 2,5 % к численности 1989 г., увеличилась на 5,3 % к численности 2010 г.). Доля русских составила в 1989 г. 39 %, в 2010 г. – 36 %, в 2020 г. – 37,5 %. Урбанизированность русских составила в 2010 и в 2020 г. 77 %. Истинная урбанизированность русских: 27,3 % в 2010 г., 45,2 % в 2020 г. Показатель размещения русских в городской местности: 27,3 % в 2010 г., 28,4 % в 2020 г. Городская структура размещения русских в 2020 г.: 48 % в городе-миллионере, столице республики городе Уфе; 17,7 % в средних городах; 14,1 % в больших городах; 12,2 % в крупных городах; 6,8 % в малых городах; 1,3 % в пгт.

Уровень русской национализации городов РБ в 2020 г.: максимальный (более 200 ‰) – в Белорецке (682), Кумертау (630), Благовещенске (607), Стерлитамаке (512), Салавате (506), данные города стали основными ареалами расселения русских; Мелеузе (499), Белебее (481), Уфе (477), пгт Приютово (476), Ишимбае (474), Октябрьском (409). Минимальные показатели (менее 200 ‰) – в Агидели (196), Баймаке (172), Янауле (144), Дюртюли (85).

Численность башкир по итогам переписи 2020 г. в РБ составила 1268,8 тыс.чел. (увеличилась на 47 % по сравнению с переписью 1989 г., увеличилась на 8,2 % по сравнению с переписью 2010 г.). Доля башкир составила 22 % в 1989 г., 30 % в 2002 г. и в 2010 г., 31 % в 2020 г. Урбанизированность башкир составила 38,2 % в 2010 г., 46 % в 2020 г. Истинная урбанизированность башкир – 19,4 % в 2010 г., 22,7 % в 2020 г. Показатель размещения башкир в городской местности – 11,8 % в 2010 г., 14,2 % в 2020 г. Городская структура размещения башкир в 2020 г.: 40 % в городе-миллионере, столице республики городе Уфе; 22,1 % в средних городах; 15,3 % в больших городах; 13 % в малых городах; 8,6 % в крупных городах; 1,1 % в пгт.

Уровень башкирской национализации городов РБ в 2020 г. Максимальный уровень (более 200 ‰) – в Баймаке (785), Учалы (568), Сибее (571), это основные ареалы расселения башкир в городах РБ; Янауле (439), Ишимбае (346), Туймазы (326), Мелеузе (298), Агидели (275), Нефтекамске (260), Давлеканово (253),

Салавате (240), Белорецке (229), Кумертау (206). Минимальный уровень (менее 200 ‰) – в пгт Приютово (120), Бирске (123), Белебее (127), Октябрьском (139), Благовещенске (169), пгт Чишмы (182), Уфе (200).

Размещение татар. Численность татар в 2020 г. составила 975,5 тыс.чел. (сократилась на 13 % по сравнению с 1989 г., на 3,4 % по сравнению с 2010 г.). Доля татар составила 28,4 % в 1989 г., 25,3 % в 2010 г., 24,2 % в 2020 г. Урбанизированность татар составила 62,2 % в 2010 г., 64,5 % в 2020 г. Истинная урбанизированность татар составила 25,2 % в 2010 г., 24,4 % в 2020 г. Показатель размещения татар в городской местности – 15,4 % в 2010 и в 2020 гг. Городская структура размещения татар в 2020 г.: 49,1 % в Уфе; 18,5 % в больших городах; 11,1 % в средних городах; 9,5 % в крупных городах; 9,1 % в малых городах; 2,4 % в пгт. Городская структура размещения татар в 2020 г.: 49 % в Уфе, 18,5 % в больших городах, 11,1 % в средних, 9,5 % в крупных, 9,1 % в малых городах, 2,4 % в пгт.

Уровень татарской национализации городов РБ в 2020 г. Максимальный (более 200 ‰) – в Дюртюли (595), в пгт Чишмы (520), это основные городские населённые пункты расселения татар в РБ; Агидели (457), Туймазы (391), Октябрьском (372), Нефтекамске (315), Янауле (292), Уфе (264), пгт Приютово (245), Белебее (226), Стерлитамаке (215). Минимальные показатели (менее 200 ‰) – в Баймаке (27), Сибее (47), Белорецке (62), Кумертау (97), Мелеузе (138), Ишимбае (147), Учалах (150), Благовещенске (155), Салавате (190).

Выводы. Русские остаются самой многочисленной национальностью республики (1,5 млн.чел. населения, 36,9 % населения РБ). Урбанизированность русских отражает высокий уровень их размещения в городской местности (77 %, в РБ в целом 62 %), русские – одна из самых урбанизированных национальностей РБ. Наиболее динамичной и стремительной по сравнению с татарами и башкирами была истинная урбанизированность русских: 27,3 % в 2010 г., 45,2 % в 2020 г. Русские размещены приоритетно в столичном городе-миллионере, в средних и больших городах. Башкиры – вторая по численности национальность РБ (1,26 млн.чел., 31 % населения РБ). Урбанизированность башкир увеличилась с 36 до 46 %, уровень остаётся ниже республиканского (62 %). Истинная урбанизированность башкир (23 %) ниже, чем у русских (45 %), примерно на уровне урбанизированности татар (24 %). Размещение башкир в городской местности увеличилось (14,2 %), ниже русских (28 %), совпадает с показателем для татар (15 %). Башкиры размещены приоритетно в столичном городе-миллионере, в средних и больших городах, это аналогично размещению русских по городам разного класса людности. Татары – третья по численности национальность РБ (0,9 млн.чел., 23,8 % населения РБ). По переписи 1989 г. татары были второй по численности после русских национальностью республики, по переписи 2002 г. заняли третье место после русских, башкир. Татары и русские – сократившиеся по

численности национальности республики по сравнению с 1989 г. Татары – урбанизированная национальность РБ (64,5 %). Татары размещены преимущественно в столичном городе-миллионере (самый высокий показатель по сравнению с русскими и башкирами), в больших городах (на втором месте у башкир и русских по размещению средние города, это формирует особенность размещения татар в городской местности), в средних городах.

Библиографический список

1. Богатуров Д.С. Особенности этнического расселения в Карачаево-Черкесской республике // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 3. С. 171-177. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44052019_48836343.pdf (дата обращения: 15.08.2023).
2. Переписи населения. URL: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 11.08.2023).
3. Житин Д.В., Краснов А.И. Территориальная концентрация этнических групп населения в Санкт-Петербурге // Известия Русского географического общества. 2015. Т. 147. № 2. С. 56-72. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23213220_47699258.pdf (дата обращения: 15.08.2023).
4. Мандыт М.К. Особенности формирования расселения населения в Республике Тыва // Устойчивое развитие в Восточной Азии: актуальные эколого-географические и социально-экономические проблемы. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию высшего географического образования и 60-летию фундаментальной географической науки в Бурятии. Научный редактор Ц.Д. Гончиков. 2018. С. 124-127. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35459531_67123086.pdf (дата обращения: 15.08.2023).
5. Солдаткина М.А., Шарипова Э.Р. Этнографический глэмпинг как креативный тренд развития в индустрии гостеприимства // Стратегии и современные тренды развития предприятий туристского и гостиничного бизнеса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2020. С. 245-250. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44374025_93464181.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

PLACEMENT OF RUSSIANS, BASHKIRS, TATARS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AT THE LEVEL OF URBAN AREA (ACCORDING TO THE RESULTS OF POPULATION CENSUS 2010 AND 2020)

Yu. V. Faronova

Ufa University of Science and Technology

Ufa, Russia, e-mai: lfaronova2012@mail.ru

The article assesses the features of the placement of the main nationalities of the Republic of Bashkortostan in urban areas. To analyze the placement, the following indicators were used: the urbanization of the nationality, the true urbanization of the nationality, the indicator of the distribution of nationality in urban areas, the urban structure of the distribution of nationality, the level of nationalization of cities.

Keywords: placement of Russians, Bashkirs, Tatars.

КАК БАЛТИЙСКИМ РЕГИОНАМ РФ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ИЗБЕЖАТЬ СУДЬБЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СОСЕДЕЙ ПО БАЛТИЙСКОМУ РЕГИОНУ?¹

Г.М. Фёдоров

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
Калининград, Россия, e-mail: gfedorov@kantiana.ru*

Статья посвящена оценке демографической ситуации в трех балтийских субъектах РФ по сравнению со странами Прибалтики и Польшей, с обоснованием предложений по регулированию состояния населения российских регионов. Используются данные Росстата и Евростата, обработанные с помощью известных экономии ко-статистических методов. Показано, что ситуация в регионах РФ более благоприятна. Но, во избежание характерных для наших соседей более острых демографических проблем, в рассматриваемых регионах необходимы дополнительные меры регулирования естественного и миграционного движения населения.

Ключевые слова: демографическая ситуация; балтийские регионы России; Прибалтика; Варминско-Мазурское воеводство Польши; регулирование демографической ситуации

Постановка проблемы. Три балтийских субъекта РФ – Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области – относятся к развитым в социально-экономическом и отношении регионам с темпами развития выше среднероссийских и сравнительно благоприятной экономико-демографической обстановкой. Хотя естественное воспроизводство населения здесь суженное, благодаря миграционному притоку численность их населения и занятых в экономике возрастает. Как показывают данные Росстата и Евростата, динамика числа жителей трех регионов более благоприятна, чем в соседних странах Прибалтики и соседнем с Калининградской областью Варминско-Мазурском воеводстве Польши. В отличие от зарубежных соседей, российские регионы имеют устойчивый миграционный приток населения. Однако имеются и сходные проблемы – депопуляция, пространственная поляризация, старение населения. Демографические изменения обычно сначала происходят в странах Запада, а позднее проявляются и в России. Могут ли российские регионы на Балтике избежать сокращения численности населения за счет депопуляции (которая в странах Прибалтики зарубежными исследователями прогнозируется, по меньшей мере, на период до конца 21 века) и отрицательного сальдо миграции?

Методы и источники данных. В исследовании использованы литературные источники, статистические данные Росстата, Евростата и национальных ста-

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ №22-27-00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий». © Г.М. Фёдоров, 2023

тистических агентств Польши и стран Прибалтики. Данные обработаны известными экономико-статистическими методами, выполнен их сравнительно-географический анализ.

Результаты. Балтийские регионы РФ относятся к хорошо освоенным высококоразвитым регионам страны. По сравнению с 1990 г. они увеличили численность населения. За 1990 – 2023 гг. количество жителей Санкт-Петербурга возросло на 12%, Ленинградской области – на 21%, Калининградской области – на 17%. Общей закономерностью был переход от естественного прироста в 1990 г. к естественной убыли населения в последующем, при постоянном положительном миграционном приросте. Процесс изменений численности населения каждого из регионов происходил неодинаковыми темпами, что отражают различные формы кривых на рис. 1. Но к настоящему времени во всех них численность населения стала выше, чем в 1990 г., и они имеют сходный характер демографической ситуации.

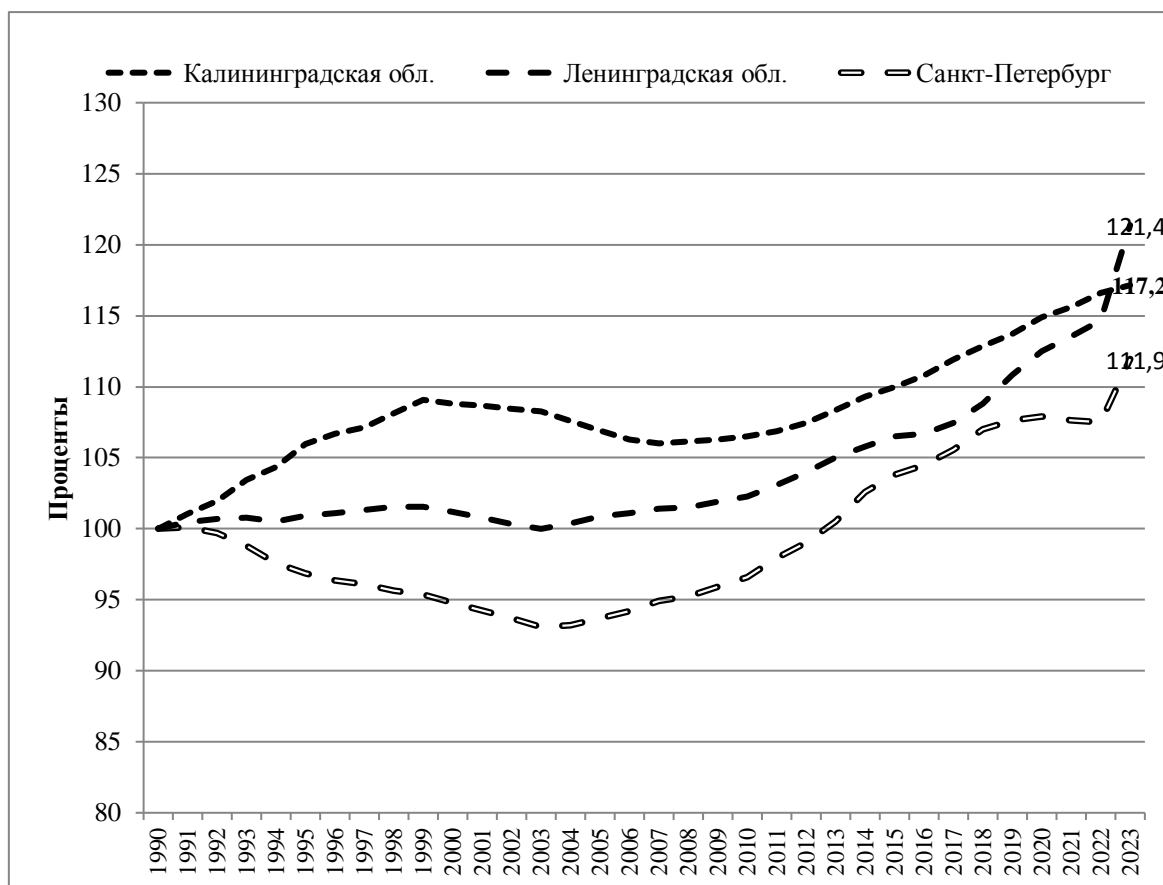

Рис.1. Динамика численности населения, на 1 января соответствующего года, в процентах к 1990 г.

Составлено автором по данным ист. [6].

Балтийские регионы России, страны Прибалтики и Варминско-Мазурское воеводство Польши имеют общее социалистическое (а с Прибалтикой и советское, и царское) прошлое. И сопоставимый уровень развития в настоящем. Тем

разительнее различается в них демографическая ситуация, причем в пользу российских регионов (рис. 2). Население расположенного вдоль границы Калининградской области Варминско-Мазурского воеводства Польши сократилось на 3%, Эстонии – на 15%, Литвы – на 24%, Латвии – на 30% (рис. 3).

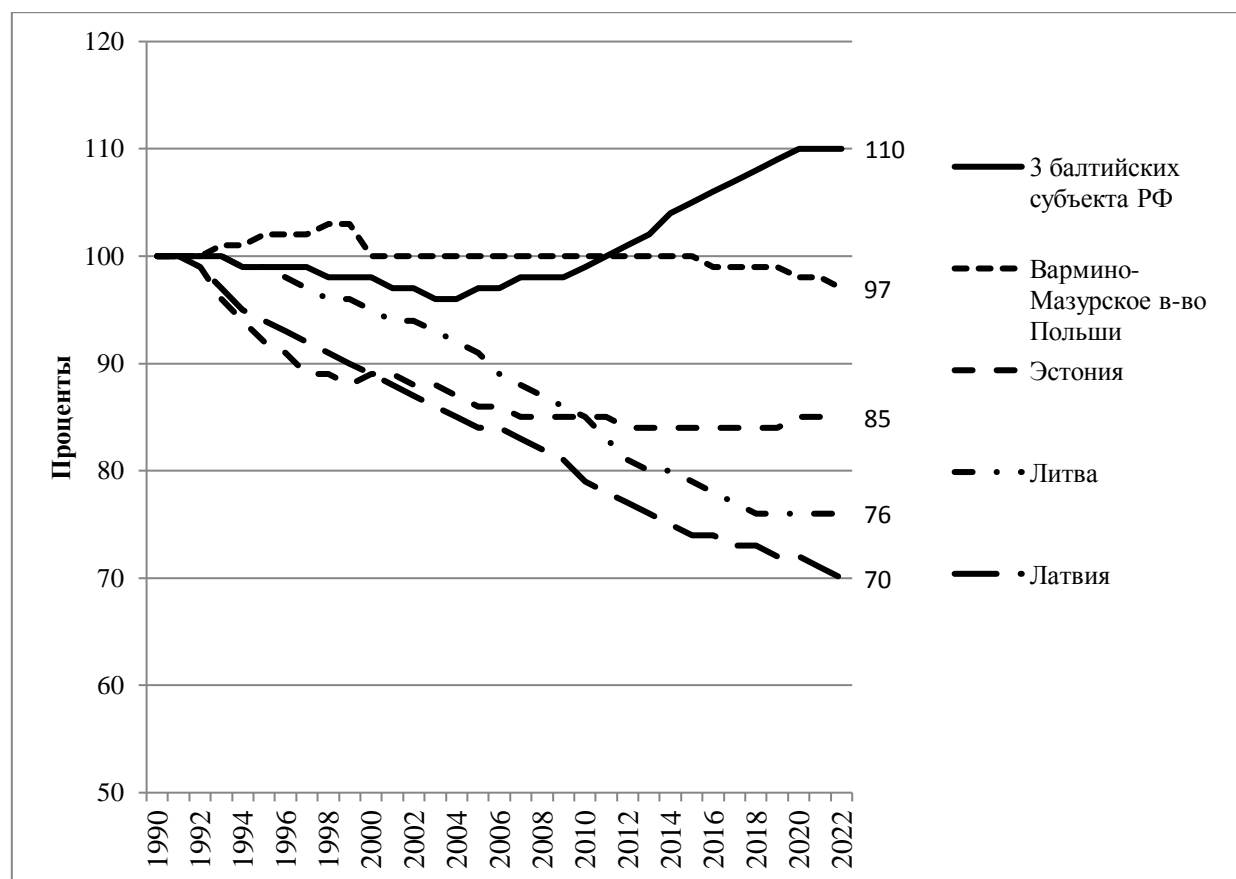

Рис. 2. Динамика численности населения, 1990 – 2022 гг. (на начало года)

Источник: составлено автором по данным ист. [6, 7]

Смертность намного выше рождаемости и в Польше, и в странах Балтии. В Эстонии и Латвии, начиная с 1991 г., число умерших превышает число родившихся. В Литве это превышение наблюдается с 1994 г., в Польше – с 2013 г. При этом в Литве и Латвии смертность выше рождаемости в два раза [7].

В сокращении численности населения важную роль играл миграционный отток населения. До 2017 г. в Польше, 2014 г. в Эстонии и 2018 г. в Литве было отрицательное сальдо миграции, а в Латвии оно сохраняется и в 2021 г.

За 2015 г. и 2017 – 2021 гг. в Эстонии и за 2020 г и 2021 гг. в Литве численности населения увеличилась [6], что во многом связано с возвратной миграцией работавших за рубежом. Вряд ли этот процесс продлится длительное время, и, на взгляд автора, в ближайшие годы вновь следует ожидать сокращение и притока мигрантов, и численности населения в этих странах. Что касается россий-

ских регионов, то в 2022 г. все они имели положительный (хотя и сократившийся) прирост численности населения [3], но в Санкт-Петербурге ему не удалось перекрыть естественную убыль, и численность населения города немного сократилась [4].

Выводы. Рост численности населения трех балтийских регионов РФ с середины «нулевых» годов обеспечивается превышением миграционного прироста над естественной убылью населения (исключение составил Санкт-Петербург в 2022 г.). Однако демографический потенциал миграций регионов и стран – доноров исчерпывается. Возникает угроза сокращения численности населения, которое произошло в Прибалтике и которое, казалось бы, давно преодолено в балтийских регионах России. Но, заметим, что такая угроза недавно возникла в еще недавно относительно благополучном, со стабильным числом жителей, Варминско-Мазурском воеводстве Польши, где началось сокращение численности населения.

Демографические прогнозы для трех российских регионов, казалось бы, не дают оснований к подобным опасениям. Так, прогноз Росстата на 2000 – 2036 гг. предполагает существенное сокращение численности населения во всех регионах СЗФО, но в трех балтийских регионах ожидается рост [5].

Однако сокращение численности населения Санкт-Петербурга в 2022 г. и снижение темпов роста в двух других регионах показывают, что для достижения положительной динамики численности населения в меняющейся геоэкономической ситуации потребуются значительные усилия. Не останавливаясь на задачах социально-экономического развития, которое во многом определяет ход демографических процессов, отметим, что при разработке мер регулирования населения в документах стратегического и пространственного планирования, региональных демографических программах следует принять во внимание следующие соображения.

Для обеспечения положительного сальдо миграции, необходимо заботиться не столько о привлечении мигрантов, сколько о закреплении собственного населения. Между тем, в рассматриваемых регионах высоким является число выбытий. Особенно это характерно для Калининградской области, в которой за 2008 – 2010 гг. число выбывших составляло 4 – 5 тыс. человек в год [2], а в 2018 – 2020 гг. – 17 – 18 тыс. [1].

Но главным направлением регулирования должно стать изменение уровня естественного воспроизводства населения путем поощрения рождаемости и самосохранительного поведения населения. Следует гораздо большее внимание уделить упрочению семейных отношений и формированию установок на прочную семью с двумя – тремя детьми. Меры поощрения рождаемости предусмот-

рены в документах, касающихся развития регионов, однако их масштабы целесообразно увеличить. И, главное, на наш взгляд, нужно, во-первых, построить соответствующую систему воспитания семейных ценностей в школах. И, во-вторых (но по значимости – во-первых) попытаться изменить политику СМИ, которые редко способствуют формированию благоприятного для роста численности населения демографического поведения.

Совершенствуя меры регулирования состояния населения балтийские регионы России имеют все возможности избежать того демографического кризиса, в котором оказались их постсоветские и постсоциалистические соседи.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник. Калининградская область. 2020 год. Калининград: Калининградстат, 2021. 136 с.
2. Демографический ежегодник Калининградской области. 2012 год. Калининград: Калининградстат, 2013. 115 с.
3. Коэффициент миграционного прироста // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43017> (дата обращения 30.08.2023).
4. Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2023_Site.xlsx (дата обращения 30.08.2023).
5. Предположительная численность населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2035 года // Петростат. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/> (дата обращения 11.09.2023).
6. Численность постоянного населения на 1 января. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения 30.06.2023).
7. Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database> (дата обращения 05.07.2023).

HOW THE BALTIC REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION COULD AVOID THE FATE IN THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE POST-SOCIALIST NEIGHBORS IN THE BALTIC REGION?

G.M. Fedorov

*Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia, e-mail: gfedorov@kantiana.ru*

The article presents the assessment of the demographic situation in the three Baltic regions of the Russian Federation in comparison to the Baltic countries and Poland. It suggests the substantiation of proposals for regulating the state of the population of Russian regions. Data from Rosstat and Eurostat were applied, processed using well-known cost-effective co-statistical methods. It is shown that the situation in the regions of the Russian Federation is more favorable. But, in order to avoid the more acute demographic problems typical of our neighbors, additional measures to regulate the natural and migration movement of the population are needed in the assessed regions.

Key words: demographic situation; Baltic regions of Russia; Baltics; Warmian-Masurian Voivodeship of Poland; regulation of the demographic situation

ОПОРНЫЙ КАРКАС ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА РОССИИ

М.А. Федотов

Тверской государственной университет,

Тверь, Россия, e-mail: mafedotov@vk.com

Рассмотрены основные черты опорного каркаса территории Центрального экономического района (без Московского региона). Разработана методика выделения опорного каркаса, основанная на использовании центров микрорайонов Е.Е. Лейзеровича. Проведена оценка степени развитости опорного каркаса, которая определялась как сочетание значений густоты узловых и линейных элементов. В качестве единиц наблюдения использованы 11 регионов ЦЭР.

Ключевые слова: опорный каркас территории; методика выделения каркаса; развитость каркаса

Постановка проблемы. Идея каркаса как связующей конструкции, обеспечивающей устойчивые связи между основными элементами различных пространственных систем, находит широкое отражение в работах по социально-экономической географии и градостроительству.

Впервые положение о каркасе территории сформулировал Н.Н. Баранский в 1946 году. Без его знаменитых слов о том, что «города и дорожная сеть формирует остов, на котором всё держится», не обходится ни одна работа, посвящённая опорному каркасу (ОК) [1]. Немногим позже в начале 1950-х годов французский географ Ж. Пьер употребил близкое к опорному каркасу понятие «*armatureurbaine*» [10]. Начиная с Н.Н. Баранского идея каркаса активно используется в отечественной социально-экономической географии. Нами выявлено не менее 14 вариантов наименования каркаса, фигурирующих в специальной литературе. Наиболее популярен термин «опорный каркас расселения». Его в 1975 году ввёл Б.С. Хорев [9]. Мы используем термин «опорный каркас территории» (ОКТ). Он акцентирует внимание на том, что каркас является системообразующим элементом, организующим территорию. Территория «опирается» на каркас.

Опорный каркас на уровне экономических районов рассматривается весьма редко. Нам известны всего две работы, в которых изучается опорный каркас территории Центрального экономического района (ЦЭР). В 1985 году О.К. Кудрявцев провёл оценку степени развитости каркаса ЦЭР [4]. В 1988 г. П.М. Полян рассматривал каркас ЦЭР совместно с Горьковской областью [7]. Эти работы были опубликованы 35 лет назад, поэтому важно обновить информацию о каркасе, проверить изменения и использовать новые методы изучения каркаса. В состав района входят город Москва и 12 областей, в работе рассмотрены 11 из них, за исключением Московского региона, поскольку он имеет свою специфику и требует отдельного рассмотрения.

Благодаря Г.М. Лаппо идея каркаса приняла очертания научной концепции. Согласно его трактовке, опорный каркас есть сочетание крупных центров, фокусов экономической, политической и культурной жизни страны или региона и соединяющих их магистралей [5]. В концепции ОКТ основные центры принято называть узловыми элементами, а соединяющие их транспортные пути – линейными элементами. Значительный вклад в развитие концепции внес А.Э. Гутнов [3].

Наибольшее развитие концепция опорного каркаса получила в нашей стране. Отдельные моменты, связанные с идеей каркаса, присутствуют в работах зарубежных ученых: К. Доксиадиса (Греция), Ле Корбюзье и Ж. Пьера (Франция), К. Линча (США), К. Танге (Япония), К. Уибелла (Канада), Ю. Груза (Чехословакия) и др., но полноценная концепция каркаса, судя по известным нам источникам, ни в одной из зарубежных стран не сложилась.

Концепция ОКТ тесно связана с концепцией территориальных структур И.М. Маергойза. По А.А. Ткаченко, опорный каркас территории является наиболее полным инвариантом всей территориальной организации страны или региона. Каркас более объективен, чем остальные формы территориальных структур, независим от исследователя [8].

Методы и источники данных. В качестве узловых элементов (УЭ) рассматриваются 56 городов. Из них 44 являются центрами микрорайонов Е.Е. Лейзеровича. Всего в пределах полигона исследования центрами микрорайонов считается 63 населённых пункта, но 19 из них являются малолюдными и слабо организуют прилегающую территорию, поэтому они не были приняты в качестве УЭ. Кроме центров микрорайонов, рассматривались 12 средних и субсредних городов, являющихся важными транспортными узлами, например, Торжок и Бологое.

В Центральном районе территориально-урбанистическая структура носит радиально-кольцевой характер, который определяется Московской агломерацией, радиальными магистральями и несколькими «кольцами», в узлах которых находятся областные центры, расположенные на расстоянии 200–400 км от Москвы. Более половины больших городов располагаются на востоке ЦЭР. Средние и субсредние города, которые являются центрами микрорайонов размещены более равномерно.

«Обслуженность» территории узловыми элементами определяется плотностью узловых элементов. Наибольшая плотность УЭ отмечена во Владимирской, Ивановской и Рязанской областях. Костромская, Орловская и Смоленская имеют низкую плотность узловых элементов (менее 1 ед. на 10000 км²). Остальные области имеют средние значения этого показателя (рис. 1а).

В качестве линейных элементов рассматривались железные дороги, автомобильные магистрали федерального значения и основные дороги регионального значения, проходящие через несколько районных центров.

«Обслуженность» территории линейными элементами определяется плотностью основных элементов в регионе. Высокие значения имеют Владимирская, Рязанская, Тульская и Калужская области, образующие вокруг Московского региона полукольцо территорий высокой плотности линейных элементов. Для остальных областей, за исключением Костромской области, характерно среднее значение плотности линейных элементов (рис. 1б).

Результаты. С 1989 года большинство узловых элементов испытывает сокращение населения, для большинства характерна убыль 10–20%. Наибольшая депопуляция отмечена в городе Южа Ивановской области, где убыль составила почти 30%. Положительная динамика зафиксирована только в Калуге, Обнинске, Владимире, Рязани, Киржаче. При этом за последние 30 лет численность населения Москвы (с учётом расширения территории) население выросло на 45%. Таким образом, происходит ослабление большинства узловых элементов – при всё усиливающейся концентрации населения в Москве. П.М. Полян говорит о начале процесса деградации каркаса и дезинтеграции расселения в целом [7]. Специалисты считают, что следует думать об ослаблении негативных последствий центростремительных процессов [2].

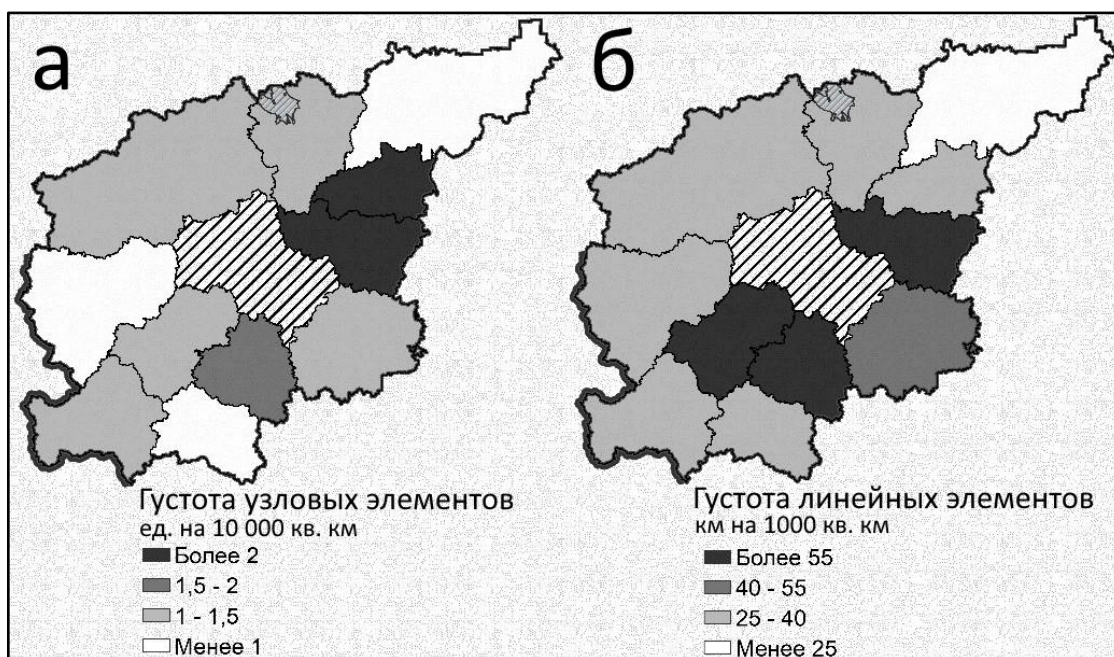

Рис. 1. Густота элементов каркаса
(а – узловых, б – линейных)

В развитии линейных элементов можно проследить две противоположные тенденции. С одной стороны, усиливаются радиальные линии, планируется строительство двух ВСМ «Москва – Санкт-Петербург» и «Москва – Казань». Г.М. Лаппо считал, что с появлением высокоскоростного транспорта будет фор-

мироваться «суперкаркас» [6]. С другой стороны, наблюдается тенденция деградации сети, что особенно характерно для железных дорог. В первую очередь это касается тупиковых линий, например, за последние 20 лет прекратилось железнодорожное движение на участке Смоленск – Озёрный. Процесс деградации сети происходит и на кольцевых линиях. В Тверской области прекратилось пассажирское движение на отрезке Кувшиново – Торжок. Можно предположить, что то же самое будет происходить и с другими слабыми и тупиковыми железнодорожными линиями.

В работе предложен собственный вариант балльной оценки развитости ОКТ. Оценка проводится по густоте узловых и линейных элементов каркаса. По каждому признаку выделено 4 группы в порядке убывания признаков. Интегральная оценка определяется как сумма двух частных оценок. Результаты совмещения двух оценок представлены на рис. 2. Наиболее развитый каркас имеет Владимирская область (8 баллов), наименее развитый – Костромская (2 балла).

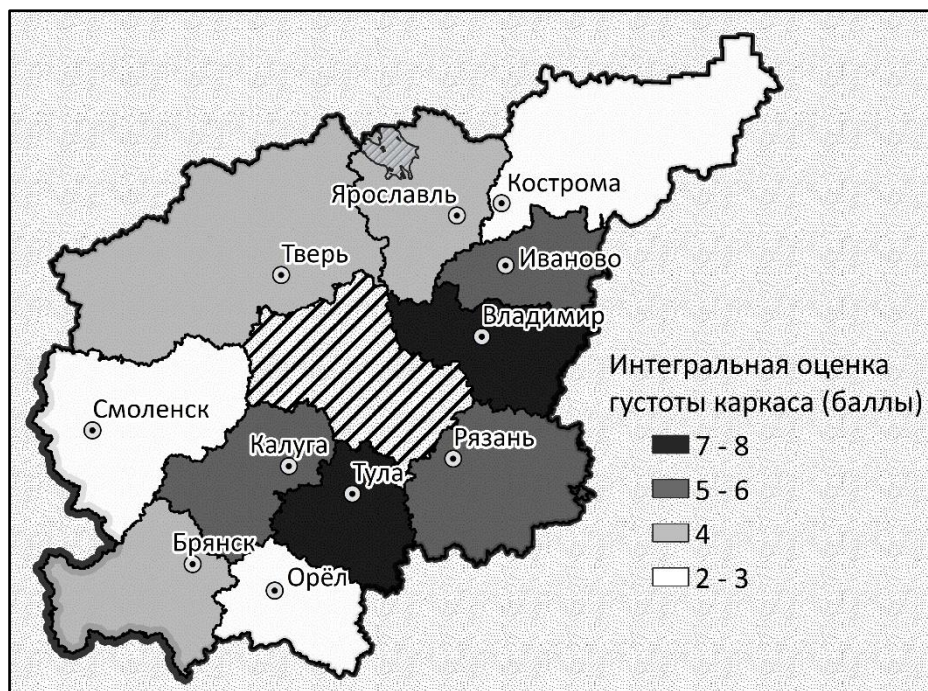

Рис. 2. Развитость опорного каркаса территории Центрального экономического района

Выводы. Предложенная в работе методика выделения ОКТ может быть использована при изучении других экономических районов РФ. Представляется, что она может быть полезна и при разработке документов территориального планирования.

Библиографический список

1. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. Сб. 2. М.: Географгиз, 1946. С. 19–62.
2. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского. М., 2001. 558 с
3. Гутнов А.Э. Эволюция градостроительства. М.: Стройздат, 1984. 256 с.
4. Кудрявцев О.К. Расселение и планировочная структура крупных городов-агломераций. М.: Стройздат, 1985. 136 с.
5. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Сер. географическая. 1983. №5. С. 16–28.
6. Лаппо Г.М. География городов. М.: Владос, 1997. 480 с.
7. Полян П.М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. М.: ИГ АН СССР, Ч 1, 1988. 220 с.
8. Ткаченко А.А. Территориальная общность людей: Социально-географическая концепция: автореферат дис. ... доктора географических наук. М.: МГУ, 1995. 32 с.
9. Хорев Б.С. Территориальная организация общества: (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М.: Мысль, 1981. 320 с.
10. Schwab R., Martin J.P. Méthodes d'analyse de l'armature urbaine régionale // Revue Géographique de l'Est 1968. №8. pp. 57 – 87.

THE FRAMEWORK OF SETTLEMENT PATTERN OF THE REGIONS OF THE CENTRAL REGION OF RUSSIA

M.A. Fedotov

Tver State University

Tver, Russia, e-mail: mafedotov@vk.com

The main features of the framework of settlement pattern of the territory of the Central Economic Region (without the Moscow region) are considered. A method for identifying the framework of settlement pattern has been developed, based on the use of the centers of E.E. microdistricts. Leizerovich. The degree of development of framework of settlement pattern was assessed. The development of the framework of settlement pattern was determined as a combination of the density values of nodal and linear elements. 11 CER regions were used as observation units.

Keywords: framework of settlement pattern; framework of settlement pattern isolation method; framework of settlement pattern development

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

Л.Ю. Чекменёва^а, Т.Д. Музалёва^б

*^аПермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия, e-mail: l.chekmeneva@mail.ru*

*^бНижневартовский государственный университет
Нижневартовск, Россия, e-mail: t.muzalyova.geo@yandex.ru*

В статье осуществлена оценка территориальных особенностей миграционных связей ХМАО-Югры с другими регионами России. Исследовались данные с 2015 по 2021 гг. Для выявления тенденций межрегиональных передвижений, проанализировав масштабы и сальдо миграций в разрезе субъектов РФ, была составлена типология субъектов РФ по тесноте миграционных связей с ХМАО-Югрой. Качество выявленных взаимосвязей удалось рассмотреть при анализе обстоятельств, вызвавших необходимость смены места жительства, для каждого субъекта.

Ключевые слова: межрегиональная миграция; причины миграции; ХМАО-Югра.

Постановка проблемы. Межрегиональный вид миграции играет важную роль в формировании структуры миграций автономного округа. Так как изначальное становление численности населения Югры связано именно с этим видом миграции, важно понимать, какой вклад в миграционные процессы он сейчас вносит.

На протяжении рассматриваемого периода миграция с другими регионами РФ характеризуется высоким оборотом и отрицательным сальдо миграций. Это говорит о снижении былой привлекательности округа для российского населения. Поэтому в данной работе мы считаем целесообразным выделить типы регионов с точки зрения тесноты миграционных связей с ХМАО-Югрой, отражающих привлекательность как регионов вселения для выбывшего из Югры населения, так и округа в целом для российских мигрантов.

Методы и источники данных. Статистической базой исследования территориальных особенностей межрегиональных миграционных связей ХМАО-Югры послужили данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу (Тюменьстат). На основании соотношения средних значений миграционного прироста и оборота каждого из субъектов РФ за 7 лет (2015–2021 гг.) путем графической (геометрической) интерпретации был построен график (рис. 1), где области скопления точек были выделены в 5 отдельных типов.

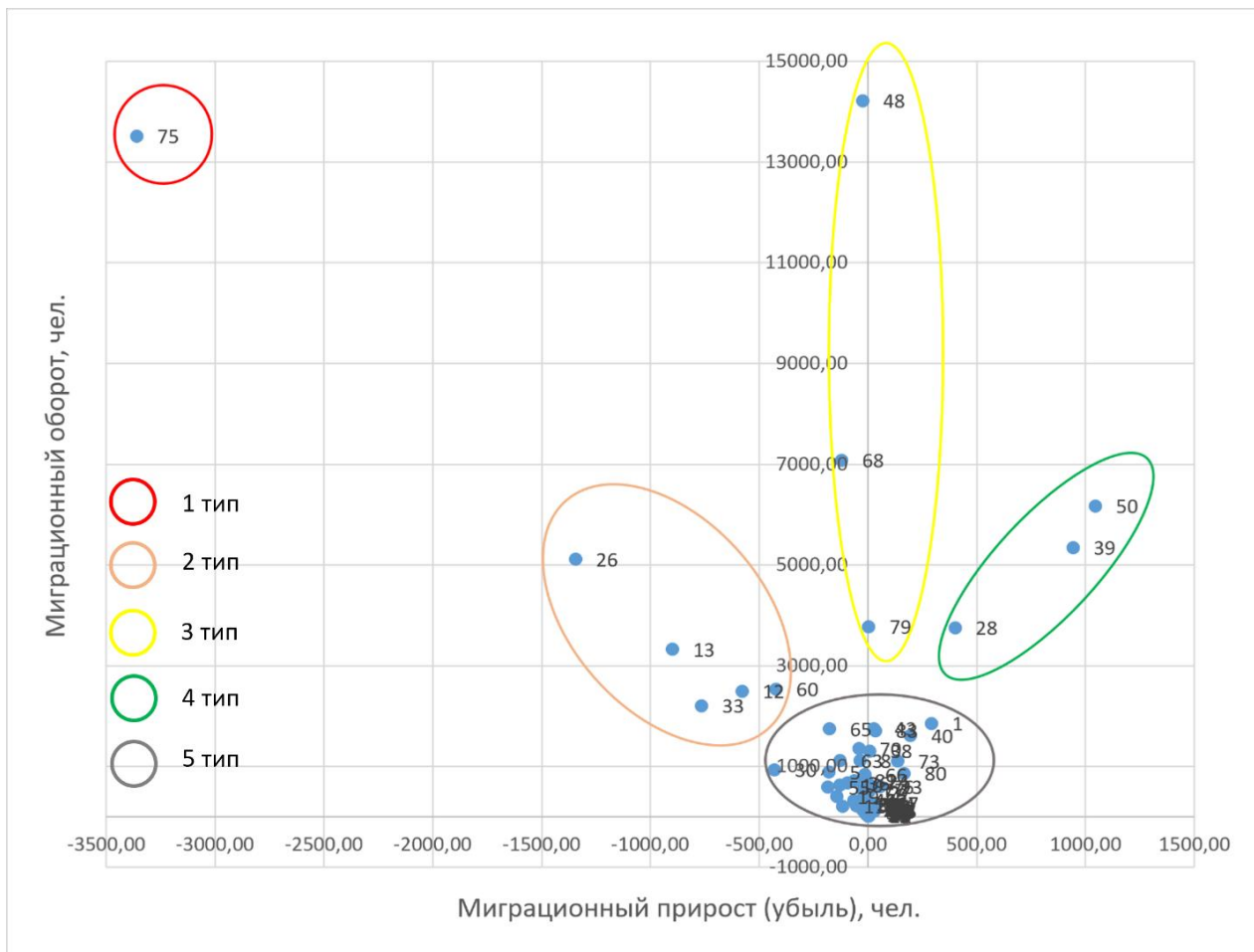

Рис. 1. Типология субъектов РФ по соотношению средних значений миграционного прироста и миграционного оборота за 7 лет (2015–2021 гг.) для ХМАО-Югры (составлено автором по данным ист. [1])

Для выявления факторов и причин миграции было проанализировано распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства, и территориям прибытия и выбытия в разрезе субъектов РФ [1].

Результаты. Сопоставляя объемы и результативность миграционных потоков прибывших и выбывших из Югры, удалось выделить 5 отдельных типов (рис. 1, 2), представляющие субъекты:

1. **Главный регион оттока мигрантов** – регион, имеющий наиболее тесные миграционные связи за счет большого миграционного оборота, но при этом с большим отрицательным сальдо. В данный тип входит только Тюменская область, которая принимает мигрантов из Югры больше, чем отдает. Такая ситуация объясняется исторически сложившимися тесными взаимосвязями этих регионов, поэтому и в причинах как въезда, так и выезда из округа наибольшую долю имеют причины личного и семейного характера, включающие в себя возвращение к родителям или детям, заключение брака, а также смену работы супруга(и).

Кроме того велика доля мигрантов, возвратившихся после временного отсутствия. Доля трудовых мигрантов, приезжающих в Югру, также не мала, но оснований назвать Тюменскую область донором исключительно вахтовиков нельзя. Кроме того, Тюменская область находится южнее, поэтому природно-климатически она наиболее благоприятна для жизни человека.

2. Стабильно принимающие – в эти субъекты наблюдается стабильный отток населения из округа, при сравнительно небольшом обороте миграций. В этот тип включены Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, Московская область, г. Москва, Республика Татарстан. Данные регионы привлекают мигрантов из Югры за счет более благоприятных условий для жизнедеятельности, включающих в себя не только более мягкие природно-климатические условия, но и более широкие возможности для трудоустройства, так как хозяйственная структура данных субъектов более диверсифицирована. Уезжают в основном по личным причинам. При этом для данного типа регионов характерна стабильно большая доля принятия мигрантов по «иным» причинам, в большинстве своем связанных с приобретением жилья (покупка или наследование) в данных субъектах. Говоря о прибывших из регионов данного типа в Югру, следует отметить большую долю тех, кто возвращается после временного отсутствия, а также небольшую, но стабильную долю трудовых мигрантов.

3. Со стабильными трудовыми связями – это регионы со стабильно большим миграционным оборотом, но при этом среднее за 7 лет сальдо миграций находится на нуле, так как на протяжении рассматриваемого периода сальдо было не стабильно (то, отрицательно, то положительно). В этот тип входят Республика Башкортостан, Свердловская и Челябинская области. Для этого типа регионов характерна весомая доля приезжающих в Югру в связи с работой, а также возвращающихся после временного отсутствия.

4. Доноры трудовых ресурсов – это единственный выделенный тип со стабильно положительным и самым большим сальдо миграций, при относительно небольшом миграционном обороте. В этот тип входят Республика Дагестан, Омская и Курганская области. В структуре прибывших в Югру из данных субъектов явно выделяются трудовые мигранты (Р. Дагестан – 36%, Курганская обл. – 38%, Омская обл. – 41%).

5. Со слабыми миграционными связями – это субъекты, для которых характерен низкий миграционный оборот с Югрой, при этом с некоторыми наблюдается слабый миграционный приток, с некоторыми – слабая убыль. Данных регионов большинство, но при этом тесных связей не наблюдается.

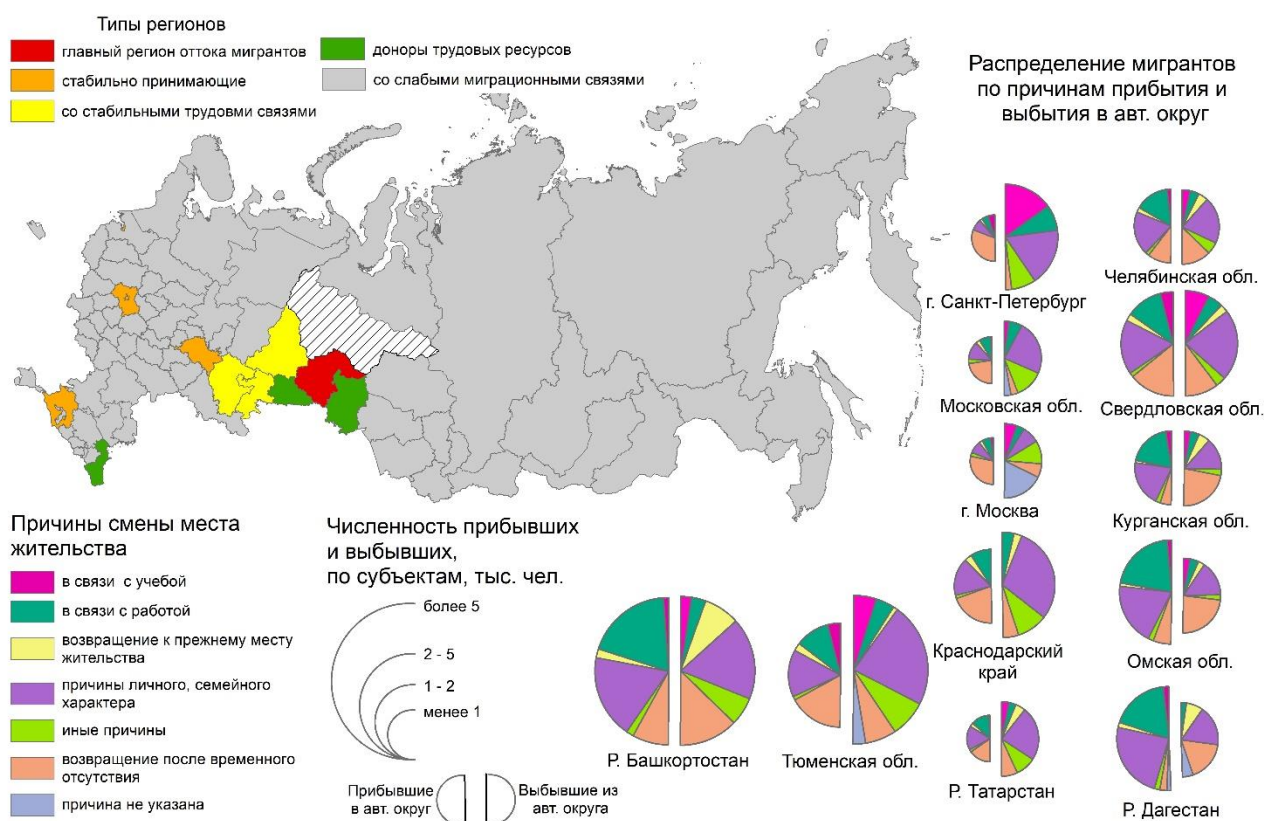

Рис. 2. Типология субъектов РФ по тесноте миграционных связей с ХМАО-Югрой (по соотношению средних значений миграционного прироста и оборота за 7 лет (2015–2021 гг.)) и причинам смены места жительства. (составлено автором по данным ист. [1])

Выводы. Учитывая, что за весь рассматриваемый период сальдо миграций в межрегиональном направлении было отрицательно, важно выявить общие тенденции в миграционных отношениях Югры с другими регионами РФ.

Наиболее активны в миграционных отношениях с Югрой южные соседи первого и второго порядка, также главные центральные субъекты, Краснодарский край и некоторые кавказские Республики.

Очевидно, что любые миграции обусловлены стремлением населения найти более благоприятные условия для проживания. Поэтому отток населения из ХМАО-Югры направлен в более развитые регионы, а приток наблюдается из менее развитых. При этом стоит отметить, что бывшая миграционная привлекательность Югры ослабевает – мало регионов, которые дают стабильную большую миграционную прибыль в авт. округ.

Интересной особенностью является то, что смена места жительства людей других регионов, связанная с приобретением жилья в Югре во всех рассматриваемых типах сильно мала. Другими словами, население рассмотренных регионов не желает долгосрочно связывать себя с Югрой путем приобретения недвижимости. Беря во внимание этот факт, а также то, что в первых четырех типах

регионов доля трудовых мигрантов, приезжающих в Югру довольно высока (от 10% из г. Санкт-Петербурга до 41% из Омской области), следует вывод, что многие из приезжающих в авт. округ в связи с работой относятся к возвратному виду миграций, причем как к краткосрочным (сезонные), так и долгосрочным (1–5 лет).

Интересно и то, что доля выбывших из Югры по причине приобретения жилья в других регионах, характерная для 1 и 2 типов регионов, высока. Югорчане, приобретая недвижимость в другом (более развитом) регионе и переезжая, считаются невозвратными мигрантами.

Так как автономный округ в межрегиональном направлении миграций является отдающим, важно понимать, какие проблемы решают мигранты, выезжая за пределы округа, меняя место жительства. Так как уезжают в более успешные субъекты РФ с более развитой структурой хозяйства, моноспециализированный промышленный характер поселений Югры нельзя считать привлекательной чертой для местных жителей, хотя, безусловно, он привлекает большие потоки вахтовых рабочих.

Библиографический список

1. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу–Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. URL: https://tumstat.gks.ru/of-stat_xmao (датаобращения– 29.03.23).

TERRITORIAL FEATURES OF INTERREGIONAL MIGRATION RELATIONS OF KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA

L. Yu. Chekmeneva^a, T. D. Muzaleva^b

^aPerm State University,

Perm, Russia, e-mail: l.chekmeneva@mail.ru,

^bNizhnevartovsk State University,

Nizhnevartovsk, Russia, e-mail: t.muzalyova.geo@yandex.ru

The article evaluates the territorial features of migration relations of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra with other regions of Russia. Data from 2015 to 2021 were studied. To identify trends in interregional movements, analyzing the scale and balance of migrations in the context of the subjects of the Russian Federation, a typology of the subjects of the Russian Federation according to the closeness of migration ties with the KhMAO-Yugrawas established. The quality of the identified relationships could be considered when analyzing the circumstances that caused the need to change the place of residence for each subject.

Keywords: interregional migration, causes of migration, KhMAO-Yugra.

ПРИГОРОДНАЯ СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ: БЛИЖЕ К ГОРОДУ ИЛИ К СЕЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ? (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)¹

А.С. Чучкалов

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: chuchkalov_sashka@mail.ru

В статье рассмотрена локальная специфика сельской местности пригородного Чебоксарского района Чувашской Республики – региона с поздним началом урбанизации и повышенной долей сельского населения. Используются как количественные статистические, так и качественные социологические методы (полевых наблюдений, глубоких и формальных интервью). В результате выделены пригородные сельские территории нескольких типов: «санаторно-курортные», «агропромышленные», «полупромышленные», «селитебные пригородные», а также «селитебные периферийные» поселения без агропредприятий с образом жизни населения, близким к традиционному сельскому. Сделан вывод, что традиционное деление населения на «городское» и «сельское» не учитывает яркой специфики населения пригородного района, участвующего в различных видах сельско-городских взаимодействий.

Ключевые слова: сельская местность; пригородная зона; функции сельской местности; сельское расселение; Чувашия.

Постановка проблемы. В сельских исследованиях отсутствует единое понимание критериев, которым должна удовлетворять сельская местность для отнесения её к пригородному типу. В социально-географических работах наиболее распространённым является формальный подход к его выделению: пригородной чаще всего считают сельскую местность в составе административных районов в непосредственной пространственной близости от региональных центров или больших городов. Однако он не учитывает территориальной неоднородности пригородной зоны – ведь в зависимости от локальных условий облик сельской местности может иметь общие черты как непосредственно с городом, так и с сельскими районами в классическом их понимании. В этой связи представляет интерес рассмотрение локальной специфики сельской местности пригородного района на примере Чувашской Республики – полиэтничного региона с поздним началом урбанизации и повышенной долей сельского населения.

Методы и источники данных. Информационной базой послужил массив сведений, собранных в ходе двух этапов исследования – подготовительного и полевого. Подготовительный этап включал в себе сбор статистических показателей, агрегированных по муниципальным образованиям (по уже упразднённым сельским поселениям в границах, актуальных на 1 января 2021 г.). В ходе полевого

¹ Исследование выполнено при поддержке при поддержке Российского научного фонда (грант № 21-17-00112).

© А.С. Чучкалов, 2023

этапа в 2021-2023 гг. посещены 6 муниципальных округов региона (в Чебоксарском районе в июле 2022 г. посещены 6 из 17 бывших сельских поселений) – по результатам общения с сельскими жителями собран массив из неформальных интервью. Проведены полуформальные экспертные интервью с представителями районной и сельских администраций, работниками сфер сельского хозяйства, культуры, образования и торговли. Дополнительно проведены визуальные наблюдения сельской местности.

Результаты. При почти повсеместной депопуляции усиливается поляризация сельского пространства – рост сельского населения в постсоветский период характерен для бывших сельских поселений, непосредственно примыкавших к городам Чебоксары и Новочебоксарск (рис. (А)). Относительная концентрация сельского населения отмечена также в ближнем поясе агломерации регионального центра, в зонах тяготения к автомобильным дорогам федерального значения и в меньшей степени вокруг районных центров.

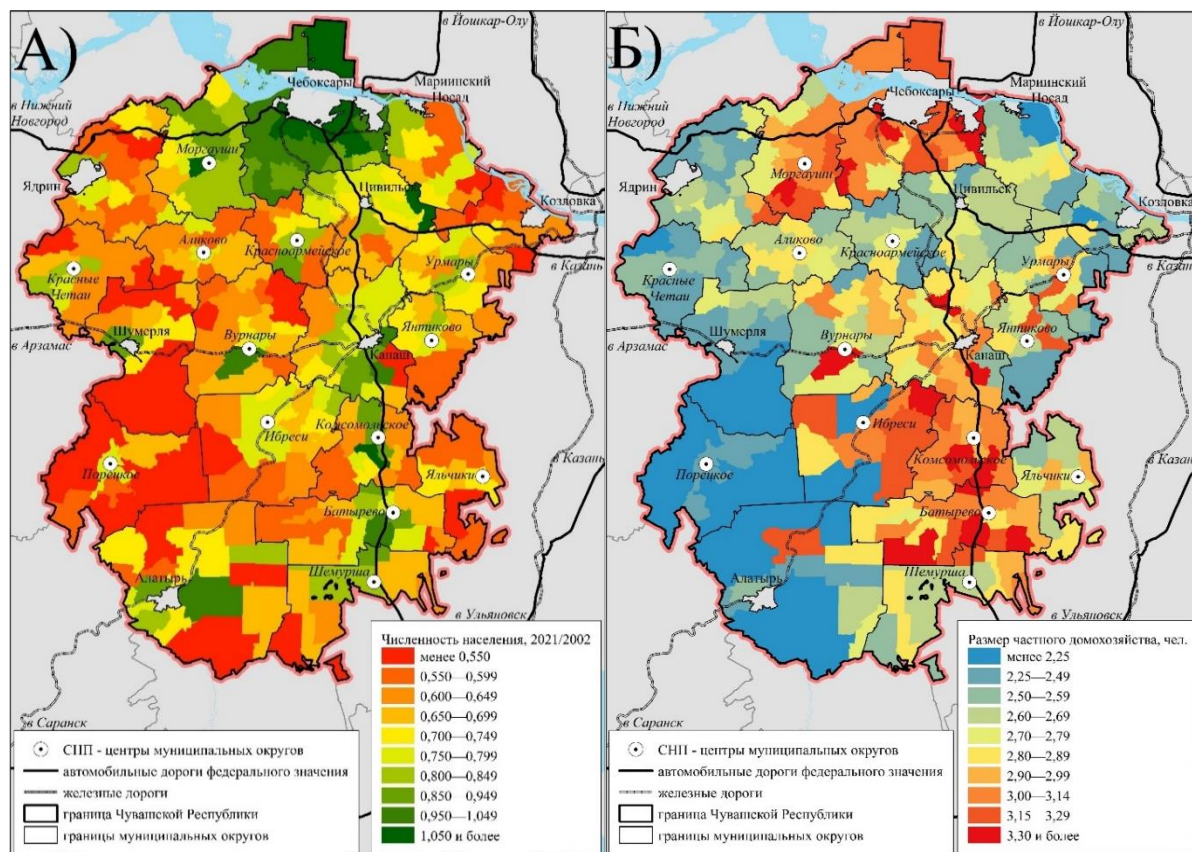

Рис. Динамика численности сельского населения, проживавшего в пределах упразднённых сельских поселений, за межпереписной период 2002-2021 гг. (А). Средний размер частного домохозяйства в пределах упразднённых сельских поселений в 2010 г. (Б). Составлено автором по данным ист. [1], [6].

Депопуляция сельской местности юго-востока региона сдерживается лучшими агроклиматическими условиями и традиционализмом чувашского и татарского населения [4] – сельская местность здесь демографически полноценна относительно других периферийных районов (рис. (Б)).

Чебоксарский район прежде всего можно охарактеризовать выраженностью различных типов взаимосвязей между сельским и городским населением. Базовыми являются два типа взаимосвязей: 1) трудовые («маятниковые») миграции сельского населения пригородных районов в город-центр и 2) дачные рекреационные поездки горожан в сельскую местность [3].

Рост доли сельского населения Чебоксарского района, трудоустроенного в городах-центрах, за счёт интенсификации «маятниковых» миграций – одно из проявлений сближения образа жизни местных сельчан и горожан. Необходимость достижения конкурентоспособности сельских жителей на едином с горожанами рынке труда в городе-центре способствует модернизации их образа жизни. Наиболее яркое проявление – снижение роли личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в жизнеобеспечении сельчан, частичный отказ от содержания домашних сельскохозяйственных животных. Кроме того, за счёт транспортной доступности городов пригородное сельское население обладает возможностью получения социальных услуг, сопоставимых по качеству с городским.

В свою очередь, присутствие городского населения в пригородном районе также способствует сглаживанию различий в образе жизни населения между городом и местным селом. В то время как в советскую эпоху дачное «освоение» пригородных сёл происходило через создание дачных кооперативов и садовых товариществ, в постсоветский период оно всё чаще приобретает форму клубных посёлков, сопоставимых по благоустройству с индивидуальной жилой застройкой городов. В форме классической субурбанизации в Чебоксарском районе проявляется приток населения на круглогодичное проживание как мигрантов из сельской периферии, так и обеспеченных переселенцев из Чебоксар и Новочебоксарска. Население при этом характеризуется крайней внутренней неоднородностью, что, впрочем, справедливо и для города.

Помимо усложнения социального состава населения, пригородной сельской местности в постсоветский период свойственно усиление полифункциональности экономики [5] – явления, исторически свойственного городам. За счёт меньшей, чем в городах, кадастровой стоимости земельных участков, в Чебоксарском районе располагается часть организаций, ориентирующихся на удовлетворение спроса со стороны городских жителей.

Характеристика упразднённых сельских поселений (СП) различных типов

Тип	Поселение	Расстояние от центра поселения до центра г. Чебоксары по дорогам, км	Динамика численности населения			Организации с наибольшим числом занятых (без бюджетных)	Особенности застройки сельских населённых пунктов (СНП)	Особенности ведения ЛПХ
			2002/1979	2010/2002	2021/2010			
«Санаторно-рекреационное»	Вурман-Сюктерское	18 (к западу (3) от города)	0,910	1,012	0,954	Санатории, базы отдыха, детские оздоровительные лагеря	Преобладание коттеджей (в т. ч. в «закрытых» посёлках), более 80% домовладений – сезонно обитаемые	Почти полное отсутствие домашнего скота и птицы, в редких случаях растениеводство в теплицах
«Агропромышленное»	Атлашевское	33 (кВ от города)	1,035	1,341	0,777	Тепличный комплекс, птицефабрика, молочный комплекс, мясной и мясоперерабатывающий комплексы	Многоквартирные дома в центре поселения с регулярной планировкой (2-3 этажа), много садовых товариществ	Ведение ЛПХ жителями посёлков и сёл с центральными функциями в менее крупных деревнях в пределах поселения и садовых товариществ
«Полупромышленное»	Ишлейское	20 (к ЮЗ от города)	0,942	0,992	0,997	Завод высоковольтной аппаратуры, мясной и рыбный цеха		
«Селитебное пригородное»	Синьялское	13 (к ЮВ от города)	0,904	1,093	1,110	Небольшие производственные предприятия	Преобладание коттеджей, менее 20% домовладений – сезонно обитаемые	Полное отсутствие домашнего скота, домашняя птица – редкость, растениеводство в теплицах
«Селитебное полупериферийное»	Шинерпосинское	24 (кЮ от города)	1,216	1,055	1,023	Свинокомплекс, птицефабрика (не работала в 2018-2023 гг.),	Примерно равное соотношение круглогодично обитаемых сезонно обитаемых домовладений, коттеджи многочисленны	Растениеводство (в теплицах и на небольших участках) и домашнюю птицу, домашний скот – редкость
«Селитебное периферийное»	Ишакское	32 (к ЮЗ от города)	0,777	1,005	0,887	Ватная фабрика, сельскохозяйственный рынок	Абсолютное преобладание круглогодично обитаемых домовладений (сезонно обитаемые – менее 30%), коттеджи – редкость	Акцент на растениеводство (не только в теплицах, но и на бывших земельных паях), организованный выпас скота в крупных СНП

Составлено автором по данным полевых наблюдений и ист. [1], [6], [7].

А возникшие в позднесоветское время пригородные посёлки при предприятиях птицеводства и овощеводства по характеру застройки и по обеспеченности инженерной инфраструктурой нередко не отличаются от городов. В свою оче-

редь, сельская периферия вне демографического и экономического влияния городов характеризуется наиболее интенсивным миграционным оттоком населения. Отрицательный социальный отбор среди сельчан за счёт отъезда наиболее активной части населения обычно приводит к формированию в сельской периферии сообществ с наиболее выраженным консерватизмом и меньшей склонностью к инновациям. Традиционный сельский образ жизни здесь сохраняется также за счёт меньшего, чем в других районах, притока инвестиций в какие-либо новые виды хозяйствования.

Таким образом, можно сделать осторожный вывод, что пригородная сельская местность Чебоксарского района в целом больше похожа на город, чем на сельскую периферию, как по текущим характеристикам (например, составу населения, набору функций, состоянию инженерной и социальной инфраструктуры), так и по характеру трансформаций в постсоветский период. В то же время она описывается высокой степенью пространственной неоднородности своих свойств в зависимости от характера взаимосвязей её населения с городом-центром (табл.). Вследствие этого, например, характеризующиеся этнически окрашенным консерватизмом населения периферийные СНП Чебоксарского района могут иметь отдельные общие черты с сельской периферией (например, в ведении ЛПХ).

Выводы. Согласно результатам полевых исследований возможно определить:

– пригородная сельская местность характеризуется, в первую очередь, выраженностью проявления различных типов сельско-городских взаимосвязей населения (как связанных с непосредственным перемещением, так и культурных, финансовых и неформальных социальных);

– пригородная сельская местность Чебоксарского района описывается высокой степенью пространственной неоднородности своих свойств в зависимости от локальной специфики и положения относительно города-центра;

– традиционное деление населения на «городское» и «сельское» не учитывает населения пригородного района, обладающего яркой спецификой.

Библиографический список

1. Итоги ВПН-2020. Том 1 Численность и размещение населения / Росстат. М., 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 31.08.2023).
2. Казаков Н.А. Эволюция сельских локальных систем расселения Чувашской Республики в 1927–2002 годы. Дисс. ... канд. геогр. наук / 25.00.24. Москва: Моск. пед. гос. инст-т, 2010. 261 с.
3. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Медведев А.А. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 64–74.
4. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013. 452 с.
5. Пивовар Г.А., Алексеев А.И., Гавриленко А.С. [и др.]. Рост полифункциональности сельской местности: пример района на границе Московской агломерации // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2018. № 2. С. 102–
6. Чувашская энциклопедия: в 4 томах. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2011. 797 с.

7. Энциклопедия Чебоксарского района / [сост. Е. С. Васильева, С. В. Иванова; науч. ред. Э. И. Патмар]. Чебоксары, 2014. 505 с.

**SUBURBAN RURAL AREAS: DOES IT HAVE MORE FEATURES
IN COMMON WITH THE CITY OR WITH THE RURAL PERIPHERY?
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE CHUVASH REPUBLIC)**

A.S. Chuchkalov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail: chuchkalov_sashka@mail.ru

The article examines the local specifics of the rural areas of the suburban Cheboksary district of the Chuvash Republic – the region with a late onset of urbanization and an increased share of the rural population. Both quantitative statistical and qualitative sociological methods (field observations, in-depth and formal interviews) were used. As a result, suburban rural areas of several types were identified: “sanatorium-resort”, “agro-industrial”, “semi-industrial”, “residential suburban”, as well as “residential peripheral” settlements without agricultural enterprises with a lifestyle of the population close to the traditional rural one. It is concluded that the traditional division of the population into “urban” and “rural” does not take into account the distinct specifics of the population of a suburban area participating in various types of rural-urban interactions.

Keywords: rural area; suburban area; rural functions; rural settlement; Chuvashia.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗОН ВЛИЯНИЯ УРАЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (ПО ДАННЫМ ПРОФИЛЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ «ВКОНТАКТЕ»)¹

К.А. Чернышев

*Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия, e-mail: kochern@rambler.ru*

В статье определены зоны влияния городов– центров высшей школы в субъектах РФ, относящихся к Уральскому экономическому району и федеральному округу. Используются данные, которые указывают в своих профилях пользователи сети «ВКонтакте», роившиеся или закончившие школы на Урале. В результате исследования на Урале выявлены центры высшей школы регионального, межрайонного, локального уровней, определены муниципалитеты, тяготеющие к центрам в других субъектах РФ.

Ключевые слова: Урал; «ВКонтакте»; высшее образование; узловое районирование; миграции

Постановка проблемы. Научные исследования Михаила Дмитриевича Шарыгина охватывали различные вопросы социально-экономической географии и смежных наук. Одним из главных направлений его научной деятельности было осуществление дробного экономического районирования, а основным территориальным объектом исследований, начиная с 1970-х гг., стали регионы Урала [7]. Дробное районирование предполагает разделение регионов на территории, более крупные, чем административные районы. В процессе районирования выявляются районы, возникающие в ходе объективного процесса районообразования.

Один из видов географических районов – узловой возникает вследствие пространственного размежевания сфер однохарактерной деятельности между аналогичными по статусу объектами. Границы такого района проводятся там, где связи с собственным центром становятся слабее чем с соседним [5]. Примером узлового районирования является разделение пространства между зонами влияния городов – центров высшей школы, которое, на материале Урала, рассматривается в данной работе. Макрорегион рассматривается в исследовании в границах Уральского экономического района и федерального округа.

Методы и источники данных. Источником информации, используемом в данной работе, выступила выгрузка открытых профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте» по вузам России (февраль 2022 г.). Итоговая база охватила 3,656 млн. уникальных пользователей «ВКонтакте», из которых указавших рождение или окончание школы в регионах Урала было 578,3 тыс. чел. [6].

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00766, <https://rscf.ru/project/22-28-00766/>

© К.А. Чернышев, 2023

Муниципалитет выхода пользователей определялся на основе информации, указанной пользователем при регистрации в поле «родной населённый пункт» («home_city»), а при отсутствии или скрытии этого поля настройками – по информации в поле «школа», которую окончил пользователь («school_city»). Информация пользователей о «родном» населённом пункте привязывалась к конкретным муниципальным образованиям на основании набора данных платформы ИНИД (инфраструктура научно-исследовательских данных) «Населенные пункты России: численность населения и географические координаты».¹

Город-центр получения высшего образования выявлялось на основе записи в поле «город вуза» («universities_city»). Поскольку целью было установление зон влияния центров, то не имело значение работает или нет в настоящий момент высшее учебное заведение. Исключены данные пользователей младше 17 лет, пользователей, по профилю которых нельзя выяснить место рождения (или окончания школы) и вуз (филиал вуза). В качестве городов – центров высшей школы учитывались города, вузы которых в поле «univ_city_name» указало не менее 300 пользователей «ВКонтакте». Данные собирались при помощи Платформы по сбору и обработке данных социальных сетей Университетского консорциума исследователей больших данных Томского государственного университета. Территориальными единицами исследования выступили муниципальные образования второго уровня уральских субъектов.

Результаты. Известные сетки регионализации Урала осуществлялись в работах, как посвящённых только к данному макрорегиону, так и охватывавших всю территорию страны. Помимо того, осуществлялось районирование отдельных областей и республик Урала. Обзор наиболее известных сеток районирования Урала представлен в таблице.

Рассматривались зоны влияния 48 уральских центров высшей школы, из которых для 40 городов являются основным центром получения высшего образования хотя бы в одном муниципальном (городском) округе или районе, т.е. выполняет районообразующие функции (рис.). При этом 8 городов – центров областей, республик, края – можно рассматривать как центры высшей школы регионального уровня.

¹Населенные пункты России: численность населения и географические координаты. Электронный ресурс:<http://data-in.ru/data-catalog/datasets/160/> (дата обращения 24.06.2022)

Варианты регионализации уральских субъектов РФ

	Комар И.В.	Анимица Е.Г., Ратнер Н.М., Ша- рыгин М.Д.	Лейзерович Е.Е.	Шарыгин М.Д., Бурьян А.П., Анимица Е.Г.
Башкортостан	3-4	10	8	8
Курганская область	1	4	4	4
Оренбургская область	3	6	9	3
Пермский край	4	12	11	8
Свердловская область	3	13	12	7
Тюменская область с окру- гами	3	–	9	–
Удмуртская республика	2-3	4	5	2
Челябинская область	3	6	7	5

Составлено автором по данным ист. [1, 2, 3, 4, 8]

Наибольшее число центров высшей школы имеется в Челябинской области. Помимо Челябинска, важным центром является Магнитогорск, который рассматривается нами как межрайонный центр, к которому тяготеет 6 муниципальных образований. В регионе также имеется 7 локальных центров высшей школы, обучение в которых указывает большинство пользователей, родившихся или закончивших школы в данных городах или соседних 1-2 районах.

В Башкортостане, помимо Уфы, имеется ещё 5 локальных центров с районобразующими функциями.

В Пермском крае, Тюменской области (без ХМАО–Югры и ЯНАО) и Удмуртии, помимо главных городов, выявлено по 2 локальных центра. В Свердловской области имеется 1 региональный (Екатеринбург) и 1 межрайонный центр (Нижний Тагил). В Курганской области, кроме областного центра, имеется 1 межрайонный центр – Шадринск.

В Ханты-Мансийском АО–Югре имеется 5 локальных центров, а в Ямало-Ненецком – 4.

Большинство пользователей «ВКонтакте» – уроженцев Оренбургской области указывают получение высшего образование в Оренбурге, а также Орске (межрайонный центр). Большинство пользователей из Бузулука обучались в своём городе, а 3 близлежащих районов – в Самаре (ПФО).

Выявлены и иные примеры уральских муниципалитетов, тяготеющих к центрам высшей школы за границами родных регионов. В первую очередь – это ряд районов ХМАО–Югры и ЯНАО, выходцы из которых предпочитают получать высшее образование в Тюмени.

Рис. Зоны влияния уральских центров высшей школы

Уроженцы и выпускники школ Октябрьского и Советского районов ХМАО–Югры в качестве центра высшей школы в большинстве случаев выбирают Екатеринбург. В Курганской области выходцы из западных районов чаще получают высшее образование в более близком Челябинске, а Катайского района – в Екатеринбурге. Тугулымский округ Свердловской области, судя по профилям пользователей «ВКонтакте» тяготеет к вузам Тюмени.

Выводы. В результате исследования мы можем определить:

1) данные, извлекаемые из профилей пользователей социальных сетей, являются интересным, независимым от государства, источником информации, который можно использовать, по мимо прочего, для изучения миграции населения, осуществления районирования;

2) иерархия городов-центров высшего образования, расположенных в пределах крупных макрорегионов, может включать три уровня. Первый уровень – региональные столицы, второй – межрайонные центры, к которым относятся города, зоны влияния которых включают муниципалитет, где расположены учреждения высшего образования, и несколько соседних районов (округов), третий – локальные центры, обучение в вузах которых указывает большинство выходцев из «своего» муниципалитета и, возможно, одного соседнего района;

3) зоны влияния региональных центров высшей школы Урала в большинстве случаев соответствуют границам субъектов РФ, зоны влияния межрегиональных и локальных центров слабо соответствуют ранее описанным экономическим микрорайонам и локальным системам расселения.

Библиографический список

1. Анимидца Е.Г., Ратнер Н.М., Шарыгин М.Д. Уральский регион: социально-экономическое развитие: географический аспект. Свердловск: Ин-т экономики Урал. отд-ние АН СССР, 1992. 121 с.
2. Комар И.В. География хозяйства Урала: порайонная экономико-географическая характеристика. Москва: Наука, 1964. 395 с.
3. Комар И.В. Урал: экономико-географическая характеристика. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 367 с.
4. Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. № 4 (30). С. 14–28.
5. Родоман Б.Б. узловые районы Вопросы географии. 1971. № 88. С. 97–118.
6. Чернышев К.А. Регионализация образовательного пространства России (на основе изучения цифровых следов мигрантов). Отчет о НИР № 22-28-00766. Российский научный фонд. 2022.
7. Шарыгин М.Д. Проблемы дробного экономического районирования и развития локальных территориально-производственных комплексов (на примере Уральского экономического района). Автореф. дисс. ... док. геогр. наук / 25.0024. Москва: МГУ, 1979. 39 с.
8. Шарыгин М.Д. Уральский регион: (пространственный анализ и диагностика социально-экономического развития). Пермь: Западно-Уральский ин-т экономики и права, 2008. 274 с.

DETERMINATION OF ZONES OF INFLUENCE OF URAL HIGHER SCHOOL CENTERS (BASED ON VKONTAKTE USER PROFILES)

K. A. Chernyshev

The Institute of Demographic Research is a separate division of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,

Russian Economic University named after. G.V. Plekhanov

Moscow, Russia, e-mail: kochern@rambler.ru

The article defines the zones of influence of cities-centers of higher education in the constituent entities of the Russian Federation belonging to the Ural economic region and the federal district. We used the data indicated in their profiles by users of the VKontakte network who lived in or graduated from schools in the Urals. As a result of the study, centers of higher education at the regional, interdistrict, and local levels were identified in the Urals, and municipalities were identified that gravitate toward centers in other constituent entities of the Russian Federation.

Key words: Ural; "In contact with"; higher education; nodal zoning; migration

ПРОСТРАНСТВЕННО-ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

М.В. Гудковских^а, Н. С. Кривощёков^б

^а Тюменский государственный университет, Тюмень Россия

^б Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь Россия, e-mail:aconcaga@yandex.ru

В статье представлен анализ пространственных и отраслевых особенностей функционирования туристской деятельности в Тюменской области. Исследование базируется на анализе показателей оценки туристско-рекреационного потенциала и туристского потока в регионе. Используется метод дробного районирования. Отражены отличительные признаки районирования: природная зональность, бассейновость. В результате представлена схема отраслевого туристско-рекреационного районирования с 4 мезорайонами, которые обладают специфическими чертами развития туристской индустрии.

Ключевые слова: туристское районирование, пространственное планирование, туризм, рекреация, Тюменская область.

Постановка проблемы. В России отмечается беспрецедентный рост внутреннего туристского потока в последние несколько лет (общий поток внутреннего туризма составил в 2022 г. – 141,2 млн. поездок [5], что способствует планомерному развитию туристского сектора экономики регионов. Осуществляется государственная программа грантовой поддержки в том числе и региональных туроператоров, и предпринимателей. Тюменская область относится к нетуристским территориям в классическом понимании, обширные плоские низменные ландшафты не способствовали развитию активных форм природноориентированного туризма. Тем не менее, регион демонстрирует высокие показатели развития внутреннего туризма. Общий туристский поток в Тюменской области демонстрирует стабильный рост, исключая падение в период валютного кризиса 2014-2015 гг. и ковидных ограничений в 2020-2021 гг. (рис.).

Одновременно с ростом внутреннего туризма возникает обострение конкуренции среди регионов РФ. Эффективное развитие туризма можно обеспечить организованным и научно-обоснованным подходом территориального планирования и развития туристской деятельности.

При разработке документов обоснования схемы территориального планирования Тюменской области от 08 июля 2022 г. № 496-п в разделе «Рекреационно-туристический потенциал» не применялись научные подходы оценки рекреационного потенциала и обоснованного выделения туристско-рекреационных районов [6].

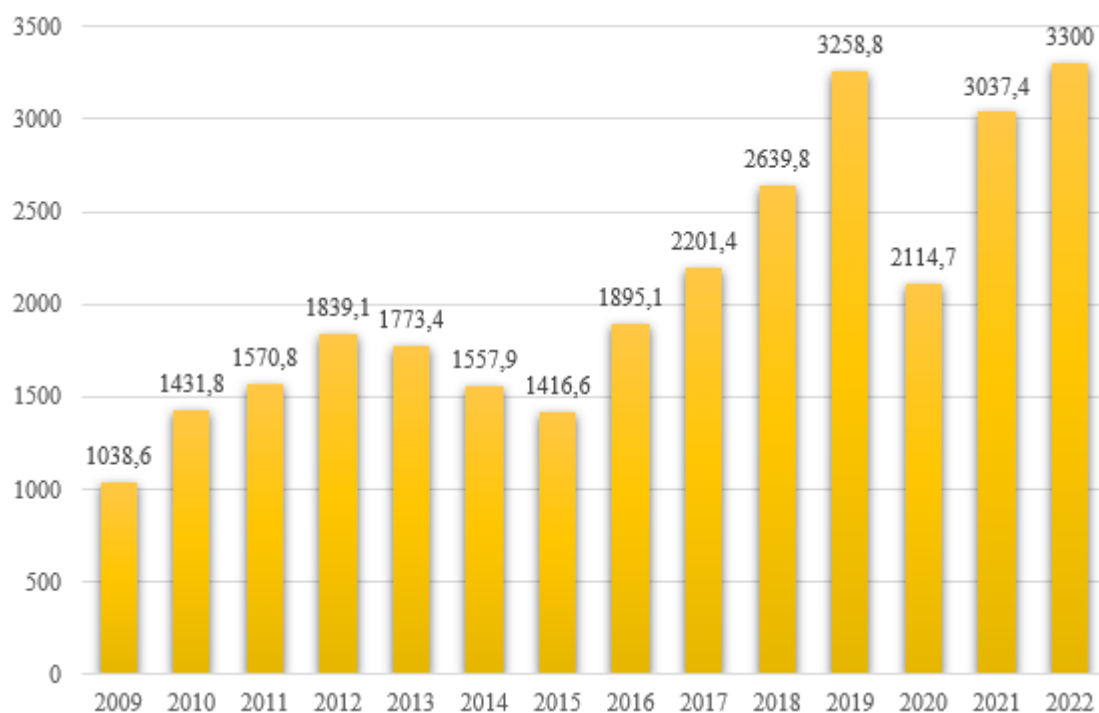

Рис. Динамика общего туристского потока в Тюменской области тыс. поездок. [4,7,8].

Методы и источники данных. Логическим продолжением систематизации пространственных закономерностей развития туризма в регионе после оценки комплексного туристско-рекреационного потенциала (ТРП) [2], стала процедура членения территории Тюменской области на туристские районы, обладающие относительной однородностью районообразующих признаков.

Практическое обоснование процессов формирования и развития микрорайонов значительно обогащает механизмы региональной организации общества и местного самоуправления, научного обоснования программ развития муниципальных образований [9].

Отраслевое туристское районирование территории Тюменской области опирается на поэтапный территориально-структурный подход по иерархичному пути, так называемое районирование «сверху» и «снизу» [1]. Первоначально изучались объективно существующие районы, начиная от макроуровня. Предварительный этап исследования касался расчета интегрального показателя туристско-рекреационного потенциала, при котором синтезировался объемный массив данных на уровне муниципальных образований [2]. Затем проводилась работа по выявлению специфики пространственных закономерностей развития туризма с позиции центр-периферийной концепции, где выделялись ядра туристско-рекреационного тяготения – существующие туристские центры [3]. В местах наибольшего ослабления связей периферии с центром проводились границы, конечным этапом районирования являлась детальная характеристика выделенных районов с описанием функционально-отраслевой специализации.

Общепринятые принципы туристско-рекреационного районирования: целостность, объективность, функциональная специализация, наличие центра или тяготение к ядрам, укладываются в предложенную схему районирования.

Выделяются и отличительные принципы туристско-рекреационного районирования Тюменской области. Принцип широтной зональности ярко прослеживается, благодаря большому охвату территории и равнинности рельефа, смена классических ландшафтных подзон наблюдается в выделении районов. Вследствие большой протяженности территории с севера на юг происходят изменения природных характеристик, формируются ландшафтные подзоны от средней тайги на севере до лесостепи на юге, которые формируют различия в ландшафтно-пейзажных комплексах.

Принцип бассейновости предполагает обособление районов, учитывая пространственный облик бассейнов главных рек. Названия практически всех районов, кроме южного, связаны с речными бассейнами. Водные объекты особенно среди равнинного рельефа, чрезвычайно важны, фактически все главные природные туристские достопримечательности связаны с реками и озерами.

Принцип социально-экономического подхода к выбору границ районов основан на оптимально удобном варианте для исследователей, организаторов отдыха и потребителей. Территориальная организация туризма ориентируется на систему административно-территориальных единиц. Принцип интегральности районирования заключается в необходимости объединить приемы членения территории, согласно существующим географическим правилам, то есть создание варианта природно-общественного районирования, основываясь на многогранной сущности туристско-рекреационной деятельности. Являясь, по сути, вариантом отраслевого районирования, предложенная схема районирования отражает наличие комплексных (интегральных) свойств.

Результаты. Выделенные районы сопоставляются по уровню туристско-рекреационного потенциала, который позволяет четко выявить основные ядра и связывающие их линии (туристские центры и маршруты). Сочетание ряда признаков, по которым шло членение территории, представлены в таблице.

Иерархическая система туристско-рекреационного районирования включает 4-х мезорайона, представляющих группы административно-территориальных единиц. Границы районов проводились в основном по естественным рубежам, и в местах наименьшего тяготения периферии к центру выделенных районов. Большая часть границ проходит по речным водоразделам, самый южный район выделяется по доминированию озерных ландшафтов и слабой степени туристского освоения. Четкость границ районов обусловлена использованием границ административно-территориального деления.

Типологические признаки туристско-рекреационных районов Тюменской области

Район	Границы	Специализация района	Центр	Доля комплексного ТРП, %	Доля турпотока, %
Иртышский	р. Иртыш	П Р С Э	Тобольск	20,7	11,5
Туринско-Тобольский (Притоболье)	р. Тобол, р. Тура	Л П Д С Эт	Тюмень	50	83,4
Вагайско-Ишимский	р.Ишим, р. Вагай	Л П Э	Ишим	19,7	4,7
Озерный	озера, лесостепные ландшафты	Э	Казанское	9,6	0,3

Сокращения в таблице: П – познавательный, Л – лечебно-оздоровительный, в том числе детский туризм, Р – религиозный, Э – экологический, Эт – этнографический, Д – деловой, С – событийный, ТРП – туристско-рекреационный потенциал. Составлено авторами.

1. Туринско-Тобольский (Притоболье) район выделяется по бассейну реки Тобол и одного из крупнейших притоков Туры. Территория района простирается в пределах зоны подтайги с преобладанием сосновых и березово-осиновых лесов. На севере район захватывает зону южной тайги, а на юге – лесостепь. Притоболье включает Тюменский, Нижнетавдинский, Ярковский, Юргинский, Ялуторовский, Исетский, Упоровский муниципальные районы, Заводоуковский городской округ, города Тюмень, Ялуторовск. По площади занимает второе место 34 465,8 км², и сосредотачивает большую часть населения Тюменской области (1146171 человек, 74,3 % всех жителей).

2. Иртышский туристско-рекреационный район назван по бассейну реки, к которому относится его территория, включает Тобольский, Уватский, Вагайский районы и город Тобольск, практически полностью располагается в зоне южной тайги, за исключением малозаселенной северной части Уватского района, которая относится к средней тайге. Это самый крупный по площади район, охватывает территорию в 84 173,9 км², но здесь всего 161 тыс. чел. (10,5 % жителей региона), и плотность населения всего 1,9 чел/км².

3. Вагайско-Ишимский район расположен в южной части Тюменской области в зоне подтайги и лесостепи. Выделяется по бассейну рек Вагай и Ишим (притоки Иртыша), включает – Ишимский, Омутинский, Голышмановский, Абатский, Аромашевский, Сорокинский, Викуловский районы и г. Ишим. По площади район занимает 3 место – 28 425,9 км², население 185 тыс. чел.

4. Озерный район выделяется по обилию бессточных суффузионно-просадочных блюдцеобразных озер, которые являются природными доминантами в облике средней лесостепи. Район включает четыре муниципальных района – Армизонский, Бердюжский, Казанский, Сладковский, занимает окраинное положение, имеет небольшую площадь и население (13 055 км² и 50367 чел.). В районе отсутствуют города, развито сельское хозяйство. Центром района можно назвать

с. Казанское, здесь проходит трасса, которая связывает регион с Северо-Казахстанской областью Республики Казахстан.

Выводы. В Тюменской области отмечается несбалансированность соотношений туристско-рекреационного потенциала и реального спроса на туристские услуги. На треть столичный туристский район превышает исходные позиции в потенциале. Причины несинхронного развития можно связать с проявлением центр-периферийных законов, усилением поляризации. Отставание и значимые различия в региональном развитии проявляются из-за того, что менее развитые туристские районы слабо освоены, численность населения крайних южных и северных регионов чрезвычайно низкая. Районирование дает реальную основу для последующих исследований, в том числе совершенствования программ развития туристской деятельности путем активизации использования туристско-рекреационного потенциала.

Библиографический список

1. Воронин В.В. Экономическая, социальная и политическая география / В.В. Воронин, М.Д. Шарыгин. Самара. 2006. 392 с.
2. Гудковских М.В. Методика комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала // Географический вестник. 2017. № 1 (40). С. 102-116.
3. Гудковских, М.В. Пространственная структура туризма Тюменской области в контексте концепции центр–периферия / М.В. Гудковских, Д. А. Дири // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2023. Т. 87, № 1. С. 147-163. DOI 10.31857/S2587556623010077.
4. Оперативные данные ГАУ ТО «Агентство туризма и продвижения Тюменской области». Реестр КСР на 01.03.2023. Показатели туризма 2021-2022 (оценочные данные).
5. Официальная статистика. Оценка туристского потока. URL: <http://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 07.10. 2023).
6. Схема территориального планирования Тюменской области URL: https://admtymen.ru/ogv_ru/finance/town_planning/more.htm?id=11555726@cmsArticle (дата обращения: 07.10. 2023).
7. Туризм в Тюменской области (2009-2013): Стат. сб. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Т., 2014. 209 с.
8. Туризм в Тюменской области (2016-2020): Стат. сб. /Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу/ – Т., 2021.
9. Шарыгин, М. Д. Учение о дробном районировании: особенности эволюции и основные направления развития / М. Д. Шарыгин // Географический вестник. 2019. № 1(48). С. 25-32. DOI 10.17072/2079-7877-2019-1-25-32.

SPATIAL AND SECTORAL ASPECTS TOURISM ACTIVITIES IN THE TYUMEN REGION

M.V. Gudkovskikh^a, N.S. Krivoshchekov^b

*^aUniversity of Tyumen, Tyumen, ^bPerm State University,
Perm, Russia, e-mail: aconcagya@yandex.ru*

The article presents an analysis of the spatial and sectoral features of the functioning of tourist activity in the Tyumen region. The study is based on the analysis of indicators for assessing the tourist and recreational potential and tourist inbound arrivals and domestic trips in the region. The fractional regionalization (zoning) method is used. The distinctive features of zoning are reflected: latitudinal zonation, river basin. As a result, a scheme of sectoral tourist and recreational zoning with 4 regions is presented, which have specific features of the development of the tourist industry.

Keywords: touristic zoning, spatial planning, tourism, recreation, Tyumen region

Секция 6. Методические вопросы и инновационные технологии в географических исследованиях и образовании

УДК 911.3

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

В.И. Амельченко

Западно-Казахстанский университет им. М.Утемисова

Уральск, Республика Казакстан, ivan_avin@mail.ru

В статье рассматривается значение сформировавшейся отечественной системы научных экономико-географических понятий в развитии теории и методики исследования территориальных социально-эколого-экономических систем.

Ключевые слова: система научных географических понятий; территориально-производственный комплекс; кластер

Михаил Дмитриевич Шарыгин является достойным продолжателем научной школы Н.Н.Баранского и Н.Н. Колосовского, создавших районное направление в экономической географии. Разработанные этими учеными методы экономико-географического изучения регионов и проведенное под их руководством экономико – географическое районирование страны способствовало резкому поднятию её экономики. М.Д. Шарыгин продолжил развивать теорию и понятийный аппарат районной школы отечественной экономической географии, усилил системный подход в исследовании территориальной организации региона. Современное звучание в его работах получили такие понятия, как энерго-производственный цикл и территориально-производственный комплекс (ТПК). ТК традиционно рассматривается в качестве сложной системы, состоящей из таких элементов, как: территориальное сочетание природных ресурсов, экономико-географическое положение, население и хозяйство. ТК является организационным ядром экономического района. Если экономический район развивается, в его границах может быть сформирован ещё один ТК, который, возможно, станет организационным ядром нового экономического района. Если же в экономическом районе в результате каких-либо причин происходит разрушение ТК, в некоторых случаях это может привести к объединению данного экономического района с другим экономическим районом, ТК которого сохранило свою стабильность. ТК – это территориальная система, все элементы которой связаны между собой и образуют экономический симбиоз. Изучение территориальных комплексов, будь то производственные комплексы (ТПК), или природные комплексы (ПТК)

со всеми их взаимосвязями, Н.Н. Баранский называл игрой – аккордами в экономико-географическом исследовании. Аккорд – от позднелатинского «согласовываю», созвучие из нескольких разновысотных музыкальных звуков, в результате чего достигается гармония. Умение играть аккордами – это результат развития географического мышления. Географическое мышление является частью пространственного мышления и формируется при помощи понятий и языка. То есть, при помощи системы научных географических понятий и языка географической карты – один из четырёх мировых языков, к которым так же относятся язык жестов, язык музыкальной грамоты и язык математических формул. Впервые в мире системное изучение территории было положено М. В. Ломоносовым, который ввёл сам термин «экономическая география», развитие его идей было продолжено отечественными географами, среди которых большой вклад в районную школу экономической географии внесли Н.Н. Баранский,

В настоящее время в российской географии имеется хорошая база для региональных исследований – создана система научных экономико-географических понятий. Однако, в общественное информационное поле для характеристики экономико-географических явлений активно вторгаются чужеродные понятия, наиболее часто используется такое понятие, как кластер. Замену отечественной системы научных понятий на чужеродную систему во второй половине XX в. уже испытала советская генетическая наука. До 40-х гг. прошлого века отечественная генетика намного опережала развитие генетической науки в других странах мира, поэтому генетики всего мира в своих трудах использовали русские термины. Однако, после трагических событий в СССР в 40-х гг. и гибели Н.И. Вавилова, отечественная генетика резко отстала от развития мировой генетики и русские термины в научных трудах генетиков всего мира были заменены на английские термины.

Обычно новые термины вводят в уже созданную систему научных понятий в том случае, если эти термины имеют новое содержание. В настоящее время экономисты и некоторые географы используют английское слово «кластер», под которым понимается объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определёнными свойствами. Этот термин этимологически близок к более привычному для нас латинскому слову – кляссер, которым называют альбом с кармашками, в которые дошкольники, вставляя буквы, составляют слова. В чисто английском значении слово «кластер» дублирует уже имеющееся в отечественной науке понятие «отрасль». Но экономисты, градостроители и некоторые другие специалисты под кластером понимают территориальную систему взаимосвязанных элементов, то есть то же самое, что определяется уже используемыми терминами «территориальный комплекс», «узел» «центр», «городской район», «функциональная зона».

Вытеснение из понятийного аппарата отечественных терминов связано с тем, что у данных специалистов нет информации о понятийном аппарате отечественных экономико-географов. Поэтому экономико-географам необходимо принимать более активное участие в развитии географического мышления у своих граждан, в формировании у них системы научных географических понятий. В противном случае географы начнут играть диссонирующими кластерными аккордами, которые получаются ударом кулаком по клавишам.

Библиографический список

1. Баранский Н.Н. Избранные труды. Научные проблемы географии. – М.: Мысль, 1980.
2. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования, М., 1969.
3. Субботина Т.В., Шарыгин М.Д. Территориальные социальные эколого-экономические системы: монография /Т.В. Субботина, М.Д. Шарыгин; "Перм. гос. ун-т". Пермь, 2011, 260 с.

THE IMPORTANCE OF CONCEPTUAL APPARATUS IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL GEOGRAPHY

Amelchenko V.I.

*West Kazakhstan University named after. M. Utemisova
Uralsk, Republic of Kazakhstan, ivan_avin@mail.ru*

The article examines the significance of the formed domestic system of scientific economic-geographical concepts in the development of the theory and methodology for studying territorial socio-ecological-economic systems.

Key words: system of scientific geographical concepts, territorial production complex, cluster

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЖИМАЮЩИХСЯ ГОРОДОВ: НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В.А. Ефремова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Москва, Россия

e-mail: vaefremova@gmail.com

В статье представлен обзор основных тенденций в современной практике исследования сжимающихся городов с использованием методов библиометрического анализа. Рассмотрены динамика числа публикаций по годам, роль отдельных стран, организаций, дана оценка частоты употребления определенных ключевых слов. Классификация статей по тематике выполнена с использованием программы VOSviewer. В результате исследования показано, что исследование сжимающихся городов является развивающимся междисциплинарным научным направлением. В качестве основных исследовательских вопросов отмечены проблемы выделения сжимающихся городов, планирование и управление социально-экономическим и территориальным развитием городов с учетом тенденций сокращения населения, градостроительные механизмы реновации пустующих территорий.

Ключевые слова: сжимающиеся города; демографическая динамика; убыль населения; библиометрический анализ.

Постановка проблемы. Вопросы изучения нисходящих тенденций в динамике развития городов получили широкое отражение в зарубежных исследованиях. Для обозначения городов с выраженной убылью населения предложен термин «сжимающиеся города» (англ. *shrinking cities*) [2].

Сжимающиеся города представлены во многих странах мира, однако внимание к этой теме в академических исследованиях и управленческой практике значительно различается по регионам. В работе проведен обзор тематики, методов исследования по материалам статей в журналах, индексируемых базой Scopus.

Методы и источники информации. Для характеристики основных тенденций современных исследований сжимающихся городов был выполнен библиометрический анализ. Подобные обзоры, предполагающие использование количественных методов для выявления особенностей массива публикаций, проводятся во многих направлениях исследований (в частности, анализ литературы по теме сжимающихся городов представлен в работах [1, 3]). Существует ряд программных инструментов для визуализации взаимосвязей между исследовательскими организациями, авторами, ключевыми словами в форме сетевых диаграмм.

Массив статей для анализа подготовлен с помощью поискового запроса в реферативной базе рецензируемых научных публикаций «Scopus» 1 сентября 2022 г. Были отобраны статьи в академических журналах, содержащие в заголовке или ключевых словах термины «*shrinking city/cities*», «*urban shrinkage*».

Результаты. В обзоре рассмотрено 485 статей, опубликованных с 2004 г. Наблюдается постоянный рост числа статей (рис. 1), особенно значительный в 2016 г., когда были опубликованы статьи по завершённым к этому периоду проектам «Shrink Smart: The governance of shrinkage within European context» (2009-2012), «Cities Regrowing Smaller» (2009-2013). В настоящее время ежегодно публикуется около 60 статей по данной тематике.

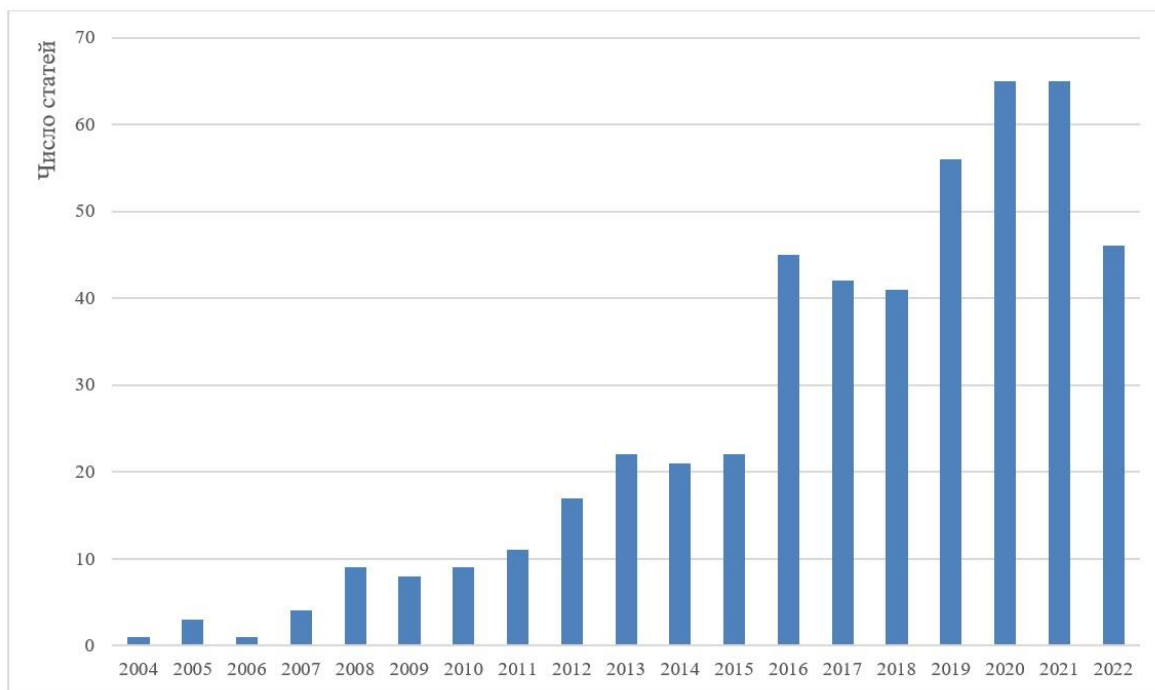

Рис. 1. Динамика числа публикаций, посвященных убывающим городам.
Составлено автором по материалам реферативной базы Scopus.

Большинство рассматриваемых статей подготовлено авторами из США (28,3%), Китая (17%), Германии (14,8%), Великобритании (9,2%), Франции (7,4%), Японии (4,9%), Нидерландов (3,7%), Республики Корея (3,5%), Польши, Канады и Италии (по 3,3%). Авторы из России участвовали в подготовке 6 статей (1,2%) по данной тематике, реферируемых базой Scopus. В 2000-е гг. большинство статей было опубликовано авторами из стран Европы, в первую очередь, Германии, а также Великобритании, Франции, Нидерландов. В 2010-е гг. увеличивается вклад исследователей из США, в 2020-е гг. – авторов из стран Азии, прежде всего, Китая.

Ведущим научным центром по изучению данной тематики является Центр изучения окружающей среды (Helmholtz-Zentrum für Umweltforschung) в Лейпциге, также выделяются Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Технический университет Кайзерслаутерна в Германии, Университет Тафтса и Университет штата Огайо в США. Многие из научных центров в Германии, Великобритании, США, специализирующиеся на данной теме, расположены в городах и регионах с выраженной убылью населения.

По степени изученности городского сжатия выделяются урбанистические системы США (112 статей), Китая (78), Германии (57), Японии (35), Великобритании (14), Франции (16). Данная проблематика рассматривается на разных масштабных уровнях – страновом, региональном, локальном. В США к наиболее изученным городам относятся Детройт, Кливленд, Буффало, Флинт. В Германии ярким примером сжимающегося города является Лейпциг, в Великобритании – Ливерпуль, во Франции – Сент-Этьен. Среди городов Восточной Европы в качестве примеров часто упоминаются Острава в Чехии, Лодзь и Валбжих в Польше. В Китае данная тема рассматривается преимущественно на страновом уровне, в качестве примеров наиболее изученных регионов можно отметить провинции Гуандун и Хэйлунцзян.

Распространенным сюжетом статей является сравнительный анализ развития городов в разных странах. Часто сопоставляются особенности динамики городов и управленческой практики в США, Японии и Германии. США рассматриваются как пример страны, где в практике городского планирования применяются рыночные принципы. Германия – как пример системы планирования со значимой ролью регионального и муниципального самоуправления и особым вниманием к социальным вопросам, а Япония – как пример централизованной системы планирования, где ключевые решения принимаются верхними уровнями власти.

Классификация статей по тематике выполнена с использованием программы для анализа библиографической информации VOSviewer [4], разработанной в Лейденском университете (Нидерланды). Программа позволяет оценить частоту употребления различных слов в заглавии и аннотации статей, построить диаграммы, отражающие связи между используемыми словами, выделить тематические кластеры. На основе частоты употребления слов в заглавиях и аннотациях статей выделены три направления исследований (рис. 2).

Первая группа включает такие понятия и термина как «сокращение населения», «идентификация», «индикатор», «типология», «пространственное распределение». Данное направление рассматривает сжимающиеся города в масштабе страны и фокусируется на подходах к их выделению, классификации траекторий динамики, выявлении географических особенностей распределения. В региональном отношении по представленности подобных тем выделяются работы о Китае.

Исследования, представленные в статьях второй группы, используют понятия «городская политика», «дискурс», «концепция», «дискуссия», «актор». В изучении сжимающихся городов значительное внимание уделяется вопросам городского планирования, взаимодействию различных заинтересованных сторон, проблемам учета убыли как устойчивой тенденции развития города. В региональном

Библиографический список

1. Döringer S., Uchiyama Y., Penker M., Kohsaka R. A meta-analysis of shrinking cities in Europe and Japan. Towards an integrative research agenda // *European Planning Studies*. 2020. Vol. 28. №. 9. Pp. 1693-1712. DOI: 10.1080/09654313.2019.1604635.
2. Haase A., Rink D., Grossmann K., Bernt M., Mykhnenko V. Conceptualizing urban shrinkage // *Environment and Planning A*. 2014. Vol. 46. №. 7. C. 1519-1534. DOI: 10.1068/a46269.
3. Morel-Doridat F., Hamez G. La recherche scientifique sur les shrinking cities: apport de la bibliométrie // *Cybergeo : European Journal of Geography [Online]* 2019. DOI: 10.4000/CYBERGEO.32354.
4. Van Eck N.J., Waltman L. Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping // *Scientometrics*. 2010. Vol. 84. № 2. Pp. 523-538. DOI: 10.1007/s11192-009-0146-3.

APPROACHES TO STUDYING SHRINKING CITIES: RESEARCH FIELDS AND THEIR INTERACTION

V. A. Efremova

Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail: vaefremova@gmail.com

The article provides an overview of the research area of shrinking cities using bibliometric analysis methods. The dynamics of the number of publications by year, the role of some countries, organizations, authors are considered, the frequency of use of certain keywords is assessed. Classification of articles by topic was carried out performed using the VOSviewer program. The study shows that the research of shrinking cities is a dynamically developing interdisciplinary scientific area. The main research questions are the problems of identifying shrinking cities, planning and governance of socio-economic and territorial development, urban planning mechanisms for the renovation of vacant territories.

Keywords: shrinking cities; demographic dynamics; population decline; bibliometric analysis.

КОМПЛЕКСНОЕ ТЕМАТИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ВЕРЕЩАГИНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА ПЕРМСКОГО КРАЯ: ПОДХОДЫ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

И.М. Мальцев, С.В. Копытов

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, e-mail: ilya08392@mail.ru*

В статье представлены промежуточные результаты проектирования серии согласованных карт для атласной информационной системы Верещагинского городского округа Пермского края. Рассматриваются источники данных, методика, содержание природных и социально-экономических карт, а также приемы создания геоизображений с использованием ГИС.

Ключевые слова: карты природы, социально-экономические карты; источники пространственных данных; атласные информационные системы

Постановка проблемы. В настоящее время отмечается рост изданий разнообразных географических атласов: разрабатываются и издаются национальные атласы, атласы макрорегионов и административно-территориальных образований общегеографического, тематического и комплексного характера, в т.ч. в рамках актуализации пространственной информации ранее опубликованной картографической продукции. Кроме традиционной («бумажной»), активно развивается электронная атласная картография на базе геоинформационных систем и Web-технологий. Сегодня «электронные атласы» становятся одной из распространённых форм хранения, обработки и представления информации. При этом по уровню интерактивности и аналитическим возможностям выделяют визуализирующие, интерактивные и аналитические атласные информационные системы.

Практически полностью отсутствуют атласы и атласные информационные системы научно-справочного и учебно-краеведческого типа муниципальных образований (районов, округов). В этом отношении Верещагинский городской округ (ВГО) Пермского края не является исключением.

Методы и источники данных. Карты природы в составе атласа построены на основе цифровой модели рельефа (ЦМР) Copernicus DEM [4], при оформлении изображений также использована отмывка. Основным источником геологической информации послужили материалы комплекта Государственной геологической карты ВСЕГЕИ им. А.П. Карпинского [2]. Климатический раздел основан на растровых данных с портала WorldClim 2.0 [6]. Часть данных основывалась на других фондовых материалах.

Динамичный характер социально-экономических показателей обуславливает необходимость их постоянного обновления, в результате чего информация

десятилетней – пятилетней давности считается устаревшей. Однако доступность открытых данных в пределах городского округа ограничена, а многочисленные показатели, относящиеся к уже бывшим сельским поселениям, либо отсутствуют, либо недоступны для общественности. Детальные данные размещены на сайте пермского отделения Росстата во вкладке паспортов муниципальных образований [5]. Часть статистических материалов получена по результатам запроса в Пермьстат. Некоторые экономические показатели были получены с официального сайта ВГО [3]. Для построения карт использованы статистические данные на 2019 г.

Результаты. В составе 25 карт природы имеются следующие разделы: общегеографический, геологический, геоморфологический, климатический, гидрологический, почвенный, растительность, природные комплексы. Геоизображения снабжены иллюстративным материалом в виде схем и фотографий.

Например, геоморфологический раздел включает в себя карты генетических типов рельефа, расчленённости (рис. 1), длины и крутизны склонов. Геоморфологические элементы (генетические типы рельефа) были выделены на основе комплекта Госгеолкарты и ЦМР. Карты расчленённости рельефа дополнены фотографией Верещагинско-Васильевских увалов (пригород г. Верещагино).

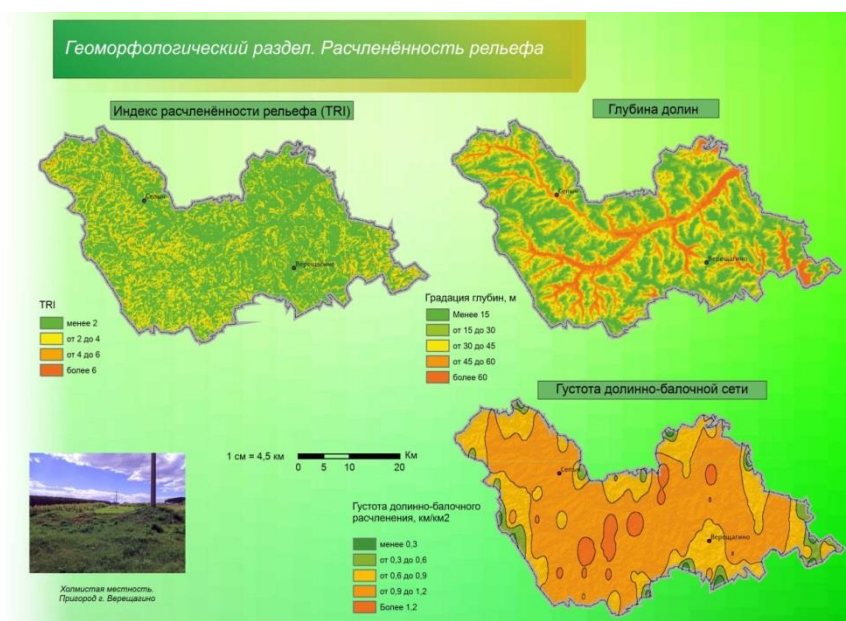

Рис. 1. Расчленённость рельефа Верещагинского городского округа

Разработано содержание социально-экономической части атласа. Ведется его наполнение по 4 разделам: население (карты численности населения, механического и естественного движения населения (рождаемости и смертности)); экономика (карты структуры занятости населения, инвестиций в основной капитал, состояния местного бюджета, количества объектов розничной торговли и общественного питания); транспорта (карты железнодорожной и автомобильной

сети); социальной сферы (карты оснащенности медицинскими и профилактическими учреждениями, учебных заведений, количества учащихся в общеобразовательных учреждениях), культуры и истории (карты количества культурно-досуговых учреждений, историко-культурных комплексов, исчезнувших деревень).

Карта численности населения (рис. 2) отражает два ключевых показателя – плотность населения и общую численность жителей. На карте хорошо видно, что самым густонаселенным поселением является Верещагинское, что обусловлено его относительно компактной территорией и значительной численностью населения. За ним по плотности населения следует Зюкайское сельское поселение, что также свидетельствует о развитости района. Западная часть округа также отличаются значительной плотностью населения, что обусловлено обширностью их территории и наличием относительно крупных населенных пунктов. Бородульское, напротив, отстает по уровню развития, что объясняется, прежде всего, его обширной территорией при минимальной численности населения.

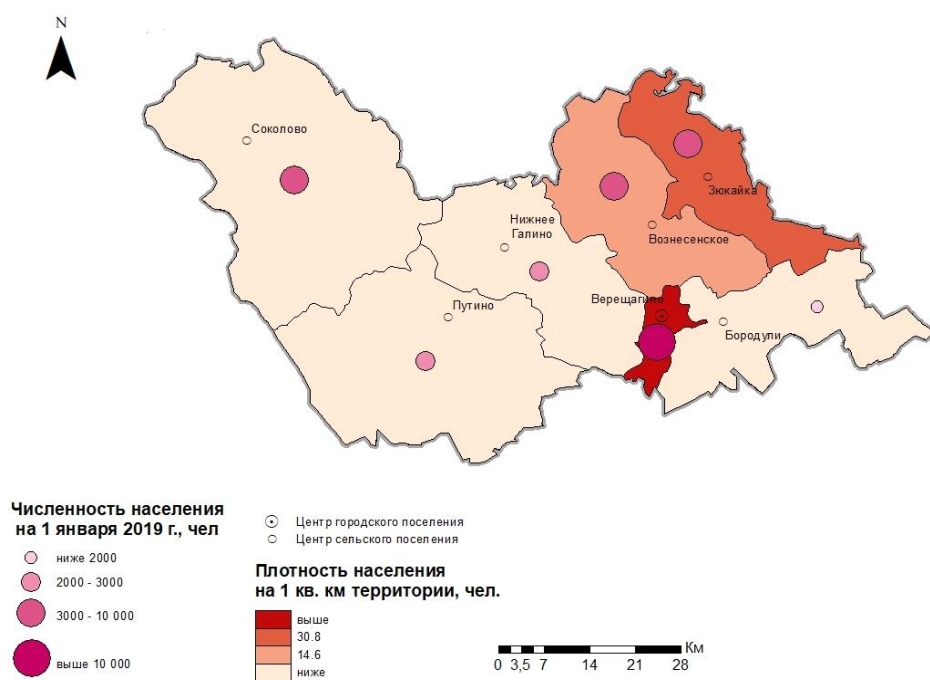

Рис. 2. Численность населения Верещагинского городского округа (по данным Пермьстата на 01.01.2019 г., составлено авторами статьи)

Примечательным результатом данного исследования является карта естественного движения населения (рис. 3), которое рассчитывалось по бывшим сельским поселениям в расчете на 1000 человек. На карте отчетливо видно снижение численности населения в восточных поселениях (Вознесенском, Зюкайском и Бородульском). В западных поселениях (Нижнегалинском, Верещагинском, Путинском, Сепычевском и Соколовском), напротив, наблюдается положительный естественный прирост населения.

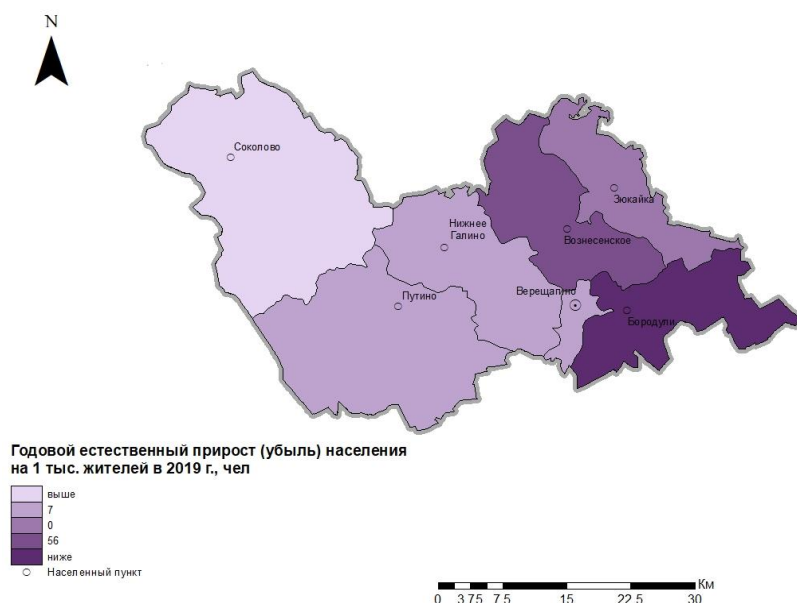

Рис. 3. Естественное движение населения Верещагинского городского округа (по данным Пермьстата на 01.01.2019 г., составлено авторами статьи)

Карта механического движения на 2019 г. (рис. 4) дает представление о миграционном приросте (убыли) населения. Данные свидетельствуют об оттоке населения, причем наиболее значительная миграция наблюдается в центральных поселениях, включая Верещагинское, Нижнегалинское и Вознесенское поселения. Напротив, в Путинском и Зюкайском поселениях наблюдается наименьший отток населения.

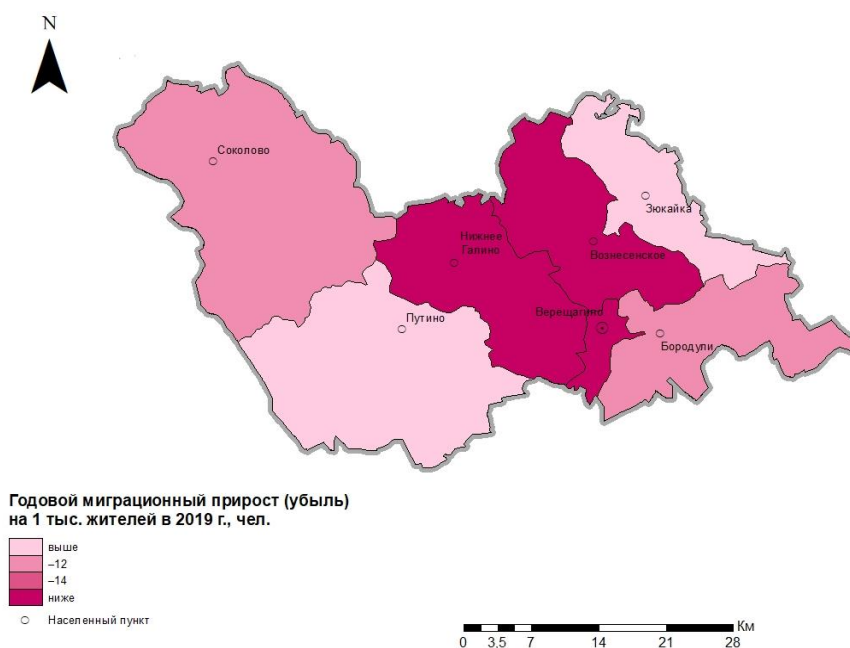

Рис. 4. Механическое движение Верещагинского городского округа (по данным Пермьстата на 01.01.2019 г., составлено авторами статьи)

Карта структуры занятости в экономике (рис. 5) отражает дифференциацию отраслей промышленности и сельского хозяйства в ВГО. В Верещагино развита обрабатывающая промышленность, включающая текстильную, деревообрабатывающую, сельскохозяйственную, стройматериалов, пищевую, бумажной продукции, машиностроение. Примечательно, что Зюкайка и Путино имеют схожую структуру занятости в экономике, характеризующуюся пищевой промышленностью, сельским хозяйством и деревообработкой.

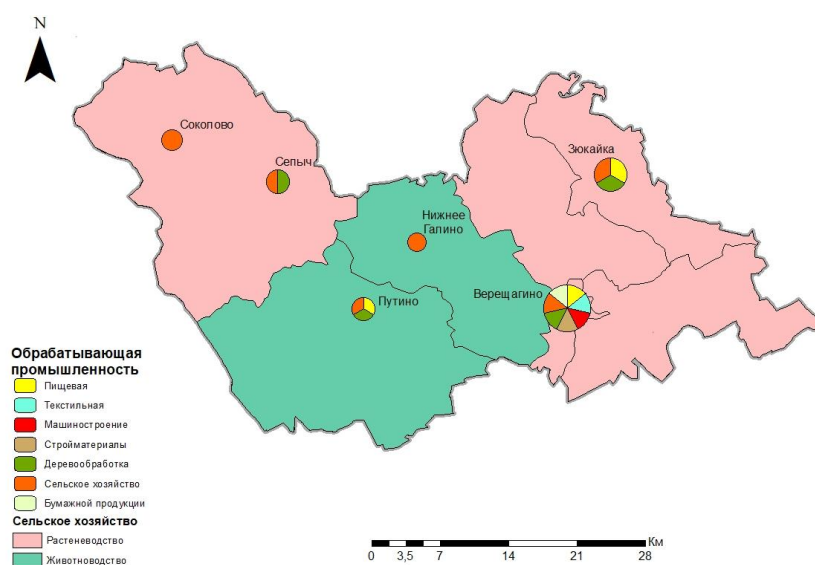

Рис. 5. Структура занятости в экономике Верещагинского городского округа (по данным Пермстата на 2019 г., составлено авторами статьи)

Выводы. Проведение комплексного тематического картографирования может являться одним из инструментов территориального планирования и управления в муниципальных образованиях, анализа текущей ситуации и прогноза на будущее. В планах на будущее – унификация стиля всех карт с помощью CorelDRAW и преобразование в PDF-файлы. Кроме того, изучается возможность использования веб-технологий: векторные и растровые слои предполагается разместить на геопортале. В настоящее время ведется работа по поиску подходящей платформы для этих целей. Веб-сервис станет образовательным ресурсом, который, возможно, будет способствовать развитию туризма и краеведения.

Библиографический список

1. Мальцев И. М. Природная часть атласа Верещагинского городского округа (Пермский край). // Географическое изучение территориальных систем. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. – С. 631–634.
2. Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского. URL: vsegei.ru/ru/ (дата обращения: 05.03.2022).
3. Верещагинский городской округ Пермского края. <https://veradmgo.ru/> (дата обращения: 25.10.2023).
4. Топографические данные и инструменты высокого разрешения. URL: opentopography.org/ (дата обращения: 25.04.2022).

5. Федеральная служба государственной статистики. Паспорт муниципального образования. URL: https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst57 (дата обращения: 20.10.2023).

6. Historical climate data. URL: worldclim.org/data/worldclim21.html (дата обращения: 05.03.2022).

COMPREHENSIVE MAPPING OF THE TERRITORY OF VERESHCHAGIN URBAN DISTRICT: APPROACHES AND PRELIMINARY RESULTS.

И. М. Maltsev, S. V. Kopytov

Perm State National Research University,

Perm, Russia, e-mail: ilya08392@mail.ru

The article presents the intermediate results of designing a series of coordinated maps for the atlas information system of Vereshchaginsky urban district of Perm Krai. Data sources, methodology, content of natural and socio-economic maps, as well as techniques of creating geo-images using GIS are considered.

Keywords: natural maps, socio-economic maps, spatial data sources, atlas information systems

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ АТТРАКТИВНОСТИ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

А.К. Нижникова

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
Калининград, Россия, e-mail: stasynizhnikova@gmail.com*

В статье определены особенности территориальной организации и аттрактивность туристско-рекреационных ресурсов российско-белорусского приграничья посредством контент-анализа. Актуальность изучения данной территории объясняется тем фактом, что Республика Беларусь уже долгое время остается надежным политическим партнером РФ. Автором были рассмотрены наиболее популярные туристские объекты, имеющие отзывы пользователей на двух популярных сервисах. Выделены типы и наиболее популярные туристские объекты. Результатом исследования стало выявление лидирующих и отстающих по уровню туристской аттрактивности муниципальных районов приграничья с помощью картографического метода.

Ключевые слова: туристско-рекреационная сфера; российско-белорусское приграничье; контент-анализ; туристские ресурсы.

Постановка проблемы. На фоне геополитической турбулентности активная интеграция России и Беларуси актуализировалась. Налаженное трансграничное сотрудничество двух стран сопровождается усилением конструктивных культурных и информационных связей и положительной динамикой экономического взаимодействия [1, с. 124].

Исследуемый регион – российско-белорусское приграничье (РБП) можно назвать ключевым элементом в реализации международных проектов и стратегий сотрудничества, обладающим уникальным межстоличным периферийным положением [6, с. 189]. В состав РБП входят территории Брянской, Витебской, Гомельской, Могилёвской, Псковской и Смоленской областей.

Одним из наиболее перспективных направлений развития сотрудничества в рамках Союзного государства считают туризм [5]. Направления стратегического планирования туристско-рекреационной сферы определяются, во многом, с учетом различий в степени обеспеченности туристскими ресурсами территории.

Цель данной статьи – определить особенности и уровень аттрактивности туристско-рекреационных ресурсов российско-белорусского приграничья посредством контент-анализа. На территории российско-белорусском приграничья располагается более 12 тысяч объектов культурного наследия [2; 8] и около 870 [3; 4] особо охраняемых природных территорий, которые могут потенциально являться туристскими объектами. Однако, лишь небольшая часть из них доступна и представляет интерес для туристов.

Методы и источники данных. В работе автором был использован метод контент-анализа и картографирования информации из общедоступных сервисов «Google Maps» [12] и «Яндекс Карты» [11]. Были проанализированы данные 908 туристских объектов на территории приграничья. В анализе не учитывались объекты, имеющие менее 30 отзывов. Отзывы считаются наиболее распространенной формой организации пользовательского контента [7, с. 51]. Отзыв сопровождается оценкой от 1 до 5. Обращаясь к отзывам, потенциальный турист воспринимает информацию с определенной степенью [10].

Google Maps и Яндекс Карты часто используются на туристских сервисах для отображения географического положения объекта. Выбранные площадки, в отличие от многих не подвержены существенной модерации отзывов заинтересованными лицами. Это важно для объективности результатов, поскольку зарубежные исследователи утверждают, что эффективных алгоритмов обнаружения ложных отзывов нет до сих пор – около 80% из них не могут быть корректно проанализированы [13, с. 8].

Результаты. Проведенный контент-анализ позволил выявить наиболее популярные туристские объекты, а также сравнить относительную туристскую аттрактивность регионов российско-белорусского приграничья. В таблице 1 приведены данные структуры туристско-рекреационных ресурсов российско-белорусского приграничья на период сентября 2023 года.

Таблица 1

Структура туристско-рекреационных ресурсов российско-белорусского приграничья, выявленных посредством контент-анализа, 2023 г.

Объекты Область	Достопримечательности		Музеи		Памятники		Парки		Религиозные объекты		Всего	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Брянская	17	8,6	17	11,5	36	17,6	22	16,9	26	11,4	118	13,0
Псковская	53	26,8	32	21,6	28	13,7	16	12,3	63	27,6	192	21,1
Смоленская	43	21,7	30	20,3	53	26,0	23	17,7	30	13,2	179	19,7
Витебская	36	18,2	35	23,6	36	17,6	23	17,7	47	20,6	177	19,5
Гомельская	23	11,6	18	12,2	24	11,8	23	17,7	26	11,4	114	12,6
Могилевская	26	13,1	16	10,8	27	13,2	23	17,7	36	15,8	128	14,1
Всего	198	100,0	148	100,0	204	100,0	130	100,0	228	100,0	908	100,0

Составлено автором по данным ист. [11; 12]

Больше всего объектов с отзывами пользователей выявлено в Псковской, Смоленской и Витебской областях, меньше всего – в Гомельской. В типовой структуре проанализированных туристских объектов преобладают религиозные объекты (храмы, монастыри, святые источники и т.д.) – около 25%, памятники (объекты, посвященные историческим событиям, личностям, эпохам и т.д.) – 22% и достопримечательности (архитектурные, градостроительные, археологические

культурные объекты) – 21%. Меньше всего на исследуемой территории находится музеев и парков – 16% и 14% соответственно.

Говоря о туристской привлекательности исследуемых объектов, стоит обратить внимание на их рейтинг (оценку пользователей, сопровождаемую отзывом). В работе был использован усредненный рейтинг туристского объекта. В результате расчетов, лишь 31 объекты получили оценку ниже «4», причем треть из них располагаются в Могилевской области (табл. 2). Более 64% всех туристских аттрактивов имеют рейтинг от 4,5 до 4,99, а наивысшую оценку получили 17 объектов.

Более 314 тысяч отзывов туристов и рекреантов было оставлено к туристско-рекреационным объектам российско-белорусского приграничья. Причем 29% отзывов относятся к объектам Псковской области, что может говорить о высоком уровне сформированности туристской дестинации относительно других областей приграничья. Среди объектов получивших наибольшее количество отзывов стоит выделить Псковский Кремль, Гомельский дворцово-парковый ансамбль, Лопатинский сад в Смоленске, Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь, Изборскую крепость, Площадь Победы в Витебске.

Таблица 2

Привлекательность туристско-рекреационных ресурсов российско-белорусского приграничья, выявленных посредством контент-анализа, 2023 г.

	Объектов с рейтингом				Всего отзывов
	5	4,5–4,99	4–4,49	менее 4	
Брянская	2	84	28	4	35613
Псковская	9	150	28	5	92618
Смоленская	4	135	38	2	53521
Витебская	1	99	74	3	49220
Гомельская	1	60	47	6	43144
Могилевская	0	60	57	11	40577
Всего	17	588	272	31	314693

Составлено автором по данным ист. [11; 12]

Проведенный контент-анализ позволил также выделить центры и периферийные туристские территории. На рисунке изображена карта территориальной организации аттрактивных туристско-рекреационных объектов российско-белорусского приграничья.

Темно-синим цветом выделены районы с большим количеством отзывов к туристским объектам (более 10000). К данной группе относятся городские округа: Псков, Смоленск, Гомель, Витебск, Брянск, Могилёв и Бобруйск, а также Пушкиногорский и Печорский муниципальные районы. Обратная ситуация наблюдается в районах, выделенных серым и бледно-голубым цветом. В 24 муниципальных районах приграничья отсутствуют туристские объекты, соответствующие требованиям использованной методики исследования.

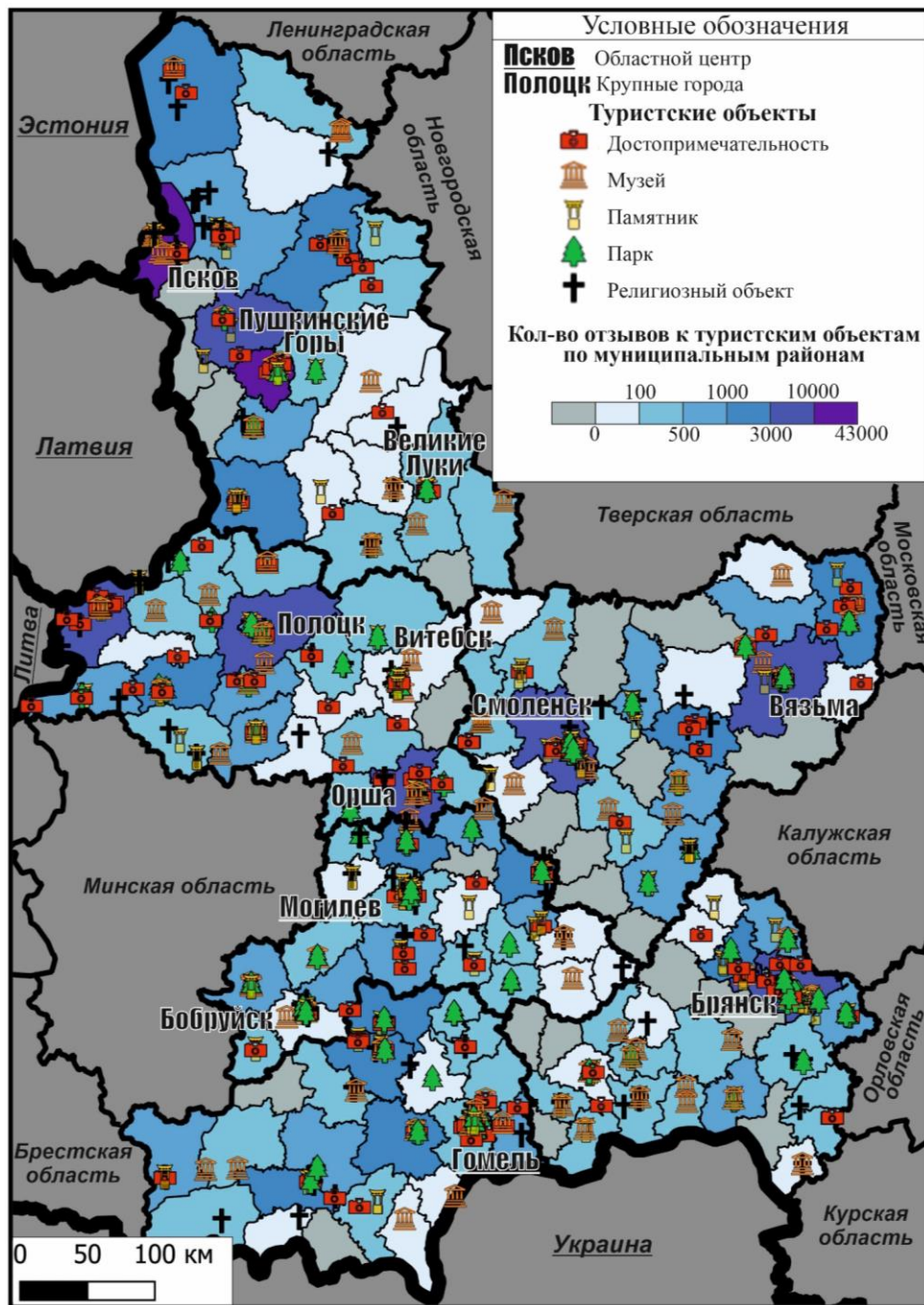

Рис. Территориальная организация аттрактивных туристско-рекреационных объектов российско-белорусского приграничья, 2023 г. [11; 12]

Выводы. Проведённый анализ позволил выявить популярные туристские объекты на территории РБП. Полученные данные также могут быть использованы для исследования влияния транспортной доступности, уровня социально-экономического развития и других факторов на развитие туристских дестинаций. Количество оставленных отзывов о достопримечательностях позволяет сравнить привлекательность территорий и выделить относительные центры туризма, а также отстающие территории.

В регионах с большим количеством популярных достопримечательностей создана вся необходимая туристская и сопутствующая инфраструктура, поэтому большая часть туристов готова делиться своими впечатлениями в сети, в том числе, и оставляя отзыв. Низкие же показатели отзывов говорят не столько о незначительной ценности самих объектов, сколько об крайне низком уровне attractiveness и туристской инфраструктуры района.

На основе картографической информации можно говорить о планировании трансграничных туристских маршрутов, раскрывающих уникальный потенциал приграничья. Реализация трансграничного маршрута, проходящего через туристские центры, может способствовать модернизации инфраструктуры и малого предпринимательства вдоль задействованных транспортных путей [9]. Создание трансграничного маршрута может стать толчком для развития туризма в районах, имеющих туристский потенциал, который не реализован в должной мере.

Библиографический список

1. Вольхин Д. А. Информационно-имиджевая составляющая трансграничного сотрудничества вдоль западного пограничья России // Балтийский регион – регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного порубежья. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2018. С. 114–125.
2. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. URL: <http://gossписок.gov.by> (дата обращения: 21.09.2023).
3. Особо охраняемые природные территории и объекты России (ООПТ). Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: <https://www.mnr.gov.ru/activity/oopt> (дата обращения: 21.09.2023).
4. Особо охраняемые природные территории Республики Беларусь Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь URL: https://www.minpriroda.gov.by/ru/osob_ohran-ru (дата обращения: 21.09.2023).
5. Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы. Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. URL: <https://xn--c1anggbpdf.xn--p1ai/documentation> (дата обращения: 22.08.2023).
6. Российско-белорусское приграничье: вызовы межстоличного положения / А. П. Катровский, Е. А. Антипова, В. Л. Бабурин [и др.]. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2022. 308 с.
7. Сапрыкина Н. В. Методы применения пользовательского контента в маркетинге / Н. В. Сапрыкина, Е. В. Шаповалова // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2015. № 4-1(18). С. 48–54.
8. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Официальный сайт Минкультуры России. <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (дата обращения: 21.09.2023).
9. Степанова С. В. Трансграничные туристские маршруты: возможности Северо-Запада России / С. В. Степанова // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 129-151. DOI 10.5922/2074-9848-2017-4-7.
10. Терских М. В. Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе (маркетинговый потенциал) / М. В. Терских // Политическая лингвистика. 2014. № 4(50). С. 274–283.
11. Яндекс Карты. URL: <https://yandex.ru/maps> (дата обращения: 21.09.2023).
12. Google Maps. URL: <https://www.google.com/maps> (дата обращения: 21.09.2023).
13. Reyes-Menendez A, Saura JR, Filipe F. The importance of behavioral data to identify online fake reviews for tourism businesses: a systematic review. PeerJ Comput Sci. 2019. 21 p.

CONTENT ANALYSIS AS A METHOD FOR STUDYING THE SPATIAL ORGANIZATION OF THE TOURIST AND RECREATIONAL SPHERE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER REGION

A. K. Nizhnikova

Immanuel Kant Baltic Federal University

Kaliningrad, Russia, e-mail: stasynizhnikova@gmail.com

The article defines the features of territorial organization and attractiveness of tourist and recreational resources of the Russian-Belarusian borderland by means of content analysis. The relevance of studying this territory is explained by the fact that the Republic of Belarus has long been a reliable political partner of the Russian Federation. The author considered the most popular tourist objects with user reviews on two popular services. The types and the most popular tourist objects were identified. The result of the study was the identification of leading and lagging behind municipal districts of the border region by the level of tourist attractiveness using the cartographic method.

Keywords: tourism and recreational sphere, Russian-Belarusian border area; content analysis; tourism resources.

О ЦИФРОВОМ РАБОЧЕМ МЕСТЕ СТУДЕНТА-ГЕОГРАФА**П.А. Обухов***Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Россия**e-mail: obukhov.pa@yandex.ru*

В статье рассматриваются основные вопросы, возникающие при постановке задачи по организации рабочего места студента-географа с учётом ожидаемого внедрения федеральной цифровой образовательной платформы. С использованием методов и инструментов, присущих процессно-целевому подходу, определяются концептуальные характеристики студенческого рабочего места, интегрированного в цифровую модель учебного заведения. Результатом работы являются общие требования, предъявляемые к цифровому рабочему месту студента-географа.

Ключевые слова: географическое мышление; процессно-целевой подход; цифровая образовательная среда; цифровое рабочее место.

Постановка проблемы. В ежегодном докладе Правительства РФ «О реализации государственной политики в сфере образования» отмечаются качественные сдвиги в формировании общестрановой цифровой образовательной среды (передовой, современной и безопасной), что к 2024 г. означает обновление информационно-коммуникационной инфраструктуры, подготовку кадров, создание федеральной цифровой образовательной платформы [2]. Современная парадигма географии как модель научной деятельности, направленной на формирование картины окружающего мира и организацию общества в пространстве и во времени [7], предполагает использование цифровых технологий в географии [9] не в меньших, но, пожалуй, даже в больших масштабах, чем в жизни общества в целом. Особое географическое мышление [3], предусматривающее способность видеть пространственную картину мира комплексно и в динамике, во всё большей и преобладающей мере начинает основываться на цифровом моделировании. Возникает необходимость в системной постановке вопроса об организации обучения студентов-географов в такой цифровой среде, которая дала бы возможность сформировать их географическое мышление в соответствии с современной пространственно-временной парадигмой и на основе адекватного (цифрового) инструментария.

Методы и инструменты. Модель образовательной деятельности в условиях цифровизации в целом описана [4], информационные платформы типа «цифровой университет» в настоящее время функционируют практически в каждом высшем учебном заведении. На этих платформах с большей или меньшей последовательностью и связностью реализуется универсальный подход цикличности де-

тельности и добавленного качества (результата), представленный в наиболее общем виде в трудах В. В. Леонтьева, Н. Н. Колосовского, М. Ю. Портера, У. А. Деминга, А.-В. Шеера [5]. Общий цикл университетской образовательной деятельности включает в себя встроенные циклы субординарных организационных единиц, таких как филиал, факультет, кафедра, а также персональные циклы основных непосредственных участников образовательной деятельности, то есть преподавателей и студентов. Очевидно, что по мере развития и повышения уровня зрелости университетских образовательных платформ встроенные циклы всех уровней будут приобретать всё более законченный и структурно обособленный вид. Само наличие развитой цифровой среды предполагает обособление в её составе ролевых рабочих мест, обеспечивающих каждому конкретному оператору возможность комплексно (без каких-либо исключений) реализовать из единой точки любой пакет действий, предусматриваемых данной ролью. В соответствии с принятой в сфере образования системой менеджмента качества ко всем процессам, включая процессы, захватывающие непосредственно студента, применяется цикл «Планирование – Осуществление – Проверка – Действие» (PDCA) [1]. В отношении цифровой архитектуры рабочего места студента-географа речь идёт о системе вложенных циклов: от полном охвате процесса обучения, начиная с поступления до выпуска студента (полный цикл); с детализацией полного цикла на циклы по каждому учебному курсу, с одной стороны, и на семестровый, недельный и ежедневный циклы, с другой стороны.

Отличительными особенностями цифрового рабочего места студента с географическим профилем образования являются:

во-первых, общий географический аспект образовательного процесса, погружение студента в географический понятийный континуум, органическое восприятие им географической культуры [8], формирование у него основ географического мышления;

во-вторых, использование в цифровой среде специфичных для географии методов и инструментов познания, включая пространственно-временное восприятие мира, его описание и логическое осмысление, картографирование, геоинформационное и процессно-целевое моделирование.

Весьма желательным (и, в не столь отдалённой перспективе, – почти безальтернативным) является создание цифрового рабочего места студента на базе стандартных программных средств и отраслевых решений (отечественных, наилучших в своём классе), согласованных географическим сообществом.

Результаты. Предусматривается, что принципиальная модель цифрового рабочего места студента географа должна основываться на следующих общих требованиях:

– нацеленность на развитие одарённости студента на основе максимального освоения им учебной программы и приобретения общих и специальных географических знаний;

– возможность определять индивидуальный профиль целевой подготовки студента и обеспечивать адаптивность самого хода обучения;

– поддержание непрерывного образовательного процесса во всей полноте и на весь срок обучения студента (включая его возможные переходы как внутри данного учебного заведения, так и в иные учебные заведения);

– формирование для каждого студента текущей и итоговой персональной базы знаний и достижений (студенческое портфолио), а также аналитического профиля его компетенций;

– формирование текущего и выпускного профиля компетентности, ответственности и лояльности студента, его соответствия требованиям профессионального стандарта «Географ» [6], доступного для заинтересованных сторон, включая квалифицированных потенциальных работодателей;

– архитектурная вложенность и технологическая бесшовная интеграция с цифровой платформой заданного географического направления учебной подготовки, факультета, учебного заведения, а также с федеральной цифровой образовательной платформой.

Модель цифрового рабочего места студента-географа должна включать в себя основные специфичные сопряжённые процессные компоненты, то есть обеспечивать связку процессов теоретического и практического изучения специальных географических дисциплин.

Рабочее место студента-географа должно базироваться на специфичном цифровой инфраструктуре, включающей в свой состав все необходимые компоненты для подготовки работника от шестого уровня квалификации и выше, способного выполнять следующие трудовые функции (обобщённо)[6]:

– получение информации географической направленности;

– подготовка аналитических материалов географической направленности в целях управления (в полном цикле PDCA) территориальными системами;

– организация и выполнение проектов географической направленности;

– проведение комплексной географической экспертизы.

Выводы. В преддверии завершения разработки и последующего широкого внедрения федеральной цифровой образовательной платформы возникает необходимость в подготовке предложений по её использованию для перехода на более высокий качественный уровень процесса обучения студентов-географов с использованием отечественных общепринятых стандартных цифровых инструментов. Определение требований к интегрированному в федеральную платформу

стандартному рабочему месту студента-географа представляет собой один из первоочередных шагов в этом направлении.

Библиографический список

1. ГОСТ Р 52614.2-2006. Руководящие указания по применению ГОСТ Р ИСО 9001-2001 в сфере образования. – М., Стандартиформ, 2007, 2020. 74с.
2. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. – М., Правительство Российской Федерации. С. 12-13. URL: <http://static.government.ru/media/files/GcesxuJA113AntFYxDYzpn0NgsV7T1vX.pdf> (дата обращения: 15.09.2023).
3. Козырева К. С. Географическое мышление: определение понятия в отечественной и зарубежной географической литературе // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, М., 30 мая 2023 года. – М., Алеф, 2023. С. 123-126.
4. Неборский Е. В., Богуславский М. В., Наумова Т. А. Модель педагогической деятельности в условиях цифровизации высшего образования // Проблемы современного образования. – 2022. – № 4. С. 87-96.
5. Обухов П.А., Обухов И.П. Цифровой инструментарий моделирования энергопроизводственных циклов (на примере туристско-рекреационной деятельности) // Туризм и региональное развитие. – 2022. – № 1(4). С. 3-18.
6. Профессиональный стандарт «Географ» (Специалист по выполнению работ и оказанию услуг географической направленности). – М., Минтруд России, 2020. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1839> (дата обращения: 16.09.2023).
7. Шарыгин М. Д. Современные проблемы пространственно-временной организации общества // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. С. 41-45.
8. Шарыгин М. Д., Лядова А. А. Географические аспекты культурных инноваций // Учёные записки Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 1(54). С. 138-147.
9. Шарыгин М. Д., Столбов В. А. Перспективы применения цифровых методов в исследованиях территориальных общественных систем // Цифровая География: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том II. – Пермь., Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 123-126.

ABOUT THE GEOGRAPHY STUDENT DIGITAL WORKPLACE

P. A. Obukhov

State University of Education, Mytishchi, Russia

e-mail: obukhov.pa@yandex.ru

The article discusses the main issues that arise when setting the task of organizing a workplace for a geography student, taking into account the expected implementation of the federal digital educational platform. Using methods and tools inherent in the process-target approach, the conceptual characteristics of the student workplace integrated into the digital model of the educational institution are determined. The result of the work is the general requirements for the digital workplace of a geography student.

Key words: geographical thinking; process-target approach; digital educational environment; digital workplace.

КОГНИТИВНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: ВЗГЛЯД ЖИТЕЛЕЙ

Н.И. Ташкинова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия, e-mail: tadrad555@gmail.com*

В статье приведены результаты исследования в области когнитивной географии. В рамках исследования было собрано и проанализировано 89 субъективных карт. Выявлены часто упомянутые города и их ассоциации.

Ключевые слова: субъективные карты, когнитивные карты, ассоциации городов.

Восприятие пространства – важная способность человеческого сознания, позволяющая представить окружающий мир: величину и форму предметов, их взаимное расположение. Географическая наука долгое время концентрировалась на изучении реального геопространства. Однако в последние годы начались исследования и в области когнитивной географии, однако они до сих пор носят единичный характер и остаются остроактуальными.

В поле зрения данного исследования находятся особенности восприятия географического пространства России его жителями. Их выявление позволит в перспективе лучше понять процессы самоидентификации населения, причины и факторы формирования патриотических настроений, механизмы формирования территориальных общностей людей, связь географической культуры и когнитивно-географических особенностей.

Базой исследованы стали когнитивные карты студентов географического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (пример на рис.1). Теоретической и методологической основой исследования стали работы А.Л. Андреева В.В. Абашева, Д.Н. Замятина, В.Л. Каганского, Б.Б. Родомана, П.С. Ширинкина, Е.А. Сильнова, Ж.Т. Тощенко. Основными методами работы стали: описательный, аналитический, социологический, сравнительно-географический, структурный, статистический, математический, картографический.

7. *Город Мурманск* – Кольский полуостров, незамерзающий порт, северное сияние, холод.

8. *Город Владивосток* – порт, рыболовство, граница, восток, Япония, Китай.

Рис. 2. Визуализация ассоциативного ряда часто упомянутых городов (составлено Н.И. Ташкиновой)

В ходе визуальной оценки можно сделать вывод о том, что уровень географической культуры достаточно явно отражается на картах, которые сделали студенты. Стоит отметить, что более сложные когнитивные карты получились благодаря высокому уровню географических познаний. Другими словами, более заполненные карты получились у студентов с более высокими знаниями в области географической науки и восприятия географического пространства и наоборот.

Библиографический список

1. Виды ментальных карт. URL: https://gorod24.online/crimea/news/316784-vidyi_mentalnyih_kart.html (дата обращения 29.10.2023).
2. Геттнер А. География: ее история, сущность и методы / Монография. Под ред. Баранского Н.Н. Л.-М.: Гос. изд-во, 1930. 416 с.
3. Когнитивные карты. Ментальная репрезентация. URL: <http://www.effecton.ru/265.html> (дата обращения 29.10.2023).

COGNITIVE – GEOGRAPHICAL SPACE OF RUSSIA: RESIDENTS' VIEW

N.I. Tashkinova

^b Perm State University,

Perm, Russia, e-mail: tadrad555@gmail.com

The article presents the results of research in the field of cognitive geography. As part of the study, 89 subjective cards were collected and analyzed. Frequently mentioned cities and their associations are identified.

Key words: subjective maps, cognitive maps, city associations.

ПОТЕНЦИАЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕШЕНИИ ПРИКЛАДНЫХ ЗАДАЧ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

С.Ю. Турханова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, e-mail: sofa.geo.perm@yandex.ru*

В статье рассмотрены проблемы подготовки отечественных географов-обществоведов с точки зрения эффективности применения их знаний, умений и навыков в практической деятельности. Проанализирован опыт автора применения полученных компетенций в реальной практике.

Ключевые слова: географическое образование; прикладная задача; практическое применение; навык

В современном мире, получая высшее образование, человек, как правило, выходит специалистом в определённой области научных знаний. Вопрос – какие прикладные задачи может решать специалист-географ на современном этапе развития российского общества – на наш взгляд, остаётся весьма актуальным. Приведём примеры из личного опыта.

Существует несколько факторов, от которых в дальнейшем зависит судьба начинающих географов. Во-первых, это индивидуальные научные интересы. Человек, поступая на данное направление, в идеале, осознаёт свой выбор и чётко понимает, куда он идёт. В связи с этим, он имеет определенный план по реализации и углублению своих знаний. Во-вторых, это тематика научной школы, в которую абитуриент поступил. Каждый университет или институт, который имеет в составе географическое направление, уделяет особое внимание отдельной части науки. Например, пермская географическая школа рассматривает вопросы функционирования и развития территориальных общественных систем, казанская школа акцентирует внимание на картографии и математических методах, учёные Санкт-Петербурга на сегодняшний день в числе прочего подробно изучают пространственную организацию городов, московская школа остаётся классической, а именно, экономической, демографической, страноведческой. Безусловно, географических школ в России больше, поэтому необходимо понимать, что каждая из них даёт уникальный багаж знаний и навыков для студента.

После изучения теоретической базы студент приступает к применению полученных знаний и навыков, то есть к практике. Организация этого процесса в каждом университете устроена по-своему, но компетенции и стандарты схожи. На начальном этапе или в первый учебный год студенты осваивают общегеографические дисциплины, учатся строить геолого-геоморфологический профиль местности, гидрографический профиль русла реки, почвенный профиль, делают

расчёты по топографическому плану. Следующий этап, на наш взгляд, стоит считать переходным, но не менее важным. В рамках него студенты учатся создавать базовые карты (осваивают программное обеспечение), проводят небольшие социологические опросы населения, исследуют, описывают и анализируют территории населённых пунктов с точки зрения их организации, внутренних и внешних связей.

Особое внимание уделим производственной и преддипломной практике, так как в рамках этих мероприятий студент максимально погружается в профессию. Исходя из личного опыта важно отметить, что для каждого направления есть возможность выбрать место практики согласно научным интересам. Занимаясь изучением отраслей промышленности, стоит обратить внимание на ведущие предприятия, а именно, посетить их музеи, изучить производственные циклы, провести интервью или беседу с работниками, специалистами. Это поможет детально познакомиться с отраслью, а в дальнейшем проводить сравнительный анализ, давать рекомендации по расширению контактов с другими предприятиями. Географ чётко понимает специфику отрасли, имеет представление о стадиях производства, знает особенности размещения по территориям разного масштаба, а значит, может давать конкретные рекомендации по целям сотрудничества или кооперации, рынкам сбыта, увеличению точек производства.

Если сфера интереса студента социальные аспекты жизнедеятельности человека, перечень мест прохождения практики значительно расширяется. Студенты-географы изучают демографические и миграционные процессы, происходящие в разных частях земного шара, при этом объясняют их причины, могут создавать прогнозы при наличии данных. Особое внимание на сегодняшний день учёные уделяют поведению человека, включая индивидуальные элементы жизнедеятельности. География преступности, геомаркетинг, география футбола, медицинская география – это малая часть примеров современных направлений исследований. Важная особенность состоит в том, что географы способны визуализировать полученную информацию с помощью карт.

В дополнение к этому география уделяет внимание оценке качества жизни населения. Это интегральное понятие, всесторонне характеризующее степень комфортности среды жизни и деятельности человека и уровень благосостояния, социального и духовного развития личности [2]. Такое определение приводит С.А. Меркушев в своём труде, рассматривая территориальные различия в качестве жизни городского населения на примере Пермского края. Именно на качество городской среды был сделан акцент в ходе преддипломной практики в Территориальном градостроительном институте АО «Красноярскгражданпроект» на базе Мастерской градостроительного проектирования [3]. Эта организация занимается разработкой планов городов, проектированием зданий и сооружений.

Наряду с ранее поставленными задачами по Красноярску, куратором практики от института было дано задание оказать помощь в разработке Генерального плана Ульяновска.

В результате практики был освоен важный навык работы с геоинформационными системами, а именно, QGIS и ArcGIS. Необходимо подчеркнуть, что знания, полученные в университете, пригодились, но оказались исключительно базовыми. В связи с этим в процессе работы в основном руководствовались самостоятельным поиском информации. Таким образом, был освоен плагин QGIS (QuickMapServices), позволяющий получать векторные слои с подложки OpenStreetMap. С его помощью создавались карты пешеходно-променадных каркасов больших центров городских населённых пунктов для ВКР, а также разработана карта зелёного каркаса города Ульяновска. Это означает, что поставленная прикладная задача была выполнена и в дальнейшем опыт её решения будет использован.

Современная система образования опирается на самостоятельное изучение университетских дисциплин. Эффективность данной методики, на наш взгляд, пока не доказана, а из этого следует, что уровень знаний студентов становится ниже, чем был ранее. Следующая проблема, а точнее, недостаток – применение дистанционных методов в обучении. Безусловно, это решение являлось единственно верным в период пандемии и позволило открыть новые методы исследований. Однако для студентов-географов особенно важно выезжать на местность, так как это позволяет расширять кругозор, проводить более детальный анализ и оценивать текущую ситуацию. Одной из ключевых проблем, которая тесно связана со самостоятельным обучением, является сокращение часов специальных географических дисциплин. Курсы, написанные мэтрами советской экономической географии и не только – это база, которой нельзя лишать студентов.

Сталкиваясь с прикладной задачей, географ способен решить её независимо от направления, благодаря анализу ситуации, установке причинно-следственных связей и проведению необходимых расчётов. Результатом такой работы может стать построенная карта, статистический прогноз, спроектированный объект благоустройства городской среды, конкретный алгоритм действий по разрешению проблем территории. Это означает, что возможности для реализации полученных знаний есть, они определённо принесут пользу обществу.

В одном из интервью советский и российский географ-обществовед М.Д. Шарыгин выразил следующую мысль: «Географы рассматривают мир через другую призму, чем обычный человек. Географы охватывают взглядом всё околоземное пространство, но в то же время достаточно чётко приземлены и могут мыслить локально и регионально» [1]. Эта фраза пермского учёного как нельзя лучше

описывает сущность географического образования. На сегодняшний день необходимо продолжать действовать в этом направлении, но дополнять теоретические знания практическим инструментарием и наработанным опытом.

Библиографический список

1. Географы-обществоведы рассуждают: Михаил Шарыгин. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wtYGRL8jvTE> (дата обращения: 22.09.2023).
2. Меркушев С.А. Качество жизни населения городских поселений Пермской области: Территориальный анализ: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Пермь, 1997. 16 с.
3. Об институте / АО Красноярскгражданпроект. URL: <http://www.krasgp.ru/ru/institute/ob-institute> (дата обращения: 21.09.2023).

THE POTENTIAL OF GEOGRAPHICAL EDUCATION IN SOLVING APPLIED TASKS: OPPORTUNITIES AND PROBLEMS

S. U. Turkhanova

Perm State University, Perm, Russia, e-mail: sofa.geo.perm@yandex.ru

The article examines the options for the practical application of geographers' knowledge, describes a specific example from the author's personal experience, identifies the problems and opportunities of geographical education at the university.

Keywords: geographical education; applied task; practical application; skill

Научное издание

**Пространственная организация общества:
теория, методология, практика**

Сборник материалов
I Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием,
посвященной памяти профессора Михаила Дмитриевича Шарыгина
(г. Пермь, ПГНИУ, 7–11 ноября 2023 г.)

Издаётся в авторской редакции
Техническая подготовка и обработка материалов: *Е. В. Коньшев*

Объем данных 10,1 Мб
Подписано к использованию 27.12.2023

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15